Кн. Сергѣй Волконскій

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

ЛАВРЫ

СТРАНСТВІЯ

Книгозбірня
„СТУДІОНУ“
у Львові

Отпечатано въ типографіи Р. Ольденбургъ въ Мюнхенѣ, въ мартѣ тысяча девятьсотъ двадцать третьяго года, въ количествѣ четырехъ тысячъ экземпляровъ. Всѣ права сохраняются за авторомъ, въ томъ числѣ и право перевода на иностранные языки.

10

Кн. Сергѣй Волконскій.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

II. 750.
Львів. Бібліотека
Ан. УРСР

Лавры. Странствія.

Книгозбірня
„СТУДІОНУ"
у Львові

К-во „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ."

Кн. Сергѣй Волконскій.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

ЛАВРЫ.

(Искусство, артисты, критика.)

II.

СТРАНСТВІЯ.

(Страны, люди, портреты.)

III.

РОДИНА.

(1860—1922.)

990.

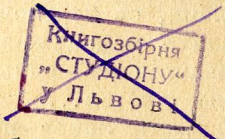
Книгозбірня
„СТУДІОНУ"
у Львові

ЛАВРЫ.

Лв. ст. Гл Эстн. Лайв
СОР - 1949

.001

Львівська державна
наукова бібліотека
950

ЛАВРЪ! Что можетъ быть восхитительнѣе того, что этимъ звукомъ въ нашемъ представленіи вызывается! Символъ всего высокаго; символъ высокихъ достиженій и высокихъ признаній; символъ высокихъ полетовъ, заоблачныхъ пареній. «Грозная вьюга вдохновенья», «облеченная въ святой ужасъ и блистаніе глава», «смущенный трепетъ» и «величавый громъ другихъ рѣчей». Какія только картины не встаютъ въ воображеніи нашемъ при воспоминаніи о крѣпкомъ, зеленомъ, лоснящемся листкѣ? Отъ побѣдителя на олимпійскихъ играхъ до вѣнчанія Петрарки въ Капитоліи; отъ увѣнчаннаго хмураго чела Наполеона до засыпанной вѣнками, въ улыбкѣ утопающей танцовщицы; отъ красногубой задорной шансонетки, грызущей пахучіе листы, до недвижнаго лика смерти, блѣдно почіющаго въ темно-живой зелени; отъ пыльнаго шелеста изсохшихъ вѣнковъ, перевитыхъ блеклыми лоскутьями умолкнувшихъ восторговъ, до благоуханнаго пара, поднимающагося изъ кипящаго котелка. Сколько васъ, листьевъ, и какъ разно человѣкъ съ вами обходится. И брызгами взлетающій въ воздухъ зеленый фонтанъ, и дрожащими крылами ниспадающій, на землю возвращающійся дождь, и къ землѣ клонящіяся, на плиту могильную ложащіяся вѣтки!... Весь человѣкъ, и духъ и прахъ его — подъ лаврами.

А само дерево? И какъ только это случилось, что именно его выбралъ человѣкъ выразителемъ своихъ полетовъ, своихъ восторговъ, своего благоговѣнія? Но ужъ другой древесный знакъ былъ бы немыслимъ, какъ немыслимъ иной знакъ мира земного, кромѣ оливы, иной знакъ мира духовнаго, кромѣ пальмы, иной знакъ силы гражданственной, кромѣ дуба, иной знакъ скорби, кромѣ ивы плакучей. Дивное дерево, — могучіе корни, своенравный стволъ, странныя вѣтви, таинственная шапка, священные листы. Въ шелестѣ ихъ говоритъ исторія мысли человѣческой, отъ оракуловъ древности до скончанія земного міра. А запахъ ихъ! Какъ они ломаются, когда ихъ мнешь! Войдите въ старый итальянскій садъ, въ молчаливые ходы межъ его зеленыхъ стѣнъ; войдите въ то время, когда только что пострижена садовникомъ, выравнена ножницами темная растительная гладь. Слышите терпкій, живительный запахъ? Этимъ запахомъ дышатъ

вь своихъ зеленыхъ углубленіяхъ мраморныя изваянія; этотъ запахъ прорѣзаютъ дерзкіе, изъ мраморныхъ скважинъ вырвавшіеся водометы; въ безмолвіи этого запаха каменныя, мхомъ обросшія лохани, съ переполненныхъ краевъ роняютъ лѣнивый лепетъ своихъ немолчно-звонныхъ струй. Немолчная вода, нѣмыя изваянія и — сильный запахъ растительной жизни сквозь раненые листья...

Физическая сущность лавра погружаетъ въ покой, запахъ утѣшаетъ, и цѣлительный сокъ навѣваетъ дрему; духовная его сущность будитъ вниманіе, настораживаетъ око, и лавры Мильтіада съ раскрытыхъ вѣждъ Ѳемистокла отгоняли сонъ. За то, кто ими вѣнчанъ, тотъ на нихъ почіетъ. Путь къ лавру — въ гору, изъ низинъ; лавръ — на горѣ, и все кругомъ — внизу. До лавра — трудъ, борьба, побѣда; за лавромъ — слава; но не одна, — вкругъ нея и лесть и зависть и ядъ «упоительнаго курева»: всѣ низины людскія кишатъ подъ гордою, раскидистой главой, и змѣи пресмыкаются и корчатся подъ дымомъ ѳиміама...

Все это встаетъ въ моемъ сознаніи, когда берусь за перо, чтобы развернуть воспоминанія о тѣхъ дѣятеляхъ искусства, съ которыми пришлось мнѣ встрѣтиться, поговорить о тѣхъ вопросахъ искусства, которымъ я удѣлялъ вниманіе на жизненномъ пути. «Лавры» я назвалъ первую часть моей книги. Думаю, понятно — почему. Не объ одномъ искусствѣ будетъ здѣсь, и боюсь даже, объ искусствѣ меньше всего; но все — отъ искусства. Вѣдь и отъ солнца — расцвѣтаютъ цвѣты и зарождаются черви. Лучи Аполлона жгутъ и не знаютъ, что они зажигаютъ, а еще меньше знаютъ, что зажигается отъ ихъ отраженнаго свѣта. Но лавръ произошелъ прямо отъ его огня.

Спасаясь отъ лучей вожделѣющаго бога, младая нимфа Дафна не могла нигдѣ укрыться. Знойныя стрѣлы преслѣдовали, жгли ее, — она изнемогала, руки взывали къ небу, дыханье тяжелѣло, ноги отказывались, — отказывались и остановились, — остановились и вросли въ землю. Подъ горячимъ приближеніемъ влюбленнаго бога изъ вскинутыхъ пальцевъ брызнули ростки зеленыхъ листьевъ, зеленой купой поднялись длинные бѣлокурые волосы, съ послѣднимъ проблескомъ достигнутаго покоя закатились когда-то страстные глаза, — и юный трепещущій богъ, настигнувшій нимфу, остановился передъ лавровымъ деревомъ...

Такова исторія нимфы Дафны и бога Аполлона. Таково, по греческой миѳологіи, сей дивной сказкѣ человѣчества, происхожденіе Лавра.

I.

Росси. Сальвини. Любительскіе спектакли въ Петербургѣ. Памяти Алексѣя Стаховича. Андріе. Нѣсколько впечатлѣній Comédie Française.

Я былъ гимназистомъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый итальянскій трагикъ Эрнесто Росси. Это было въ 1877 году, и съ тѣхъ поръ — мой интересъ къ вопросамъ театра. Никогда не забуду перваго представленія; онъ началъ съ «Отелло». Не могу описать впечатлѣнія. Это было что-то новое, громадное; новыя стороны жизни, новыя формы человѣчества, новый міръ на нашей-же землѣ. Помню, что все вокругъ меня поблекло, потускнѣло: все реальное стало призрачно, и только это было дѣйствительно. Въ теченіе всего великаго поста, пока длились представленія, я жилъ какъ во снѣ, я былъ въ туманѣ. Мы имѣли абонементъ, но пользовались каждымъ случаемъ, чтобы попасть въ Маріинскій театръ. Родители были въ дружескихъ отношеніяхъ съ графиней Адлербергъ, женою тогдашняго министра Двора, и часто мы ѣздили въ большую министерскую ложу. Тамъ была маленькая дверь и винтовая лѣстница, эта лѣстница была моимъ первымъ мостомъ въ завѣтный міръ сцены.

Однажды я отдалъ капельдинеру письмо съ просьбой отнести по адресу. Каюсь, слѣдующій актъ я плохо слушалъ,— такъ билось мое сереце. Но въ антрактѣ капельдинеръ вернулъ мнѣ конвертъ, и я съ гордостью показалъ родителямъ и брату фотографію Росси съ собственноручной подписью. Фотографію эту я купилъ въ магазинѣ Даціаро и послалъ ему при французскомъ письмѣ, надъ которымъ прокорпѣлъ часа три... На слѣдующемъ представленіп мы съ братомъ набрались храбрости и попросили капельдинера провести насъ въ уборную Росси. Мы застали нашего божественнаго Гамлета, курящаго сигару. Мы представились; я сказалъ, что пришелъ поблагодарить за подпись. Помню совсѣмъ особенное впечатлѣніе, когда услышалъ, какъ этотъ же звонкій голосъ, который говорилъ съ Офеліей и съ Гораціемъ сло-

вами Шекспира, вдругъ заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, обыкновенную житейскую дребедень. Мы съ благоговѣніемъ смотрѣли на разложенные и развѣшанные костюмы, на гримировальные карандаши, банки вазелина, лавровые вѣнки и ленты. Въ уборной стояла суматоха отъ входящихъ и выходящихъ, отъ повторяемыхъ вопросовъ, неразслышанныхъ отвѣтовъ. Тутъ былъ Корсовъ, нашъ извѣстный баритонъ, близкій другъ Росси. Въ сторонѣ стояла красивая полная бѣлокурая женщина. «Voilá Madame», сказалъ Росси. Это была француженка; онъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, всегда возилъ съ собой какую-нибудь временную подругу; эту звали M-e Gachet; она, улыбаясь, смотрѣла на насъ; она держала въ рукѣ нѣсколько лавровыхъ листиковъ, пощипывала ихъ красными губами, прикусывала бѣлыми зубами и сказала, подмигивая: «Ça fera une bonne soupe».

Разъ, послѣ представленія, выходя изъ театра пѣшкомъ, мы съ братомъ увидали у артистическаго подъѣзда небольшую кучку людей; подошли, — оказались поклонники и поклонницы, ожидавшіе его выхода. Тутъ я познакомился съ ужаснымъ явленіемъ, — театральныя психопатки, кликуши искусства. Ждать на морозѣ или въ грязи, трепетать при каждомъ движеніи раскрывающейся двери, осматривать его карету, заговаривать съ его кучеромъ. — какое счастье! Поражала меня эта сплоченность, эта дружба, публичность этого оказательства своихъ чувствъ; это полное отсутствіе ревности, эта взаимная исповѣдь, эта «коллективность», — какой-то коммунизмъ въ любви. И все это топтаніе на морозѣ или въ лужѣ ради одной минуты. Дверь отворяется, — мгновенное молчаніе; онъ появляется, закутанный въ мѣха. Гвалтъ и визгъ на всевозможныхъ языкахъ, воздушные поцѣлуи, нѣсколько цвѣтовъ взлетаетъ въ воздухъ, букетъ летитъ за нимъ въ карету, M-e Gachet проходитъ черезъ два-три объятія, столь же спѣшныхъ, сколько страстныхъ, захлопывается дверца, карета трогается... Очарованныя, въ восторженномъ молчаніи прикованы къ мѣсту... И такія «овацiи» повторялись каждый вечеръ. Ни въ одной другой странѣ я этого не видѣлъ. Въ Петербургѣ это помѣшательство было особенно развито среди посѣтительницъ итальянской оперы. Знаменитый теноръ Мазини имѣлъ цѣлый хвостъ дожидавшихся его почитательницъ. Настоящія «мазинистки» ждали его не у театра, а у подъѣзда его дома[1]), — съ цвѣтами и конфетами, съ бутылками вина. Онъ выходилъ изъ кареты и, гордо проходя мимо обожательницъ, съ презрѣніемъ ози-

[1]) Артисты итальянской оперы всѣ останавливались въ большомъ домѣ на углу Исакіевской площади и Б. Морской, гдѣ была впослѣдствіи гостиница Асторія.

рая подношенія, говорилъ: — «Donnez ça à Antonio», — и поднимался въ свою квартиру. Да, прикосновеніе къ чужимъ лаврамъ для нѣкоторыхъ, очевидно, необходимое дополненіе къ художественнымъ переживаніямъ...

Наше привиллегированное положеніе за кулисами не долго продолжалось: директоръ Императорскихъ театровъ Баронъ Кистеръ сдѣлалъ намъ съ братомъ строгое внушеніе и просилъ на сцену не ходить. Такъ прогнали меня оттуда, гдѣ двадцать два года позднѣе я самъ былъ хозяиномъ... Пришлось подчиниться; по лѣстницѣ мы уже не спускались, но дверь пріотворяли и съ замираніемъ сердца и съ притаившимся дыханіемъ сторожили, какъ въ темной закулисной пыли, подобравъ полы мантій, проходили короли и королевы, сталкиваясь съ какими-то господами въ пиджакахъ, съ рабочими въ рубахахъ и съ пожарными въ блестящихъ шлемахъ...

Пріѣзду Росси я обязанъ не однимъ пробужденіемъ театральнаго интереса. Черезъ него я узналъ Шекспира: онъ игралъ «Отелло», «Макбета», «Короля Лира», «Коріолана», «Ромео и Джульетту», «Венеціанскаго купца». Черезъ него я узналъ итальянскій языкъ, т. е. освоился съ нимъ настолько, чтобы и свободно понимать его, и сильно ощущать его красоту. Наконецъ, черезъ него я увидѣлъ и позналъ смыслъ и художественную силу техническихъ пріемовъ. Удивительно, какъ съ того времени уже мое наблюденіе было направлено на то, чтобы уловить, — какими средствами достигается то или другое впечатлѣніе. Въ минуты самаго сильнаго волненія я не утрачивалъ интереса къ техническомъ пріемамъ игры: меня побѣждало то, что онъ дѣлалъ, но все время я слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ этого достигалъ. Отчетливо помню, какъ въ «Макбетѣ», въ сценѣ послѣ убійства, когда онъ, растерянный, стоитъ посреди двора, и раздается стукъ въ ворота, помню, какъ въ его недвижной фигурѣ при каждомъ ударѣ вздрагивали кисти рукъ. Помню въ «Гамлетѣ», когда онъ срывалъ съ груди матери портретъ дяди-вотчима и бросалъ его объ полъ, трижды повторяя: «a terra!» — помню, какъ онъ передъ третьимъ выкрикомъ заносилъ ногу и, ударивъ ею объ полъ, останавливался, какъ вкопанный. Помню, какъ ясно я ощутилъ, что вся побѣдоносность получалась отъ мгновенно наступившей послѣ движенія остановки. Еще помню въ «Королѣ Лирѣ», когда старикъ, раскаявшись, прижимаетъ Корделію къ своей груди, — помню руку его съ растопыренными пальцами, ладонью крѣпко прижатую къ спинѣ дочери и напряженно и безпорядочно ерзающую по этой

спинѣ. Сколько любви, успокоенія и мятущейся слабости было въ этомъ движеніи. Много лѣтъ позднѣе, играя «Ѳедора Іоанновича» въ домашнемъ спектаклѣ, въ домѣ моего отца, я вспомнилъ это движеніе руки — въ IV дѣйствіи, когда Ирина кидается къ нему со словами: «Вѣдь этого не будетъ!» — Я вспомнилъ двнженіе руки Короля Лира, когда въ отвѣтъ на восклицаніе Ирины, обнималъ ее со словами: «Нѣтъ, не будетъ». Если я не забылъ эту подробность, это потому, что послѣ нашего спектакля подошелъ ко мнѣ поэтъ Майковъ и въ числѣ другихъ сценъ, ему понравившихся, указалъ на эту: «Этой рукой, сказалъ онъ, вы поднялись выше текста». Упомяну еще объ одномъ моемъ заимствованіи. Въ трагедіи Казимира Делявинь «Людовикъ XI» Росси былъ восхитителенъ въ сопоставленіяхъ жестокости и набожности. Его ермолка была увѣшана крестиками; и вотъ въ одномъ мѣстѣ онъ изрекаетъ кому-то смертный приговоръ и тутъ же вслѣдъ снимаетъ ермолку и цѣлуетъ одинъ изъ крестиковъ. Играя «Ивана Грознаго» на одномъ изъ домашнихъ спектаклей у Графа Александра Дмитріевича Шереметева, я примѣнилъ это въ концѣ первой сцены. Когда бояре пришли просить Іоанна не оставлять престола, онъ начинаетъ облачаться надѣваетъ бармы, потомъ беретъ со стола нагрудный крестъ и, съ крестомъ въ рукѣ озирая бояръ, вдругъ говоритъ: «Я Сицкаго не вижу между вами». Ему отвѣчаютъ, что онъ не хотѣлъ идти просить царя. «Не хотѣлъ?... Голову съ него долой». Набожно цѣлуетъ крестъ и надѣваетъ его на себя. За эту «находку», послѣ паденія занавѣса, я очутился въ объятіяхъ извѣстнаго нашего актера Николая Ѳедоровича Сазонова.

И еще одно я ясно понялъ, — преимущества, ораторскія и пластическія, латинской расы. Поразительно согласіе съ законами природы: чему другимъ такъ много надо учиться, то у нихъ въ крови. И чѣмъ-то далекимъ и очень мало совершеннымъ представился мнѣ тогда нашъ русскій театръ, и это осталось навсегда. И больше чѣмъ когда-либо, теперь, послѣ моего уже трехлѣтняго учительства въ области декламаціи и мимики, убѣждаюсь я въ низкомъ художественномъ уровнѣ нашего русскаго матеріала. Только послѣ долгаго воспитанія можно обработать этотъ матеріалъ. А гдѣ оно, воспитаніе? Теперь, когда въ такой модѣ все «краткосрочное», когда въ четыре мѣсяца хотятъ создать инструкторовъ, актеровъ, дипломатовъ, припоминается мнѣ разсказъ, слышанный не помню отъ кого. Одинъ богатѣйшій американецъ, изъ быстро разбогатѣвшихъ, пріѣхалъ въ Англію навѣстить своихъ знакомыхъ въ ихъ замкѣ и утромъ, выйдя погулять, увидѣлъ передъ домомъ, на газонѣ работающаго садовника.

Только кто бывалъ въ Англіи знаетъ, что такое газонъ въ англійскомъ паркѣ, этотъ ровный зеленый бобрикъ. Американецъ обращается къ садовнику съ вопросомъ, — какъ ему добиться такого газона? Все у него въ Америкѣ есть, — и домъ, и садъ, и цвѣты, и фрукты, — газона не можетъ добиться. «Ничего нѣтъ проще, отвѣчаетъ садовникъ, — вспашите, засѣйте и, когда взойдетъ, два раза въ недѣлю стригите машинкой и два раза въ день поливайте. Если такъ будете дѣлать, черезъ триста лѣтъ будетъ у васъ такой газонъ». Да, вотъ это значитъ — культура. Вернемся вспять.

Съ Росси мы познакомились. Онъ ѣздилъ къ намъ въ домъ. Моя мать говорила по итальянски, какъ итальянка; онъ часто читалъ намъ изъ Дантэ... Онъ разъ забылъ свои перчатки, мы долго хранили ихъ... Онъ пріѣхалъ и въ другой разъ, въ 1881 году, Къ своему репертуару онъ прибавилъ «Кина». Онъ былъ очарователенъ въ этой роли; помню въ особенности одну сцену въ тавернѣ, когда онъ куритъ сигару и «выкуриваетъ» герцога изъ комнаты. Другая новинка была «Христофоръ Колумбъ», — одна сцена, монологъ: Колумбъ въ темницѣ. Помню восхитительный разсказъ объ опасностяхъ долгаго, нескончаемаго плаванія, и вдругъ — на горизонтѣ — земля! Никогда не забуду этого возгласа — «La terra!!» — голосомъ высокимъ, далекимъ, заразъ дававшимъ впечатлѣніе вершины мечты, откуда онъ исходилъ, и горизонта, о которомъ онъ говорилъ. Третья новинка была «Гражданская смертъ», драма Джаконетти. Исторія каторжника, возвращающагося на родину и застающаго жену замужемъ за другимъ и дочь свою усыновленную другимъ. Великолѣпный монологъ о побѣгѣ изъ тюрьмы: визгъ пилы по рѣшеткѣ и за выставленной наконецъ рѣшеткой — свобода; незабываемо это слово — «La libertà»; въ этомъ шепотѣ былъ весь ужасъ темничнаго надзора и вся сила манящаго простора. Наконецъ, послѣдняя новинка — «Каменный Гость» Пушкина. Блескъ, нарядность этого Донъ-Жуана ни съ чѣмъ не сравнимы. Никогда не забуду сцены дуэли съ Донъ-Жуаномъ: онъ закололъ его такъ, какъ будто онъ могъ это сдѣлать съ перваго разу, но только его забавляло дразнить его, и закололъ, наконецъ, потому только, что ему надоѣло забавляться.

Его второй пріѣздъ былъ прерванъ событіемъ 1-го марта — убійствомъ Александра II. Театры были закрыты, онъ уѣхалъ. Въ его автобіографіи, вышедшей лѣтъ пятнадцать послѣ этого въ перечнѣ содержанія главы значится: «Assassinio di Alessandro II, — conseguenze fatali per me». (Убійство Александра II, — роковыя послѣдствія для меня). Увы, отъ великаго до смѣшного такъ близко, ближе всего — въ жизни

актера. Я впослѣдствіи видалъ его въ домашнемъ быту во Флоренціи. Лучше бы не видалъ. Жена — чванная, сварливая еврейка, такая же дочь и такой же мужъ дочери, и маленькій внукъ. — восьмилѣтній хулиганъ, въ честь дѣда названный Ernesto. Все это присосалось къ великому художнику, изъ его величія выкачивало деньги, а своимъ обращеніемъ съ нимъ это самое величіе обезцѣнивало. Я ему въ то время помогалъ при переводѣ на итальянскій языкъ «Смерти Ивана Грознаго». Онъ повезъ эту трагедію Алексѣя Толстого въ Россію, но я въ этой роли его уже не видалъ. Я давалъ ему совѣты относительно костюмовъ, удерживалъ отъ увлеченія «восточнымъ» характеромъ, отъ сапоговъ, загнутыхъ концами вверхъ, помогалъ произносить русскія имена, между прочимъ — Милославскій, которое ему особенно трудно давалось. Но все это, да еще въ его домашней обстановкѣ, было довольно тяжело. И болѣе, чѣмъ когда-либо, вспоминаю слова Флобера: Il ne faut pas toucher aux idoles, — la dorure en reste aux mains». (Не надо прикасаться къ кумирамъ, — позолота остается на рукахъ)... Онъ самъ взялъ на себя трудъ снять съ себя позолоту: въ своей автобіографіи онъ показалъ себя безъ грима и костюма. Трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе пошлое, чѣмъ то постоянное выдвиганіе своего «я», цитированіе собственныхъ своихъ словъ, разговоры съ разными королями, въ которыхъ самое важное всегда не то, что ему сказали, а то, что онъ отвѣтилъ.

Я зналъ и другого итальянскаго трагика — Сальвини. Они съ Росси были соперниками, и вся театральная Италія, да не одна Италія, дѣлилась на почитателей одного или другого. Они были въ холодныхъ отношеніяхъ, но въ большихъ случаяхъ, въ юбилейные дни памяти поэтовъ, они выступали вмѣстѣ, и тогда устроители, не зная, кому дать первенство, на афишахъ печатали ихъ имена крестъ-на-крестъ. Они были удивительны каждый въ своемъ родѣ. У Росси былъ голосъ, удивительный своей звонкостью; у Сальвини былъ голосъ, удивительный своею глубиной. Лучшая роль Росси была Гамлетъ; лучшая роль Сальвини — Отелло. Онъ пріѣзжалъ послѣ Росси въ 1882 году. Его репертуаръ былъ менѣе обширенъ, чѣмъ репертуаръ его соперника. Но сколько бы онъ ни игралъ, никогда ни въ чемъ онъ не превосходилъ своего Отелло. Онъ самъ сознавалъ, что въ этой роли онъ имѣлъ наибольшій успѣхъ, и объяснялъ это тѣмъ, что «не всѣ понимаютъ мученія Гамлета, не всѣмъ понятны страданія Лира, но всякій понимаетъ любовь Отелло». Эти слова во всякомъ случаѣ даютъ разгадку къ толкованію роли: онъ игралъ не ревность,

а — любовь, и въ этомъ вся прелесть его венеціанскаго мавра; сцены съ Яго — не поединки, а дѣтское, больное сердце подъ ножомъ оператора. Въ «Гамлетѣ» онъ былъ непріятенъ, разсудоченъ, сухъ. Красивая находка была у него въ сценѣ театра. Лежа у ногъ Офеліи, онъ держалъ въ лѣвой рукѣ пачку листковъ бумаги, — будто рукопись разыгрываемой пьесы; правой рукой онъ нервно перебиралъ и подкладывалъ страницы и, когда король вставалъ и уходилъ, онъ вскакивалъ, вскидывалъ руки вверхъ, и листки дождемъ падали вокругъ него на землю.

Помню забавный случай въ «Гамлетѣ», въ сценѣ съ матерью. Духъ отца появился изъ-подъ пола. Когда ему пришло время уходить, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и больше не могъ: его плащъ натянулся и не пускалъ его, — его защемило люкомъ. Онъ началъ дергать до тѣхъ поръ, пока плащъ не оторвался. Духъ ушелъ съ тряпицей на плечахъ; на полу лежало вещественное доказательство его посѣщенія. Другой смѣшной случай помню у Росси, на первомъ представленіи «Макбета». Колдуньи вызываютъ тѣни шотландскихъ королей, и вотъ, эти безплотные духи, человѣкъ восемь, девять проходили черезъ всю сцену по деревяннымъ подмосткамъ — въ сапогахъ! Эти «Короли», это были наши русскіе статисты, нашимъ русскимъ режиссеромъ представленные итальянскому гостю. Я былъ совсѣмъ юнъ, никогда къ театральной техникѣ не прикасался, но помню, какъ глубоко меня оскорбило это отсутствіе въ людяхъ любви къ своему дѣлу. Много лѣтъ позднѣе, на Александринской сценѣ шла «Снѣгурочка»; Писаревъ игралъ Мороза; расхаживая по лѣсу, огромной дубиной онъ ударялъ о землю: полъ сцены не былъ ни чѣмъ устланъ, дубина не была обмотана. И никто, — ни режиссеръ, ни завѣдующій монтировочной частью, ни бутафоръ, эту дубину доставшій, ни самъ актеръ, ею по дощатому полу ударяющій, — никто не испыталъ оскорбительности ея. Пришлось мнѣ, директору Императорскихъ театровъ, сказать: «Обмотайте дубину».

Когда я былъ назначенъ директоромъ, я написалъ Сальвини, пригласилъ его на нѣсколько представленій «Отелло» съ нашими артистами. Въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ въ Александринскомъ театрѣ вѣяло высокимъ духомъ высокой трагедіи. Увы! онъ испарился съ его отъѣздомъ... Въ антрактѣ, при открытомъ занавѣсѣ, наши артисты, выстроившись на сценѣ, поднесли ему серебряный вѣнокъ. Владиміръ Николаевичъ Давыдовъ говорилъ рѣчь и говорилъ ее — подъ суфлера! Я изъ директорской ложи видѣлъ суфлера и сгоралъ отъ стыда, когда думалъ, что Сальвини изъ всей этой длиннѣйшей рѣчи на незнакомомъ ему языкѣ одно ясно понималъ, что заранѣе

приготовленныя слова говорятся ради публики. Онъ жилъ у меня; когда мы вернулись домой, мы говорили о чемъ попало, и онъ не смѣлъ сказать, а я не смѣлъ спросить, что онъ объ этомъ думаетъ...

Въ эту зиму на сценѣ придворнаго Эрмитажнаго театра ставили въ исполненіи любителей «Гамлета» въ переводѣ К. Р. Великій Князь самъ игралъ Гамлета. Я повезъ Сальвини на одну репетицію. Великій Князь, не имѣлъ при чарующей прелести въ жизни, актерскихъ способностей; онъ на сценѣ былъ вялъ, водянистъ, съ плохимъ произношеніемъ; окружающее было не лучше; въ общемъ впечатлѣніе тоскливое, удручающее. Когда мы сѣли въ карету, Сальвини только сказалъ: «Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?» — такимъ тономъ, будто бы говорилъ: — «вѣдь, было бы такъ легко этого не дѣлать»... Онъ былъ скроменъ, добродушенъ, не очень уменъ, но — человѣкъ высокаго духа. Его автобіографія проста, благородна, близка вопросамъ искусства.

У Томазо Сальвини былъ сынъ Александръ. Отецъ не хотѣлъ, чтобы онъ шелъ на сцену; они поссорились, сынъ уѣхалъ изъ дому. Я видѣлъ Александра Сальвини въ Чикаго въ 1893 году. Онъ игралъ по англійски; это былъ прекрасный актеръ, умный, тонкій, съ блескомъ, съ увлеченіемъ. Онъ имѣлъ огромный успѣхъ; припоминаю чисто американскій пріемъ: по трамвайной линіи, ведшей въ театръ, въ которомъ онъ игралъ, на всѣхъ вагонахъ развѣвались флажки съ его именемъ. Передъ разроставшейся славой сына отецъ положилъ гнѣвъ на милость и пригласилъ его вернуться домой; сынъ пріѣхалъ, но черезъ два мѣсяца заболѣлъ и умеръ. Другой сынъ Томазо, Густаво, былъ совсѣмъ плохъ; его имя врядъ-ли выходило за предѣлы Флоренціи. Я его видѣлъ въ роли Тезея въ «Ипполитѣ» Эврипида; какъ актеръ самаго низкаго разбора, онъ выѣзжалъ на описательномъ жестѣ, — никогда не упоминалъ сердца или головы, чтобы не коснуться рукой соотвѣтственнаго мѣста своего тѣла.

Пріѣздъ Росси пробудилъ во мнѣ интересъ къ театру, къ актерству. Мы съ братомъ и съ нашимъ товарищемъ Викторомъ Барятинскимъ знали наизусть цѣлыя сцены изъ его репертуара по итальянски. Стали играть; пошли самодѣльные костюмы, потомъ самодѣльныя декораціи. Мы играли изъ «Гамлета» сцену съ матерью, — я былъ Гамлетъ, Барятинскій изображалъ мать, братъ — тѣнь отца. Въ «Макбетѣ» играли послѣднюю сцену — поединокъ съ Макдуфомъ. Послѣ этого интересъ все разрастался. Лѣтомъ въ деревнѣ, въ имѣніи моей бабушки Фалль, подъ Ревелемъ, мы поставили въ пустомъ помѣщеніи оранжереи «Le médecin malgré lui» («Врачъ по неволѣ») Мольера. Впослѣдствіи, въ Петербургѣ, въ домѣ моего отца на углу

АН. УРСР

Гагаринской набережной была зала съ настоящей сценой. Здѣсь мы ставили большія вещи по русски и по французски. Тутъ шелъ у насъ въ 1889 году «Ѳеодоръ Іоанновичъ», въ то время на сценѣ запрещенный.

Нашъ примѣръ оказался заразителенъ; пошла въ петербургскомъ обществѣ полоса любительства на широкую ногу. Въ разныхъ домахъ давались «Власть Тьмы», «Борись Годуновъ». На Эрмитажной придворной сценѣ поставили «Царя Бориса». Это былъ спектакль блистательный — для глазъ; было на сценѣ больше брилліантовъ, нежели талантовъ. Царя Бориса игралъ Александръ Александровичъ Стаховичъ, отецъ Алексѣя Александровича, который впослѣдствіи игралъ въ Художественномъ театрѣ и былъ такъ популяренъ по Москвѣ въ роли «Дяди Мики» въ «Зеленомъ Кольцѣ». Старикъ Стаховичъ былъ извѣстный театралъ, хорошій чтецъ; но роль Бориса ему совсѣмъ не удалась; его читка была вязкая, тягучая. Все вмѣстѣ было удручающе скучно и безконечно длинно. Въ спектаклѣ участвовали два Великихъ Князя, такъ несчастно кончившіе: Сергѣй Александровичъ и Павелъ Александровичъ. Павелъ почему-то считался хорошимъ актеромъ; онъ игралъ царевича Христіана Датскаго, — по моему, бездушно, однообразно, — тепленькая водица. И, однако, были дамы, плакавшія, или дѣлавшія видъ, что плакали настоящими слезами умиленія... У меня въ этомъ спектаклѣ была маленькая роль въ десять строчекъ — Миранды, папскаго нунція.

Въ связи съ этимъ забавное воспоминаніе. Въ сценѣ вѣнчанія Бориса на царство проходитъ передъ царемъ цѣлый рядъ иностранныхъ пословъ съ привѣтствіями, въ томъ числѣ и я — папскій нунцій. Докладывалъ о насъ, — или, какъ выражаются старыя дворцовыя книги, «являлъ» иноземныхъ пословъ, — Димитрій Борисовичъ Нейдгартъ, тогда преображенскій офицеръ, впослѣдствіи градоначальникъ Одессы. Однажды, на одной изъ репетицій, вмѣсто того, чтобы сказать: «Миранда, нунцій папы», онъ сказалъ: «нунцій папскій», а на слѣдующей репетиціи онъ провозгласилъ: «Миранда, нунцскій папцій». Всеобщее веселье. Только Великій Князь Сергѣй Александровичъ, который считался хозяиномъ этого спектакля, очень насупился и просилъ Нейдгарта въ другой разъ быть внимательнѣе. Но было поздно, — онъ уже не могъ владѣть собой: всякій разъ при приближеніи страшнаго мѣста, наступало замѣшательство, и онъ выпаливалъ не то, что надо. Онъ уже не старался: видя веселье, которое вызывала его ошибка, онъ вошелъ во вкусъ, и говоритъ, что на одномъ изъ представленій онъ сказалъ: «Миранда, нанскій пупцій». Но на послѣднемъ представленіи онъ пошелъ еще дальше: докладывая о шведскомъ послѣ Эрикѣ Гендриксонѣ, онъ сказалъ: — «Посолъ отъ

КНИГОЗВІРНЯ „СТУДІОН" У ЛЬВОВІ
Львівська держав наукова бібліотек 950

Свеи Эрикъ Норденстремъ». А это было имя самаго моднаго въ то время въ Петербургѣ военнаго портного. Можно себѣ представить веселье, вызванное среди всей нашей труппы, въ большинствѣ состоявшей изъ гвардейскихъ офицеровъ. Только представьте себѣ весь дворъ царя Бориса, трясущійся отъ сдержаннаго смѣха, и самого царя, въ бармахъ и шапкѣ Мономаха, прячущаго въ большой красный платокъ свое не менѣе красное лицо. Одинъ только царевичъ Федоръ, — Великій Князь Сергѣй Александровичъ, — рядомъ съ хохочущимъ отцомъ былъ мраченъ и не поддавался всеобщей заразѣ веселья...

Въ этой сценѣ, послѣ того какъ я говорилъ свое привѣтствіе царю Борису, я отходилъ въ сторону и садился на одинъ изъ табуретовъ, приготовленныхъ для отдыха пословъ; мой табуретъ былъ рядомъ съ табуретомъ Алексѣя Стаховича, бывшаго въ свитѣ англійскаго посла; мы обмѣнивались поклонами и дѣлали видъ, что «разговариваемъ о москаляхъ». Съ Алексѣемъ Стаховичемъ я былъ въ то время мало знакомъ. Впослѣдствіи онъ сталъ своякомъ моего брата Александра (оба были женаты на Васильчиковыхъ), мы видались чаще; онъ приманилъ меня къ Художественному Театру; проѣздомъ изъ Петербурга въ деревню и обратно я останавливался у него на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ другой его свояченицы, Княгини Ливенъ. Всегда находилъ въ немъ ровность отношенія, интересъ къ тому, что меня интересовало, и готовность содѣйствовать мнѣ, когда то было ему возможно. Но окончательно я сблизился съ нимъ и совсѣмъ узналъ его только въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Вотъ какъ это было.

Осенью 1918 года я пріѣхалъ въ Москву. Передъ тѣмъ я провелъ лѣто въ Тамбовѣ, гдѣ читалъ лекціи народнымъ учителямъ въ народномъ университетѣ. Передъ тѣмъ я провелъ зиму въ своемъ уѣздномъ городѣ, куда бѣжалъ изъ деревни и откуда выѣхалъ въ землю Войска Донского въ станицу Урюпино, откуда опять вернулся въ Борисоглѣбскъ и, наконецъ, въ началѣ мая ,переодѣтый солдатомъ, въ 5 часовъ утра вышелъ пѣшкомъ, чтобы съ сосѣдней станціи ѣхать въ Тамбовъ. Однимъ словомъ, обычныя скитанія травимаго но не затравленнаго буржуя... Въ Октябрѣ пріѣхалъ въ Москву, нашелъ извощика (тогда это стоило только 200 рублей) и съ котомкой платья въ одной рукѣ и котомкой бѣлья въ другой, позвонилъ у двери Алексѣя Стаховича, въ домѣ №8 на Страстномъ бульварѣ. Когда онъ вышелъ въ переднюю и мы поздоровались, я сказалъ ему, указывая на мои двѣ котомки: «Voilá tout ce qui me reste». (Вотъ все, что у меня осталось). Впрочемъ, я преувеличиваю, или вѣрнѣе сказать, уменьшаю, когда говорю, что у меня было

двѣ котомки: была третья; въ ней были мои восемь книгъ, восемь томовъ моихъ сочиненій. Эти восемь книгъ спасъ мнѣ одинъ австрійскій плѣнный. Предвидя, что моя библіотека будетъ растаскана, онъ извлекъ ихъ и почти съ опасностью жизни привезъ мнѣ ихъ въ Тамбовъ. Никогда не забуду этого иноплеменника, творившаго дѣло культуры и преданности, въ то время какъ свои творили дѣло разрушенія и злобы... Стаховичъ предоставилъ мнѣ диванъ въ своемъ кабинетѣ. Но черезъ два мѣсяца холодъ выгналъ насъ изъ нашихъ комнатъ и загналъ въ кухню. Черезъ мѣсяцъ присоединился къ намъ другой нашъ соквартирантъ, режиссеръ Художественнаго театра Мчедѣловъ. Такъ стали мы жить втроемъ въ маленькой кухнѣ, вынося наши постели на день въ холодный корридоръ. Но скоро стали выносить только одну постель; — Стаховичъ заболѣлъ, а недѣли черезъ три заболѣлъ и я. У меня оказался сыпной тифъ; меня вынесли и увезли на автомобилѣ въ больницу. Я пролежалъ мѣсяцъ. Когда выписался, я уже поѣхалъ на другую квартиру, гдѣ была мнѣ комната и уходъ. Мнѣ сказали, что Стаховичъ уѣхалъ въ санаторію, а черезъ три недѣли повѣдали, что онъ повѣсился въ тотъ самый день, когда я выписался изъ больницы.

Его страшный конецъ не удивилъ меня. И не то, что онъ говорилъ, что ему совершенно все равно будетъ умереть, уйти отъ такой противной жизни; не это приготовило меня къ извѣстію о его самоубійствѣ. Нѣтъ, а какое-то высокомѣрное отчужденіе отъ всего, что во время его болѣзни я ему разсказывалъ. Не то, чтобы его не занимали вѣсти театральныя, политическія или личныя мои дѣла: онъ выслушивалъ все съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ выслушивалъ и прежде; но разница была въ томъ, что прежде онъ слушалъ, какъ нѣчто, что его интересуетъ, а теперь выслушивалъ, какъ слушаютъ разсказъ ребенка — съ интересомъ къ разсказывающему, а не къ предмету разсказа. Страннаго свойства было это вниманіе; чувствовалось, что онъ отдавалъ самую малую долю своего «я»; онъ весь оставался въ себѣ и уходилъ въ себя все дальше и дальше. Его обычная обходительность ему не измѣняла; его навѣщали, дамы Художественнаго театра приносили ему гостинцы, онъ, какъ всегда, разсыпался передъ ними; но я чувствовалъ, что это лишь давнишняя привычка, превратившаяся въ пустую форму. Его ничто уже не интересовало. Онъ былъ загнанъ, затравленъ жизнью. У него отняли все; онъ имѣлъ лишь свое театральное жалованье; онъ, кромѣ того, имѣлъ нѣсколько уроковъ въ театральныхъ студіяхъ; но что это такое? Мы получали въ то время по 20 рублей за часъ. Я былъ еще въ уѣздномъ городѣ, когда читалъ въ совѣтской газетѣ статью, кажется, за подписью Троцкаго, въ которой было сказано, что «бур-

жуазія должна быть поставлена въ такія условія продовольственныя и квартирныя, чтобы почувствовать себя въ желѣзныхъ тискахъ». Стаховичъ явилъ примѣръ осуществленія этого пожеланія. У него не было ничего. Я дѣлилъ съ нимъ расходы по топливу, электричеству, продовольствію, но ужъ давно онъ, бѣдный, только записывалъ въ тетрадку свою долю участія въ общемъ хозяйствѣ: все, что онъ зарабатывалъ, шло на содержаніе его камердинера и жены его, а безъ нихъ какъ могъ онъ существовать, — больной, на шестьдесятъ четвертомъ году жизни? Его сынъ былъ заграницей, его дочь была на Кавказѣ, гдѣ скрывалась въ горахъ. Ему ничего не оставалось на землѣ, — ничего, кромѣ великаго презрѣнія къ людямъ. Чѣмъ больше окружающая жизнь вызывала въ немъ омерзеніе, тѣмъ больше замыкался онъ въ своемъ высокомѣрномъ одиночествѣ. Никогда не забуду его улыбки: ему, лишенному всего, принесли однажды повѣстку; на него налагалось взысканіе въ 6 тысячъ рублей, — никогда не забуду улыбку, съ которой, прочитавъ, онъ отложилъ бумагу въ сторону. Онъ все больше и больше напоминалъ мнѣ римлянина. Онъ сталъ человѣкомъ, для котораго понемногу все сомкнулось въ его собственномъ «я», а что не было въ немъ, то или падало въ грязь вокругъ него, или уходило такъ далеко, что утрачивало всякую съ нимъ связь. Страшная была пустота вокругъ него, и въ этомъ одиночествѣ, между опустѣвшей землей и небомъ, которое, кажется, всегда было для него пусто, онъ стоялъ, какъ высокомѣрный страдалецъ, презрительный судья. Презрѣнья, — вотъ чего больше всего въ его самоубійствѣ; а затѣмъ, — хладнокровной обдуманности. Чтобы служанка не заподозрѣла чего, онъ изъ кухни поднялся чернымъ ходомъ въ кватиру знакомыхъ; пройдя черезъ ихъ кухню, миновалъ ихъ жилыя комнаты, вышелъ незамѣченный на парадную лѣстницу и собственнымъ ключемъ отворилъ свою квартиру и вошелъ въ свой холодный кабинетъ... Его смерть совсѣмъ была лишена того характера отчаянія, которымъ всегда отмѣчено самоубійство; онъ былъ въ самоубійствѣ аристократиченъ еще больше, чѣмъ въ жизни; онъ ушелъ изъ жизни, какъ человѣкъ уходитъ изъ комнаты, въ которой не хочетъ оставаться, изъ комнаты, въ которой дурно пахнетъ... За полъчаса до смерти онъ телефонировалъ на мою квартиру, чтобы освѣдомиться, какъ я доѣхалъ изъ больницы... Черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ его смерти приходили на его квартиру, чтобы его арестовать...

Стаховичъ былъ талантливой натурой въ томъ смыслѣ, что чувствовалъ искусство, но онъ не былъ выдающимся актеромъ. Его родовитость, его осанка, конечно, вносили на сцену то, чего на ней было такъ мало и чего будетъ все меньше; но онъ былъ лишь матеріалъ, не обработанный; онъ началъ слишкомъ

поздно; онъ не имѣлъ никакихъ техническихъ основъ. Впрочемъ, кто же ихъ у насъ имѣетъ? Между тѣмъ, онъ отлично схватывалъ техническіе пріемы, когда ихъ зналъ или улавливалъ. Его «рѣчь генерала Дитятина» (по пріемамъ Горбунова) и его чтеніе французскихъ стиховъ (съ подражаніемъ шаблону французскаго декламатора) изобличали тонкое ухо, умѣнье улавливать и способность къ точному осуществленію задуманнаго. Все это качества цѣнныя для всякаго театра и рѣдкія на нашемъ русскомъ театрѣ. У насъ царствуютъ незнаніе и ощупь, и эти отрицательныя качества прикрываются смутнымъ терминомъ «исканій». Я думаю, что въ хорошихъ рукахъ и съ болѣе ранняго возраста, Стаховичъ могъ бы вырасти въ прекраснаго актера; онъ могъ бы стать типомъ, утвердить школу, если бы театральная работа охватила его сильнѣе въ томъ возрастѣ и въ томъ настроеніи, когда человѣкъ хочетъ войти въ жизнь, а не выходитъ изъ нея. Этихъ скрытыхъ его способностей окружающіе люди театра не замѣчали; я думаю, и не догадывались о нихъ. Онъ былъ страшно одинокъ въ Художественномъ театрѣ, гдѣ занималъ видное мѣсто въ управленіи и гдѣ такъ расточалъ свою привѣтливую обходительность. Это одиночество ясно обрисовалось на чествованіи его памяти въ томъ же Художественномъ театрѣ. Я не былъ на немъ; я лежалъ тогда больной; но его друзья мнѣ говорили, что они сгорали отъ стыда, слушая эти надгробныя рѣчи, въ которыхъ говорилось о его свѣтскихъ манерахъ и любви къ лошадямъ... Да, о свѣтскихъ манерахъ его любили говорить; но кто отдавалъ себѣ отчетъ, сколько подъ этимъ безупречнымъ обращеніемъ было презрѣнія къ людямъ? Ахъ, какъ онъ ихъ презиралъ! Да вѣдь и зналъ же онъ ихъ хорошо, но никогда не измѣнялъ обвораживающей ровности своего съ ними обхожденія. Для него это было вопросомъ чести, личнаго достоинства, а не вопросомъ долга и признанія. Когда Полоній говоритъ Гамлету, что онъ проводитъ актеровъ и обойдется съ ними согласно ихъ заслугамъ, —«Много лучше, перебиваетъ его Гамлетъ, много лучше! Если съ каждымъ человѣкомъ обходиться по *его* заслугамъ, то мало кто избѣгнетъ плети. Нѣтъ, обойдись съ ними согласно *твоимъ* заслугамъ и согласно *твоему* достоинству». По этому совѣту Гамлета поступалъ съ людьми Стаховичъ...

Передъ каждымъ случаемъ самоубійства мы, живые, испытываемъ, хотя далекую, но все же отвѣтственность; при воспоминаніи объ Алешѣ Стаховичѣ это чувство осложняется ощущеніемъ стыда передъ его никогда не высказаннымъ укоромъ.

Вернемся къ болѣе легкимъ воспоминаніямъ.

Я упомянулъ о томъ, что въ тѣ времена въ Петербургѣ (это были восьмидесятые годы) мы играли и французскія пьесы

Здѣсь одинъ образъ всегда будетъ свѣтиться въ моей памяти, одинъ голосъ всегда звенѣть въ моихъ ушахъ. Марія Юльевна Гартонгъ, урожденная Графиня Стенбокъ-Фермеръ, была въ нашей труппѣ ingénue comique. Маленькая, пухленькая, что называется — булочка; съ прелестнымъ ротикомъ, изъ котораго слова выходили, какъ бисеръ; съ голосомъ звонкимъ и разнообразнымъ, — она, конечно, была однимъ изъ удивительнѣйшихъ явленій, какія я вообще видалъ на сценѣ. Нами режиссировалъ тогда актеръ Михайловскаго театра Andrieu; онъ часто мнѣ говорилъ, что, еслибы М. Ю. Гартонгъ пошла по артистической дорогѣ, она была бы знаменитостью. Въ первый разъ я ее видѣлъ на нашей сценѣ, въ домѣ моихъ родителей, въ пьесѣ Мейака и Галеви — «L' ingenue». Это былъ сплошной хохотъ; смѣшно было то, что она какъ будто не хотѣла смѣшить. Она не изображала наивность, она вѣрила въ то, что говорила, и именно потому, что видно было, что она вѣритъ, потому и выходило такъ смѣшно. Она была прелестна въ «La bataille des dames» Скриба и Легуве, въ «La Papillonne» Сарду; въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» она дала очаровательную Розину-ребенка. Впослѣдствіи ее потянуло на драматическія роли; но это уже было не то...

Актеру Andrieu я обязанъ первыми моими знаніями въ области техники актерской; тогда я понялъ смыслъ остановки, дыханія. Онъ былъ прекрасный руководитель; онъ разрабатывалъ роли съ каждымъ отдѣльно, потомъ соединялъ насъ всѣхъ, уже готовыхъ, и тутъ начиналась интереснѣйшая работа оркестроваго слаживанія. Часто возвращалась такая формула: «Начиная съ этого мѣста прошу...» — и тогда какое-нибудь требованіе усиленія, ослабленія, ускоренія, замедленія и пр. Съ раннихъ лѣтъ я понялъ значеніе динамики въ театральномъ искусствѣ. Много я видѣлъ режиссерскихъ работъ на разныхъ сценахъ и на разныхъ языкахъ, но ни одна работа такъ меня не удовлетворяла, какъ работа Andrieu.

Онъ былъ милый человѣкъ, онъ умѣлъ себя поставить въ петербургскомъ обществѣ, и его очень любили. Вотъ случай, рисующій его. Была въ Петербургѣ одна барыня, фамиліи не помню, очень богатая, широко принимавшая у себя въ прекрасномъ особнякѣ. Артисты находили у нея радушный пріемъ. Но затѣмъ судьба ей измѣнила, сыновья, гвардейскіе офицеры, разорили имѣніе, она совершенно обѣднѣла и поселилась гдѣ-то въ концѣ Садовой улицы, въ грязномъ дворѣ, на черной лѣстницѣ. И каждый годъ, на Рождество и Пасху, Андріе навѣщалъ ее и приносилъ великолѣпный букетъ, достойный Императрицы.

У него тоже было много обожательницъ, между прочимъ нѣкая англичанка Miss Night, помощница классной дамы

въ одномъ изъ институтовъ. Она была очень предана, сумѣла завоевать даже благодарность Андріе. Но какъ ни была велика ея преданность, еще больше была ея глупость. Вотъ случай, въ которомъ проявилось сліяніе этихъ двухъ ея качествъ. Мы обѣдали у Андріе; онъ послѣ обѣда игралъ и, по требованію пьесы, былъ во фракѣ. Кто-то пролилъ вино на скатерть. Какъ всегда въ этихъ случаяхъ, кто-то сказалъ:— «Это къ счастью». Miss Night переспросила: — «Къ счастью?» Вдругъ хватаетъ стаканъ полный краснаго вина и однимъ взмахомъ выплескиваетъ его на крахмальную грудь и фрачную пару. — Лѣтомъ онъ ѣздилъ на родину. Много разъ, будучи въ Парижѣ, я навѣщалъ его на его дачкѣ въ Rueil, Malmaison. По пятницамъ бывали у него завтраки, гдѣ собирались артисты. Прелестный домикъ, маленькій садъ, бассейнъ съ золотыми рыбками, розаны, редиска, земляника, чудная французская кухарка, старушка Marie. За кофеемъ безконечные разсказы долго задерживали сидящихъ вокругъ стола, по старой французской пословицѣ: — «On ne vieillit pas á table (За столомъ люди не старѣютъ). У него не бывало знаменитостей, — все люди, имя которыхъ никогда за предѣлы Франціи не проникало; но сколько талантовъ, какая литературная воспитанность и какая любовь къ своему искусству... Въ разсказахъ проходили великія имена: Frédéric Lemaître, Bressan, Marie Dorval, Madeleine Brohan... Какое уваженіе къ своимъ учителямъ, какая святость преемственности!

Попробую сказать о тѣхъ французахъ, которыхъ зналъ; не о знаменитостяхъ, которыхъ всѣ видѣли и перевидѣли, потому что они объѣздили весь свѣтъ, а о тѣхъ, кого знали только тѣ, кто пріѣзжалъ на нихъ посмотрѣть.

Я не засталъ великихъ именъ Comédie Française, о которыхъ только что упомянулъ, но и тѣ, которыхъ я видѣлъ, незабываемы. Вотъ встаетъ въ памяти моей старуха Joissan — на роли старыхъ дѣвъ. Я видѣлъ ее въ роли Арманды въ «Ученыхъ Женщинахъ». Ну какъ вамъ передать суровую добродѣтель этой костлявости, возвышенную восторженность этой худобы? Каждое движеніе — искусство, каждая интонація — совершенство. А вотъ очаровательная хохотушка Самари, блестящая и такая заразительная своимъ весельемъ. Она играла въ пьесѣ Пальерона «L'étincelle», хорошо извѣстной у насъ подъ именемъ «Искорка», и, конечно, она играла служанку въ «Мѣщанинѣ въ дворянствѣ», — роль, которую Мольеръ написалъ для своей хохотуньи-служанки. Вотъ была жизнь, ключомъ бившая наружу! Не то что наши «исканія», наши глаза съ поволокой и наши «полу-тона»... Еще я видѣлъ ее въ пьесѣ Пальерона «La souris», — трехактная большая

пьеса съ одною только мужскою ролью, всѣ роли женскія. Мужскую игралъ Вормсъ, дивный, умный актеръ; а среди женщинъ была знаменитая когда-то своей красотой Céline Montalan; тутъ она играла роль матери; блескъ ея глазъ нельзя было забыть. Когда-то она пріѣзжала въ Петербургъ, играла въ Михайловскомъ театрѣ и въ то время овладѣла сердцемъ барона Палена, мать котораго была дочерью Каратыгина и вышла вторымъ бракомъ за нѣмца Тидеке. Старушку Тидеке я часто встрѣчалъ у Андріе, къ которому она пылала старческой нѣжностью. Въ этой же пьесѣ Пальерона участвовала очаровательная Бартэ. Тонкая, стройная, она была послѣднее слово изящества, съ удивительными минутами нѣжности, благодаря глубокимъ паденіямъ голоса въ нижній регистръ. Вижу и всегда буду видѣть ее въ пьесѣ, кажется Ришпена «Allain Chartier», изъ ранней исторіи Франціи: она съ бѣлой лиліей въ рукѣ проходила черезъ всю сцену и слагала лилію у подножія статуи Пресвятой Дѣвы. Вся зала замирала, слѣдя за ея движеніемъ, и молчаніе въ залѣ сливалось съ молчаніемъ на сценѣ, пока она проходила. Она пріѣзжала въ Петербургъ на нѣсколько дней навѣстить тогдашняго французскаго посла Палеолога, подругой котораго была много лѣтъ. Великая Княгиня Марія Павловна пригласила ее къ себѣ; она читала изъ французскихъ новыхъ поэтовъ. Помню, кромѣ всего прочаго, удивительное ея платье, плюшевое, цвѣта голіотропа, съ серебристыми переливами.

Изъ актеровъ Comédie Française назову двоихъ. Delaunay былъ самымъ нарядным явленіемъ, какое я когда-либо видѣлъ на сценѣ; это былъ герцогъ съ головы до пятъ. Не знаю, что было наряднѣе, — его обликъ или его рѣчь. Тонкость ироніи, съ которой онъ въ «Ученыхъ Женщинахъ» подвергаетъ осмѣянію Триссотэна, полна такого яду, что, казалось, никогда подняться нельзя изъ подъ гнета ея; онъ раздавилъ, онъ уничтожилъ своего соперника, а чѣмъ? Тѣмъ, какъ онъ съ конца губъ, съ маленькимъ смѣшкомъ и поднятыми плечами, съ иронической разстановкой произноситъ эти пять слоговъ: «Monsieur Trissotin...» И здѣсь же, въ «Ученыхъ Женщинахъ» у него сцена съ той самой M-lle Joissan, о которой упоминалъ. Старую сухопарую дѣву онъ проситъ замолвить за него слово передъ племянницей ея Генріэттой; но старуха не можетъ допустить, чтобы красавецъ любилъ кого-нибудь, кромѣ нея; тонкая, догадливая, она понимаетъ, что имя «Генріэтта» только ширма, а что вся пламенная рѣчь относится къ ней; и, высоко цѣня сдержанность молодого человѣка, за именемъ племянницы скрывшаго истинный предметъ своей страсти, она проситъ его продолжать пылать, но никогда не говорить «Генріэттѣ» о своемъ пламени. —

Какая длинная работа исторической культуры, чтобы создать такую рѣчь, такую сцену и такихъ людей...

Delaunay былъ ученикомъ Брессана и оставилъ ученика Лебаржи, — хорошаго актера, — но какое-же сравненіе съ Delaunay! А когда я говорилъ людямъ старше себя о Delaunay, они, покачивая головой, повторяли: «Но какое же сравненіе съ Брессаномъ!»

Другой, о которомъ хочу упомянуть, это Го. Отъ этого удивительнаго актера у меня больше всего остались въ памяти руки. Въ пьесѣ «Le gendre de M. Poirier» у него есть два выхода передъ паденіемъ занавѣса; безъ словъ онъ руками доказываетъ, руками опровергаетъ, руками недоумѣваетъ, — однимъ словомъ, что ужъ эти краснорѣчивыя руки высказываютъ — и не перечислить, но оба раза послѣ его выходовъ залъ разражался рукоплесканіями; онъ не говорилъ ни слова, — рукоплескали рукамъ. Го былъ почти самый сильный мимистъ, какого я видѣлъ въ драматической сценѣ. Къ сожалѣнію мѣшало ему то, что онъ былъ лупоглазъ; вотъ почему дамъ первое мѣсто по мимикѣ не ему, а итальянцу Новелли. И однако, и у него бывали неудачи, по крайней мѣрѣ, я одну такую неудачу видѣлъ, — это было его выступленіе въ роли Тартюфа. Помню, какъ сурово отнеслась тогда критика къ нему, но помню такъ же, — съ какимъ уваженіемъ; и благодаря именно этому уваженію осужденіе вышло еще суровѣй.

II.

Петербургская газетная критика. Театральный муравейникъ. Савина. Давыдовъ. Варламовъ. Комиссаржевская. Вопросы техники.

Рѣдко въ чемъ такъ ярко проявляется культурность и воспитанность, какъ въ критикѣ. И какую ужасную картину представляла наша театральная критика въ Петербургѣ! Я не говорю уже о такихъ перлахъ, когда рецензентъ «Русалки» писалъ, что Пушкинъ и Глинка остались бы довольны, исполненіемъ, или что въ «Виндзорскихъ Кумушкахъ» Варламовъ игралъ заглавную роль. Это можетъ случаться въ маленькихъ газетахъ. Но тогдашній законодатель — «Новое Время»! По музыкѣ Ивановъ, по драмѣ Юрій Бѣляевъ. Эти два столпа русской газетной критики никогда не говорили объ искусствѣ, они говорили о чемъ-то другомъ по поводу искусства. Были сужденія, которыя могли быть поняты только въ связи съ какими-нибудь закулисными дрязгами: это были не критики, а какія-то «загадочныя картинки». У Иванова былъ такой пріемъ, къ которому онъ часто прибѣгалъ: — «Говорятъ; такая-то постановка стоила столько-то. Не знаю, правда-ли это, за что купилъ за то и продаю, но если это правда, то...» И вотъ, исходная точка для цѣлаго фельетона. Впрочемъ, это та сторона дѣла, которая открыта всякому читателю, а вотъ случай, такъ сказать, скрытый и котораго никто не можетъ расшифровать, если не знать нѣкоторыхъ постороннихъ искусству соображеній.

Артистъ Александринскаго театра Самойловъ игралъ «Ревизора», Хлестакова. Въ монологѣ, когда онъ, подвыпившій, разсказываетъ о своемъ петербургскомъ житьѣ, помните, есть у него такая фраза: «У насъ и вистъ свой составился: министръ финансовъ, нѣмецкій посланникъ, французскій посланникъ и я». (Если ошибочно цитирую, простите, — у меня книги всѣ отобраны, и не буду же я обзаводиться второй разъ). Эту фразу Самойловъ говорилъ такимъ образомъ: онъ дѣлалъ остановку послѣ «французскій посланникъ», какъ

будто искалъ чего-то, и потомъ, говорилъ: «да — и я». Ясно, какъ такое самовольное искаженіе нарушаетъ весь смыслъ даннаго мѣста. Вѣдь, Хлестаковъ хвастается; вѣдь, для того весь разсказъ, чтобы показать, что онъ съ министрами играетъ; и вдругъ онъ самъ же себя и забудетъ? Я уже не говорю объ оскорбительности самовольной вставки въ гоголевскій текстъ слова «да». Такихъ своеволій у него было много разсыпано по всей роли. — Я былъ въ то время директоромъ Императорскихъ театровъ; воспользовался своимъ правомъ, попросилъ режиссера пригласить Самойлова зайти ко мнѣ на другой день утромъ. Онъ пришелъ. «Со вчерашняго вечера недоумѣваю, зачѣмъ вы меня вызываете». — «А вотъ, хотѣлъ побесѣдовать съ вами насчетъ вашего Хлестакова». Бесѣда наша интереса не представляетъ, передавать нечего; скажу только, что онъ не удостоилъ меня ни спора, ни возраженія; онъ, видимо, желалъ меня возможно больше вызвать на рѣчь и еще раза два повторилъ: «А я-то недоумѣвалъ, зачѣмъ»... Онъ ушелъ, такъ и не высказавъ, признаетъ ли или не признаетъ мое мнѣніе. На другой день статья въ «Новомъ Времени» Юрія Бѣляева: восхваленіе вдумчивости, находчивости Самойлова въ роли Хлестакова; въ особенности тонко было одно, больше всего критику понравившееся мѣсто... Читатель догадается, какое.

Это типичный примѣръ. Въ каждой критической статьѣ чувствовалось какъ бы подкожное вспрыскиваніе чего-то посторонняго, къ дѣлу не относящагося и отъ искусства далекаго. У меня было много вырѣзокъ къ характеристикѣ нашей газетной художественной критики, — но бумаги мои растасканы, а помнить наизусть подобную литературу было бы слишкомъ много для нея чести. Не могу не помянуть здѣсь, что меня эти господа мало долюбливали. Мое увлеченье Далькрозомъ высмѣивалось на всѣ лады. Одна газета прислала мнѣ корреспондента фотографа на репетицію публичной демонстраціи: «Нашъ редакторъ такъ интересуется, наша газета идетъ навстрѣчу...» Черезъ два дня — глумительная статья съ карикатурами. И корреспондентъ имѣлъ нахальство придти второй разъ съ аппаратомъ... Всему далькрозовскому дѣлу давалось освѣщеніе чего-то классоваго, — «княжескаго увлеченія». Ужъ княжество мое, можно сказать, было имъ поперекъ горла; меня называли въ рецензіяхъ «Сіятельный лекторъ». О, родъ людской! Какая мелочь людская во всемъ этомъ. Ничего не имѣю противъ мелочи людской, — и она бываетъ нужна; а въ качествѣ предмета наблюденія — вѣдь это драгоцѣнность. О чемъ бы мы писали, если бы не было мелочи людской? Одними геройствами не много томовъ наполнишь. Но зачѣмъ именно объ искусствѣ, о томъ, что подымаетъ

выше мелочей, пишутъ люди, мелочью живущіе? Зачѣмъ въ искусствѣ разводить микробы классовой гангрены? Зачѣмъ вносить рознь въ то, что сближаетъ? Вражду — въ то, что примиряетъ?

Съ чистыхъ высотъ мы спустились въ мутныя низины жизни. Останемся въ низахъ; успѣемъ подняться.

Театральный муравейникъ въ Петербургѣ жилъ меньше всего интересами искусства. Принадлежность къ министерству Двора, царская ложа, общеніе съ Великими Князьями на почвѣ ужиновъ и пр., съ Великими Княгинями на почвѣ благотворительныхъ концертовъ и пр. — все это создавало вокругъ искусства совсѣмъ особенную атмосферу, вселяло въ души артистовъ помимо искусства совсѣмъ иныя вожделѣнія. Не скажу, чтобы всѣ были въ этомъ отношеніи одинаковы, но зараза чиновная сильно разъѣдала нѣкоторыхъ изъ нихъ. Медаль, орденъ, значекъ, званіе солиста Его Величества, — все это теребило, разжигало аппетиты, вызывало нервность, метанія, хлопоты; надежды смѣнялись разочарованіями, разочарованія приводили къ недовольству, къ нареканіямъ, и хлопоты начинались заново.

Самый яркій примѣръ такого зуда представляла довольно извѣстная въ свое время пѣвица Долина. Съ хорошимъ контральто и очень плохими сценическими данными она съумѣла завоевать критику; широкимъ участіемъ въ благотворительныхъ концертахъ она завоевала положеніе того, что прежде называлось «общественная дѣятельница»; тою же дверью благотворительности она проникла къ Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ. Она пѣла у славянскихъ народовъ, отъ Султана она получила орденъ Меджидіэ. Чѣмъ же не основаніе къ полученію званія солистки? Ея мужъ служилъ жандармскимъ полковникомъ на Балтійской желѣзной дорогѣ и лѣтомъ провожалъ поѣзда, возившіе министровъ въ Петергофъ и обратно; здѣсь, передъ высшими міра сего, онъ поддерживалъ интересъ къ художественнымъ и общественнымъ лаврамъ своей жены. Когда я вступилъ на должность директора, мнѣ сказали, что въ бумагахъ имѣется письмо (вотъ не помню чье) о представленіи Долиной къ званію солистки, и что на письмѣ рукою министра Двора Графа Воронцова-Дашкова добавлено: — «при удобномъ случаѣ». Такимъ удобнымъ случаемъ, по мнѣнію Долиной, явилась серебряная свадьба Великаго Князя Владиміра Александровича. Я находилъ, что серебряная свадьба Великаго Князя столь же мало могла быть удобнымъ случаемъ, какъ и серебряная свадьба Долиной-Горленко. Моя троюродная сестра Соня Дурново,

состоявшая одно время при Ксеніи Александровнѣ, сказала мнѣ, что Великой Княгинѣ очень хочется, чтобы Долина была сдѣлана солисткой, — она такъ много ей помогала, концерты, благотворительное общество, ясли и пр. Я ей объяснилъ, что устраивать благотворительныя общества мало ли кто можетъ, этого не достаточно, чтобы быть солистомъ. — «Ну, однимъ словомъ, я тебѣ передала желаніе Великой Княгини — и больше ничего». — «А я тебѣ передалъ мое мнѣніе — и больше ничего». Такъ дѣло застряло и случай не подвернулся. На второй годъ моего директорства получаю письмо отъ Графа Голенищева-Кутузова, поэта, состоявшаго секретаремъ вдовствующей Императрицы: Маріи Ѳеодоровнѣ желательно, чтобы Долина была представлена къ званію солистки Его Величества. Мнѣ оставалось заготовить представленіе на имя министра. Но я заготовилъ и другое представленіе и объяснилъ Фредериксу, что, если Долина, поющая пять, шесть партій, получитъ солистку, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ ее Каменская, поющая всѣ большія партіи и несущая вагнеровскій репертуаръ; я постарался втолковать ему, что это невозможно не сдѣлать, передъ всѣмъ русскимъ музыкальнымъ міромъ невозможно. На оба пожалованія послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Мнѣ передавали, что Долина въ конторѣ Дирекціи Театровъ сказала — «Зачѣмъ же это непремѣнно нужно было одновременно представлять?» — «Передайте ей, что, если бы я зналъ, что это ей непріятно, то мнѣ ничего бы не стоило представить сперва Каменскую, а потомъ Долину».

Этотъ случай типиченъ для психики многихъ въ тѣ времена. Не знаю, сильно ли измѣнилась психика теперь; думаю, что измѣнились только названія; тогда это называлось — общественная дѣятельность и за этимъ сіялъ орденъ и манило званіе солиста; теперь это называется — халтура, и за нею сіяетъ и манитъ — паекъ. Думаю, что во второмъ больше искренности, во всякомъ случаѣ, — больше откровенности.

Долженъ сказать, что въ одной труппѣ этой заразы совсѣмъ не было; это въ балетной. Эта труппа представляла собой замкнутый міръ. Тотъ фактъ, что труппа пополнялась выпусками школы, что школьные воспитанники и воспитанницы часто участвовали въ спектакляхъ, создавалъ тѣсную связь между школой и сценой, спаивалъ всѣ возрасты въ одно цѣлое. Милый обычай, что старшія воспитанницы говорили младшимъ «ты», младшія старшимъ — «вы», и только по предложенію старшей переходили съ нею на «ты». Это была единственная труппа, гдѣ была настоящая, упорная работа, и, несмотря даже на зловредное вліяніе Кшесинской,

на постоянные вслѣдствіе этого перебои въ работѣ, на создаваемую ею атмосферу зависти, раздраженія, заискиванія, я все-таки всегда поставлю эту труппу въ примѣръ.

Увы, не скажу того же объ Александринской драматической. Здѣсь самоувѣренность и самовлюбленность упразднили всякую работу. И здѣсь, какъ и въ балетѣ, былъ тормозящій, отравляющій атмосферу элементъ, это — Савина. Большой талантъ; я зналъ ее еще въ блестящую ея пору; всегда непріятный павлиній голосъ, очень плохая пластика, совсѣмъ не выразительная рука, но — талантъ; всегда, во всякой роли немножко не додѣлано, не дохвачено, всегда на послѣднемъ моментѣ напряженія осѣчка, но — талантъ. Да, талантъ и исключительное явленіе въ Россіи; но скажите, вы, видѣвшіе что-нибудь, кромѣ русскаго театра, развѣ можно сравнивать, развѣ можно даже называть рядомъ Савину и кого-нибудь изъ тѣхъ француженокъ, о которыхъ упоминалъ? А я упоминалъ не знаменитости. Вы скажете, что я пристрастенъ? Къ чему и для чего? Вспоминаю свидѣтельство одного человѣка, своими ушами слышавшаго, какъ на французскомъ спектаклѣ въ Михайловскомъ театрѣ Савина сказала: — «Хоть бы одинъ такой мужчина, какъ эти, у насъ въ Александринкѣ», а Сазоновъ сказалъ: – «Хоть бы одна такая женщина, какъ эти, у насъ въ Александринкѣ».

Еще припоминаю случай, переданный мнѣ Николаемъ Александровичемъ Поповымъ, извѣстнымъ режиссеромъ, театральнымъ дѣятелемъ, человѣкомъ тонкаго вкуса. Онъ говорилъ однажды съ однимъ изъ представителей нѣмецкаго театра; если не ошибаюсь, дѣло было въ Мейнингенѣ. На замѣчаніе своего собесѣдника о томъ, что имъ, нѣмцамъ, о русскомъ театрѣ ничего не извѣстно, Поповъ отвѣтилъ, что, вѣдь, у нихъ въ Германіи была наша Савина. «Na, wissen Sie, — сказалъ тотъ, die gute Dame hätte auch zu Hause bleiben können». (Ну, знаете, эта барыня могла бы и дома остаться). Какъ элементъ въ труппѣ, Савина была язва; это была ходячая злоба. Послѣдніе годы, выходя на сцену, она не играла; она во всѣхъ роляхъ показывала мимику своего неудовольствія. А неудовольствіе ея распространялось рѣшительно на все: на товарищей, на режиссера, на начальство, на театральную контору, на всѣхъ. И вотъ зараза честолюбія! Помню, старушка Александрова на свой 50 лѣтній юбилей получила отъ Государя браслетъ съ его вензелемъ. Савина на свой двадцатипятилѣтній получила такой же. Она была внѣ себя. Я, впрочемъ, переставилъ событія: Савинскій юбилей былъ прежде, и когда Александрова получила то же, что она, она этого не могла переварить. — «Что такое Александрова? Просто старая женщина и больше ничего!» Да,

Александрова была старая, но вмѣстѣ съ тѣмъ прелестная женщина. Когда она по случаю юбилея представилась Государю, она, уходя отъ него, пошла было пятясь назадъ, но, дойдя до половины комнаты, сказала: «Ну, голубчикъ Государь, я задомъ-то ходить не мастерица»... Государь подбѣжалъ къ ней и проводилъ ее до двери. Такъ Савина переварить не могла, что Александровой дали то же, что ей. Она требовала у министра, чтобы ей было разрѣшено вынуть изъ браслета вензель и носить его на Андреевской лентѣ, Ужъ не помню, добилась ли она разрѣшенія.

Что бы Савина ни играла, она всегда разыгрывала обиженную; ея мимика всегда говорила публикѣ — «Ну, развѣ можно при такихъ условіяхъ играть?» Публика долго шла на приманку имени, но понемногу интересъ сталъ охладѣвать. Савина посылала утромъ въ кассу справиться, много ли продано билетовъ, и если мало, сказывалась больной... Вывѣшивался тогда на подъѣздѣ кассы красный фонарь, это значило — перемѣна спектакля... Я зналъ ее въ пору расцвѣта; въ ней былъ блескъ; она владѣла ироніей. Лучшее, что я помню, это — «Женитьба Бѣлугина»: сцены съ мужемъ, Сазоновымъ, были очень хорошо ведены, Прелестный образъ кисейной барышни давала она въ «Ревизорѣ». Ея Марія Антоновна должна была бы стать классической и утвердиться въ традицію. Но — традиціи бываютъ только тамъ, гдѣ есть школа...

Савина была женою нѣкоего Молчанова. Онъ состоялъ при моемъ предшественникѣ по дирекціи начальникомъ монтировочной части. Это былъ самый двуличный человѣкъ, какого мнѣ пришлось въ жизни встрѣтить; при этомъ всегда рука на сердцѣ и глаза, какъ говорится, на мокромъ мѣстѣ. Все, что онъ говорилъ про людей, хорошее или плохое, онъ говорилъ съ одинаковой слезливой слащавостью. Онъ подалъ въ отставку въ самый разгаръ сезона и подбивалъ своего помощника послѣдовать его примѣру... Выйдя изъ дирекціи театровъ, онъ сосредоточилъ свою дѣятельность на Русскомъ Театральномъ Обществѣ, котораго состоялъ предсѣдателемъ. Падкій на все придворное, онъ черезъ Кшесинскую сошелся съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михаиловичемъ и увѣрилъ его, что тотъ осчастливитъ весь русскій актерскій міръ, если соблаговолитъ принять званіе Президента Театральнаго Общества. Великій Князь соблаговолилъ. Въ концѣ всѣхъ этихъ хлопотъ сіяли и манили галуны камеръ-юнкерскаго мундира; но онъ такъ и не получилъ его. Онъ былъ очень богатъ, что не мѣшало Савиной вѣчно обращаться въ канцелярію министра за пособіями и ссудами. Коалиція Савина-Молчановъ была сила въ свое время; они имѣли критику газетную въ

своихъ рукахъ: «Новое Время» писало, что они хотѣли, также «Петербургская Газета», поскудный листокъ, но въ то время служившій закулиснымъ оракуломъ. Послѣ смерти своей жены Молчановъ издалъ книгу о Савиной, — послѣднее слово посмертной рекламы и нравственной безвкусицы. Но и онъ имѣлъ свой часъ искупленія. Революція лишила его всего; онъ просилъ, чтобы ему дали комнату въ имъ же основанномъ пріютѣ для престарѣлыхъ артистовъ. Тамъ кончилъ дни свои этотъ нищій богачъ.

Низкій духовный уровень Александринской труппы находилъ себѣ выраженіе въ странномъ увлеченіи шуташничествомъ со стороны двухъ столповъ нашего драматическаго театра, — Давыдова и Варламова. Когда нужно бывало съ благотворительной цѣлью зашибить деньгу, выпускали ихъ при самыхъ невѣроятныхъ, для большихъ талантовъ унизительныхъ условіяхъ; и они на это шли. Бывалъ разъ въ годъ въ Маріинскомъ театрѣ вечеръ въ пользу Русскаго Театральнаго Общества. Зала и сцена соединялись въ одну большую залу, посрединѣ помостъ, и на этомъ помостѣ происходили представленія. Давыдовъ и Варламовъ въ женскихъ костюмахъ плясали или изображали «Прекрасную Елену»; Давыдовъ Еленой, Варламовъ — Парисъ; Елена грызла сѣмячки, Парисъ игралъ на гармоникѣ. Толпа гоготала...

А вмѣстѣ съ тѣмъ Давыдовъ былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ актеровъ, какихъ я зналъ; съ поразительнымъ разнообразіемъ отъ бѣшенаго комизма до самой сдержанной трогательности. Онъ и Варламовъ были единственные на Александринской сценѣ, которые могли заставить плакать. Варламовъ былъ внѣшне болѣе красоченъ; огромный, съ большимъ голосомъ, съ прекрасной чеканкой въ сочномъ говорѣ, онъ сразу захватывалъ, какъ выйдетъ на сцену. Но онъ былъ неряшливъ, ролей не зналъ, подпускалъ отъ себя и, главное, слишкомъ пользовался разъ на всегда завоеванными средствами, — обожаніемъ публики, неоспоримостью своего имени. Они были иногда восхитительны вдвоемъ, когда сцена, цѣлая пьеса лежала на нихъ, какъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго», въ «Борцахъ» Чайковскаго. «Свадьба Кречинскаго», между прочимъ, шла въ Ярославлѣ на юбилейныхъ торжествахъ въ память Волкова, основателя русскаго театра. Прелестное зданіе, красивый городъ со своими чешуйчатыми куполами, на крутомъ берегу Волги, праздничное настроеніе, хлѣбосольство мѣстныхъ жителей, катанье по Волгѣ съ оркестрами — все это сливается въ прелестное весеннее воспоминаніе. Это было въ 1900 году, на второмъ году моего директорства; тогда былъ ярославскимъ губернаторомъ злосчастный Штюрмеръ, впослѣдствіи министръ Внутреннихъ Дѣлъ и послѣ того послѣдній

министръ Иностранныхъ Дѣлъ при Императорскомъ правительствѣ. Свою карьеру онъ началъ по церемоніальной части министерства Двора и потому любилъ и умѣлъ устраивать торжества. Такъ вотъ, я вспомнилъ, что во время представленія «Свадьбы Кречинскаго», въ самомъ трогательномъ мѣстѣ, Варламовъ, въ то время какъ держалъ всю залу въ трепетно-слезномъ напряженіи, вдругъ, чтобы отереть собственныя слезы и высморкаться, вынимаетъ огромный пестрый платокъ и издаетъ такой автомобильный гудокъ, что вся зала, хотя въ слезахъ, разражается хохотомъ. Всегда, изъ всякой роли дѣлалъ вылазку самъ Варламовъ. У Давыдова этого не было, онъ всегда былъ серьезенъ, когда нужно было, — всегда въ рамкахъ.

Давыдовъ былъ единственный русскій актеръ, о которомъ могу сказать, что онъ совсѣмъ хорошо читалъ стихи. Чувствовалась въ его читкѣ глубокая любовь къ красотѣ слова, къ красотѣ текста, всегда соблюдался рисунокъ мысли, и никогда темпераментъ не нарушалъ требованій грамотности и логической ясности. Онъ былъ лучшій Фамусовъ изъ тѣхъ, кого я видѣлъ; а видѣлъ я, кромѣ него, Ленскаго и Станиславскаго. Ленскій былъ сухъ, въ немъ не было московской круглоты, общительности. Станиславскій былъ шумливъ. Давыдовъ былъ истый баринъ, съ очаровательной круглотой и вмѣстѣ съ тѣмъ чиновной сдержанностью движеній; у него была тонко обработанная кисть и краснорѣчивы были его пальцы. Задушевность его доходила до такихъ глубинъ, къ какимъ никто еще на русской сценѣ не подводилъ меня. Отецъ мой не былъ сентиментальный человѣкъ, а помню, послѣ представленія тургеневскаго «Холостяка» онъ сказалъ: «Передъ Давыдовымъ можно на колѣни встать». Онъ былъ прекрасный городничій. Во время послѣдняго монолога жутко становилось: — «Надъ кѣмъ смѣетесь? Надъ собой смѣетесь!» Но когда доходило до «щелкоперовъ» и пр., конца не было иронiи, этому презрѣнію. Что онъ только выдѣлывалъ со своими руками и пальцами! Какъ фокусникъ собираетъ въ комокъ большой платокъ, мнетъ его, третъ между ладонями, запихиваетъ въ кулакъ, и, наконецъ, — нѣтъ больше платка, такъ онъ этого «щелкопера»: мялъ, выворачивалъ, закручивалъ, запихивалъ, обращалъ въ ничтожество. Но онъ былъ уже слишкомъ толстъ, онъ задыхался, и это сильно ослабляло впечатлѣніе. До чего они довели себя, наши два корифея! У Варламова отъ толщины уже больше не было походки, онъ переваливался. Давыдовъ былъ того хуже; послѣдніе годы, что я его видѣлъ, онъ такъ заплылъ, что не было больше у него ни дыханія, ни мимики: лицо его было какая-то сплошная масса, — глаза и носъ, окруженные мясомъ щекъ и мя-

сомъ двойного подбородка. Въ этой глыбѣ, движимой одышкой, искоркой догоралъ прежній огонь, пробуждаемый и поддерживаемый навыкомъ долгихъ лѣтъ и, надо сказать, — рутиною все больше и больше суживающагося, опрощающагося и даже опошляющагося репертуара. Собственно говоря, Давыдовъ, настоящій Давыдовъ, давно ушелъ со сцены... Въ лицѣ его уходитъ послѣднее настоящее, подлинное. Да, уходитъ, потому что наши актеры не умѣютъ передать другимъ. Давыдовъ преподавалъ въ Театральномъ Училищнору не умѣлъ преподать то, чѣмъ въ такой высокой степени былъ самъ надѣленъ; по той простой причинѣ не умѣлъ, что, какъ всѣ наши актеры, онъ игралъ по внутреннему внушенію, не освѣщенному сознаніемъ. Учить можно только тому, что знаешь, а не тому, что умѣешь. У насъ знанія нѣтъ, потому нѣтъ и школы, нѣтъ передачи. Еще скажу, — учить можетъ тотъ, кто самъ учился. И напрасно талантливый актеръ думаетъ, что подъ его талантомъ не видать, что онъ не учился. Прелестный случай разсказывалъ мнѣ тотъ-же Н. А. Поповъ, о которомъ уже упоминалъ. Когда Савина играла въ Берлинѣ, Императоръ Вильгельмъ пошелъ за кулисы; послѣ первыхъ привѣтствій онъ спрашиваетъ: «Гдѣ вы учились?» — «Нигдѣ». Вильгельмъ оборачивается къ сопровождающему его адъютанту: «Вотъ видите! Я вамъ говорилъ». А между тѣмъ она учила другихъ. Да кто же у насъ не учитъ? И что это за ученье? Нашъ актеръ, когда учитъ, показываетъ только, — какъ бы онъ самъ сыгралъ данную роль; онъ не способенъ дать руководящихъ правилъ для игры вообще, такихъ правилъ, которыя годились бы во всѣхъ роляхъ. Припоминаю слова блаженнаго Августина: «Учителя ставятъ себя въ примѣръ, и это они называютъ учить». Такъ сметаются съ русской сцены рѣдкіе самородки, не оставляя за собой слѣда, кромѣ имени. Какъ дымъ, развѣиваются впечатлѣнія, какъ тѣнь, уходитъ вслѣдъ за человѣкомъ слава, и память уже не держитъ. Говоритъ французская пѣсенка:

J'ai perdu la mémoire
De cette ombre illusoire
Qu' on appelle la gloire
Et qu'emporte le vent.

(Я потерялъ воспоминанье
О той обманчивой тѣни,
Что зовется слава
И уносится вѣтромъ.)

Среди всего этого цвѣлъ ландышъ серебристый, — Комиссаржевская. Въ сторонѣ отъ интригъ, безразличная къ газетной критикѣ, вся въ своихъ роляхъ, ушедшая въ свое искусство. Характера мягкаго, покладистая, безобидная, въ этомъ

мірѣ театральномъ, гдѣ къ чему ни прикоснись, — наболѣвшая рана самолюбія, она была само спокойствіе, сама ясность, сама простота. Маленькая, тоненькая, хрупкая, не очень красивая, даже съ нѣсколько перекошеннымъ лицомъ, съ очаровательной, озаряющей улыбкой, съ прелестнымъ голосомъ и, что такъ рѣдко въ женскихъ голосахъ на нашей сценѣ, безъ всякой вульгарности, — таковы природныя данныя Комиссаржевской. Но когда заговоримъ объ искусствѣ, то, какъ всегда, и даже болѣе, чѣмъ когда-либо, становлюсь неумолимо строгъ. Вѣдь, чѣмъ больше человѣкъ получилъ, тѣмъ больше долженъ дать, чѣмъ больше ему дано, тѣмъ больше долженъ разработать. И вотъ, я не могу назвать искусствомъ то, въ чемъ я не вижу разработки; я не могу назвать искусствомъ то, когда человѣкъ выноситъ на сцену свои природныя данныя и больше ничего. Въ ней, какъ и во всѣхъ нашихъ актерахъ, не было сознанія своихъ средствъ; а когда нѣтъ сознанія, то нѣтъ и руководительства, ибо руководить можно только тѣмъ, что знаешь. Не чувствовалъ я въ ней владѣнія своими средствами; не чувствовалъ, что она изъ разнообразія этихъ средствъ сознательно выбираетъ. У нея былъ прелестный голосъ, очень разнообразный, но она, очевидно, своего голоса сама не знала; хорошо помню, что въ началѣ всякой роли, первое впечатлѣніе, когда она открывала ротъ, было непріятное, — фальшивая нота; и только, когда роль понемногу ее согрѣвала, находила она понемногу и соотвѣтствующій голосъ. Техническая слабость голоса часто сказывалась и мѣшала; у нея не было низовъ, не хватало густоты: а все это могло быть, но — наши актеры техникой пренебрегаютъ. Зато въ минуты безсознательнаго увлеченія ролью, она достигала изумительной глубины, и тогда становилось ясно, *что* бы она могла быть, если бы освѣтила себя свѣтомъ сознанія. Есть ли на свѣтѣ что-нибудь болѣе несовмѣстимое, болѣе другъ друга исключающее, нежели искусство и случайность? А между тѣмъ, игра нашихъ русскихъ актеровъ полна случайностей, — сегодня вышло, а завтра не вышло. И никто этого не замѣчаетъ, и это именуется искусствомъ! Но почему, напримѣръ, когда на билліардѣ шаръ попадаетъ въ лузу безъ предусмотрѣнія играющаго, это ему не ставится въ заслугу, это называется фуксомъ? А на сценѣ такіе фуксы именуются искусствомъ. Я, конечно, не скажу, что все хорошее у Комиссаржевской было фуксомъ; но когда у актера я вижу фразы, сказанныя не плохо или не хорошо, а просто не вѣрно, когда цѣлыя сцены ведутся не на томъ регистрѣ голоса, — тогда невольно подвергается сомнѣнію сознательность того, что въ его игрѣ бываетъ хорошаго. Вѣдь только за сознательное актеръ отвѣтственъ, какъ игрокъ на билліардѣ отвѣтственъ только за сознательно уложенный шаръ.

Съ этой оговоркой, которую дѣлаю по поводу Комиссаржевской, но которую распространяю на весь русскій театръ, поскольку театръ состоитъ изъ актерской читки и актерской мимики, дамъ Комиссаржевской первое мѣсто среди русскихъ актрисъ ея поколѣнія. Въ первый разъ я видѣлъ ее въ пьесѣ Зудермана «Гибель Содома». Это было невиданное на русской сценѣ явленіе: пятнадцатилѣтняя дѣвочка, наивная, ясная, безъ тѣни вульгарности, безъ малѣйшей нарочитости. Такой подлинной жизни я на нашей сценѣ не видалъ ни до, ни послѣ нея. У нея было два рѣдчайшихъ преимущества: при разнообразіи удивительная легкость переходовъ и умѣнье придавать словамъ иной смыслъ, нежели тотъ, который имъ принадлежитъ. Какъ примѣръ послѣдняго, помню пьесу того же Зудермана «Огни Ивановой ночи». Она остается на сценѣ одна со своимъ возлюбленнымъ; они только что узнали, что любятъ другъ друга; имъ надо торопиться на поѣздъ; но ей не хочется уѣзжать, — ей здѣсь такъ хорошо! Уже поздно: одинъ поѣздъ пропущенъ. На его доводы она отвѣчаетъ: «Все равно, мы поѣдемъ въ одиннадцать часовъ». Проходитъ и это время, — она говоритъ: «Мы поѣдемъ въ два часа». Наконецъ, пропущенъ и этотъ поѣздъ и, усаживаясь на диванѣ, забиваясь въ уголокъ, кутаясь въ шаль и прижимаясь къ возлюбленному, она говоритъ: «Мы поѣдемъ въ четыре часа». Всѣ эти три фразы въ ея устахъ выражали совсѣмъ не то, что значили слова; онѣ выражали: «Мнѣ такъ хорошо! Мнѣ ничего не нужно больше. Я на седьмомъ небѣ». И всѣ три были пронизаны однимъ: «Я такъ тебя люблю!» Вотъ этой способностью дать словамъ иное значеніе, нежели то, которое имъ присуще по словарю, она обладала въ высшей степени: упразднить слово, какъ таковое, потопить его въ морѣ чувства. Только большіе таланты умѣютъ это. Она это умѣла, но, — всегда «но», всегда, когда рѣчь идетъ о русскомъ актерѣ, — но ей удавалось все наивное, несложное, простенькое; въ настоящей драмѣ уже было не то, а въ трагедіи ея не хватало, т. е. хватило бы, но не было выучки, не было мастерства; она погибала подъ трудностью задачи, она была не нужна, не у мѣста. Такъ, была блѣдна ея Офелія, ничтожна была Дездемона, которую она играла вмѣстѣ съ Сальвини. И, не смотря на это, захотѣла пойти по этому пути. Она ушла съ казенной сцены и отдалась въ руки нашумѣвшему въ свое время режиссеру Мейерхольду. Этотъ фигляръ театральный, сумѣвшій испортить и отравить все, къ чему ни прикасался, взялся за Комиссаржевскую, составилъ для нея труппу и повезъ по Россіи; я уже не видѣлъ ее въ этотъ періодъ, но говорили, что ея узнать нельзя было; она была изломана, исковеркана. Въ рукахъ Мейерхольда ландышъ завялъ... Вскорѣ послѣ этого Комиссаржевская умерла.

Мейерхольдъ остался живъ. При Теляковскомъ онъ былъ режиссеромъ на Александринской сценѣ. Здѣсь онъ ставилъ въ придворной роскоши Людовика XIV Мольеровскаго «Донъ Жуана». То былъ періодъ Мейерхольда во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Но сей отравитель и угаситель искусства былъ въ жизни находчивый хамелеонъ. Въ 1920 году онъ уже былъ ярый коммунистъ. Онъ состоялъ завѣдующимъ Театральнымъ Отдѣломъ при Совѣтскомъ Правительствѣ. Онъ объявилъ что театръ долженъ быть органомъ коммунистической пропаганды; на сценѣ — наковальня и молотъ, актеръ — рабочій. Онъ договорился до того, что только революціонеръ можетъ играть революціонера! Гдѣ же искусство? А контръ-революціонера, значитъ, можетъ играть только контръ-революціонеръ? Онъ дошелъ, наконецъ, до того, что сами же коммунисты его убрали. Нужна была вся бѣдность нашей жизни, нуженъ былъ тотъ изворотъ умовъ, въ которомъ жилъ нашъ театральный міръ, нужна была та гнилая безграмотность, въ которой прозябаетъ наша публика, чтобы такая фигура, какъ Мейерхольдъ, могла возникнуть и утвердиться въ нашемъ театрѣ. Сатанинской пляской прошелся онъ по русской сценѣ; и только одно утѣшительно: не можетъ быть вредоносно то, что такъ не глубоко. Но грустно за ту пустыню, въ которой такой голосъ принимается за нѣчто значущее...

Прежде чѣмъ проститься съ Александринскимъ театромъ, двухъ нашихъ милыхъ старушекъ еще долженъ упомянуть, — Стрѣльскую и Левкѣеву; первая была восхитительна въ роляхъ благодушныхъ, вторая — въ сварливыхъ; первая была мамаша, бабушка, тетушка, вторая была кухарка, сваха, теща. Но обѣ были сама жизнь. Онѣ были, — съ меньшимъ блескомъ, съ меньшей красочностью, — въ Петербургѣ такою же парой, какою въ Москвѣ были Садовская и Акимова. Я еще засталъ Акимову, съ ея голосомъ, какъ іерихонская труба, грузную, обширную, вносящую съ собой ураганъ смѣха, всякій разъ какъ выходила на сцену. А Садовскую, Ольгу Осиповну, мы всѣ хорошо помнимъ, — сухопарую, язвительную, восхитительно-гибкую въ злыхъ интонаціяхъ.

Да, я засталъ еще остатки стараго Малаго театра; по нимъ мы можемъ себѣ составить понятіе о томъ, что это было. Это были не только другіе актеры, это были другіе люди, съ другимъ отношеніемъ къ жизни и къ искусству, съ другимъ отношеніемъ къ работѣ...

Конечно, и въ нихъ замѣчалось отсутствіе классической почвы; чтеніе стиховъ было болѣе грамотно, чѣмъ сейчасъ у насъ, но и тамъ было много дурныхъ привычекъ, ухватокъ и замашекъ; бывало безобразное расположеніе удареній, было вмѣсто интонаціи завываніе. До сихъ поръ классическая

традиція еще не проникала въ русскую читку. Русскій классицизмъ находится еще въ состояніи возможности, его еще не слышали, его даже не знаютъ, потому не знаютъ, что не знаютъ основъ или, вѣрнѣе, думаютъ, что основы этого искусства коренятся въ личномъ усмотрѣніи. У насъ думаютъ, что вся суть въ томъ, чтобы показать свою душу, свою обывательскую истрепанную душу. Да развѣ въ этомъ цѣнность? Да не только для меня не интересно, а мнѣ противно чувствовать душу Ивана Колупаева, когда я хочу слышать Пушкина. Нѣтъ, не въ обывательской душѣ, а въ глубинахъ общей человѣческой природы, въ міровыхъ законахъ формы, движенія, силы тяготѣнія сидятъ корни нашего искусства. Выявиться же съ правильностью, съ полнотой, и въ согласіи съ природой, они могутъ только по тому пути, по которому выявила ихъ древняя классическая культура; только у грековъ найдемъ мы истинные пути, правдивые пріемы читки и мимической пластики, вообще — человѣческой выразительности. Только соприкосновеніе съ этой традиціей можетъ дать то сліяніе естественнаго и высокаго, въ которомъ истинный классицизмъ, а потому и истинное искусство. Обо всемъ этомъ я писалъ на другихъ страницахъ; здѣсь не хочу останавливаться на теоретическихъ вопросахъ искусства и практическихъ вопросахъ сценическаго воспитанія. Но скажу о томъ, какъ я пошелъ по этому пути и съ какими на этомъ пути я встрѣтился людьми.

III.

Памяти Модеста Чайковскаго. Памяти Николая Николаевича Врангеля.

Я всегда имѣлъ склонность къ вопросамъ искусства и художественнаго воспитанія. Но всякая склонность, чтобы перейти въ дѣятельность, требуетъ толчка, иногда самаго незначительнаго. Такихъ незначительныхъ фактовъ было два. Первый фактъ — приглашеніе прочитать докладъ у барона Николая Васильевича Дризена, довольно извѣстнаго въ театральныхъ кругахъ Петербурга критика, изслѣдователя театральныхъ архивовъ, въ то время редактора «Ежегодника Императорскихъ Театровъ». Другой фактъ — слова одной молодой актрисы Александринскаго театра, Шуваловой, дочери актера Сазонова. Она мнѣ однажды сказала: «Какъ намъ, актерамъ, упражняться въ нашемъ искусствѣ? Пѣвица, музыкантъ, танцовщица знаютъ, что имъ дѣлать, а вотъ у меня между чаемъ и ужиномъ два часа свободнаго времени, — что мнѣ дѣлать, чтобы усовершенствоваться?» Какая картина безпомощности въ этомъ вопросѣ... Таковы два назначительныхъ факта; первый вызвалъ меня на дорогу, второй указалъ паправленіе.

У Дризена собирались режиссеры, писатели, критики, актеры. Каждый разъ я убѣждался въ нашемъ русскомъ неумѣніи говорить по существу, даже въ нашемъ неумѣніи интересоваться существомъ вопроса. Вотъ люди театра, хотѣвшіе говорить о театрѣ, а между тѣмъ никто о театрѣ не говорилъ, — всѣ говорили по поводу театра. Меня все это удручало. Это была все та же русская говорилка, тѣшащаяся звукомъ собственнаго голоса; это были ручейки, составившіе то говорильное море, въ которомъ наше время потопило и театръ и многое другое. Я мало бывалъ на этихъ собраніяхъ, раза три-четыре; потомъ уѣхалъ въ Италію. Мой покойный другъ Николай Николаевичъ Врангель на мой запросъ изъ Рима о томъ, что дѣлается у Дризена, отвѣчалъ: «Все то же, — душно, пахнетъ бутербродами». Вѣдь были-же времена, когда запахъ бутерброда былъ непріятенъ!...

Впрочемъ, это старая истина, что у каждой эпохи свои вкусы... Итакъ, я у Дризена не прижился, и тѣмъ не менѣе — оттуда началась моя дѣятельность.

Какъ-то весной, будучи въ Петербургѣ проѣздомъ изъ Рима въ свою тамбовскую деревню, я завтракалъ у «Медвѣдя» съ моимъ добрымъ другомъ, Модестомъ Ильичемъ Чайковскимъ, братомъ композитора. Онъ мнѣ сказалъ, что встрѣтилъ Дризена, который справлялся обо мнѣ и поручилъ передать мнѣ приглашеніе къ себѣ на Среду, — послѣдняя въ году Среда, «будетъ Станиславскій»... Я пошелъ и, по просьбѣ Дризена, послѣ написалъ ему свои впечатлѣнія о слышанныхъ сужденіяхъ, или, выражаясь современнымъ отборнымъ русскимъ языкомъ, о «дискуссіяхъ». Въ результатѣ получилъ приглашеніе — осенью, на первой Средѣ новаго сезона, прочитать докладъ. Этотъ докладъ объ актерской техникѣ въ мимикѣ и читкѣ я за лѣто написалъ; онъ составилъ впослѣдствіи первую статью въ моей книгѣ «Человѣкъ на сценѣ». Если я объ этомъ упоминаю, то потому, что мнѣ дорого, что самое начало моей сценически-воспитательной дѣятельности связано съ именемъ Модеста Ильича Чайковскаго. Черезъ него я получилъ приглашеніе Дризена и къ нему же въ Клинъ заѣхалъ черезъ два дня, по дорогѣ въ мою Павловку.

Модеста Чайковскаго я давно зналъ — «по петербургски», но по настоящему узналъ его въ Римѣ, гдѣ мы много зимъ провели вмѣстѣ. Когда думаю о немъ, всегда вижу его въ Римѣ, больше, нежели въ его миломъ Клину. Римскія улицы, римскіе памятники, римскія церкви, рестораны, кофейни, театры, концерты, выставки, аукціоны, — всюду онъ былъ свѣдущій спутникъ, чуткій товарищъ, мудрый совѣтникъ. И всюду онъ былъ, какъ дома, и всюду его принимали, какъ добраго знакомаго. Signor Modesto! — кто не зналъ его? Онъ жилъ на Piazzo di Spagna, — если смотрѣть на лѣстницу, то по лѣвой сторонѣ площади, надъ портнымъ Шрайдеромъ, въ квартирѣ, въ которой нѣкогда жилъ Мендельсонъ. Эту квартиру въ теченіе двухъ зимъ онъ дѣлилъ со своимъ племянникомъ Бобомъ Давыдовымъ, — тѣмъ самымъ, которому Петръ Ильичъ посвятилъ свою 6-ую симфонію и который въ Клину кончилъ самоубійствомъ... Въ этой маленькой квартирѣ, которая днемъ, залитая солнцемъ, сквозь балконную дверь дышала звенящимъ говоромъ мостовой, рокотомъ фонтана, запахомъ цвѣтовъ на ступеняхъ высокой лѣстницы Trinità dei Monti, въ этой самой квартирѣ, вечерами, сколько бывало прекрасной музыки. Какъ наслѣдникъ авторскихъ правъ своего брата, Модестъ Ильичъ былъ въ сношеніяхъ съ музыкантами всего міра. Великолѣпные концерты, въ круглой залѣ Augusteo, устроенной въ бывшемъ мавзолеѣ Императора Августа, при-

влекали въ Римъ лучшихъ артистовъ и дирижеровъ. Дирижеры всѣ были знакомы съ Модестомъ Ильичемъ; забавно, что всѣ хотѣли непремѣнно въ программу своихъ концертовъ включить 6-ую симфонію Чайковскаго, и когда Модестъ Ильичъ возражалъ, что на предъидущемъ или предпослѣднемъ концертѣ такой-то уже дирижировалъ 6-ю симфонію, — «Да, — неизмѣнно отвѣчали ему — но я ее понимаю совсѣмъ, совсѣмъ иначе, совсѣмъ по своему, какъ никто другой». И это говорилъ каждый.

Концертная жизнь римская была близка Модесту Чайковскому; большинство участниковъ симфоническаго оркестра были его знакомые, а первая скрипка и первая віолончель, можно сказать, были его птенцы. Первая скрипка — Zuccarini — былъ сынъ содержателя ресторана Раніери, гдѣ мы часто обѣдали; первая віолончель, Магалотти, былъ сынъ многочисленной и очень бѣдной семьи. Оба они начали свою карьеру благодаря помощи Модеста Ильича; они были прекрасные артисты и впослѣдствіи вмѣстѣ съ піанистомъ Кристіани составили тріо, — Trio Romano. Мой пріятель Викторъ Барятинскій назвалъ ихъ общимъ именемъ «Магалята». И сколько такихъ музыкальныхъ карьеръ началось и продолжалось благодаря помощи Модеста Ильича! Кому инструментъ, кому фракъ для перваго концерта, кому плата за уроки... Не было музыкальнаго событія въ Римѣ, которое бы не прошло мимо него; не было музыальнаго вечера, — все равно, въ русскомъ-ли, въ итальянскомъ, или англійскомъ домѣ, чтобы не пригласили Чайковскаго. Всѣ русскіе пѣвцы, пѣвицы, піанисты, пріѣзжавшіе въ Римъ, приходили къ нему на поклонъ. Все, что сколько-нибудь соприкасалось съ музыкой, ощущало нѣкую родственность по отношенію къ нему. «Братъ Чайковскаго» былъ авторитетъ. И надо сказать, что, хотя онъ самъ только очень плохо игралъ на фортепіано, онъ былъ настоящій, знающій музыкантъ, съ тонкимъ критическимъ чутьемъ. Сколько разъ послѣ выступленія артисты спрашивали меня: «А что сказалъ Signor Modesto?»

Въ очень близкихъ отношеніяхъ онъ былъ съ вдовой Антона Рубинштейна. Она всегда бывала на его вечерахъ; въ въ честь ея Магалята играли тріо ея мужа, — съ такой прелестной темой и затѣмъ такой водянистой разработкой. Помню, однажды она читала у него отрывки изъ своихъ воспоминаній; Модестъ Ильичъ посовѣтовалъ ей не печатать ихъ. Она съ мужемъ своимъ не очень ладила, и въ запискахъ говорила о немъ, какъ о супругѣ и семьянинѣ; она говорила очень свободно, и подъ перомъ супруги, если не блекли лавры художника, то меркнулъ ореолъ имени. Это было непріятно

слушать. Большихъ трудовъ стоило Модесту Ильичу отговорить ее; она очень нехотя уступила настояніямъ, тѣмъ неохотнѣе, что всегда была въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Она была умна, съ пріятными формами обращенія, но ѣдкая. Она питала большую склонность къ католицизму, а можетъ быть, только къ католическимъ прелатамъ; во всякомъ случаѣ, въ ея маленькой гостиной, гдѣ, несмотря на прошлое, она принимала на диванѣ подъ великолѣпнымъ портретомъ Антона Григорьевича, проходили черная и лиловая рясы, и даже красная мантія иногда. Кардиналъ Рамполла, знаменитый статсъ-секретарь Льва XIII, бывалъ у нея. Когда онъ былъ выбранъ въ преемники Льва XIII и послѣдовало на это избраніе австрійское Veto, онъ сказалъ Г-жѣ Рубинштейнъ, что онъ радъ случившемуся, — онъ радъ вернуться во мракъ. «Гдѣ вы, — сказала она, — тамъ не можетъ быть мрака...»

Не въ одной музыкѣ Модестъ Ильичъ былъ авторитетъ. Я рѣдко встрѣчалъ человѣка, болѣе чутко, болѣе полно и болѣе разносторонне понимавшаго театръ. Опять, какъ и по поводу его музыкальности, долженъ начать съ «хотя». Хотя онъ былъ не важный драматургъ, самъ говорилъ о себѣ: — «Я семистепенный писатель», хотя изъ его многочисленныхъ пьесъ только «Борцы» держались на сценѣ, — онъ былъ рѣдкій знатокъ и судья театра. Онъ одинаково хорошо зналъ и русскій театръ, и французскій, и нѣмецкій и итальянскій; и цѣнно было въ его сужденіяхъ, что всегда ощущалась традиція, онъ зналъ прошлое, и прошлое жило въ немъ. Его сужденіе исходило изъ глубины театральныхъ требованій. А въ вопросахъ, меня интересовавшихъ, въ вопросахъ актерской техники, — читки и мимики, — я не встрѣчалъ ни въ одномъ театральномъ дѣятелѣ (говорю о русскихъ), столь ясно и вѣрно осознанной потребности того, чего недостаетъ нашему театру. Сколько безконечныхъ бесѣдъ, — съ впечатлѣніями о только что прослушанномъ спектаклѣ, съ воспоминаніями о прошломъ, съ мечтами о будущемъ, — проходили въ Caffe Faraglia на Piazza Venezia, у Aragno на Corso, подъ портиками Piazza Termini, въ аллеяхъ Pincio... Для моей работы — сколько поддержки, сколько провѣрки я нашелъ во время этихъ бесѣдъ. Не въ томъ дѣло, — хороша или не хороша моя работа, нужна или безполезна (я лично убѣждаюсь съ каждымъ днемъ все больше, что она очень хороша и совсѣмъ безполезна), не въ томъ дѣло; но каждому человѣку его работа дорога, и потому дорога мнѣ память того, кто такъ близокъ былъ къ ней. И самый скромный труженикъ, если только онъ искренній работникъ, можетъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ сказать:

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.

Сладость единомыслія въ любимыхъ вопросахъ, — что больше можетъ дать человѣкъ человѣку на землѣ? Это мало для потомства, но это много для друга.

Модестъ Чайковскій былъ лишенъ творчества, — его будутъ помнить только знавшіе его друзья. Но и онъ оставилъ по себѣ памятникъ; это трехтомная біографія его брата Петра Ильича. Эта книга очень мало извѣстна; она дышитъ очень своеобразной прелестью и заслуживаетъ почетнаго мѣста въ памяти людской; это вѣрный другъ пожилому читателю, это хорошій руководитель чувства и вкуса для молодого. У меня въ деревнѣ была она съ собственноручной надписью автора. Да, это памятникъ, оставленный Модестомъ Ильичемъ: біографія, Клинская дача, Музей и Архивъ. Въ этомъ миломъ Клину, среди рощъ, гдѣ писалось — «То было раннею весной», я навѣщалъ его проѣздомъ въ деревню или обратно. Послѣ войны онъ не выѣзжалъ оттуда; онъ предложилъ гостепріимство многимъ своимъ родственникамъ; родственники пригласили уже своихъ родственниковъ. Отшельническое уединеніе было нарушено шумно, назойливо. Модестъ Ильичъ былъ очень боленъ, и въ шумливости родственной толпы уже проявлялся зудъ, предшествующій вскрытію завѣщанія... Подъ предлогомъ медицинскаго ухода Модестъ Ильичъ переѣхалъ въ Москву, — нанялъ квартирку въ Замоскворѣчьи на Пятницкой, чтобы было, гдѣ спокойно умереть. Тамъ я видѣлъ его больного, неузнаваемаго, сильно страдающаго — въ послѣдній разъ. Оиъ болѣлъ печенью; желтый, худой; въ коричневыхъ ямахъ горѣли глаза. Когда я пожалѣлъ его, — «Ничего, ничего, — сказалъ онъ, — жизнь была такъ хороша! Умѣли наслаждаться, надо умѣть и страдать».

Черезъ шесть дней я получилъ въ деревнѣ телеграмму о его кончинѣ отъ единственнаго бывшаго при немъ человѣка. Это былъ молодой скрипачъ, сынъ клинскаго мѣщанина; Чайковскій помѣстилъ его въ консерваторію. Любопытный случай. Къ отцу Іоанну Кронштадскому приходитъ разъ человѣкъ, — мѣщанинъ города Клина; онъ второй годъ вдовѣетъ, огромная семья на рукахъ, ему очень трудно одному; но жениться онъ не хочетъ, онъ боготворитъ память жены; какъ быть? Отецъ Іоаннъ сказалъ, что подумаетъ, благословилъ и отпустилъ. Черезъ нѣсколько дней приходитъ къ отцу Іоанну

благообразная пожилая женщина, говоритъ, что она все въ жизни потеряла; но хотѣла бы жить для другихъ, любить дѣтей. Отецъ Іоаннъ далъ ей адресъ клинскаго мѣщанина, благословилъ, отпустилъ. Такимъ образомъ домъ получилъ хозяйку, дѣти получили бабушку. Я видѣлъ ихъ всѣхъ; мы пили чай на балконѣ Чайковскаго. Былъ воскресный вечеръ, сирень благоухала, нехотя уходили косые закатные лучи; въ воздухѣ стояло жужжаніе. Многочисленныя дѣти всѣхъ возрастовъ уплетали хлѣбъ, масло и варенье. Отца уже не было въ живыхъ, старушка была глава семейства. Она была прелестная, — фарфоровая, въ мѣщанствѣ — дама; на ней были нитяныя полуперчатки, бѣлая кисейная кружевная накидка на плечахъ. Я увѣренъ, что въ ея комнатѣ было много солнца, на окнахъ цвѣла герань, пахло кипарисомъ и пѣли канарейки...

Послѣ смерти Модеста Ильича родственники испытали разочарованіе: Клинская дача по завѣщанію переходила въ собственность Московскаго Отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества для лѣтняго пребыванія артистовъ. Библіотека, архивъ и музей спасены отъ посягательствъ революціонной «культуры» стараніями секретаря консерваторіи, Николая Тимоѳеевича Жегина. Смотрителемъ и хранителемъ поставленъ престарѣлый Ипполитъ Ильичъ Чайковскій, послѣдній изъ братьевъ. Ему за восемьдесятъ лѣтъ, и во время революціи онъ дважды былъ въ тюрьмѣ; онъ двѣ недѣли спалъ на голомъ полу съ полѣномъ подъ головой. Теперь онъ, кажется, въ пристани. Вмѣстѣ съ нимъ тамъ же въ Клину доживаетъ древняя старушка М-е Lafitte, воспитательница не знаю сколькихъ поколѣній семьи Чайковскихъ, родомъ француженка, но австрійская уроженка. Вѣроятно, вслѣдствіе этой двойственности она одинаково плохо говоритъ на обоихъ языкахъ, какъ и по русски. Когда ей минуло 70 лѣтъ, это было давно, Чайковскіе дали ей пенсію и предложили выбрать городъ Европы, въ которомъ она предпочитаетъ поселиться. Она выбрала Клинъ. Сейчасъ, зимой 1921 года, ей много за восемьдесятъ; у нея пляска св. Витта, ее всю дергаетъ; ея единственная отрада — собаки; она окружена фокстерьерами, разговариваетъ съ ними на трехъ ломаныхъ языкахъ; трясущимися руками раздаетъ имъ пищу со своей тарелки. Во время революціи ей пришлось очень тяжело; она была одна, ее хотѣли выставить изъ дома. Какъ-то случилось, что она осталась. Но, несомнѣнно, на закатѣ дней своихъ она пришла къ тому же выводу, какъ французскій поэтъ въ извѣстномъ стихотвореніи:

Plus j'étudie les hommes,
Plus j'aime les animaux.

(Чѣмъ больше изучаю людей, тѣмъ больше люблю животныхъ).

Она, конечно, такъ думаетъ и она, конечно, права. Ну что можетъ быть прекраснѣе природы въ нынѣшніе дни, что — отдохновительнѣе ея безпартійности?

Но вернемся къ моей работѣ. Итакъ, я прочиталъ свой докладъ у Дризена; да не у него одного, — я читалъ его тогда въ Петербургѣ двѣнадцать разъ и еще разъ въ Москвѣ, по приглашенію Художественнаго театра. Конечно, это ничего не значитъ; въ то время я имѣлъ наивность вѣрить въ дѣйствительность этого интереса. Увы, съ тѣхъ поръ я убѣдился, что люди накидываются на новое, а сами продолжаютъ костенѣть; но кто любитъ свое дѣло, долженъ работать ради работы, а не ради того, какъ другіе къ его работѣ отнесутся... Въ это же время, осенью 1910 года я сошелся съ Николаемъ Николаевичемъ Врангелемъ. Тоже покойникъ; онъ былъ двадцатью годами моложе меня, а умеръ шесть лѣтъ тому назадъ, во второй годъ войны. Имя Барона Н. Н. Врангеля слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ, кто занимается искусствомъ. Въ послѣднее время имя его брата пронеслось по обагреннымъ кровію равнинамъ нашей родины; оно прозвучало громче, нежели имя труженика на мирной нивѣ искусства, потому что военная труба вообще громче лиры; но наступитъ же время, когда скажемъ, какъ нѣкогда поэтъ:

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.

Скажемъ; если не мы, то скажутъ наши потомки, и тогда засвѣтится снова на нашемъ небосклонѣ имя нашего покойнаго друга. На чествованіи его памяти въ торжественномъ засѣданіи Общества Защиты Памятниковъ, въ Академіи Наукъ, 15 декабря 1915 года Александръ Бенуа сказалъ, что наступитъ время, когда будутъ говорить въ исторіи русскаго художественнаго движенія объ «эпохѣ Врангеля», будутъ говорить о «Врангелизмѣ». Въ этомъ засѣданіи, которымъ Общество Охраны Памятниковъ почтило память своего секретаря, говорило семь человѣкъ: П. П. Вейнеръ, издатель «Старыхъ Годовъ», которыхъ Врангель былъ постояннымъ сотрудникомъ; С. Л. Бертенсонъ, присутствовавшій при смерти его; А. Ѳ. Кони давалъ характеристику его авторства; В. А. Верещагинъ говорилъ о первыхъ литературно-критическихъ шагахъ покойнаго; Александръ Бенуа обрисовалъ его значеніе въ русской художественной жизни; Профессоръ С. Ѳ. Ольденбургъ въ связи съ его памятью затронулъ жгучій въ то время вопросъ о національнизмѣ. Послѣдній говорилъ я; я постарался дать

духовный портретъ моего друга. Всѣ эти рѣчи вышли отдѣльной книгой: «Вѣнокъ Врангелю»; въ концѣ приложенъ списокъ печатныхъ трудовъ его. Кстати скажу, — книга въ смыслѣ издательскомъ очень неудачная; непонятно, какъ это могло случиться, что лучшія силы художественныя и издательскія, соединившись, чтобы почтить память друга, родили такую безвкусицу. Форматъ неопредѣленный, бумага слишкомъ толстая, печать слишкомъ крупная, виньетки работы Лансерэ, предпосланныя каждой статьѣ, слишкомъ велики, во всю страницу, выдвигаютъ имя художника; все назойливо, неспокойно; слащавая обложка съ цвѣточками совершенно не вяжется съ классическими намѣреніями виньетокъ. Нужно было взять форматъ его книги «Вѣнокъ Мертвымъ», ту-же печать, тѣ-же силуэтныя виньетки, или сдѣлать другія «подъ нихъ», — мы бы тогда читали о немъ въ его же книгѣ, безъ вмѣшательства постороннихъ. И еще разъ мы бы испытали прелесть его духовнаго сообщества.

Но, конечно, никогда не испытали бы прелести его душевнаго сообщества; это ушло безвозвратно, поглощенное тѣмъ темнымъ моремъ прошлаго, куда уходитъ всякій внѣшній сосудъ всякой духовной цѣнности. Безвозвратно, ушло его мягкое спокойствіе, легкое прикосновеніе къ житейскимъ глубинамъ, язвительность его усмѣшки, и навсегда умолкъ его смѣхъ. Врангелевскій смѣхъ! Это была самая отличительная черта его. Въ наше угрюмое время (а угрюмость надвигалась издалека, и тогда уже окутывала насъ) какъ не цѣнить смѣхъ? Смѣхъ, это брызжущій, искрящійся сокъ жизни; это преимущественно человѣческое, чего въ природѣ нѣтъ; это природа, прошедшая сквозь человѣка, въ немъ отразившаяся и имъ оцѣненная; это есть homo additus naturae. Раблэ сказалъ: — «rire est le propre de l'homme». Смѣшное есть то, что человѣкъ внѣ природы создаетъ, чего въ природѣ нѣтъ, что не входитъ въ ея цѣли. Вотъ почему смѣхъ есть уже искусство, это есть одна изъ ступеней творчества. Вотъ почему и въ смѣхѣ проявляется талантливость человѣка: есть смѣхъ одареннаго человѣка и есть смѣхъ неодареннаго. И вотъ почему свойствомъ смѣха опредѣляется наше отношеніе къ человѣку; и въ то время, какъ чужія слезы, чужое горе мы всегда способны дѣлить, къ чужому смѣху мы очень разборчивы: смѣхъ надъ тѣмъ, что намъ не смѣшно, можетъ раскрыть пропасть между нами и смѣющимся. Можно сказать, что слезы это орудіе сліянія поверхъ культурныхъ различій; смѣхъ — орудіе культурнаго подбора. Мы можемъ быть въ близкихъ отношеніяхъ съ человѣкомъ, но только тогда мы почувствуемъ полное духовное родство, когда съ нимъ вмѣстѣ, надъ тѣмъ-же самымъ, одинаковымъ смѣхомъ посмѣемся.

Врангель умѣлъ смѣяться, онъ имѣлъ талантъ смѣха. И надъ чѣмъ не смѣялся онъ! Но это не значитъ, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто все вышучиваетъ. Смѣхъ не былъ сущностью его отношенія къ явленіямъ. Это была лишь форма, тончайшая форма выраженія, — какъ тончайшаго стекла бокалъ, въ которомъ можетъ быть и горькое и сладкое питье, и цѣлебное и ядовитое, такъ въ его смѣхѣ могло выражаться все. Даже негодованіе выражалось у него въ смѣхѣ; его негодованіе хохотало. Чѣмъ сильнѣе зажигало его негодованіе, чѣмъ съ большимъ возмущеніемъ онъ о чемъ-нибудь разсказывалъ, тѣмъ болѣе разсказъ его превращался въ «анекдотъ»; онъ заражалъ васъ своимъ смѣхомъ, поднималъ съ одной ступени смѣха на другую, при чемъ интонація мягкая, нѣсколько фальцетная, поднималась все выше и выше, какъ будто говоря вамъ: «Вы понимаете? Да вы подумайте! Нѣтъ, да вы представьте!» Онъ такъ любилъ смѣяться, что смѣялся и надъ тѣмъ, что любилъ. Эта его склонность давала поводъ людямъ не очень къ нему близкимъ считать его невѣрнымъ другомъ. Ошибочное мнѣніе. Да, правда, онъ любилъ пустить салазки дружбы по склону краснаго словца; но, если было въ этомъ ехидство, то гораздо больше по отношенію къ тому, съ кѣмъ онъ говорилъ, нежели по отношенію къ тому, о комъ говорилъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ всегда передавалъ о подобныхъ своихъ «вылазкахъ» и всегда приносилъ мнѣ результаты сволхъ «развѣдокъ». Да, онъ не прочь былъ посмѣяться надъ тѣмъ, что любилъ, но и любилъ то, надъ чѣмъ смѣялся. А что онъ не любилъ? Не было такого пустяка, котораго, своимъ прикосновеніемъ, онъ не превратилъ бы въ предметъ прелестнаго замѣчанія, ѣдкой шутки, горькой иллюстраціи чего-нибудь обще-наболѣвшаго.

Тутъ сказывалась и другая черта его характера, — противорѣчіе; удивительное сочетаніе противорѣчій. Не тѣнь я бросаю этимъ словомъ. Вѣдь противорѣчіе значитъ полнота; кто безъ противорѣчій, тотъ одностороненъ. Это парадоксъ, знаю; но какъ же о Кокѣ Врангелѣ говорить безъ парадокса, когда онъ самъ былъ парадоксъ?.. И въ самомъ дѣлѣ, — развѣ не противорѣчіе? Его походка, безпечная, его глаза, нѣсколько косящіе, разсѣянные, его рукопожатіе вялое, какъ-то сбоку, точно вскользь, — какъ все это не вяжется съ неуклонной стойкостью въ работѣ, съ внимательнымъ наблюденіемъ жизни, съ тою дружеской радостью, которую онъ проявлялъ при встрѣчахъ, хотя тутъ же ее спѣшилъ высмѣять какимъ-нибудь скептическимъ привѣтствіемъ. Кто бы могъ въ этой «фланирующей» походкѣ угадать упорнаго работника? Но дѣло въ томъ, что само упорство его было какое-то «фланирующее»; въ его работѣ была вялость, какъ будто онъ не держалъ ее, а только

Книгозбірня „СТУДІОН" у Львові

прикасался къ ней. Никогда его фигура, ни его рѣчь не давала впечатлѣнія устремленности въ точку. Когда онъ попадался мнѣ на улицѣ, всегда казалось, что онъ только гуляетъ. Меня всегда удивляло, когда онъ мнѣ говорилъ при встрѣчѣ: «Мнѣ надо туда-то или туда-то». Мнѣ казалось естественнѣе, что онъ скажетъ, какъ Марія Антоновна Хлестакову: «я никуда не шла». Одинъ изъ близкихъ его друзей говорилъ мнѣ: «Я удивляюсь, когда Врангель находилъ время работать». Съ такимъ же правомъ можно было, — зная количество его работы, — спросить себя: Когда Врангель отдыхаетъ?

Можетъ быть, правильнѣе, нежели противорѣчіемъ, было бы обозначить это словомъ — совмѣстительство. Я затруднился бы опредѣлить, что будетъ правильнѣе сказать о Врангелѣ: что для него не было на свѣтѣ ничего святого, или что не было на свѣтѣ ничего, что не было бы для него свято. Легкій скепсисъ къ самому себѣ всегда сопутствовалъ ему, даже въ самыхъ искреннихъ увлеченіяхъ. Способность посмѣяться надъ самимъ собой, способность на секунду отказаться отъ себя, способность, скажемъ, не сжечь, а поджечь то, чему поклонялся, — никогда не покидала его. Но, конечно, если за нимъ смѣхъ ходилъ по пятамъ, то другихъ онъ своимъ смѣхомъ, можно сказать, сѣдлалъ. Помню, мы были вмѣстѣ на одномъ изъ тѣхъ публичныхъ диспутовъ, которыхъ одно время было довольно много въ Петербургѣ. Говорили новые поэты, новые живописцы, братья Бурлюки и другіе. Кока Врангель презрительно улыбался убожеству мышленія и уродству выводовъ. Но вотъ, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда больше всего доставалось Пушкину и Рафаэлю, въ рядахъ движеніе, и мимо насъ проходитъ, гордою походкой покидая залъ, фигура поэта Сергѣя Городецкаго. Надо было видѣть восторгъ Коки передъ этимъ публичнымъ отрясеніемъ праха отъ ногъ своихъ! Онъ готовъ былъ тутъ же подписаться подъ всѣми Бурлюками, только бы вдосталь нарадоваться «благородному негодованію». Вижу складку губъ, вижу улыбающійся монокль, слышу въ воздухѣ повисшій его фальцетъ. Да, онъ любилъ то, надъ чѣмъ смѣялся. «La comédie humaine», — онъ упивался ею. Протестъ былъ нервомъ его жизни; какъ не любить то самое, что доставляетъ случай къ протесту? Какъ же не любить то самое, противъ чего протестуешь? Опять одинъ изъ парадоксовъ, къ которымъ неминуемо приходишь, когда развертываешь нить врангелевскихъ мыслей и ощущеній.

Таковъ былъ душевный тонъ его общительности; такова форма, въ которой онъ подавалъ свое содержаніе, — тонкій художественный вкусъ, четкую критику, огромный матеріалъ знаній. Про другого человѣка мы сказали бы, что у него огромная эрудиція; но это слово такъ тяжеловѣсно въ примѣ-

неніи къ легкой прелести его характера. Онъ былъ тяжелый словарь, разорванный на летучіе листки; и въ каждомъ листкѣ не только его знаніе, — но его критика, его ощущеніе, все его существо. И, однако, какъ ни цѣнилъ я эту «ученую» сторону Врангеля, еще больше цѣнилъ я его въ бездѣліи, въ отдыхѣ. Что за отдыхъ онъ давалъ! Отдыхъ съ оторванностью отъ всего, что утомляетъ. Отдыхъ отъ пошлости, отъ лжи, отъ постояннаго игранія роли. Разъ онъ мнѣ сказалъ: «Вѣдь мы всѣ въ жизни актеры и знаемъ это; но есть такіе, закоренѣлые, которые никогда, никому, даже самимъ себѣ, не признаются; а есть такіе, какъ мы съ вами, которые съ глазу на глазъ другъ другу признаются; и въ этомъ прелесть дружбы». Конечно, — искренность первое условіе нравственнаго отдыха.

Я замѣчаю, что много говорю о Врангелѣ. Можетъ быть это скучно? Можетъ быть, читателю хочется фактовъ? Но что такое «читатель»? Почему это авторы всегда обращаются къ читателю, какъ къ одному лицу? Вѣдь читатель многочисленъ и, къ счастью не «коллективъ», а единицы, драгоцѣнное разнообразіе разноцѣнныхъ единицъ; и не для всѣхъ изъ нихъ пишетъ авторъ, а для нѣкоторыхъ. А, можетъ быть, только для одного? А, можетъ быть, для одного только себя? Да, авторъ — зажигательное стекло, собирающее въ фокусъ лучи своихъ ощущеній; не всякій читатель такъ подойдетъ, чтобы ощутить жгучую ослѣпительность и ослѣпляющую жгучесть свѣтящейся и дымящейся точки. Говорю не о себѣ, конечно, а о писателѣ вообще...

Еще два слова о Кокѣ Врангелѣ. Мы съ нимъ переписывались; наши письма всегда носили юмористическій характеръ. Въ нихъ было двѣ тональности. Одну можно вытазить въ формулѣ: «гармоника и сѣмячки», — прибаутки провинціально-фабрично-бульварнаго характера. Другая тональность произошла изъ того, что я писалъ на машинкѣ, понадобилась мнѣ французская цитата, и я ее тутъ же русскими буквами отстукалъ. Такъ зародилась французская переписка русскими буквами, частью въ стилѣ Курдюковой, частью въ стилѣ какой-нибудь старой петербургской придворной дамы. У него бывали очаровательныя неожиданности на этомъ пути творчества...

Обстановка, въ которой я вижу его, когда о немъ вспоминаю, разнообразна. Мы видѣлись и въ Петербургѣ и заграницей. Передъ его пріѣздомъ дня за два всегда получалъ открытку, которою предупреждалъ и обозначалъ, — гдѣ намъ пообѣдать вмѣстѣ. Въ Парижѣ мы обѣдали у Lapré, rue Drouot, въ Римѣ у Umberto около почты, въ Петербургѣ на Б. Конюшенной въ подвальчикѣ — Cave Lagrave. Все это не важно, конечно, но жизнь такъ испаряется, — хоть какіе-нибудь твердые кристалы сберечь отъ нея... А онъ такъ лю-

билъ всѣ мелочи прошлаго, онь, защитникъ памятниковъ, онъ, который такъ боролся съ разрушающей смертью. И, опять противорѣчіе, любилъ и ее, великую разрушительницу. Да и въ чемъ же та щемящая притягательность прошлаго, какъ не въ томъ, что оно умерло? Эту болѣзненную сладость того, что было, эту сладостную боль того, что уже не будетъ, никто какъ онъ, не ощущалъ. Онъ сливалъ себя съ прошлымъ, онъ существовалъ въ вещахъ; было что-то патетическое въ его отношеніи къ эпохамъ, что-то надмірное въ легкости, съ какою онъ разрушалъ время и переносилъ прошлое въ настоящее... Вижу его то въ картонно-плотницкой обстановкѣ возникающей выставки, то въ бумажно-пыльной обстановкѣ редакціи и типографіи, то въ мраморно-лоснящейся обстановкѣ Эрмитажа. И всегда, въ самой шумливой суетѣ, — спокойнаго. Но болѣе всего спокойнаго вижу его у себя, на Бассейной, въ квартирѣ, набитой прекрасными вещами, собранными имъ и его отцомъ. Въ маленькомъ своемъ кабинетѣ, который былъ ему и спальней, на диванчикѣ краснаго дерева, обитомъ русской набойкой, которую мы вмѣстѣ выбирали на Кустарной выставкѣ, подъ причудливымъ портретомъ Озерова, сидѣлъ онъ и угощалъ меня чаемъ съ вареньемъ, говорилъ объ удивительномъ своемъ проэктѣ возстановить на Царицынскомъ лугу старые народные балаганы въ духѣ тридцатыхъ годовъ съ привлеченіемъ всѣхъ художниковъ. Вокругъ него книги, тетради, бумаги, масса начатаго и неначатаго... Такъ видѣлъ я его въ послѣдній разъ.

Съ первыхъ дней войны онъ бросилъ свое любимое искусство и поступилъ въ Красный Крестъ. Онъ работалъ на западномъ фронтѣ; сновалъ между Варшавой и Петербургомъ. За мѣсяцъ до смерти онъ прислалъ мнѣ открытку, помѣченную — Варшава, Вейская улица 21, 17-го мая; на оборотной сторонѣ Лозенковскій театръ. 15-го іюня 1915 г. онъ скончался отъ злокачественной желтухи; говорили, что онъ заразился удушливыми газами въ санитарномъ поѣздѣ. Правъ ли онъ былъ, оставивъ свое любимое дѣло, то, которымъ жилъ?... Не намъ судить. Одинъ разъ въ жизни онъ забылъ, что прошлое есть его настоящее. Самъ же онъ сказалъ въ первой строкѣ своей книги «Вѣнокъ мертвымъ», — «Всякая книга о прошломъ есть въ то же время книга о настоящемъ». Можемъ отнести къ нему его-же слова и сказать: «Всякій человѣкъ, трудящіяся надъ прошлымъ, въ то-же время трудится для настоящаго». Одинъ разъ въ жизни онъ забылъ объ этомъ, одинъ разъ въ жизни вернулся въ настоящее, одинъ разъ ушелъ отъ прошлаго и — ушелъ отъ насъ... Послѣ его смерти его мать подарила мнѣ дорожный письменный кожаный портфель съ принадлежностями, съ адресной

книгой, съ его визитными карточками, съ нѣсколькими порошками антипирина, — все, какъ осталось послѣ него; также картину, семейный портретъ, дама съ дѣтьми, работы Теребенева, висѣвшій въ его кабинетѣ въ Петербургѣ. Портфель пропалъ во время «націонализаціи» моихъ вещей въ уѣздномъ городѣ Борисоглѣбскѣ, портретъ, говорили мнѣ, находится въ музеѣ, въ Тамбовѣ...

Номеръ его телефона былъ 52—74...

Въ числѣ многочисленныхъ свидѣтельствъ его добраго ко мнѣ отношенія вотъ одно изъ самыхъ для меня дорогихъ. Я получилъ отъ него экземпляръ его книги «Вѣнокъ мертвымъ». Открывъ первую страницу, я увидѣлъ слѣдующее стихотвореніе:

Кн. С. М. Волконскому.

Бываютъ дни, когда, надѣвъ халатъ,
Я, къ этой жизни болѣе не годный,
Отдаться днямъ давно минувшимъ радъ —
Своей причудой старомодной.
Мнѣ надоѣло все: друзья, враги,
Любовницы, «Бродячая Собака»,
Отъ лѣни утромъ не могу поднять ноги,
А вечеромъ напялить фрака.
Пусть дождь стучитъ лѣниво за окномъ,
Бѣгутъ часы и годъ бѣжитъ за годомъ,
Причудой странною наполнилъ я весь домъ,
И тѣни бродятъ хороводомъ.
О, время то вернулося когда бъ, —
Чесали бы къ ночи мнѣ долго дѣвки пятки,
Или разряженный лакей-арапъ
Влѣзалъ, улыбкою сверкая, на запятки!
Эй, дѣвки! Ѳекла, Мавра, Агаѳонъ!
Гдѣ-жъ Акулина, избранная муза?
Хочу играть сегодня въ фараонъ, —
Прошу позвать сюда мусью француза!
Пришелъ, — такой разряженный, смѣшной;
Блюдя свои дворянскіе завѣты,
Заводитъ длинный разговоръ со мной
Временъ Мари-Антуанетты.
Что онъ теперь? — лишь жалкій эмигрантъ,
Живетъ всегда въ пустой надеждѣ,
А прежде былъ придворный, ловкій франтъ.
О, вѣчно это «прежде», «прежде»!
И странно мнѣ, что повѣсть давнихъ лѣтъ
Мнѣ смутнымъ эхомъ сердце взволновала.
Что это, правда, — жилъ я или нѣтъ —
Въ дней александровыхъ прекрасное начало?
Но Вамъ, мой другъ, далькрозовскій ритмистъ,
Да не покажутся разсказы эти стары;
Вы помните, что дѣдъ былъ декабристъ,
И сами Вы писали мемуары.
И, можетъ быть, прочтя одну главу,

Той книги, гдѣ собралъ я старческія бредни,
Почу́дится и Вамъ, какъ будто наяву,
Сонъ жизни, снившійся намедни:
Пусть жизнь бѣжитъ лѣниво мимо насъ,
Бѣжитъ до смертнаго покрова:
Я знаю, — съ Вами жилъ я гдѣ-то разъ,
И съ Вами гдѣ-то встрѣчусь снова!

IV.

Нѣмецкій театръ. — Бассерманъ, Мойсси, Рейнгардтъ. — Майнингенцы. — Вѣнскій Burgtheater: Вольтеръ, Зонненталь, Маленькая Hohenfels.

Черезъ Врангеля я сошелся съ Маковскимъ, редакторомъ художественнаго журнала «Аполлонъ». Онъ открылъ мнѣ страницы своего журнала, и въ теченіе четырехъ лѣтъ я былъ его сотрудникомъ; но затѣмъ въ 1914 году и Врангель и я мы разошлись съ редакціей и вышли. Тѣмъ не менѣе, несмотря на неустойчивость личныхъ отношеній, несмотря на нѣкоторую неопредѣленность направленія журнала, сохраняю объ «Аполлонѣ самое нѣжное воспоминаніе, какъ о воплотителѣ того, что было самаго прекраснаго и самаго наряднаго въ русской художественной жизни. У меня въ деревнѣ былъ весь «Аполлонъ», отъ перваго номера до послѣдняго... Теперь иногда вижу милую обложку на тротуарѣ, среди разложенныхъ на асфальтѣ Никитской и Арбата остатковъ прежнихъ библіотекъ; одни продаютъ, другіе покупаютъ. Какая картина умственнаго хаоса — эти разрозненныя книги, валяющіяся въ уличной пыли! Какое сказывается въ этомъ разрушеніе плотинъ, отсутствіе русла. Краснорѣчивы бываютъ мелкія явленія жизни. Можно подумать, что жизнь нарочно устраиваетъ «Аллегоріи». Развѣ не аллегорія, — когда встрѣчаю профессора университета, везущаго салазки съ дровами, или знаменитаго врача съ мѣшкомъ картофеля на спинѣ? И «Аполлонъ» на грязной мостовой — развѣ не аллегорія? Право, символъ куда краснорѣчивѣй статистики...

Вижу, что совсѣмъ не гожусь писать воспоминанія. Вѣдь воспоминанія — это прошлое, а меня каждая минута прошлаго выпираетъ на поверхность сегодняшняго дня. Не могу иначе, — никогда не буду изъ тѣхъ, кто жалѣетъ, что родился слишкомъ поздно. Какое отсутствіе любознательности! По моему, никогда не поздно; вѣдь прошедшее все равно мое; значитъ, — чѣмъ позднѣе, тѣмъ богаче... Но вернемся къ той осени 1910 года, отъ которой уже трижды начиналъ свой разсказъ. Прочитавъ свои доклады, я поѣхалъ въ Римъ черезъ Берлинъ.

Въ Берлинѣ я попалъ въ самую гущу театральной жизни. Въ Cafe des Westens, гдѣ я проводилъ вечера, или вѣрнѣе — ночи, собирались режиссеры, рецензенты, актеры, драматурги, критики; между прочимъ видѣлъ тамъ старичка писателя Paul Lindau, — ему было почти сто лѣтъ... Въ то время гремѣло въ театральномъ мірѣ имя Макса Рейнгарта. Я ходилъ на всѣ его представленія, присутствовалъ на репетиціяхъ, ходилъ на уроки въ его драматическую школу. Мнѣ оказывали вниманіе; на всѣхъ представленіяхъ мнѣ былъ приставной стулъ. Мое бывшее директорство производило впечатлѣніе. Уже выѣзжая изъ Берлина я увидалъ въ извѣстномъ журнальчикѣ «Die Woche» портретъ «бывшаго директора Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ, знакомящагося съ постановкой театральнаго образованія въ Берлинѣ». Это былъ портретъ моего отца. Вѣроятно, всѣ видавшіе меня, рѣшили, что въ моемъ лицѣ имѣли дѣло съ авантюристомъ — самозванцемъ. О своихъ тогдашнихъ театральныхъ впечатлѣніяхъ я подробно разсказалъ въ книгѣ «Человѣкъ на сценѣ». Здѣсь повторю кое-что наиболѣе характерное и такое, въ чемъ есть сравненіе берлинцевъ съ другими видѣнными мною артистами. Въ такомъ трудно уловимомъ, такомъ преходящемъ искусствѣ, какъ театральное, неоцѣнимымъ средствомъ является сравненіе. Да и не въ одномъ театрѣ. Нарисуйте въ голой пустынѣ пирамиду. — Какъ передать ея размѣры? Но поставьте рядомъ съ ней крохотнаго верблюда, и вы сейчасъ увидите, что передъ вами громада. Бываютъ случаи, когда безъ сравненія нельзя обойтись; я, по крайней мѣрѣ, буду часто къ нему прибѣгать. Выдѣлю изъ моихъ тогдашнихъ впечатлѣній актеровъ Бассермана и Мойсси и режиссера Рейнгарта.

Не знаю, какъ сейчасъ, но въ то время Бассерманъ считался лучшимъ актеромъ Германіи, не смотря на то, что говорилъ не совсѣмъ чисто, съ акцентомъ. Я видѣлъ его въ Гамлетѣ и въ Отелло, Мойсси — въ Царѣ Эдипѣ. Невольно при этихъ трехъ именахъ память летитъ къ другимъ великимъ именамъ: Росси, Сальвини, Мунэ-Сюлли. Въ свѣтѣ этихъ трехъ именъ кто заслужитъ почетнаго упоминанія? Бассерманъ-Гамлетъ не ярокъ, голосъ не звонокъ. Великихъ гамлетовскихъ возгласовъ не было. Знаменитое: «О небо!» когда отецъ спрашиваетъ его, любилъ ли онъ его, — мочаловское «О небо!», о которомъ Бѣлинскій не могъ забыть; въ той же сценѣ россіевское «O profetica anima mia!» — все это было проглочено; возгласъ на кладбищѣ, россіевское «Quarantа milа fratelli», которое, какъ вулканъ, вырывалось изъ раскрытой могилы, пропало совсѣмъ: всѣ «сорокъ тысячъ братьевъ» слились въ плаксивомъ вздохѣ

на груди Горація. Зато удивительно удавались ему всѣ мимоходныя сцены: все сдержанное было настолько же сильно, насколько все разнузданное выходило слабо. Онъ былъ, если можно сказать, «интимный Гамлетъ». Эта интимность прорвалась только въ сценѣ театра; взрывъ послѣ ухода короля произелъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что при голосовыхъ средствахъ Бассермана онъ былъ неожиданъ. Опять прекрасны послѣдующія «мимоходныя» сцены: подъ всѣми этими «флейтами», «облаками» и пр. клокотало негодованіе, все то, чему предстояло вылиться въ сценѣ съ матерью. Но здѣсь ничего не вышло. Или ужъ такъ незабываемъ въ этой сценѣ Росси, что никогда никто не сумѣетъ меня захватить. Что это было! Отъ перваго крика изъ-за кулисы: «Madre! Madre!» одно неослабное напряженіе жизни. Въ первомъ призывѣ была тоска, все перенесенное волненіе; но онъ входилъ уже спокойный, останавливался какъ вкопанный и съ какой-то дѣловой суровостью ставилъ свой вопросъ: — «Ebbene, Madre, che volete?» О, какъ чувствовалось въ этой грозности приближеніе рѣшающаго разговора; какія рапиры свистѣли во всѣхъ послѣдующихъ отвѣтахъ, какая безпощадность, растущая вплоть до той минуты, когда онъ съ груди матери срываетъ портретъ вотчима, кидаетъ о землю, топчетъ его и съ крикомъ «A terra» пригвождаетъ его своей пятой и останавливается, какъ гнѣвомъ дышащее изваяніе. Ни разу не видѣлъ его (а сколько разъ я видѣлъ его въ «Гамлетѣ»), чтобы въ этомъ мѣстѣ весь залъ не разражался трескомъ: это былъ архангелъ, низвергавшій змія. И послѣ этого, передъ волненіемъ растроганной (какъ ему показалось) матери, какое перерожденіе въ ребенка, нѣжнаго, умоляющаго, почти плачущаго. Какъ онъ льнетъ къ ней, лицомъ вдоль всего ея платья никнетъ, опускается, безсильно вянетъ и, уже у ногъ ея, во прахѣ молитъ отбросить запятнанную часть своей души и продолжать жить съ другой... И надъ этимъ вдругъ — растерянный вопросъ матери, одной изъ тѣхъ, кому имя — ничтожество: «Что же мнѣ дѣлать?» Какъ описать то молчаніе, которое за этимъ вопросомъ и что съ нимъ во время этого молчанія происходитъ. Передъ нимъ раскрывается зіяющая пропасть безполезности всего, что онъ сказалъ, это провалъ цѣлаго міра. И надъ этой пустотой падаетъ едва слышное — «Nulla». Съ какой-то нарядностью, почти съ извиненіемъ, какъ человѣкъ нечаянно вошедшій въ уборную дамы, когда она раздѣта, такъ вставалъ онъ съ колѣнъ. И когда ясно опредѣлялась въ головѣ его оцѣнка матери, тогда начиналось нѣчто ужасное по ядивитости. «Возвращайтесь въ постель вашего мужа»; и все до конца шло на какомъ-то смѣшкѣ, точно онъ поддразнивалъ, подталкивалъ словами, а самъ все уходилъ и, наконецъ, уже совсѣмъ на порогѣ: «Buona notte, madre!» Эти

послѣднія слова въ его устахъ значили: «Вы мнѣ не мать». На этомъ онъ уходилъ; онъ урѣзывалъ дальнѣйшій разговоръ о томъ, что уѣзжаетъ въ Англію, и гнусную сцену съ трупомъ Полонія...

Еще одно сравненіе проведу. Отвѣтъ Полонію на вопросъ о томъ, что онъ читаетъ, вышелъ очень хорошъ у Бассермана. «Worte, Worte, Worte!» Много раздраженія въ первомъ словѣ, и въ каждомъ послѣдующемъ все больше. Но что это раздраженіе, личное, связанное съ данной минутой, въ сравненіи съ безличной философіей россіевскаго: «Parole... Parole... Parole...» Это говорилось не для Полонія; только круглый, блуждающій взоръ подъ безпорядочными прядями волосъ одинъ разъ останавливался на назойливомъ старикѣ, будто говорилъ: — «А, это ты. Чего тебѣ?» — и затѣмъ падали эти три слова, и падали уже не для Полонія; они падали для насъ, для всѣхъ, для міра, для вселенной: не въ этой книжкѣ, которую онъ держитъ въ рукѣ, «Слова, слова, слова», а вездѣ «слова», все на свѣтѣ «слова». Въ этихъ трехъ «словахъ» то же, что въ Эврипидовскомъ хорѣ:

Все на землѣ такъ ничтожно,
Все такъ случайно —
Въ жизни людской.

И невыразимо то замираніе, съ которымъ ожидалось второе «parole» послѣ перваго и послѣ второго — третье; и несравнимо, ни съ чѣмъ не сравнимо движеніе руки, которая, ладонью кверху, какъ смахиваютъ соринку, смахивала со страницы книжки эти «слова»....

Скажу теперь о Бассерманѣ-Отелло. У него есть легкій акцентъ, не знаю какой, но въ этой роли онъ его немножко преувеличиваетъ, онъ даже внесъ въ свою рѣчь нѣкоторую медлительность, какъ человѣкъ, который говоритъ не на томъ языкѣ, на которомъ думаетъ. Образовался какъ бы промежутокъ между мыслью и словомъ, и получилось нѣчто поразительное по наивности, по дѣтскости. При этомъ некрасивое, но доброе черное лицо, смѣющіеся глаза, бѣлые, чисто негрскіе зубы, — прелести этой рѣчи, очарованію этой непринужденности невозможно было противустоять. Я думаю, нѣмцы испытали тутъ нѣчто не только для нѣмецкаго зрителя новое, но новое для нѣмецкой расы; на такой экзотизмъ я не считалъ нѣмца способнымъ. Это было перевоплощеніе не только въ роль, — перевоплощеніе въ расу. И заразительная прелесть этого смѣха! Это было смѣющееся, само себя не могущее понять счастье; на обвиненіе старика Брабанціо, что онъ приворожилъ его дочь, онъ отвѣчалъ такимъ добрымъ смѣхомъ передъ невѣроятностью такого предположенія, что его самозащита стано-

вится ненужной. «За всѣ мои пережитыя опасности она меня полюбила, я полюбилъ ее за состраданіе, которое она выказала ко мнѣ.» Знаменитыя заключительныя слова его разсказа передъ Сенатомъ. Какое разнообразіе толкованій! У Сальвини — «Per tutti i miei scorsi perigli ella m'amo. Io l'amai per la compassione che ebbe di me.» Онъ обнажалъ тайники своей души въ этихъ словахъ; это было сложно, глубоко. У Бассермана это было просто, на виду, человѣкъ показываетъ листъ бумаги, на которомъ ничего не начертано. Ничто во всей роли не удалось ему, какъ эта сцена передъ Сенатомъ. Въ послѣдующемъ ходѣ пьесы, — вы думаете, скажу о Бассерманѣ? — нѣтъ, дайте вспомнить еще разъ Сальвини.

Есть одно поразительное, тончайшее мѣсто въ роли Отелло: это когда въ него западаютъ первыя зерна подозрѣнія; и здѣсь неуловимая грань, раздѣляющая два міра въ томъ-же человѣкѣ: на фонѣ радужнаго счастья уже черныя пятна ревности; и — на фонѣ черной ревности еще свѣтлыя блестки любви. Свѣтъ, не пропускающій въ себя темноту, или мракъ, изгоняющій изъ себя свѣтъ? Когда кончается одно, когда начинается другое? До какого момента Отелло — свѣтлый, тотъ, что не хочетъ вѣрить, и съ какого момента онъ темный, тотъ, что будетъ требовать доказательствъ? Незабываемый моментъ у Сальвини. Онъ писалъ, пересталъ писать, спрашивалъ, выслушивалъ, снова писалъ; но вдругъ рука его останавливалась, переставала писать, отдѣлялась отъ бумаги; перо, нетерпѣливо сброшенное, падало на столъ, и онъ всѣмъ корпусомъ поворачивался къ Яго. И вы чувствовали, что это перо — символъ спокойствія, принадлежанія себѣ, что съ его паденіемъ на столъ рушится душевное равновѣсіе, что это гусиное перо будетъ тягчайшимъ бременемъ, что бросилъ его одинъ Отелло, а подниметъ другой Отелло... Такъ великіе заслоняютъ меньшихъ; но и меньшіе имѣютъ своихъ меньшихъ, передъ которыми они велики, — о Бассерманѣ можно вспомнить. И еще можно вспомнить о Мойсси, котораго я видѣлъ въ роли Царя Эдипа, когда Рейнгартъ пріѣжалъ въ Петербургъ въ 1911 году. О рейнгартовскомъ Эдипѣ я подробно говорилъ въ книгѣ «Человѣкъ на сценѣ; не хочу превращать страницы своихъ воспоминаній о людяхъ въ критическіе трактаты о постановочныхъ принципахъ и пріемахъ, но объ актерѣ Мойсси скажу здѣсь. Это было единственное впечатлѣніе словесной красоты во всемъ большомъ рейнгартовскомъ театрѣ: можетъ быть оттого, что онъ иностранецъ, — онъ итальянецъ еврейскаго происхожденія, — онъ особенно внимательно относился къ произношенію, а можетъ, сказывалось общеніе съ латинской расой, — но только его дикція настоящій жемчугъ. Природныя его данныя совсѣмъ не соотвѣтствуютъ ни царю, ни Эдипу; онъ малъ, онъ, какъ дитя, гибнущее подъ ударами

судьбы, какъ тростникъ гнется подъ натискомъ вѣтра, — безъ борьбы, безъ сопротивленія. И вспоминается могучій образъ Мунэ-Сюлли: эти страшные вопросы пастуху, еще болѣе страшное ожиданіе еще болѣе страшныхъ отвѣтовъ. Какая трагичность! Каждый вопросъ — шагъ, приближающій къ пропасти, какое наростаніе ужаса и что за мраморъ въ движеніи! Послѣдній моментъ — когда онъ все узналъ, — что онъ убійца своего отца, что онъ супругъ своей матери, когда онъ обращается къ солнечному свѣту: — «Lumière du jour, je te vois pour la dernière fois!» Онъ своимъ отреченіемъ отъ солнца былъ сильнѣе самого солнца и, несмотря на весь порывъ страсти, — все время живое изваяніе: даже на-лету складки тоги, окутывая голову, повиновались власти невидимаго рѣзца. Всего этого нѣтъ у мягкаго Мойсси, но у него есть много своей личной прелести, которую онъ выказываетъ въ очень опредѣленно отдѣланной формѣ и съ очень горячей искренностью. Онъ былъ бы хорошимъ Ипполитомъ, хотя нѣтъ въ немъ классичности, и онъ навѣрное былъ бы хорошимъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ. Мы встрѣтились съ нимъ въ Петербургѣ, на ужинѣ, которымъ Графъ Валентинъ Зубовъ чествовалъ Рейнгарта въ своемъ Институтѣ Исторіи Искусствъ, и я сильно убѣждалъ его взяться за роль Ѳедора, тѣмъ болѣе, что есть прекрасный переводъ Павловой.

О Рейнгартѣ опять-таки подробно писалъ все въ той же книгѣ. Здѣсь упомяну о замѣчательномъ его изобрѣтеніи. Ему удалось осуществить самое, казалось бы, неосуществимое: онъ далъ на сценѣ небо, глубину воздуха, безконечность дали. Въ сущности все, что хотите, можно изобразить на сценѣ при нѣкоторой уступчивости воображенія: одно до сихъ поръ было невозможно, — изобразить Ничто, le neant, das Nichts. И этого достигъ Рейнгартъ. Незабываемо впечатлѣніе, когда подъ свистъ вѣтра поднимается занавѣсъ надъ первой картиной «Гамлета». Эта терасса Эльсинорскаго замка, обыкновенно окруженная стѣнами и бойницами, рисующимися на фонѣ задней декораціи, которая изображаетъ дальнія части замка, деревья, горы, ночное небо, — здѣсь окаймлена низкимъ парапетомъ, вырѣзывающимся на фонѣ, который ничего не изображаетъ: это просто ночь, бездонная лунная ночь, небесная твердь; это тотъ лунный свѣтъ, на который смотрѣть холодно, который все собой заливаетъ, который съѣдаетъ далекія, высокія звѣзды. Этотъ эффектъ дали небесной повторяется и при дневномъ свѣтѣ и при закатѣ солнца. Самое удивительное, прямо невѣроятное зрѣлище, — когда передъ погруженнымъ въ полный мракъ театральнымъ заломъ сцена представляетъ одну лишь черную бездну ночного неба, усѣяннаго звѣздами, и особый,

придуманный Рейнгартомъ приборъ наполняетъ воздухъ пронзительнымъ сверленіемъ и свистомъ вѣтра. Рейнгартовское устройство состоитъ изъ гладкой полукруглой стѣны, которая, загибаясь кверху полукуполомъ, представляетъ собой какъ бы огромную кибитку, обращенную вогнутой стороной къ рампѣ; внутренняя ея поверхность бѣлая, алебастровая, и лунный свѣтъ скользитъ по ней въ мягкой непрерывности; въ разныхъ мѣстахъ продѣланы отверстія разныхъ величинъ, за которыми электрическія лампочки даютъ впечатлѣніе звѣздъ большей или меньшей силы, смотря по степени мрака на сценѣ. Легко себѣ представить, какимъ удивительнымъ средствомъ является это изобрѣтеніе при изображеніи, напримѣръ, горныхъ вершинъ, парящихъ надъ воздушной бездной. Представьте себѣ послѣднюю картину «Валькиріи», поднятую на такую горную вершину, и надъ ней, вмѣсто обычнаго «боскета», безбрежье воздушнаго океана... Вотъ все, что скажу о тогдашнихъ своихъ берлинскихъ впечатлѣніяхъ, а сейчасъ еще нѣсколько словъ о нѣмецкомъ театрѣ.

Въ первый разъ я увидѣлъ нѣмцевъ на сценѣ, когда пріѣзжала въ Петербургъ труппа Майнингенцевъ. Она привозила Шиллера и Шекспира; въ ихъ труппѣ была такая выдающаяся сила, какъ Барнай. О значеніи Майнингенцевъ въ исторіи театра не стоитъ говорить; ихъ роль слишкомъ хорошо извѣстна, ихъ имя стало нарицательнымъ: ставить пьесу «по майнингенски», это сразу рисуетъ намѣреніе. Скажу только, что послѣ той завѣдомой лжи, которой довольствовалась бутафорія тогдашняго театра, это настоящее, подлинное, что они показали, настоящіе ржавые мечи, настоящія тяжелыя деревянныя двери съ настоящими щелкающими замками, настоящая посуда, звонъ хрустальныхъ кубковъ и серебряныхъ ковшей, было такъ ново, такъ пышно, жизненно насыщено, что именно въ силу этой самой реальности давало впечатлѣніе иного міра. Однако, не въ этой вещественности была ихъ сила; не правы тѣ, кто говорятъ, что Майнингенцы выѣзжали на обстановкѣ; нѣтъ, человѣкъ былъ сильнѣе бутафоріи, и весь этотъ «практикабль» былъ пронизанъ духомъ; люди, въ немъ двигавшіеся, къ нему прикасавшіеся, были дѣйствительно живые люди, за очень немногими исключеніями. Не въ бездушныхъ вещахъ было то новое, что они дали, а прежде всего въ массовыхъ сценахъ. Поразительное впечатлѣніе новизны въ этихъ картинахъ народнаго движенія; шумливая толпа военныхъ лагерей Валленштейна; бурная толпа римскаго форума передъ трупомъ Цезаря; склоняющаяся, скользящая придворная толпа королевы Елизаветы. Самое удивительное въ этой толпѣ было не то, что она

умѣла давать всѣ крайности, отъ высшаго напряженія до послѣдняго ослабленія или наоборотъ, а то, что нельзя было уловить ступеней этихъ переходовъ; тутъ не было толчковъ, это была текучесть, непрерывность, какъ сама жизнь. Никакія «народныя сцены», которыя я впослѣдствіи видѣлъ, не могли съ этимъ сравниться; и не думаю, чтобы тутъ играла роль новизна. Тутъ былъ, очевидно, принципъ, строгое соблюденье въ распредѣленіи наростаній и ослабленій. Пріемъ работы былъ такой. Главный режиссеръ (кажется, его звали Кронекъ; можетъ-быть, ошибаюсь, — это было такъ давно. . . .) имѣлъ своихъ, имъ вымуштрованныхъ для данной сцены уполномоченныхъ; эти брали себѣ каждый въ свою выучку группу статистовъ и показывали имъ, что въ каждый данный моментъ они должны дѣлать, при чемъ имъ предписывалось, во время представленія слѣдить за своимъ вожакомъ, дѣлать то, что будетъ дѣлать онъ. На спектаклѣ всѣ эти группы распылялись, составляющіе ихъ статисты размѣщались въ разныхъ концахъ сцены. Такъ достигалась въ разнообразіи точность и, при напряженности вниманія, опредѣленность и одновременность. Самое восхитительное въ этомъ отношеніи изъ всего, что я видѣлъ, это римскій форумъ въ «Юліѣ Цезарѣ», — рѣчи Брута и Марка Антонія, то есть жизнь толпы во время этихъ рѣчей. Въ смыслѣ «реагированія» толпы я никогда послѣ не видалъ лучшаго, даже ничего равнаго. Нашумѣвшія впослѣдствіи народныя сцены въ «Царѣ Эдипѣ» у Рейнгарта, ничто въ сравненіи съ толпою римскихъ гражданъ у Майнингенцевъ; имъ такъ же далеко до нихъ, какъ далеко стаду до искусства. Надо сказать, что и обѣ рѣчи были великолѣпно произнесены; Брутомъ былъ Барнай, Маркомъ Антоніемъ — не помню, кто.

Кромѣ прекраснаго принципа наростаній и ослабленій въ отдѣльныхъ сценахъ, у Майнингенцевъ отлично было проведено наростаніе всей пьесы, т. е. распредѣленіе наростаній по актамъ. Это умѣнье заставить зрителя при паденіи занавѣса жить вопросомъ — что же дальше? умѣнье насытить антрактъ ожиданіемъ, это, конечно, важнѣйшая заслуга режиссера по отношенію къ пьесѣ, какъ цѣннѣйшая заслуга актера по отношенію къ своей роли.

О Барнаѣ скажу, что это было само благородство. Помню его въ особенности въ роли Валленштейна; низкіе, глубокіе тона, чудная рѣчь, восхитительная осанка. Онъ давалъ образъ настоящаго главнокомандующаго; за нимъ ощущался весь лагерь, все войско, онъ являлся носителемъ исторической отвѣтственности; и при этомъ высокомъ впечатлѣніи — какая простота. Знаменательны послѣднія слова Валленштейна, по нимъ можно судить актера. Онъ уходитъ спать, а мы, зрители, знаемъ, что его, соннаго, постановлено убить; уходя со сцены,

онъ говоритъ окружающимъ, что онъ намѣренъ проспать долго. Всѣ актеры стараго, напыщеннаго типа говорятъ эти слова такимъ торжественнымъ тономъ, какъ будто хотятъ сказать: «Я иду спать, но на самомъ дѣлѣ перехожу въ загробную жизнь.» Барнай говорилъ ихъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Иду спать, усталъ, пожалуйста, не будите меня.»

Къ сожалѣнію, простота барнаевская не находитъ послѣдователей въ Германіи: трагедія, костюмъ, стихи имѣютъ несчастное свойство поднимать нѣмецкаго актера на ходули. Только большіе таланты понимаютъ величіе простоты; но большихъ талантовъ мало; вотъ почему говорю, что судить о театрѣ надо не по талантамъ, а по не-талантамъ. Театръ такъ же мало отвѣтственъ за талантъ, какъ почва за свалившійся въ нее аэролитъ; только въ не-талантѣ увидите вы, дѣйствуетъ ли въ немъ воспитаніе и традиція, или онъ предоставленъ самому себѣ. Въ общемъ скажу, что по ясности поставленныхъ себѣ задачъ, по искренности отношенія къ нимъ и по добросовѣстности выполненія ихъ Майнингенцы, конечно, одно изъ самыхъ почтенныхъ явленій въ исторіи театра.

Этотъ характеръ «почтенности», увы, отсутствуетъ въ послѣдующихъ нѣмецкихъ театральныхъ новшествахъ; больше всего отсутствуетъ у Рейнгарта; его театръ такъ крикливъ, такъ въ немъ назойливъ режиссеръ; въ немъ все время чувствуется выдумщикъ, и этотъ выдумщикъ иногда поражаетъ, иногда тѣшитъ, но часто — докучаетъ. Рейнгартъ это первообразъ того режиссера-изобрѣтателя, который расплодился вездѣ за послѣднее время, а въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ актера. Гдѣ актеръ есть, какъ заграницей, тамъ театръ все же является сотрудничествомъ; режиссеръ признаетъ, что имѣетъ дѣло съ равными себѣ величинами; наконецъ, тамъ существуетъ уваженіе къ автору, у насъ же, гдѣ актера нѣтъ, — ибо что такое тѣ нѣсколько именъ, которыя можно, съ оговорями, назвать? Что это, не только на всю Россію, но даже на всю Москву? Такъ у насъ и эта послѣдняя узда сброшена. Мейерхольдъ ставитъ Верхарна съ собственными вставками о совѣтской власти, съ пѣніемъ интернаціонала; онъ готовитъ «Гамлета», уснащеннаго его отсебятинами, въ которыхъ выпады противъ королевской власти. Кстати, — разсказывала мнѣ одна актриса. Репетировали «Саломею». Мейерхольдъ говоритъ актрисѣ: «Понимаете, вы должны играть Саломею такъ, съ такою же ненавистью, какъ если бы вы играли Алису Гессенскую, жену Николая II»... Не въ политикѣ дѣло, конечно, но гдѣ тутъ художественныя руководящія указанія? Вернемся къ чему-нибудь болѣе «почтенному»; или скажемъ даже просто-на-просто, вернемся къ театру. Всякій разъ, что заговариваю о русской сценѣ, испытываю такое чувство, что я ухожу отъ

театра. Поймите же, что театра въ Россіи нѣтъ. Есть люди, о театрѣ говорящіе и пишущіе, въ театрѣ служащіе, есть засѣданія, протоколы, есть изданія, афиши, есть зданія, публика, но все это шумиха вокругъ пустого мѣста, — театра нѣтъ. И хочется вонъ отъ этой пустоты, отъ этого неуваженія къ искусству, хочется укрыться подъ сѣнь того, что я обозначаю словомъ «почтенное». Вернемся же съ шумливой поверхности театральной современности въ тихую глубь «добраго стараго времени». Не сочтите меня за ретрограда; я совсѣмъ не ретроградъ. Вѣдь любить прошлое не значитъ не желать будущаго, это только значитъ ненавидѣть то, что въ настоящемъ есть оскорбительнаго. И, наконецъ, другой вопросъ, — въ какое прошлое уходить. По моему, кто любитъ Баха, много новѣе, чѣмъ тотъ, кто любитъ послѣ него жившаго Мендельсона; кто любитъ Палестрину, художественно моложе, нежели тотъ, кто любитъ недавняго Беллини. Пушкинъ вѣчно свѣжъ, а Надсонъ увядшій цвѣтокъ. И сколько же на памяти людской увяло писателей, въ то время какъ Гомеръ, Софоклъ, Вергилій, Сервантесъ переживаютъ вѣка... Что же? Ретроградъ тотъ, кто ихъ боготворитъ? Вернемся же назадъ, и не такъ ужъ далеко.

То было въ 1885 году; я провелъ два лѣтнихъ мѣсяца въ Вѣнѣ. Я ходилъ въ театръ почти каждый вечеръ; бывалъ въ большой оперѣ, гдѣ видѣлъ весь вагнеровскій циклъ, ходилъ въ театръ «An der Wien», гдѣ перевидалъ комическія оперы Штрауса и Зуппэ съ восхитительнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ Жерарди; бывалъ въ театрѣ «Erzherzog Karl», гдѣ играла очаровательная, впослѣдствіи пріѣхавшая въ Петербургъ Женни Гроссъ. Но самые цѣнные были вечера, которые я проводилъ въ Burg-Theater.

Знаменитая вѣнская драматическая труппа тогда еще играла въ старомъ помѣщеніи, въ самомъ Burg (императорскомъ дворцѣ); впослѣдствіи она переѣхала въ новый нарочно выстроенный театръ на Рингѣ, противъ ратуши. Новое помѣщеніе пышно, богато, но кто видѣлъ старое, всегда будетъ вспоминать о немъ и будетъ жалѣть о скромномъ, старомодномъ залѣ. Вѣнскій Burg-Ttheater это въ нѣмецкомъ театрѣ тоже, что Comédie Française во Франціи. Это исторія, это академія слова. Что-то удивительно втягивающее въ этомъ театрѣ; и, несмотря на огромное разнообразіе репертуара, характеръ какой-то одинаковости лежитъ на немъ. Однообразность ихъ отношенія къ своему дѣлу, удивительная слаженность, увѣренность, которую каждый внушалъ зрителю уже при выходѣ на сцену, что онъ будетъ хорошъ; вся эта «почтенность» и серьезность, которою была проникнута постановка самой легкой

комедіи, — все это внушало уваженіе, сообщало нѣкую неоспоримость и налагало печать, какой не видалъ ни на одномъ другомъ театрѣ. Съ рѣдкой силой запечатлѣвались они въ памяти; вѣдь это было тому тридцать шесть лѣтъ, а я, какъ сейчасъ, ихъ вижу.

Человѣкъ, хорошо знакомый съ исторіей этого театра, сейчасъ узнаетъ, о какомъ періодѣ я говорю, если скажу, что въ то время еще играли — великая Вольтеръ и удивительный Зонненталь, и молодыхъ дѣвушекъ играла маленькая Hohenfels.

Къ Вольтеръ я, не задумываясь, прилагаю эпитетъ «великая», хотя она и не извѣстна за предѣлами Германіи. Это была послѣдняя представительница большого трагическаго искусства. Все, — осанка, движеніе, голосъ, произношеніе, — у нея было все; и такой трагическій порывъ, такая способность однимъ полетомъ вести цѣлую длинную сцену, — я могу въ этомъ отношеніи сравнить ее только съ Сарой Бернаръ. Голосъ ея не имѣлъ тѣхъ удивительныхъ нѣжныхъ верховъ, «la voix d'or» Сары Бернаръ, но низы ея были глубже, гуще. До сихъ поръ звучитъ въ ушахъ моихъ ея интонація въ «Маріи Стюартъ», въ той сценѣ, гдѣ Шиллеръ, наперекоръ исторіи, сводитъ обѣихъ королевъ въ саду. Помню интонацію Вольтеръ, когда она говоритъ Елизаветѣ, что перенесла все, что можетъ перенести человѣческое сердце: — «Alles hab' ich ertragen». Рѣдко интонація давала мнѣ такое полное, до дна исчерпывающее впечатлѣніе, какъ это «Alles». Это было дѣйствительно все, до послѣдней капли. Произношеніе ея было восхитительно; это была самая благородная нѣмецкая рѣчь, какую я когда-либо слышалъ; Гете и Шиллеръ въ ея устахъ, это была музыка; никогда не слышалъ такого сочнаго, трагическаго Р. Я видѣлъ ее во многихъ, разнообразныхъ роляхъ; она всегда была восхитительна, даже въ такой пьесѣ, какъ «Федора» Сарду, но, конечно, ея настоящее дѣло былъ классическій репертуаръ.

Въ Гетевскомъ «Гетцъ фонъ Берлихингенъ» у нея есть поразительная сцена. Она одна, въ своемъ замкѣ, у окна ждетъ своего любовника; долго онъ не ѣдетъ, наконецъ — всадникъ вдали; онъ все ближе, и все сильнѣе ея радость. Но вдругъ — недоумѣнье, — какъ будто не онъ! Сомнѣнье, безпокойство, страхъ; всадникъ соскакиваетъ съ лошади, поднимается по лѣстницѣ, — страшное предчувствіе. Дверь отворяется, — входитъ и останавливается, какъ привидѣніе, рыцарь съ завѣшаннымъ лицемъ. Она поняла, что это ея судья пришелъ свершить надъ ней смертный приговоръ. Онъ накидываетъ ей петлю на шею и, умертвивъ ее, вонзаетъ остріе кинжала въ дверную притолку; вѣшаетъ на нее веревку и, уходитъ. На полу трупъ. Трудно найти во всемъ театрѣ сцену такого психо-

логическаго діапазона. Эта одна сцена была цѣлая трагедія. Вотъ въ какихъ пьесахъ это удивительное богатство находило просторъ. Она играла одну трагедію — «Мессалину», не помню чью; ни въ одной роли не выступала въ такой силѣ вся совокупность ея данныхъ. Это была римская статуя въ движеніи. Тутъ я пожалѣлъ, что вмѣсто пьесъ Сарду не включены въ репертуаръ этого театра французскіе старики Расинъ и Корнель. Видѣть Вольтеръ въ роли Атали или въ роли Камиллы, — это было бы послѣднее слово художественной чеканки; впрочемъ, кто знаетъ, что сдѣлалъ бы изъ французскаго дивнаго стиха нѣмецкій переводъ... Вольтеръ была уже стара въ то время, но она болѣла общимъ недугомъ знаменитыхъ артистовъ, — во второй части «Фауста» она играла Елену прекрасную! А Фауста — Париса игралъ старикъ Зонненталь! Вспоминается интонація милаго Сальвини, и хочется сказать: «Зачѣмъ они это дѣлали?»

Зонненталь былъ прекрасный актеръ, но не въ классическихъ пьесахъ проявлялъ наибольшую свою цѣнность; онъ былъ лучше въ сюртукѣ, нежели въ костюмѣ; и его костюмъ поднималъ на ходули. Но въ некостюмной драмѣ, въ комедіи, онъ былъ послѣднее слово простоты, полное отсутствіе «актерства». Помню его въ пьесѣ «Der Hüttenbesitzer», — передѣлка изъ романа Georges Ohnet «Le maître des forges». Я видѣлъ эту же пьесу у французовъ, — скажу, что вѣнцы были лучше. У французовъ часто, въ особенности, когда они сильно наметались, замѣчается одна единственная забота — осуществить предписанную форму; здѣсь же каждый выявлялъ свое пониманіе жизни. Пьесу дѣлила съ Зоннентальмъ обворожительная, хотя нѣсколько холодная Шраттъ, любовница Императора Франца Іосифа. Красивая, видная, съ яркимъ голосомъ и звонкимъ смѣхомъ, она была въ особенности хороша въ простонародныхъ роляхъ; въ короткой юбкѣ, съ чернымъ бантомъ бабочкой за бѣлокурой головой, она была блестяща въ ироніи, она хлестко отчитывала. Ея торжество были пьесы съ вѣнскимъ акцентомъ; вся милая Вѣна тогда говорила въ ней, Вѣна съ ея добродушной нарядностью; вся вѣнская кровь вскипала въ ней, весь Wiener Blut съ тонкой безпощадностью его усмѣшки. Другой свой большой успѣхъ Зоннентальдѣлилъ съ маленькой Hohenfels; пьеса, не помню чья, называлась «Frau Susanne».

Маленькая Hohenfels была совсѣмъ особенное существо. Представьте себѣ существо, которому невозможно внимать безъ волненія, о которой послѣ тридцати шести лѣтъ вспоминаешь съ тою же свѣжестью трепета, съ какой внималъ ей тогда, голосъ которой никогда не умолкнетъ въ слуховой памяти тѣхъ, кто хотъ разъ ее слышалъ, и этотъ голосъ былъ совершенно сиплый. Подумайте, какой же талантъ, когда она была лишена главнаго

средства воздѣйствія. Въ первую минуту, когда я ее услышалъ, я былъ озадаченъ: что это такое? можно ли выпускать такую? Но потомъ! Что она только дѣлала съ этимъ своимъ голосомъ, и какъ потомъ тянулось все существо — слушать его снова и снова. Вспоминаю наставленіе Дельсарта: «Если не можете отдѣлаться отъ вашего недостатка, заставьте полюбить его». Да, ее любили. Какъ ее встрѣчали, какъ провожали! Какъ каждое слово ея отмѣчалось невольнымъ рокотомъ въ рядахъ. Въ пьесѣ «Frau Susanne» она играла жену Зонненталя. Она узнаетъ, что мужъ, котораго она обожаетъ, подозрѣваетъ, даже увѣренъ, что она ему измѣняетъ. Мужъ ей ни слова не сказалъ, ему предстоитъ дуэль. У Зонненталя прекрасная сцена, когда онъ у письменнаго стола занятъ предсмертными приготовленіями, запечатываетъ письма, приводитъ въ порядокъ бумаги, открываетъ и запираетъ ящики стола. Хорошо помню, какъ во время этого, на докладъ слуги, что пришелъ такой-то, онъ, не отрываясь отъ своего дѣла, съ неподражаемой простотой говоритъ: «Ja, lassen Sie ihn herein», продолжаетъ запирать ящикъ и кладетъ ключи въ брючный карманъ. Послѣ этого дѣлового разговора онъ остается одинъ, отворяется дверь, входитъ Сусанна. Она все знаетъ, но она не должна ничего показать; она знаетъ и то еще, что, для того чтобы всѣ дѣло разъяснилось, надо, чтобы онъ провелъ вечеръ дома. И вотъ, ея задача — заинтересовать его, обворожить его, задержать его до девяти часовъ, только до девяти, тамъ уже не важно, но надо сдѣлать такъ, чтобы онъ забылъ посмотрѣть на часы. Она сидитъ по другую сторону письменнаго стола. Ну какъ я могу описать вамъ эту сцену на разстояніи тридцати шести лѣтъ? Помню только, что послѣ первыхъ его холодныхъ словъ, въ отвѣтъ на то, не мѣшаетъ ли она ему, онъ вынимаетъ портсигаръ и спрашиваетъ: «Du erlaubst doch?» «Na, gewiß.» «Du bist ein Engel.» «Nun, so umhülle mich mit Wolken.» Что можетъ быть труднѣе на сценѣ, какъ героическія шутки страдающей души? И все время она шутитъ, отвлекаетъ, мѣшаетъ его думамъ; и когда, наконецъ, онъ смотритъ на часы, онъ столбенѣетъ; она понимаетъ, что онъ оповдалъ, что ея страшное усиліе увѣнчалось успѣхомъ, — она больше не можетъ, она лишается чувствъ. . .

Въ «Hüttenbesitzer» («Горнозаводчикъ»), о которомъ упоминалъ выше, гдѣ Зоннеталь ведетъ свои сильныя сцены съ блистательной Шраттъ, маленькая Hohenfels играетъ крохотную роль скромной барышни; ея партнеръ нѣкій Tiemig, удивительно смѣшной на роли застѣнчивыхъ молодыхъ людей, на то, что французскіе актеры называютъ — «les bonjour, ma cousine». Одинъ изъ актовъ кончается въ большой гостиной гдѣ масса народу, идутъ серьезные разговоры; нашимъ двумъ молоденькимъ скучно, разлученнымъ въ двухъ противуполож-

ныхъ углахъ сцены. Вдругъ среди серьезныхъ разговоровъ милый сиплый голосокъ: «Ich gehe in den Garten.» Тутъ-какъ-тутъ, подскакиваетъ скромный обожатель и, выстрѣливъ ладонью впередъ: — «Und ich begleite Sie». Хохотъ всей залы. Онъ умеръ; она теперь играетъ старушекъ и, говорятъ — прелестна.

Таковы самыя для меня цѣнныя имена вѣнскаго Burgtheater. Помню еще Миттервурцера на роли отцовъ; помню Левинскаго и его жену; онъ былъ умный, ядовитый актеръ; интересенъ былъ его Мефистофель. О разнообразіи ихъ репертуара я говорилъ уже. Видѣлъ у нихъ нѣсколько пьесъ мало у насъ извѣстнаго, но очень въ Германіи нашумѣвшаго Грильпарцера; пьесы бытового характера, но съ вмѣшательствомъ волшебницъ, духовъ умершихъ и т. п. Не могу не отмѣтить той простоты и задушевности, съ какою проходила у нихъ обывательская комедія, — такія пьесы, какъ «Der Bibliothekar», «Der Veilchenfresser»; весь этотъ репертуаръ съ мамашами, со студентами, со старыми дѣвами, съ лейтенантами, съ разсѣянными профессорами, — какъ все это насыщено жизнью и какимъ теплымъ юморомъ согрѣто. По иному пути, по холодному, разсудочному пошло дальнѣйшее развитіе нѣмецкаго театра.

Никогда не скажу, что не надо задаваться исканіями, но жаль, когда въ погонѣ за новымъ утрачивается то драгоцѣнное, что было въ старомъ. «Старый театръ отжилъ. Старый театръ умеръ,» — это мы слышимъ на всѣхъ митингахъ. И кто же это говоритъ? Какіе-нибудь юнцы, дальше Москвы ничего не видавшіе. И не понимаютъ, что подъ старымъ театромъ они разумѣютъ тотъ современный русскій, который они только и видѣли. Но, вѣдь, для сужденія надо имѣть во всякомъ случаѣ двѣ монеты: знаніе и сравненіе. Что имѣютъ тѣ, кто судитъ? Что они знаютъ, что они видѣли, съ чѣмъ сравниваютъ?.. А послушайте авторитетность этихъ выкриковъ: «Старый театръ умеръ!» — удивительна легкость, съ какою они хоронятъ! Двѣ коренныхъ ошибки въ этихъ выкрикахъ. Первая — незнаніе прошлаго, незнаніе того, что хоронятъ: незнакомство съ «покойникомъ». Вторая ошибка въ томъ, что всѣ думаютъ, что новый театръ можно создать изъ существующаго актерскаго матеріала; думаютъ, что обновленіе театра есть вопросъ программы, декларацiи, далѣе — вопросъ репертуара, и въ концѣ концовъ — вопросъ режиссерскій. Нѣтъ, не режиссерскій вопросъ, а — воспитательный; не въ томъ дѣло, что изъ актерскаго матеріала создавать, а въ томъ дѣло, какъ создать настоящій актерскій матеріалъ.

И вотъ, чѣмъ больше я всматриваюсь въ дѣло, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что всѣ новые дѣятели театра заняты плодами,

никто не занятъ корнями. И больше всего этой слѣпотой грѣшатъ у насъ въ Россіи. Чѣмъ больше ходилъ въ театръ, тѣмъ меньше онъ меня удовлетворялъ и тѣмъ больше меня влекло въ школу; чѣмъ внимательнѣе слѣдилъ за актеромъ, тѣмъ больше интересовалъ меня ученикъ... Уже чувствую, что меня опять выпираетъ на поверхность настоящаго дня. Ну какъ не заговорить объ ученикахъ, о студіяхъ, о лекціяхъ, объ отношеніи къ занятіямъ и пр.! Но нѣтъ, рано; да не только рано, а и больно, больно къ живымъ вопросамъ прикасаться. Успѣется....

А теперь поговоримъ объ итальянскомъ театрѣ.

V.

Итальянскій театръ. Итальянскій зритель. Сицилійская труппа Грассо. Новелли (Эрвингъ). Цаккони.

Италіи я обязанъ расцвѣтомъ своей души въ области искусства вообще, но въ области театра она дала мнѣ много меньше, нежели Франція и Германія. Правда, Италія дала и Росси, и Сальвини, и единственную Дузе, и единственнаго Новелли (о послѣднихъ двухъ поговоримъ), но это явленія индивидуальныя; они продуктъ Италіи, не продуктъ итальянскаго театра. Я сказалъ выше, что театръ такъ же мало отвѣтственъ за талантъ, какъ почва за свалившійся въ нее аэролитъ. Нигдѣ это не оправдывается, какъ въ Италіи: такія удивительныя имена и такой блѣдный, нехарактерный театръ. Только двѣ труппы могу я назвать, какъ заслуживающія быть выдѣленными. Пусть не покажется страннымъ, что говорю «двѣ труппы», не говорю «два театра». Дѣло въ томъ, что въ Италіи нѣтъ театровъ въ нашемъ смыслѣ, т. е. учрежденій съ извѣстной художественной окраской, нѣтъ театральныхъ фирмъ, а есть труппы, изъ театра въ театръ переѣзжающія. Театръ, это только зданіе, а администрація театральная приглашаетъ руководителя той или другой труппы и ничего больше не вѣдаетъ. Только большіе оперные театры, какъ Scala въ Миланѣ, Costanzi въ Римѣ, S. Carlo въ Неаполѣ, Fenice въ Венеціи сами ведутъ художественное дѣло и заключаютъ контракты съ артистами, а не съ руководителями готовыхъ труппъ. Не будемъ говорить о томъ, хорошо это или плохо; если вообще всякій театральный вопросъ заслоняется для меня вопросомъ театральнаго мастерства, какъ единственно кореннымъ, то тѣмъ болѣе неинтересны мнѣ представляются эти вопросы административнаго характера. Передвижной театръ во всякомъ случаѣ интересное явленіе, а въ смыслѣ воспитательномъ, думаю, что онъ полезенъ; онъ развозитъ по городамъ лучшія драматическія достиженія въ своей странѣ имѣющіяся; онъ показываетъ нѣчто цѣльное, отучаетъ публику идти на имя; это, конечно, хорошее средство противъ гастрольнаго яда. Въ Италіи, гдѣ въ каждомъ городкѣ есть хорошій, а въ нѣкоторыхъ прямо восхитительный старый

театръ, никакая труппа не рискуетъ попасть въ унизительную обстановку балаганнаго гостепріимства, и всякая можетъ расчитывать, что будутъ ей предоставлены внѣшнія условія осѣдлости. Публику же всякая труппа найдетъ въ каждомъ городѣ — отзывчивую, сознательно-критическую. Отъ райка до нижняго яруса ложъ, отъ перваго ряда креселъ до стоячихъ мѣстъ — все это люди съ опредѣленными мнѣніями, съ опредѣленными, иногда дешевыми требованіями, въ смыслѣ театра вообще, но съ очень тонкою оцѣнкой игры, съ безпощадной иногда строгостью къ актерскому мастерству и съ большимъ запасомъ точекъ сравненія благодаря передвижному характеру театра и легкимъ условіямъ личнаго передвиженія въ такой маленькой странѣ, какъ Италія. Публика итальянская очень любопытный — съ позволенія сказать — «коллективъ». Итальянецъ, — я говорю объ истомъ итальянцѣ, не о томъ зрителѣ, котораго, какъ во всякой странѣ, мы назовемъ просто «европеецъ», — итальянецъ идетъ въ театръ или чтобы отдохнуть, — посмотрѣть на сцену, поглазѣть по сторонамъ; или онъ идетъ — какъ судья. Рѣдко на его лицѣ вы прочитаете то свѣтящееся выраженіе благодарности, которымъ горитъ незнаніе, вдругъ обогатившееся; итальянецъ «знатокъ», его не проведешь, онъ спуску не дастъ; передъ поднятіемъ занавѣса онъ готовится судить; въ антрактѣ передъ вторымъ дѣйствіемъ «Травіаты» онъ говоритъ: «Ora sentiremo il baritono» (теперь послушаемъ баритона), и въ его рукоплесканіяхъ — одобреніе, часто требованія, жестокія требованія повтореній, но никогда благодаркость.

Не одни рукоплесканья расточаетъ итальянецъ. Какіе бываютъ свистки, какой Содомъ иногда стоитъ въ театрѣ! Въ Римѣ давали «Пелеаса и Мелисанду». Нѣжная музыка Дебюсси оказалась совсѣмъ не по зубамъ. Опера прошла только одинъ разъ. Стоялъ такой гвалтъ, что отъ музыки ничего не было слышно. Въ случайный моментъ затишья кто-то изъ пѣвцовъ поетъ: «Мы съ тобой останемся здѣсь до завтра»; изъ стоячихъ мѣстъ голосъ: «Ah, questo no!» (Нѣтъ, ужъ это извините!), — и опять гвалтъ, пуще прежняго. Я видѣлъ одно очень интересное представленіе; т. е. сразу оговариваюсь, — интересъ былъ въ залѣ, не на сценѣ. Это было на островѣ Мальтѣ; въ прелестномъ городскомъ театрѣ шла «Сельская Честь». Залъ былъ биткомъ набитъ, и сразу же я замѣтилъ двойной характеръ публики: англичане и мальтійцы. Какая разница! Англичане, въ большинствѣ морскіе и военные офицеры, — въ великолѣпно сшитыхъ черныхъ и красныхъ съ золотыми кантами смокингахъ, въ безупречно крахмаленномъ бѣльѣ, въ бѣлыхъ галстукахъ. Мальтійцы — итальянцы — въ чемъ попало, въ пиджакахъ, разлетайкахъ, въ красныхъ пестрыхъ галстукахъ. Опера шла

плохо, и примадонна на высокихъ нотахъ немилосердно фальшивила. И вотъ тутъ обозначилась двойственность публики. Итальянцы не спускали ни одной фальшивой ноты, подвывали, срамили несчастную пѣвицу; англичане съ программами въ рукахъ вытягивались въ струнку, высокомѣрно озирая неистовствующихъ представителей латинской расы, хмурились и съ серьезною сосредоточенностью продолжали слушать оперу Масканьи. Я вспомнилъ дивную сказку Андерсена «Платье Короля», — когда толпа кричала «Да вѣдь онъ голый!», а придворные продолжали невозмутимо нести балдахинъ. Никогда расовое различіе не ложилось такою рѣзкой чертой между людьми, какъ здѣсь, въ этой театральной залѣ; и тѣ, и другіе были забавны; отъ сосѣдства, въ силу безсознательной реакціи, они невольно преувеличивали каждый въ свою сторону, но это положительно были — хулиганы и жрецы. . .

Итакъ, двѣ труппы считаю заслуживающими выдѣленія. Первая — Compania Calabresi, хорошая комедійная труппа; они играютъ умно, добросовѣстно. Но ничего большаго о нихъ сказать не могу, ничего исключительно имъ присущаго не могу отмѣтить. Вторая — извѣстная сицилійская труппа, Compania Grasso, когда-то пріѣзжавшая и въ Россію. Эта удивительная труппа представляетъ собой нѣчто совсѣмъ особенное не только въ Италіи, но и въ европейскомъ театрѣ. Они большей частью играютъ пьесы изъ быта сицилійскихъ рабочихъ: каменьщиковъ, рыбаковъ, въ особенности рабочихъ сѣрныхъ копей. У нихъ нѣтъ ни одного плохого актера, а руководитель ихъ, Грассо, выдающійся талантъ и совершенно исключительный темпераментъ. Всегда онъ играетъ вожака среди рабочихъ, предводительствуетъ въ столкновеніяхъ съ нанимателями, всегда онъ народный заступникъ, мститель за угнетеннаго, и все это у него выходитъ великолѣпно, съ какой-то тигровой яростью и вмѣстѣ съ тѣмъ въ границахъ благороднаго искусства. Помню, въ одной пьесѣ онъ сзади наскакиваетъ на своего врага, — какъ какой-нибудь леопардъ, закидываетъ ему голову, впивается зубами въ шею, будто прокусываетъ ему кадыкъ. Большое мастерство нужно, чтобы заставить принять реализмъ этой сцены. Прекрасно выходили у сицилійцевъ общія сцены; ихъ наростанія и ослабленія могу сравнить только съ Майнингенцами. Особенно запомнились мнѣ сцены глухого, ропота. Какое большое искуство — показать настоящую жизнь; сколько умѣнья надо, какое мастерство, чтобы обычный въ театрахъ «гулъ» изъ простого звукового матеріала превратить въ сознательнаго выразителя накипающей жизни, которая вдругъ, сама собой переходитъ въ членораздѣльныя, осмысленныя слова.

Совершенно то же, что закипающая вода: сперва гулъ подъ гладкою поверхностью, потомъ поверхность покрывается рябью и, наконецъ, на поверхности пузыри; пузури это и есть слова.

О, актеры, режиссеры, какъ бы было полезно вамъ присматриваться къ природѣ, — великой учительницѣ всякаго искусства, а тѣмъ болѣе такого, которое соединено съ движеніемъ: сила, слабость; усиленіе, ослабленіе; скорость, медленность; ускореніе, замедленіе; верхъ и низъ, тяжесть и легкость, движеніе и остановка...

Какой залогъ разнообразія. И во всемъ этомъ свои, природой установленные законы; и соблюденіе ихъ обезпечиваетъ и правильность и красоту. Но нѣтъ, не хотятъ; называютъ это механическимъ отношеніемъ къ искусству. А развѣ человѣкъ не машина? Дивная машина. Чувство нужно, скажете вы? Конечно; но чувство — вѣнецъ всему, а можно ли съ вѣнца начинать? Человѣкъ машина, чувство — масло. Къ чему же масло, когда машина не дѣйствуетъ? Не понимаютъ этого люди; они совсѣмъ въ чемъ-то иномъ воспитаны. Когда я на своихъ урокахъ говорилъ, что прежде всего нужна грамотность, мнѣ мгновенно кто-нибудь выпаливалъ: «Значитъ вы противъ чувства?» «Развѣ я это сказалъ? Я только сказалъ, что я противъ безграмотности». Но такъ ужъ это установилось у насъ въ Москвѣ: «Волконскій противъ чувства». Не оправдываюсь больше; есть грѣхи, въ которыхъ оправдаться невозможно; это тѣ грѣхи, въ которыхъ неповиненъ...

О сицилійцахъ я вспомнилъ однажды на засѣданіи Совѣта Художественнаго Театра, когда говорили о репертуарѣ. Мнѣ показался сицилійскій репертуаръ очень соотвѣтствующимъ наличнымъ силамъ театра и современному моменту (это было зимою 1919 года). Мое предложеніе было отвергнуто; нашли, что репертуаръ этотъ тенденціозенъ и пошелъ бы въ разрѣзъ съ тою программой аполитичности, которую провозгласилъ Художественный Театръ. На этомъ засѣданіи не присутствовалъ Немировичъ-Данченко; когда я ему разсказалъ о сдѣланномъ мною предложеніи, онъ сказалъ: «Какъ это мнѣ нравится, да еще при наличности такого актера, какъ Леонидовъ.» А мнѣ понравилось то, что сказалъ Немировичъ.

Вотъ все, что могу, съ позволенія сказать, «зафиксировать» объ итальянскихъ, съ позволенія сказать, «коллективахъ»... Хочу сказать теперь объ одномъ удивительномъ итальянскомъ актерѣ, — Новелли, сколько помню и какъ сумѣю.

Я никогда не встрѣчалъ актера, который до такой степени отказался отъ всякаго героизма, какъ Новелли. Съ прекрасной осанкой, отличнымъ голосомъ, крѣпкимъ, выразительнымъ

профилеми, съ черными, горящими, какъ уголь, глазами, онъ имѣлъ бы все, что надо, чтобы играть и героевъ, и королей, и полководцевъ. Но онъ отошелъ отъ всего этого, онъ забился въ другой уголъ человѣческой природы. При всѣхъ его прекрасныхъ данныхъ у него есть какая-то ужимка, извѣстная скрюченность осанки и движеній, — то, что нужно въ злоумышленникѣ, то что у мѣста въ человѣкѣ, обиженномъ судьбой, затравленномъ людьми. Вотъ характеръ его репертуара. Какой-нибудь крестьянинъ съ ножемъ за пазухой шутливо разговариваетъ съ любовникомъ своей жены; какой-нибудь погонщикъословъ, въ неаполитанскомъ костюмѣ, въ ермолкѣ съ кисточкой, возвращающійся домой, молча садящійся противъ своей жены, вынимающій трубку, медленно, съ разстановкой ее набивающій, закуривающій и все время при этомъ облизывающій себѣ губу и не спускающій глазъ со смущенной жены; и вы чувствуете, такъ онъ умѣетъ это сдѣлать, что для нея это томительное набиваніе и закуриваніе трубки все равно, что пытка каленымъ желѣзомъ. Таковъ Новелли, — страшный, извилистый, съ безконечнымъ разнообразіемъ оттѣнковъ, тонкій, какъ тончайшее лезвіе. И этотъ холодный, безпощадный, неумолимый операторъ могъ быть и мягкимъ, безвольнымъ страдальцемъ; тутъ у него бывали совершенно дѣтскія, обезоруживающія интонаціи, такіе провалы въ человѣческое ничтожество, что и жалко и страшно становилось. Не помню ни одного его спектакля, который бы не былъ чѣмъ-то очень значительнымъ, даже когда онъ игралъ пустѣйшій французскій водевиль; это былъ настоящій актеръ для знатоковъ; жаль было упустить каждую минуту его игры.

Изъ второго типа ролей, гдѣ онъ играетъ страдающее лицо, помню французскую переводную пьесу «Papa Lebonnard». Старый часовщикъ, красивая развратная жена, взрослый сынъ. Жена невозможнѣйшимъ образомъ обходится съ мужемъ и натравливаетъ сына на то же. Старикъ все сноситъ, каждый накипающій взрывъ онъ подавляетъ въ себѣ; но все это накопляется, накопляется, и однажды въ разговорѣ все прорывается наружу. Невозможно описать силу этого возмущенія, напряженіе, съ которымъ эта приниженность вырастаетъ и превращается въ грозное проклятіе. И въ самый сильный моментъ отцовскаго гнѣва сынъ вдругъ кидаетъ ему въ лицо: «Да что ты орешь, съ какого права? Ты мнѣ не отецъ, я сынъ другого.» Никогда въ театрѣ не видалъ болѣе страшной *осѣчки*, чѣмъ то, что давалъ Новелли въ этомъ мѣстѣ; это былъ такой провалъ въ человѣческіе низы, что все предыдущее казалось счастьемъ по сравненію съ его теперешнимъ положеніемъ. При всей моей любви къ техническимъ пріемамъ игры, къ сожалѣнію, не могу вспомнить, *какъ* онъ принималъ страшный ударъ. Могу только

сказать, что это было одно изъ самыхъ сильныхъ моихъ впечатлѣній въ театрѣ, но, — что дѣлать, — за силою я не доглядѣлъ способа. А способы у него были чрезвычайно интересны; у рѣдкаго актера можно было столькому научиться, какъ у Новелли; конечно, надо умѣть смотрѣть. У насъ врядъ ли и это люди умѣютъ; вѣдь, если актеровъ ведутъ и воспитываютъ на «нутрѣ», то естественно, что и вниманіе критика идетъ мимо техническихъ пріемовъ. Чѣмъ технически воспитаннѣе актеръ, тѣмъ технически проницательнѣе сужденіе критика. Правъ старикъ Лессингъ, когда говоритъ, что постановка актерскаго образованія на научную почву нужна въ двухъ цѣляхъ: для того чтобы актеръ зналъ, что правильно и что неправильно, и для того чтобы критикъ могъ судить, правильно ли и почему неправильно. Совершенно вѣрно, но я еще сгущу это требованіе и скажу, что каждый актеръ долженъ быть и критикомъ, ибо только при критической способности можетъ быть и самокритика, а мыслима ли самокритика, когда ясность сознанія помрачена «нутромъ?»..

Да, у Новелли можно было поучиться — точности движеній и рѣчи, мѣткости въ совпаденіи слова и жеста, мѣткости и точности тѣмъ болѣе удивительнымъ, что иногда темпъ его игры былъ страшно быстръ, и, несмотря на быстроту, никогда у него не было смазанности. Еще у него можно было поучиться гимнастикѣ лица и гимнастикѣ голоса. У насъ совершенно не знаютъ мимики; даже предмета такого нѣтъ въ сценическомъ преподаваніи; въ нашихъ студіяхъ существуетъ странно-неопредѣленный предметъ «гимнастика чувствъ», но нѣтъ гимнастики лица. Вѣдь это то же, что піаниста воспитывать на гимнастикѣ настроеній, а не давать ему гимнастики пальцевъ. Лицо Новелли было изумительно; оно мнѣ напоминало такія, въ дѣтствѣ видѣнныя мною, резиновыя маленькія маски; ихъ можно было сжимать, растягивать, и получались удивительныя гримасы, — все то же лицо, но все съ разнымъ выраженіемъ. Должно сказать, что такія же резиновыя, гибкія были его интонаціи; такого сочетанія ироніи и ярости я не слыхалъ. Не видѣлъ я Новелли въ Шайлокѣ, но увѣренъ, что его Шайлокъ наравнѣ съ Шайлокомъ величайшаго англійскаго актера XIX вѣка — Эрвинга; это должно быть то же ползучее, тягучее, присматривающееся, ненавидящее и страдающее, что у великаго англичанина.

Я видѣлъ Эрвинга въ этой роли въ Лондонѣ; не могу забыть его выхода изъ залы суда. Его руки все приближались къ головѣ, голова пряталась, уходила въ плечи; онъ давалъ впечатлѣніе человѣка, для котораго меркнетъ солнце, гаснетъ день, и наконецъ, какъ ночная бабочка отъ свѣта забивается въ щель, такъ онъ, закрывъ голову локтями, шатаясь и осту-

паясь, шелъ къ выходу и пропадалъ въ дверныя створки. Другой разъ я видѣлъ Эрвинга въ пьесѣ Сарду «Робеспьеръ». Онъ игралъ Робеспьера и былъ восхитителенъ. Помню въ особенности одну сцену. Онъ допрашиваетъ молодого человѣка, только что арестованнаго приверженца королевской власти. Изъ допроса онъ къ ужасу своему, а, можетъ быть, къ великой радости своей, узнаетъ, что это его сынъ, сынъ женщины, которую онъ обожалъ, сынъ, котораго ищетъ уже сколько лѣтъ. И вотъ задача для актера, — чтобы зритель чувствовалъ его радость передъ найденнымъ сыномъ, чтобы зритель чувствовалъ его ужасъ при мысли, что онъ, отецъ, призванъ послать его на гильотину, и, наконецъ, чтобы сынъ ничего не замѣтилъ, не догадался, что предметъ его ненависти — его родной отецъ. Психологическая сложность этой сцены проступаетъ въ каждомъ словѣ; представьте себѣ три стеклянныхъ коробочки, вложенныя одна въ другую, и сквозь каждую коробочку видны другія двѣ; такова психологическая архитектура этой поразительной сцены. Помню, какъ онъ, разговаривая съ юношей, точитъ свой ногти; какъ въ этомъ движеніи онъ скрывалъ свое волненіе и какъ дрожаніе тонкихъ рукъ въ кружевныхъ обшлагахъ выдавало волненіе. Помню въ этомъ спектаклѣ красиво поставленную сцену. Робеспьеръ приходитъ въ тюрьму Temple, ту самую, въ которой томилось королевское семейство до смертной казни. Мрачное каменное подземелье со сводами; онъ усылаетъ сторожа съ порученіемъ, остается одинъ, присаживается къ столу, голова его склоняется, онъ засыпаетъ. Открываются желѣзныя двери, – входитъ смутное бѣлое привидѣніе, — маркиза въ высокой пудренной прическѣ; открывается другая дверь — выходитъ другая, потомъ третья, и еще, и еще, — вся сцена въ таинственномъ полумракѣ полна блѣдныхъ тѣней... Но вдругъ онѣ разступаются въ полукругъ, низко присѣдаютъ — вышла королева... Съ крикомъ Робеспьеръ просыпается; съ его крикомъ — мгновенный мракъ на одну секунду, а когда возвращается полумракъ, ужъ на сценѣ нѣтъ привидѣній; Робеспьеръ по прежнему за столомъ, руки вытянуты на столѣ, и на рукахъ лежитъ его усталая голова... Я вспомнилъ Эрвинга, пока говорилъ о Новелли; это единственный, съ которымъ могу его сравнить. Это не значитъ, что они равныя величины, — Новелли не былъ бы такимъ Робеспьеромъ, но навѣрное такой же Шайлокъ. Еще скажу о Новелли, что репертуаръ его былъ громадный. Всѣ труппы итальянскія проводятъ въ одномъ городѣ не болѣе мѣсяца, Новелли въ Римѣ оставался два мѣсяца и каждый день игралъ пьесу. Вотъ еще особенность итальянскихъ театральныхъ условій, что въ то время, какъ въ большихъ городахъ Европы, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, пьесы даются по пятьсотъ и тысячу разъ, въ Римѣ публики не хватаетъ;

тамъ публика проходитъ передъ пьесой, здѣсь пьесы проходятъ передъ публикой. Ясно, какую работу несъ Новелли. Между прочимъ, говорятъ, онъ производилъ потрясающее впечатлѣніе въ тургеневскомъ «Нахлѣбникѣ». Вѣрю.

Мой обзоръ итальянскаго театра былъ бы не полонъ, если бы я пропустилъ такого актера, какъ Цаккони.

Странное его искусство, онъ входитъ въ искусство особой дверью. Онъ прежде всего реалистъ; лучшій его репертуаръ — Ибсенъ. Даже не понятно, какъ латинская раса, да еще итальянская ея вѣтвь, могла родить такого реалиста, — безъ полетовъ, у котораго нельзя усмотрѣть ни одного намѣренія Красоты. И вмѣстѣ съ тѣмъ, то, что онъ дѣлаетъ, интересно. Самое удивительное и для него типичное, это «Привидѣнія» Ибсена. Онъ играетъ — мало сказать больного человѣка, онъ играетъ человѣка, который на вашихъ глазахъ заболѣваетъ, и болѣзнь котораго предъ вами развертывается; вся пьеса — картина развитія прогрессивнаго паралича. Процессъ внутренней болѣзни выражается внѣшне въ удивительно равномѣрномъ распространеніи физическаго увяданія на всѣ органы движенія. Походка его въ первомъ дѣйствіи получаетъ какую-то неровность, которая постепенно переходитъ въ совершенное размягченіе колѣнъ. Руки понемногу лишаются всякой точности въ движеніяхъ, кисти отвисаютъ. Глаза, которые въ первомъ дѣйствіи блуждали, пріобрѣтаютъ все большую устремленность взгляда и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше теряютъ пристальность. Все это выполнено съ такой незамѣтностью въ наростаніяхъ, что положительно вамъ кажется, что вы присутствуете при естественномъ процессѣ. Удивительнѣе всего въ этомъ процессѣ человѣческаго разложенія — рѣчь. Въ первомъ дѣйствіи онъ одинъ разъ запинается передъ названіемъ города Парижа, не сразу можетъ вспомнить. И для человѣка, который немножко наблюдалъ за проявленіями болѣзни памяти, ясно, что эта заминка есть зернышко, изъ котораго разовьются всѣ послѣдующія проявленія болѣзни. И отъ этой первой заминки до послѣднихъ его словъ — «Дайте мнѣ солнце, солнце»... — это одно послѣдовательное увяданіе памяти. Мучительны страданія этого мозга, который хочетъ поймать увертывающееся слово; сперва онъ ловитъ, все съ большимъ трудомъ, но приходитъ пора, когда слово уже не возвращается, окончательно уходитъ, и тогда къ страданію охотящагося за нимъ мозга присоединяется страданіе души, которая вынуждена уступить немощи своего тѣла. Страшныя минуты, полныя глубокой, міровой жалости. Онѣ даютъ поразительную картину, — это виснущее тѣло, эти свисающіе волосы, глаза задумчивые и не думающіе, глядящіе и

не видящіе. У него есть природный, очень непріятный недостатокъ, — у него руки въ кистяхъ дрожатъ; въ этой роли и этотъ недостатокъ у мѣста. Послѣднія слова его — «Дайте мнѣ солнце... солнце..» — актеры обыкновенно говорятъ съ тоской, съ томленіемъ по чемъ-то недосягаемомъ. У него — никакого лиризма; онъ сидитъ на диванѣ, лицемъ въ залъ, взоръ устремленъ въ пустоту, и какъ два сухихъ толчка, какъ какая-то безсмысленная икота вылетаютъ эти два «солнца»...: разумъ угасъ. Все это очень замѣчательно, все это въ высшей степени интересно; но спрашиваю себя, кого это собственно должно интересовать, — художественнаго критика или врача-психіатра? Предоставляю другимъ рѣшать, но отмѣчаю Цаккони, какъ явленіе заслуживающее вниманія.

Одна изъ прелестей Италіи, — что, въ то время какъ въ другихъ странахъ идти въ театръ это цѣлая исторія, тамъ вы входите въ театръ, какъ въ магазинъ, какъ въ кофейную. Мѣсто всегда есть, — если и все распродано, стоячія мѣста всегда есть. У насъ нельзя себѣ даже представить, что это значитъ, — гуляя зайти — въ театръ, а тамъ въ теченіе одного вечера заходишь въ два, три, въ особенности если проводишь въ какомъ-нибудь городѣ немного дней, а то проѣздомъ всего нѣсколько часовъ. Провести послѣдніе часы до отхода поѣзда на улицѣ, смѣшаться съ этой кипящей вечерней жизнью итальянской звонкой мостовой, — какая радость. Одкажды, во Флоренціи, проходя грязной, хлопотливой Via Pietrapiana, я зашелъ въ маленькій невзрачный театрикъ Fossati. На афишу только вскользь взглянулъ: «Une visite de noce» (Свадебный визитъ) Александра Дюма. Главную роль играла актриса, которая очень мнѣ понравилась, и у нея были волосы удивительнаго темно-рыжаго цвѣта. Она ведетъ сцену со старымъ другомъ, съ которымъ давно не видалась и который, какъ и всѣ вокругъ нея, вѣритъ въ гадкую сплетню. На оскорбительные вопросы она не отвѣчаетъ оправданіями, — она, слегка подшучивая, подтверждаетъ его опасенія. Наконецъ, вскинувъ руками, онъ восклицаетъ: «Но какъ же вы могли, какъ это случилось?» «M'annojavo, eссо come comincio ; m'annojò, eссо come fini» (Я скучала, вотъ какъ началось; онъ мнѣ наскучилъ, вотъ какъ кончилось). Нѣтъ, подумалъ я, такъ сказать можетъ только Дузе. Это была дѣйствительно она; въ рыжемъ парикѣ это была Дузе.

VI.

Дузе. — Сара Бернаръ. — Режанъ. Парижскій смѣхъ.

Ни одна артистка, изъ извѣстныхъ людямъ нашего поколѣнія, не сумѣла завоевать столько сердецъ, какъ Дузе. И не любовь мужчины къ женщинѣ я здѣсь разумѣю; я разумѣю оцѣнку ея духовнаго существа, оцѣнку человѣка человѣкомъ, безразлично какого пола. Лучшіе люди, люди, далекіе отъ театральной жизни, люди, интересъ которыхъ къ личности артиста никогда не переѣшагивалъ черезъ рампу, почитали Элеонору Дузе, какъ одно изъ самыхъ духовно-красивыхъ явленій человѣческой природы, и духъ высокой дружбы всегда окружалъ ее, даже въ такіе періоды жизни ея, когда щепетильность свѣтская могла бы внушить отчужденіе къ страданіямъ ея больного сердца. Помимо изумительнаго своего таланта, Дузе — личность, характеръ; это — душа, умъ. И все — своеобразно, и все — въ исключительной степени, и все — рѣдчайшаго качества. Жгучая, нервно-измученная, вся какъ натянутая струна, слабая передъ увлеченіями, она сильна въ порывахъ возрожденія, радостна въ начинаніяхъ, мужественна въ борьбѣ и съ холодной ясностью въ негодованіяхъ. Со страстной тоской по всему, чего нѣтъ на землѣ, проходитъ она черезъ жизнь, какъ жаждущая проходитъ по пустынѣ. Вытянутая шея, поднятый подбородокъ, измученный взоръ — такъ проходитъ она, и страшно ее окликнуть: она внушаетъ бережность.

И вотъ, этотъ хрупкій сосудъ своего существа, который она въ жизни несетъ дрожащими руками, она его выноситъ на сцену, и съ какой смѣлостью, съ какой расточительностью къ себѣ, съ какой щедростью къ другимъ!.. «Дузе всегда играетъ себя самое», говорятъ одни; «Дузе играетъ со всей своей душой», говорятъ другіе; «Дузе играетъ нервами» и пр. и пр. Скажемъ однимъ словомъ: игра Дузе — нутро. Да, имѣю смѣлость не только сказать это, но и привѣтствовать; въ данномъ случаѣ привѣтствую нутро. Да, она показываетъ свою душу, она играетъ себя; но мы видѣли, что она за человѣкъ, что это за

душа. Я сказалъ гдѣ-то выше, что мнѣ противно чувствовать душу Ивана Колупаева, когда хочу слушать Пушкина; но душа Дузе можетъ не бояться сопоставленій, ей нечего прятаться, — мы счастливы почувствовать ея прикосновеніе. Да, въ этомъ случаѣ, и прибавлю — въ этомъ единственномъ случаѣ признаю художественную правоспособность нутра. И не только потому, что это нутро показываетъ мнѣ душу единственную, но и потому еще, что при исключительности этого таланта нутро никогда ее не обманетъ, — ей оно всегда подскажетъ художественно-вѣрно. Пусть не торжествуютъ наши защитники нутра; нечего руки потирать и злорадно восклицать: — «Ага, и вы признаете принципъ нутра!» Не принципъ я признаю, а отмѣчаю исключительное явленіе. Она была отъ природы такъ одарена, что интуиція ей подсказывала вѣрно; къ тому же инструментъ природный былъ такъ богатъ, такъ безконечно-разнообразенъ! Неужели же вы думаете, что, если Дузе на своей арфѣ играла нутромъ, то и ваша единственная струна подъ прикосновеніемъ вашего нутра зазвучитъ арфою? Великія явленія рѣдки; обобщать ихъ безразсудно, а строить на ихъ примѣрѣ воспитательную систему — грѣховно, поскольку воспитаніе есть обязательство одной совѣсти человѣческой передъ другой. Да, Дузе «играетъ себя», но она сама такъ разнообразна, что это никогда не одно и то же. И вотъ, вмѣсто того, чтобы успокоиться на томъ, что «темпераментъ вывозитъ», гораздо назидательнѣе присмотрѣться къ разнообразію пріемовъ, въ которыхъ темпераментъ себя выражаетъ.

Странно, я не могъ бы сказать, гдѣ и когда видѣлъ Дузе въ первый разъ; затруднился бы даже сказать, въ какой роли. До такой степени преобладаетъ въ ней человѣкъ, что о роляхъ ея я думаю, какъ о какихъ-то платьяхъ, которыя она мѣняетъ. Больше, нежели въ роляхъ, я вижу ее въ томъ или другомъ настроеніи, въ томъ или иномъ чувствѣ. Я не вспоминаю ея Магду, но я помню ея презрительное негодованіе; я не вспоминаю ея «Даму съ Камеліями», но я вижу ея тоску. Это преобладаніе человѣка надъ ролью, вотъ самая сущность той силы, съ которой она запечатлѣвается въ памяти. Въ двухъ только что названныхъ роляхъ, столь различныхъ, межъ собой, ибо Магда есть протестъ, а Маргарита Готье — покорность, у Дузе есть одинаковый пріемъ, пріемъ повторяемаго слова. Къ Магдѣ приходитъ ея бывшій любовникъ, соблазнившій ее отецъ ея ребенка. Въ длинномъ монологѣ онъ разсказываетъ, почему не можетъ продолжать быть ея другомъ, почему долженъ отказаться отъ ребенка и пр. и пр. Всѣ эти объясненія пересыпаны отвратительными не то извиненіями, не то оправданіями. Она слушаетъ и только отъ времени до времени вырывается у нея одно слово, — «gia». По итальянски это значитъ — «ну да,

конечно, ну понятно». Но здѣсь у нея это значитъ каждый разъ что-нибудь другое: «Очевидно, ну-ка продолжай, и какой же ты прохвостъ» и т. д. Какъ удары хлыста хлещутъ въ воздухѣ эти «gia»; а онъ, видя, какъ легко она съ нимъ соглашается, смѣлѣетъ все больше и больше, и, чѣмъ больше онъ смѣлѣетъ, тѣмъ больнѣе хлещетъ ея хлыстъ. Въ третьемъ дѣйствіи «Дамы съ Камеліями» она входитъ въ игорный домъ. Въ первый разъ послѣ разрыва она встрѣчается съ человѣкомъ, котораго любитъ и отъ котораго отказалась по настоянію ея семьи. Арманъ Дюваль этого не знаетъ и считаетъ ее продажной измѣнницей. На глазахъ всѣхъ онъ обдаетъ ее потокомъ гнуснѣйшихъ обвиненій и дождемъ «презрѣннаго металла.» Она въ ужасѣ слушаетъ его, въ ужасѣ, безсильная, опускается на диванъ, и только отъ времени до времени вырывается у нея одно слово: «Армандо!» И чего только нѣтъ въ этомъ словѣ! На задержанномъ дыханіи эти паденія голоса, всегда съ разной высоты и въ разную глубину! Это значило: «Ты ли это? Опомнись! Пожалѣй! Въ умѣ ли ты?» Незабываемо, неописуемо, неповторимо. И какъ все непокорно-бунтующее страданье Магды въ повторяющемся «gia», такъ въ повторяющемся имени ея возлюбленнаго вся покорно-смиряющаяся тоска Маргариты Готье.

Больше всего я помню ея страданье. Конечно, заразительно было ея веселье, ласкою своей она смахивала всякую заботу земную, извивамъ ироній не было конца, но больше всего помню страданье. Вотъ интереснѣйшая роль въ интереснѣйшей англійской пьесѣ «The second Mrs. Tankery» («Вторая жена»). Вдовецъ не первой молодости женится на женщинѣ съ сомнительнымъ прошлымъ. Она очень ему предана, очень искренна, настолько искренна, что не терпитъ тѣни недомолвки между собою и имъ; передъ тѣмъ какъ согласиться на его предложеніе, она передаетъ ему письмо, которое проситъ прочитать, когда останется одинъ; въ этомъ письмѣ она разсказываетъ всю свою прошлую жизнь и рисуетъ трудности ихъ будущаго семейнаго и общественнаго положенія. «Когда ты останешься одинъ, ты прочитаешь это письмо. Когда ты его прочтешь, ты его перечтешь. Когда ты его перечтешь, ты его пере-перечтешь». Прелесть этого «leggerai, rileggerai и ri-rileggerai» непередаваема. Тутъ что удивительно? Вѣдь это письмо самая большая тяжесть ея жизни, и въ этой легкой шуточкѣ она съ этой тяжестью играетъ, какъ съ пушинкой; тяжесть она оставляетъ для себя; пушинка, это для него. Эту первую сцену отмѣчаю, такъ какъ на ея фонѣ особенно обрисовывается послѣдующее страданіе: послѣ солнца дождь, да, настоящій, крупный дождь. Въ третьемъ дѣйствіи объясненіе съ мужемъ. Изъ совмѣстной жизни ничего не вышло; общественное положеніе ложно, взрослая дочь мужа мачеху не понимаетъ, мужъ

тяготится, она изнемогаетъ; и вотъ, наконецъ, въ этомъ созданіи, мучимомъ мелкой завистью, мелкимъ тщеславіемъ, вообще всѣмъ мусоромъ житейскимъ, мѣшающимъ жить, вдругъ просыпается женщина, — настоящая, безъ классово-общественныхъ дерганій. Она рисуетъ мужу картину своей жизни, — прошлое, построенное на заботахъ о внѣшности своей, этой убѣгающей, обманывающей красотѣ, настоящее, въ которомъ красоты уже нѣтъ, и ничего на ея мѣсто, безсодержательность, пустота. Вотъ въ общихъ чертахъ, въ точности не помню, да и не въ этомъ дѣло; она рисуетъ картину личной пустоты, но понемногу получается общая картина ничтожества ея и ей подобныхъ, какая-то безысходная непоправимость въ женской судьбѣ; и вся эта глубина страданія встаетъ со дна какихъ-то житейскихъ пустяковъ; изъ ящика, гдѣ пахнетъ перчатками, кружевами, пачулями, поднимается міровая скорбь. Пока она говоритъ, вдругъ глаза ея увлажняются, влага заливаетъ ихъ густо; она продолжаетъ говорить, влага приливаетъ и уже льется изъ глазъ; она говоритъ, и два ручья текутъ по щекамъ; и все время, пока она говоритъ, текутъ два ручья по щекамъ, и крупнымъ дождемъ капаютъ капли на черное бархатное платье; она сидитъ на креслѣ лицомъ въ залу, и рампа огнями своими отражается въ двухъ потокахъ слезъ... Это была самая высокая картина страданія, какую я вообще видѣлъ; въ искусствѣ знаю только полные слезъ глаза тиціановской Магдалины. Здѣсь проведу интересное сравненіе. Эту же пьесу я видѣлъ въ Америкѣ, въ Бостонѣ, игранную той актрисой, для которой роль была написана — Mrs. Patrik Kemble. Долженъ сказать, что англичанка была восхитительна и совсѣмъ другая. Она была менѣе красива, играла болѣе пожилую, что дѣлало положеніе ея болѣе трагичнымъ; въ ней съ самаго начала не было ни малѣйшаго идеализма, она играла настоящую женскую мелочь, все что я назвалъ перчатки и пачули, все это у нея выходило до трагичнаго мелко и до смѣшного трагично. Въ большой сценѣ третьяго дѣйствія не было той общечеловѣческой глубины, какъ у Дузе, но зато была картина такой бѣдноты душевной, такого нищенства житейскаго, что сама мелкота эта трогала трагическимъ положеніемъ, въ какое она ставила это ничтожное существо. Это было очень интересно: Дузе показывала глубину страданья, Гжа Кэмбль показывала глубоко страдающую мелкоту. Гдѣ больше искусства? Скажу — въ англичанкѣ. Но, повторяю, въ Дузе это была высочайшая картина земного страданья.

И, несмотря на преобладаніе страданія, какія картины счастья, какая безоблачность, какая дѣтскость! И вотъ гдѣ уже проявлялась и техника ея; и эту сторону ея недостаточно отмѣчаютъ тѣ, кто судятъ о ней. Если въ страданіи мы «узнаемъ»

ее, то въ картинахъ дѣтскаго счастья уже нѣтъ ничего общаго съ тою Дузе, которую мы знаемъ въ жизни; уже никогда мы не скажемъ, что здѣсь она себя повторятъ. Дѣтскость ея Джульетты, легкая беззаботность ея Норы, игривое лукавство ея Трактирщицы, все это уже не есть Дузе, вынесенная на сцену, это есть Дузе, выносящая нѣчто ею созданное, ей въ жизни не присущее. Въ ней была большая работа, и сильна была въ ней планировка роли. Большія линіи роли были у нея крѣпко поставлены; она обладала въ высшей степени техникой наростанія одного акта надъ другимъ. Я не видѣлъ ее въ большихъ шекспировскихъ роляхъ, но мнѣ разсказывали, что въ Джульеттѣ она въ первомъ актѣ была четырнадцатилѣтней дѣвочкой, а кончала взрослой, сломленной женщиной. Всегда она была въ границахъ; никогда, даже въ сильнѣйшія минуты увлеченія, не было у нея даже тѣни истеричности, — у нея, которая въ жизни была нервная, неуравновѣшенная, мятущаяся.

Я зналъ ее лично, но видалъ мало; и ближайшіе ея друзья иногда мѣсяцами не видали ее, — она была съ житейскими странностями, иногда пропадала, запиралась отъ людей; во Флоренціи она проводила дни на террассѣ на крышѣ и почти не спускалась на землю. Въ послѣдній разъ я ее видѣлъ въ Римѣ. Она пожелала познакомиться съ вопросами сценическаго воспитанія, которые меня занимали. Мы проговорили долго. Помню одно ея слово, такъ глубоко мнѣ запавшее. Когда я сказалъ, что меня упрекаютъ въ томъ, что я обращаю вниманіе на мелочи, она сказала: «Какъ мелочи! Да вѣдь театръ, это какъ канатъ, онъ сплетенъ изъ ниточекъ. Въ театрѣ нѣтъ мелочей.» Она любила вопросы своего искусства, со всѣхъ сторонъ подходила къ нимъ. Въ то время она была занята проэктомъ актерской колоніи, которую собиралась устроить въ окрестностяхъ Рима, гдѣ бы актеры могли жить, заниматься, играть, гулять, могли бы, забывъ борьбу за существованіе, отдаться искусству и отдыху. Дать имъ богатство внутренней жизни, — вотъ что она хотѣла, и мнилось мнѣ, что въ ту минуту больное, страждущее существо однимъ болѣетъ больше всего, невозможностью подѣлиться съ другими тѣмъ, чѣмъ такъ богата сама. Ея душа сквозила въ каждомъ словѣ, и душою было пропитано ея молчанье, – она слушала душой. Блестѣли страдальческіе глаза, и сколько разъ рука поднималась къ виску, чтобы отвести черную прядь волосъ, эту «непокорную прядь», которую такъ часто поминаетъ д'Аннунціо въ своемъ романѣ «Il fuoco». Эту прядь мы хорошо знаемъ и по сценѣ; это то, въ чемъ ея житейская нервность иногда просачивается въ роль; слишкомъ часто рука подымается къ виску, а иногда и всѣ пальцы входятъ въ черные волосы; и слишкомъ часто рука поправляетъ рукавъ, сползаю-

щій съ плеча, или накидку... Это маленькіе знаки большой истерзанности.

Во второй годъ войны я получилъ въ Петербургѣ отъ ея имени просьбу посовѣтовать ей роль изъ русскаго репертуара. Слѣдовало описаніе, довольно смутное, одной роли, которая ей показалась интересной; по моимъ соображеніямъ это былъ какъ будто прологъ изъ «Псковитянки». Она предполагала въ то время объѣхать союзныя страны и въ пользу раненыхъ воиновъ въ каждой странѣ сыграть пьесу изъ репертуара этой страны. Я написалъ ей, что, по моему, ей слѣдуетъ привезти въ Россію «Каменнаго Гостя»; этимъ она бы отдала дань уваженія величайшему поэту русской земли, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ роли Донны Анны, не вышла бы изъ общеевропейской струи своего репертуара. И тутъ же я совѣтовалъ ей, если бы она хотѣла дать нѣчто единственное, сыграть въ «Каменномъ Гостѣ» обѣ роли. Я такъ хорошо вижу ее въ обѣихъ. Длинная, черная, плакучая; висящая рука, и изъ руки висящій на черномъ платьѣ бѣлый платокъ. И — рыжая, яркая, искрометная, кидающаяся въ объятія любовника. Да, отчего мы никогда этого не видѣли, — Донна Анна и Лаура въ одной Дузе?

Жалко разставаться съ Дузе. А какъ трудно было начинать! Великій старикъ Бальзакъ сказалъ про литературный трудъ: «On le quitte avec regret, on s'y remet avec désespoir» (Его покидаешь съ сожалѣніемъ, къ нему возвращаешься съ отчаяніемъ). Всякій разъ какъ я въ своемъ разсказѣ ставлю новое имя, начинаю новый портретъ, я испытываю это отчаяніе, мнѣ кажется, что я никогда не превозмогу трудности, что мнѣ нечего сказать. А когда сказалъ, что могъ, — жалко становится, что кончено, что приходиться разставаться...

Когда говорятъ о Дузе-артисткѣ, неизмѣнно прибавляютъ: «Да, и такой прелестный въ жизни человѣкъ». Когда говорятъ: о Сарѣ Бернаръ-человѣкѣ, неизмѣнно прибавляютъ: «Да, но такая удивительная на сценѣ артистка.» Да, удивительная, потому что это само искусство, это только искусство, безъ всякой примѣси. Если бы меня спросили, какой самый великій примѣръ техники, я не задумываясь скажу — Сара Бернаръ. Это самая, полная, самая отчетливая картина сценическаго мастерства, какую я видалъ. И знаете, когда я это больше всего ощутилъ? Когда видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ Парижѣ, лѣтомъ 1913 г. Не помню пьесы, — костюмная, итальянскаго возрожденія; она играла мужскую роль, — молодого поэта. Она была совсѣмъ стара; она не могла иначе стоять, какъ облокачиваясь на спинку кресла или опираясь на посохъ; фальшивые зубы занимали слишкомъ много мѣста во рту, стѣсняли

дикцію; голосъ пріобрѣлъ старческую надтреснутость. И все это было совершенно не согрѣто: какъ хотите называйте, — жаръ, темпераментъ, душа, — ничего не было; этотъ механическій аппаратъ былъ пустъ. Это былъ техническій скелетъ, — улетучилось всякое «что», осталось одно «какъ». Долженъ признаться, что это былъ самый изумительный «урокъ», какой я когда-либо видѣлъ. «Смотрите, какъ будто говорила она, вотъ чѣмъ, вотъ какими способами, вотъ какими техническими пріемами я играла, когда я была Сара Бернаръ». Это было поучительно; какъ никогда, вставала очевидность технической ткани подъ всѣмъ ея блистательнымъ прошлымъ; она какъ будто заднимъ числомъ раскрывала свои карты. Представьте себѣ бурливый ручей; вы всегда любовались его шумомъ, пѣной, брызгами, но вы не знали, какъ это получается; знали только, что получается отъ расположенія и формы камней, которые ставятъ препятствія водѣ; изучить же расположеніе ихъ подъ водой вы не могли. Но вотъ, ручей высохъ, все наружу, все доступно наблюденію. Здѣсь было все то, чѣмъ весь свѣтъ восторгался въ теченіе сорока пяти лѣтъ; тутъ были всѣ замѣчательныя средства Сары Бернаръ: знаменитый говорокъ, знаменитый шепотъ, знаменитое рычанье, знаменитый «золотой голосъ», — la voix d'or. И тутъ я вспоминалъ впечатлѣніе этого говорка, когда въ «Дамѣ съ камеліями» она, опускаясь на грудь любовника, только не впередъ, а назадъ, какъ бы навзничь, этимъ самымъ «знаменитымъ говоркомъ» говоритъ, замирая, — «Je t'aime, je t'aime, je t'aime», — безчисленное количество разъ, все слабѣе и слабѣе, погружаясь въ блаженное замираніе. Тутъ же вспомнилъ я трагическій шепотъ, въ столькихъ роляхъ пробѣгавшій ужасомъ по залѣ. Вспомнилъ ея рычаніе, когда въ «Тоскѣ», заколовъ Скарпіа, она наклоняется надъ его трупомъ, повторяя одно слово — «Meurs!» И это слово, въ которомъ рычанье леопарда, вонзается въ трупъ, какъ повторяющіеся удары кинжала; этимъ словомъ она добиваетъ его. И, наконецъ, — золотые верхи, — басня о двухъ голубяхъ, которую она читаетъ во второмъ дѣйствіи «Адріенны Лекуврёръ».

Все это великое разнообразіе — ея собственность, ея особенность, и никогда не будетъ повторено въ такомъ масштабѣ. Такихъ разстояній отъ радости къ горю, отъ счастія къ ужасу, отъ ласки къ ярости, я никогда не видалъ; такой «полярности» въ театральномъ искусствѣ намъ, т. е. нашему поколѣнію, никто не показывалъ. Если Дузе въ Джульетѣ давала два полюса того же существа — отъ дѣвочки до сломленной женщины, то Сара Бернаръ въ «Тоскѣ», напримѣръ, давала положительно два міра. Она входитъ въ церковь, гдѣ ея возлюбленный пишетъ образа. Кто не видалъ портрета ея въ костюмѣ директоріи, въ большой, въ чрезмѣрной розовой шляпѣ? Отягченная сно-

помъ цвѣтовъ стоитъ она, слегка наклонивъ голову, и любуется работой возлюбленнаго; ей все нравится, только зачѣмъ у одной изъ изображенныхъ на образѣ святыхъ черные глаза? Это ей напоминаетъ одну женщину, которая на ея возлюбленнаго засматривалась. Глупости, пустяки, — онъ высмѣиваетъ, подшучиваетъ, она забываетъ, смѣется; вся сцена одна безоблачная радость. И только, уже уходя, она останавливается передъ картиной, наступаетъ краткое мгновенье сосредоточенности, — «Fais lui des yeux bleus», (сдѣлай ей синіе глаза), и уходитъ. Что было прелестно въ томъ, какъ она произносила эти слова, это то, что чувствовалось подъ ними невысказанное слово: «а все таки». Это невысказанное слово было зернышкомъ всей будущей трагедіи, — «а все таки» все это счастье оказалось призракъ; и въ послѣднемъ дѣйствіи, лишенная всего, истерзанная пыткой и издѣвательствами, передъ трупомъ разстрѣлянnаго любовника, она кидаетъ въ лицо разстрѣльщикамъ, она имъ харкаетъ въ лицо: «Canaille!!» и соскакиваетъ со стѣны бастіона въ пропасть, только чтобы не умереть отъ ихъ пуль. Отъ этого «Fais lui des yeux bleus» до этого «Canaille» разстояніе двухъ міровъ.

Какъ въ страдальческомъ репертуарѣ Дузе стоитъ, отдѣльно вкрапленная лукавая, разбитная «Трактирщица», такъ въ трагическомъ репертуарѣ Сары Бернаръ, среди ролей съ ядомъ и кинжаломъ, свѣтится маленькая «Фруфру, — типъ легкомысленной свѣтской женщины, поощряющей ухаживанія, играющей съ огнемъ и не предвидящей, что изъ этого выйдетъ. А выходитъ удивительная сцена между двумя сестрами, ссора, въ которой маленькое легкомысленное существо раскрываетъ неожиданныя глубины своей обнаженной души. Помню въ этой сценѣ, — да всѣ помнятъ, кто только видѣлъ ее, — въ дрожащихъ, гнѣвныхъ рукахъ маленькой Фруфру въ клочья разорванный кружевной платокъ. . .

Послѣдняя степень мастерства были ея взрывы. Никогда въ кульминаціонной точкѣ она не давала впечатлѣнія надорванности, какъ если бы ея не хватало; напротивъ, она давала впечатлѣніе, что ея хватило бы и на большее. Отличительная черта французовъ, это умѣнье распредѣлять свои средства. Не тѣмъ они осуществляютъ эффектъ, что поднимаются до послѣднихъ предѣловъ силы, а тѣмъ, что вначалѣ уменьшаютъ, ослабляютъ, опускаютъ ниже нормы, — что называется, reculer pour mieux sauter. Никто, даже среди французовъ, не достигалъ въ этомъ отношеніи мастерства великой Сары. Какъ она умѣла принизиться, чтобы вскочить, собраться, чтобы броситься; какъ она умѣла прицѣлиться, подползать, чтобъ разразиться. То же самое въ ея мимикѣ; какое умѣніе отъ едва замѣтнаго зарожденія до высшаго размаха. Въ той же «Тоскѣ», когда

она, истерзанная, изнеможенная, вынуждена наконецъ сдаться старому Скарпіа, чтобы цѣною своего позора купить свободу своего возлюбленнаго, она, какъ одурманенная стоитъ около стола, на которомъ старикъ оставилъ свой недоконченный ужинъ. Онъ пошелъ къ письменному столу написать пропускъ... Она стоитъ около обѣденнаго стола, положивъ правую руку на скатерть. Вдругъ въ этихъ глазахъ, одурманенно блуждавшихъ, мгновенная остановка, — они что-то увидали: на столѣ, почти около ея руки, кухонный ножъ. Какъ послѣ этого измѣняется, внутренно растетъ этотъ взглядъ; какъ изъ тупого онъ превращается въ острый, острѣй самого ножа; какъ изъ увидавшаго онъ превращается въ видящій, изъ видящаго въ понимающій, изъ понимающаго въ рѣшающійся, и, наконецъ, изъ рѣшающагося въ рѣшившійся! И какъ мгновенно все это пропадаетъ въ ту минуту, когда схватившая рука спрятала ножъ за спиной. Спокойная, она ждетъ подходящаго къ ней съ бумагой Скарпіа. . . Взмахъ тигрицы, — онъ падаетъ пораженный... Тутъ она рычитъ надъ нимъ свое знаменитое «Meurs!» (Умри!), и потомъ вдругъ просыпается въ ней христіанскій испугъ передъ содѣяннымъ. Она снимаетъ со стѣны распятіе и опускаетъ на грудь распростертаго на полу трупа; она снимаетъ съ комода двѣ зажженныя свѣчи, на длинныхъ, висячихъ рукахъ несетъ ихъ черезъ сцену, какъ какая-нибудь жрица въ торжественной процессіи, и, поставивъ оба подсвѣчника по обѣ стороны мертвой головы, не спуская глазъ съ него, медленно отходитъ къ двери, пріотворяетъ и, какъ листъ бумаги, проскальзываетъ въ щель.

Я описалъ всю эту удивительную сцену, но цѣль моя была, собственно, обратить вниманіе на то, какъ развивалась мимика взгляда; какъ и здѣсь, чтобы дойти до высшей точки ужаса, глазъ сперва приводится въ состояніе безразличія. Этотъ динамизмъ есть важнѣйшая черта драматическаго искусства, это есть залогъ его сходства съ жизнью; безъ него — мертвенность. Ибо всякое движеніе въ природѣ — развивающагося характера, всякое требуетъ своего приготовленія, и чѣмъ движенія сильнѣе, — тѣмъ сильнѣй должно быть приготовленіе. Скажемъ однимъ словомъ, — чѣмъ сильнѣе ударъ, тѣмъ сильнѣе замахъ. То же самое и въ голосовыхъ эффектахъ, — шепотъ, въ которомъ чувствуется приготовленіе къ будущему крику, шипѣніе, въ которомъ зрѣетъ будущее рычаніе.

Ясно ли, что я разумѣю подъ техникой? Разумѣю всю ту сознательность, которая лежитъ подъ темпераментомъ, то установленное, всегда одинаковое русло, по которому течетъ капризное вдохновенье. Французскій актеръ Самсонъ сказалъ:

Tout en livrant votre coeur, gardez votre esprit.
(Отдавайте ваше сердце, но владѣйте вашимъ разумомъ.)

Вѣчный споръ — техника или чувство, разумъ или душа? Но почему всегда «или» – «или», почему всегда это враждующее, партійное «или», почему не *и* то *и* другое? Я думаю, что только неразумный зритель думаетъ, что на сценѣ только чувство; я думаю, что только неталантливый актеръ воображаетъ, что онъ можетъ играть однимъ чувствомъ. Разумный зритель страдаетъ отъ отсутствія разума, отъ отсутствія сознательности въ игрѣ; а талантливый актеръ высшую свою радость находитъ въ сочетаніи горячаго увлеченія съ холоднымъ, сдерживающимъ разсудкомъ. Одинъ пріятель Шаляпина, послѣ сцены смерти Бориса Годунова, влетаетъ къ нему въ уборную. «Неужели ты и сегодня скажешь мнѣ, что ты не переживалъ, не чувствовалъ себя Борисомъ!» — «Я? Я былъ занятъ тѣмъ, правильно ли лежатъ складки моего халата. Я злился на хориста, который вылѣзалъ впередъ.» — Такъ люди, далекіе отъ сущности театральнаго искусства, приписываютъ артистамъ такія переживанія, надъ которыми сами артисты смѣются. Вотъ, что мнѣ разсказывалъ нѣкій Иванъ Петровичъ Новосильцевъ, давно умершій, въ молодости бывшій въ связи съ знаменитой Рашель. Трепещущій отъ восторга, онъ однажды стоялъ въ кулиссахъ, слѣдя за вдохновенною игрою; вдругъ въ минуту самого высокаго напряженія, когда вся зала замирала, а она сама, казалось, была поднята въ иной міръ, изъ этого самаго иного міра летитъ ему въ лицо шарикъ, скрученный изъ бумажки. Чѣмъ исключительнѣе талантъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ умственная ясность; чѣмъ сильнѣе онъ заражаетъ, тѣмъ менѣе онъ зараженъ; зараженность о д н а не переходитъ черезъ рампу; испытывать не значитъ заставить испытать; чтобы испытывать не надо умѣнья, чтобы заставить испытать, надо мастерство. Никакое чувство не внушитъ актеру всю красоту и весь объемъ интонаціи, на какую онъ способенъ, если онъ технически свои интонаціи не разработалъ; и никогда чувство не дастъ паузы, сего восхитительнѣйшаго средства, такъ неиспользованнаго у насъ; никогда чувство ея не дастъ, ибо пауза, какъ начало задерживающее, — отъ разума. Увы, у насъ всего этого не знаютъ, даже не подозрѣваютъ. Цѣлыя поколѣнія воспитываются на томъ, что «чувствуй, и все выйдетъ хорошо!» Въ самомъ дѣлѣ? «Ну да, чувствуй». Какъ просто! Кто же не чувствуетъ? Кто скажетъ, что онъ не умѣетъ чувствовать? Кто же послѣ этого не актеръ? Всякій можетъ быть актеромъ. Я думаю, десятками тысячъ сейчасъ можно считать студійцевъ въ одной только Москвѣ. Но при видѣ этого наплыва, болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣрю, что искусство есть избранничество; передъ проповѣдью коллективнаго творчества, болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденъ, что изъ тысячи минусовъ не выйдетъ одинъ плюсъ; болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣрю въ силу личности, вѣрю, что цѣнность не въ люд-

скомъ количествѣ, а въ человѣческомъ качествѣ. И въ чемъ же искусство, какъ не въ изученіи этого качества, въ умѣніи воспроизвести его разнообразіе...

Разнообразіе человѣческое лучше удавалось Сарѣ Бернаръ, нежели Дузе. Характерная черта послѣдней, что она выходила за предѣлы изображаемаго типа, — она выводила васъ на арену общечеловѣчности; она играла женщину вообще. Сара Бернаръ играла данную женщину: эпоху, народность, провинцію, классъ. Она сильно, цѣпко держалась за текстъ, — не въ словахъ только, но и въ образѣ.

Большаго о Сарѣ Бернаръ не скажу. Она слишкомъ хорошо извѣстна; слишкомъ много ея портретовъ, и они облетѣли весь міръ. Въ жизни, т. е. внѣ сцены, я видѣлъ ее только разъ. Она кривляка, она вся искусственна. Кто не знаетъ ея? Рыжій клокъ спереди, рыжій клокъ сзади, неестественно красныя губы, пудренное лицо, вся подведенная, какъ маска; удивительная гибкость стана, одѣтая, какъ никто другой, — она вся была «по своему», она сама была Сара, и все на ней, вокругъ нея отдавало Сарой. Она создавала не однѣ роли, — она создала себя, свой образъ, свой силуэтъ, свой типъ, котораго прежде не было и которому расплодились, по крайней мѣрѣ за границей, безчисленныя подражанія. Ни одно имя театральные не было такъ затаскано и затрепано, какъ ея: духи, мыло, перчатки, пудра — «Сара Бернаръ». Не всегда гордая слава довольствуется одиночествомъ, которое такъ ей къ лицу подъ лавровымъ вѣнкомъ; часто вокругъ нея суетятся и хлопочутъ — егозливая ея сестренка популярность и полупочтенная приживальщица реклама...

Послѣ Сары Бернаръ я обѣщалъ поговорить о Режанъ. Съ легкимъ сердцемъ покидаю одну, съ радостнымъ сердцемъ приступаю къ другой. Это противорѣчитъ тому, что сказалъ при переходѣ отъ Дузе къ Сарѣ? Не придирайтесь; противорѣчіе одна изъ прелестей жизни, это одна изъ формъ разнообразія. Но это не значитъ, что приступаю безъ тревоги къ новому портрету. Трудна Режанъ, и болѣе трудна, чѣмъ предыдущія двѣ, а между тѣмъ хочу ее поставить между ними, и хотѣлъ бы поставить выше ихъ. Трудна Режанъ для описанія, прежде всего потому, что она меньше извѣстна сама и репертуаръ ея меньше извѣстенъ. А ставлю ее между тѣми двумя, потому что у нея много и отъ той и отъ другой; у нея много отъ дузевской души и много отъ саровской техники. Выше же ихъ ставлю ее за сліянность, съ которой она ихъ сочетаетъ. Это впечатлѣніе цѣльности, круглоты, законченности въ себѣ — ставило ее выше всего, что я видѣлъ на драматической сценѣ.

Если Дузе играла женщину вообще, если Сара Бернаръ играла разнообразныхъ женщинъ, Режанъ играла женщину-парижанку. На ней она сосредоточилась, ее подавали ей авторы, поставщики ролей. Начиная съ полуисторической Mme Sans-Gene, продолжая свѣтской легкомысленностью «Ma cousine» и трогательной прочувствованностью кокотки Zaza, вплоть до горькихъ слезъ Germinie Lacerteu — это все парижанка. Не даромъ для нея написана Бэкомъ удивительная пьеса «La Parisienne» (Парижанка). Поднимается занавѣсъ, — быстро входитъ изъ средней двери Режанъ, въ шлякѣ и накидкѣ; за нею мужчина, негодующій: «Откуда вы? Зачѣмъ вы скрываетесь? Гдѣ вы были?» и т. д. и т. д. Въ гнѣвной перестрѣлкѣ вопросовъ и отвѣтовъ вдругъ холодный перебой: «Silence» (молчите); въ это время слышны шаги: — «Mon mari» (мой мужъ). Входитъ мужъ; и только такъ мы узнаемъ, что тотъ не мужъ, а другой. Вся пьеса — одна женская изворотливость. Запомнилась мнѣ еще одна сцена. Молодой человѣкъ, котораго она водитъ за носъ, набрасывается на нее съ упреками. Надо было видѣть, съ какимъ наивно-недоумѣвающимъ лицомъ она его принимаетъ; какъ онъ понемногу слабѣетъ, какъ съ его отступленіемъ она не то что переходитъ въ наступленіе, а лишь слегка подталкиваетъ его, какъ онъ начинаетъ давать отбой, какъ вдругъ его упреки перерождаются въ извиненія и какъ она сама вдругъ изъ обвиняемой превращается въ прощающую. Въ слезахъ падаетъ онъ къ ея ногамъ и прячетъ лицо въ складки ея платья; она гладитъ его по волосамъ. У François Coppée есть маленькое стихотвореніе, послѣднія двѣ строки котораго въ одномъ образѣ рисуютъ подобную сцену:

Et, vil esclave heureux de reprendre ses fers,
J'ai demandé pardon des maux que j'ai soufferts.
(И, жалкій рабъ, въ цѣпяхъ находящій счастье,
Я выпросилъ прощенье за претерпѣнныя страданья.)

И всегда блескъ, и всегда юморъ. Но какъ подъ этой легкостью иногда дрогнетъ, зазвенитъ струна страданія!.. Скользя опасными склонами неприличія приближаясь къ обрывамъ нравственныхъ пропастей, какъ она умѣла вдругъ задержаться, остановиться въ свѣтломъ лучѣ общечеловѣческой святыни! Какъ въ кокоткѣ просыпалась мать! Какъ въ проституткѣ просыпалась дочь!

Хохотушка, балагурка, она иногда точно вводила васъ во храмъ; какъ будто смѣющіяся уста смыкались, какъ будто палецъ поднимался къ губамъ, и тогда какое-то дыханье проходило по залѣ, смѣхъ сжимался, расцвѣтала душа, и люди чувствовали свою человѣческую близость и одинаковость предъ лицомъ высокихъ цѣнностей души. И кто же давалъ все это? Маленькая замухрышка. Некрасивая, со вздернутымъ

носомъ, съ плоскимъ, чуть-чуть слишкомъ высокимъ лбомъ, съ карими, неглубоко сидящими глазами, — но какъ она забирала публику! Это было сочетаніе чувства, техники и ума; ума такого тонкаго, гибкаго, что не было ни одной минуты ея игры, которая не была бы умственнымъ наслажденіемъ для зрителя. Даже когда она изображала глупость, и даже скажу, тутъ то больше всего проявлялся ея умъ; вы все время, смѣясь этой глупости, любовались умомъ, съ какимъ она изображается. Такъ, въ Mme Sans-Gene, напримѣръ, когда, нарядившись въ амазонку, которую ей принесли, она въ длинномъ шлейфѣ путается и спотыкается, вы ни разу не засмѣялись неуклюжести той, кого она изображаетъ, но все время смѣялись находчивости ея самой; всякое ваше отношеніе къ изображаемому лицу проходило сквозь восхищеніе ея мастерствомъ. Въ ея игрѣ «что» уходило на задній планъ, весь интересъ былъ въ томъ — «какъ»; и даже это «какъ» становилось истиннымъ содержаніемъ искусства. Внутри каждаго ея образа чувствовалась она, какъ приводящій въ движеніе маріонетку скрытый въ ней механизмъ. Очень трудно передать тонкость этой двойственности, въ которой, собственно, сама сущность ея единства. Въ ней такъ сливались чувство съ техникой, что никогда они бы не могли разъединиться. Она умерла не такъ давно, но она могла бы дожить до глубокой старости, и всетаки никогда бы не явить того ощущенія выдохшагося аромата, который давала Сара Бернаръ; природа ея была слишкомъ цѣльная, чтобы испытать такое разложеніе. Ароматъ ея личности непередаваемъ; говорю, конечно, о ней, какою она была со сцены. Не передаваема тонкость этого лукавства, отточенность вопросительныхъ интонацій, прелесть улыбки. Въ улыбкѣ, вотъ въ чемъ совмѣщается все ея существо; ея имя уже — улыбка; афиши съ ея именемъ на парижскихъ плакатныхъ столбахъ освѣщали улицу улыбкой. Имя Режанъ звучитъ радостью, отъ него вѣяло здоровьемъ.

Если она меньше останется въ памяти потомства, чѣмъ многія другія, то вина тому — ея репертуаръ; она играла современность, и она играла пьесы, для нея написанныя; она не прикоснулась къ большому общечеловѣческому репетуару, она прошла мимо великихъ ролей классическаго театра, того театра, который говоритъ изъ глубины вѣковъ и не страшится времени. Искусство сценическое такъ неуловимо, такъ мимолетно! Что остается отъ актера послѣ его смерти? Образъ его теплится въ памяти тѣхъ, кто его видѣлъ; а потомъ? Легче сохраняется потомствомъ образъ того, кто игралъ великіе міровые образы, продолжающіе жить, нежели образъ той, которая съ собой въ могилу унесла и то, что она играла. . .

Я одинъ разъ только встрѣтился съ ней, — хотѣлъ сказать внѣ сцены, но это было именно на сценѣ. Она дала въ Петер-

бургѣ въ Александринскомъ театрѣ въ первый годъ моего директорства два спектакля. На одномъ изъ нихъ я былъ; она играла «Zaza». До начала пьесы я пошелъ на сцену привѣтствовать ее. Она уже лежала на кушеткѣ, съ которой не сходитъ въ теченіе всего перваго акта. Протягивая мнѣ руку, она извинилась, что не встаетъ, и сказала словами своей роли: «Je suis si lasse, — je ne me lèverais pas même pour un prince» (Я такъ слаба, что не поднимусь даже, чтобы привѣтствовать принца). Весь актъ она проводитъ лежа, и это такъ живо, такъ разнообразно, что только, когда горничная докладываетъ о приходѣ парикмахера, когда она, потягиваясь, говоритъ: — «Décidément, il faut que je me lève» (Ну что жъ, приходится встать), когда, нехотя вставъ, она направляется къ туалетному столу и на этомъ падаетъ занавѣсъ, только тогда вы отдаете себѣ отчетъ, что въ самомъ дѣлѣ, — она цѣлый актъ провела, лежа на кушеткѣ. Одна изъ очаровательныхъ находокъ французскаго театра...

Такова была эта незабвенная актриса. Это было истинное искусство, подлинный лавръ. Она срывала самый кончикъ крѣпкаго, блестящаго листка; и ни на одну могильную плиту зелено-темныя вѣтви не льнутъ съ большей лаской, чѣмъ на ту, на которой высѣчено смѣющееся имя Режанъ.

Я нарочно соединилъ эти три большихъ имени въ одной главѣ. Изъ сопоставленія ихъ, мнѣ кажется, довольно ясно выступаетъ требованіе, въ крупномъ художникѣ, наличія — личности и мастерства. Переводя эти требованія на почву нашего русскаго театра, не будемъ разбирать, какъ эти два элемента представлены въ большой массѣ русскаго актерства, но скажемъ, что тотъ, кто видѣлъ одинъ только русскій драматическій театръ, не видѣлъ театра, не знаетъ даже, что такое театръ.

Разсказъ мой опять привелъ меня въ Парижъ; скажу еще о нѣкоторыхъ французахъ. Если бы я хотѣлъ говорить о всѣхъ, кто на меня произвелъ впечатлѣніе, это былъ бы не только длинный перечень именъ, но это былъ бы также перечень такихъ людей, которыхъ я и именъ не знаю. Такого богатства выдающихся силъ, ярко индивидуальныхъ, не выставляетъ ни одна другая сцена. И въ драмѣ, и въ комедіи, и въ опереткѣ, и въ шансонеткѣ — это всегда послѣднее слово возможнаго достиженія. Мало бываетъ въ жизни столь затруднительныхъ минутъ, какъ когда ведешь пальцемъ по послѣдней страницѣ парижской газеты, — тамъ, гдѣ перечень зрѣлищъ: все хочется посмотрѣть. И колеблешься между веселымъ и серьезнымъ: смѣхъ и слезы, — что хотите. Храмъ смѣха, царство хохота,

это Palais Royal, маленькій театрикъ, надъ порталомъ котораго изреченіе Рабле — «Mieux vaut de rire que de larmes escrire, pour ce que rire est le propre de l'homme.» Вы не знаете, что такое въ театрѣ смѣяться, если вы не были въ Palais Royal; вы не знаете, что значитъ за животики держаться. Тамъ было тріо. Долговязый Ясентъ, съ огромнымъ, на всю Францію извѣстнымъ носомъ. Миллеръ, крупный, со страшными глазами, подъ черными бровями, какъ два лежачихъ вопросительныхъ знака. И третій — безподобный, кругленькій, юркій, съ свиными глазками, Добрэ. Такія пьесы какъ «La Cagnotte», «Le Dindon», «Le Réveillon»; разсказать ихъ содержаніе невозможно, даже эпизоды изъ памяти улетучиваются; но помнишь, что хохоталъ до упаду, помнишь эту сумму жизни, которую испытывалъ и которую дѣлилъ со всей залой. О, сливающая сила смѣха! Вотъ настоящее зерно человѣческаго «коллективизма»; вотъ дрожжи всечеловѣческаго братства. И посмотрите, какъ мало у насъ здѣсь въ Москвѣ смѣются, какъ мало улыбки на улицѣ, какая угрюмость въ лицахъ. Естественно, — когда въ основу жизни положено раздѣленіе, тогда улыбка сходитъ съ устъ; смѣхъ отворачивается отъ той жизни, въ которой нѣтъ протянутой руки; онъ умолкаетъ передъ кулакомъ. Человѣкъ безъ юмора, что фонарь безъ свѣта; человѣкъ безъ смѣха ссыхается. Екатерина Великая говорила, что не было великаго человѣка, который бы не обладалъ неисчерпаемымъ запасомъ веселости. Мелкіе пошли у насъ люди, — смѣха нѣтъ, а когда онъ есть, то лучше бы ему не быть, ибо онъ является выразителемъ недостойнаго союза, — злорадства. Изъ чего составленъ смѣхъ Palais Royal 'я? Вѣдь изъ дребедени; а между тѣмъ это школа здоровья. Какъ трава, послѣ дождя, омытая отъ пыли, свѣжѣетъ и приподымается, такимъ вы выходите изъ этого театра.

Помню такой пустякъ. Старикъ Добрэ, круглый, юркій, со свиными глазками, куда-то торопится; передъ зеркаломъ, безъ жилета, зачесываетъ онъ свои рѣдкіе волосы на обширную лысину и все время брюжжитъ, — что-то раздражаетъ его до послѣдней степени. Онъ начинаетъ подвязывать бѣлый галстукъ; и въ это время отходитъ отъ зеркала и разсказываетъ намъ свои горести; возвращается къ зеркалу, — галстукъ уже не годится; онъ беретъ другой. Начинается то же самое. Онъ все время говоритъ, сердится, пыхтитъ... Чѣмъ больше онъ раздражается, тѣмъ хуже подвязывается галстукъ; чѣмъ неподатливѣе галстукъ, тѣмъ больше онъ раздражается. Комизмъ этой ярости на пустякахъ нельзя описать. Передъ нимъ, на подзеркальникѣ стоитъ его цилиндръ, и въ него онъ нетерпѣливо кидаетъ эти ненавистные, непокорные галстуки. Наконецъ, кое-какъ яростнымъ узломъ обвязываетъ шею, напяливаетъ жилетъ, потомъ фракъ; путаетъ рукава, петлицу жилетную застегиваетъ

о фрачную пуговицу, все время бормочетъ, пыхтитъ, суетится, схватываетъ цилиндръ, надѣваетъ его, — вокругъ краснаго, растерянnаго лица галстуки изъ цилиндра висятъ, какъ макароны, — онъ убѣгаетъ. «Ну что тутъ смѣшного!», скажутъ наши провозвѣстники «идейнаго» театра. Вамъ не смѣшно? Ступайте мимо; вы не человѣкъ, вамъ чего-то не хватаетъ, чтобы быть полнымъ человѣкомъ. Я же предпочитаю пустякъ, подъ которымъ ощущаю великое мастерство, нежели великія заданія и подъ ними безграмотность.

Сколько смѣха разсыпано по Парижу, отъ Palais Royal'я по бульварамъ и вверхъ по Монмартру! Другое гнѣздо смѣха Variétés. Еще тройка! Баронъ, Брассеръ, Ласушъ. Помню въ этомъ театрѣ — кабинетъ министра; министра искусствъ. Всклокоченная голова у министра; онъ страшно занятъ, какъ всѣ министры; онъ страшно усталъ, какъ всѣ министры. Онъ съ яростью перекидываетъ бумаги съ одной стороны стола на другую, — онъ не можетъ найти то, что ищетъ, и бумаги становятся отвѣтственны за его душевное состояніе. Ему предстоитъ на какомъ-то открытіи произнести рѣчь; онъ хочетъ упомянуть девять музъ. Да, но какъ ихъ зовутъ? Каждаго входящаго къ нему чиновника онъ задерживаетъ: «Послушайте... кстати.. скажите-ка мнѣ имена девяти музъ, — я что-то забылъ.» Чиновникъ начинаетъ припоминать: «Мельпомена, Терпсихора»... «Ну, дальше. Вѣдь это только двѣ, еще семь... Ну, что же?»... И такъ съ каждымъ; и съ каждымъ разомъ трагизмъ этой охоты за именами увеличивается.

Тутъ же, въ Variétés послѣднее время играла восхитительная Гранье, когда-то опереточная пѣвица, перешедшая въ комедію. Сколько ума, сколько выдержки, и какая дама! Въ послѣдій разъ видѣлъ ее въ пьесѣ «L'habit vert»; она играетъ герцогиню, рожденную американку, съ англійскимъ акцентомъ и съ невѣроятнѣйшими искаженіями французскаго языка. Въ концѣ одной сцены, которая больше всѣхъ другихъ полна путаницы, недоразумѣній, шуму, гвалту, бѣготни, она въ изнеможеніи сваливается на диванъ съ возгласомъ: «Ah, je suis dans un état complet de prostitution!» (вмѣсто — prostration, конечно); на этомъ словѣ — занавѣсъ.

Въ этомъ же театрѣ играла милая Режанъ самыя комическія пьесы своего репертуара. Вижу ее, спѣшно надѣвающую шляпу, застегивающую перчатки, негодующую и за чѣмъ-то торопящуюся на вокзалъ; она торопитъ мужа: «Nous allons à la gare!» Мужъ спрашиваетъ, — да гдѣ же мы тамъ будемъ? «Dans la salle d'attente!» «Et qu'est-ce que nous y ferons?» «Eh bien, nous attendrons! Les salles d'attente sont faites pour attendre, — nous attendrons!» И все это съ нервнымъ застегиваніемъ пуговицъ и нервнымъ подвязываніемъ бантовъ.

Въ одной пьесѣ, министръ народнаго просвѣщенія узнаетъ, что Г-жа такая-то, авторъ прелестныхъ романовъ, которыми онъ зачитывается, хотѣла бы получить орденъ Почетнаго Легіона. Конечно! Его рекомендація ей обезпечена! Пусть только зайдетъ къ нему... Ему подаютъ визитную карточку: она! Онъ взволнованъ, онъ прихорашивается, онъ внѣ себя: просить! просить!! — Входитъ долговязый юноша, рыжіе волосы мочалкой. Что такое? Вамъ что нужно? ...«Да... моя визитная карточка»... — «Ваша карточка?» — «Да, это мой псевдонимъ.» — «Вы пишете подъ женскимъ именемъ?» — «Да, женщины авторы въ модѣ нынче; это обезпеченный успѣхъ. Женщины продаются и раскупаются въ нынѣшнемъ году, какъ никогда.» Надо видѣть, какъ разочарованный министръ бьетъ отбой: «Почетный легіонъ? Это не такъ просто, какъ вы думаете», и пр. и пр.

И въ этомъ же театрѣ я видѣлъ незабвенную Жюдикъ въ опереткѣ «Mamzelle Nitouche». Барышня, воспитывающаяся въ монастырѣ, убѣгаетъ изъ монастыря, чтобы пѣть главную роль въ опереткѣ; и что изъ этого получается! Помню, какъ она съ органистомъ репетируетъ куплеты, и въ это время входитъ настоятельница; какъ мгновенно куплеты смѣняются на церковное пѣснопѣніе, и какъ настоятельница, послѣ минутнаго недоумѣнія переходитъ въ благоговѣйное одобреніе, покачивая головой, отбиваетъ тактъ. Женскій монастырь часто бываетъ мѣстомъ дѣйствія въ опереткѣ; такъ, въ «Les mousquetaires au couvent». Такъ въ прелестной комическсй оперѣ Обера «Le domino noir»: тоже барышня убѣгаетъ изъ монастыря, чтобы попасть на маскарадъ; возвращается и разсказываетъ треволненія ночного происшествія:

Ah, quelle nuit!
Le moindre bruit
M'effraye et m'interdit,
Et je m'arrête, hélas
A chaque pas.
Soudain j'entends
De lourds fusils
Au loin retentissant.
. . . . . .
Ce sont des soldats un peu gris
Par un sergent ivre conduits.
Sous un sombre portail soudain je me blottis.
Et grâce à mon domino noir —
On passe sans m'apercevoir.
Tandis que moi, droite, immobile
Et mourante d'effroi,
Je priais Dieu tout bas
Et je disais:
Oh mon Dieu, Dieu puissant,
Sauve-moi de tout accident,
Sauve l'honneur du couvent.

Слышалъ въ этой роли очаровательную Mme Isaac, ученицу Дельсарта; у нея было столь рѣдкое сочетаніе колоратуры съ задушевностью. Ее же помню въ роли Джульеты, въ оперѣ Гуно; а Ромео пѣлъ знаменитый въ то время Талазакъ. Незабываемо выходилъ у нихъ первый дуэтъ, на балконѣ; они его пѣли усталымъ говоркомъ, какъ увядшіе отъ влюбленной нѣги. — Текстъ куплетовъ «Чернаго Домино», хотя не полный, — выписалъ потому, что слышалъ отъ отца, что бабушка моя, княгиня Марія Николаевна Волконская, обладавшая прекраснымъ голосомъ и отличнымъ мастерствомъ, пѣла эту пѣсенку своимъ дѣтямъ въ Сибири... Возвращаюсь къ Жюдикъ въ Mamzelle Nitouche. Чего только не было въ ней! Задоръ, ласка, лукавство. Она мѣняетъ монастырскій чепецъ на пудренный парикъ маркизы; какъ горѣли черные глаза подъ бѣлой пудрой; сколько обѣщаній въ глазахъ, сколько отказа въ движеніи руки... Никогда уже не повторится такое видѣніе... Однажды, въ первыя недѣли моего директорства, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, — подаютъ мнѣ визитную карточку: Mme Judic. Не помню, зачѣмъ она пріѣзжала въ Россію, но ко мнѣ пришла, чтобы сказать, что она бросила оперетку, что переходитъ на драму, и просила принять ее въ труппу Михайловскаго театра. Я только-что вступилъ въ должность, не успѣлъ осмотрѣться; труппа французская была многочисленна, — пошли бы неудовольствія, да и бюджетъ уже былъ превзойденъ. Я отказалъ. Она подняла руку и, приложивъ ноготь большого пальца къ кончику мизинцу, — «Pas le plus petit espoir, Mr le Directeur?» (Ни малѣйшей, самой маленькой надежды, Г. Директоръ?) Чудный голосъ просилъ, дивные глаза надѣялись, а, можетъ быть, и обѣщали... Трудно было отказать, но я сказалъ: «Hélas, Madame, pour cette fois non» (Увы, на этотъ разъ — нѣтъ)... Слышалъ, что она въ драмѣ была очаровательна; но пробыла она не долго. Послѣдніе раза, что я бывалъ въ Парижѣ, она пѣла въ «Folies Bergère». Она пѣла въ теченіе многихъ лѣтъ все тѣ же двѣ шансонетки: «Mais s'il était allé plus loin» и «Ah, monsieur, ne me chatouillez pas!» Она выходила на сцену каждый вечеръ въ половинѣ одиннадцатаго; ее встрѣчали рукоплесканія добросовѣстной клаки. Театральные новички съ трепетомъ ждали ея выхода, но знатоки театра, видѣвшіе ее прежде, стояли у буфета, спиной къ сценѣ: отъ прежней Жюдикъ не оставалось слѣда...

Смѣняются имена, смѣняются восторги, но смѣхъ — какъ пыль; золотой порошокъ жизни никогда не переводится; шумитъ, блеститъ и искрится смѣющееся море парижскаго бульвара. Кіоски газетные увѣшаны юмористическими листками; и все это веселье не долговѣчнѣе бабочки; чрезъ недѣлю уже все новое, другое. И такъ каждую недѣлю каждаго мѣсяца, и

каждый мѣсяцъ каждаго года. И человѣкъ, — какъ газета: на его мѣсто другой. Не унимается смѣхъ бульварный и послѣ полуночи, послѣ закрытія театровъ, переносится на дальніе бульвары, на верхній Монмартръ. Здѣсь, въ маленькихъ невзрачныхъ подвальчикахъ, сколько прелестныхъ куплетовъ! По скользкому склону неприличія, на остромъ лезвіѣ политической злободневности, — какъ все это спѣто, какъ преподнесено!

А знаменитая Иветта Гильберъ! Рыжая, худая, обчекрыженная, въ зеленомъ открытомъ платьѣ, съ черными до плечъ перчатками. Уродливая и обворожительная, безъ голоса и очаровательная. Послѣднее слово неприличія и послѣднее слово совершенства. Свой собственный, никѣмъ еще не тронутый репертуаръ, — это была улица, это былъ рынокъ, это были стороны жизни, о которыхъ принято не говорить; а она ихъ выносила на сцену, стихами воспѣвала, съ такою простотой, что за наивностью исчезала развратность, въ мастерствѣ сгорала грязь. «Грязь французской шансонетки, грязь французскаго театра», — сколько нареканій вызываетъ она со стороны иностранцевъ! Скажу, — не умѣютъ слушать люди; они слышатъ грязь, не восхищаясь мастерствомъ. Скажу больше, — они и ѣздятъ въ Парижъ за этой грязью, а потомъ дѣлаютъ видъ, что возмущаются тѣмъ самымъ, за чѣмъ пріѣхали. Да, что же дѣлать, — по французски многое такое пройдетъ, что на другомъ языкѣ слушать невозможно. Я видѣлъ въ Нюрнбергѣ въ нѣмецкомъ переводѣ пьесу «Le Lit» (Кровать), — остроумнѣйшую, тончайшую; но тамъ, въ германскомъ городкѣ, среди мужчинъ, отяжелѣвшихъ отъ пива, и женщинъ, которыя всю жизнь вздыхаютъ надъ незабудкой, невозможно было слушать: прелесть выдохлась, осталось одно грубое неприличіе. Нѣмцы не смѣялись, нѣмки конфузились. Не ихъ вина: давно сказалъ одинъ французскій писатель: «On ne chatouille pas un rhinocéros» (Нельзя щекотать гипопотама). И вѣрно говоритъ Ибсенъ въ «Призракахъ», что то, что было бы развратно въ Норвегіи, среди скалъ и потоковъ, то въ Парижѣ не развратъ. Да, это не развратъ, это то, что Гоголь называлъ превращеньемъ въ перлъ созданія. И какъ они умѣютъ говорить, какъ умѣютъ сказать! Вѣдь у насъ даже не подозрѣваютъ, что это значитъ — «сказать», и что шестнадцатью строками поднять ураганъ смѣха или исторгнуть слезы, это большее искусство, чѣмъ пятиактной драмой нагнать зѣвоту. Говорю — исторгнуть слезы, потому что иногда среди смѣха вдругъ такая дрогнетъ глубокая струна! Какъ, напримѣръ, извѣстная пѣсенка о потерянномъ счастьи, которая кончается словами:

Avant de tant aimer,
Le coeur devrait bien s'informer
De se qu'il aime.

(Прежде чѣмъ такъ любить,
сердцу слѣдовало бы освѣдомиться о томъ,
что оно любитъ).

Да, вдругъ, въ «громокипящій кубокъ» смѣха попадаетъ тяжелая капля житейской мудрости. Она идетъ ко дну, и за ней опускаются шипѣвшія на поверхности искры, и мгновенная тишина разливается по сердцамъ, и крашенныя рыжія женщины украдкой утираютъ слезу. Никто, какъ французъ, не способенъ въ извращеніи хранить уваженіе къ образу; въ этомъ сила его искусства, — подъ его отрицаніемъ всегда ощущается почва, его пародія на якорѣ, не въ воздухѣ. Нигдѣ вы не встрѣтите, какъ во Франціи, въ глубинахъ разврата цвѣты горныхъ вершинъ. Конечно, нѣтъ женщины на свѣтѣ, у которой бы не былъ въ душѣ заповѣдный уголокъ, но никто, какъ французы, не умѣютъ въ краткой пѣснѣ показать съ грязнаго дна свѣтящійся алмазъ.

VII.

Музыка въ дѣтствѣ и въ юности. Экснеръ. Юлія Оедоровна Абаза. Антонъ Рубинштейнъ. Александра Валеріановна Панаева. Алиса Барби. Фелія Литвинъ. Г-жа Решке. „Тысяча вторая ночь“.

Интересъ къ музыкѣ рано пробудился во мнѣ. Традиціи музыкальныя жили въ нашей семьѣ. Мой дѣдъ съ материнской стороны, князь Григорій Петровичъ Волконскій, принадлежалъ къ тѣмъ кругамъ великосвѣтскаго Петербурга, которые въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія были единственными носителями музыки въ Россіи. Если Mme de Stael могла сказать — «En Russie quelques gentilshommes s'occupent de littérature», то же самое можно было сказать и о музыкѣ. Мой дѣдъ принадлежалъ къ кружку братьевъ Вьельгорскихъ, князя Одоевскаго и др. Одинъ изъ Вьельгорскихъ былъ европейски знаменитый віолончелистъ; у нихъ въ домѣ на Михайловской площади останавливались и Шуманъ и Листъ. Одоевскій былъ серьезный музыкантъ баховской традиціи; онъ даже изобрѣлъ особый органъ, — очень сложная постройка, увѣнчанная бюстомъ Баха; назывался инструментъ — Sebastianion. Онъ о музыкѣ всегда говорилъ по нѣмецки. Однажды онъ игралъ въ небольшомъ собраніи друзей; при переходѣ отъ прелюдіи къ фугѣ, на органномъ пунктѣ онъ лѣвой рукой держалъ одну басовую ноту, а правую, съ вытянутымъ указательнымъ перстомъ поднявъ вверхъ, таинственно заявилъ: «Die Dominante allein».. (одна доминанта). «Die Dominante allein!» съ благоговѣніемъ повторили присутствующіе.

Мой дѣдъ былъ выдающійся пѣвецъ, за его удивительный басъ его прозвали «Le petit Lablache» (Лаблашъ былъ знаменитый въ то время пѣвецъ итальянской оперы). Отецъ моего дѣда, князь Петръ Михайловичъ, былъ при Николаѣ I министромъ Двора. Моя бабушка однажды сидѣла въ министерской ложѣ своего свекра, когда вдругъ увидѣла на сценѣ, въ числѣ хористовъ, своего мужа. Я своего дѣда видѣлъ только одинъ разъ; онъ разошелся съ бабушкой и жилъ на югѣ. Въ 1877 году мы поѣхали всей семьей къ нему на поклонъ въ Одессу. Ему

было за семьдесятъ; голоса уже не было, но помню, мы, дѣти, что-то хоромъ пѣли, и онъ сталъ подпѣвать и подъ конецъ далъ ноту удивительной органной глубины. Тутъ онъ разсказалъ намъ интересный фактъ, который, не знаю, извѣстенъ ли вообще, — будто знаменитый романсъ Шуберта «Adieu» не Шубертомъ сочиненъ. Пришелъ въ Парижѣ къ одному издателю умирающій съ голоду молодой композиторъ, принесъ рукопись. «Что же мнѣ вамъ дать за нее? Вы неизвѣстны, сочиненіе ваше не разойдется. А хотите, такъ сдѣлаемъ, — я не куплю его, а оставлю вамъ авторскія права, но мы выпустимъ его подъ именемъ Шуберта, я берусь устроить». Ужъ написавши это, слышалъ отъ Елизаветы Владиміровны Сабуровой, что дѣйствительно Шубертовское «Adieu» сочинено не Шубертомъ, а нѣкіимъ Вейраухомъ.

Въ связи съ дѣдомъ еще помню, разсказывала мать моя, — когда они жили въ Римѣ, къ нему очень благоволилъ Папа Пій IX, и домъ его былъ единственный домъ, гдѣ пѣла папская пѣвчая капелла; у него пѣлъ знаменитый въ свое время кастратъ Мустафа. У него же былъ своимъ человѣкомъ знаменитый теноръ Рубини. Разсказывала бабушка, что въ Петербургѣ однажды онъ пѣлъ, она слушала изъ министерской ложи и пришла въ такой восторгъ, что, отцѣпивъ отъ своего лифа цвѣтокъ, бросила на сцену. Ея свекоръ былъ очень недоволенъ: «Сегодня цвѣтокъ, а завтра кому-нибудь не понравится, и броситъ картошку». Такъ въ тѣ времена подвергались цензурѣ и лавры... Надо думать, что голосъ Рубини былъ что-то совсѣмъ необыкновенное. Переселившись въ Римъ, моя бабушка много лѣтъ не слыхала его. Однажды вечеромъ сидѣли въ гостиной; вдругъ въ сосѣдней залѣ нѣсколько аккордовъ на фортепіано и мужской голосъ взялъ нѣсколько нотъ. Работа выпала изъ рукъ бабушки, она воскликнула: «Рубини!». И дѣйствительно, это былъ онъ, еще въ дорожномъ пальто, только что пріѣхавшій. У меня былъ въ деревнѣ его гравированный портретъ съ собственноручнымъ посвященіемъ моему дѣду...

Моя бабушка съ материнской стороны, княгиня Марія Александровна Волконская, рожденная графиня Бенкендорфъ, была ученицей Гензельта. У меня была маленькая бѣлаго атласа тетрадочка съ собственноручно Гензельтомъ записаннымъ романсомъ въ си-бемоль-минорѣ, моей бабушкѣ посвященнымъ. Кстати, есть этюдъ Антона Рубинштейна ей посвященный, въ ре-бемоль-мажорѣ, раннее, почти дѣтекое произведеніе, очень неважное, — кажется, называется «Undine». Моя бабушка прелестно играла, но у нея не было силы въ рукахъ, и грудь была слаба. Отъ нея я узналъ впервые Шопена, Гензельта и нѣкоторыя вещи Баха. Она играла не только великихъ стариковъ, но и забытыхъ стариковъ, — Тальберга,

Фильда, Калькбреннера, Хеллера и Хиллера. Въ дивномъ Фаллѣ, подъ Ревелемъ, на берегу моря, вечеромъ садилась она за свой Эраръ. Подъ нѣжные звуки ея хрупкихъ пальцевъ сколько пылающихъ закатовъ, сгорая, уходило въ лоно водъ, сколько сумерокъ сгущалось въ высокой гостиной, гдѣ пахло цвѣтами и деревянной рѣзьбой...

Отецъ мой обладалъ прекраснымъ теноромъ и очень много, для непрофессіонала исключительно много, въ молодости занимался. Онъ пѣлъ со всѣми итальянскими ухватками настоящаго итальянскаго пѣвца. Впослѣдствіи моя сестра пѣла отлично, прелестнымъ, звонкимъ, согрѣтымъ сопрано. Такимъ образомъ я въ дѣтствѣ пріобрѣлъ и извѣстную начитанность въ области музыки фортепіанной и вокальной, и аккомпаніаторскіе навыки, которые впослѣдствіи доставили мнѣ возможность близко подойти къ искусству многихъ знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Скажу о тѣхъ людяхъ, которые сыграли хотя бы малую роль въ моемъ музыкальномъ образованіи.

Мнѣ было шесть лѣтъ, когда въ гостиной моей матери меня подвели къ старой благообразной дамѣ; на ней было сѣрое платье и сѣрая пелеринка съ бахромой изъ сѣрыхъ шариковъ. Ее звали и мы стали звать — Madame Кукольникъ. Это была наша съ братомъ первая учительница фортепіано. Она была не взыскательна и баловала насъ конфетами. Послѣ была какая-то Mamselle Roller, совсѣмъ странная; помню какія-то незабудки на шляпѣ и такія же вокругъ шеи. Изъ уроковъ я помню только, что отъ времени до времени она говорила: «Опять наизусть пошли?» — Эти двѣ дамы не далеко меня двинули. Сборникъ Бернара «L'Enfant-Pianiste», на обложкѣ котораго въ буквѣ L качается амурчикъ, былъ вершиной моихъ достиженіи. Скоро признали, что я къ музыкѣ не гожусь. Но какъ-то сталъ съ матерью играть въ четыре руки; и здѣсь открылось, что я совсѣмъ не тупъ, напротивъ, что я понимаю и люблю. Я сталъ прекрасно разбирать съ листа, но совсѣмъ не умѣлъ разучивать. Годамъ къ семнадцати стала проявляться склонность къ тому, что я бы назвалъ «композиторское баловство». Дома рѣшили, что не слѣдуетъ оставлять втунѣ. Пригласили Карла Васильевича Вурма, сына извѣстнаго въ шестидесятыхъ годахъ корнетиста. О, какъ много значитъ первый учитель! Какъ плохъ былъ этотъ Вурмъ! Совершенно не умѣлъ показать, какъ надо учить; не умѣлъ занитересовать техникой. Онъ даже не показалъ мнѣ принципа перемѣны ударенія при разучиваніи. И какой былъ репертуаръ! Wollenhaupt, Spindler, Gurlitt, Behr... Я ничему не научился, не пріобрѣлъ ни въ чемъ ни сознанія, ни увѣренности, кромѣ какъ только въ томъ, что я піанистомъ никогда быть не могу. Я бросилъ заниматься и осуществилъ безнадежнѣйшій типъ музыкальнаго дилетанта.

Уже много, много лѣтъ позднѣе, какъ-то проводя осень въ деревнѣ, вздумалъ я серьезно разучить одну пьесу, — это была «Элегія» Рахманинова. Сталъ учить и вдругъ понялъ, какъ надо учить, понялъ всю прелесть преодолѣнія техническаго труда. Пріѣхавъ послѣ этого въ Петербургъ, имѣлъ нѣсколько бесѣдъ за фортепіано съ прекраснымъ нашимъ музыкантомъ, піанистомъ, композиторомъ, дирижеромъ и прелестнымъ человѣкомъ — Феликсомъ Михайловичемъ Блуменфельдомъ. Ему обязанъ той сознательностью, какую вложилъ въ послѣдующую свою работу. Я достигъ результатовъ, игралъ этюды Шопена, но мнѣ, — то есть моимъ пальцамъ, — было за сорокъ лѣтъ. Я какъ разъ достаточно усовершенствовался, чтобы убѣдиться, что могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ никогда не буду, — хорошимъ піанистомъ. Теперь, въ лѣто отъ Рождества Христова 1921-ое, я выставленъ даже изъ комнаты, гдѣ стоитъ фортепіано, пятый годъ не прикасаюсь. Говорятъ, я, какъ «профессоръ», «имѣю право» и на фортепіано, и на двѣ комнаты, но я не могу назвать правомъ то, за чѣмъ надо гоняться. Пока, единственно несомнѣнное мое право въ совѣтской Россіи — мысль моя.

По части теоріи музыки дѣло такъ обстояло. Лѣтъ восемнадцати сталъ я заниматься съ профессоромъ Либоріемъ Антоновичемъ Саккетти. Свѣдущій музыкантъ, кладезь учености, но не родникъ, — подъ грудой цитатъ глохла собственная мысль. Милый человѣкъ, но не педагогъ. Его уроки не дали мнѣ большаго, чѣмъ то, до чего я и самъ дошелъ. Удивительное все-таки у меня было предвидѣніе. Есть, напримѣръ, въ музыкѣ терминъ «предъемъ» — когда послѣдующій консонансъ въ предшествующемъ аккордѣ предвосхищается ввидѣ неподготовленнаго задержанія; такъ я уже зналъ его и на своемъ кустарномъ языкѣ называлъ это «предвзятіемъ». Если по композиціи у меня ничего не вышло, то вина моя. Я питалъ отвращеніе къ контрапункту, а безъ этого невозможно ничего серьезнаго въ музыкѣ. Когда-то я послалъ свои сочиненія (большей частью романсы) на просмотръ Петру Ильичу Чайковскому, съ которымъ лично не былъ знакомъ. Получилъ отъ него интересный отзывъ, внимательный, подробный и суровый. И кончалось письмо такъ: «Если имѣете время, займитесь контрапунктомъ и отдайтесь музыкѣ, въ Васъ задатки серьезнаго композитора, въ Васъ есть гармоническая находчивость и даже мелодическая изобрѣтательность, хотя въ зачаточной еще формѣ». Интересное письмо Чайковскаго пропало, какъ и все прочее мое... Но я не пошелъ по этому пути; можетъ быть, потому, что моя критика была сильнѣе моего дарованія, — я самъ себя не одобрялъ; а можетъ быть, потому, что чувствовалъ, что не въ музыкѣ найду себя, не въ музыкѣ, а въ чемъ-то дру-

гомъ, куда мое музыкальное «я» войдетъ, какъ составная часть. Довольно о себѣ; поговоримъ о тѣхъ, кого слышалъ.

На зарѣ моей музыкальной юности я встрѣтился съ Станиславомъ Каспаровичемъ Экснеромъ. Милый человѣкъ и восхитительный піанистъ, ученикъ Рейнеке. Познакомился я съ нимъ черезъ Ухтомскаго; онъ услаждалъ наши вечеринки; черезъ него я узналъ всего Шопена, всего Шумана, много Бетховена, много Баха. Онъ обладалъ огромнымъ репертуаромъ, великолѣпной памятью; а прелесть его удара была такъ своеобразна, что могъ бы узнать его всегда, какъ моя бабушка узнала голосъ Рубини. Онъ былъ настоящій романтикъ; въ этомъ отношеніи прямой сынъ своего учителя; онъ поэтизировалъ все, къ чему ни прикасался. Никогда не забуду въ его передачѣ симфоническіе этюды Шумана и знаменитую амольную фугу Баха въ Листовской обработкѣ, съ октавами въ басахъ. Какъ разно можно играть то же произведеніе; не разумѣю степени совершенства, а разумѣю въ той же степени совершенства разную краску. Ту же амольную фугу Баха я слышалъ въ исполненіи Брассэна; это была геометрическая постройка; у Экснера это было поэтическое дыханье; но и то и другое прекрасно.

Экснеръ впослѣдствіи былъ директоромъ музыкальной школы въ Саратовѣ; при немъ она переименовалась въ консерваторію; зданіе воздвигалось при содѣйствіи моего брата Петра; его и портретъ висѣлъ въ залѣ. Культурное вліяніе Экснера рапространилось и на Поволжье. Я два раза навѣщалъ его, жилъ у него; и онъ пріѣзжалъ къ намъ въ деревню. Во время войны онъ отправился на западный фронтъ, служилъ въ санитарномъ отрядѣ, которымъ завѣдывалъ мой братъ. Зимой 1918 года кто-то привезъ мнѣ отъ него письмо изъ Саратова; онъ вернулся къ своему дѣтищу и былъ скромнымъ преподавателемъ въ имъ же созданномъ заведеніи. Впослѣдствіи я не любилъ фортепіано въ особенности въ концертѣ; оно мнѣ скучно, молоточность его звука, въ особенности послѣ струнно-духовой звучности оркестра, мнѣ казалась какой-то глупой. Дѣлаю, конечно, исключеніе для Антона Рубинштейна; имѣлъ впрочемъ счастье часто слышать его не въ концертахъ, а въ гостиной.

Гостиная Юліи Ѳедоровны Абаза долгіе годы была музыкальнымъ центромъ въ Петербургѣ. Юлія Ѳедоровна была фигура, которая не повторится, — все очень своеобразное не повторяется. Нѣмка по происхожденію, по фамиліи — Штубе, она пріѣхала въ Россію въ качествѣ лектрисы Великой Княгини Елены Павловны. Великолѣпный Михайловскій дворецъ, гдѣ впослѣдствіи устроенъ Музей Александра III, былъ центромъ всего, что было тогда духовно-живого. «Въ ней, — гово-

ритъ одинъ современникъ про Великую Княгиню Елену Павловну, — было что-то подымающее.» Поэты, музыканты, всѣ дѣятели эпохи освобожденія крестьянъ, прошли черезъ чертоги Михайловскаго дворца, всѣ дышали животворящимъ воздухомъ, которымъ былъ окруженъ образъ этой удивительной женщины. Я помню Елену Павловну, одинъ разъ ее видѣлъ. Это было во Флоренціи, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ; мы съ матерью пошли въ галерею Uffizzi; въ самомъ сердцѣ этой дивной галлереи, въ круглой залѣ Tribuna, мы увидали Великую Княгиню и ея фрейлину, извѣстную баронессу Эдиту Ѳедоровну Раденъ. О чемъ говорили дамы, не помню; помню только, что нѣжной рукой старушка потрепала меня по щекѣ. Тогда же, во Флоренціи, подарила она матери свой портретъ; этотъ портретъ фотографа Шембоша всегда былъ у насъ въ деревнѣ въ спальнѣ матери. . . . И всегда, при взглядѣ на него, я видѣлъ восьмигранную залу Трибуны, Рафаэлевскую «Мадонну со щегленкомъ», его же Юлія II, Тиціановскую Венеру, Іоанна Крестителя Джуліо Романо, ощущалъ царящее подъ стекляннымъ сводомъ нерушимое молчанье и чувствовалъ откуда-то издалека ласкающую руку. . .

Въ Михайловскій дворецъ привезла Юлія Штубе свою удивительную красоту и свой удивительный голосъ. Въ то время Великая Княгиня и Антонъ Рубинштейнъ замышляли основаніе консерваторіи и Русскаго Музыкальнаго Общества. Юлія Ѳедоровна скоро пріобрѣла славу музыкальнаго авторитета. Впослѣдствіи она вышла замужъ за Абаза, одно время бывшаго министромъ финансовъ. Домъ ея сталъ музыкальнымъ центромъ. Когда я узналъ Юлію Ѳедоровну, она уже была старушка. Высокая, съ тяжелой, но мягко шлепающей походкой; бѣлый паричъ и сѣрый чепецъ сливались въ общую, довольно обширную постройку. Ея черное платье тоже было обширно, и отъ времени до времени, слушая музыку, она развертывала обширный вѣеръ, за которымъ пропадало все ея лицо; за вѣеромъ происходило что-то торопливое, шумливое, и черезъ минуту вѣеръ лежалъ сложенный у нея на колѣняхъ. Юлія Ѳедоровна была увѣрена, что одинъ человѣкъ на свѣтѣ знаетъ, что она нюхаетъ табакъ, и этотъ человѣкъ — она сама. Увы, однажды, дочь Елены Павловны, Великая Княгиня Екатерина Михайловна, подарила ей табакерку. . . Она не отказалась отъ своей привычки, можетъ-быть она увеличила размѣры своего вѣера. . . .

Несмотря на долгіе годы проживанія въ Россіи, Юлія Ѳедоровна не научилась русскому языку, но изъяснялась свободно. Только, — что это было! Во время многочисленныхъ хоровыхъ репетицій, которыми она руководила, она бранила барышень за то, что онѣ относятся къ работѣ, «какъ генеральскія дочи».

Когда прусское правительство предприняло суровыя мѣры противъ православныхъ священниковъ въ Помераніи и такимъ образомъ лишило населеніе духовной помощи, Юлія Ѳедоровна глубоко скорбѣла о томъ, что «бѣдные померанцы остались безъ попахъ». Свою житейскую мудрость она выражала иногда сложными изреченіями: «Когда глупый женщинъ женица на умныхъ мужчина, это ничево, но когда глупый мужчина выходитъ замужъ за умный женщина, тогда онъ самъ изженица.» — Она была очень прямолинейна въ своихъ отзывахъ, строга въ музыкальной и художественной оцѣнкѣ. Артисты дорожили ея мнѣніемъ, а начинающія барышни любили пропадать въ ея обширныхъ объятіяхъ, — изъ этихъ объятій пошло много музыкальныхъ карьеръ.

Антонъ Рубинштейнъ былъ свой человѣкъ у Юліи Ѳедоровны. Слышалъ, что въ молодости она пылала страстью не къ одной музыкѣ его. Во всякомъ случаѣ дружба ихъ была трогательна. Онъ игралъ у нея много и охотно. Подъ мановеніемъ ея лорнетки воцарялось молчаніе до самыхъ дальнихъ угловъ большой залы и сосѣднихъ комнатъ. Горе кашлянувшему или чихнувшему, — несмываемый стыдъ. Одинъ только человѣкъ не могъ привыкнуть — старый дворецкій вваливался съ подносомъ, и тогда въ самомъ торжественномъ мѣстѣ Шопеновскаго ноктюрна раздавался голосъ Юліи Ѳедоровны: «Эфимъ, Эфимъ, сколько разъ — когда музикъ, не надо чай!»

Рубинштейнъ былъ, конечно, высшее, что я слышалъ въ смыслѣ фортепіано. Его прикосновеніе къ клавишу было совсѣмъ особенное; и его туше я могъ бы узнать на разстояніи годовъ. Я не слышалъ Листа, но не могу себѣ представить, чтобы онъ былъ лучше. Что это бывало въ концертахъ Дворянскаго Собранія! Какое разстояніе было у него отъ ласки до ударовъ, отъ шепота до грохота; какъ онъ умѣлъ распредѣлять незамѣтность своихъ наростаній, и какое удивленіе онъ вызывалъ безконечностью этихъ наростаній. Казалось, уже дошелъ онъ до высшей степени возможнаго, — нѣтъ, еще и еще возрастала его мощь. Изумленно раскрывались глаза слушателей, вытягивались шеи; какое-то невѣріе поднимало людей, вся зала вдругъ начинала выростать, привставать со стульевъ, глаза впивались въ движенье рукъ, и подъ внѣшней затаенностью вниманья накипала буря, которая наконецъ разражалась громомъ, когда онъ умолкалъ. — Его голова была изумительна. Совсѣмъ Бетховенскій лобъ, съ сильно развитымъ рельефомъ; проницательные глаза, проницательность которыхъ еще увеличивалась тѣмъ, что верхняя часть вѣка свисала, — онъ смотрѣлъ какъ бы изъ-подъ завѣсы; ротъ большой, очень сжатый и крѣпко

притиснутая нижняя челюсть; длинные волосы, откинутые назадъ, своенравно топырились надъ лѣвымъ ухомъ, и пряди часто спадали на лобъ въ пылу музыкальнаго увлеченія.

Рубинштейна очень цѣнили люди, близко знавшіе его; цѣнили его прямоту, его суровость, даже рѣзкость; я лично его не зналъ, на вечерахъ не подходилъ къ нему; я былъ очень юнъ, и моя робость не отваживалась сквозь благоговѣніе. Но Юлія Ѳедоровна однажды на вечерѣ потребовала, чтобы я сѣлъ за фортепіано послѣ Рубинштейна, — подумайте только, послѣ Рубинштейна! — и сыгралъ что-нибудь свое, чтобы показать ему. Это, конечно, заношу въ число самыхъ мучительныхъ пережитыхъ мною минутъ. Рубинштейнъ не высказался, а сказалъ придти къ нему на другой день съ нотами. Онъ внимательно прочиталъ рукописи за письменнымъ столомъ, сдѣлалъ не очень много замѣчаній, больше говорилъ объ искусствѣ вообще, о служеніи ему, о трудности этого служенія. Я чувствовалъ, что въ немъ говорило что-то постороннее, что онъ не входитъ ни въ меня, ни въ то, что я ему принесъ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ сказалъ про меня: «Способности есть, но изъ него ничего не выйдетъ: онъ князь». Онъ не ошибся въ предсказаніи, но я думаю, все таки, онъ ошибался въ причинѣ. Послѣ того, что я немножко поработалъ, я ужъ не пошелъ къ нему, — я послалъ свои произведенія Чайковскому; объ отзывѣ его говорилъ выше.

Я никогда не слышалъ брата Антона Рубинштейна, Николая. Многіе ставили его выше Антона, а самъ Антонъ говорилъ: «Что я? Вотъ братъ мой, это другое дѣло»... Не слышалъ его, но разскажу о немъ два любопытныхъ случая.

Онъ былъ очень друженъ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Оболенскимъ и его женой, урожденной Стурдза. Оболенскій былъ вице-губернаторомъ въ Твери, и Рубинштейнъ проѣздомъ всегда у нихъ останавливался. Почмейстеръ въ Твери былъ страстный меломанъ, самъ игралъ на віолончели и часто жаловался княгинѣ Оболенской, что служебныя обязанности не позволяютъ ему отлучиться въ Москву — «Ну хоть бы разъ Рубинштейна послушать»... Однажды вечеромъ княгиня за нимъ посылаетъ: просятъ на чашку чаю. Онъ приходитъ, — его знакомятъ съ Николаемъ Рубинштейномъ. И Рубинштейнъ обѣщалъ играть! Разговорились.

— А вы играете на віолончели?

— Да, немножко...

— Такъ пошлите за вашимъ инструментомъ. Сыграемъ съ вами.

Почмейстеръ пришелъ въ страшное волненіе; столбенѣлъ, краснѣлъ, конфузился... Послали за віолончелью. Привезли. Почмейстеръ начинаетъ настраивать. Рубинштейнъ даетъ La.

Вдругъ всѣ присутствующіе вскакиваютъ съ мѣстъ, кидаются къ почтмейстеру: онъ валится со стула, съ нимъ ударъ. Въ ту же ночь онъ умеръ. Вотъ какъ рубинштейновское La убило тверского почмейстера. Это мнѣ разсказывала дочь княгини Оболенской, Аграфена Михаиловна Панютина, на концертѣ Метнера въ Москвѣ, въ Маломъ залѣ Консерваторіи 5 Августа 1921 года...

Другой случай, мало кому извѣстный, касается смерти Николая Рубинштейна. Онъ умеръ заграницей; тѣло его повезли въ Москву. Въ томъ же поѣздѣ ѣхалъ гробъ какой-то баронессы, въ Ригу. На границѣ перепутали гробы, но замѣтили ошибку только по пріѣздѣ въ Москву. Вся Москва была на вокзалѣ, — депутаціи, вѣнки и пр. Никто изъ знавшихъ не рѣшился выдать ошибку. Такъ съ почетомъ похоронили въ Москвѣ баронессу подъ плитой Николая Рубинштейна, въ то время какъ прахъ его скромно ложился въ Ригѣ подъ плиту какой-то баронессы...

Вокругъ Антона Рубинштейна тяготѣла группа постоянныхъ его спутницъ и ученицъ. Очень выдающаяся фигура была Софья Александровна Малоземова, прекрасная музыкантша, отличная преподавательница. Очень своеобразной наружности. Всѣ помнятъ это необходимое явленіе на рубинштейновскихъ; да и всякихъ концертахъ. Сухопарая, высокая, дыбомъ стоящіе сѣдые волосы, изъ-подъ верхней губы торчащіе наружу зубы и большіе синіе очки, за которыми глазъ не видать, но ощущаются зрачки, хотя съ бѣльмами, но зоркіе. Конечно, для всѣхъ Рубинштейнъ былъ авторитетъ, но всегда мнѣ казалось, что ни въ чьихъ устахъ имя «Антонъ Григорьевичъ» не звучало такою незыблемостью, какъ въ устахъ Малоземовой. Помню ее однажды въ очень обидномъ для нея положеніи. Пріѣхалъ въ Петербургъ сынъ извѣстной пѣвицы Полины Віардо, Поль Віардо, скрипачъ. Онъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ матери къ княгинѣ Маріи Аполинаріевнѣ Барятинской и былъ приглашенъ играть у нея въ гостиной. Это былъ ужаснѣйшій типъ, прямо прощалыга, нахальный, заносчивый; помню, у него на правой рукѣ было серебряное кольцо унизанное маленькими колечками, которыя все время бряцали, пока онъ водилъ смычкомъ. Все было не по немъ, — и публика, и акустика, и мѣсто, съ котораго ему приходилось играть, и — аккомпаніаторша. На несчастной Малоземовой онъ вымѣщалъ всѣ свои неудовольствія; и, наконецъ, распаливъ самъ себя до бѣлаго каленія, онъ раскрылъ передъ ней какую-то вещь Сенъ-Санса и взялъ такой головокружительный темпъ, что бѣдная Софья Александровна, ученица Рубинштейна, одна изъ лучшихъ въ Петербургѣ преподавательницъ, едва, едва, читая съ листа, черезъ пень въ колоду поспѣвала. Вдругъ онъ бросилъ скрипку на форте-

піано. «Если хотятъ, чтобы я игралъ, то пусть по крайней мѣрѣ приготовятъ приличнаго аккомпаніатора.» Присутствующіе обступили Малоземову, Віардо былъ предоставленъ своему гнѣву.

Мало вообще цѣнятся хорошіе аккомпаніаторы. Какая важная, отвѣтственная роль, и какъ мало настоящихъ аккомпаніаторовъ, такихъ, что не подыгрываютъ только, а сливаются съ пѣвцомъ. Какъ мало такихъ, что чувствуютъ значеніе аккомпаніаторской самостоятельности, что аккомпаниментъ не есть музыкальное лакейство, что это есть художественное сотрудничество. У насъ было нѣсколько хорошихъ аккомпаніаторовъ въ Петербургѣ, — Дуловъ и Таскинъ были неизбѣжны на всѣхъ концертахъ оперныхъ пѣвцовъ. Но настоящая камерная аккомпаніаторша, конечно, была Вѣра Романовна Клеменсъ. Какъ бы ни была прекрасна пѣвица, никогда аккомпаніаторша не была ниже нея, когда за фортепіано сидѣла Вѣра Клеменсъ. Я еще никогда не видѣлъ, чтобы пѣвица, выходя на вызовы, выводила съ собой аккомпаніатора; никогда не видѣлъ и не удивлялся этому; но когда Вѣра Клеменсъ аккомпанировала Барби, меня удивляло, что на вызовъ выходитъ одна, а не двѣ.

Часто у Юліи Ѳедоровны я слышалъ Принцессу Елену Георгіевну Альтенбургскую, дочь Великой Княгини Екатерины Михайловны, внучку Елены Павловны. Она была выдающійся знатокъ музыки, отлично знала пѣніе, если такъ можно выразиться, была упорный работникъ, обладала отличнымъ дыханіемъ, но голосъ ея не былъ пріятенъ. Въ исторіи музыкальнаго движенія Петербурга она имѣетъ свое мѣсто, въ ея лицѣ традиціи Михайловскаго дворца дожили до послѣднихъ дней, до тѣхъ дней, когда было сметено и самое понятіе традиціи. Между прочимъ, она предприняла русское изданіе Баховскихъ кантатъ. Она была предсѣдательницей Русскаго Музыкальнаго Общества, и послѣ мартовскаго переворота члены совѣта поспѣшили свою Высочайшей волей назначенную предсѣдательницу утвердить единогласнымъ избраніемъ. Она была живой, дѣльный человѣкъ и близко знала трудовую сторону искусства. И ея домъ и домъ ея брата, Принца Георгія Георгіевича Меклембургскаго, были настоящими серьезными музыкальными центрами. Въ чиновномъ, мелкомъ, раболѣпномъ Петербургѣ они высоко держали знамя духовныхъ интересовъ, и никогда не забудутъ современники вечеровъ музыкальныхъ на чудной дачѣ Каменнаго Острова у Принцессы Елены и квартетныхъ собраній у ея брата. Принцъ Георгій Георгіевичъ былъ одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ въ музыкѣ людей, которыхъ я встрѣчалъ; это былъ музыкальный словарь, немножко тяжеловѣсный въ изложеніи, но съ подкупающей искренностью. Созданный

имъ квартетъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Традиціи Михайловскаго дворца, конечно, утратили свой прежній блескъ, — не всякій окруженъ ореоломъ незабвенной Елены Павловны; дочь ея, Екатерина Михайловна, продолжала музыкально-литературныя традиціи, но уже безъ всякаго личнаго блеска; въ ней не было никакой эманаціи, она сама стѣснялась и разливала стѣсненіе и холодъ вокругъ себя. Художественныя традиціи носили для нея характеръ повинности. Въ путешествіяхъ за границей она считала долгомъ приглашать къ столу мѣстныхъ представителей художественныхъ учрежденій; я бывалъ на такихъ обѣдахъ, — она выказывала мнѣ благоволеніе, — это бывало тяжело. Изъ устъ дочери вырывалось иногда замѣчаніе, звучавшее нигилистической молніей въ атмосферѣ чопорной скуки... Третье поколѣніе, т. е. Принцесса Елена Георгіевна и Принцъ Георгій Георгіевичъ зажили настоящей жизнью, со всею искренностью и простотой людей, чувствующихъ свою причастность къ общей жизни современниковъ своихъ. Георгій Горгіевичъ умеръ скоропостижно, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Онъ былъ женатъ на Наталіи Ѳедоровнѣ Вонлярской, которая скончалась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Ниццѣ. Принцесса Елена живетъ въ Копенгагенѣ и даетъ уроки пѣнія.

Хотя это и не относится къ музыкѣ, упомяну, что въ гостиной Юліи Ѳедоровны Абаза я видѣлъ однажды Достоевскаго; то-есть видѣлъ я его нѣсколько разъ, но здѣсь даже обмѣнялся двумя, тремя словами. Кажется, ничего особенно замѣчательнаго не было сказано; по крайней мѣрѣ, я ничего не запомнилъ изъ разговора, кромѣ одной моей неловкости. Онъ спросилъ что-то о дѣдѣ моемъ, декабристѣ, я отвѣтилъ и потомъ спросилъ: «А вы долго изволили въ Сибири пробыть?» Эта форма соизволенія въ примѣненіи къ каторгѣ вызвала улыбку на страшномъ лицѣ: «Какъ вы говорите — из-во-ли-ли.» Я сконфузился; только всего и было. Слышалъ я Достоевскаго раза три, — разъ въ гостиной графини Софьи Андреевны Толстой, вдовы поэта Алексѣя Толстого, и на публичныхъ литературныхъ вечерахъ. Въ то время писались «Братья Карамазовы», и многія главы этой страшной книги я слышалъ въ жуткомъ чтеніи автора. Чтеніе его было такъ своеобразно, что въ моей памяти и голосъ, и форма навсегда сочетались съ текстомъ. Это былъ замогильный голосъ, но способный окрашиваться горячими красками жизни, въ которыхъ, однако, совсѣмъ не участвовало лицо; оно оставалось каменное, и глаза были, какъ дыры черепа. Все время чувствовался подъ нимъ возможный эпилептикъ. Онъ былъ большой художникъ въ чтеніи; онъ прекрасно умѣлъ распредѣлять силу и мастерски готовилъ главные моменты.

Помню сцену, когда Катерина приходитъ къ Митѣ Карамазову и кланяется ему въ ноги; помню, какъ онъ велъ весь разсказъ къ этому одному слову, — что она поклонилась «не по институтски, а по русски». Какой взрывъ рукоплесканій послѣ этого! Да не сами рукоплесканія важны, а что въ рукоплесканіяхъ; я думаю, что самое цѣнное не тѣ рукоплесканія, въ которыхъ восторгъ, а тѣ, въ которыхъ благодарность. Въ томъ году зимою 1879—1880 г. было много публичныхъ чтеній; участвовалъ въ нихъ и Тургеневъ. Но сѣдой богатырь, чудной, сочной рѣчью читавшій изъ «Записокъ Охотника», не могъ сравняться съ болѣзненно-изнеможеннымъ авторомъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Мы любили Тургенева, какъ живое прошлое, мы озирались на него, мы любимъ его и сейчасъ за то, какъ мы его читали въ первый разъ, и никогда ужъ не читали мы его такъ, какъ когда намъ было шестнадцать лѣтъ. Личность Достоевскаго въ то время говорила намъ больше, и сердцу нашему, и воображенію; онъ не былъ воспоминаніемъ, онъ былъ участникъ жизни, онъ былъ живою частью каждаго изъ насъ, — и его мы привѣтствовали съ тѣмъ забвеніемъ всякой мѣры, которое охватываетъ людей, когда все ихъ существо, со всѣми испытаніями въ прошломъ, со всѣми чаяніями въ будущемъ, потрясено до самаго корня. Изъ всѣхъ слышанныхъ мной авторскихъ чтеній чтеніе Достоевскаго произвело на меня самое сильное впечатлѣніе. Какъ онъ читалъ стихи, не знаю.

Скажу кстати о поэтахъ-чтецахъ. Лучше всѣхъ читалъ Аполлонъ Майковъ; съ безукоризненной логической правильностью и съ большимъ огнемъ. Послѣ него, какъ лучшихъ чтецовъ, назову Плещеева и Апухтина; не сильное чтеніе, не на большую аудиторію, но съ тонкой отдѣлкой. Эта тонкость въ особенности поражала въ устахъ Апухтина, при его невѣроятной толщинѣ и почти отталкивающей наружности. О томъ, какъ плохо читалъ Алексѣй Толстой, я говорю въ другомъ мѣстѣ, но хуже его еще читалъ Полонскій; къ сухому отбиванію ріемъ присоединялся невозможнѣйшій паѳосъ съ невыносимой гнусавостью. Онъ часто бывалъ у насъ, высокій, съ костылями; у него была своя манера здороваться, — возьметъ вашу руку и не выпускаетъ, начнетъ говорить, а рукой вашей все качаетъ изъ стороны въ сторону. Другой образъ встаетъ изъ глубины дѣтства: старичекъ съ взъерошенными, какъ дымъ развѣвающимися, сѣдыми волосами, въ золотыхъ очкахъ, костлявый, угловатый, неряшливый, въ разлетающемся фракѣ, съ развязаннымъ бѣлымъ галстукомъ, но такой тонкій, такой ѣдкій, и такой удивительный чтецъ. Настоящій классикъ въ декламаціи и настоящій классикъ въ томъ, что онъ писалъ: то былъ Тютчевъ. У меня случайно сохранилась карикатура, изображающая Тютчева, работы моего дяди Ивана

Александровича Всеволжскаго. Я отдалъ ее въ 1921 году въ «Музей Тютчева», устроенный его внукомъ Николаемъ Ивановичемъ въ усадьбѣ Мураново, подъ Москвой. — Мнѣ было восемь лѣтъ; помню его въ гостиной моей матери, стоитъ передъ каминомъ и читаетъ «Слезы людскія» и «Пошли, Господь, свою отраду». Какое истинное пониманіе красоты! Да, долженъ сказать что, когда я слышалъ настоящее хорошее чтеніе, это всегда было не отъ профессіональнаго чтеца-актера.... О чтеніи новыхъ поэтовъ не стоитъ поминать: это не чтецы.

Возвращаюсь еще разъ въ гостиную Юліи Ѳедоровны Абаза, чтобы сказать, что тамъ я слышалъ много разъ одну изъ удивительнѣйшихъ пѣвицъ, какихъ мнѣ довелось въ жизни слышать.

Я помню первый разъ, когда я слышалъ Александру Валеріановну Панаеву. Это было въ годъ турецкой войны, въ 1877 году, – благотворительный концертъ въ пользу Краснаго Креста, въ великолѣпномъ домѣ Бѣлосельскихъ, у Аничкова моста. Вышла на эстраду не женщина, вышло видѣніе: высокая, стройная, черная, съ синими глазами, тонкая талія, восхитительный бюстъ. Она держалась прямо, увѣренно, вся сосредоточенная въ своемъ искусствѣ, смѣло смотрѣла въ залу, но публика для нея не существовала; какъ Татьяна она была

Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй ...
Все тихо, просто было въ ней.

Въ первой части она пѣла партію сопрано въ Stabat Mater Россини, во второй — арію Миньоны Тома. Кромѣ безупречности технической стороны, у нея было два качества, составлявшія то единственное, ей присущее, за что ея нельзя забыть: какая-то дымка, которою она окутывала свое pianissimo, и совершенно исключительный огонь. По этому случаю вспоминается мнѣ разсказъ ея о томъ, какъ однажды послѣ концерта въ Перми, когда всѣ ее обступили и съ восторгомъ повторяли: — «Какой голосъ!» — одинъ господинъ воскликнулъ: «Да что голосъ, голосъ! Не голосъ важенъ, а у васъ сакрифисъ есть, вотъ что дорого!» Да, въ ней былъ «сакрифисъ», т. е. feu sacré, — священный огонь; можно сказать, она огнемъ палила, когда пѣла. И все, каждая нота, каждое слово, каждая произнесенная буква, каждая пауза и самый огонь подчинялись ея волѣ; это было — въ огнѣ торжествующее сознаніе. Панаева неразрывно связана съ творчествомъ Чайковскаго. Онъ писалъ для нея;

она первая пѣла его вещи по рукописи. На прелестномъ портретѣ ея Константина Маковскаго, — изъ рѣдкихъ хорошихъ вещей этого пошлаго живописца, — она изображена съ нотами въ рукахъ, — на обложкѣ имя Чайковскаго. Никто не пѣлъ его, какъ она: «Отчего?», «Страшная минута», «И больно и сладко», «Ни слова, о другъ мой», — ни у кого въ этихъ вещахъ не было такого сліянія музыкальнаго звука со словеснымъ смысломъ. Она была ученицей знаменитой пѣвицы Полины Віардо, той, которая была подругой Тургенева; я видѣлъ старушку въ Парижѣ въ 1889 году. Съ какимъ трепетомъ выслушивала она подробности объ успѣхахъ любимой ученицы!.. Да, это былъ успѣхъ. Ея шествіе по пути жизни было окружено поклоненіемъ, цвѣты лежали у ногъ ея, и когда она пѣла:

Солнце, выдь! Я тоже выйду.
Солнце, глянь! Я тоже гляну.
Отъ тебя цвѣты повянутъ,
Отъ меня сердца посохнутъ! —

то эти слова звучали настоящимъ, подлиннымъ вызовомъ свѣтилу дня.

Увы, никакое счастье не долговѣчно. Она была дочерью очень богатаго отца, который не хотѣлъ, чтобы она выступала на сценѣ. Годы шли и время проходило въ томительной борьбѣ. Вдругъ отецъ лишается всего состоянія; онъ вынужденъ согласиться. Не помню, въ чемъ она выступила, — меня не было въ Петербургѣ, — но всѣ увидѣли, что слишкомъ поздно, — Панаева уже не та. Ея публичная карьера прекратилась, едва начавшись. Никогда закатъ не былъ такъ печаленъ, — потому что никогда не былъ онъ такъ внезапенъ. Она вышла замужъ за человѣка много моложе ея, — Георгія Павловича Карцева; онъ служилъ, она давала уроки пѣнія. У нихъ были сынъ и дочь; сынъ былъ убитъ на войнѣ въ первомъ сраженіи противъ нѣмцевъ. Да, никогда закатъ на былъ такъ печаленъ, никогда увяданье не было такъ грустно, и никогда, кажется, судьба не играла своимъ правомъ низвергнуть поднятаго ею человѣка, какъ въ этомъ случаѣ. Но, — такова сила искусства, — когда мы говоримъ — «Панаева», мы видимъ не жизнью сломленную женщину, не увядшую пѣвицу и не безутѣшную мать, а мы видимъ блистательное видѣнье, рѣдчайшую художницу, неповторимое явленіе. А когда въ послѣдній разъ я видѣлъ ее издали на улицѣ, съ чернымъ длиннымъ покрываломъ, — такова сила жизни, — я позабылъ видѣнье прежнихъ дней, я не нашелъ слѣда былыхъ восторговъ и преклонился предъ одной изъ тѣхъ, которыхъ такъ много на землѣ...

Панаева въ числѣ тѣхъ четырехъ пѣвицъ, которыхъ выдѣляю, какъ драгоцѣннѣйшія единицы въ той массѣ прекрасныхъ пѣвицъ, которыхъ пришлось мнѣ слышать. Второю

назову Алису Барби. Это былъ тоже огонь, но какою-то внутренней силой сдержанный. Вся сосредоточенная, вдумчивая, — была Алиса Барби на концертной эстрадѣ. Она пѣла по итальянски и по нѣмецки, пѣла огромный репертуаръ, но настоящій духовный воздухъ ея музыкальной души были старые итальянцы — Монтевердэ, Кальдара, Дурантэ, Порпора, Марчелло и другіе. Эта удивительная старая музыка, въ извивахъ которой текутъ и ласка и страсть, какъ вкругъ строгихъ линій архитектуры вьются и плющъ и цвѣты, была тѣмъ русломъ, въ которомъ Алиса Барби могла показать и жаръ своей горячей итальянской крови, и строгость классическихъ формъ латинской расы. Въ первый разъ она появилась въ Петербургѣ съ піанистомъ Чези; странно, онъ много игралъ, программа его была разнообразна, но если меня спросите, — что игралъ Чези? скажу — Скарлатти; такъ отождествился онъ съ той старой итальянской музыкой, которая вся сливается въ имени этого старика неаполитанца. Впослѣдствіи Алиса Барби стала давать самостоятельные концерты; она прибавила къ своему старо-итальянскому репертуару много Шуберта и много Брамса. У нея не было той свѣтозарности, которою сіяла Панаева, но въ ней было много внутренняго свѣта, который преображалъ ее; она обладала удивительнымъ даромъ перевоплощенія; она вся мѣнялась, не только способъ пѣнія и произношенія, но вся, всѣмъ обликомъ и настроеніемъ своимъ она мѣнялась въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что она пѣла.

Она вышла замужъ за барона Вольфа, жила въ Петербургѣ или въ имѣніи Вольфовъ въ Лифляндіи. Тамъ, въ баронской средѣ, между чопорными старыми тетками мужа, ей, горячей итальянкѣ, кажется, бывало не легко; въ 1905 году она должна была спасаться отъ погромовъ и лѣсами и болотами пробираться до станціи, которая отъ дому отстояла на восемьдесятъ верстъ. Въ Петербургѣ я часто бывалъ у нея въ Косомъ переулкѣ, — незабвенные часы! Но и ей пришелъ закатъ. Въ послѣдній разъ, когда я ее слышалъ, помню, имѣлъ я такое впечатлѣніе, что передо мной красивый футляръ — раскрытъ, и въ немъ вытиснено пустое мѣсто, гдѣ когда-то лежалъ дивной красоты драгоцѣнный камень...

Третья изъ моихъ любимыхъ четырехъ — Фелія Литвинъ. Брунгильда, Изольда! Одна изъ величайшихъ пѣвицъ, какія были. Круглота, ровность и мощь этого голоса ни съ чѣмъ не сравнимы. Мастерство и увѣренность были таковы, что мнѣ всегда казалось, что, если бы всѣ люди, какимъ бы дѣломъ они ни занимались, — министры, директора фабрикъ, ремесленники были такъ увѣрены каждый въ своемъ дѣлѣ, какъ она въ своемъ, то

это былъ бы рай земной. Она снимала съ васъ всякое безпокойство; въ искусствѣ это то же, что въ жизни чувство безопасности. Никогда я такъ не восхищался ея мастерствомъ, какъ однажды въ «Юдиѳи». Она была больна, я зналъ это, у нея было свыше 38°. Я хорошо видѣлъ, какихъ трудовъ ей стоило высокое Do въ послѣднемъ дѣйствіи, но она его взяла; я ждалъ его, я чувствовалъ подходъ, но и тутъ не испыталъ ни секунды сомнѣнія или безпокойства. Удивительное чувство надежности давала она.

Литвинъ была преимущественно пѣвица на вагнеровскій репетуаръ. Огромныхъ размѣровъ, непомѣрной толщины, но она отлично умѣла скрывать свою полноту; она не впадала въ обычную ошибку толстыхъ женщинъ и вмѣсто того, чтобы обтягивать себя, она драпировалась. Движенія ея были плавны, величественны; великолѣпно подымала она руку, длинную, на вытянутомъ локтѣ, съ висячьей кистью: дивный эффектъ въ большихъ хоровыхъ финалахъ, когда идетъ наростаніе и съ наростаніемъ кисть понемногу вытягивается, пальцы напрягаются и раскрываются куполомъ. Этотъ ея пріемъ какъ-то особенно сливается въ памяти со сценой смерти Изольды; конца не было запасамъ ея голоса. По поводу этого вспоминаю, что она мнѣ разсказывала. Мой предшественникъ по дирекціи театровъ, Иванъ Александровичъ Всеволжскій, терпѣть не могъ Вагнера. Однажды Литвинъ умоляла его поставить «Тристана», тотъ все отмахивался.

— Mais, pensez donc, Mr. le Directeur, cette mort magnifique (Подумайте, г. директоръ, — эта великолѣпная смерть!).

— Oui, mais quelle vie ennuyeuse! (Да, но какая скучная жизнь!).

Онъ былъ очень остроуменъ и язителенъ. Пѣвица Медея Фигнеръ пѣла роль Мими въ «Богемѣ»; она была очень полна, а Мими, какъ извѣстно, умираетъ въ чахоткѣ; кто-то похвалилъ исполненіе Медеи. — «Oui, замѣтилъ Иванъ Александровичъ, mais elle n'a pas le phtysique de l'emploi» (Игра словъ не переводима). Меня однажды Фелія Литвинъ поставила въ затрудненіе; она просила дать ей спѣть Маргариту; я раскрылъ глаза.

— Да, я знаю, васъ смущаетъ моя грузная фигура.

— Даже пугаетъ.

Она высыпала цѣлый рядъ доводовъ:

— Но увѣряю васъ, Маргарита вовсе не должна быть непремѣнно худенькая дѣвочка, я даже говорила объ этомъ съ Гуно, и онъ сказалъ, что представляетъ себѣ ее, какъ сочную фламанку (une Flamande plantureuse).

Это вторженіе Рубенса въ то, что я всегда мыслилъ, какъ Альбрехта Дюрера, меня страшило; я прибѣгъ къ послѣднему доводу:

— Понимаете, вѣдь вы поете Маргариту по французски; не могу же я допустить такое столпотвореніе.

— Я берусь разучить партію по русски.

— Но опера идетъ на будущей недѣлѣ.

— Мнѣ довольно трехъ дней.

Не было больше причинъ не соглашаться. Она спѣла, и долженъ сказать, что никогда не слышалъ я послѣдняго тріо, чтобы такъ звучало, какъ у нея. Долженъ отмѣтить ея совершенно исключительное произношеніе; ни у кого не слышалъ такой четкости согласныхъ.

Я хорошо зналъ Фелію Литвинъ, часто бывалъ у нея и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ; много разъ аккомпанировалъ ей и Шумана, и Шуберта, и Глука. Она восхитительно пѣла Глука; два раза видѣлъ ее въ Парижѣ въ «Альцестѣ»; въ послѣднемъ дѣйствіи не забуду движенія, съ какимъ она, возвращаясь домой, устремляется къ дѣтямъ своимъ; прелестно развѣвались при этомъ концы кисейнаго покрывала... Какъ интересно и какъ важно въ театральномъ искусствѣ — участіе неодушевленныхъ принадлежностей въ душевныхъ проявленіяхъ. Сколько скорби въ ниспадающихъ складкахъ покрывала, и сколько радости, сколько смятенія въ развѣвающихся...

Въ послѣдній разъ видѣлъ Литвинъ въ Парижѣ; завтракалъ у нея съ піанистомъ Дюмени и Сенъ-Сансомъ. Литвинъ пѣла арію Далилы подъ аккомпаниментъ автора, а Дюмени сыгралъ скрипичное адажіо Баха, переложенное для фортепіано Сенъ-Сансомъ.

Теперь долженъ сказать о четвертой. Это самое трудное; она такъ своеобразна, и я ее слышалъ только одинъ разъ. Четвертая, это жена знаменитаго тенора Ивана Решке. Она француженка, урожденная Mlle de Mailly, самаго высшаго французскаго круга. Она нигдѣ не поетъ, кромѣ какъ у себя. Я былъ однажды приглашенъ къ нимъ на вечеръ. Она очень красива, большого роста, бѣлокурая, волосы красиво приподняты надъ висками. Она стала передъ фортепіано, спиной къ аккомпаніатору, лицомъ къ намъ. Нѣсколько аккордовъ, и потомъ я услышалъ:

Stell auf den Tisch die duftenden Reseden, —

извѣстный романсъ Лассена съ прелестнымъ въ концѣ каждаго куплета припѣвомъ: «Wie einst im Mai.» Уже первая строчка стихотворенія, первая фраза романса раскрыли цѣлый міръ, и я чувствовалъ, что предо мной было явленіе исключительной художественной рѣдкости. Посмотрите на звуковую сторону словъ въ этомъ стихѣ, посмотрите на согласныя; я не считаю такіе текучіе звуки, какъ N и R, но безъ нихъ на двадцать

согласныхъ пять D и три T. Задумывались ли вы когда-нибудь надъ механикой этихъ двухъ буквъ, о томъ, какъ онѣ производятся, о той звуковой прелести, которая получается отъ правильнаго ихъ произнесенія и, наконецъ, о психологической содержательности, которая сообщается словамъ правильностью произнесенія? Д и Т образуются прижатіемъ языка къ небу, но звукъ получается не въ моментъ прижатія,а въ моментъ отдергиванія; вотъ почему настоящее, хорошее Т всегда получается съ нѣкоторымъ запаздываніемъ. Провѣрьте сами на себѣ; посмотрите, какъ у васъ зазучитъ: «я Такъ тебя люблю.» Вотъ это я ощутилъ въ пѣніи г-жи Решке.

Съ первыхъ же словъ я почувствовалъ глубину отдѣлки, на которую она способна, и съ первыхъ нотъ почувствовалъ глубину чувства, которымъ она волнуема. Странно, кромѣ этой первой вещи, не помню, что она пѣла; помню, что пѣла по нѣмецки, по французски и по итальянски, но что, не могу сказать. Никогда въ жизни не испытывалъ такого впечатлѣнія, — я слушалъ безъ участія сознанія, оттого, конечно, и забылъ, что она пѣла. Это была такая ласка душевная, что можно было все на свѣтѣ забыть, а не только названье романса. Когда она кончала, страшно было шевельнуться, чтобы не нарушить созданную ею атмосферу. Она пѣла много, на всѣхъ языкахъ одинаково прекрасно, и послѣ всего она, безъ аккомпанимента, пѣла на бретонскомъ нарѣчіи пѣсни бретонскихъ пастуховъ... Что я могу сказать еще о ней? Я думалъ, что вообще не буду въ состояніи ничего сказать, — такъ неуловимо то, что она во мнѣ пробуждала. Я радъ, что слышалъ ее только одинъ разъ; второй разъ уже было бы не то, было бы то же самое, но безъ всего того удивительнаго что даетъ чувство новизны. Все на свѣтѣ можетъ повториться, первый разъ не повторяется, — это уже будетъ второй. Помню, что, когда она совсѣмъ кончила, я ушелъ въ другую комнату, потому что неприлично было оставаться на людяхъ... Да, я забылъ, что она пѣла, но никогда не забуду ее, въ бѣломъ кружевномъ платьѣ прислонившуюся къ фортепіано и устало, издалека поющую пѣсни бретонскихъ пастуховъ, — безстрастно съ обычной нашей точки зрѣнія личнаго мѣрила, но какъ глубоко и страстно говорила въ этихъ звукахъ вѣковая дѣвственность луговъ, полей и моря, не знающихъ прикосновенья городовъ... Вижу ее въ бѣломъ кружевномъ платьѣ, рѣдчайшую болѣе даже, чѣмъ рѣдчайшая лиловая орхидея, что увядала на ея груди...

Таковы четыре пѣвицы, которыя произвели на меня наибольшее впечатлѣніе. А слышалъ я многихъ, не перечислить; даже тѣхъ, кому аккомпанировалъ, и тѣхъ не перечислить. Однажды случай выкинулъ меня на эстраду Дворянскаго Собранія въ Петербургѣ. Пѣла въ то время на Маріинской

сценѣ приглашенная Всеволжскимъ Сибилла Сандерсонъ. Я долженъ былъ аккомпанировать ей у Великой Княгини Маріи Павловны, и мы проходили нашъ репертуаръ въ ея номерѣ гостинницы Франція. Вдругъ докладываютъ — депутація отъ студентовъ; входятъ, просятъ ее въ тотъ же вечеръ принять участіе въ ихъ концертѣ. Она не можетъ дать согласія безъ разрѣшенія директора; проситъ меня помочь ей въ этомъ. Ѣду къ Всеволжскому, возвращаюсь съ разрѣшеніемъ. Студенты собираются уходить. — Et est-ce qu'il y a quelqu'un pour m'accompagner? (Есть ли, кому мнѣ аккомпанировать?). Студентъ думалъ, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы ее проводить и спросилъ, въ которомъ часу она желаетъ, чтобъ онъ за ней заѣхалъ. Выяснилось, что рѣчь идетъ не о спутникѣ, а объ аккомпаніаторѣ; но такого студенты не припасли. Минута растерянности, и я предложилъ свои услуги. Такъ вышло, что вечеромъ на эстрадѣ Дворянскаго Собранія, при полномъ залѣ я аккомпанировалъ ей вальсъ изъ «Ромео и Джульетты». Тутъ же оказался хорошо мнѣ знакомый и тогда восходившій на горизонтѣ замѣчательный віолончелистъ Бзуль, къ сожалѣнію такъ рано умершій; мы исполнили втроемъ «Элегію» Масснэ.

Встрѣчалъ я и очень извѣстную въ свое время вагнеровскую пѣвицу Терезу Мальтенъ и даже былъ у нея подъ Дрезденомъ въ ея дачкѣ Klein-Schachwitz. Очень замѣчательное явленіе: высокая, прекрасная; въ ней было что-то сіяющее. Она пріѣзжала въ Петербургъ, когда нѣмецкая опера тамъ въ первый разъ дала циклъ «Нибелунговъ». Ея успѣхъ былъ поразительный. Но, какъ часто бываетъ, въ успѣхѣ была и смѣшная нота; за ея тріумфальной колесницей волочился цѣлый хвостъ восторженныхъ старыхъ дѣвъ. Предводительствовала этими петербургскими валькиріями нѣкая Fräulein Schmalz, состоявшая въ Михайловскомъ дворцѣ не то учительницей, не то лектрисой. Она сумѣла сдѣлаться необходимой пружиной Мальтеновскихъ успѣховъ; мои братья въ театрѣ, когда всѣ вызывали «Мальтенъ!» кричали «Шмальцъ!» Она затѣяла подписку на покупку той лошади, которую Мальтенъ-Валькирія держитъ на сценѣ подъ уздцы. Мальтенъ какъ-то сказала, что эта лошадь по благонравію своему ей понравилась, и петербургскія Валькиріи рѣшили эту оперную клячу поднести своей богинѣ.

И теперь разскажу то, что мнѣ представляется сказкой, сномъ наяву. Во время японской войны Великая Княгиня Марія Павловна, для того чтобы собрать денегъ на Красный Крестъ, задумала пригласить на концертъ старушку Патти. Она пріѣхала. Ее приняли съ почетомъ; и она, и ея молодой мужъ, шведскій графъ, жили во дворцѣ Великой Княгини. На самомъ концертѣ въ Дворянскомъ Собраніи мнѣ не удалось

быть. Слышалъ, что это было своего рода delirium; двадцать пять, а то и тридцать лѣтъ легло между этимъ и послѣднимъ ея появленіемъ въ Петербургѣ; можно себѣ представить, что она испытывала, выходя на эстраду, и какъ ее встрѣтили... Я не видѣлъ этого, но я зналъ, что буду имѣть случай ее услышать. У Великой Княгини былъ званый обѣдъ. Патти, которую я тутъ увидѣлъ, была совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ та, которую я зналъ въ дни далекой моей юности. Мнѣ было лѣтъ семнадцать, когда она, на вершинѣ своей славы, пѣла въ петербургской итальянской оперѣ. Тогда, въ «Динорѣ» и въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» это была жгучая брюнетка, задорная, лукавая, веселая... Выкапываю изъ глубины дѣтства еще воспоминаніе. Насъ повезли въ балетъ: «Рыбакъ и Наяда», танцовала Ваземъ. Я былъ въ первый разъ въ театрѣ. Гувернантка шепнула намъ: «Рядомъ съ нами въ ложѣ Патти». Я хорошо ее разглядѣлъ и запомнилъ; еще помню, она глядѣла на Ваземъ и сказала по французски, обращаясь къ сидѣвшимъ съ ней: «Пріѣду домой, непремѣнно попробую сдѣлать то же самое»... Теперь передо мной стояла шестидесяти-двухъ-лѣтняя старушка съ рыжими волосами, очень намазанная и, какъ икона, увѣшанная драгоцѣнными камнями. Послѣ обѣда прошли въ залу, — она обѣщалась пѣть. И вотъ гдѣ, собственно, моя сказка: меня просили аккомпанировать. Развѣ не сказка — аккомпанировать Патти?

Она спѣла четыре вещи: романсъ Гуно «Le ciel a visité la terre», серенаду Шуберта, англійскую пѣсенку «Sweet home», и романсъ г-жи Ротшильдъ «Si vous n'avez rien a me dire». Что вамъ сказать объ этомъ исполненіи? Прежде всего, что ни разу не испыталъ даже ни тѣни безпокойства или опасенія, того опасенія, которое внушаютъ намъ старѣющіе, не только старые артисты. Точность, ясность, увѣренность были безупречны. Прежде всего я восхитился умомъ человѣка, который дѣлаетъ только то и ничего, кромѣ того, что можетъ. Она, которая когда-то блистала всѣми огнями и искрами колоратуры, тутъ спѣла четыре вещи плавныя, мягкія; она, которая въ каватинѣ «Севильскаго Цирюльника» — «Una voce poco fa» въ вихрѣ колоратурнаго фонтана брала верхнее надъ линейками Fa, здѣсь не пошла выше Fa на пятой линейкѣ. Результатъ этой мудрости, — что ни разу мы не испытали той жалости, что внушаютъ пѣвцы-старики, ни разу мы не поморщились, ни разу не улыбнулись передъ смягчающимъ обстоятельствомъ. И то, что мы услышали въ предѣлахъ этого, было очаровательно. Ласкающая чистота и мягкость звука, изумительная четкость произношенія. Тутъ была и немножко смѣшная, а вмѣстѣ трогательная по простотѣ своей сторона. Я подошелъ къ молодому мужу ея:

— Какъ удивительно она поетъ!

— Да, неправда ли, какъ удивительно сохранился голосъ моей жены, — въ эти годы. . .

Не одинъ голосъ поражалъ и не одно техническое мастерство. Въ послѣдней вещи она дала такой драматизмъ, какого мы въ былые годы не слыхали отъ прежней Патти; слова —

Si vous n'avez rien à me dire,
Pourquoi venir auprés de moi?

она произнесла съ такой горечью оскорбленнаго чувства, что этотъ милый, пустенькій романсъ превратился въ душевную трагедію. И ко всему этому прибавьте, что все время, при каждой нотѣ, къ каждому вашему впечатлѣнію прибавлялось сознаніе, что это Патти, та самая; что это та, которой гремѣла на весь міръ; слава которая началась здѣсь у насъ, въ Россіи, и которая на закатѣ привезла сюда же, къ намъ послѣдній блескъ своего сіянья. Вы поймете и впечатлѣнія и чувства этого незабвеннаго вечера. Что касается меня, я сказалъ, что это сказка. Развѣ не сказка — аккомпанировать Аделинѣ Патти? Я это называю — моя тысяча вторая ночь.

VIII.

Оперныя впечатлѣнія.

Первая опера, которую я видѣлъ, были «Нижегородцы» Направника. Меня повезли въ Маріинскій театръ; это было въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Въ то время русская опера была въ загонѣ. Царило увлеченіе итальянцами. Нуженъ былъ тотъ рѣшительный шагъ, который впослѣдствіи принялъ Александръ III, т. е. упраздненіе итальянской оперы, чтобы вывести русскую оперу на ту широкую дорогу развитія, по которой она пошла и на которой упрочилась къ концу прошлаго столѣтія. Пока были въ Петербургѣ итальянцы, русская опера не могла развиться. Во первыхъ нельзя было тягаться съ такими именами. Звѣзды первой величини, какъ Маріо, Рубини, Кальцолари, Паста, Патти, Мазини, Котоньи сіяли такимъ блескомъ, что затмѣвали кого угодно. Но главная причина была не въ качествѣ итальянскихъ пѣвцовъ, а въ томъ вліяніи, какое они оказывали на публику. Поколѣніе нашихъ дѣдовъ и отцовъ было воспитано на поклоненіи отдѣльному артисту. Люди шли въ театръ, чтобы услышать такую-то арію. Это было увлеченіе «солизмомъ» въ самомъ пагубномъ смыслѣ этого слова. Прибавить къ этому свойство самой музыки, вращавшейся въ репертуарѣ Беллини, Верди и Мейербера, — понятна станетъ слабость музыкально-воспитательнаго вліянія. Слащавость кантилены, незатѣйливость гармоніи и простоватость ритмическаго рисунка, — все это не способствовало выработкѣ музыкальнаго сознанія. И дѣйствительно, что поражало въ томъ поколѣніи, это, — насколько эти любители музыки были мало музыкальны. Это были въ полномъ смыслѣ «любители», «дилеттанты», но не музыканты.

Подъ вліяніемъ увлеченія личнымъ элементомъ въ оперѣ, создалась какая-то музыкальная психопатія. Раекъ галдѣлъ и послѣ представленія бѣжалъ на подъѣздъ. Артисты, падкіе на рукоплесканія, прибѣгали къ разнымъ пріемамъ и ухваткамъ дурного вкуса. Удивительнѣйшій изъ теноровъ, Мазини,

голосъ котораго нельзя забыть, когда разъ его слышалъ, такъ преподносилъ нѣкоторыя свои ноты, что его хотѣлось по щекамъ бить за неуваженіе къ музыкѣ и выдвиганіе своей особы. Это былъ, что называется, «сапожникъ», безъ всякаго уваженія къ общему дѣлу, занятый исключительно личнымъ своимъ успѣхомъ. Въ «Риголетто» послѣднюю свою арію «La donna e mobile» онъ пѣлъ восхитительно. Онъ выходилъ на сцену, держа въ рукѣ письмо, рвалъ его и вмѣстѣ съ нотками пѣсни бросалъ кусочки бумаги въ воздухъ. Послѣ третьяго куплета разражался громъ въ залѣ и неистовые крики «Биисъ!» Что же онъ дѣлалъ? Онъ запускалъ руку въ карманъ, вытаскивалъ новое письмо, и опять его рвалъ, и опять разбрасывалъ клочки...

На такихъ пріемахъ и въ такой атмосферѣ шло оперное воспитаніе того поколѣнія. Но самое зловредное было не въ этомъ, а въ томъ, что люди были музыкально оторваны отъ родной почвы. Для нихъ эта итальянщина была вершиной, съ которой они ничего другого не видѣли. Болѣе того, — они не ощущали, совершенно не ощущали русской музыки. Въ то время выдвигались Римскій-Корсаковъ, Бородинъ, Мусоргскій, а они не могли понять этой музыки. И удивительно было не то, что она была имъ непонятна, а то, что она имъ была чужда, она не отвѣчала ихъ природѣ. Меня больше всего поражало, какъ эти люди не чувствовали того, что въ этой музыкѣ есть русскаго. Вѣдь Римскій-Корсаковъ это сама поющая русская земля. И они были глухи; имъ была ближе какая-нибудь «Линда ди Шамуни», чѣмъ «Снѣгурочка». Не только непониманіе, — Римскій-Корсаковъ и Бородинъ вызывали смѣхъ, глумленіе, не говорю уже о Мусоргскомъ. Я былъ на первомъ представленіи «Бориса Годунова»: опера провалилась среди свиста и смѣха... Ея не спасъ даже такой Борисъ, какъ Мельниковъ...

Тогдашнее положеніе опернаго дѣла въ Россіи (скажемъ — въ Петербургѣ и Москвѣ, будетъ ближе къ дѣйствительности) хорошо обрисовано въ маленькой книжечкѣ, которая врядъ ли извѣстна современнымъ людямъ: «La musique en Russie» Ц. А. Кюи. Она издана въ восьмидесятыхъ годахъ, кажется, въ Брюсселѣ и уже давно составляетъ библіографическую рѣдкость. Со свойственной перу этого композитора ѣдкостью онъ рисуетъ и пагубную ложь тогдашнихъ музыкально-общественныхъ увлеченій и унизительное положеніе, въ которое была поставлена русская опера. Впрочемъ, надо и то сказать, что составъ нашихъ русскихъ пѣвцовъ былъ очень низкаго уровня. Въ длинномъ промежуткѣ времени отъ Глинки до Чайковскаго кого можно назвать? Въ то время, какъ итальянская сцена давала созвѣздія неослабнаго блеска, на русской сценѣ за это время можно назвать только нѣсколько именъ, какъ Петровъ,

создатель роли Сусанина, Лавровская, одно изъ величайшихъ контральто, Мельниковъ, рѣдкій пѣвецъ и рѣдкій художникъ. Остальное было печально. Въ томъ спектаклѣ «Нижегородцевъ», о которомъ упомянулъ, пѣла нѣкая Платонова: она подвывала. Теноръ Никольскій, съ великолѣпнымъ голосомъ, толстый, неповоротливый, совершенный ломовой извощикъ. Былъ нѣсколько позднѣе другой теноръ по имени Васильевъ 3-ій, это былъ гнусавый дьячекъ. Допѣвалъ въ то время старикъ Стравинскій, извѣстный въ свое время басъ, — у него не было уже звука, пустыя вспышки, какъ въ продырявленной шарманкѣ. Но самый главный недостатокъ русскихъ пѣвцовъ, — они не были мастера, въ нихъ не было той нарядности, которая является результатомъ поборотой трудности, въ нихъ не было той легкости, которой требовалъ отъ всякаго художника Леонардо да Винчи, когда говорилъ — «che il lavoro sia immascherato» (пусть трудъ будетъ замаскированъ). Они были тяжеловѣсны, неуклюжи, и таковы были и русскіе оперные спектакли, — въ Маріинскомъ театрѣ было скучно, туда не ѣздили. Дѣло возрожденія русской оперы было трудно. Нужно было и ее самое улучшить, и надо было публику пріучить ѣздить туда, куда она не ѣздила.

Повелѣніемъ Александра III, итальянская опера была упразднена, Большой театръ былъ переданъ русской оперѣ:[1]) публикѣ не было другого выбора. Врядъ ли есть много примѣровъ въ исторіи искусствъ, чтобы мѣра внѣшняя, чисто механическая, оказала такое внутреннее вліяніе. Выдвинутая на первое мѣсто, лишенная соревнованія, русская опера въ нѣсколько лѣтъ выросла до степени самостоятельной цѣнности. Александръ III самъ не очень чувствовалъ новую русскую музыку; о его отношеніи къ Римскому-Корсакову имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ.[2]) Ни Римскій-Корсаковъ, ни Бородинъ, ни Мусоргскій въ царской семьѣ не пользовались любовью. Помню, въ бытность директоромъ Императорскихъ театровъ я говорилъ о предстоящемъ первомъ представленіи «Садко», — Великій Князь Алексѣй Александровичъ воскликнулъ: «Ну неужели вы можете выносить это? Развѣ это музыка: вѣчное дзынь-бумъ-бумъ!» И такъ судило большинство опер-

[1]) Впослѣдствіи Большой театръ былъ объявленъ опаснымъ, онъ былъ назначенъ къ слому. Однако, когда приступили къ работѣ, онъ оказался настолько крѣпокъ, что никакая сила не брала его: театръ былъ испорченъ, но разрушить его не могли. Къ тому времени русская опера была переведена въ Маріинскій театръ. Императоръ Александръ III подарилъ стѣны Большого театра Русскому Музыкальному Обществу подъ консерваторію. Такъ погибъ одинъ изъ лучшихъ театровъ въ Европѣ. . .

[2]) См. «Родина», гл. «Сферы».

ныхъ «меломановъ». Русская музыка была далека, чужда, до нея надо было дорости. Тутъ явился мостъ отъ стараго къ новому. Явился Чайковскій.

Не сразу и онъ завоевалъ. Онъ прошелъ сперва путемъ камерныхъ и симфоническихъ концертовъ. Въ Петербургѣ всегда была большая разница въ музыкальномъ уровнѣ «симфонической» и «оперной» публики. Первые были по природѣ музыканты, для вторыхъ музыка была лишь пріятнымъ, легкимъ придаткомъ театральныхъ впечатлѣній; они искренно умилялись отъ какой-нибудь аріи Джильды и совершенно не ощущали анданте пятой симфоніи. Этихъ людей Чайковскій завоевалъ своими романсами. Судьба послала ему дивную, восхитительную исполнительницу. Въ полномъ блескѣ своего голоса и въ расцвѣтѣ своей красоты, Александра Велеріановна Панаева раскрывала совершенно неиспытанныя еще глубины русской пѣсни и русскаго стиха. «Средь шумнаго бала», «Отчего», «Страшная минута», «Ни слова, о другъ мой», «И больно и сладко», да можно ли перечислить все, чѣмъ она потрясала, все, что окутывала дымкою своего піанниссимо, что распаляла огнемъ своего вдохновенія... Петербургскія гостиныя были покорены. Однако, театръ онъ не скоро завоевалъ. Первыя его оперы были тяжелы: «Опричникъ», «Мазепа», «Орлеанская Дѣва» не имѣли успѣха. Чайковскій всталъ и упрочился послѣ «Евгенія Онѣгина». Эта маленькая опера, по замыслу автора, кажется, не предназначавшаяся для большой сцены, а въ мое директорство справлявшая свое сотое представленіе, такъ полюбилась публикѣ, что, можно сказать, она собой покрыла всего Чайковскаго; за исключеніемъ «Пиковой Дамы» и балетовъ, все прочее въ глазахъ нашихъ оперныхъ любителей имѣетъ лишь цѣнность отраженія. Для большой публики Чайковскій всегда останется авторомъ «Онѣгина».

Творенія Чайковскаго въ полномъ объемѣ своемъ, конечно, отойдутъ въ прошлое, они не «переживутъ вѣка»; онъ увядаетъ, и быстро увядаетъ, но, независимо отъ цѣнности его и отъ того, насколько эта цѣнность съ годами мѣняется, — Чайковскій отмѣчаетъ поворотный пунктъ. Не столько поворотъ въ самой музыкѣ (онъ былъ совершенъ раньше его другими, и гораздо круче), но поворотный пунктъ во вкусахъ. Его воспитательное значеніе велико: за нимъ пошли охотнѣе, чѣмъ за тѣми, которые звали дальше, нежели онъ, и къ которымъ однако въ концѣ концовъ черезъ него пришли. Первое соприкосновеніе съ его музыкой было не безболѣзненно. Вокругъ нѣжнаго, мягкаго, сладкаго Чайковскаго происходили горячія схватки. Можно себѣ представить, какъ относились къ нему немузыканты, когда такой музыкантъ, какъ пѣвецъ Мельниковъ, говорилъ мнѣ по поводу «Онѣгина»: «Ну что съ нимъ подѣлаешь, съ Петромъ

Ильичемъ! Вѣдь люблю его музыку, но какъ же можно такъ съ пѣвцомъ обращаться! Вѣдь онъ заставляетъ пѣвца изъ тона въ тонъ модулировать!» Вѣроятно, онъ разумѣлъ здѣсь то, что музыканты называютъ энгармонизмомъ, но какъ все это негодованіе передъ новизной кажется устарѣлымъ въ наши дни... Мой предшественникъ по директорству театрами, Иванъ Александровичъ Всеволожскій, воспитанный на итальянской кантиленѣ, говорилъ что Чайковскій не музыка. Однако, понемногу и онъ сдался, и съ именемъ Всеволожскаго связана эпоха, которую можно назвать эпохой Чайковскаго: «Евгеній Онѣгинъ», «Пиковая Дама», «Лебединое Озеро», «Спящая Красавица», «Щелкунчикъ».

Тому почти тридцать лѣтъ, но хорошо помню то время. Помню новизну и свѣжесть, которую намъ раскрывали эти двѣ оперы Чайковскаго. Помимо ихъ музыкальной цѣнности, — помню то впечатлѣніе воплощеннаго прошлаго, какое онѣ давали. Въ этомъ ихъ особенная прелесть. И въ этомъ отношеніи «Онѣгинъ» еще больше, нежели «Пиковая Дама». Въ первый разъ мы видѣли музыкальное воплощеніе близкаго и уже ушедшаго прошлаго. «Онѣгинскія времена» въ музыкальномъ дѣйствіи. Конечно, участіе Пушкина въ этомъ было велико, но Чайковскій нашелъ музыкальную форму; въ немъ это прошлое запѣло, зазвучало, и зазвучало такъ естественно, что оно намъ стало ближе, чѣмъ напримѣръ въ картинахъ «Горе отъ ума». Оно было проникнуто лиризмомъ, котораго въ грибоѣдовской комедіи нѣтъ, и совершенно лишено разсудочности, которой въ ней такъ много. То, что было въ «Онѣгинѣ» русскаго, не было, какъ у Римскаго и у Бородина, стихійно-русское, — оно было человѣчно-русское, въ рамкахъ, въ установившемся укладѣ. Чайковскій явился не пѣвцомъ Россіи, а пѣвцомъ русской жизни, ея прошлыхъ, но близкихъ формъ. Онъ музыкальный воплотитель усадьбы. Въ этомъ отношеніи понимаю ненависть къ нему большевиковъ. Они правы, съ ихъ точки зрѣнія. Не хочу этимъ сказать, что ихъ точка зрѣнія правильная. Совершенно не понимаю, какъ можно ненавидѣть художественное изображеніе какого бы то ни было прошлаго. Какъ бы ни было ненавистно прошлое, изображеніе его должно быть дорого, когда оно прекрасно. Самое некультурное отношеніе къ искусству именно въ этомъ неумѣніи отдѣлить содержаніе отъ формы и въ непониманіи того, что сама форма и есть содержаніе произведенія искусства. Но когда протыкается штыкомъ портретъ работы Лампи только потому, что онъ изображаетъ императора, то не приходится удивляться тому, что музыкальный авторъ оцѣнивается не за то, какъ онъ писалъ, а за то, что онъ описывалъ. Въ силу того самаго, чѣмъ онъ ненавистенъ разрушителямъ искусства, въ силу того самаго онъ дорогъ

тѣмъ, кто въ искусствѣ цѣнитъ сосудъ, сберегающій уходящее прошлое. Здѣсь я говорю не о музыкальной цѣнности Чайковскаго, какъ таковой, я говорю о культурно-воспитательномъ его значеніи. Для той оперной публики, о которой говорю, Чайковскій весь воплотился именно въ этой сторонѣ своего творчества. Они, которые его обожаютъ, такъ же мало знаютъ его въ цѣломъ, какъ и коммунисты, которые его развѣнчиваютъ. И тѣ и другіе знаютъ только нѣжнаго автора романсовъ, пѣвца личной лирики, наряднаго творца «Спящей Красавицы», остроумно-игрушечнаго мастера «Щелкунчика». Но ни тѣ, ни другіе, ни обожатели, ни хулители не знаютъ, и врядъ ли способны оцѣнить глубокаго страдальца, автора 6-й симфоніи; для нихъ равно чужды героическій полетъ «Франчески да Римини», какъ вопли «Ромео и Джульетты»...

Утвержденіе Чайковскаго на Маріинской сценѣ совпало съ извѣстнымъ подъемомъ уровня исполненія. Здѣсь сыгралъ несомнѣнную роль завоевавшій въ свое время большую славу теноръ Фигнеръ. Бывшій морской офицеръ, человѣкъ съ внѣшними формами воспитанія, онъ внесъ на сцену извѣстную осанку, извѣстное приличіе движенія, онъ внесъ то, чего на русской сценѣ не было, — нарядность. Его жена, итальянская пѣвица Медея Мэй, въ короткое время овладѣла русскимъ языкомъ и внесла въ репертуаръ Чайковскаго всю законченность итальянскаго мастерства, но и всѣ ухватки итальянской рутины. Чета Фигнеровъ, или, какъ ихъ называли, — «Фигнера», стали любимцами.

Фигнеръ, дѣйствительно, былъ мастеръ пѣнія, но у него былъ непріятный голосъ, иногда съ гнусавымъ, почти козлинымъ оттѣнкомъ. Въ произношеніи тоже было что-то непріятное, нерусское. Главный же его недостатокъ былъ въ непомѣрномъ самомнѣніи, которое сквозило во всемъ его поведеніи, окрашивало собой всѣ его роли. Онъ выдвигалъ себя, онъ заискивалъ передъ райкомъ, онъ создавалъ свою личность, свою славу, онъ работалъ на себя, не для искусства, и вліяніе его было не художественно, въ немъ было слишкомъ много пошлости, — нарядность его была исключительно внѣшняя. Никогда принципъ «солизма» не царилъ на сценѣ, какъ при немъ, никогда оперная психопатія райка не доходила до большей взвинченности, никогда заботы артистовъ не были настолько отвлекаемы отъ музыкальной задачи въ сторону личнаго успѣха. Вслѣдъ за нимъ по этому пути шли и другіе. Одинъ изъ любимцевъ публики, баритонъ Яковлевъ, послѣ сцены бала въ «Евгеніи Онѣгинѣ» бисировалъ арію «Я пью волшебный ядъ» (Кстати, какая безвкусная находка Чайковскаго вложить въ уста Онѣгина тѣ же

слова и ту же музыку, что пѣла Татьяна въ первомъ дѣйствіи!) Послѣ этой аріи, какъ извѣстно, Онѣгинъ убѣгаетъ со сцены, занавѣсъ падаетъ. Неистовые клики райка вызываютъ его къ рампѣ. Онъ выходитъ, раздается «Бииисъ!» Яковлевъ дѣлаетъ знакъ дирижеру и начинаетъ — «Я пью волшебный ядъ». . . Дирижеръ Крушевскій такъ, смутился, что далъ знакъ оркестру, и арія была повторена въ третій разъ, передъ опущеннымъ занавѣсомъ. Я былъ въ то время директоромъ и оштрафовалъ Яковлева за такое нахальное поведеніе и такое неуваженіе къ искусству. Но удивительно то, что на слѣдующемъ представленіи его обожательницы поднесли ему кубокъ съ червонцами, — сумму, равнявшуюся штрафу. И что еще удивительнѣе, это то, что одинъ театральный критикъ въ газетѣ, разсказывая объ этомъ, замѣтилъ, что Яковлевъ былъ дирекціей оштрафованъ «за какой-то незначительный проступокъ». Публика брала сторону артистовъ, критика брала сторону публики. Служеніе искусству, чистому, было трудно въ тѣ времена.

Какъ человѣка совершенно не затронутаго этой актерской пошлостью, долженъ помянуть прекрасную артистку, Марію Александровну Славину. Это былъ человѣкъ исключительный въ театральной средѣ, но въ особенности исключительный въ тѣ времена. Только большіе художники сцены являютъ такое безразличіе къ публикѣ. И удивительно, какъ, не смотря на падкость къ пошлымъ пріемамъ заискиванія, публика все-таки цѣнитъ тѣхъ, кто передъ ней не лебезитъ. Карьера Славиной прошла въ сторонѣ отъ того духа рекламы, который былъ внесенъ въ оперу Фигнеромъ. Она была прекрасная пѣвица, контральто, но изъ такихъ контральто, которые пѣли «Кармэнъ». Ея пѣніе было настоящее классическое пѣніе, никогда не выходившее изъ рамокъ строгаго самообладанія. Кто слышалъ въ ея исполненіи арію матери, боярыни Морозовой въ «Опричникѣ», — «Снѣга бѣлѣй», тотъ не забудетъ ея. Сценическіе образы, къ сожалѣнію, не переходятъ въ потомство. Но если бы хотѣлось что-нибудь закрѣпить на всѣ времена и въ назиданіе будущимъ исполнителямъ (въ данномъ случаѣ — исполнительницамъ), то это Славину въ роли Графини, «Пиковой Дамы». Это былъ образъ, какого я больше не видалъ въ этой оперѣ. Она была еще молода, когда по настоянію Чайковскаго приняла эту роль, но она въ ней не состарилась, она съ годами входила въ нее все больше и больше, и она закрѣпила ее въ памяти видѣвшихъ ее, какъ нѣчто неизмѣнное, какъ типъ, какъ образъ, отъ котораго нельзя уклониться и котораго вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя достичь. Славина это Графиня и Графиня это Славина. Иной не можетъ быть, а подобной не будетъ. . .

Рядомъ съ блестящими, но легковѣсными, шипучими успѣхами Фигнера въ партіяхъ Ленскаго, Германа и нѣкото-

рыхъ иностранныхъ, шла серьезная работа въ операхъ Римскаго-Корсакова и Вагнера. Здѣсь сыгралъ службу, которую не забудетъ ни одинъ ревнитель родного искусства, нашъ славный теноръ Ершовъ. Съ замѣчательнымъ голосомъ, необыкновенной силы, но къ сожалѣнію иногда сдавленнымъ, съ настоящимъ музыкально-драматическимъ увлеченіемъ, съ большой молодостью, съ какой-то дѣтской беззавѣтностью, этотъ человѣкъ провелъ въ жизнь русскаго опернаго театра такіе образы, какъ Садко, Гришка Кутерьма, Тристанъ, Зигмундъ, Зигфридъ. Въ его музыкальной природѣ было что-то могучее, что поднимало и увлекало, несмотря на его непріятный недостатокъ сдавленнаго горла. Никогда никакое прикосновеніе рекламы не омрачило его имени, и самыя лучшія воспоминанія чистаго искусства связаны съ нимъ. Въ смыслѣ сценическомъ у него былъ одинъ очень непріятный недостатокъ: онъ иногда былъ какъ-то связанъ, весь напряженъ. Это было результатомъ какой-нибудь дурной привычки, которую ни одинъ режиссеръ не замѣтилъ, вѣроятно, противъ которой никто не предостерегъ его въ тѣ годы, когда можно было еще вылѣчиться, и которая, какъ всѣ дурныя привычки, съ годами увеличивалась. Въ минуты, когда роль требовала полной разслабленности, онъ бывалъ напряженъ до послѣдней степени. Такъ въ «Китежѣ», въ роли Гришки, привязанный къ дереву, — когда онъ, казалось бы совсѣмъ надломленъ, онъ давалъ впечатлѣніе какой-то натуги. Онъ не умѣлъ быть увядшимъ. Впрочемъ, это одна изъ труднѣйшихъ задачъ сценическаго искусства — быть ненапряженнымъ... И однако, въ этой же роли Гриши Кутерьмы Ершовъ являлъ наивысшее, что я видѣлъ на оперной сценѣ, въ смыслѣ ритмичности, т. е. согласованія движенія съ музыкой. Такой разработки движенія въ согласіи съ музыкальнымъ рисункомъ мы, конечно, въ этой роли больше не увидимъ. Въ сценѣ опьяненія каждое его движенье, казалось бы случайное (какъ подобаетъ движеніямъ пьянаго человѣка), было пригадано, было направлено, во время остановлено.[1]) Да, Ершову можно поставить памятникъ за ту службу, которую онъ сослужилъ русскому оперному искусству.

Къ сожалѣнію, хорошій примѣръ рѣдко дѣйствуетъ. Люди, хотя и восхищаются, а не видятъ причины, не отдаютъ себѣ

---

[1]) Когда-то я подробно разбиралъ вопросъ о примѣненіи ритмическаго принципа въ оперѣ, — въ статьѣ, «Оперныя размышленія», напечатанной въ послѣднемъ номерѣ журнала «Музыкальный Современникъ», въ послѣднемъ номерѣ передъ революціей. Какой прелестный былъ журналъ. Если бы въ каждой области знанія и искусства былъ въ Россіи такой журналъ, я бы сказалъ — вотъ культурная страна. Но онъ погибъ, какъ и все прочее культурное. Издавалъ его сынъ Римскаго-Корсакова, Андрей Николаевичъ.

отчета въ средствахъ, которыми достигнуто то самое, что ихъ восхищаетъ. Такъ ритмичность Ершова проходила мимо ушей и глазъ его товарищей и самихъ режиссеровъ. Ритмическій принципъ былъ имъ вообще чуждъ. Сколько разъ я обращалъ вниманіе сценическихъ руководителей на безпорядокъ, въ которомъ проходятъ на сценѣ процессіи: идутъ, какъ попало, одни скорѣе, другіе тише, одни догоняютъ, другіе отстаютъ, скучиваются. Всегда я наталкивался на отвѣтъ, доказывавшій или непониманіе или сознательную враждебность къ ритмическому принципу.

— Зачѣмъ вы позволяете имъ идти какъ попало? Зачѣмъ не заставляете идти съ музыкой вмѣстѣ, — въ тактъ?

— Какъ можно! Вѣдь это будетъ солдатчина!

— Какая же солдатчина, когда вы будете вмѣстѣ съ музыкой ускорять или замедлять?

— Ахъ нѣтъ, это будетъ некрасиво. Это будетъ смѣшно...

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда человѣкъ понималъ мое намѣреніе, онъ все же выставлялъ такое препятствіе, противъ котораго не приходилось спорить:

— Да, конечно, этотъ безпорядокъ въ движеніи очень печаленъ, но что же подѣлать, когда каждый разъ намъ даютъ другихъ статистовъ: однихъ научишь, а на слѣдующее представленіе приходятъ другіе...

Такъ никогда я не могъ добиться, не говорю уже о ритмически поставленной сценѣ, но хотя бы ритмическаго марша.

Какъ мало чувствуютъ наши режиссеры красоту толпы на сценѣ и сколькаго можно достигнуть путемъ музыкальнаго ея воспитанія, вотъ примѣръ. Я уже давно не былъ директоромъ, но многіе въ театрѣ оказывали мнѣ доброе вниманіе и обращались, когда я приходилъ на представленіе, съ тѣмъ или инымъ вопросомъ. Такъ заговорили мы съ опернымъ режиссеромъ по поводу похоронъ Зигфрида. Подъ удивительную музыку вагнеровскаго марша проходила незвозможная картина разгильдяйства. Хористы шли безъ всякой сосредоточенности: никакой мимики, никакого порядка въ шествіи и никакого настроенія въ шествующихъ. Я сказалъ объ этомъ. Режиссеръ обѣщался приструнить хористовъ. Я воспользовался случаемъ и посовѣтовалъ ему приказать имъ оборотить копья концомъ внизъ, — ненужное оружіе, знакъ печали... На слѣдующій разъ пошелъ посмотрѣть. О ужасъ! Во первыхъ, настроенія никакого, по прежнему безпорядочное слоняніе, шатаніе изъ стороны въ сторону. Но что же они сдѣлали съ копьями? Они дѣйствительно повернули ихъ концами внизъ и шествовали, опираясь на эти посохи, тыча въ землю остріями!...

О музыкальное движеніе! Какъ мало о немъ думаютъ, какъ мало оно извѣстно. Людямъ, объ этихъ вопросахъ не думавшихъ, даже трудно объяснить, да и не хочу изъ этихъ страницъ дѣлать трактатъ о ритмизаціи сценическаго движенія. Но вотъ случай, о которомъ хочу вспомнить. Есть въ «Пророкѣ» Мейербера сцена, въ которой Іоаннъ Лейденскій съ мечомъ въ рукѣ поетъ передъ хоромъ. Хоръ слушаетъ и подъ вліяніемъ его словъ опускается на колѣни. Что было это колѣнопреклоненіе! Какъ это неуклюже было! Всякій занятъ своимъ сосѣдомъ, чтобы не задѣть; опускаются врозь, расправляя фалды кафтановъ, смотрятъ другъ на друга или себѣ подъ ноги, и наконецъ валятся на подогнутое колѣно, какъ куль какой-нибудь. Я сказалъ режиссеру, старику Осипу Осиповичу Палечеку. «Скажите имъ, чтобы не смотрѣли другъ на друга, чтобы вообще ни на что не смотрѣли, кромѣ меча въ рукѣ Ершова; пусть не будутъ заняты своимъ колѣнопреклоненіемъ, пусть колѣно подгибается, а глаза остаются пригвожденными къ мечу Ершова, и, пока мечъ поднимается, пусть такъ же медленно опускаются на колѣно. Да запретите имъ «играть», что бы то ни было изображать, а только уставиться глазами и на подгибающееся колѣно опускаться». Старикъ Палечекъ былъ рутинеръ въ своемъ дѣлѣ, но онъ обладалъ истиннымъ пониманіемъ того, что цѣлесоотвѣтственно, и я никогда не забуду, какъ загорѣлись его глаза, когда я ему это сказалъ. Такъ онъ передалъ, такъ они сдѣлали. Получилась картина гипнотизаціи цѣлаго хора. И, конечно, вся фигура Ершова пріобрѣла такую повелительную силу, какой она никогда бы не имѣла безъ этого хорового повиновенія. Вотъ сторона сценическаго искусства, тайна которой лежитъ въ сочитаніи видимаго движенія съ музыкой, въ ритмизаціи движенія. Все это я всегда ощущалъ, но привелъ въ сознаніе и ясно понялъ только, когда познакомился съ Далькрозомъ и его системой...

Отсутствіе того, что называю музыкальностью движенія, есть первѣйшій недостатокъ всякаго опернаго дѣйствія, все равно, — на русской ли сценѣ или на другой. Принципъ сліянія движенія съ музыкальнымъ рисункомъ не извѣстенъ еще. Отсюда разладъ между слышимымъ и зримымъ, отсюда разрушеніе единства, отсутствіе жизненности. Да не только въ оперѣ, — даже въ балетѣ, въ нашемъ славномъ, стяжавшемъ столько лавровъ русскомъ балетѣ этого сліянія нѣтъ: люди танцуютъ подъ музыку, но они не живутъ въ музыкѣ. Это коренной недостатокъ нашего балетнаго воспитанія. Когда передъ выѣздомъ изъ большевицкой Россіи я провелъ три мѣсяца въ Петербургѣ, меня пригласили давать уроки мимики въ нашемъ балетномъ театральномъ училищѣ.

Я воспользовался случаемъ, чтобы испытать музыкальность дѣтей. Я былъ пораженъ, до какой степени они были заняты исключительно своимъ движеніемъ, а не той музыкой, которая диктовала это движеніе. Музыка мѣнялась, а они продолжали прежнее; они мѣняли движеніе, только потому что узнавали перемѣну; а не потому что чувствовали ее. Они были заняты исключительно собой; до такой степени были гипнотизированы зеркаломъ, что не спускали глазъ съ собственнаго изображенія. Я почувствовалъ, что прикоснулся къ самому корню балетнаго зла. Присутствовавшій на урокѣ директоръ балетной школы Облаковъ подошелъ ко мнѣ послѣ урока: «Я удивляюсь, сказалъ онъ, какъ мало они чувствуютъ музыку». Да, «омузыкаленіе» (можно такъ сказать?) сценическаго движенія — вотъ основная задача въ вопросѣ возрожденія оперы и балета.

На этомъ бы, пожалуй, и кончилъ мои оперныя впечатлѣнія, но нельзя, говоря о русской оперѣ, не вспомнить Эдуарда Францовича Направника. Въ теченіе сорока лѣтъ, а можетъ быть и болѣе, онъ былъ дирижоромъ нашего славнаго оркестра и самой главной строительной силой нашей оперы. При всемъ своемъ педантизмѣ, при всей своей неумолимой сухости онъ былъ вдохновитель и онъ былъ созидатель. При нѣкоторой мелочности характера онъ былъ человѣкъ долга и, строгій къ другимъ, показывалъ примѣръ точнаго отношенія къ обязанностямъ. Въ немъ не было никакой рисовки, онъ дирижировалъ, склонивъ голову на бокъ; рука шла, какъ безвольный метрономъ, но подъ этимъ безразличіемъ была желѣзная воля. На него было скучно смотрѣть, но его было пріятно слушать. Его всегда встрѣчали шумно, когда онъ всходилъ на свой дирижерскій стулъ и эта встрѣча была проникнута не только одобреніемъ, но и благодарностью.

Рядомъ съ нимъ упомяну другого, Феликса Михаиловича Блюменфельда. Это былъ дирижеръ-романтикъ, увлекающійся, огненный. Но при этомъ всегда въ полномъ обладаніи своего сознанія. Ни въ одномъ искусствѣ, какъ въ дирижерскомъ, не проступаетъ такъ ясно сліяніе душевнаго огня и холоднаго разсудка. Никогда не забуду, какъ въ третьемъ актѣ «Валькиріи» онъ остановилъ вторыя скрипки, слишкомъ рано вступившія. Оркестръ ему повиновался не какъ живому метроному, но съ товарищескимъ увлеченіемъ въ успѣхѣ общаго дѣла. Подъ его палочкой въ оркестрѣ всегда былъ трепетъ радости. Онъ былъ не только дирижоръ, но отличный піанистъ и прекрасный преподаватель. Многимъ обязанъ Феликсу Михаиловичу. Хотѣлъ бы знать, гдѣ онъ сейчасъ...

Конечно, многихъ еще могъ бы вспомнить. И сладкозвучнаго баритона Касторскаго, и прелестное меццо-сопрано Мар-

кевичъ, и яркое, блестящее сопрано Черкасскую, отличнаго, серьезнаго баса Шаронова. Но не могу остановиться на всѣхъ. Да я вижу, что даже Шаляпина не назвалъ. О немъ всѣ знаютъ, о немъ много писано и будетъ еще много написано. Его слава всемірная; я же здѣсь хотѣлъ, не задаваясь цѣлями историческими, упомянуть лишь о личномъ моемъ соприкосновеніи съ тѣми, кто такъ или иначе отмѣтили собой извѣстный поворотъ въ русскомъ оперномъ дѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія и во всемірной славѣ Шаляпина есть своя заслуга, такъ сказать, мѣстнаго свойства.

Вопросъ произношенія въ пѣніи былъ у насъ очень больнымъ вопросомъ. Да и посейчасъ еще, кто тѣ пѣвцы, которые на эту сторону своего искусства обращаютъ вниманіе? Учителя пѣнія заботятся о голосѣ, и пѣвцы только голосомъ своимъ заняты. Произношеніе въ загонѣ. Они заняты не словомъ, а лишь гласнымъ звукомъ слова, потому что гласный звукъ есть проводникъ голоса. Согласный же звукъ, который не только не проводникъ звука, а ставитъ ему препятствіе, пѣвцы не любятъ, они, даже можно сказать, ненавидятъ его. Между тѣмъ согласный звукъ это элементъ силы, это есть начало разума въ рѣчи (въ отличіе отъ гласнаго, который есть начало чувства). Вѣдь только наличіе согласнаго звука превращаетъ пѣтый звукъ въ пѣтую рѣчь. Неясность, неточность произношенія у нашихъ пѣвцовъ была убійственная. Когда я поступилъ директоромъ Императорскихъ театровъ, я разослалъ оперным режиссерамъ циркуляръ о болѣе внимательномъ отношеніи къ произношенію пѣвцовъ, объ исправленіи ихъ ошибокъ, при чемъ давалъ списокъ дурныхъ привычекъ (въ особенности отличался неточностями и неряшливостью тогдашній любимецъ, баритонъ Яковлевъ). Мой циркуляръ былъ встрѣченъ съ насмѣшками. Кромѣ старика Суворина («Новое Время»), всѣ прочіе подняли на смѣхъ директора, который «учитъ» артистовъ. Извѣстный драматургъ Потапенко написалъ статью, въ которой говорилъ, что смѣшно директору театровъ обращать вниманіе на такія мелочи. Очевидно, никто не чувствовалъ, не понималъ этого вопроса; очевидно, было рано его затрагивать... Но вотъ явился Шаляпинъ. То чего не могъ добиться директоръ театровъ, того достигъ геніальный товарищъ: артисты вдругъ прозрѣли (если можно сказать «прозрѣли» по отношенію къ слуху). Вдругъ поняли, что вся сила Шаляпинскаго исполненія именно въ томъ, какое мѣсто въ его пѣніи занимаетъ слово, какое мѣсто въ звукѣ занимаетъ согласная. Роль слова въ пѣніи, роль разума въ проявленіи чувства, — вотъ на что Шаляпинъ обратилъ внѣманіе русскихъ пѣвцовъ. Я думаю, что теперь уже не мыслимо то сладкозвучное полосканье, кото-

рымъ прежніе наши пѣвцы тѣшились сами и услаждали другихъ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, Шаляпинъ создалъ школу.

Вотъ что хотѣлъ сказать о моихъ оперныхъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ. Счелъ долгомъ сказать свое слово во слѣдъ этому уходящему музыкальному прошлому. Немногіе уже помнятъ; изъ числа этихъ немногихъ не всякій захочетъ записать, а изъ пишущихъ, можетъ быть, не всякій думаетъ, какъ я... Въ заключеніе скажу, что опера Маріинская представляетъ въ своемъ развитіи большую сумму труда, почтеннаго труда на пользу и во славу русскаго искусства. Передъ искусствомъ міровымъ она имѣетъ заслугу, которую не можетъ раздѣлить съ ней ни одна другая опера: она дала плоть и кровь произведеніямъ Бородина и Римскаго-Корсакова.

IX.

Жакъ-Далькрозъ. Дорны. Вольфъ Дорнъ.

Теперь скажу о томъ, что сыграло такую рѣшающую роль въ моей жизни. въ чемъ позналъ себя и что проложило русло, которымъ пошло внѣшнее проявленіе моего «я». Осенью 1910 года, послѣ одной публичной лекціи въ Петербургѣ подошла ко мнѣ извѣстная пѣвица Терьянъ-Карганова съ вопросомъ, знаю ли я про школу Ритмической Гимнастики Жака Далькроза въ Женевѣ. Я никогда не слышалъ этого имени и, помню, что тутъ же записалъ его себѣ на обшлагѣ. Черезъ нѣсколько дней услышалъ, что есть въ Москвѣ какая-то школа Александровой по системѣ Далькроза. Такъ какъ я намѣревался по пути въ Римъ навѣстить вдову моего покойнаго брата въ Лозаннѣ, то рѣшилъ заѣхать въ Женеву посмотрѣть эту школу. Въ Берлинѣ, гдѣ я остановился и гдѣ, помните, проводилъ вечера въ Cafe des Westens, я сказалъ о моемъ намѣреніи кому-то изъ музыкальныхъ критиковъ, которыхъ тамъ встрѣтилъ.

— Да вѣдь Далькрозъ уже не въ Женевѣ, а въ Дрезденѣ.

— Ну тогда я не поѣду.

— Нѣтъ, непремѣнно поѣзжайте; это для васъ, именно, именно для васъ.

И всѣ сидящіе вокругъ стола повторили: «Это именно для васъ». Какое странное впечатлѣніе произвели на меня эти нѣсколько разъ повторенныя слова: они звучали внѣ меня, но тутъ же, сейчасъ же превратились въ какой-то внутренній голосъ: изъ совѣта они превратились въ необходимость. Мнѣ дали письмо къ какому-то профессору въ Дрезденѣ, — забылъ фамилію, — и я поѣхалъ.

Незнакомый профессоръ повелъ меня въ то казенное зданіе, гдѣ помѣщалась школа Далькроза въ ожиданіи строющагося подъ Дрезденомъ въ мѣстечкѣ Хеллерау института. Я засталъ послѣдній день занятій передъ рождественскимъ роспускомъ. Вся моя жизнь была бы другая, если бы я пріѣхалъ днемъ позже. Der Tag, wenn ich zum ersten mal «ge-

sehen» (Тотъ день, когда я въ первый разъ «увидѣлъ»), писалъ я какъ-то впослѣдствіи другу моему Вольфу Дорну, основателю Хеллераускаго института, и это выраженіе осталось въ обиходѣ нашего душевнаго общенія. Да, это было прозрѣніе, и я хорошо помню этотъ день. Я сидѣлъ на ступеняхъ для публики и смотрѣлъ на упражняющуюся толпу учениковъ и ученицъ въ темно-синихъ трико. Далькрозъ былъ за фортепіано, игралъ и диктовалъ музыкой характеръ движенія; они шли впередъ, отъ оконъ къ печкѣ въ какомъ-то серафическомъ снѣ, и потомъ назадъ, отъ печки къ окнамъ въ скорченныхъ движеніяхъ страха и недовѣрія. Подошелъ ко мнѣ одинъ изъ дѣйствовавшихъ въ толпѣ молодыхъ людей, бѣлокурый, въ пенсне, сталъ мнѣ давать разъясненія ритмическихъ тонкостей; это былъ Гаральдъ Дорнъ. Предполагалъ ли я тогда, что и онъ и братъ его станутъ мнѣ впослѣдствіи самыми близкими друзьями и что эта комната становилась мѣстомъ, откуда пойдетъ для меня новая жизнь?...

Когда кончился урокъ, я подошелъ къ Далькрозу познакомиться и попросилъ разрѣшеніе передать ему на разсмотрѣніе одну мою рукопись, — статью на нѣмецкомъ языкѣ, которую я въ Берлинѣ написалъ для маленькаго театральнаго журнала — «Die Schaubühne» (Сцена); статья была въ діалогической формѣ, о сценическомъ тѣлодвиженіи. Вечеромъ былъ еще урокъ, послѣдній передъ роспускомъ. Передъ урокомъ, проходя въ классъ, Далькрозъ вернулъ мнѣ рукопись со словами: «Не могу вамъ сказать, до какой степени я раздѣляю то, что вы здѣсь говорите». Я увидѣлъ, что многія мѣста рукописи были отмѣчены карандашемъ, а въ двухъ мѣстахъ на поляхъ было написано — Bravo; между прочимъ противъ того мѣста, гдѣ я говорю о Лоэнгринѣ, о значеніи ладони въ этой роли. Второй урокъ былъ болѣе техническаго характера, и здѣсь я понялъ всѣ пріемы этой удивительной системы и все значеніе ея съ точки зрѣнія общевоспитательной, а не только музыкально-эстетической.

На другой день я со старшимъ изъ Дорновъ, Вольфомъ, поѣхалъ въ мѣстечко Хеллерау, гдѣ онъ предполагалъ строить для Далькроза свой, ставшій впослѣдствіи столь знаменитымъ на всю Европу институтъ. Хеллерау маленькій городокъ, первый въ Германіи «городъ-садъ» для рабочихъ, основанъ Дорномъ. Онъ показывалъ мнѣ свой городокъ, домики, садики, мебельную фабрику, школу, въ которой дѣти рабочихъ уже учатся ритмикѣ; показывалъ мѣсто будущаго института. Но все это было второстепенное; а главное было то, что я узналъ его, что я узналъ такого человѣка. Почитаю себя счастливымъ, что зналъ его; въ силу той дружбы, которую онъ мнѣ подарилъ, почитаю себя избраннымъ. Всего три года мы были зна-

комы; въ послѣдніе дни 1910 года мы увидались въ первый разъ, а 4 Февраля 1914 года его не стало. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ я былъ въ Хеллерау, можетъ быть, шесть разъ, да онъ одинъ разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ; но не количествомъ времени измѣряется цѣнность общенія съ человѣкомъ, а количествомъ струнъ, которыя заговорили подъ его прикосновеніемъ, свойствомъ интересовъ имъ пробужденныхъ, глубиною того, чѣмъ онъ къ себѣ привязывалъ, и глубиною того, что онъ даетъ...

Когда я пріѣхалъ въ Римъ, я постарался разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, внести въ нихъ порядокъ и главное, — связать новизну всего воспринятаго съ тѣми внутренними сторонами моего существа, которыя я до того лишь смутно ощущалъ, и которыя, подъ вліяніемъ видѣннаго, пришли въ соприкосновеніе съ сознаніемъ. Я написалъ свою первую статью о Далькрозѣ, о его системѣ и о Хеллерауской школѣ. Послѣ этого я не могъ успокоиться, — я долженъ былъ нести вѣсть о томъ, что узналъ, на родину. Поѣхалъ въ Петербургъ; тамъ читалъ публичныя лекціи, доклады; читалъ въ Москвѣ, въ Саратовѣ, въ Кіевѣ. Вся моя жизнь перекрасилась. Въ то время я уже давно жилъ въ Римѣ, гдѣ у меня была пріятная квартира, я переселился въ Петербургъ въ свои бывшія комнаты въ нашемъ домѣ на Сергіевской, почти пустыя, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ моя обстановка почти сводилась къ постелѣ, умывальнику, фортепіано и пишущей машинѣ.

Объ открытіи Далькроза, о его системѣ воспитанія, о значеніи ритма и пр, я много писалъ въ другихъ своихъ книгахъ. Не буду повторяться, а скажу здѣсь только что, если я посвятилъ этому дѣлу свои помыслы, свое время, свой трудъ, свои средства, когда такія у меня были, то потому, что не считалъ себя въ правѣ этого не сдѣлать. Я понялъ, что ритмическое воспитаніе развиваетъ всего человѣка, всѣ способности его и что оно должно, когда войдетъ въ обиходъ воспитательный, облагодѣтельствовать человѣчество. Когда, послѣ перваго видѣннаго мной дѣтскаго урока въ фабричной школѣ въ Хеллерау, я стоялъ задумчивъ подъ наплывомъ впечатлѣній, Вольфъ Дорнъ, съ которымъ мы тогда видѣлись въ первый разъ, угадалъ мои мысли: «Правда? — сказалъ онъ, — какое будущее человѣчество!» Что касается меня, то не скажу, что то, что я тамъ узналъ, меня переродило, но оно меня родило въ собственныхъ моихъ глазахъ; я осознался себя, я понялъ, что я могу, и я захотѣлъ то, что могу. Успокоеніе того всегдашняго разлада, который царитъ между нашимъ «хочу» и «могу», встрѣча воображенія съ разумомъ; мысль, освѣщающая игру воображенія, и воображеніе, образами своими помогающее мысли; этически-реальное оправданіе эстетически-идеальныхъ

тяготѣній и, наконецъ, окончательное сліяніе всего въ единомъ «прекрасномъ» — вотъ чѣмъ я обязанъ тому, что я познался въ Хеллерау, вотъ чѣмъ я обязанъ Далькрозу и покойному Вольфу Дорну. Обязанъ имъ тѣмъ, что съ 1911 года, значитъ, вотъ уже десять лѣтъ, каждый день моей жизни интереснѣе предъидущаго. Итакъ, не буду говорить о томъ, о чемъ уже много разъ писалъ, а скажу о людяхъ.

Далькрозъ несомнѣнно не такой геніальный человѣкъ, какъ можно было бы ожидать отъ человѣка, сдѣлавшаго геніальное открытіе. Его открытіе больше его самаго. Когда Ньютона спросили, благодаря чему онъ открылъ законъ тяготѣнія, — онъ отвѣтилъ: «Благодаря тому, что я постоянно о немъ думалъ». Далькрозъ, конечно, не думалъ, не предвидѣлъ, что простое мускульное упражненіе, которымъ онъ старался облегчить сознательность музыкальнаго воспріятія, явится такимъ могучимъ орудіемъ въ смыслѣ обще-воспитательномъ. Очень интересное для наблюдателя явленіе, — какъ Далькрозъ идетъ во слѣдъ своего открытія; какъ то, на что его натолкнула интуиція, эмпирически разрастается и какъ вслѣдъ за этимъ растетъ и ширится онъ самъ. Въ каждый изъ моихъ пріѣздовъ въ Хеллерау я имѣлъ случай отмѣчать новый приростъ его личности, какъ изъ музыканта онъ сталъ воспитателемъ, какъ изъ области искусства его интересы перекинулись въ область психологіи. Какъ ясно на развитіи его собственной личности проступала та центральность, которая принадлежитъ ритмическому принципу въ развитіи человѣческихъ способностей. Кто прикоснулся къ ритму, понялъ его значеніе, уразумѣлъ жизненную его цѣнность, не можетъ отграничить себя отъ какого бы то ни было проявленія жизни: ужъ ему ничто человѣческое не чуждо.

Если нѣсколько поражаетъ несоотвѣтствіе его личности съ его открытіемъ, то еще больше поражаетъ несоотвѣтствіе его внѣшности съ его личностью. Нельзя себѣ представить ничего болѣе обыденнаго, ежедневно-простого, не выдающагося. Вотъ ужъ можно сказать, что природа ничѣмъ не отмѣтила своего избранника. Онъ маленькаго роста, немножко сутуловатый, одутловатое лицо съ черной бородкой клиномъ, очень прямымъ лбомъ; маленькіе, въ щелкахъ сидящіе глаза смотрятъ изъ за стеколъ. Онъ простъ и непосредственъ въ обхожденіи. Мы сошлись очень скоро. Удивительно, какъ ритмическое дѣло сближаетъ людей, какъ оно упрощаетъ процессы ознакомленія. Правда, когда я пріѣхалъ къ нимъ во второй разъ, за мной уже была и книга моя «Человѣкъ на сценѣ», да была третья моя статья о системѣ Далькроза и былъ рядъ прочитанныхъ мною лекцій. Встрѣтившись послѣ этого, естественно было почувствовать, что говоримъ на одномъ языкѣ. Во второмъ

же письмѣ ко мнѣ онъ уже писалъ — «Cher Monsieur, cher ami, si vous le permettez» (Милостивый Государь, любезный другъ, если позволите). Я отвѣтилъ: Cher ami, puisque, vous le permettez, cher maitre, puisque vous ne pouvez le défendre» (любезный другъ, разъ Вы это разрѣшаете, любезный учитель, разъ вы не можете этого запретить).

Думаю, что самая прелестная черта этого характера, одинаково пронизывающая и жизнь урокъ Далькроза, это юморъ. Вы не можете себѣ представить, если не видѣли, — что такое урокъ Далькроза. Не знаешь, чѣмъ больше восхищаться, — поэтическимъ ли дыханіемъ, которое пронизываетъ диктуемыя его музыкой картины живого движенія, или блескомъ бесѣды, которою онъ отъ времени до времени прерываетъ свою импровизацію и въ которой такъ удивительно переплетается глубина житейской мудрости съ искрометной шуткой. Его юмору нельзя противустоять. Я видалъ иногда дѣтей на урокѣ, идущихъ въ кругъ подъ такую забавную музыку, что едва-едва могутъ удержаться отъ хохота. Когда онъ вызываетъ въ одиночку, онъ иногда подлаживаетъ музыку подъ характерныя качества того, кого вызываетъ для даннаго упражненія; тогда мы слышимъ музыку неуклюжую, или вострую, или задорную, — это что-то вродѣ музыкальныхъ портретовъ. Однажды помню, во время упражненій отворилась дверь наверху, на хорахъ, и по хорамъ, торопясь, прошелъ какой-то господинъ, не желавшій мѣшать уроку, — прошелъ, отворилъ другую дверь, вышелъ, дверь захлопнулъ. Мы это же услышали въ музыкѣ, которая шутливо сопровождала каждый шагъ проходившаго по хорамъ посѣтителя вплоть до хлопнувшей за нимъ двери. Это было очаровательно, — какъ человѣкъ, самъ того не зная, явился исполнителемъ музыкально-ритмической пантомимы.

Ученики обожаютъ его. Хеллерау не былъ похожъ на себя, когда Далькрозъ былъ въ отлучкѣ. Надо было видѣть восторгъ, когда изъ конца въ конецъ великолѣпнаго зданія проносилась вѣсть: «Жакъ пріѣхалъ!» Да, пріѣхалъ, но намѣренъ недѣлю отдыхать. И вдругъ, на другой день новая вѣсть: «Завтра урокъ Жака». Да, это вы не знаете, что значатъ эти два слова — «урокъ Жака». Лихорадочнымъ ожиданіемъ бьется вся жизнь великолѣпнаго зданія отъ уборныхъ, гдѣ раздѣваются передъ урокомъ и умываются послѣ урока, до большой залы, гдѣ происходятъ большія массовыя упражненія. Какой поднимается гамъ; и сколько въ этомъ гамѣ радости и сколько любви. Да, преданность учителю казалась превыше всякихъ испытаній, но политика и это опрокинула. Когда Далькрозъ подписалъ протестъ противъ разрушенія Реймскаго собора, со всей Германіи, во всѣхъ газетахъ посыпались на него нареканія, и онъ писалъ мнѣ, что отъ бывшихъ учениковъ

онъ получилъ такія письма, на которыя не считалъ людей способными. Теперь все это улеглось и улетучилось, но въ то то время онъ порвалъ контрактъ, покинулъ Хеллерау и уѣхалъ къ себѣ на родину въ Женеву. Въ послѣднемъ письмѣ, которое я получилъ отъ него, во второй годъ войны, онъ писалъ что у него триста человѣкъ учениковъ и что города швейцарскіе спорятъ о томъ, кто выстроитъ ему институтъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Далькроза въ іюнѣ 1914 года, передъ самой войной. Женева приглашала его поставить юбилейныя торжества по случаю столѣтія со дня присоединенія Женевы къ Швейцарскому союзу. Я поѣхалъ нарочно изъ деревни посмотрѣть на этотъ праздникъ, гдѣ въ первый разъ ритмическій принципъ долженъ былъ примѣняться въ масштабѣ народнаго зрѣлища. На берегу озера былъ воздвигнутъ театръ, гдѣ зрители сидѣли покатою горою, а сцена была внизу. Спектакль этотъ, изображавшій аллегорическія картины разныхъ моментовъ швейцарской исторіи, не далъ того, что я отъ него ожидалъ; было среди ритмическихъ картинъ слишкомъ много обыкновенныхъ оперныхъ эпизодовъ. Запомнилось мнѣ нѣсколько моментовъ. Красиво было на ступеняхъ ритмическое движеніе женщинъ, будто тянущихъ веревки колоколовъ. Восхитителенъ былъ, по взрыву патріотическаго подъема, моментъ, когда со сцены сорвались и побѣжали вверхъ въ проходъ между зрителей, знаменосцы со знаменами швейцарскихъ кантоновъ; въ строгомъ единеніи съ музыкой тутъ было полное сліяніе лицедѣйствующихъ и зрителей. Удивительное, невѣроятнѣйшее впечатлѣніе послѣдней картины. Вдругъ задняя стѣна театра раздвигается и открывается сіяющая гладь голубого озера; по ней подходитъ къ сценѣ аллегорическій корабль швейцарскаго союза. Послѣ мрака закрытаго помѣщенія, послѣ искуственнаго свѣта въ стѣнахъ деревяннаго барака — вдругъ эта роскошь природнаго блеска, это богатство красокъ, голубая гладь и по ней паруса, снущіе пароходы, знаменитый женевскій водометъ, надъ голубою гладью висящій бѣлой пылью, дальніе берега и надо всѣмъ снѣжныя альпійскія вершины,—

Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

Въ Хеллераускомъ домикѣ Далькроза я вкусилъ прелести умственнаго, культурнаго гостепріимства. Въ его кабинетѣ на пюпитрѣ фортепіано всегда нотная рукопись и на письменномъ столѣ рукопись статьи или книги; раскрытые портфели, разбросанныя фотографіи, — живая, необманная картина исканій, кипучей пытливости. Въ послѣдній разъ,

что я былъ въ этой комнатѣ, на столѣ лежала рукопись новой книги о движеніи, онъ сказалъ, что хочетъ мнѣ ее посвятить.

Имя Хеллерау есть какъ бы соединительная черта между двухъ именъ — Далькроза и Дорна. Вольфъ Дорнъ, сказалъ я, основатель маленькаго городка, Хеллерау, перваго въ Германіи «города-сада». Увидавъ однажды публичную демонстрацію Далькроза, онъ сразу оцѣнилъ воспитательное значеніе системы. Онъ тутъ же рѣшилъ положить всѣ свои силы на то, чтобы дать новому дѣлу такую почву въ смыслѣ матеріальныхъ условій, на которой оно могло бы развиваться въ безпрепятственномъ ростѣ своего внутренняго содержанія и съ наибольшей возможностью внѣшняго распространенія. Онъ предложилъ Далькрозу переселиться въ Дрезденъ, съ тѣмъ чтобы затѣмъ обосноваться въ мѣстечкѣ Хеллерау, гдѣ онъ брался построить ему по его же указаніямъ зданіе для будущаго Института ритмическаго воспитанія.

Семья Дорновъ, конечно, записала свое имя на скрижали культурной лѣтописи человѣчества. Какая удивительная семья. Ихъ четыре брата. Старшій — сельскій хозяинъ и изобрѣтатель сельскохозяйственныхъ орудій; я видѣлъ его только разъ, на похоронахъ, или, вѣрнѣе, на чествованіи памяти его покойнаго брата Вольфа. Второй братъ Рейнгардтъ, унаслѣдовалъ отъ отца, извѣстнаго въ свое время зоолога, завѣдываніе неаполитанской зоологической станціей. Онъ женился передъ самой войной на Татьянѣ Романовнѣ Живаго; «Таня Живаго» была хорошо извѣстна въ Москвѣ прелестью ума и вдумчивой кротостью своего облика. Третій былъ Вольфъ; о немъ сейчасъ скажу. О четвертомъ, Гаральдѣ, не могу вспомнить безъ умиленія; Веніаминъ семьи, онъ какъ будто собралъ въ себѣ всю нѣжную, хрупкую часть человѣческой природы, и то что въ характерахъ старшихъ братьевъ дало могучіе корни работы и крѣпкіе ростки творческой дѣятельности, то у него пошло въ цвѣтъ. Милый Гаральдъ остался теперь одинъ передъ трудной задачей продолжать хеллерауское дѣло послѣ потрясеній войны и отъѣзда Далькроза... Несмотря на нѣжность своей природы, онъ и въ практикѣ житейской разбирается, и глубокія душевныя потрясенія испыталъ и мужественно перенесъ. Онъ женился на вдовѣ своего брата; братъ зналъ о ихъ чувствахъ. Глубокія потрясенія и высокія проявленія трехъ рѣдкихъ по благородству характеровъ, въ которыхъ осложненія душевныя ни на волосъ не сдвинули прочности взаимнаго уваженія.

Надъ этой семьей возвышается образъ покойной матери, старой г-жи Дорнъ. Прелестная старая дама. Она была русская, урожденная Барановская; ея отецъ, генералъ Баранов-

скій, былъ старшимъ изъ правовѣдовъ; на правовѣдскихъ праздникахъ всегда сидѣлъ рядомъ съ Принцемъ Ольденбургскимъ. Я видѣлъ и его, старичка, дѣдушку всѣхъ моихъ Дорновъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Хеллерау къ своей дочери. Черезъ него проникло въ характеры этихъ суровыхъ мекленбуржцевъ много славянской гибкости. Они въ дѣтствѣ проводили лѣто въ материнскомъ имѣніи Могилевской губерніи, — Ведрянки называлось оно; а зимой жили въ Неаполѣ. Такимъ образомъ, эти нѣмцы по рожденію совмѣщали много такого, что чуждо обычному представителю ихъ расы; они понимали по русски, а по итальянски не только говорили, какъ итальянцы, но могли говорить, какъ неаполитанскіе извощики. У старой г-жи Дорнъ былъ домикъ рядомъ съ домикомъ ея сына Вольфа. Какъ прелестны эти домики на полугорѣ, на высокомъ фундаментѣ, съ высокимъ балкономъ, бѣлыми рѣшетками; благоухающія пестрыя грозди цвѣтовъ и плодоносныя гряды овощей, и сзади вплотную къ дому подходящія сосновыя рощи... Я и самъ чуть не пріобрѣлъ себѣ тамъ домикъ; война помѣшала... Сколько вечеровъ интересныхъ, какія встрѣчи въ этихъ двухъ домикахъ. Поль Клодель, авторъ «Благовѣщенья»; англійскій драматургъ Бернардъ Шоу; Композиторъ Максъ Шилингсъ; музыкальный критикъ Кречмаръ; извѣстный художникъ сцены Аппіа. Всѣ они стекались на празднества, — представленія и демонстраціи, — которыя Хеллераускій Институтъ устраивалъ разъ въ годъ... Я хочу въ слѣдующей главѣ дать описаніе этихъ праздниковъ. Все это ушло и не повторится и стоитъ того, чтобы въ памяти закрѣпить.

Старая г-жа Дорнъ была символомъ; въ ней сосредоточивалась Хеллерауская мысль. Когда, послѣ представленія Глюковскаго «Орфея» она встала съ мѣста и подошла къ исполнительницѣ главной роли, г-жѣ Лейснеръ, чтобы возложить на нее лавровый вѣнокъ, ясно было, что никто не могъ это сдѣлать кромѣ нея, — въ ней былъ весь Хеллерау; и когда сіяющая молодая женщина въ греческомъ хитонѣ поцѣловалась съ благообразной пожилой дамой въ длинномъ черномъ платьѣ съ черной повязкой спускающейся съ головы до середины спины, можно сказать, весь Хеллерау перецѣловался.

Въ послѣдній разъ я ее видѣлъ въ Петербургѣ; она во время войны застряла въ Россіи; я былъ у нея; на Каменноостровскомъ проспектѣ въ первомъ угловомъ домѣ направо, она жила у своей двоюродной сестры Барановской.

У обѣихъ дамъ сыновья были на войнѣ, у одной съ германской, у другой съ русской стороны; обѣ читали вмѣстѣ телеграммы, обѣ сидѣли надъ картами, и страхъ передъ по-

раженіемъ, и радости побѣды исчезали между сестрами, поглощались материнскимъ горемъ. Здѣсь я ей повѣдалъ съ грустью, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ я сжегъ всѣ письма ея сына Вольфа. Въ то время царило у насъ гоненіе на то, что именовалось «нѣмецкое засилье»; люди преслѣдовались за нѣмецкую фамилію, даже отказывались отъ отцовъ своихъ, мѣняли отчество; ужасное повѣтріе, какъ все у насъ, — безъ корней въ жизни, все напоказъ, все, какъ говорятъ французы, — «для галлереи»; лишній разъ въ этомъ сказалось, что нѣтъ у насъ политическихъ убѣжденій, а только политическія настроенія. Долой, долой отвратительныя воспоминанія суррогатнаго патріотизма!... Такъ вотъ, были у меня письма Вольфа; въ нихъ онъ говорилъ между прочимъ о трудностяхъ матеріальныхъ воздвигнутаго имъ института; и мнѣ было непріятно, чтобы когда-нибудь объ этомъ узнали и могли бы вывести невѣрныя заключенія и набросить тѣнь какой-то заинтересованности на то, что считаю въ числѣ самыхъ драгоцѣнныхъ моихъ человѣческихъ отношеній. Я сжегъ эти письма, несмотря на то, что я былъ бы гордъ, если бы соотечественники мои знали, какъ относился ко мнѣ такой человѣкъ, какъ Вольфъ Дорнъ.

Большой, грузный, что называется, дѣтина. Большое круглое лицо, огромная нижняя челюсть, плоскія прижатыя, какъ у негра, губы и дѣтскіе глаза, которые, если-бы сравнить ихъ съ рѣчью, то сказалъ бы — никогда не умолкаютъ. Онъ чуть-чуть заикался, и это придавало его рѣчи характеръ неподготовленности даже тогда, когда онъ читалъ какой-нибудь докладъ въ собраніи. И какъ онъ говорилъ! Передъ амфитеатромъ слушателей, какъ-будто въ своей комнатѣ передъ двумя человѣками. Словомъ его создалось то великолѣпное, что именуется Хеллерау. Среди своихъ удивительныхъ братьевъ онъ былъ, конечно, самый удивительный. Они всѣ въ послѣдней степени, что называется, цивилизованные люди, то есть все понимающіе, всякое проявленіе духовной жизни способные оцѣнить, но въ Вольфѣ все то, что въ нихъ жило въ видѣ оцѣнки и признанія, то въ немъ жило, какъ дѣятельный, горячій интересъ. Изъ всѣхъ людей, какихъ я зналъ, это былъ, можетъ быть, тотъ, про кого меньше всего можно было сказать, что онъ спеціалистъ. Я думаю, оттого онъ и зажегся дѣломъ Далькроза, что оно воспитываетъ центральность человѣческую, но не преднамѣчаетъ спеціальности.

Да, Вольфъ Дорнъ былъ именно тѣмъ, что нужно было для сильной, но молодой идеи Далькроза, — человѣкъ огромной практической воли и беззавѣтнаго идеализма, въ которомъ съ одинаковой силой горѣли и идея, и дѣло. Онъ представлялъ сочетаніе почти несочетающихся качествъ. На

чествованіи его памяти 11 февраля 1914 года, въ большомъ Хеллераускомъ залѣ, говорили представители городского управленія, воспитатели, художники, писатели, политическіе дѣятели, — всѣ говорили о немъ, какъ о своемъ. Я попалъ на это чествованіе: судьба такъ устроила, что я попалъ. Я былъ во Флоренціи; я узналъ изъ газеты, что 4 февраля въ Швейцаріи, близъ Тріента, отъ паденія во время прогулки на лыжахъ, скончался докторъ Вольфъ Дорнъ, основатель города-сада Хеллерау и Хеллераускаго Института Жакъ-Далькроза. Я выѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Оставивъ вещи на вокзалѣ въ Дрезденѣ, сажусь на трамвай; пріѣзжаю, — кто-то, уже не помню, кричитъ — «ступайте въ Институтъ, какъ разъ поспѣете». Вхожу и останавливаюсь въ дверяхъ залы. Весь амфитеатръ занятъ людьми, а внизу крестъ и вокругъ креста масса вѣнковъ. Я увидалъ въ первомъ ряду мать, вдову и братьевъ; и они меня увидали — они знали, что я не могу не быть. И здѣсь, въ этой самой залѣ, гдѣ онъ, сіяющій, радостный, встрѣчалъ гостей, стекавшихся на «Орфея», гдѣ столько разъ раздавалось его живое слово, обаятельное и освѣщающее любимую систему, какъ никогда вставала ярко его мощная фигура. Динамизмъ и мечта сочетались въ его природѣ, сознательность и увлеченіе сочетались въ его дѣятельности. И огонь Дорновской мечты не менѣе согрѣвалъ и одухотворялъ весь Хеллераускій организмъ, чѣмъ неисчерпаемое разнообразіе Далькрозовской фантазіи.

Я имѣлъ случай оцѣнить всѣ стороны его характера, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Петербургъ по очень непріятному для насъ дѣлу. Петербургскіе курсы ритмики открылъ ужаснѣйшій человѣкъ, нѣкій докторъ Головинскій, заключивъ предварительно договоръ съ Хеллерауской администраціей. Черезъ мѣсяца два, осенью 1912 года, стало ясно, что мы отдали любимое дѣло въ руки авантюриста, отъявленнаго мошенника; Вольфъ пріѣхалъ, чтобы вырвать дѣло изъ его рукъ. Здѣсь я изумился энергіи, съ какой эта честность преслѣдовала свою цѣль. Не помню подробностей, да и припоминать не стоитъ, но хорошо помню, какъ послѣ одного изъ разговоровъ съ отвратительнымъ, лживымъ проходимцемъ, который бросилъ въ лицо ему какое-то гнусное обвиненіе, помню, какъ вышедшій на улицу, со слезами негодованія въ глазахъ, Дорнъ сказалъ: «Was man alles durchleben muß, wenn man einer Idee dient» (Чего только не переживаешь, когда служишь идеѣ).

Я не встрѣчалъ человѣка, который бы представлялъ болѣе интересное сочетаніе вулканичности стремленій, мягкости въ ихъ проявленіи и гармоніи въ ихъ сліяніи. И это сочетаніе сказывалось и въ его работѣ, и въ его отношеніи къ

людямъ. Въ томъ случаѣ о которомъ говорю, который привелъ его тогда въ Петербургъ, онъ проявился весь, во всей полнотѣ своей природы. Впрочемъ, бываютъ и маленькіе случаи, и одно слово, когда вдругъ раскрывается весь человѣкъ, до дна. Послѣ одного изъ представленій это было; толпа разъѣхалась и разошлась, опустѣлъ большой дворъ Хеллераускаго Института; потухли огни. Величественно проступала въ ночи суровая простота прекраснаго зданія, и на своихъ четырехугольныхъ колоннахъ подымала высокій фронтонъ, на звѣздномъ небѣ. Всѣ ушли; мы съ Вольфомъ были послѣдніе. Не доходя воротъ, мы немного замедлили шагъ, оглянулись; мы остановились и молча смотрѣли. Вдругъ онъ сказалъ: «Ist doch schön unser Institut» (Вѣдь, хорошъ нашъ Институтъ). И вотъ тутъ я почувствовалъ, что никто, ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не могъ бы сказать эти слова такъ, какъ онъ ихъ сказалъ, съ такою силой убѣжденья, съ такою глубиной восхищенья, съ такою полнотой удовлетворенія; никто бы не могъ сказать, — никто бы не былъ въ состояніи и никто бы не имѣлъ права такъ сказать. И въ звукѣ этихъ словъ вылился весь Вольфъ Дорнъ, — упорный борецъ, идеальный мечтатель. И никогда мечта не блекла отъ трудностей борьбы и борьба не унывала предъ смѣлостью мечты. И на томъ трудномъ пути, который идетъ отъ идеи къ осуществленію, среди борьбы съ обстоятельствами и людьми, онъ оставался сіяющій и вѣрящій. Отъ него всего, и отъ личности его, и отъ дѣятельности, вѣяло чистотою тѣхъ горныхъ высотъ, въ которыхъ онъ нашелъ свой преждевременный конецъ.

Тѣло Вольфа Дорна было предано огню въ одной изъ швейцарскихъ крематорій.

X.

Хеллерау.

Когда я въ первый разъ пріѣхалъ къ нимъ, это было наканунѣ рождественскаго роспуска. Когда я пріѣхалъ во второй разъ, это было наканунѣ закладки Хеллераусскаго Института. Право, какой-то перстъ судьбы сказывался въ этихъ случайныхъ совпаденіяхъ. 22 Апрѣля 1911 года состоялась закладка прекраснаго зданія по плану архитектора Тессинова. Первые три удара молотка были даны самымъ юнымъ ученикомъ школы, пятилѣтнимъ мальчикомъ. Присутствовавшіе ученики представляли собою четырнадцать народностей. Послѣ этого было угощенье въ лѣсномъ ресторанчикѣ, Waldschänke, было гуляніе по лѣсу, игры, все, какъ водится... Когда я пріѣхалъ осенью, уже огромное зданіе было готово и уроки въ немъ шли правильнымъ ходомъ.

Какъ я любилъ пріѣзды въ Хеллерау, въ особенности когда были школьныя празднества. На станціи всегда кто-нибудь ждетъ, иногда два, три человѣка, — Дорны, или Зальцманъ, нашъ соотечественникъ, устроившій свѣтовую часть хеллераускаго зала, или изъ преподавателей кто-нибудь. Съ пишущей машинкой въ одной рукѣ, съ кожанымъ ящикомъ, въ которомъ книги и принадлежности, въ другой, высаживаюсь. Встрѣчаютъ послѣднія извѣстія Хеллераусской хроники: какъ прошла посѣдняя репетиція, какіе виды на успѣхъ, кто пріѣзжаетъ изъ Франціи, изъ Англіи, что говоритъ берлинская, дрезденская, мюнхенская критика. Жизнь бьетъ ключемъ во всѣхъ этихъ рѣчахъ, какое-то чувство рабочей пренасыщенности наполняетъ насъ, и радостно съ полъ-слова понимать другъ друга, въ то время какъ мчитъ насъ хеллераускій шоферъ Беме мимо фабрикъ, мимо полей. Сосновымъ лѣсомъ, мимо ресторанчика, мимо домиковъ, гдѣ живутъ учителя, ученики, мимо палисадниковъ, мимо дорновскихъ домовъ, мимо пруда, гдѣ дѣти купаются, вьется красивая дорога, и мы въѣзжаемъ на холмъ. Мачты съ флагами окаймляютъ путь до въѣзда во дворъ; гордо высится фронтонъ прекраснаго зданія, и съ гладкаго трехугольника его, какъ съ циклопическаго

лба, вперяется вдаль на большую дорогу «хеллераускоe око», — мистическій кругъ, раздѣленный на два обнимающихъ другъ друга бѣлый и черный завитка...

Только тѣ, кто бывалъ въ Байрейтѣ, могутъ составить себѣ понятіе о томъ настроеніи, которое царитъ въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ въ теченіе тѣхъ двухъ недѣль, когда тамъ происходятъ «Школьныя Празднества». Деревенька, вся жизнь которой протекала въ тихихъ школьныхъ интересахъ, превращается въ живой «европейскій» центръ, въ которомъ бьется пульсъ художественно-воспитательныхъ стремленій нашего времени. Музыканты, музыкальные критики, театральные дѣятели, режиссеры, драматурги, воспитатели, врачи, кого только нѣтъ здѣсь. Всѣ, кто не «довольствуются», всѣ, кто «ищутъ», съ трепетнымъ нетерпѣніемъ раскрываютъ программу «празднествъ», ждутъ начала «урока», либо раскрытія того простого каленкороваго занавѣса, за которымъ должны развернуться картины глюковскаго «Орфея». Высокій амфитеатръ биткомъ набитъ, залъ полонъ ожиданія.

Хеллераускій залъ нѣчто совсѣмъ особенное, единственное. Странно даже употреблять слово «залъ» въ примѣненіи къ этому «пространству», окруженному бѣлыми плоскостями: сверху и съ боковъ бѣлое полотно, больше ничего; оно пропитано воскомъ, и за нимъ невидимыя электрическія лампочки; когда онѣ зажигаются, — а зажигаются онѣ съ удивительнымъ соблюденіемъ постепенности, вы точно погружаетесь въ свѣтовую ванну. Никогда съ большей наглядностью не ощутилъ я, какой ложный пріемъ — показывать источникъ свѣта. — Свѣтъ! Удивительная стихія, безъ которой нельзя видѣть и которую видѣть нельзя. Свѣтовое устройство въ хеллераускомъ «театрѣ» есть дѣло рукъ нашего соотечественника Зальцмана. Вся прелесть заключается въ томъ, что вы не видите источника свѣта, вы видите свѣтлость, если можно такъ выразиться; это не есть освѣщенный залъ, это свѣтящійся залъ. Участію свѣта въ хеллераускихъ музыкальныхъ картинахъ принадлежитъ огромная доля въ удивительной совокупности, съ которой онѣ дѣйствовали на зрителя. Всего четыре элемента содѣйствовали этой совокупности впечатлѣній: музыка, человѣкъ, движенье, свѣтъ. Обстановки никакой, — нельзя назвать обстановкой занавѣсъ и ступени. И вотъ, въ этой простотѣ средствъ, въ этомъ отреченіи вся сила того, что дали новаго хеллераусскія представленія. Впрочемъ, какъ неподходяще это слово — «представленіе», все равно какъ «залъ», «сцена», «актеръ», все это такъ шаблонно, такъ истрепано въ сравненіи съ той свѣжестью.

Помню, какъ нѣкоторые люди совсѣмъ не могли, не хотѣли примириться съ этой стороной; пріѣзжали какъ на «спектакль».

— «Помилуйте ,какой ужасный оркестръ»! — «Ну, какъ не стыдно, ни одной настоящей танцовщицы!» — «Ну, что такое, — опера и безъ костюмовъ!» Люди приходили туда со старыми ожиданіями — проволокъ, полетовъ, бенгальскихъ огней; были такіе, что и послѣ представленія не могли сдвинуться съ обычной точки зрѣнія, и одна наша соотечественница спросила русскую ученицу: «Сколько Далькрозъ платитъ вамъ за выходъ?» Бываютъ вопросы,способные раскрывать пропасти между людьми..... Кажется, самое трудное для обывателя — стать на новую точку зрѣнія. Нужно извѣстнаго рода мужество, нужна извѣстная степень отвлеченія для того, чтобы умѣть видѣть новое и видѣть въ новомъ нѣчто большее, чѣмъ отсутствіе стараго. Обыватель любитъ насиженное мѣсто, — когда его отведутъ отъ этого мѣста и покажутъ новый горизонтъ, онъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть впередъ, оборачивается и спрашиваетъ: — «А гдѣ мое насиженное мѣсто?» На художественную сторону хеллераусскихъ спектаклей надо смотрѣть съ совсѣмъ особаго угла зрѣнія. Далькрозъ какъ будто говоритъ: «У меня оркестра нѣтъ, — такъ собранъ кой-какой; солистовъ нѣтъ, хоръ мой тоже не «хоръ», — это ученики, проходившіе сольфеджо, — не хористы, но зато музыканты; да, — музыканты, такіе музыканты, что ни одинъ «солистъ» съ ними не сравняется; сцены у меня нѣтъ, декорацій не хочу, — я хочу музыку и человѣка; чтобы дать ему всѣ средства внѣшней выразительности, я поставлю человѣка на лѣстинцахъ, а въ спутники его движеніямъ и въ спутники музыкѣ, во всѣми ея оттѣнками усиленія и ослабленія, я дамъ свѣтъ, тоже съ оттѣнками усиленія и ослабленія. Вотъ мои средства. Мало? А что же вы, у которыхъ солисты, и солистки, и балерины, и хористы? Дайте больше, коли у васъ такъ много». Вотъ что дѣлаетъ Далькрозъ; вотъ смыслъ этихъ примѣровъ примѣненія ритмическаго принципа къ художественнымъ задачамъ. Кто же бы это дѣлалъ, если бы не онъ? Кто даетъ и на какой сценѣ сочетанье пѣнья съ ритмической пластикой. Только онъ можетъ показать, только онъ можетъ раскрыть глаза: «Придите, посмотрите», говоритъ онъ. И надо было идти и смотрѣть, потому что ни на одной сценѣ того нельзя видѣть, что можно было видѣть тамъ.

Разскажу про постановку «Орфея», но сперва опишу нѣчто, что не могу сравнить ни съ чѣмъ прежде видѣннымъ. Нѣсколько группъ стоятъ отдѣльными кружками на колѣняхъ, головами вмѣстѣ; подъ музыку одна изъ группъ со слабымъ пѣніемъ, держась за руки, подымается; вытягиваются тѣла, вытягиваются руки кверху, и въ это время пѣніе громче. Вся группа въ послѣдней степени напряженія, съ поднятыми руками, въ поясницѣ перегибается назадъ, — какъ корзина рас-

крывается кругъ гибкихъ тѣлъ. Въ моментъ наивысшаго напряженія аккордъ мѣняется и подъ диминуэндо новаго аккорда совершается обратное движеніе, корзина смыкается, колѣни подгибаются, спины закругляются, — опять всѣ на колѣняхъ. Цвѣтокъ людской поднялся, раскрылся, вздохнулъ, закрылся. Такихъ «цвѣтковъ» пять; они раскрываются по очереди, — по очереди «дышатъ» музыкальные «цвѣты», понемногу аккорды сближаются, «цвѣты» поднимаются чаще, конечный аккордъ одного служитъ начальнымъ для другого, и, наконецъ, всѣ пять «цвѣтовъ» поднимаются одновременно и одновременно раскрываются въ одномъ общемъ аккордѣ, въ одномъ общемъ гимнѣ жизни и свѣту. Свѣту, потому что свѣтъ все время сопутствуетъ наростаніямъ и ослабленіямъ звука. И если восхитительно это сліяніе свѣтового динамизма съ динамизмомъ музыкальнымъ, то ни съ чѣмъ не сравнимо его сліяніе съ наростаніями и паденіями душевныхъ настроеній: картины гнета, страданія, ужаса, уходящія въ мракъ, и картины радости, восторга, торжества, расцвѣтающія въ свѣтозарности... Изъ всего, что я видѣлъ на хеллераускихъ торжествахъ, хочу здѣсь описать представленіе глюковскаго «Орфея», какъ онъ былъ поставленъ тамъ въ августѣ 1913 года. Выписываю свое-же описаніе изъ моей книги «Отклики Театра».

Кому случалось присутствовать на урокахъ Ритмической Гимнастики, тотъ, конечно, не можетъ представить себѣ, какой результатъ даетъ примѣненіе Далькрозовскаго принципа къ сценическому искусству. « Что же будутъ по сценѣ ходить и отбивать — разъ, два, три, четыре?» Такъ спрашиваетъ обычный скептикъ. Нужно большое проникновеніе въ сокрытую сторону явленій, чтобы угадать и предвидѣть всѣ художественныя возможности, которыя заложены въ этихъ на видъ столь однообразныхъ и иногда сухихъ упражненіяхъ. Не всякому дано умѣніе предвидѣть, и тѣмъ болѣе цѣнно, что Хеллерау далъ намъ возможность увидѣть: Далькрозовская постановка Глюковскаго «Орфея» на минувшихъ празднествахъ — это художественный урокъ, открывающій путь къ новымъ формамъ сценическаго искусства. Да не только къ новымъ, — къ единственной формѣ опернаго искусства.

Очень трудно дать понятіе объ особенностяхъ этого удивительнаго представленія. Сказать, что есть моменты, въ которыхъ съ наибольшей яркостью выразился принципъ новаго отношенія къ опернымъ задачамъ, нельзя. Весь спектакль проникнутъ, насквозь проникнутъ совершенно особымъ, ни на одной сценѣ еще не проявившимся духомъ. Въ чемъ онъ состоитъ? Прежде всего, конечно, въ томъ, что все это ученики одного учителя, единаго руководителя, что каждый изъ нихъ чувствуетъ себя не только участникомъ, но и творцомъ, созиз-

дателемъ новаго, — для всѣхъ другихъ новаго, — а для себя дорогого начинанія. Это, понятно, та сторона дѣла, которая наименѣе поддается подражанію и воспроизведенію. Это непосредственная эманація Жака, это результатъ того духа «піонерства», который оживляетъ каждаго участника, до послѣдняго (включая и плотника, и освѣтителя, и даже сторожей, во время денной уборки насвистывающихъ дорогіе всѣмъ мотивы). Все это нельзя ни пріобрѣсти, ни воспроизвести; этому даже нельзя завидовать, это какъ счастіе семьи, — передъ этимъ можно только благоговѣть; какъ звѣзды, — имъ можно только радоваться:

Die Sterne die begehrt man nicht, —
Man freut sich ihrer Pracht

Оставимъ же эту сторону вопроса, — недосягаемую, не поддающуюся подражанію. Вѣдь ни одинъ директоръ театра не будетъ Жакомъ, ну хотя бы по той простой причинѣ, что открытіе сдѣлать можно только одинъ разъ. Вторичныхъ открытій не бываетъ. Но можно и должно открытіями другого человѣка умѣть пользоваться.

Говорить о самомъ открытіи Далькроза на этихъ страницахъ не приходится. Всякій интересующійся вопросомъ знаетъ, что такое въ своемъ практическомъ осуществленіи — принципъ подчиненія движенія музыкѣ и передача звуковыхъ длительностей въ длительностяхъ пластическаго движенія. Посмотримъ же, въ чемъ то новое, что дало намъ это удивительное представленіе, въ чемъ урокъ Далькрозовскаго «Орфея».

Болѣе всего удивительно во всемъ этомъ то, что самое сильное изъ всѣхъ оперно-драматическихъ впечатлѣній когда либо испытанныхъ, дано вамъ не пѣвцами-артистами, а учениками, и даже учениками, которые учились не пѣнію, а лишь сольфеджо. Какъ выразился одинъ французскій критикъ, - то что мы тамъ видѣли, такъ же отдалено отъ «театра» въ обычномъ смыслѣ слова, «какъ правда отъ лжи». Это сильно сказано, это можетъ быть обидно многимъ; но чѣмъ обижаться, лучше подумайте, что бы это было, если бы вмѣсто учениковъ были настоящіе артисты съ настоящими голосами. Только вотъ, оказались ли бы настоящіе артисты способны на такое полное забвеніе, не скажу — себя, не скажу даже — публики, а на такое полное забвеніе того, что это представленіе. Все это была истинная жизнь, жизнь въ музыкѣ и съ музыкой; но чѣмъ это достигнуто? Согласіемъ движенія со звукомъ; никакими распаленіями своего «чувства», никакими потугами къ переживанію, а истиннымъ переживаніемъ, являющимся неизбѣжнымъ, естественнымъ слѣдствіемъ совпаденія со звукомъ. Отсутствіе въ каждомъ отдѣльномъ исполнителѣ всякого старанія о красотѣ, отсутствіе всякой заботы о впечатлѣ-

ніи, вотъ чѣмъ достигнуты и красота и впечатлѣніе. Въ теченіе трехъ дѣйствій ни разу вы не имѣете такого ощущенія, что передъ вами «изображаютъ»: передъ вами настоящая жизнь, превращенная въ музыку, и велииколѣпная музыка, ставшая жизнью. И не можетъ быть иначе, когда всѣ до послѣдняго исполнителя насквозь проникнуты музыкой; они обладаютъ музыкой, какъ бы сказать, заразъ и физически и психически, — музыка такой же принципъ жизни для нихъ, какъ движеніе, какъ дыханіе. Впечатлѣніе внутренней красоты, отъ этого исходящее, неописуемо. Но главное впечатлѣніе естественности; вы забываете, что это искусство: самое условное (конвенціональное) изъ всѣхъ искусствъ, опера, то, въ которое труднѣе всего «повѣрить», превращено въ нѣчто такое простое, естественное, что оно кажется не твореніемъ людей, а самою жизнью, но только такою жизнью, какую мы еще не видѣли, возможности которой не предполагали, и которая однако близка намъ, какъ прекрасное цвѣтеніе нашей же природы, нашего же собственнаго «Я».

Чѣмъ же достигается такое претвореніе жизни въ искусство и въ свою очередь искусства въ жизнь? Въ чемъ тайна? Только въ ритмѣ. Ритмичность движеній, т. е. совпаденіе ихъ со звукомъ, — то единое, всепроникающее, что связываетъ всѣхъ участниковъ въ одно общее. Возьмите сцену второго дѣйствія, — сошествіе Орфея въ преисподнюю. Чѣмъ можетъ быть достигнута та «психологичность», которая отличаетъ эту картину? Какъ осуществить ту сліянность хора и Орфея, въ которой весь смыслъ сцены? Какъ достигнуть того, чтобы хоръ дѣйствительно былъ «реакціей» на мольбу Орфея? Какимъ инымъ средствомъ, какъ только путемъ ритмическаго совпаденія движеній хора съ пѣніемъ Орфея? Орфей поетъ, онъ умоляетъ пропустить его. Адскія силы отвѣчаютъ яростными возгласами, и ничто не сравнимо съ потрясающею силой этихъ повторяющился «Nein». Но, вѣдь, души человѣческія, въ аду томящіяся, тоже слышатъ Орфеево пѣніе. Что же онѣ, будутъ безучастны? Съ перваго момента появленія Орфея, даже еще до его входа, уже при первыхъ лучахъ свѣта, возвѣщающаго о его приближеніи, томящіяся души приходятъ въ движеніе, устанавливающее внѣшнее выраженіе того сочувствія, которое сближаетъ ихъ съ появляющимся на порогѣ ада «смертнымъ». И поразительна растущая въ единеніи сила добра, которая мало по малу подчиняетъ злыя силы преисподней. Непередаваемое впѣчатлѣніе отъ движенія рукъ, которымъ хоръ, внимающій скорбной жалобѣ Орфея, сопровождаетъ «ритурнель» его аріи; все въ этомъ движеніи: сочувствіе, увѣреніе, обѣщаніе, благожеланіе, напутствіе, все, что можетъ пробудить пѣснь тоскущей любви въ груди тѣхъ, кто въ мукахъ ада утончилъ

свою способность къ состраданію. Вы ясно понимаете, когда Орфей поетъ и весь адъ подъ звуки его пѣсни и въ согласіи съ его пѣснью изъ яростно бунтующаго понемногу превращается въ благожелательно прощающій, вы ясно понимаете, что музыка на сценѣ — не для насъ, зрителей-слушателей, а для тѣхъ, кто на сценѣ, — они ее слышатъ, и они на нее воздѣйствуютъ, и воздѣйствуютъ раньше насъ и не такъ какъ мы, потому что мы музыку слушаемъ, а они въ музыкѣ живутъ. И могу васъ увѣрить, что, когда во мракѣ бунтовавшій адъ, при окончательномъ нисшествіи Орфея, озаряется свѣтомъ, демоны и фуріи, вмѣстѣ со «скорбными душами», на колѣняхъ тихо и плавно напутствуютъ героя, — «того, что насъ побѣдилъ», — могу васъ увѣрить, что вы забываете, что слушали музыку, смотрѣли представленіе. Вы видѣли кусокъ жизни, превращенный въ нѣкое священнодѣйствіе, — тайны бытія и смерти, любви и ненависти, мольбы и прощенія вставали передъ вами, казалось бы, въ далекихъ, чуждыхъ, а на самомъ дѣлѣ въ близкихъ, родственныхъ образахъ. И только когда Орфей, ищущій, жаждущій, уже прошелъ дальше со сцены, и когда надъ колѣнопреклоненнымъ адомъ опять разстилается мракъ и, наконецъ, подъ трепетное умираніе скрипокъ смыкается коленкоровый занавѣсъ, тогда только вы отдаете себѣ отчетъ, что то, что вы видѣли, была не подлинная жизнь, а плодъ человѣческой мысли, плодъ человѣческихъ предначертаній. И все это достигнуто исключительно однимъ ритмическимъ совпаденіемъ движенія съ музыкой. Вы слышали пѣніе Орфея и вы видѣли, по движенію хора, что онъ слышитъ и слушаетъ музыку Орфея; и то, что вы видѣли, и то, что вы слышали, было одно и то же, сливалось въ одно зрительно-слуховое впечатлѣніе, въ которомъ участвовала совокупность всѣхъ вашихъ воспринимательныхъ способностей.

Если кто-нибудь усомнится, что все описанное есть результатъ только одной ритмичности, то да будетъ позволено обратить вниманіе на то, что, за исключеніемъ этой ритмичности, во всемъ спектаклѣ и не было другихъ средствъ воздѣйствія. Я уже указалъ, что весь хоръ состоялъ изъ учениковъ, даже не учившихся спеціально пѣнію. Только роли Орфея и Эвридики были поручены настоящимъ пѣвцамъ (о роли Амура скажемъ, когда будемъ говорить о роли свѣта въ спектаклѣ). Нѣтъ, прежде всего поражаетъ въ этомъ представленіи простота, даже бѣдность внѣшнихъ средствъ. Обстановки — никакой: сѣрый и синій коленкоръ, въ видѣ занавѣсей на разныхъ планахъ опускающихся надъ лѣстницами, ступенями и площадками, обтянутыми темно-синимъ сукномъ. Костюмы? Только нѣсколько «плакальщицъ» въ первомъ и послѣднемъ дѣйствіи, одѣтыя въ древне-греческіе хитоны, да самъ Орфей,

въ хитонѣ и съ повязкой на головѣ, а всѣ остальные въ обычныхъ гимнастическихъ костюмахъ, тѣхъ самыхъ, въ которыхъ являются на уроки ритмической гимнастики, — фуріи и демоны въ трико, «скорбныя души» — въ халатахъ. И какъ это становится безразлично, во что «актеры» одѣты, когда на сценѣ люди, искренне чувствующіе, съ музыкой сліянные. И какъ жалки становятся обстановочныя потуги всѣхъ европейскихъ сценъ передъ этимъ величественнымъ въ своей простотѣ отказомъ отъ эффектовъ. Декораціи (если можно примѣнить это слово) нашего соотечественника Зальцмана совершенно упраздняютъ живопись. Рядъ платформъ, рядъ завѣсъ и на разныхъ планахъ скрещивающіяся лѣстницы. Общій преобладающій цвѣтъ — темно-синій. Въ первой картинѣ какъ бы коридоромъ уходящіе въ глубь сцены кулисныя завѣсы. Во второй рядъ платформъ и надъ ними высокая лѣстница, спускающаяся изъ царства наружнаго свѣта. Въ третьей картинѣ — платформы и лѣстницы на фонѣ бѣло-зеленаго, просвѣчивающаго коленкора. Можно не совсѣмъ согласиться съ архитектурной планировкой «Ада», въ которомъ не довольно чувствуется сводовъ, не хватаетъ поддерживающихъ массъ; можно также не соглашаться съ тѣми двумя вертикальными полосами бѣлаго въ складкахъ коленкора, которымъ «Елисейскіе Поля» дѣлятся на три части, — въ нихъ чувствуется матерчатость, и они не достаточно «конструктивны». Но нельзя не признать, что ни какая живопись не перенесла бы васъ въ такое настроеніе какихъ-то несуществующихъ, невѣдомыхъ странъ, какъ эти простыя декоративныя средства, сводящія всю «декорацію» къ ощущеніямъ линій и свѣта. Теперь о роли свѣта.

Одна только сила, помимо человѣка и музыки, еще участвовала въ спектаклѣ, это — свѣтъ.

Кто не видѣлъ, не можетъ себѣ представить, что даетъ участіе свѣта, его наростаній и ослабленій, въ наростаніяхъ и ослабленіяхъ музыки, — одновременность и согласіе динамизма свѣтового съ звуковымъ. Не слѣдуетъ, конечно, эти «свѣтовые эффекты» смѣшивать съ тѣми попытками сдѣлать изъ свѣта новый инструментъ симфоническаго оркестра, которыя за послѣднее время занимаютъ нѣкоторыхъ композиторовъ. Вѣдь, свѣтъ, какъ таковой, невидимъ; мы видимъ лишь освѣщенные или свѣтящіеся предметы, а не самый свѣтъ: слѣдовательно, вводить свѣтовые эффекты въ симфонію значитъ не что иное, какъ освѣщать концертную залу и сидящую въ ней публику. Сомнительно, чтобы это могло дать какое-нибудь сгущеніе музыкальнаго впечатлѣнія. Но когда свѣтъ меркнетъ надъ картинами злобы людской и душевнаго мрака, когда онъ озаряетъ картины радости и счастья, или когда онъ вмѣстѣ съ музыкальными crescendo растетъ и разрѣ-

шается въ сіяніи надъ картинами побѣды и торжества, тогда иное дѣло. Но описывать это не беремся: какъ сказалъ Данте, «перо выпадетъ изъ руки»...

Одно изъ самыхъ интересныхъ примѣненій свѣта — роль Амура. Пѣвица, которой она поручена, ни разу не выходила; Амуръ былъ невидимъ. Вмѣсто появленія обычнаго травести съ крылышками и колчаномъ за спиной, мы слышали за сценой пѣніе, а на сценѣ видѣли усиленіе свѣта, который пропадалъ, когда пѣніе умолкало. Представить себѣ это, конечно довольно трудно, если не знать, какова была въ это время сама сцена. Рядъ кулисъ изъ темно-синихъ занавѣсей, впереди довольно раздвинутыхъ, а въ глубину все суживающихся, образуетъ какъ бы синій высокій коридоръ, въ которомъ въ глубину сцены поднимается высокая, синимъ сукномъ обитая лѣстница. Все это безъ рѣзко очерченныхъ линій уходитъ вглубь, пропадаетъ въ полумракѣ, и лѣстница, первыя ступени которой видны на первомъ планѣ, собственно, только угадывается въ темномъ корридорѣ, образуемомъ синими занавѣсами. Въ этомъ таинственномъ пространствѣ внезапно появляющійся свѣтъ Амура, конечно, поражаетъ неожиданностью своего вмѣшательства. Но высшая степень неожиданности, это, когда послѣ исчезновенія Амура, при торжественномъ нарастаніи, послѣднія занавѣси въ глубинѣ, на самомъ верху лѣстницы, вдругъ раздвигаются; открывается свѣтящаяся щель, такой свѣтовой силы, что вся остальная сцена погружается во мракъ. Побѣдно-торжественные звуки оркестра поднимаютъ чело просыпающагося къ новой жизни Орфея, и, ритмически беря ступень за ступенью, съ распростертыми руками восходитъ онъ изъ мрака земныхъ скорбей къ свѣту потустороннихъ обѣщаній.

Трудно, очень трудно передавать впечатлѣнія того, что надо видѣть и слышать...

Можетъ быть, самое потрясающее изъ всѣхъ впечатлѣній этого удивительнаго вечера — это заключительная сцена. Далькрозъ здѣсь отступилъ отъ Глюка, И какъ хорошо сдѣлалъ! Что можетъ быть неудачнѣе въ смыслѣ драматическаго дѣйствія, чѣмъ этотъ обязательный по понятіямъ восемнадцатаго вѣка апофеозъ Эвридики, новое появленіе Амура и балетъ бракосочетанія. Вотъ что сдѣлалъ Далькрозъ вмѣсто этого. Судите сами. Когда Орфей выводитъ Эвридику изъ Елисейскихъ полей (они ступенями и площадками идутъ изъ глубины къ авансценѣ), сзади нихъ постепенно смыкается занавѣсъ. Передъ этимъ занавѣсомъ на послѣдней площадкѣ, останавливается Эвридика, а Орфей сошелъ внизъ. Эвридика умоляетъ его оглянуться; онъ оборачивается, — и въ это же мгновеніе Эвридика пропадаетъ въ складкахъ завѣсы и въ

густомъ мракѣ, застилающемъ сцену. Ничто не можетъ передать впечатлѣнія обезумѣлаго горя и растерянности, съ какой Орфей мечется передъ этимъ пустымъ мѣстомъ, гдѣ была Эвридика: такъ мотылекъ бьется о прозрачное препятствіе оконнаго стекла, за которымъ чуетъ свое счастье.., И вотъ онъ остается одинъ: знаменитая арія «J'ai perdu mon Evridice!»— «Ach, ich habe Sie verloren!» Три раза возвращается скорбный мотивъ. Г-жа Лейснеръ, приглашенная для этой роли изъ берлинской оперы, дала нѣчто удивительное. Во первыхъ, она такъ вошла въ смыслъ хеллераускаго исполненія, такъ проникласъ духомъ школы, духомъ учителя и учениковъ, что казалась старшимъ товарищемъ среди прочихъ исполнителей. Пластичная, радостная, сіяющая, она была центромъ этой семьи. Она прекрасно поетъ, съ классической простотой и человѣчностью. И, конечно, самое удивительное въ ея исполненіи была послѣдняя арія; всѣ три куплета она пѣла по иному. Въ первый разъ, — какъ бы увядшая, стояла она передъ опустѣвшимъ мѣстомъ, вялая, какъ плакучая ива. Во второй разъ съ порывомъ отчаянія выходила впередъ. Въ третій разъ, — она падала наземь и начинала арію, лежа на землѣ, лицомъ къ землѣ, какъ маленькій ребенокъ... Понемногу она вставала, чтобы съ послѣдними нотами окончательно упасть подъ гнетомъ горя и отчаянія. Вотъ тутъ начиналась та перемѣна, которую внесъ Далькрозъ. Надъ лежащимъ во прахѣ Орфеемъ раздавались звуки того перваго хора, съ котораго начинается опера. Съ двухъ сторонъ выходили тѣ же плакальщицы, что въ началѣ сопровождали его плачъ надъ усопшей Эвридикой. Та же музыка, тѣ же движенія, та же картина съ тѣмъ же лежащимъ на землѣ Орфеемъ. Понимаете, насколько это глубже и правдивѣе, чѣмъ балетный апофеозъ бракосочетанія. Трудно передать впечатлѣніе горя, которое даетъ это возвращеніе хора. И самъ этотъ хоръ! Онъ былъ невидимъ, онъ былъ спрятанъ внизу вмѣстѣ съ оркестромъ; и эта невидимость его придавала его пѣнію какой-то таинственный характеръ, — вздохъ народа, плачъ земли. И пока замиралъ этотъ плачъ надь горемъ Орфея, съ двухъ сторонъ сцены изъ складокъ собраннаго занавѣса тихо вышли двѣ женскія фигуры, — такія же въ хитоны одѣтыя плакальщицы, какія и на сценѣ. Тихонько подвигались онѣ къ серединѣ и медленно вели за собой тяжелыя складки высокой завѣсы... Завѣса смыкалась... Медленно съуживалась щель... Обѣ женскія фигуры наконецъ сошлись на серединѣ и скрылись за сомкнувшимися складками. Передъ нами коленкоровый занавѣсъ.

Это Далькрозовское измѣненіе удивительно замыкаетъ всю драму. Какъ концы ожерелья, были первая и послѣдняя

сцены. И всю оперу можно было бы назвать не «Орфей», а «Сонъ Орфея»: ему приснилось, что боги позволили снова увидѣть Эвридику, но, — онъ проснулся...

Я счелъ долгомъ остановиться на хеллераускомъ «Орфеѣ». Онъ заслуживаетъ закрѣпленія въ памяти, во первыхъ, за все, что онъ намъ далъ, во вторыхъ, какъ нѣчто, что никогда уже не повторится. Онъ не можетъ повториться въ другомъ мѣстѣ, а въ Хеллерау онъ не повторится. Тотъ Хеллерау, который мы знали до войны, ушелъ, исчезъ, потухъ, какъ потухаетъ на экранѣ картина, когда гаснетъ фонарь. Хеллерау потухъ. Онъ есть, онъ будетъ, но онъ будетъ другой: это будетъ школа. Тотъ Хеллерау былъ кипучій міръ новыхъ исканій, широкихъ стремленій; туда стекались ручьи живой воды, оттуда излучались идеи. Осенью 1913 года Вольфъ Дорнъ возымѣлъ не совсѣмъ счастливую, по моему, мысль поставить въ Хеллераускомъ домѣ «Благовѣщенье» Поля Клоделя. Не ради описанія этой постановки упоминаю фактъ, а ради того, что здѣсь, наканунѣ войны, назрѣла, какъ будто послѣдняя степень интереса къ хеллераускимъ начинаніямъ, къ хеллераускому «новому слову». Казалось, все было готово для быстраго, плодотворнаго распространенія, — сердца были завоеваны, души заражены, энергіи пробуждены. Цѣлый рядъ выдающихся театральныхъ дѣятелей изъ Франціи пріѣхали съ сцеціальной цѣлью изучить хеллераускій залъ. Вице-президентъ Осенняго Салона, Плюмэ, былъ занятъ мыслью о постройкѣ подобнаго зала въ Парижѣ. Д-ръ Буше хотѣлъ, по случаю двухсотлѣтія Глюка, повторить въ Парижѣ «Орфея» въ постановкѣ Далькроза со всѣми свѣтовыми приспособленіями Зальцмана. Извѣстный режиссеръ Люнье-Поэ также бродилъ вокругъ хеллераускаго зала. Директоръ «Театра Антуана» пригласилъ Далькроза написать музыку и ритмически поставить у него въ Парижѣ одну изъ комедій Шекспира — «Сонъ въ лѣтнюю ночь» или «Двѣнадцатую ночь». Да, все это было осенью 1913 года, но послѣ зимы наступило лѣто 1914... Теперешнему Хеллерау не подняться на свою прежнюю международную высоту. Это будетъ школа, добросовѣстная, но не раскрыватель широкихъ возможностей, далекихъ горизонтовъ; да и жизнь школы врядъ ли будетъ блестяща. Врядъ ли современный нѣмецъ, потрясенный въ своемъ благосостояніи, напуганный событіями, осторожный, подозрительный, врядъ ли найдетъ въ себѣ столько творческой свѣжести, чгобы поддержать мало понятное съ практически-близорукой точки зрѣнія, дѣло... Далькрозъ находится въ новыхъ условіяхъ работы, — какихъ, не знаю.

Но думаю, что, предоставленный себѣ, не связанный контрактными обязательствами, музыкальный Песталоцци сосредоточится болѣе на воспитательной сторонѣ своей системы, нежели на художественно-сценическихъ ея примѣненіяхъ.

На этомъ заканчиваю первую часть своихъ «Воспоминаній». На этомъ кончаю «Лавры». Кончаю, но не разстаюсь съ ними. Никогда не выйду изъ-подъ таинственной сѣни. И въ «Странствіяхъ» будетъ сопровождать меня крѣпкій запахъ лоснящагося листа, и въ «Родинѣ» будетъ утѣшать меня его священный шелестъ. Если я началъ свой трудъ, если я его продолжалъ; если, въ тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ живу, я могъ его начать и могъ его продолжать; если, несмотря на все что пережито и претерплено, чувствую себя моложе, чѣмъ былъ, если, потерявъ все, чувствую себя богаче, чѣмъ прежде; если взоръ мой свѣтелъ, душа горитъ и умъ работаетъ, — то этимъ обязанъ я Лавру, — никогда его не забывалъ. Но и онъ можетъ быть покоенъ: не запылю лоснящихся листовъ, не оскорблю священный шелестъ. Я многое въ грязь побросалъ, я многое вкругъ себя раскидалъ, многое отдалъ на съѣденье, —

Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

СТРАНСТВІЯ.

Странствія! Чувствуете ли, какъ въ этомъ словѣ есть что-то внутренне-необходимое? Это не выдумка человѣка, это въ природѣ вещей. «Охота къ перемѣнѣ мѣстъ» не «весьма мучительное свойство». Это весьма естественное свойство. Перенесеніе своего «я», распространеніе своей пространственности, — все живое къ этому стремится. Животныя завидуютъ птицамъ, а растенія завидуютъ животнымъ. Пригвожденное къ землѣ, растеніе изъ единаго стебля развивается въ вѣтви, въ листья, въ цвѣтъ. Не будучи въ состояніи сдвинуться самъ, цвѣтокъ ждетъ посѣщенія крылатаго насѣкомаго и, въ то время какъ оно язвитъ его сердцевину и выпиваетъ его сокъ, обсыпаетъ его своею пылью, чтобы несло ее къ другому цвѣтку. Цвѣтокъ умираетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ родился, но, умирая, теряя цвѣтъ и запахъ, изъ свѣжести цвѣтенья переходя въ сухое сѣмя, онъ раскрываетъ свою сѣменницу, даетъ вѣтру разсыпать свое содержаніе, снабжаетъ зернышко чешуйчатымъ крыломъ, опушаетъ его пухомъ и отдаетъ вѣтру,

Чтобъ вѣтеръ унесъ его вдаль . . .

Все живое стремится извѣдать пространство. Все живое движется и хочетъ передвигаться: идти, бѣжать, скакать, прыгать, ползать, летать. Все живое знаетъ, что значитъ «вверхъ» и «внизъ», «впередъ» и «назадъ», «вправо» и «влѣво»; все знаетъ, что значитъ скорость и медленность, сила и слабость, легкость и тяжесть. И все знаетъ разницу между «откуда» и «куда».

Измѣненіе пространственныхъ условій, — одно изъ радостей человѣческихъ. Лѣстница, галлерея, мостъ, качели, все это игрушки не однихъ дѣтей, но и взрослаго человѣчества. Тутъ есть побѣда надъ пространствомъ и побѣда надъ силой тяготѣнія, которая тѣшитъ насъ побѣдностью своей. Почему крыша, колокольня, дерево съ ранняго дѣтства оказываютъ на насъ такую притягательную силу? Мы любимъ надъ кручей повисшую бесѣдку; мы любимъ въ море уходящій молъ, въ пучинѣ сидящій основаніемъ своимъ, и свѣтящимся фонаремъ надъ ярыми брызгами смѣющійся маякъ. Мы любимъ насыпи, мы любимъ подземные ходы. Мы любимъ смотрѣть природу въ зеркалѣ, когда то, что налѣво, становится направо и наобо-

ротъ, и мы любимъ переворачивать бинокль другимъ концомъ, чтобы то, что маленькое, было еще меньше и то, что далеко, было еще дальше. Да, мы любимъ играть пространствомъ, и странствіе есть одна изъ этихъ игръ.

А способы передвиженія! Это новая игра прибавляется къ игрѣ. Пѣшкомъ, верхомъ, на колесахъ, на полозьяхъ, по водѣ, по воздуху. И въ каждомъ изъ способовъ сколько еще разнообразія! И ко всѣмъ этимъ побѣдамъ надъ пространствомъ прибавляется побѣда надъ временемъ: возможно больше перваго, возможно меньше второго, — вотъ, къ чему тянетъ человѣка ненасытность его. Вихри и потоки, — вотъ что онъ хочетъ создать, вотъ кого хочетъ обогнать. Обогнать, оставить позади себя и съ наименьшей затратой собственной силы: наибольшій покой въ наибольшемъ волненіи, наибольшая недвижность въ наибольшемъ движеніи, наибольшая безопасность въ наибольшей опасности. Передъ зеркальнымъ окномъ ресторанаго вагона сидѣть, завтракать неторопясь, въ то время какъ все кругомъ торопится, когда по сторонамъ «версты летятъ», — какое упоеніе въ сочетаніи контрастовъ! Обмануть природу, ея же закономъ побѣдить ея законъ, — мчаться, вмѣсто того чтобы стоять; летѣть, вмѣсто того чтобы падать; противупоставить горизонталь вертикали и вертикаль горизонтали. Да, странствіе есть одно изъ проявленій шаловливости человѣческой.

Странствіе есть память. Это прошлое въ настоящемъ. Странствіе, воспоминаніе о немъ, заселяетъ наши пустыя мгновенія; никакая пустыня не пуста, когда есть, что вспомянуть. А никакая память съ такой свѣжестью не сохраняется, какъ память о странствіи. Не измѣняется, — и въ этомъ самая цѣнность воспоминаній, — не мѣняется наше къ нему отношенье: мы вспоминаемъ то, что было, и вспоминаемъ съ тѣмъ же чувствомъ, какъ когда оно было. Всякое свое странствіе человѣкъ съ собой несетъ, въ себѣ несетъ, потому что каждое мѣняетъ его, послѣ каждаго онъ уже не тотъ; каждое новое странствіе есть новое богатство, и никогда къ этому воспоминанію не примѣшивается сожалѣнье.

Странствіе — отвѣтъ на притягательную силу далекихъ призывовъ. Это жажда новаго, иного. La nostalgie de l'ailleurs. «Гдѣ-жъ лучше? Гдѣ насъ нѣтъ.» Странствіе — осуществляемость мечты, утоляемость тоски.

> И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
> Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
> Одна и грустна, на утесѣ горючемъ
> Прекрасная пальма растетъ.

Если бы она могла сдинуться, сосна бы двинулась туда, — «въ тотъ край, гдѣ солнца восходъ».

Но не всегда утоляется тоска; утоленіе распаляетъ жажду. Чѣмъ больше знаемъ, тѣмъ больше хочется знать; чѣмъ больше видимъ, тѣмъ больше хочется видѣть. Въ достиженіи томимся по исканію, въ наслажденіи вздыхаемъ, и сама пресыщенность полна желанія. Всегда зоветъ къ себѣ обратное тому, чего достигъ. И не однѣ сосны на голыхъ вершинахъ грезятъ о пальмахъ въ пустыняхъ далекихъ, но и пальмы грезятъ о морозной пыли и о небесныхъ заревахъ, ложащихся на сталактиты объиндевѣлыхъ сосенъ...

Вотъ почему всегда странствовалъ и будетъ странствовать человѣкъ; вотъ почему, пока живъ, топчетъ землю пятою своей до тѣхъ поръ, пока, — какъ Горацій, «lassus maris et viarum» (уставъ отъ моря и путей), — не опочіетъ подъ землей.

Италія. Альпы. Итальянскій городъ. Флоренція. Итальянская вилла. Карло Плачи.

Переѣзжали ли вы когда-нибудь итальянскую границу? Если переѣзжали, то вы знаете этотъ трепетъ при приближеніи къ завѣтному предѣлу; вамъ знакома эта глубина ощущеній, воспоминаній, ожиданій, до краевъ, черезъ край наполняющихъ ваше существо; вы испытали этотъ восторгъ, зажигающійся отъ всякаго пустяка, — отъ первой итальянской надписи, отъ перваго звука итальянской рѣчи, отъ итальянскихъ таможенныхъ служителей, которые, растравляя нетерпѣніе, тѣмъ сильнѣе поднимаютъ трепетъ ожиданія. И наконецъ, — входъ!

Грязный буфетъ, длинныя «фіаски» съ виномъ, зеленая горгонцола и желтый стракино, скверный кофе въ толстомъ фарфорѣ, твердый крученый хлѣбъ, скверныя длинныя сигары съ соломенкой. Да, и все это вызываетъ гимнъ въ вашей душѣ...

Одни названія пограничныя — развѣ не призывная труба? Понтэбба! Кіассо! Беллинцона! Какъ врата свѣта и тепла встаютъ они на холодныхъ альпійскихъ вершинахъ. Они зовутъ, и, дерзкими мостами пролетая надъ пропастями, проползая въ черныя норы туннелей, поѣздъ вьется, стучитъ, дрожитъ, пыхтитъ, грохочетъ. Сквозь туманъ и облака прорѣзаются стрѣльчатыя ели; сквозь грохотъ поѣзда слышны водопады, шумъ ручьевъ, — борьба воды и камня. И вся вода — обратная, навстрѣчу намъ; мы въ гору, а вода туда, откуда ѣдемъ мы. Холодно, хмуро, сурово кругомъ...

Но вотъ мгновенная ночь главнаго большого тунеля. Вспоминаю, какъ въ дѣтствѣ мнѣ говорили: «Открой ротъ и закрой глаза»... Вдругъ во мракѣ проступаютъ очертанія каменныхъ стѣнъ, — близокъ выходъ. Все свѣтлѣе становится; грохотъ рѣже; стѣны разступаются, — мы выскочили въ свѣтъ. Привѣтливо, мягко, жарко кругомъ. Ручьи-попутчики сбѣгаютъ вперегонку съ нами. Раскрывъ всѣ клапаны, безъ пару, на одномъ тормазѣ поѣздъ катится въ равнину. Скалистое полукружіе развертывается все шире и дальше подъ лаской солнечныхъ лучей. Поясами спускается растительность, своенравная

въ верхахъ, подчиненная въ низинахъ. Вокругъ насъ крѣпкій дубъ пригибается и корчится, — ему не нравится на южной сторонѣ. Высокій лавръ гордится и привѣтствуетъ, — онъ дома здѣсь, на этихъ склонахъ; ползетъ и льнетъ къ его стволу любовный плющъ, вокругъ пня прорѣзаютъ землю свѣтлый крокусъ и темная фіалка, съ вѣтвей виситъ взобравшійся на него ползучій шиповникъ; вся южная цѣпкость лѣсная брызжетъ, колышется, цвѣтетъ, благоухаетъ.

Ниже насъ далеко разстилается серебристое море дымчатой оливы и, черные, стрѣльчатые, выскакиваютъ изъ него кипарисы: какъ сторожевыя линіи, спускаются со склоновъ, зорко стоятъ надъ полдневно дремлющей равниной. А дальше, еще ниже, — раздѣланная природа: сѣтчатая картина полей, перерѣзанныхъ водяными нитями каналовъ, перекрещивающимися рядами плодовыхъ деревьевъ, висячими гирляндами съ дерева на дерево переброшеннаго винограда, — работа людскихъ поколѣній. Бѣлыя, ослѣпительно-пыльныя дороги расходятся, встрѣчаются, теряются вдали. Тамъ пыльный осликъ въ пыльномъ облакѣ везетъ запыленнаго мальчишку. Тамъ сѣрый быкъ, увязнувшій въ канавѣ, поднимаетъ свои гордые рога и слюняво жующую морду. Кукурузовое поле шелеститъ сухими вислыми листами... Вотъ сводчатый мостъ черезъ рѣку; у моста, прикорчившись на знойныхъ камняхъ, по обѣимъ сторонамъ воды пестрая толпа женщинъ полощетъ, мылитъ и стираетъ бѣлье. На минуту обдаетъ насъ крикливой трескотней голосовъ... Поѣздъ пролетѣлъ... Но каждый день изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ на этомъ самомъ мѣстѣ и въ этотъ самый часъ стоитъ съ берега на берегъ трескотня крикливыхъ голосовъ; и вѣтеръ уноситъ ихъ сплетни, какъ рѣка уноситъ ихъ грязное мыло...

Поѣздъ мчится, — ему весело. Клочья дыма, оторвавшись, стелятся, входятъ въ кукурузовое поле, льнутъ къ плодовымъ деревьямъ, пропадаютъ въ свѣтломъ жарѣ ослѣпительнаго дня... Вотъ свистокъ. Радостенъ свистокъ, когда радостно мѣсто, къ которому подъѣзжаешь. Уже давно внизу въ долинѣ виднѣлся куполъ, уже давно манила колокольня. Вотъ онъ наконецъ, вотъ первый итальянскій городъ.

Я въ первый разъ пріѣхалъ въ Италію въ 1872 году осенью. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ; мы провели зиму во Флоренціи. Моя мать, до шестнадцати лѣтъ жившая въ Италіи, знала итальянское искусство, какъ рѣдко кто. Подъ ея руководствомъ я съ этихъ раннихъ лѣтъ ощутилъ всю завлекающую прелесть итальянскаго прошлаго. Но не одно прошлое сообщаетъ Италіи ея чары, а то, что это прошлое такъ сливается съ настоящею дѣйствительностью. Неувядающая юность прошлаго, — вотъ въ чемъ прелесть Италіи. И тогда я это уже чув-

ствовалъ такъ сильно и такъ больно... Когда мы уѣзжали изъ Флоренціи, въ каретѣ, везшей насъ на вокзалъ, не было мѣста; меня посадили на козла: и я радъ былъ, что такимъ образомъ я остался одинъ, что меня никто изъ сидящихъ внутри не видитъ, ибо я заливался горькими слезами...

Впослѣдствіи Италія стала для меня духовной потребностью. Я изъѣздилъ большіе и маленькіе города. Въ особенности маленькіе любилъ я: Орвіетто, Перуджіа, Ассизи, Ареццо, Сіена, Санъ-Джеминіано, Парма, Піаченца, Мантова, Бэргамо, Равэнна, Римини, Фаэнца, Фолиньо, Урбино... И сколько еще! И я не называлъ юга, и я не называлъ Сицилію... Каждый городокъ со своимъ собственнымъ лицомъ, единственнымъ, исторіей созданнымъ, людьми не повтореннымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣхъ общая печать: каменная давность, вѣковая нетронутость строгихъ очертаній, нерушимая повторность гражданскихъ обрядовъ, торговыхъ обычаевъ. И все это неизмѣнное залито перемѣнчивымъ колыханіемъ то занятой, то праздной толпы. То шумъ и говоръ утренняго рынка: подъ красными, зелеными, синими зонтами яркія пятна моркови, апельсиновъ, тыквы, томатовъ, жаровни съ хрустящими каштанами, грозди винограда, грохотъ таратаекъ, ржаніе муловъ и ословъ, ослѣпительное солнце, запахъ чеснока, жаренаго масла и цвѣтовъ... То вечерняя праздность, праздничное слоняніе, на площади военный оркестръ, биткомъ набитыя кофейни, столики на тротуарахъ, на мостовой, беззаботность и молодость подъ сѣнью старыхъ дворцовъ, подъ хмурымъ взглядомъ бронзовыхъ всадниковъ и мраморныхъ львовъ, при живомъ плескѣ стараго фонтана. И только надъ всей этой беззаботностью стародавній звонъ часовъ на ратушѣ, Palazzo Communale, роняетъ свое напоминаніе о томъ, что и надъ этимъ часомъ крыло смерти, какъ было прежде, какъ будетъ всегда. И рядомъ съ этой осужденной на смерть повседневностью непрестанное присутствіе глубокаго, богатаго прошлаго, которое тутъ же, около васъ, сзади, впереди, вокругъ васъ живетъ, глядитъ неумирающимъ окомъ красоты... Да, Италія стала для меня духовной потребностью. Она сдѣлалась второй родиной. Сейчасъ, можетъ быть, она единственная.

Изъ всѣхъ городовъ Италіи Флоренція осталась любимою. Даже когда не было времени пожить въ ней, я пригадывалъ такъ, чтобы остановиться проѣздомъ хоть на нѣсколько часовъ, пріѣхать утромъ, выѣхать съ послѣднимъ вечернимъ поѣздомъ. О, прелесть этихъ остановокъ! Съ какой жадностью наполняешь эти часы, въ особенности, когда покидаешь Италію...

Оставляю вещи на вокзалѣ, иду съ вокзала пѣшкомъ. Легко, весело идти въ хорошую погоду по чистымъ, гладкимъ плитамъ флорентинской мостовой. Огибаю старушку Санта

Маріа Новэлла, церковь съ фресками Гирландайо; иду по шумливой віа Черретани: щелкаютъ извощичьи бичи. Заворачиваю вправо, въ маленькую Рондинелли и ея продолженіе віа Торнабуони. Гостиная, не улица. Все что нарядnаго высыпало солнечнымъ утромъ на прогулку, на закупки. Итальянки англичанки, русскія дамы. Неожиданныя встрѣчи, разспросы, — откуда, надолго ли?.. Остановки передъ окнами магазиновъ. Вотъ маленькій павильонъ фотографа Алинари, вотъ музыкальный магазинъ знаменитаго миланскаго издателя Рикорди, вотъ ювелиръ Маркезини... Группы нарядныхъ дамъ съ той стороны улицы расходятся по сторонамъ, отягченныя охапками гвоздикъ, мимозъ, розановъ, нарцисовъ и миндальнаго цвѣта. Онѣ накупили все это на ступеняхъ дворца Строцци: во всю длину своего гранитаго фасада хмурый дворецъ опоясанъ вѣнкомъ цвѣтовъ и папоротника, — вдоль его фундамента цвѣточный рынокъ. И въ пахучей прохладѣ вкругъ влажныхъ цвѣтовъ сливается тосканскій говоръ крестьянокъ-продавщицъ и англосаксонская рѣчь покупщицъ. Онѣ расходятся и съ охапками своими останавливаются передъ окнами фотографа Броджи. Тутъ вся Италія и въ снимкахъ, и въ книгахъ; какое развлеченье читать одни заглавія прелестныхъ англійскихъ книгъ въ прелестныхъ итальянскихъ бѣлыхъ переплетахъ. И тутъ же рядомъ кондитерская Джакоза, не менѣе замѣчательная, чѣмъ все прочее. Заходимъ: весело, вкусно. Большое окно зеркальнаго стекла, какъ стѣна огромнаго акваріума, выходитъ прямо на Палаццо Строцци. Гранитный фасадъ хмуритъ бровь своей тяжелой двери, и бронзово щетинится съ угла торчащій знаменитый его фонарь... Расходимся, кто куда...

Иду завтракать. Есть тутъ же, за угломъ, въ переулкѣ подвальчикъ. Тамъ обѣдаютъ извощики, рабочіе, погонщики, носильщики, но тамъ вкуснѣе любого ресторана; на большой плитѣ тутъ же при васъ все готовится, — и фритто мисто, и ньоки на пармезанѣ. Вкусна народная кухня на оливковомъ маслѣ; сковороды шипятъ и дразнящій запахъ поднимается подъ своды, обклеенные плакатами кинематографовъ... Здѣсь однажды завтракалъ съ художникомъ хорошо извѣстнымъ въ Германіи, — Саша Шнейдеромъ. Сперва рисовавшій уродовъ, чудищъ, онъ впослѣдствіи перешелъ къ изображенію идеальнаго человѣка по греческому типу. Онъ нарисовалъ мнѣ тѣ человѣческія фигурки, которыя въ моей книгѣ «Отклики Театра». Самъ маленькій, наказистый, немного горбатый, онъ жилъ въ образахъ античной красоты, и бесѣда его была наскозь прожжена страданіемъ передъ уродствомъ людскимъ, тѣмъ самымъ уродствомъ, которое онъ когда-то съ такой преимущественной любовью изображалъ...

Позавтракавъ, выхожу на ту же Торнабуони. Въ обѣденный жаръ улицы пусты и тихи. Вхожу въ переулки и тѣнистой прохладой хмурыхъ дворцовъ прохожу на площадь, на дивную Піацца делле Синьоріе. Каменная гладкая стѣна «Стараго Дворца» (Палаццо Вэккіо) поднимаетъ зубцы свои и выдвигаетъ съ края карниза свисающую, въ синее небо устремляющуюся башню. Направо «Лоджіа дэй Ланци» выситъ три арки свои; подъ этимъ портикомъ бронзовый зеленый Персей Бенвенуто Челлини, и цѣлое мраморное населеніе воиновъ, героевъ. Похищеніе Сабинянки работы Джіованни да Болонья и чудная группа Гектора съ двумя женщинами работы Феди, — ваятель девятнадцатаго столѣтія, удостоившійся мѣста въ этомъ святилищѣ: въ мягкихъ складкахъ мраморъ спадаетъ, какъ вялая матерія... Налѣво фонтанъ съ некрасивымъ мраморнымъ Нептуномъ работы Амманато, сего неудачнаго соперника Микеланджело. По поводу этого Нептуна народъ сложилъ двустишіе:

Ammanato, o Ammanato,
Quanto marmo tu hai guastato!
(Амманато, о Амманато,
Сколько мрамору ты испортилъ.)

Какъ прелестенъ уличный юморъ Италіи! Никогда не унываетъ, никогда творчество его не прекращается. На фасадѣ флорентинскаго собора, по обѣ стороны главной входной двери двѣ статуи обоихъ покровителей города: св. Репараты и св. Зиновія. Репарата держитъ въ лѣвой рукѣ пальмовую вѣтвь, а правую вытянула ладонью кверху; лицо выражаетъ скорбь. Зиновій держитъ въ лѣвой епископскій посохъ, а правой благословляетъ, но не очень высоко, по старчески, и рука ладонью внизъ, и самъ смотритъ внизъ. Когда было открытіе фасада, кажется въ 1885 году, то уже въ тотъ же вечеръ по Флоренціи ходилъ разсказъ: Св. Репарата говоритъ — «Но perduto un soldo»; (я потеряла пятіалтынный); а св. Зиновій говоритъ: «Io non lo veggo» (я его не вижу)... Площадь, Піацца делле Синьоріе, тиха и молчалива въ этотъ полуденный часъ. На ступеняхъ лежатъ въ глубокомъ снѣ оборванцы-рабочіе, и мраморъ отъ прикосновенія людскихъ поколѣній сталъ гладкій, фарфоровый... Гордо, бдительно высится бронзовый конный Козимо Медичи надъ свалившимся у подножія его соннымъ человѣкомъ... Не площадь, а музей; музей, въ которомъ торговки овощи продаютъ, стоятъ извощики...

Прохожу мимо «Стараго Дворца», вхожу въ музей Уффицци. Поднимаюсь по высокой, высокой лѣстницѣ, — мраморы со всѣхъ сторонъ. Прохожу залами картинной галлереи. Отъ Чимабуэ и Джіотто до Караваджіо и Караччи, отъ робкой наивности тосканскихъ примитивовъ до разнузданной роскоши

болонскихъ мастеровъ проходятъ величайшіе вѣка человѣческаго искусства. Все это знакомо, близко, сердцу мило; нѣтъ другой галлереи въ мірѣ, гдѣ бы ощущалось такое «гостепріимство». И нѣжный Перуджино, и загадочный Ботичелли, и могучій Фра Бартоломэо, и небесный Фра Анджелико, и пышный Тиціанъ, и свѣтозарный Веронэзъ — всѣ встрѣчаютъ васъ, какъ друга друзья... Оставляю галлерею и длиннымъ, длиннымъ коридоромъ надъ домами, надъ мостомъ иду на ту сторону города. Изъ оконъ увидалъ подъ собой мутныя воды Арно. «Старый Мостъ» (Понтэ Вэккіо) между двухъ рядовъ своихъ лавченокъ кишитъ сгущенной жизнью вливающихся въ него улицъ... Длиннымъ, длиннымъ коридоромъ прохожу, наконецъ, на ту сторону; вхожу въ музей дворца Питти. Здѣсь уже не та историчность, что въ Уфицци, не та послѣдовательность развитія; здѣсь самая густота шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій; царствуютъ Рафаэль, Андрэа дель Сарто, Фра Бартоломэо...

Выхожу изъ галлереи, огибаю дворецъ, поднимаюсь въ садъ Боболи. Пахучая тишина стриженныхъ лавровыхъ стѣнъ. Въ темной зелени мраморные боги и богини, нѣжась на солнцѣ сегодняшняго дня, грезятъ грезы прошлыхъ дней. Львиныя пасти выпускаютъ водяныя струи, порфировыя лохани ихъ принимаютъ, передаютъ другимъ... Единственно движное въ этой недвижности, единственно звучное въ этой беззвучности — вода. Изъ нѣдръ земныхъ стремясь къ солнечному свѣту, вода задерживается человѣкомъ, выходитъ наружу сквозь мраморную щель и только исполнивъ человѣкомъ опредѣленное ей назначеніе, стекаетъ въ лоно иныхъ водъ... Бѣлый мраморъ облѣпленъ мхомъ и лишаями; въ трещинахъ знойной поверхности скользятъ ящерицы; на вытянутую руку гладіатора опустился голубь... Прохожу мимо знаменитаго фонтана съ Нептуномъ; въ его лохани скользятъ лѣнивые извивы золотыхъ и голубыхъ рыбъ, круглыхъ, какъ большіе карпы... Вотъ, наконецъ, и терасса, окаймленная сквознымъ рисункомъ каменныхъ перилъ. Зной, просторъ. Опьяняющій дурманъ растительныхъ дыханій, — терпкій лавръ и сладкая олеа фрагрансъ... И межъ ковровыхъ клумбъ, среди пятенъ огненныхъ бегоній, съ выпученными глазами, — зеленой бронзы огромныя лягушки...

Невыразима прелесть итальянскаго сада. Онъ васъ переноситъ въ нѣчто несуществующее, въ міръ линій и передвигающихся перспективъ; онъ погружаетъ васъ въ какую-то отрѣшенность. Оттого ли что, попадая туда, мы чувствуемъ себя оторванными, но въ итальянскихъ садахъ есть что-то блаженно-усыпляющее. И при этомъ-напряженіе жизненнаго самочувствія. Странно; это какое-то non cogito, ergo sum.

Трудно передать впечатлѣніе итальянскаго сада тому, кто не видалъ, а въ особенности нашему среднему русскому человѣку онъ не понятенъ. Не понятенъ потому, что не отвѣчаетъ потребностямъ его, или отвѣчаетъ такимъ потребностямъ, которыя въ немъ спятъ. Вѣдь, этотъ садъ есть какъ бы домъ, продолжающійся внѣ дома, это архитектура, распространяющаяся въ природу. У насъ же наоборотъ; у насъ природа распространяется на архитектуру, природа входитъ въ домъ. Вспомните, какъ жили наши средніе помѣщики. Развѣ была какая-нибудь забота о распространеніи благоустройства за предѣлы досчатаго покосившагося балкона? Они жили въ какомъ-то установившемся непротивленіи природѣ: солнце ихъ печетъ, мухи ихъ ѣдятъ, акатникъ и сирень прямо въ окна лѣзутъ. Скажешь: «Да срубите хоть сколько-нибудь; вѣдь душно, давитъ; дайте сколько-нибудь простору». Нѣтъ, имъ «жалко». «Жалко чего? Деревьевъ? Да вѣдь они другъ другу мѣшаютъ, они уже рости не могутъ. Развѣ не лучше одно раскидистое дерево на зеленой лужайкѣ, чѣмъ этотъ частый хворостъ и подъ нимъ черная земля?» Нѣтъ, не понимаютъ. Они смотрятъ на дерево съ точки зрѣнія количества. И еще одно невольно сейчасъ приходитъ мнѣ на мысль. Какъ бѣдны мы красотой! Вѣдь, всякая красота есть въ извѣстномъ смыслѣ роскошь; роскошь не въ смыслѣ затраты и стоимости, а роскошь, какъ извѣстный преизбытокъ, superflu, въ пространствѣ или во времени развивающійся. У насъ въ Россіи бѣдность и въ томъ и въ другомъ. Въ особенности въ смыслѣ украшенія пространства у насъ скудно. Слышалъ, есть гдѣ-то въ Смоленской губерніи выселокъ, называется Пустые Вторники. Переселенцы пришли на указанное мѣсто и ничего тамъ не нашли. Былъ Вторникъ, — это было время; мѣсто было пусто, таково было пространство. Время у насъ въ Россіи лучше заполнено, нежели пространство: музыки, поэзіи у насъ больше, чѣмъ архитектуры, живописи и пр. Мало у насъ красоты, потому что мало преизбытка: и врядъ ли когда будетъ, не къ тому идетъ; а сейчасъ, когда все «на учетѣ», какой же можетъ быть преизбытокъ, какая красота? . .

Я поднимался въ коляскѣ на Віале дэй Колли извивами дороги все выше, выше. Все ниже опускалась и дальше расширялась у ногъ моихъ Флоренція. . . Мутный Арно съ этой высоты серебряный. Городъ въ какой-то золотой пыли; Вокругъ своего собора съ огромнымъ куполомъ Брунеллески онъ лежитъ, какъ вкругъ пастыря покорное стадо. И, какъ стражъ, рядомъ съ куполомъ высится мраморная Джіоттовская колокольня, — какъ изъ слоновой кости, млечная съ черно-красными разводами; дивный Кампаниле, про который Наполеонъ сказалъ, что его надо подъ стекло поставить. . . Теперь я доѣхалъ на

самый верхъ. Дорога горизонтальная вдоль горы; надо мной только пестро-мраморный фасадъ церкви Санъ Миніато и старыя стѣны крѣпости, воздвигнутой подъ наблюденіемъ Микеланджело. Выѣхали и на площадь его имени, — Піацале Микеланджело. Посрединѣ стоитъ черно-бронзовый его Давидъ; широко вокругъ него раскинулась площадка; по краю длинный рисунокъ сквозныхъ перилъ, и за ними — пропасть, воздухъ, золотая пыль... Вечерній колоколъ ударилъ въ Санъ Миніато; ему отвѣчаетъ другой; легкій серебристый перезвонъ разливается по тосканскимъ холмамъ... А тамъ, въ низинѣ, Арно серебрится длинной лентой, ластясь къ темнымъ купамъ Кашинъ, городского парка. Городъ сгораетъ въ огненной пыли. За городомъ, на противуположной цѣпи горъ Фіезолевскій монастырь поднимаетъ свою колокольню и развертываетъ опаленный полукругъ своихъ домовъ...

— Dove commanda? (Куда прикажете?) — спрашиваетъ мой возница.

— Via Alfieri 7 (Улица Альфіери 7).

Съ моимъ пріятелемъ Карло Плачи я знакомъ сорокъ лѣтъ. Но онъ неувядаемъ. Неувядаемъ его интересъ къ искусству, къ наукѣ, къ открытіямъ, къ будущему, къ прошедшему; неувядаемъ его юморъ, никогда не дремлющій и всегда неожиданный; неувядаема его способность жить, путешествовать, читать, видѣть, знакомиться, знакомить, переписываться, и неувядаемо сходство его профиля съ профилемъ Савонароллы. Все онъ знаетъ, все онъ видѣлъ, все онъ слышалъ: послѣднюю книгу, послѣднюю оперу, послѣднюю сплетню, — однимъ словомъ, Плачи это «послѣднее слово». Онъ знаетъ всю Европу, вся Европа его знаетъ. Въ любой городъ онъ пріѣзжаетъ, — на другой же день у него расхватаны обѣды, завтраки, вечера. Но въ несмѣтномъ количествѣ его знакомствъ, при разнообразіи отношеній проходитъ одно общее: онъ несомнѣнно отдаетъ предпочтеніе «лаврамъ»; какъ поэтъ бряцалъ по лирѣ, такъ рукой разсѣянной Плачи треплетъ лавры. Онъ расплодилъ рощи вокругъ себя, и лавры любятъ ютиться вокругъ него. Музыканты, живописцы, писатели, какіе только бывали во Флоренціи, всегда въ его домѣ. «Віа Альфіери семь» — это какая-то узловая станція, гдѣ скрещиваются и встрѣчаются люди и во снѣ не видѣвшіе, что они когда-нибудь встрѣтятся. Здѣсь, за гостепріимнымъ столомъ старушки матери, сколько разъ я, только что пріѣхавшій изъ Россіи, обѣдалъ съ какой-нибудь писательницей-англичанкой, заѣхавшей по пути изъ Индіи въ Лондонъ, или съ какимъ-нибудь французомъ, отъѣзжающимъ на раскопки въ Сирію... Встрѣчалъ я у нихъ зна-

менитаго историка Паскуале Виллари, романиста Фогаццарро, критика Ненчони, Матильду Серао, извѣстнаго историка итальянской живописи Беренсона, писательницу миссъ Паджетъ, пишущую подъ именемъ Вернонъ Ли. Тамъ же встрѣчалъ старика Сальвини. Все это было давно. . .

И въ ихъ же домѣ видалъ я такъ рано скончавшагося графа Петра Бутурлина. Родившійся въ Италіи, отъ матери испанки, онъ воспитывался заграницей, по русски зналъ плохо. Рано пробудился въ немъ даръ стихотворства. Онъ писалъ по англійски, стяжалъ хорошую извѣстность, но онъ не удовольствовался ею. Его потянуло въ Россію. Здѣсь онъ невѣроятнымъ усиліемъ воли заставилъ себя овладѣть русскимъ языкомъ и русскимъ стихомъ. Онъ написалъ свою книгу сонетовъ, — единственный его вкладъ въ русскую поэзію, — онъ умеръ вскорѣ послѣ того. Прелестный стихъ, — въ русской рѣчи дышитъ Италія, и настоящая струна классической традиціи звучитъ во всѣхъ его напѣвахъ.

Одна картинка врѣзалась мнѣ въ память, — японская картинка. Молодая дѣвушка, служащая при дворѣ, услана съ порученіемъ. Вдругъ услыхала въ небѣ далекіе крики. Она остановилась, подняла голову и, забывъ все на свѣтѣ,

Забывъ, что бонзы ждутъ, что ждетъ Императрица,

заглядѣлась, недвижная, на полетъ журавлей. . .

Онъ самъ читалъ мнѣ свои стихи, и какъ прелестно читалъ... Есть прелестное его англійское стихотвореніе, оченъ популярное. Начинается словами:

We wandered far into the fields, my love and I.
(Мы проходили межъ полей, любовь моя и я.)

Потомъ говорится о томъ, что они набрали цѣлый снопъ цвѣтовъ. Она несла его, но прежде чѣмъ дошли до дому, всѣ цвѣты въ рукахъ ея завяли:

Tis sad to think we caused sweet things to die
By wandring far into the fields, my love and I.
(Какъ грустно думать, что сгубили
Мы нѣжныя созданья тѣмъ,
Что проходили межъ полей,
Любовь моя и я.)

Бутурлины были осѣдлыми флорентійцами; у нихъ былъ прекрасный дворецъ въ Віа дэй Серви. Во дворѣ, какъ во всѣхъ старыхъ флорентинскихъ дворцахъ, былъ красивый фонтанъ съ большимъ бассейномъ. Однажды здѣсь играло двое малолѣтнихъ дѣтей одного изъ братьевъ Бутурлиныхъ. Двѣ няньки вязали чулки и тараторили, пока дѣти рѣзвились и смѣялись. Вдругъ няньки замѣтили, что они уже давно

дѣтскихъ голосовъ не слышатъ. Посмотрѣли, — оба ребенка въ бассейнѣ утонули... На вдовѣ графа Александра Бутурлина, брата нашего поэта, женился уже въ престарѣлыхъ годахъ братъ Плачи, — Дженнаро.

Въ ихъ же домѣ встрѣчалъ я и слушалъ покойнаго піаниста Буонамичи, ученика Бюлова. Что за восхитительный, тонкій художникъ и какой милый, всегда радостный человѣкъ, съ какимъ искрящимся юморомъ...

Плачи умѣлъ вызывать шутку, какъ обладалъ исключительнымъ даромъ будить мысль. Съ большой способностью къ философскому мышленію, со склонностью къ воспріятію явленій съ мистической стороны, онъ умѣлъ тутъ же брать жизнь и людей съ такой шутливой легкостью, съ такимъ паясничествомъ мысли, что мигомъ философія проваливалась и изъ обломковъ выскакивалъ, какъ чертушко, коварный каламбуръ. Эту особенность его характера однимъ словомъ обрисовалъ Гансъ фонъ Бюловъ, знаменитый піанистъ и дирижоръ, женатый на дочери Листа, которая отъ него ушла, чтобы выйти за Вагнера. Онъ прозвалъ его — «Парсифальстафъ». Сколько остроумной прелести въ этомъ сліяніи. Послѣдняя опера Вагнера — «Парсифаль»; «Фальстафъ» — послѣдняя опера Верди. Какіе полюсы музыки, какіе полюсы настроеній и какое въ одномъ словѣ сочетаніе странностей этого страннаго характера. Говорю страннаго, потому что страненъ всякій характеръ, который не осуществляетъ себя. По природѣ своей Плачи бы долженъ быть однимъ, а на самомъ дѣлѣ выходитъ другой. Онъ долженъ быть глубокъ, — онъ поверхностенъ; онъ очень уменъ, — онъ часто говоритъ глупости; онъ имѣетъ массу творческихъ задатковъ, — онъ расплескался въ маленькихъ критическихъ статьяхъ по искусству, въ которыхъ почти не проявилъ себя. Одно слово: «Парсифальстафъ». Можетъ быть, то самое, что составляетъ его прелесть для другихъ, то было пагубой для него самого, и что дѣлалъ Плачи-Парсифаль, то раздѣлывалъ Плачи-Фальстафъ... Въ одной чертѣ его еще сказывалась слабость творческой силы: онъ любилъ выкачивать свѣдѣнія изъ человѣка, онъ былъ въ своемъ родѣ, и въ значительной степени, интервьюеръ. Мнѣ всегда казалось, что настоящее обогащеніе человѣка совершается путемъ наблюденія, а наблюдательность молчалива; слово, зрѣющее въ молчаніи размышленія, тяжеловѣснѣе того, которое родится отъ звонкаго столкновенія вопросовъ и отвѣтовъ. Тамъ творчество, здѣсь въ нѣкоторомъ родѣ реквизиція... Многимъ я обязанъ и ему и его дому. Много тонкой критики, цѣнныхъ указаній, не говоря о блесткахъ ума, сжатыхъ опредѣленіяхъ, восхитительной смѣлости эпитетовъ.

Не могу вспомнать Флоренцію и не вспомнить этотъ домъ. Родители Плачи были мексиканцы; они пріѣхали во Флоренцію на два мѣсяца и остались всю жизнь. Отца я не зналъ, но мать умерла всего лѣтъ десять тому назадъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ я зналъ ее всегда старушкой. Она почти не разговаривала, она только слушала и наслаждалась шумящею вокругъ нея молодой жизнью. Безъ словъ она была привѣтлива; когда бы вы ни видѣлись въ послѣдній разъ, — вчера или три года тому назадъ, откуда бы вы ни являлись въ ея домъ, — изъ сосѣдняго квартала или изъ Тибета, она, протягивая вамъ руку, неизмѣнно говорила: «Comment vous portez-vous?» И каждый разъ я думалъ: Non multa, sed multum. Мало привѣтовъ я въ жизни цѣнилъ, какъ этотъ... Послѣ обѣда она садилась въ свое, тридцать лѣтъ на томъ же мѣстѣ стоявшее кресло, и раскладывала пасьянсъ; ей сопутствовала въ этомъ дѣлѣ вѣрная старушка миссъ Гибсонъ, воспитательница ея дѣтей. Пока Карло, братъ Дженнаро, сестра Аделаида, вѣрный товарищъ друзьямъ своихъ братьевъ, занимали гостей, старушка мать за пасьянсомъ радовалась говору, смѣху, пѣнью и игрѣ. Она любила друзей своего сына, и запахъ лавра услаждалъ ее; но одному она поставила запретъ; она сказала сыну: «Кого хочешь; всѣмъ рада, но д'Аннунціо не могу принять». Этотъ сердцеѣдъ, губитель столькихъ женскихъ жизней, не находилъ пощады въ этическомъ кодексѣ старушки. «Ну только одинъ разъ, дозволь мнѣ только одинъ разъ пригласить его». Старушка согласилась. И такова обворожающая сила этого удивительнаго писателя въ пошлѣйшей человѣческой оболочкѣ, что о запрещеніи уже не было рѣчи.

Такой атмосферой обдавало меня, когда заходилъ къ нимъ даже между двухъ поѣздовъ. Это было особенно, непохоже.... Помню, однажды мы съ моимъ пріятелемъ говорили объ этой особенности и непохожести ихъ дома. «Tu devrais un jour decrire notre maison» (Тебѣ бы слѣдовало когда-нибудь описать нашъ домъ), сказалъ онъ. И вотъ, черезъ двадцать лѣтъ пришлось мнѣ исполнить его порученіе....

Хочу здѣсь отмѣтить одно мимоходное впечатлѣніе, испытанное прошлой зимой, то есть зимой 1920 года въ Москвѣ. Я былъ въ одной изъ школъ, гдѣ преподавалъ выразительное чтеніе и мимику, когда явилась делегація итальянскихъ соціалистовъ, пребывавшая въ стѣнахъ совѣтской столицы въ цѣляхъ изученія условій жизни совѣтскаго рая. Что такое условія, въ которыхъ протекаютъ уроки въ нашихъ совѣтскихъ заведеніяхъ, это знаютъ только тѣ, кто въ нихъ училъ и учился, вѣрнѣе сказать, — пытался учить и пытался учиться.

Завернутые въ шубы, мы сидѣли, смотрѣли на урокъ ритмики по системѣ Далькроза. Въ числѣ делегатовъ былъ нѣкто Каффи, сынъ бывшаго костюмера Императорскихъ театровъ, воспитывавшійся въ Россіи и потому хорошо имѣвшій возможность сравнить то, что онъ видѣлъ, съ тѣмъ, что онъ помнилъ... Но не къ этому веду рѣчь сейчасъ. Я объяснялъ ему смыслъ проходившихъ передъ нимъ упражненій, когда онъ вдругъ сказалъ: «Я знаю, я читалъ, у насъ объ этомъ писалъ нѣкто Карло Плачи». Послѣ всего написаннаго въ предшествующихъ строкахъ вы легко поймете впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ именемъ въ эту минуту. Среди безотрадной пошлости, среди оскорбительной жестокости всего того, что насъ здѣсь окружаетъ, среди удручающихъ потемокъ, при полной оторванности отъ внѣшняго міра и мірового движенія — это имя въ устахъ пріѣзжаго итальяница было для меня зеленой вѣтвью въ клювѣ голубя, прилетѣвшаго въ ковчегъ: значитъ, — тамъ есть еще жизнь, тамъ продолжается. И Италія есть, и Флоренція продолжается. Увижу ли?.. Когда?...

Отъ Испаніи до Флоренціи. Портреты ушедшихъ людей.

Какая минута жизни сравнима съ той остановкой, которою даритъ насъ судьба на перегибѣ между гимназіей и университетомъ? Переходъ изъ отрочества въ мужество... Я использовалъ время отъ конца мая до начала сентября 1881 года въ путешествіи. Страсть къ путешествію во мнѣ уже тогда сидѣла и осталась навсегда.

Съ отцомъ моимъ мы поѣхали въ Парижъ. Тутъ мои первыя впечатлѣнія отъ французскаго театра. Многое изъ того, что я описывалъ въ первой части этой книги, я видѣлъ именно тогда. До сихъ поръ удивляюсь четкости своихъ впечатлѣній и длительности, съ какой, вонзившись въ меня, они въ памяти живутъ. Очень можетъ быть, оттого такъ и сильны они, что это было еще

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнія бытья...

Изъ Парижа я поѣхалъ въ Испанію. Въ Мадридѣ ходилъ каждый день въ музей Прадо, самый мнѣ близкій изъ всѣхъ музеевъ послѣ Флорентинскихъ. Тамъ я узналъ Веласкеза, его глубокіе горизонты и его глубокіе, издалека смотрящіе глаза. Можно ли забыть пронзительные взгляды этихъ людей, сидящихъ вкругъ, среди скалистой природы, и этого оголеннаго юноши, котораго вѣнчаютъ виноградным вѣнкомъ, и того, который держитъ въ рукахъ чашу виноградного сока? Чей взоръ, хоть разъ встрѣтившійся съ этими взорами, можетъ избѣжать ихъ хищнаго, ядовитаго преслѣдованія? И тутъ же, въ томъ же музеѣ, того же Веласкеза — распятіе. Никакого взора, — опущенная голова, и лицо наполовину завѣшано выбившимися изъ-подъ терноваго вѣнца волосами. Это распятіе совсѣмъ отлично отъ всѣхъ другихъ. Въ немъ никакого внѣшняго порыва вверхъ, оно не взываетъ къ небу; все склоняется, — голова склоняется, пальцы отвисаютъ и склоняются, измученные къ ладонямъ; уста смежились, и только свѣтъ теплится вокругъ склоненной головы. Ко всѣмъ распятіямъ приложима

подпись: «Вскую мя оставилъ еси»; подъ распятіемъ Веласкеза: «Свершилось»... Въ Севильи я узналъ Мурильо, котораго до того слишкомъ мало цѣнилъ; узналъ реализмъ его нищихъ, а въ большихъ фрескахъ монастыря узналъ его совсѣмъ неожиданный размахъ большого композитора... Севилью помню плохо, мало былъ. Помню узкія улицы, прохладные съ колоннами и фонтанами дворы, балконы, рѣшетки, мантильи, гитары и пресыщающій запахъ жасмина... Кадиксъ — на высокой скалѣ бѣлый городъ, окаймленный морской синевой. Помню нашего консула, благообразнаго старика барона Фелейзена съ женой. Вечеромъ ходили на городскую прогулку, на высокую Аламеду, куда высыпали въ мантильяхъ красавицы: помню одну, которую старикъ называлъ «l'astre du jour» (свѣтило дня)... Самое удивительное, изъ того что я видѣлъ въ Испаніи, это Гранада. На фонѣ снѣжной Сіера Невада, въ лаврахъ и апельсинахъ утопающій городъ. Смѣшенье мавританскаго мраморнаго кружева и мавританскихъ изразцовъ съ тяжелымъ испанскимъ ренессансомъ. Сказочная Альгамбра, угрюмые остатки дворца Карла V, игрушечный дворецъ Хенералифе, олеандры, кипарисы и журчаніе воды: всюду вода, — наслѣдіе мавританскаго владычества... Я проѣхалъ Испанію слишкомъ быстро, и было это сорокъ лѣтъ тому назадъ...

Видѣлъ я еще Эскуріалъ, — «въ пустынѣ чахлой и скупой» — каменный Эскуріалъ, монастырь, гдѣ хоронятъ испанскихъ королей. Когда похоронное шествіе подходитъ къ воротамъ монастыря, ворота заперты. Маршалъ стучится въ ворота. Голосъ изнутри:

— Кто тамъ?

— Тотъ, кто былъ король Испаніи.

Ворота отворяются, выходятъ монахи, принимаютъ гробъ, вносятъ, — ворота затворяются. Похоронное шествіе расходится... Видѣлъ я угрюмое Толедо надъ крутымъ берегомъ мутнаго Таго, съ его мрачнымъ не то дворцомъ, не то темницей Альказаромъ и съ мрачнымъ соборомъ, изъ котораго неожиданный выходъ въ очаровательный дворикъ съ кружевными готическими арками. Здѣсь висятъ желѣзныя цѣпи, въ которыхъ томились испанскіе плѣнники въ Гранадѣ до паденія мавританскаго владычества. Фердинандъ и Изабелла послѣ взятія Гранады привезли ихъ сюда, повѣсили тяжелыя цѣпи въ этомъ дворикѣ; теперь ихъ оплетаетъ зеленый виноградъ. Какъ хорошо помню этотъ зеленый виноградъ вокругъ готическихъ арокъ: противъ свѣта непроницаемый рисунокъ каменной рѣзьбы, и вокругъ него пронизанная свѣтомъ зелень виноградныхъ листьевъ... Испанія суровая страна. Чтобы увидать немного больше, чѣмъ то, что видишь изъ окна вагона, я

совершилъ длинную поѣздку въ дилижансѣ отъ Гранады до станціи Менхибаръ, двѣнадцать часовъ. Высоко на козлахъ, выше кучера. Нелегко это было, тряско, очень утомительно. Но мулы, бубенцы, остановки въ харчевняхъ, перепряжка лошадей и перебранка погонщиковъ, ослѣпительная луна и фантастическія очертанія скалъ съ ерошащимися на нихъ агавами, — все было необычно ново и осталось въ памяти, какъ что-то единственное, неповторимое, сказочное, но суровое. Природа испанская – непривѣтливая, но испанцы ее засыпали цвѣтами, забрызгали фонтанами, залили гитарнымъ звономъ и стукомъ кастаньетъ...

Тогда же я видѣлъ въ первый разъ бой быковъ.

> Ликуетъ буйный Римъ. Торжественно гремитъ
> Рукоплесканьями широкая арена.

Только не Римъ, а Мадридъ. Каждое воскресенье въ пять часовъ огромный циркъ наполняется нетерпѣливой толпой. Вокругъ цирка говоръ, крики, суета. Повозки, мулы, бубенцы, шарфы, вѣера, зонтики, мантильи, лимоны, апельсины, вода, мороженое, фрукты, сигары, конфеты. Все это кричитъ, — кто требуетъ, кто предлагаетъ, и надо всѣмъ развѣваются флаги, испанскіе цвѣта, — желтый съ краснымъ. Вхожу, пробираюсь на мѣсто, тороплюсь, — заразительно общее нетерпѣнье. Сажусь. Страшно передъ невѣдомымъ кровавымъ зрѣлищемъ; но смотрю, вправо отъ меня сидитъ дѣвушка лѣтъ семнадцати, очаровательная испанка; изъ-подъ черной кружевной мантильки льнутъ къ вискамъ напомаженные крючечки волосъ, то, что французы называютъ сердцеловами, — на матовой кожѣ лица глянцовитые черные вопросительные знаки; мантилька приколота къ волосамъ и къ груди двуцвѣтными кокардами изъ желтыхъ и красныхъ цвѣтовъ. Она тоже ждетъ кроваваго зрѣлища, но на лицѣ ея ни тѣни безпокойства; и я подавляю свое волненіе. Я сижу «a la sombra», въ тѣнистой сторонѣ огромнаго цирка; это считается лучшими мѣстами. Понятно, — здѣсь прохладно и не надо хмуриться, да и видна вдобавокъ другая, солнечная сторона: она вся мигаетъ, какъ цвѣтными крыльями, трепещетъ вѣерами... Разражается духовой оркестръ. Выходитъ на арену блестящее шествіе, — конные, пѣшіе; развѣваются красные плащи, блеститъ на солнцѣ золотое шитье испанскихъ костюмовъ. Размѣщаются въ разныхъ мѣстахъ арены. Отворяются большія тяжелыя ворота, — на арену высакиваетъ быкъ, — огромный, какихъ мы не видали. Какъ разно онъ выскакиваетъ. Одинъ выскочитъ, и гордый, останавливается, озираетъ толпу; тогда приходится дразнить его, чтобы завязать борьбу. Другой выскочитъ и, какъ стрѣла, стремглавъ кидается на лошадь, — въ мигъ и конь, и всадникъ

подняты на воздухъ и съ грохотомъ падаютъ на землю; но всадникъ успѣлъ вонзить ему свою пику, и быкъ устремляется на другую лошадь. Вся арена тогда въ движеніи; пѣшіе подскакиваютъ къ нему, дразнятъ красными плащами, отвлекаютъ его вниманіе. Быкъ вдругъ намѣтитъ стоящаго у высокаго барьера человѣка, бросается на него, но тотъ привскакиваетъ на ступеньку и съ акробатской ловкостью перебрасывается черезъ барьеръ, — быкъ останавливается передъ пустымъ мѣстомъ. Въ ярости онъ бьетъ копытомъ, роетъ песокъ. Онъ утомился. Тогда приносятъ маленькія пики, обмотанныя цвѣтными ленточками. Человѣкъ передъ быкомъ стоитъ, привскакиваетъ, приплясываетъ, и когда быкъ на него кидается, онъ сверху втыкаетъ ему двѣ пики въ шею и отскакиваетъ. Жестоко, но жестокость прикрыта такой нарядностью, такой молодцеватостью, что нельзя не любоваться. Съ какою легкостью эти люди въ бархатныхъ, золотомъ шитыхъ костюмахъ, въ чулкахъ и башмакахъ играютъ со смертью... Когда у быка по обѣ стороны шеи цѣлая бахрома маленькихъ пикъ съ лентами, тогда выступаетъ тореадоръ, — самый нарядный изъ всѣхъ; въ одной рукѣ длинное лезвіе, въ другой маленькій кусокъ красной матеріи. Наступаетъ минута единоборства; весь циркъ замеръ, десять тысячъ человѣкъ притаили дыханіе... Человѣкъ и быкъ стоятъ другъ противъ друга; быкъ наконецъ кидается на красную тряпицу, которую человѣкъ подставляетъ ему лѣвою рукой, а правая въ это время, проходя между рогами, вонзаетъ ему длинное лезвіе вдоль спинного хребта. Быкъ падаетъ. Ревъ, гвалтъ, рукоплесканія. Оркестръ играетъ. На арену летятъ цвѣты, апельсины, сигары, дамскіе платки... Выѣзжаютъ съ бубенцами и кисточками мулы по три врядъ; за ними на веревкахъ крюки; подбираютъ трупы лошадей и быка. Въ три минуты нѣтъ слѣда минувшихъ ужасовъ. Все смирѣетъ; все ждетъ. Открываются ворота, — выскакиваетъ новый быкъ...

Изъ Испаніи я заѣхалъ въ Баньеръ де Бигоръ на французскомъ склонѣ Пиринеевъ, навѣстить отца, которые тамъ лѣчился водами. Что за прелесть сѣверный склонъ Пиренейскихъ горъ! И какъ не похожи оба склона, — французскій и испанскій. Южный склонъ выжженъ, пустыненъ, желто-бурый; селенья рѣдки, влаги мало, потоки пересохли, — дикій, суровый край, съ разбойничьими преданіями. А сѣверный, французскій склонъ! Зеленый, влажный, плодородный. Города и селенья ютятся въ разселинахъ, всползаютъ на скалы, спускаются въ долины. Пиренейскія долины! Что за картины благоденствія! Онѣ какъ будто говорятъ человѣку: «Зачѣмъ ты несчастливъ? Все мы тебѣ даемъ.» Далеко онѣ разстилаются, какъ коверъ зеленый, по которому широкая рѣка величаво провожаетъ

Книгозбірня "СТУДІОНУ" у Львов

бѣлые разводы своей успокоившейся пѣны. И стоятъ вдоль берега, какъ застывшая процессія, длинные, тонкіе тополя, крѣпко вросшіе и трепетно стерегущіе спокойный бѣгъ глубокой воды. Заселенныя долины, въ радости обработанныя, необманно расцвѣтающія, развертываются, теряются въ блѣднѣющей дали...

А въ горахъ сколько прелести, какое разнообразіе! Никогда вы не на одной высотѣ; то недоступная передъ вами вышина, то недосягаемыя низины. Дорога вьется петлей, огибаетъ скалистыя громады, свисаетъ карнизомъ, сбѣгаетъ въ мрачныя, сырыя щели, выкатывается въ зеленый просторъ; мосты висятъ надъ безднами, а то такъ спускаются къ водѣ, что ихъ обдаетъ сыростью и шумомъ. О, прелесть пиренейской воды! Всюду она журчитъ, отовсюду васъ окликаетъ; то пѣнистое пыльное паденье водопада, то ровное теченіе межъ сочныхъ береговъ, то со дна котловины смотритъ на васъ жидкаго аквамарина глазъ съ поволокой бѣлой пѣны, окаймленный рѣсницами папоротника и шиповника...

Мы съ отцомъ объѣхали много пиренейскихъ городковъ. Подымались на вершины, спускались въ долины. Перевалили черезъ Col du Tourmalet, видѣли городокъ St. Jean de Luz, повисшій надъ пропастью, оберегаемый бѣлой своей колокольней; къ нему, къ этому городку ведетъ надъ пропастью мостъ, одинъ надъ бездной перекинутый сводъ; надъ смычкой свода — распластанный каменный орелъ: мостъ построенъ Наполеономъ III... Видѣли, какъ развернулся передъ нами Циркъ Гаварни, — амфитеатръ скалъ, въ верхнемъ краѣ котораго зазубрина на небѣ вырисовываетъ свѣтлую выемку; это по преданію Роландъ Ронсевальскій, перескакивая черезъ Пиренеи, задѣлъ копытомъ своего коня... Видѣли гротъ Лурдской Богоматери съ никогда не гаснущимъ въ немъ свѣтомъ длинныхъ восковыхъ свѣчей, съ тысячными толпами молящихся и со сводами, увѣшанными безчисленными костылями, — подношеніями за дарованныя исцѣленія... Заходили на знаменитую шоколадную фабрику въ городѣ Тарбъ... И подолгу гуляли на терассѣ передъ дворцомъ города По. Что за городъ! Столица стараго королевства Наваррскаго. Опасный юморъ разсказовъ королевы Маргариты... И что за видъ! Сзади снѣжныя вершины, а впереди, внизу — цвѣтущія долины. Далеко, далеко разстилаются онѣ, такъ далеко, что не видать движенія: даль недвижна, даль безмолвна, — отсюда спокойствіе высотъ. Только иногда далекій свистокъ, и тогда ищешь глазами и увидишь въ зелени растрепанную вѣтромъ бѣло-дымчатую гриву; но съ этой высоты, въ такой дали и поѣздъ кажется, что не быстро бѣжитъ... Одинъ изъ этихъ поѣздовъ умчалъ меня въ Италію...

Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ Ривьеры! Какъ медленно тянулась ночь!.. Я былъ одинъ въ вагонѣ; я не спалъ, — я сторожилъ, чтобъ не пропустить зарю, не пропустить, когда во тьмѣ блеснутъ первыя полосы Средиземнаго моря... На одной станціи, — было еще совсѣмъ темно, — входитъ пассажиръ.

— Pourriez-vous me dire, monsieur, de quel coté il faut que je me mette pour voir la mer? (Можете ли мнѣ сказать, съ какой стороны мнѣ помѣститься, чтобы видѣть море?)

— Mais à droite, monsieur. (Съ правой, разумѣется.)

— Ah, monsieur est donc du pays? (Ага? Вы, значитъ, здѣшній?)

— Non, monsieur, je ne suis pas du pays. (Нѣтъ, я не здѣшній.)

— Alors monsieur est souvent venu à la côte d'azure? (Въ такомъ случаѣ вы часто пріѣзжали на южный берегъ?)

— Mais non, monsieur, c'est la première fois que j'y viens. (Да нѣтъ, я въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ.)

— Et comment alors savez-vous que nous aurons la mer a droite? (Такъ какъ же вы можете знать, что море будетъ у насъ справо?)

Ну какъ объяснить человѣку, что, когда ѣдешь изъ Франціи въ Италію, то море не можетъ быть иначе какъ съ правой стороны? Я всегда былъ мало разговорчивъ въ дорогѣ, но до сихъ поръ жалѣю, что не распросилъ его, откуда онъ и гдѣ учился... Вамъ не кажется, что въ географіи проявляется культурный уровень человѣка? Да еще въ грамматикѣ. Есть что-то общее; тамъ умѣнье разбираться во внѣшнемъ пространствѣ, здѣсь умѣнье разбираться въ пространствѣ внутреннемъ...

Да, умѣнье разбираться... Labruyere сказалъ: «Apres les diamants et les perles, ce qu'il y a de plus rare au monde, c'est l'esprit de discernement»...

Ривьера сіяла. Смотрю направо изъ окна: черезъ макушки оливъ, апельсиновъ и пальмъ на море смотрѣть больно, — слѣпитъ. Щуришься, и кажется, вся природа въ знойномъ блескѣ щурится. Дома и виллы утопаютъ въ садахъ. Налѣво, выше насъ, опаленные фасады съ закрытыми ставнями, какъ безглазые, смотрятъ на солнце; направо, ниже насъ, фасады, обращенные на сѣверъ, смотрятъ зрячими окнами. Поѣздъ часто останавливается; маленькія станціонныя зданія заплетены вьющимися яркими цвѣтами. Все полуденно-сонно, и пресыщена запахами горячая нѣга... Нехотя какъ будто поѣздъ продвигается, скользитъ межъ садовъ, межъ каменныхъ стѣнъ; какъ длинная гусеница, просасывается въ дыры туннелей, выходитъ въ лощины, огибаетъ мысы. За каждымъ мысомъ новая даль, и одинъ изъ тѣхъ мысовъ въ далекой дымкѣ навѣрное уже Италія... Проѣзжаемъ кругло-продолговатую гавань

Вилль Франшъ. Въ глубокой ея лохани, межъ крутыхъ высокихъ горъ, покоятся на лонѣ ослѣпляющей воды гиганты броненосцы. Въ ласковыхъ складкахъ трепещутъ флаги французскіе и иноземные... Проѣзжаемъ Монако. Столица маленькаго княжества на желто-сѣрой скалѣ выдвигаетъ въ море желто-сѣрую громаду княжескаго дворца... Проѣзжаемъ Монтекарло. Надъ терассами, средь лавровъ, пальмъ и померанцевъ, поднятый межъ сіяющимъ моремъ и сіяющимъ небомъ, съ башнями, кіосками и куполами высится игорный домъ, — ехидная приманка, дворецъ всемірнаго соблазна... Проѣзжаемъ въ лощинѣ нѣжащуюся Ментону, и вотъ, — послѣдній французскій мысъ: за нимъ Вентимилья, итальянская граница.

Странно. Здѣсь нѣтъ того рѣзкаго перехода, какъ въ Альпахъ; тотъ же берегъ моря, тѣ же лавры, тѣ же пальмы, тѣ же апельсины, и всетаки все другое. Италія! Я никогда не любилъ Ривьеры; не потому, что она мнѣ не нравится, а слишкомъ она близка къ Италіи. На Ривьерѣ я чувствую себя, какъ на натянутой цѣпи, съ которой мнѣ хочется, не терпится сорваться... Ѣдемъ дальше. Мимо утопающей въ пальмахъ Бордигеры, мимо жаркаго Санремо, зеленаго Нерви, цвѣтущаго Рапалло; мимо гордой Генуи, мимо шумливаго, торговаго Ливурна... Поѣздъ оставляетъ море, сворачиваетъ влѣво, вдоль берега мутнаго Арно. Вотъ тихая, сонная Пиза съ знаменитымъ соборомъ своимъ, съ надоѣвшей своей наклонной башней и съ молчаливымъ своимъ Кампо Санто... Мимо, мимо! Флоренція зоветъ!

Длинные оголенные тополя съ одной лишь зеленой кисточкой на макушкѣ... Вечеръетъ, прохладно... Запахъ листьевъ... Вотъ на берегу воды строенія, большая терасса; стоятъ на парапетѣ и среди цвѣтовъ вазы старинной формы, огромныхъ размѣровъ горшки, — это знаменитая фабрика Синья, которая воспроизводитъ старую утварь по образцамъ древне-римскимъ, помпейскимъ и итальянскаго возрожденія. Я впослѣдствіи привезъ въ деревню четыре огромныхъ горшка, какъ тѣ, въ которыхъ древніе римляне хранили, а итальянцы до сихъ поръ хранятъ оливковое масло; «орчи» зовутся они... Мимо пролетаетъ поѣздъ. Сейчасъ Флоренція. Уже пошли огороды, эти прелестные итальянскіе «подэри», гдѣ и овощи, и цвѣты, и плодовыя деревья, — все вперемѣшку... Вотъ уже Арно заслоняется темными купами Кашинъ, городского парка; вотъ старыя крѣпостныя стѣны, дома, расходящіеся, сходящіеся рельсы, сигнальные огни, семафоры, послѣдніе толчки, тормазъ, — «Firenze!» — кричатъ соскочившіе съ поѣзда кондуктора.

Я часто въ жизни подъѣзжалъ къ Флоренціи, и не упомню, сколько разъ. Впослѣдствіи я завелъ книжечку, куда записывалъ всѣ города, въ которыхъ бывалъ, — годъ, мѣсяцъ. По этой книжечкѣ легко было бы возстанавливать прошлое; но и ее у меня отняли, когда отняли все мое добро. Теперь приходится положиться на то, чего отнять нельзя, — на память, пока самъ ея не потерялъ... Часто я подъѣзжалъ къ Флоренціи, часто живалъ въ ней, часто наѣзжалъ, но память ни одного другого пріѣзда, ни одного другого пребыванія не дорога мнѣ, какъ память объ этомъ второмъ моемъ посѣщеніи въ 1881 году. Мнѣ только что минуло 21 годъ. Какъ опредѣлить свойство той прелести, которая заливаетъ душу, когда бужу въ себѣ эти воспоминанія? Встаетъ передо мной одинъ эпизодъ изъ Толстого. Помните въ «Воскресеніи», когда Нехлюдовъ пріѣзжаетъ въ деревню къ теткѣ? Какъ его охватываютъ воспоминанія дѣтства. И какъ всѣ эти воспоминанія сливаются съ ощущеніями окружающей дѣйствительности: чистая комната, чистое бѣлье, послѣ дорожной пыли — умывальникъ... Тутъ есть одна подробность. Мнѣ всегда казалось, что было бы интересно составить изъ разныхъ авторовъ сборникъ того, что я бы назвалъ «геніальныя подробности». Вотъ такая геніальная подробность въ этомъ мѣстѣ у Толстого. Нехлюдовъ собирается умываться, — отворяется дверь, входитъ цвѣтущая, румяная молодая дѣвушка, подаетъ ему чистое полотенце и кусокъ мыла — новый, на которомъ буквы еще не стерты. Геніальны эти нестертыя буквы на кускѣ мыла и упоминаніе о нихъ, даже скажемъ, просто появленіе ихъ въ такую минуту... Такъ вотъ, вспоминаю геніальную подробность Толстого, когда мыслями лечу къ тому своему пребыванію во Флоренціи.

Мало кто знаетъ Италію лѣтомъ. А между тѣмъ, большая въ ней лѣтомъ прелесть. Лѣтняя Италія это Италія для итальянцевъ; зимой — Италія для иностранцевъ. Лѣтомъ большія гостиницы Флоренціи пустуютъ, большіе магазины не работаютъ, нарядныхъ экипажей не видать. Набережная Lungaro тянется знойная, пустынная; всѣ окна съ задернутыми ставнями, и за этими ставнями, въ темныхъ пустыхъ комнатахъ, на люстрахъ свѣчи мякнутъ и гнутся отъ жары. Все живущее ищетъ тѣни. И мнѣ въ Hôtel d'Italie отвели комнату не на набережную, а на тѣнистую, шумливую Боргонисанти...

Хочу сказать теперь о нѣкоторыхъ людяхъ, которыхъ видѣлъ тогда и которыхъ больше не увижу...

Эдуардъ Карловичъ Клаусъ былъ гувернеромъ моего дяди Петра Григорьевича, брата моей матери, и намъ съ братомъ, когда въ первый разъ мы были во Флоренціи, онъ давалъ уроки математики и нѣмецкаго языка. Мы любили его уроки столько же, сколько его самого. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ, и

старички жили въ маленькой квартиркѣ на Віа Романа. Милые старички. Какая воспитанность, какія прелестныя формы вниманія. Они принимали меня, какъ родного; у нихъ я и отдыхалъ и поучался. Они знали Италію, направляли меня; они любили Италію, и только про Миланъ она пренебрежительно говорила съ невытравимымъ англійскимъ акцентомъ: «Une grande ville mercantille». (Большой торговый городъ.) Противъ ихъ дома не было другого дома, а была стѣна, окружающая садъ при виллѣ Ториджани; поэтому въ узкой мрачной улицѣ у нихъ въ квартирѣ былъ свѣтъ и воздухъ, и изъ окна третьяго этажа видны были трепещущіе переливы лоснящихся на солнцѣ вѣчно-зеленыхъ лавровыхъ листовъ... Въ одинъ изъ слѣдующихъ пріѣздовъ во Флоренцію я попалъ на похороны г-жи Клаусъ. Какъ грустенъ одинокій старикъ, провожающій свою старуху... Больше я его не видалъ. Кто провожалъ *его*, не знаю...

Докладывая домой о первыхъ дняхъ моего флорентинскаго пребыванія, помню, я писалъ матери, что прежде всего мое вниманіе было удѣлено «древностямъ», и прибавлялъ: «то есть Клаусамъ и Ларисѣ Андреевнѣ». О Клаусахъ сказалъ. Лариса Андреевна Поджіо, вдова декабриста Александра Викторовича, уже много лѣтъ жила во Флоренціи со своей дочерью Варенькой. Она была милая, привѣтливая старушка, не глубокой культуры, но тонкаго воспитанія. Она вышла замужъ въ Иркутскѣ, гдѣ была классной дамой въ институтѣ. Отъ Иркутска до Флоренціи какой большой пробѣгъ жизни. Сколько пережитаго прошлаго въ ея памяти. Жалко, что не использовалъ ея воспоминаній; но она была такая живая старушка, жила больше настоящимъ, нежели прошлымъ. Ея дочь, Варенька была прекрасная музыкантша, ученица Бюлова. Она была замужемъ за Владиміромъ Степановичемъ Высоцкимъ, котораго однажды по моей просьбѣ принялъ на службу управлявшій таможеннымъ департаментомъ Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ; онъ долгіе годы былъ начальникомъ таможни въ Вержболовѣ; кто изъ проѣзжавшихъ не зналъ его?.. Въ домѣ Поджіо-Высоцкихъ жили художественные интересы. Дочери Вареньки занимались живописью въ то время какъ мать давала уроки музыки. Артисты всѣхъ профессій были имъ друзьями. Росси и Сальвини были у нихъ своими людьми. Старушка всѣмъ этимъ интересовалась и жила этимъ больше, чѣмъ воспоминаніями о Сибири. Не скажу, чтобы она жила искусствомъ, литературой и пр., нѣтъ, но она интересовалась тѣмъ, чѣмъ жили ея дочь и внучки; она въ нихъ жила и черезъ нихъ жила въ томъ, что ихъ интересовало. Часто я замѣчалъ въ людяхъ пожилыхъ такой приливъ совершенно новыхъ для нихъ интересовъ изъ любви къ интересамъ подростающихъ внуковъ. Я зналъ ба-

бушку, которая пристрастилась къ нумизматикѣ, потому что внукъ собиралъ монеты; я знаю бабушку, которая на старости лѣтъ начала коллекцію марокъ. . .

Лариса Андреевна была прелестнаго характера. Она чувствовала горячо. Отъ нея вѣяло не осенью, какъ отъ многихъ стариковъ, а — лѣтомъ; она всегда сообщала послѣднюю новость, она всегда говорила о завтрашнемъ днѣ. Маленькая, кругленькая, съ круглымъ лицомъ, съ высокимъ оголеннымъ лбомъ, покрытымъ черной косынкой, она была сама привѣтливость. Драгоцѣнное качество тѣмъ болѣе, что жизнь ихъ иногда бывала не легкая. Они испытали много нужды. Наконецъ, открыли во Флоренціи пансіонъ (впослѣдствіи и въ Римѣ). Сколько русскихъ, — музыкантовъ, живописцевъ, писателей останавливалось у нихъ на Віале Маргерита 42. . . Онѣ вступили въ союзъ со старой пріятельницей своей Любовью Ивановной Челюсткиной, когда-то пѣвицей, ученицей Віардо, пѣвшей подъ именемъ Альбини. Такъ и домъ ихъ сталъ называться Пансіонъ Альбини. Высокая, огромная, съ сѣдыми стриженными волосами, «la Signora Albini» извѣстна всей Флоренціи. Она похожа на гренадера въ юбкѣ, но въ гостиной виситъ ея портретъ въ костюмѣ пажа изъ «Гугенотовъ». Мой пріятель Карло Плачи говоритъ, что въ память своихъ прежнихъ лавровъ она всегда носитъ подъ юбками трико. . . Мой отецъ называлъ Любовь Ивановну — Амора Ивановна. Варвара Александровна и Любовь Ивановна сейчасъ живутъ, если только живы, въ Марина ди Пиза, на берегу моря, куда перенесся Пансіонъ Альбини. . . Старушка Лариса Андреевна давно умерла. Вспоминаю ее съ благодарностью. Я думаю, всякій человѣкъ, приближаясь къ склону дней своихъ, съ благодарностью вспоминаетъ привѣтливыхъ старушекъ, которыя когда-то говорили ему «ты». . .

Вспоминаю, что въ комнатѣ Ларисы Андреевны висѣла картинка Айвазовскаго, и по этому поводу хочу сказать, что извѣстный нашъ маринистъ былъ во Флоренціи въ ту зиму, которую мы тамъ прожили дѣтьми, въ 1872 году. Онъ часто приходилъ къ намъ вечерами; онъ всегда приносилъ съ собой пачку акварельной бумаги, кисти и краску. За разговоромъ онъ писалъ морскіе виды сепіей. Онъ пекъ ихъ, какъ блины, обыкновенно по три заразъ: пока работаетъ надъ однимъ, другіе два подсыхаютъ; какъ подсохнетъ одинъ изъ нихъ, онъ его беретъ, а тотъ оставляетъ. Тогда я узналъ примѣненіе перочиннаго ножа въ акварели: ножомъ онъ выскабливалъ краску съ бумаги, чтобы дать пѣну на волнахъ, струи воды со свисающей скалы.

Въ ту же зиму часто приходилъ къ намъ графъ Алексѣй Толстой. Часто вечерами читалъ у насъ свои послѣднія произве-

денія. Такъ слышалъ я по рукописи и въ авторскомъ чтеніи — балладу «Порой веселой мая» и множество мелкихъ стихотвореній, также «Посадника». Скажу, что чтеніе его было ужасно. Онъ рубилъ стихъ, отбивалъ ритму; это было грубо и такъ мало сочеталось съ тонкостью текста и съ тонкостью его собственной природы. Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ о чтеніи другихъ авторовъ, которыхъ мнѣ пришлось слышать. Авторы вообще плохіе чтецы, но они и не спеціалисты. А самые плохіе чтецы именно спеціалисты, актеры. За время моихъ трехлѣтнихъ занятій въ Москвѣ 1919—1921 по разнымъ студіямъ театральнымъ я убѣдился въ томъ, что они во первыхъ не знакомы съ самыми начальными элементами искусства рѣчи, а во вторыхъ до того укрѣпились въ своихъ голосовыхъ трафаретахъ и штампахъ, что не способы перенять простѣйшихъ интонацій. Они не знаютъ, что такое верхъ и низъ, повышеніе и пониженіе, они совершенно какъ въ потемкахъ. Ихъ голоса, утвердившіеся въ излюбленныхъ ухваткахъ, задеревянѣли въ нихъ и утратили природную свою гибкость. Когда-нибудь поговоримъ и объ этомъ, а сейчасъ вернемся въ глубь раннихъ флорентинскихъ воспоминаній.

Въ числѣ знакомствъ, унаслѣдованныхъ мной, упомяну еще живописца Маріанечи, учителя рисованья моей матери. Онъ мастерски копировалъ акварелью. Не скажу, чтобы я очень любилъ эту отрасль искусства, но въ то время на нее былъ большой спросъ. У насъ въ домѣ было множество его работъ. Гдѣ онъ сейчасъ? . .Онъ былъ старикъ рѣдкой красоты, очень молчаливый. Его жена была черная, вострая тосканка, очень некрасивая и очень говорливая. Я ѣздилъ къ нимъ въ деревню, на ихъ виллу въ горахъ Муджелло. Отъ нея въ первый разъ услышалъ я фразу, которая впослѣдствіи мнѣ уши прозвонила. Когда зашла рѣчь о томъ, что русскіе хорошо горорятъ на иностранныхъ языкахъ, она сказала: «La loro lingua è tanto difficile, che poi tutte le altre lor sembrano facili. Ecco.» (Ихъ языкъ такъ труденъ, что послѣ него всѣ другіе языки имъ кажутся легки.) Это объясненіе, которое каждый провозглашалъ, какъ открытое имъ колумбово яйцо, я слышалъ на протяженіи всей моей жизни.

И еще въ числѣ унаслѣдованныхъ знакомствъ — старушка Аделаида, по фамиліи Пэтъ. Она была компаньонкой сестры моего дѣда декабриста, княгини Софьи Григорьевны Волконской. Когда Софья Григорьевна ѣздила въ Сибирь навѣстить брата и прожила съ нимъ годъ въ Иркутскѣ, Аделаида ее сопровождала. Много бы можно разсказать объ этихъ двухъ женщинахъ, но я подробно говорилъ о нихъ въ моей книжкѣ «О декабристахъ». Я тамъ нарисовалъ портретъ моей прабабки (называю ее прабабкой, потому что отецъ мой женился на ея

внучкѣ), страшной старухи, съ усами, скряги, клептоманки, и ея маленькой горбатой подруги-компаньонки. Скажу здѣсь только, что я ѣздилъ навѣстить старушку. Между Пизой и Ливурномъ жила она, на маленькой дачкѣ, съ сестрой и племянникомъ. Она была рѣдко живой человѣкъ, она вся кипѣла и искрилась. Ея сестра была смирная, плавная, настолько же довѣрчиво-одобрительная, насколько Аделаида была отрицательно-саркастична. Когда онѣ были вмѣстѣ, онѣ всегда, по всякому предмету высказывались по очереди, и можно сказать, — всякій предметъ освѣщался съ двухъ сторонъ... Много семейнаго, стародавняго улетучилось съ Аделаидой. Мы не умѣемъ пользоваться стариками. Когда они говорятъ о прошломъ, молодежи скучно, а когда они говорятъ о настоящемъ, молодежь имъ даетъ понять, что они суются не въ свое дѣло. А когда мы сами старимся, тогда жалѣемъ, но уже поздно. Не сразу человѣкъ понимаетъ, что обогащеніе жизни не въ томъ, чтобы спорить по существу, а въ томъ, чтобы возможно больше воспринять, собрать и сохранить...

Пріѣзжалъ въ то время во Флоренцію повидаться со своей матерью мой добрый пріятель князь Борисъ Борисовичъ Голицынъ, извѣстный между знакомыми подъ именемъ Боби. Его мать вышла вторымъ бракомъ за итальянца, маркиза Инконтри, и жила во Флоренціи; впослѣдствіи она переѣхала на чудную виллу Инконтри, — Піэтра, къ сѣверу отъ города, по болонской дорогѣ. Боби Голицына я зналъ съ дѣтства; долго онъ мнѣ не нравился; онъ былъ воспитанъ въ холѣ, его одѣвали въ бархатъ. Какъ невѣрно въ эти годы мы осуждаемъ дѣтей за то, что съ ними дѣлаютъ души не чающія въ нихъ бабушки. Впослѣдствіи онъ поступилъ въ морское училище; онъ выказалъ выдающіяся способности. Выйдя въ отставку, онъ пошелъ по ученой части, поступилъ профессоромъ въ Морскую Академію. Онъ стяжалъ почетную извѣстность въ области физики и высшей математики; нѣкоторые открытые имъ методы вычисленія приняты наукой. Онъ всегда былъ окруженъ приборами, цифровыми выкладками. Онъ былъ академикъ и завѣдывалъ петербургской сейсмической станціей. Въ области предсказанія землетрясеній онъ особенно много сдѣлалъ.

Боби Голицынъ былъ задумчивъ, нехотя смѣялся; вся жизнь некрасиваго лица сосредоточивалась въ глазахъ; это были горящіе угли, какъ у араба. Откуда могло быть у него такое наслѣдіе? Его мать была «урожденная Кушелева», по визитнымъ карточкамъ, но всѣ знали, что она подкидышъ, ее въ шляпной кардонкѣ положили на подъѣздѣ старушки Кушелевой, жившей въ большомъ угловомъ домѣ на Фонтанкѣ у Симеоньевскаго моста. Ребенокъ попалъ въ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и сановитыхъ домовъ тогдашняго Петербурга; ста-

руха Кушелева была послѣдняя, которая еще выѣзжала на четверикѣ цугомъ. Хотя у нея были свои дочери, по пріемышъ сдѣлался любимицей. Она получила прекрасное воспитаніе и столь же блистала живостью ума, сколько отстутвіемъ красоты. «Маркиза Маня» была очень извѣстна по Флоренціи своимъ гостепріимствомъ, своимъ остроуміемъ и вострымъ языкомъ... Меня она приняла, какъ друга своего сына; я часто жилъ у нея на виллѣ... Боби Голицынъ былъ милый человѣкъ, съ пріятными формами обращенія, чрезвычайно ровный. Свою огромную ученость онъ никогда не показывалъ; онъ съ людьми говорилъ, какъ будто черезъ форточку, — поговоритъ, поговоритъ и форточку захлопнетъ. Онъ былъ моложе меня, а умеръ года за два до войны. Онъ былъ женатъ на Маріи Константиновнѣ Хитрово, женщинѣ съ большимъ юморомъ и выдающимся комическимъ талантомъ. Слышалъ, что послѣ революціи она въ Петербургѣ поетъ куплеты и играетъ комическихъ старухъ... Она унаслѣдовала отъ своей свекрови знаменитые кушелевскіе жемчуга. Гдѣ они теперь? Потеряла жемчуга, пожинаетъ лавры...

Хочу еще выдѣлить изъ памяти нѣсколько именъ, каждое по своему заслуживающихъ выдѣленія.

Жила во Флоренціи, на своей сказочной виллѣ Маргерита, княгиня Марія Васильевна Воронцова. Врядъ ли можно назвать на памяти нашего поколѣнія болѣе яркую фигуру и судьбой поставленную въ болѣе блестящія условія. Ослѣпительной красоты. Мнѣ всегда представлялась она, когда читалъ въ Евгеніи Онѣгинѣ», про Татьяну, что на балу

Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы.

Эти стихи относятся къ ея свекрови, но передъ моей памятью всегда встаетъ образъ княгини Маріи Васильевны, хотя зналъ ее только старушкой. Но я видѣлъ ея портреты. Между прочимъ дивный портретъ Винтергальтера; въ бархатномъ кирпичнаго цвѣта платьѣ стоитъ она, отклонившись назадъ, держитъ въ рукѣ большую шляпу съ страусовымъ перомъ, которое покоится на пышной юбкѣ; все на ней пышное, тяжелое, а она сама — легкая, стройная. Какая прелесть въ портретахъ Винтергальтера! На фонѣ листьевъ, всегда съ кусочкомъ природы, точно въ противовѣсъ утонченности лица и изысканности наряда... Трудно представить себѣ болѣе блистательную обстановку, чѣмъ та, что была предоставлена судьбой княгинѣ Маріи Васильевнѣ Воронцовой. Въ Петербургѣ у нея былъ прелестный домъ на Крюковомъ каналѣ, впослѣдствіи дворецъ Великой Княгини Ксеніи Александров-

ны; въ Крыму у нея была на весь міръ извѣстная волшебная Алупка; въ Парижѣ домъ, на Женевскомъ озерѣ дача, вилла въ Ниццѣ, вилла въ Сорренто и, наконецъ, вилла во Флоренціи. Вездѣ она принимала царей и королей. Кстати, вотъ милый случай, рисующій блескъ и находчивость ея ума. Александръ II узналъ, что она неодобрительно отзывается о его намѣреніи жениться на княжнѣ Долгоруковой такъ скоро послѣ кончины Императрицы. Онъ ѣдетъ къ ней съ визитомъ и въ разговорѣ говоритъ:

— Il parait, princesse, qu'il faut être sur ses gardes avec vous, que vous avez la langue bien pendu?

— Oui, Sire, mais elle est trop courte. — Elle ne touche jamais le palais.[1])

Она бывала иногда до невѣроятности смѣла въ своей рѣчи, но все это было окрылено такой фантазіей, разукрашено такой яркостью эпитетовъ, что ей все сходило. Въ ней была какая-то черезмѣрность, чрезмѣрность ощущеній и чрезмѣрность выражній; это была сплошная превосходная степень.

Чрезмѣрность эта повышалась ея сыномъ отъ перваго брака, Столыпинымъ. Подъ именемъ Бульки онъ былъ извѣстенъ отъ Петербурга до Парижа, отъ Лондона до Неаполя за свои странности, невѣроятные костюмы, драгоцѣнные камни, за хоръ неаполитанскихъ пѣвцовъ, который таскалъ за собой по Европѣ. Это былъ какой-то кусокъ XVIII вѣка, затерянный въ серединѣ XIX-го. Это была старая русская барская взбалмошность въ совершенно невѣроятныхъ, уже по тогдашнимъ условіямъ, размѣрахъ. Это былъ постоянный театръ, сонъ на яву. Мать и сынъ всегда ссорились и вмѣстѣ съ тѣмъ не могли обойтись другъ безъ друга и другъ друга взвинчивали. Разъ вечеромъ я читалъ у нихъ «Ѳеодора Іоанновича»; они вдвоемъ по шумливости своей отзывчивости, по размаху, съ какой она выражалась, равнялись публикѣ въ двѣсти человѣкъ. «Ты знаешь, говорила старая княгиня, вся дрожащая, съ глазами навыкатъ, — вѣдь у меня былъ ножъ, принадлежавшій Борису Годунову, и на немъ была, была запекшаяся кровь!..» Когда я уходилъ послѣ чтенія: «Спасибо тебѣ, спасибо, князь Сергѣй, — я тебя теперь иначе не буду звать, какъ князь Сергѣй, — спасибо тебѣ! Я сегодня ночью буду молиться за Ѳеодора и за Ирину, просить, чтобы Господь ихъ упокоилъ... Спасибо». Да, это было то, что Евреиновъ называетъ «театръ для себя», и съ исключительной щедростью въ театральныхъ средствахъ, — безумная роскошь обстановки и темперамента черезъ край.

---

[1]) „Говорятъ, княгиня, что съ вами надо быть осторожнымъ, что у васъ языкъ хорошо подвѣшенъ». «Да, Государь, но онъ слишкомъ коротокъ, — онъ никогда не касается неба». (По французски «palais» одинаково значитъ и «небо» и «дворецъ».)

Княгиня Марія Васильевна сочиняла куплеты, которые сынъ ея клалъ на музыку. Одна изъ этихъ пѣсенокъ когда-то очень много пѣлась:

Мнѣ твердили, напѣвая, —
«Полюби, плутовка».
У мужчинъ у всѣхъ такая
Скверная сноровка.
На него гляжу я строго,
А въ душѣ робѣю, —
Такъ и хочется, ей Богу,
Броситься на шею.

Въ свое время этотъ романсъ былъ столь же популяренъ, какъ «Скажите ей» княгини Кочубей. Они облетѣли всѣ россійскіе захолустья, они удостоились гармоники и балалайки, подъ ихъ влюбленное воркованье задорно щелкали коварныя сѣмячки... Но, кажется, это былъ единственный изъ плодовъ музыкально-поэтическаго сотрудничества матери и сына, заслужившій нѣкоторое подобіе увѣковѣченія...

Такъ мать и сынъ, во всемъ прочемъ ссорившіеся, сливались въ искусствѣ; они сходились подъ сѣнью лавра. Съ Гораціемъ вмѣстѣ она могла сказать сыну:

Воздай, какъ должно, яства Юпитеру
И, утомленный долгимъ скитаніемъ,
Ложись сюда, подъ сѣнью лавра,
Чашъ не щадя, для тебя хранимыхъ.

Послѣдній совѣтъ онъ исполнялъ добросовѣстно, — «чашъ» онъ не щадилъ и каждаго гостя спрашивалъ: «Чего хотите? Шампанскаго, Асти Спуманте, или хорошаго сотерна?» Такое предложеніе бывало пріятно въ жаркіе дни, подъ зыбкой тѣнью веранды, обвитой ползучими розами. Истома обнимала присутствующихъ; разговоръ увядалъ. Княгиня въ черномъ длинномъ платьѣ сидѣла въ глубокомъ креслѣ; ряды жемчужныхъ нитей лежали на впалой груди. Булька, въ шелковомъ сиреневомъ халатѣ съ подкладкой цвѣта настурціи съ сапфировыми пуговицами, нервно обмахивается опахаломъ. Старушка начинаетъ клевать носомъ; вдругъ пробуждаетъ ее предпріимчивый голосъ сына:

— Мама, заставимъ неаполитанцевъ пѣть.

— Ну что ты, Булька! Среди бѣла дня.

— Ахъ, мама, причемъ тутъ часъ или время года! Въ томъ и прелесть музыки, чтобы слушать ее, когда хочется.

— Булька! Ты не понимаешь, что ты говоришь. Именно потому, что ты хочешь слушать музыку среди бѣла дня, ты доказываешь, что ты музыку совсѣмъ не понимаешь, не чувствуешь.

— Совсѣмъ нѣтъ, напротивъ, — вы не чувствуете музыку, если можете ее слушать только въ опредѣленные часы.

— Булька!! Ты не знаешь, что ты говоришь!

— Можетъ быть, но вы отлично знаете мои чувства.

— А главное, ты не думаешь о другихъ. Ты забываешь, что эти несчастные люди устали. Всѣ итальянцы днемъ спятъ.

— Совсѣмъ они не устали. Вчера они не пѣли, — вы отлично помните, я имъ игралъ. А завтра я уѣзжаю и ихъ не беру съ собой, оставляю ихъ вамъ, чтобы вамъ не было безъ меня такъ скучно. Такъ дайте же мнѣ еще разъ до отъѣзда ихъ послушать.

— Ну, хорошо, Булька. Только что-нибудь дѣйствительно хорошее.

Но здѣсь они никогда не сходились: когда ему хотѣлось «Santa Lucia», она требовала «Addio, bella Napoli», и наоборотъ...

Онъ пережилъ мать нѣсколькими годами. Умирая, онъ надѣлъ халатъ матери и потребовалъ, чтобы въ немъ его похоронили. Подъ лавромъ сходились они и въ могилѣ сошлись... Послѣ смерти матери и сына огромное наслѣдіе распылилось по безчисленнымъ родственникамъ; но странно, — всѣ умирали въ ту самую минуту, какъ прикоснуться къ своей части. Остались наконецъ двѣ племянницы, и онѣ все это подѣлили, но съ такой безразсудной «справедливостью», что серьги, напримѣръ, дѣлились одна одной, другая другой, чудныя кружева разрѣзались пополамъ. Такъ былъ разорванъ на двѣ части оставшійся послѣ княгини Воронцовой рукописный томъ ея записокъ... Виллу Маргерита купилъ извѣстный англійскій журналистъ Лабушеръ.

Одно время во Флоренціи жило довольно много русскихъ. Въ 1883 году жизнь была очень веселая, беззаботная. Самый гостепріимный былъ домъ старика генерала Краснокутскаго. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Григорьевнѣ, княжнѣ Голицыной, милой, прелестной женщинѣ, неимовѣрно толстой, съ удивительно милымъ характеромъ; мать многочисленнаго семейства, она сама была ребенокъ, болѣе ребенокъ, чѣмъ самая младшая изъ ея дочерей. Она прелестно пѣла; изъ этого огромнаго тѣла выходилъ голосъ тонкій, чеканный; ее трудно было слушать безъ волненія... Старикъ былъ хлѣбосолъ и обходителенъ. Когда-то наказный атаманъ Войска Донского, онъ сохранилъ до конца дней молодцеватость осанки и походки, но умъ давно сдалъ въ отставку... У нихъ былъ лучшій поваръ во Флоренціи, ихъ завтраки и обѣды славились. Послѣ стола онъ обходилъ гостей съ папиросами и сигарами. Какъ некурящій, я всегда благодарилъ и отказывался. Онъ неизмѣнно говорилъ: «Это мнѣ напоминаетъ, — когда я былъ атаманомъ въ Ново-

черкасскѣ, однажды былъ у меня завтракъ, человѣкъ двадцать пять. Послѣ завтрака предлагаю курить, — изъ двадцати пяти только одинъ оказался курящій, и тотъ былъ — классная дама.» Я часто у нихъ обѣдалъ, и не было случая, чтобы онъ не предложилъ, не было случая, чтобы на предложеніе я не отвѣтилъ отказомъ, и не было случая, чтобы на мой отказъ онъ не разсказалъ мнѣ анекдотъ о новочеркасской классной дамѣ. Это былъ настоящій типъ «генерала». О немъ могъ быть написанъ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ ѣдетъ генералъ съ адьютантомъ своимъ по полю въ коляскѣ. Пасется табунъ лошадей. Генералъ:

— Сколько лошадей?

— Тридцать семь, Ваше Превосходительство.

— Какъ вы знаете, такъ скоро? . .

— Очень просто, Ваше Превосходительство: я считаю число копытъ и дѣлю на четыре.

— Ахъ, ну да, конечно.

У Краснокутскихъ бывали веселые балы. Во время карнавала 1884 года былъ очень красивый костюмированный балъ. По этому поводу забавный случай. Всѣ, кто бывалъ во Флоренціи въ тѣ годы, помнятъ на вокзалѣ старую Бэппу, продавщицу цвѣтовъ. Толстая, съ курчавыми черными волосами, выбивающимися изъ-подъ огромной соломенной шляпы, обходила она поѣздъ, протягивала пассажирамъ по цвѣточку, сопровождая подношеніе пѣвучимъ пожеланіемъ: «Buon viaggio! Felice ritorno!» (Пріятнаго путешествія! Благополучнаго возвращенія!) Всѣ знали Бэппу. Каково же было удивленіе присутствующихъ, когда на балу у Краснокутскихъ вдругъ въ дверяхъ залы раздалось: «Buon viaggio! Felice ritorno!» Переполохъ длился недолго. Выяснилось, что это былъ довольно извѣстный во Флоренціи журналистъ Ломброзо (конечно, менѣе извѣстный, чѣмъ его знаменитый однофамилецъ профессоръ). Въ послѣдній день карнавала, въ самый разгаръ уличнаго веселья Бэппа шла по улицѣ Торнабуони въ сопровожденіи большой толпы привѣтствовавшихъ ее мальчишекъ. Ея процессія приближалась къ набережной, когда изъ-за угла, наперерѣзъ ей — другая процессія, еще болѣе многочисленная, еще болѣе шумливая, и впереди этой процессіи — другая Бэппа! . . Впослѣдствіи мы слышали, что настоящая Бэппа нашла это очень безтактнымъ. . .

Быстро прошла веселая зима 1884 года. Незамѣтно прошла и флорентинская весна. Уже бѣлая акація на высокомъ Віале дэй Колли отцвѣтала, когда я получилъ извѣстіе, что ждетъ меня въ Петербургѣ экзаменъ по русской исторіи у профессора Бестужева-Рюмина. Пришлось ѣхать; поѣхалъ. Времени на подготовку было мало; тѣмъ не менѣе подготовился

хорошо. Только одного никакъ не могъ одолѣть: Смутнаго Времени. Такъ и пошелъ на экзаменъ съ тайной мольбой, чтобы только не достался мнѣ этотъ билетъ. Но долженъ сказать, что среди фактическихъ данныхъ, которыхъ я совсѣмъ не зналъ, былъ въ этомъ отдѣлѣ курса параграфъ, который очень меня заинтересовалъ и который былъ озаглавленъ — «Роль городовъ». Это, повидимому, была глава, которую Бестужевъ-Рюминъ особенно заботливо отдѣлалъ, мыслями своими по этому поводу и выводами онъ дорожилъ... Выхожу на экзаменъ, вынимаю билетъ, — «Смутное Время». Начинаю отвѣчать; дохожу до того мѣста, за которымъ, чувствую, начинается мой провалъ. Вдругъ онъ меня останавливаетъ: «Ну, это вы и изъ гимназіи знаете, а вотъ, разскажите мнѣ о роли городовъ въ смутное время.» Я былъ спасенъ. Я получилъ пятерку и уѣхалъ въ деревню...

Помните ли вы, что такое, послѣ экзамена, съ пятеркою въ карманѣ садиться въ вагонъ? Помните огромный сводъ вокзальнаго навѣса? Свѣтовую арку, передъ которой пыхтитъ нетерпѣливый паровозъ, и за ней просторъ природы? А помните черезъ два дня послѣ этого пріѣздъ въ деревню?.. Навѣрное, помните, не можете не помнить, но я вамъ все-таки разскажу, только не сейчасъ, а въ одной изъ главъ третьей части моей книги...

Памяти герцогини Тэкъ. Корнованныя встрѣчи.

Однажды, это было осенью 1883 года, я переѣзжалъ Альпы Сенъ-Готардскимъ переваломъ въ одномъ изъ тѣхъ прелестныхъ вагоновъ, нарочно устроенныхъ, чтобы любоваться видами. Два маленькихъ отдѣленія выходятъ на общій крытый балконъ; балконъ на правую сторону, какъ разъ самая красивая сторона, когда переѣзжаешь изъ Швейцаріи въ Италію. Поѣздъ выходитъ изъ Люцерна часовъ въ восемь утра.

Я уже сидѣлъ въ своемъ отдѣленіи, когда увидѣлъ подходящее къ вагону семейство англичанъ. Впереди шла дама необыкновенно полная и съ необыкновенно прекраснымъ лицомъ. «Oh, how steep!» (О какъ круто!), сказала она, поднимаясь на ступеньки вагона, въ то время какъ сзади подсаживали ее статный красивый мужчина, румяная дѣвушка и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Они заняли сосѣднее отдѣленіе. Какъ только поѣздъ вошелъ въ горы, мы встрѣтились на балкончикѣ. Общій восторгъ скоро сближаетъ.

Что это за дивная дорога! Мы огибали Фирвальдштетерское озеро, съ которымъ поѣздъ никакъ разстаться не хочетъ, — то уходитъ въ горы, то опять возвращается къ его сине-зеленой глади; только каждый разъ эта гладь все ниже подъ нами, а поѣздъ все выше поднимается, и видно тамъ внизу, смотрится въ зеленую воду «камень Шиллера», а тамъ, съ двумя своими арками, часовня Вильгельма Телля... Поѣздъ поднимается кругами, вьется, какъ ласточка, все выше, выше. Вонъ внизу виднѣется мостъ, черезъ который мы проѣзжали десять минутъ тому назадъ, а вонъ надъ нами мостъ, на который мы въѣдемъ черезъ десять минутъ. И мы въѣзжаемъ, и дальше, все выше; а подъ нами все ниже опускаются раскинутыя въ горахъ и по долинамъ селенія, города, — цѣлая географическая карта разстилается у ногъ нашихъ. А милая бѣлая церковь мѣстечка Флюленъ; какъ привѣтливо она встаетъ среди зеленой долины, окруженной горами, сама на пригоркѣ; три раза ее огибаемъ съ разныхъ сторонъ и на разныхъ высотахъ, а она, привѣтливая, смотритъ и дразнитъ...

Англійскій восторгъ всегда искрененъ, не боится искренности. Мы съ моими спутниками скоро слились въ общемъ восхищеніи. Это были привѣтливые, живые люди. Въ англичанахъ есть удивительное умѣнье давать полную искренность и простоту при самыхъ сдержанныхъ формахъ интимности. Это поражаетъ вь особенности по сравненію съ нашими. Есть люди, которые бросаются другъ другу на шею только потому, что они «русскіе за границей». Сейчасъ все выкладывается наружу, въ полчаса всѣ про всѣхъ все знаютъ, мѣшокъ вывороченъ на изнанку. Люди думаютъ, что обходительность есть вопросъ содержанія; не понимаютъ, что это вопросъ формы. Не понимаютъ у насъ и того, что откровенность не то же, что искренность; что можно быть очень откровеннымъ и не быть искреннимъ и можно быть искреннимъ, вовсе не откровенничая. У насъ откровенность сходитъ за обходительность, и есть своя особенная желѣзнодорожная откровенность. Одна дама въ вагонѣ второго класса однажды всему вагону разсказывала, какъ она своихъ троихъ дѣтей рожала. Какая-то неприличная распашка. У англичанъ какъ разъ наоборотъ; и въ этомъ большое отдохновеніе. Вотъ мы цѣлый день провели вмѣстѣ, дѣлились впечатлѣніями, пребывали въ непринужденномъ общеніи, а между тѣмъ я не зналъ, съ кѣмъ говорю, и меня не спросили, кто я такой. Они ѣхали проводить зиму во Флоренціи и я ѣхалъ провидить зиму во Флоренціи.

Тѣмъ временемъ поѣздъ мчался. Пошли туннели. Пришлось укрыться отъ дыма и копоти. Меня пригласили въ свое отдѣленіе. У нихъ были вкусныя вещи; я не остался въ долгу, — у меня былъ шеколадъ изъ Парижа... Но могъ ли я предполагать, что милая молодая дѣвушка, которую я угощалъ шеколадомъ, будущая англійская королева?.. Скоро выѣхали на голубой просвѣтъ озера Лугано, потомъ на синезеленый просвѣтъ озера Комо. Подъ вечеръ пріѣхали въ Миланъ. На вокзалѣ мы простились. Вечеромъ еще разъ встрѣтились подъ сводами собора. Ночью я выѣхалъ во Флоренцію, милую Флоренцію...

Въ первые же дни по пріѣздѣ я узналъ, что пріѣхала на зиму двоюродная сестра королевы Викторіи, принцесса Мэри, въ замужствѣ герцогиня Тэкъ. Слушаю описанія, — похоже на моихъ спутниковъ. Черезъ два дня былъ я въ театрѣ; смотрю, въ королевской ложѣ — они, и даже на меня смотрятъ. Въ это время подходитъ ко мнѣ старичекъ герцогъ Дино: «Мнѣ поручено вамъ передать письмо.» Удивительно, какъ капризно память выбираетъ то, что почему-либо вздумается ей сохранить: помню, что на почтовой бумагѣ было изобра-

женіе ласточки. Круглымъ дѣтскимъ почеркомъ было написано: «Мы очень обрадовались, узнавъ Вашъ адресъ, надѣемся, что Вы насъ навѣстите, мы живемъ въ Пансіонѣ Паоли. Вашъ маленькій товарищъ по путешествію.» Я пошелъ въ ложу поблагодарить за приглашеніе. Такъ произошло мое знакомство съ одной изъ самыхъ удивительныхъ личностей, какія мнѣ въ жизни пришлось встрѣтить.

Герцогиня Тэкъ была двоюродной сестрой королевы Викторіи. У Георга IV не было дѣтей; королева Викторія была дочь второго брата, герцога Кентскаго; принцесса Мэри была дочерью третьяго брата, герцога Кэмбриджскаго. Она вышла за морганатическаго сына одного изъ принцевъ Вюртембергскаго дома, получившаго титулъ герцога Тэкъ.

Трудно опредѣлить, въ чемъ была исключительность этого характера. Мы такъ привыкли видѣть исключительность въ томъ, что человѣкъ прибавляетъ къ тому, что дала ему природа; мы всегда спрашиваемъ, что человѣкъ дѣлаетъ, чѣмъ интересуется. Конечно, очень важна дѣятельность человѣка, но не въ одной дѣятельности человѣкъ проявляется, во всякомъ случаѣ не весь проявляется. И даже часто человѣкъ прибѣгаетъ къ дѣятельности, чтобы скрыть себя; дѣятельность является покровомъ, подъ которымъ скрадывается сущность человѣка. Не даромъ Нитцше сказалъ, что только когда человѣкъ не въ состояніи показать, что онъ *можетъ*, только тогда показываетъ онъ, что онъ *есть*. И вотъ, герцогиня Тэкъ *была*, и этого довольно для тѣхъ, кто ее зналъ. Она была, то есть она *жила*; каждую минуту своей жизни она жила, — полно, глубоко, и попасть въ теченье этой жизни было несказаннымъ преимуществомъ для человѣка. Что бы она вамъ ни удѣляла въ данную минуту, — свое вниманіе ли, свое сочувствіе ли, дѣлилась ли съ вами какимъ-нибудь восторгомъ или негодованіемъ, она въ этой одной минутѣ жила вся, нераздѣльно въ томъ, о чемъ говорила, и для того, съ кѣмъ говорила. Какъ она умѣла привлечь человѣка, проникнуть въ него и дѣлать это такъ, что человѣкъ ей былъ за это благодаренъ. Точно подъ ласковымъ солнцемъ раскрывались лепестки души. И какъ знала людей! Конечно, я скажу нѣчто очень не современное въ смыслѣ оцѣнки, но, если когда-нибудь женщина была рождена, чтобы царствовать, то — она. Она была отъ колыбели королева. Образъ ея остался неизгладимый въ моей памяти.

Огромныхъ размѣровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно гибкая, подвижная и въ движеніяхъ гармоничная, привѣтливая. Великолѣпная гордая голова, большой, энергичный ротъ, какъ на портретахъ ея дѣда Георга III, большіе голубые глаза подъ густыми, очень темными бровями. Широкая въ воспріимчивости, открытая въ симпатіяхъ своихъ, непосредственная въ проявле-

ніяхъ восторга, радости, во всемъ, что можно назвать положительной стороной жизни, она была сдержана, тонка и удивительно мило-шутлива въ критикѣ. Бывало, за большимъ обѣдомъ или на вечерѣ нагнется, даже только голову одну нагнетъ въ мою сторону, — и два, три слова упадутъ, язвительно мѣткія, но въ какой-то мягкой, прощающей оболочкѣ; и сейчасъ же опять засіяетъ лицо, и все таяло въ улыбкѣ. Прощенье, я думаю, самая сильная сторона ея сильной природы. Она глубоко чувствовала зло, но даже негодованіе, даже личная обида сгорали въ улыбкѣ.

Такова была герцогиня Тэкъ, такою знали ее друзья ея. У нея было много истинныхъ друзей, больше среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ. Я сказалъ, что есть люди, про которыхъ можно сказать, что они были, не нужно говорить, что они сдѣлали. Нахожу эту же мысль у Шиллера, и какъ выраженную!

Adel ist auch in der sittlichen Welt. Gemeine Naturen
Zahlen mit dem was sie tun, edle mit dem, was sie sind.
(Есть родовитость и въ нравственномъ мірѣ. Низкіе люди
Платятъ дѣлами, духъ высокородный — природой своей.)

Къ послѣднимъ принадлежала герцогиня Тэкъ.

Ея семейное положеніе не было совсѣмъ легкое. Какъ она вышла замужъ, не знаю; но сама она разсказывала мнѣ, что сватались за нее два будущіе короля: Викторъ Эммануилъ Піемонтскій, будущій объединитель Италіи, и Оскаръ Шведскій. Она вышла за Тэка. Онъ былъ человѣкъ недалекій и съ совершенно неуравновѣшеннымъ характеромъ. Вспыльчивый до необузданности, онъ выбиралъ жену жертвою своихъ настроеній и, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, иногда посреди торжественнаго обѣда, дѣлалъ ей сцены. Она покрывала все своей улыбкой, будто ничего не произошло. Онъ былъ мелочного характера и снѣдаемъ снобизмомъ. Его полукоролевское происхожденіе, отъ вюртембергскаго принца, но отъ матери не королевской крови, вселило въ душу его на всю жизнь какое-то чувство роковой непоправимости. Онъ считалъ себя жертвою ошибки своего отца. «Только подумайте, – сказалъ онъ однажды, если бы мой отецъ не женился на моей матери, я могъ бы быть вюртембергскимъ королемъ!» Королевское происхожденіе жены только подливало горечи въ его мало понятныя, но искреннія терзанія. Все это было болѣзненно. Онъ кончилъ сумашествіемъ. Я лично вспоминаю съ пріятностью отмѣнную воспитанность и простоту его обхожденія и чарующія формы гостепріимства. . .

Зато въ дѣтяхъ была герцогиня счастлива. Они, — три сына и дочь, всѣ унаслѣдовали больше отъ матери, нежели отъ отца. Это представители прекраснаго, здороваго человѣчества. Средній сынъ, который больше всѣхъ походилъ на мать, умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Старшій женился на дочери герцога Уэстминстерскаго, былъ одно время военнымъ агентомъ въ Вѣнѣ. Младшій, мой «маленькій товарищъ по путешествію», женился на дочери герцога Албанскаго, младшаго брата покойнаго Эдуарда VII. Дочь, принцесса Мэй, теперъ англійская королева, супруга Георга V.

Я часто видалъ ихъ въ ихъ годы юности, и во Флоренціи, и въ Англіи, гдѣ жилъ у нихъ въ прелестной дачѣ Уайтлоджъ среди Ричмондскаго лѣса, которую предоставилъ имъ Эдуардъ VII. Меня всегда восхищала эта чисто англійская атмосфера нравственнаго здоровья. И какое гостепріимство! Они способны бывали перевернуть порядокъ собственнаго дня, для того чтобы устроить мою какую-нибудь поѣздку; помню, однажды герцогиня сама великолѣпнымъ своимъ, знаменитымъ почеркомъ выписала мнѣ расписаніе какихъ-то поѣздовъ.

Съ нимъ, съ Тэкомъ, я обошелъ всѣ наиболѣе замѣчательные лондонскіе дворцы. Удивительный домъ герцогини Беклю съ рѣдчайшимъ собраніемъ миніатюръ; дворецъ герцога Уэстминстерскаго, въ которомъ знаменитый портретъ актрисы Миссисъ Сидонсъ работы Джошуа Рейнольдса: вдохновенная женщина и вдохновенная кисть. Видѣлъ прекрасную картинную галлерею въ домѣ Дэдлей.; водилъ насъ по ней сынъ дома, ничего въ картинахъ не понимавшій. Мать его, вдовствующая Лэди Дэдлей, была замѣчательно хороша собой; въ нее долго былъ влюбленъ Гербертъ Бисмаркъ, сынъ канцлера, просилъ ея руки, но напрасно.

Я былъ у нея на балу. Здѣсь герцогиня Тэкъ представила меня принцессѣ Валлійской, сестрѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, впослѣдствіи королевѣ Александрѣ. Съ ней трудно было разговаривать, она плохо слышала, а тутъ еще румынскій оркестръ. Герцогиня сидѣла на одномъ диванѣ съ принцессой, подозвала меня знакомъ; я подошелъ, поклонился, поцѣловалъ протянутую мнѣ руку, хотя англичане этого не дѣлаютъ, — у нихъ цѣлованіе руки есть знакъ душевной близости, а не офиціальнаго уваженія; они даже королевѣ не цѣлуютъ руку. И вотъ, я увидѣлъ, но за румынской музыкой не слышалъ, какъ герцогиня что-то про меня принцессѣ объясняла и при этомъ подтверждала движеніемъ вѣера по ея рукѣ. Принцесса благосклонно на меня смотрѣла, и даже все благосклоннѣе, но, что говорила герцогиня, не знаю. Румынскій оркестръ гудѣлъ,

вѣеръ герцогини становился все убѣдительнѣе, глаза принцессы раскрывались все благосклоннѣе, мои поклоны становились все благодарнѣе, но больше ничего не помню, да ничего и не было. Въ это время подошелъ Принцъ Валлійскій, будущій Эдуардъ VII. Меня представили и ему. Я сказалъ, что имѣлъ уже честь быть ему представленнымъ. Онъ поторопился сказать: «Конечно, какъ же, я помню.» Я отлично видѣлъ, что онъ не помнитъ; но я сказалъ, что это было въ Каннъ у графини Меренбергъ. А графиня Меренбергъ, жена Герцога Нассаускаго, — дочь поэта Пушкина. Какъ я сказалъ, что у графини Меренбергъ, такъ онъ сейчасъ вспомнилъ; но интересно, что онъ вспомнилъ: «Ахъ да, какъ же, помню, я былъ тогда въ дорожномъ пиджакѣ!» Онъ дѣйствительно тогда вошелъ, извиняясь за свой костюмъ; во время разговора раза два къ нему возвращался и уходилъ, а все еще извинялся...

Черезъ нѣсколько дней была Garden party (пріемъ въ саду) у Принца Валлійскаго. Этимъ обыкновенно заканчивался лондонскій «сезонъ». Тутъ я видѣлъ единственный разъ Королеву Викторію. Она была маленькая, толстенькая, въ черномъ простенькомъ платьѣ, которое на ней сидѣло широкимъ колоколомъ. Она шла, опираясь на палку. Ея лицо было красно, глаза, какъ бы стеклянные, смотрѣли съ удивленіемъ. Я былъ даже свидѣтелемъ интереснаго момента, — когда она поздоровалась съ Гладстономъ. Она перенесла палку въ лѣвую руку и протянула ему правую. Онъ въ то время былъ въ оппозиціи, не у дѣлъ. Надо думать, что моментъ въ какомъ-то политическомъ отношеніи былъ особенный; во всякомъ случаѣ эту сцену встрѣчи Королевы съ Гладстономъ я черезъ нѣсколько дней видѣлъ воспроизведенной во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ.

У Тэковъ бывало много музыкантовъ, въ особенности пѣвцовъ. Акомпанировалъ я тамъ довольно странному человѣку, нѣкоему Дэме: прекрасный баритонъ, самъ очень красивый, но съ повадками авантюриста. Упоминаю о немъ, потому что онъ впослѣдствіи женился на прелестной пѣвицѣ Нордика. Съ ея именемъ связанъ очень любопытный случай. Она сидѣла на представленіи въ Байрейтѣ. Кто знаетъ атмосферу священнаго вниманія, царящую въ этомъ храмѣ, тотъ пойметъ, что испытали присутствующіе, когда во время «Парсифаля» вдругъ раздался лай собаченки. На глазахъ всей публики вывели изъ залы бѣдную Нордику съ болонкой на рукахъ... Она поклялась, что вернется въ Байрейтъ и заставитъ забыть свой позоръ. И дѣйствительно, черезъ два года она пѣла Эльзу передъ той же самой залой, откуда ее вывели, и, говорятъ, пѣла восхитительно...

Встрѣчалъ я у Тэковъ извѣстнаго въ свое время сочинителя популярнѣйшихъ романсовъ — Паоло Тости. Очень средній музыкантъ, не серьзный, банальный, онъ какъ-то сумѣлъ попасть въ точку; онъ отвѣтилъ музыкальнымъ потребностямъ людей, для которыхъ музыка была тѣмъ, чѣмъ, по выраженію Державина, была поэзія для царевны Фелицы:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Его успѣхъ сдѣлала Англія, то есть англійскія великосвѣтскія гостиныя; его лавры были болѣе въ цѣнѣ на Олимпѣ, нежели на Парнасѣ. Но онъ имѣлъ удивительный даръ: безъ голоса онъ пѣлъ очаровательно. Увидя это, всякая безголосая англичанка думала, что стоитъ взять нѣсколько уроковъ у Тости, чтобы пѣть, какъ онъ. Онъ быстро пошелъ въ гору, какъ профессоръ пѣнія, и зарабатывалъ большія деньги. Этотъ маленькій, невзрачный человѣкъ сдѣлалъ одно изъ труднѣйшихъ завоеваній: онъ завоевалъ Лондонъ. Однако, не могу не отмѣтить, что однажды Тости акомпанировалъ упомянутому Дэме незначительныя итальянскія и нѣмецкія вещицы. Вдругъ Дэме беретъ и развертываетъ передъ нимъ «Мейстерзингеровъ». Тости всталъ и уступилъ мнѣ свое мѣсто. . .

Къ нему пылала старческою нѣжностью мать герцогини Тэкъ, старая герцогиня Кэмбриджская. Дважды въ годъ Тости пріѣзжалъ въ Лондонъ, чтобы услаждать старушку. Каждый день приносили ему отъ нея корзину дичи и корзину фруктовъ. По завѣщанію она оставила ему пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Герцогиня Тэкъ, или, какъ ее больше звали въ Англіи, Принцесса Мэри была чрезвычайно популярна. Я нѣсколько разъ сопровождалъ ее на школьные празднества, какія-нибудь «открытія». Какъ она бывала очаровательна, какъ умѣла распространять свою личность и съ совершенно ей одной присущей естественностью, — ни малѣйшаго усилія. И тутъ же она Королевское Высочество и тутъ же ея дѣти облѣпляютъ ее, какъ пчелы вкругъ улья. . .

Почему вдругъ вспоминаю такую совсѣмъ ничѣмъ не замѣчательную сцену? Во Флоренціи, въ горахъ, далеко за Фіезолевскимъ монастыремъ по горному хребту мы ѣхали, — она и дѣти. Вышли и пошли пѣшкомъ: кипарисы, мирты, лавры и горячій, какъ въ картинахъ старыхъ сіенскихъ живописцевъ, горячій закатъ, Тяжело; устали. Вдругъ впереди насъ, на

краю дороги высокій англичанинъ съ длинной бородой, снявъ шляпу, дожидается:

— Могу ли просить Ваше Королевское Высочество принять чашку чаю и отдохнуть въ моемъ дому?

— Благодарю васъ, съ удовольствіемъ.

Какая прелестная картина духовно-крѣпкой Англіи, здѣсь, въ тосканскихъ холмахъ. Престарѣлые братъ и двѣ сестры принимали свою принцессу. Сколько радости и уваженія она встрѣтила. Сколько привѣта и радушія внесла она. Никогда не забуду кругленькій столикъ, на который она поставила свою чашку. На этомъ столикѣ были выжжены двѣ красныя вишни и зеленый листокъ. «О, какъ это красиво! Какъ это мило! Чья это работа?» Одна изъ старушекъ-сестеръ съ гордостью сіяла. . .

Герцогиня Тэкъ умерла въ 1898 году. Она погребена въ капеллѣ Уиндзорскаго замка.

Черезъ годъ я былъ въ Лондонѣ на нѣсколько дней, какъ делегатъ на конгрессѣ по борьбѣ съ торговлей женщинами. Сыновья, прочитавъ мое имя въ газетѣ, сейчасъ меня розыскали. Принцесса Мэй пригласила меня завтракать. Ея мужъ, теперешній король, въ то время, при жизни Королевы Викторіи, носилъ титулъ герцога Іоркскаго. Они жили въ Сэнъ Джемскомъ дворцѣ. Теперешній король Георгъ V удивительно похожъ на своего двоюроднаго брата Николая II. До такой степени похожъ, что, говорятъ, лордъ мэръ однажды, думая, что говоритъ съ русскимъ Наслѣдникомъ, спросилъ герцога Іоркскаго, будетъ ли онъ на свадьбѣ герцога Іоркскаго?

Завтракала въ тотъ день у Іоркской четы сестра покойной Герцогини, Великая Герцогиня Мекленбургъ Стрелицкая съ мужемъ, слѣпымъ. Я сидѣлъ между ними. Они были удивительно привѣтливы, хотя видѣли меня въ первый разъ въ жизни (это оказался и послѣдній). Старушка стала изливать мнѣ свои горести по поводу того, что ея внучка, Принцесса Ютта, которую я видалъ въ Петербургѣ, когда она пріѣзжала къ своей тетѣ Принцессѣ Еленѣ Георгіевнѣ Альтенбургской, выходитъ замужъ за князя Мирко Черногорскаго. Я сказалъ, что, дѣйствительно, бракъ можетъ во многихъ отношеніяхъ показаться не совсѣмъ хорошо пригаданнымъ. Мы потихоньку бесѣдовали, когда вдругъ она перегибается черезъ меня къ мужу и громко говоритъ: «Вотъ послушайте, что говоритъ князь Волконскій.» Я долженъ былъ во всеуслышанье повторить, что разница рассъ, предковъ, воспитанія, образа жизни такова, что нужно много любви, чтобы заполнить эту пропасть. Кажется, молодые отвѣтили всѣмъ требованіямъ, которыя имъ

предъявляли эти разницы; и живутъ очень счастливо... Но въ ту минуту мнѣ было очень неловко, и я написалъ Александру Тэку, что, можетъ быть, я сказалъ что-нибудь, что не слѣдовало; просилъ его извинить меня передъ его сестрой. Но онъ мнѣ отвѣтилъ, что ничего плохого не было, что даже хорошо, что старикъ очень гордится своей породой.

Послѣ завтрака былъ разговоръ съ герцогомъ Іоркскимъ о Россіи, то есть скорѣе о русскомъ дворѣ. Для нихъ, живущихъ открыто, въ постоянномъ общеніи съ людьми, многое было непонятно, непостижимо въ укладѣ нашей придворной жизни. Я сказалъ ему, что нашъ Государь не такъ виноватъ въ этомъ, что тутъ играютъ роль уже сложившіяся привычки, что, собственно, Императоръ Александръ III завелъ эту систему затворничества:

— It's the Emperor Alexander III who inaugurated that system of seclusion.

— That's it, that's exactly what it is, — a system of seclusion. (Вотъ именно, совершенно вѣрно, — система затворничества.)

Что можетъ быть болѣе непохоже, чѣмъ Англія и Россія? Мнѣ часто казалось, что Россія есть прямо опрокинутое отраженье. Возьмите хоть это: у насъ монархія была государственной реальностью, — она превратилась въ принципъ, въ нѣчто неосязаемое; въ Англіи монархія только государственный принципъ, а она реально существуетъ. Я въ Англіи мало бывалъ, всего три раза и на очень короткое время. Но нигдѣ, ни въ одной странѣ, какъ въ Англіи, ни съ кѣмъ, ни съ какими людьми, какъ съ англичанами, я не чувствовалъ всю несуразность и ложь нашего русскаго государственно-общественнаго уклада, нашего русскаго государственно-общественнаго воспитанія. Какъ ясно я ощущалъ всегда, въ разговорахъ съ ними, что для нихъ Россія это — огромное неизвѣстное. Что знаютъ они о Россіи? Они видятъ легкую пѣну русской культуры въ тѣхъ немногихъ, кто ѣздитъ заграницу; но развѣ они подозрѣваютъ глубокое море и темное дно, что подъ этой пѣной? И не только море населенія разумѣю я и дно этого населенія, а и море русской души и темное дно, вѣрнѣе бездонье этой души... Что они знаютъ объ этомъ? А и въ числѣ тѣхъ немногихъ, которыхъ они знаютъ, много ли такихъ, которые дѣйствительно культурны? И наконецъ, развѣ эти немногія единицы суть представители? Развѣ представитель тотъ, кто готовъ отказаться отъ сообщества? А можно ли не отказываться отъ того, съ чѣмъ не согласенъ? И это я ощущалъ всегда заграницей и никогда такъ, какъ въ Англіи.

И какая двойственность тутъ въ психологіи, какая мучительная двойственность! Когда на меня заграницей смотрѣли не какъ на одного изъ многихъ, не какъ на представителя, мнѣ было непріятно за родину, оскорблялся мой патріотизмъ; когда меня принимали за представителя, то есть пріобщали меня къ отвѣтственности народно-государственной, мнѣ было непріятно за себя. Однимъ словомъ, если меня считали культурнымъ исключеніемъ, во мнѣ обижался патріотъ; если меня признавали соучастникомъ, во мнѣ возмущался человѣкъ. И поверхъ этой мучительной двойственности еще третье ощущеніе, какъ таящаяся въ глубинѣ души тайна, — любовь къ Россіи, той Россіи, которой они, иностранцы, не знаютъ и никогда не узнаютъ. Можно ли знать Россію, когда не знаешь русской деревни, можно ли о ней сужденіе имѣть? Можно ли любить Россію, если не любишь русскую деревню, да вообще не способенъ деревню любить? Въ этомъ, мнѣ кажется, наибольшая причина той пропасти, которая лежитъ между иностранцемъ и Россіей. И не по отношенію одной только Россіи это есть пробѣлъ; я думаю, что вообще знаютъ только половину жизни тѣ, кто не знаетъ настоящей деревни. Говорилъ я какъ-то о деревнѣ одному моему пріятелю французу; онъ не раздѣлялъ моихъ вкусовъ и восторговъ и воскликнулъ:

— Ah non, pour moi, trois semaines de Biarritz c'est tout ce que je puis supporter en fait de campagne (Нѣтъ, три недѣли Біаррица, — вотъ все, что я могу вынести въ смыслѣ деревни).

— Mais est-ce que vous n'etes pas fatigué des boulevards? Vous n'avez pas quelquefois envie d'un beau clair de lune? (Да развѣ вы не устали отъ бульваровъ? Не хочется вамъ иногда увидать лунную ночь?).

— Oh mais il y a de très beaux clairs de lune à Paris (О, да у насъ великолѣпныя лунныя ночи бываютъ въ Парижѣ).

— Oui mais quand ca éclaire des murs et des pavés... Vous n'avez donc pas envie de voir des arbres? (Да, но когда онѣ освѣщаютъ стѣны и мостовую... Неужели вамъ не хочется деревьевъ?).

— Mais nous avous de bien beaux arbres au Bois de Boulogne (Но у насъ прекрасныя деревья въ Булонскомъ Лѣсу).

— Mais le Bois de Boulogne ce n'est pas la vraie nature (Ну, вѣдь Булонскій Лѣсъ же не природа).

— Ah pardon, c'est la nature telle qu'elle devrait être (Виноватъ, это природа такая, какою она должна бы быть).

Не знаю, правильно ли я смотрю, но мнѣ кажется такъ, — что спорить о красотахъ природы и преимуществахъ деревни со всякимъ можно, если вообще у человѣка есть охота къ спору; но о Россіи говорить съ людьми такъ чувствующими нельзя. И я не говорилъ. Слушалъ только, какъ послѣ нарядnаго обѣда

нарядная дама, обмахиваясь вѣеромъ, или господинъ во фракѣ съ рюмкой коньяку, зажатой двумя пальцами, поверхностно прикасаются къ русской поверхности; слушалъ и думалъ:

А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
Да выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью землею,
Колосья безконечныхъ нивъ . . .

Этой Россіи иностранцы не знали. Да ея уже и нѣтъ: «вѣковая тишина» нарушена и «глубина» обнажена. Да, то, что Россія есть, того иностранцы не знали; они знали то, что Россія имъ показывала, и это была загадка, необъяснимая. И отъ объясненій, въ разговорахъ съ иностранцами я уклонялся: съ одной стороны слишкомъ много было необъяснимаго, а съ другой стороны слишкомъ много было такого, отъ чего хотѣлось откреститься.

Я знаю, многіе будутъ негодовать, читая такія признанія; скажутъ, что, если искренность похвальна, то умолчаніе приличнѣе. Нѣтъ, я думаю, что слишкомъ долго мы боялись искренности. Боялись потому, что каждое искреннее слово у насъ клеймили отсутствіемъ патріотизма. Когда человѣкъ каялся, обращалъ критику свою на своихъ же, когда онъ, наконецъ, отказывался отъ своихъ, его винили за то, что онъ это дѣлаетъ; кричали, что онъ не патріотъ, что онъ не умѣетъ себя въ рукахъ держать, что онъ лишенъ человѣческаго достоинства. А приходило ли кому-нибудь изъ кричащихъ въ голову, — какъ тяжело отказываться, какъ больно покаяться, какъ мучительно не только говорить, но рѣшиться говорить? Скажутъ, что и въ себѣ нести не легко, что и въ молчаніи есть крестъ, и въ пріятіи есть подвигъ. Но я не такъ смотрю, и, если по мнѣнію нѣкоторыхъ такое закрыванье глазъ патріотично, въ чемъ сомнѣваюсь, то во всякомъ случаѣ оно не человѣчно. Не человѣчно изображать не то, что есть, показывать фасадъ и скрывать задворки; не человѣчно покупать чужое признанье цѣною чужого незнанія.

Не мѣсто, можетъ быть, здѣсь, на страницахъ, повѣствующихъ о странствіяхъ, останавливаться надъ этими вопросами; они, конечно, всплывутъ, когда подойдемъ къ слѣдующей части этой книги, — къ «Родинѣ». Тамъ все всплыветъ, и, надѣюсь, съ корнями всплыветъ. Но не могъ не остановиться на мысляхъ, котерыя всегда были докучливыми спутниками моими въ странствіяхъ не только морскихъ и сухопутныхъ, но и въ странствіяхъ по житейскимъ волнамъ. Такъ что не совсѣмъ «не мѣсто» имъ на этихъ страницахъ: онѣ у мѣста на всякой

страницѣ моего жизнеописанія. Можетъ быть, не время? Вотъ съ этимъ болѣе согласенъ. Не время, описывая то, что было двадцать лѣтъ тому назадъ, говорить о томъ, чему сейчасъ подводятся итоги. Но и не заключительное что-нибудь давалъ я въ предъидущихъ строкахъ, а лишь коснулся тѣхъ неясныхъ мыслей, смутныхъ ощущеній, съ которыми жилъ тогда. Не скажу, чтобы послѣднія событія ихъ прояснили; своимъ прояснѣніемъ онѣ обязаны собственному росту, а современность только дала имъ подтвержденіе. Да, сейчасъ мы стоимъ передъ Европой разоблаченными: стоющіе или нестоющіе, во всякомъ случаѣ не переоцѣненные, и каждый — отвѣчающій за себя, не за другихъ, — круговая порука кончена. Послѣдніе остатки чувства коллективности ссохлись, по крайней мѣрѣ во мнѣ, и никогда индивидуальное сознаніе не было сильнѣе, чѣмъ сейчасъ.

Хочу здѣсь сказать о нѣкоторыхъ другихъ царственныхъ особахъ изъ иностранныхъ, съ которыми пришлось встрѣтиться.

Въ Гмунденѣ, въ Австрійскомъ Зальцкаммергутѣ, я проводилъ осень 1889 года. Тамъ имѣлъ надъ озеромъ свой замокъ герцогъ Кумберландскій сынъ послѣдняго короля Ганноверскаго. Извѣстно, что въ 1866 году, во время австро-прусской войны Ганноверъ объявился на сторонѣ Австріи. Когда Пруссія побѣдила, она присоединила Ганноверъ. Престарѣлый слѣпой король былъ низложенъ. Сынъ его поселился въ Гмунденѣ. Онъ былъ женатъ на датской принцессѣ, Тирѣ, сестрѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Я бывалъ у нихъ. Она была очаровательна. Мать многочисленнаго семейства, она сохранила что-то дѣтски-неземное; она давала впечатлѣніе, что у нея невидимыа крылья за плечами... Въ огромной залѣ, гдѣ стояло два фортепіано, стояла также большая низкая тахта, на которой послѣ обѣда отецъ съ восемью дѣтьми рѣзвился, катался, заставляя ихъ кувыркаться и оглашать залу неистовыми визгами. Среди этихъ визговъ мы съ Принцессой Тирой играли на двухъ фортепіано. Однажды она играла на своемъ инструментѣ рубинштейновскій извѣстный романсъ «Une soirée à St. Pétersbourg». Я сталъ на своемъ инструментѣ подыгрывать въ канонъ. Вышло очень красиво. Впослѣдствіи я обработалъ эту вещь и посвятилъ ей. Французскій издатель Аммель въ Парижѣ издалъ мою обработку... Много лѣтъ спустя однажды въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ былъ концертъ; на программѣ стоялъ этотъ номеръ: «Романсъ Рубинштейна для двухъ фортепіано, обработка кн. С. М. Волконскаго.» Присутствовала на концертѣ Императрица Марія Ѳеодоровна; она сказала, просматривая программу: «Я знаю, это посвящено моей сестрѣ»...

Покойный король Ганноверскій, отецъ герцога Кумберландскаго, былъ близокъ съ Дельсартомъ, который намѣревался ему посвятить свою никогда не вышедшую книгу о мимикѣ и вообще о выразительности человѣка. Когда я писалъ своего «Выразительнаго Человѣка», въ которомъ рядомъ съ изложеніемъ системы Дельсарта старался по возможности дать свѣдѣнія о его жизни, въ виду скудости оставшихся о немъ свѣдѣній я обратился къ герцогу Кумберландскому съ просьбой разрѣшить мнѣ, въ случаѣ, если въ архивѣ покойнаго Короля осталось что нибудь, — воспользоваться этими данными... Книга была готова, надо было ее выпускать; она вышла. Черезъ мѣсяцъ послѣ выхода ея въ свѣтъ получаю цѣлый портфель великолѣпно переписанныхъ документовъ; между прочимъ еженедѣльные отчеты объ успѣхахъ одной пѣвицы, которую король послалъ къ Дельсарту въ обученіе въ Парижъ. Ничего новаго, для моей книги цѣннаго, я не упустилъ. Но мнѣ совѣстно было послать герцогу экземпляръ книги, въ которой не упомянуто о его любезномъ вниманіи; совѣстно было и написать ему, что я не дождался его отвѣта. Здѣсь приношу мое извиненіе и выражаю свою признательность...

Тамъ же въ Гмунденѣ жила и мать герцога Кумберландскаго, вдова послѣдняго Ганноверскаго короля, сестра нашей Великой Княгини Александры Іосифовны. Красивая и милая старушка. Нѣсколько разъ у нея обѣдалъ. Тамъ всегда бывало семейство графа Прокешъ-Остенъ. Онъ былъ женатъ на извѣстной въ свое время актрисѣ вѣнскаго Бургъ-Театра, Фредерикѣ Госманъ, въ общежитіи слывшей подъ именемъ Фифи. Она уже давно оставила сцену, но выступала въ благотворительныхъ концертахъ. Большой талантъ. много юмора, очень много настоящаго лиризма. Но, мать взрослыхъ дочерей, она не могла забыть, что когда-то ея амплуа было «ingénue»; она молодилась и жеманничала. Это стало болѣзнью, и я слышалъ, что она кончила сумашедшимъ домомъ. Бѣдная Фифи Прокешъ заслонила собой Фредерику Госманъ...

Еще жила въ Гмунденѣ въ прелестной виллѣ надъ озеромъ извѣстная, въ жизни Вагнера сыгравшая роль г-жа Матильда Везендонкъ. Очень выдающійся человѣкъ и какъ музыкантша, и какъ мыслитель. Она не была хороша, но у нея были удивительныя руки и прекрасны были движенія рукъ. У нея былъ старый мужъ, похожій на Вотана, и сынъ, выдающійся ученый по геологіи. Матильду Возендонкъ я не забуду. Въ ней было много мудрости, что-то спокойно-осѣняющее. Ея благоволеніе было цѣнностью, и она знала ему цѣну...

Я довольно часто видѣлъ старушку Великую Герцогиню Баденскую Луизу. Она была дочерью Императора Вильгель-

ма I. Худая, высокая, впечатлительная, съ болѣзненной чрезмѣрностью въ выразительности. Она любила разсказывать, и разсказы ея, если и не были страницами исторіи, то были интересными замѣтками на поляхъ страницъ исторіи. Но она была всегда элегично настроена, всегда со слезинкой въ глазу. Я старался иногда разбить это настроеніе, но мнѣ это не удавалось. Помню, однажды говорили о воспоминаніяхъ, портретахъ, архивахъ. Желая пустить въ эту элегію хоть лучъ улыбки, я захотѣлъ разсказать ей забавный случай. Въ Берлинѣ однажды я навѣстилъ знакомаго американскаго корреспондента. На дверяхъ его квартиры рядомъ съ его именемъ стояло другое и значилось: «Корреспондентъ Американскаго Генеалогическаго Общества».

— Что это значитъ? — спросилъ я моего знакомаго.

— Мой сожитель корреспондентъ Американскаго Генеалогическаго Общества.

— Это я вижу. Но что онъ дѣлаетъ?

— Онъ разыскиваетъ въ Европѣ предковъ нынѣшнихъ американцевъ.

— Хорошо зарабатываетъ?

— Вы себѣ представить не можете, что нѣкоторые американцы способны заплатить, чтобы только узнать, кто была ихъ бабушка.

— И удачны поиски?

— Всегда удачны, потому что, напримѣръ, онъ телеграфируетъ своему кліенту: «Въ гамбургской публичной библіотекѣ не нашелъ Елизавету Джэнъ подъ 1754 годомъ, но въ роттердамской ратушѣ нашелъ Анну Джэнъ подъ 1773 годомъ». Отвѣтъ: «That's it, go on». (Такъ и есть, продолжайте).

Это я началъ разсказывать Великой Герцогинѣ. Но когда я дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о жертвахъ, на какія способенъ американецъ, чтобы узнать, кто была его бабушка, она, покачивая головой, воскликнула: «Comme c'est touchant». (Какъ это трогательно!..) Конечно, я своего разсказа не продолжалъ.

Однажды я былъ приглашенъ осмотрѣть портреты баденскаго дворца. Смотрителю дворца было поручено мнѣ все показать. Пока Великая Герцогиня давала намъ напутственныя наставленія, въ сосѣдней залѣ цѣлое засѣданіе благотворительнаго общества дожидалось августѣйшей предсѣдательницы. И когда я кончилъ свой осмотръ, опять благотворительное общество дожидалось, потому что августѣйшей предсѣдательницѣ хотѣлось знать мои впечатлѣнія...

Ея дядю, Великаго Герцога Веймарскаго, я видалъ въ Баденѣ. Онъ считалъ долгомъ поддерживать литературно-музыкальныя традиціи Веймарскаго двора временъ Гете и

Листа, но это ему мало удавалось. Онъ былъ очень любимъ, но пользовался репутаціей человѣка столь же добродушнаго, сколько недалекаго. Однажды, обходя тюрьму, онъ спросилъ заключеннаго, къ чему онъ приговоренъ.

— Къ пожизненному заключенію.

— Ну, сказалъ ему герцогъ въ утѣшенье, — отъ души желаю вамъ, чтобы это былъ вашъ послѣдній годъ.

У него была дочь, очень образованная, но очень некрасивая. Будучи замужемъ за братомъ Великой Княгини Маріи Павловны, Принцемъ Іоганномъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, она бывала въ Петербургѣ. Въ то время, въ восьмидесятыхъ годахъ, на французской сценѣ Михайловскаго театра игралъ старикъ Итмансъ, — съ краснымъ носомъ и большими круглыми стеклянными глазами. Принцессу Мекленбургскую прозвали — «la princesse Hutmans». Сходство было поразительно. Знала ли она объ этомъ? Врядъ ли. Но Итмансъ иногда съ комическимъ отчаяніемъ поднималъ глаза къ небу и восклицалъ: «Oh, cette fatale ressemblance!» (О, это роковое сходство!).

Кромѣ англійской королевы, я встрѣчалъ еще двухъ. Разъ я былъ у вдовствующей итальянской Королевы Маргариты. Я жилъ въ Римѣ уже много лѣтъ, но въ обществѣ бывалъ мало, ко двору не представлялся. Однажды, въ 1912 году пріѣхалъ въ Римъ по моему приглашенію нашъ вокальный квартетъ — Сафоновъ, Чупрынниковъ и братья Кедровы. Они пѣли у меня на музыкальномъ вечерѣ съ огромнымъ успѣхомъ. Княгиня Марія Владиміровна Барятынская была очень близка къ Королевѣ Маргаритѣ и разсказала ей про русскій квартетъ. Королева пожелала ихъ услышать у себя. Пригласили по этому случаю и меня. Королева Маргарита всегда славилась, какъ знатокъ музыки, литературы, вообще искусства. Она славилась и обходительностью своей, живостью разговора. Она приняла насъ привѣтливо, слушала нашихъ пѣвцовъ съ искреннимъ восхищеніемъ. Пригласила и меня сыграть; я въ то время работалъ много и могъ безбоязненно отвѣтить на приглашеніе; сыгралъ прелюдію Гліера и баркароллу Рахманинова.

Въ связи съ этимъ вспоминаю дивное утро. Я пригласилъ нашихъ пѣвцовъ, также извѣстную нашу пѣвицу Петренко, которая пріѣзжала тогда съ дягилевской оперой и тоже цѣла у меня въ тотъ вечеръ, — пригласилъ ихъ и еще кое-кого завтракать въ извѣстномъ ресторанѣ на Палатинскомъ холмѣ. Чудный видъ изъ стекляннаго павильона на палатинскія развалины, на Колизей и на весь Вѣчный Городъ... Во время завтрака пѣвцы начали пѣть; въ стеклянномъ павильонѣ

какъ звучало! Всѣ слушали; умолкли вилки и ножи, лакеи перестали смѣнять тарелки и подавать блюда. Все замерло, и разливалось въ итальянскомъ воздухѣ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...»

И еще видѣлъ я одну королеву. Въ послѣднихъ числахъ іюля 1914 года, значитъ, наканунѣ войны я видѣлъ Королеву Бельгійскую, супругу Короля Альберта. Я навѣщалъ моихъ друзей Барятинскихъ въ Швейцаріи, надъ Гліономъ въ мѣстечкѣ Valmont. Узнавъ, что въ той же гостинипѣ живетъ Королева Бельгійская, я справился, кто при ней. Оказалось, — моя хорошая знакомая графиня Шимэ. Я навѣстилъ ее; она мнѣ сказала, что непремѣнно устроитъ, чтобы я встрѣтился съ Королевой. Она извѣстила меня вечеромъ, что я приглашенъ пить чай къ Королевѣ на другой день. Когда я зашелъ къ графинѣ въ назначенный часъ, она мнѣ сказала, что у Королевы сильно болитъ голова, что она не сможетъ принять меня у себя, но сама выйдетъ къ намъ... Она мила, нѣжна, крайне застѣнчива; въ ея глазехъ много мысли, и много чувства въ ея голосѣ.

Мы сидѣли на балконѣ, говорили о пустякахъ. И не думалъ я въ ту минуту, что черезъ нѣсколько недѣль начнутся событія, которыя захватятъ и ее въ свой страшный ураганъ, что этому нѣжному существу предстоитъ пройти черезъ величайшія испытанія и стойкость, съ какой она ихъ перенесетъ, заслужитъ любовь своего народа и удивленіе всего міра... Мы говорили о томъ, о семъ, также о Далькрозѣ, который далъ въ Брюсселѣ во дворцѣ демонстрацію со своими ученицами, и дѣти Королевы принимали участіе въ урокѣ. Мы говорили о томъ, о семъ, но надъ озеромъ гудѣлъ аэропланъ...

Я ничего не слышалъ о моей пріятельницѣ графинѣ Шимэ за всѣ эти годы, но знаю ее, какъ прекрасный характеръ съ высокимъ понятіемъ о долгѣ и преданности. За всю войну и дальше я видѣлъ предъ собой образъ этихъ двухъ женщинъ, связанныхъ столь тѣсными узами высокой дружбы. Одна — нѣжная, готовая пріять всякій крестъ ради своего народа; другая — сильная, оберегающая ее для дѣтей ея, для ея народа, для ея славы. Мысленно видѣлъ ихъ въ окопахъ, въ дыму, на пепелищахъ; видѣлъ ихъ склоняющимися надъ ранеными и надъ ними развѣвающіяся знамена...

Мы сидѣли на балконѣ, пили чай. Но я видѣлъ передъ собой два замѣчательныхъ характера. Королева, по праву рѣшающая, приказывающая, была, какъ ребенокъ, готовый слѣдовать велѣніямъ высшихъ силъ; подруга, по обязанности послушная, была скрытая оберегательница, незамѣтная совѣт-

чица. И въ которой было уваженіе, въ которой была благодарность? Въ обѣихъ и то и другое...

Какъ крѣпко натянутый шелкъ, лоснилась гладь голубого озера; жарко было на балконѣ подъ спущенной парусиной. Гудѣлъ аэропланъ...

Вотъ мои воспоминанія о нѣкоторыхъ изъ коронованныхъ особъ, съ которыми встрѣчался. Вспоминается мнѣ одна моя старая тетушка, княгиня Елена Павловна Кочубей, сестра моей бабушки. Она была во время Александра III обергофмейстериной: очень любила все придворное, прямо можно сказать, дышала титулованнымъ воздухомъ. Однажды. прощаясь съ моей сестрой, съ которой онѣ провели вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ и въ Германіи, она сказала: «Eh bien, ma chérie,tu as donc vu le Pape, la Reine Olga et l'Impératrice Augusta. Eh bien tu sais, pour un premier voyage c'est déja très joli». (Итакъ, моя милая. ты, значитъ, видѣла Папу, Королеву Ольгу и Императрицу Августу. Знаешь, что для перваго путешествія это уже очень недурно). Кто чего ищетъ въ путешествіи. Я не искалъ, но когда случалось, съ интересомъ изучалъ всякій «человѣческій документъ», попадавшійся на пути моихъ странствій.

Старый медальонъ.

Какъ-то въ разъ въ 1889 году обѣдалъ въ гостинницѣ за табльдотомъ. Входятъ въ столовую двѣ старыя англичанки; одна высокая, худощавая, шла впереди, надменно глядя поверхъ людей; другая, маленькая, одутловатая, слѣдовала за ней боязливая, скромная.

— Посмотрите на эту парочку, — сказалъ я моей сосѣдкѣ.

— Что вы думаете, онѣ вкусили сладость жизни? спросила она съ лукавымъ взглядомъ.

— Я думаю, маленькая вкусила и оттого на ней печать смущенія.

Почему-то сталъ думать о моихъ «сестрахъ»; цѣлая исторія сложилась въ головѣ; но никогда образы не опредѣлялись со сколько-нибудь осязательной точностью. Въ 1894 году, возвращаясь изъ кругосвѣтнаго путешествія, остановился въ Константинополѣ, гдѣ видалъ часто пріятеля моего, бывшаго товарища по университету, Алексѣя Александровича Смирнова. Онъ мило писалъ стихи, иногда разсказы; имѣлъ успѣхъ красивый разсказъ изъ византійской исторіи «Склирена». Такъ это за нимъ и осталось; когда спрашивали, — какой Смирновъ? — Говорили «Склирена». Однажды за завтракомъ въ турецкомъ ресторанѣ въ Стамбулѣ, я разсказалъ ему эпизодъ моихъ двухъ сестеръ, какъ онѣ у меня въ головѣ обрисовались.

— Что же ты не напишешь?

— Никогда такихъ вещей не писалъ, не знаю, какъ взяться.

— Уступи мнѣ, я напишу.

— Пиши, но оставляю за собою право тоже написать.

— Ну, отлично, — конкурсъ.

Когда вернулся въ Петербургъ, получилъ письмо отъ Смирнова, «Сестры» начаты, и пишутся легко. Это меня подзадорило; сѣлъ за работу и въ двѣ недѣли написалъ. Разсказъ былъ напечатанъ въ декабрьскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» за 1894 годъ.

Смирновъ свою повѣсть перенесъ на русскіе нравы (моя протекаетъ во Франціи); она была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» много позднѣе, съ объяснительнымъ вступленіемъ,

въ которомъ, не называя меня, онъ отклонялъ отъ себя авторство замысла. Привожу здѣсь этотъ мой единственный опытъ въ беллетристикѣ. Знаю, что онъ юнъ, — въ немъ всѣ недостатки, свойственные этому преимуществу. Но, во первыхъ, онъ слился съ моими странствіями; во вторыхъ, мнѣ казался онъ интересенъ, какъ примѣръ развитія литературнаго вымысла изъ ничтожнаго реальнаго случая.

Въ лавочкѣ мадамъ Омэръ было жарко, почти душно. Длинные лучи заходящаго солнца проникали сквозь грязное стекло и, пронизавъ насквозь кровавые листки стоящихъ на подоконникѣ колеусовъ, вливались въ комнату, скользя по грудѣ всякой рухляди и поломаннаго домашняго скарба. Мухи, обезумѣлыя, бились объ окно, и въ затхлой комнатѣ стояло знойное жужжанье.

Антикварная лавочка въ провинціальномъ захолустьи имѣетъ особенно притягательную силу: сюда еще не проникалъ хищный, но холодный взоръ комиссіонера-оцѣнщика; хозяинъ устанавливаетъ цѣны на самыхъ невѣроятныхъ началахъ, часто противорѣчащихъ всякому историческому или художественному мѣрилу, и такъ называемый «случай» — который въ глазахъ истиннаго любителя удесятеряетъ цѣнность самаго цѣннаго предмета, — возможенъ здѣсь чаще, чѣмъ за зеркальными стеклами столичнаго антиквара. Вотъ почему, попавъ на нѣсколько недѣль въ глухой городокъ Нижнихъ Пиренеевъ, я почувствовалъ сильный приливъ знакомыхъ вожделѣній, когда на второй же день пріѣзда увидѣлъ вывѣску: «Curiosités». Прикрывъ свою художественную алчность личиною скучающаго туриста, я перешагнулъ черезъ порогъ лавочки Омэръ.

Тучная хозяйка, съ очками на самомъ кончикѣ носа, вязала, сидя за прилавкомъ, и черезъ чулокъ и очки читала трепаную книгу; мой приходъ не прервалъ ни того ни другого изъ ея занятій; она лишь на секунду подняла глаза и, глянувъ на меня сверхъ очковъ, снова уткнулась въ засаленныя страницы. Я осмотрѣлся и скоро убѣдился, что моей алчности не на чемъ разыграться: лавочка была изъ тѣхъ, гдѣ вещи старыя, но не старинныя. Изъ всего сваленнаго здѣсь хлама мало что восходило далѣе тридцатыхъ годовъ и эпохи Людовика-Филиппа. Большинство же вызывало въ памяти то ужасное время середины нынѣшняго столѣтія, когда убранство жилищъ представляло какой-то нескладный выкидышъ отъ скрещиванія «готики» съ «имперіей». Я собирался уходить, когда изъ небольшой витрины, среди старыхъ брошекъ, колецъ и т. п. драгоцѣнностей, мнѣ бросился въ глаза медальонъ: тончайшей работы миньатюра

изображала женскую головку въ высокой пудреней прическѣ; золотой ободокъ вокругъ портрета заканчивался вычурной раковиной надъ головою пудреной красавицы.

Какъ противорѣчивъ иногда бываетъ духъ времени съ тѣмъ впечатленіемъ, которое производятъ на насъ оставшіяся отъ того же времени произведенія искусства! Не странно ли, что такимъ тонкимъ, нѣжнымъ благоуханіемъ вѣетъ отъ всѣхъ предметовъ, въ которыхъ дошла до насъ смрадная эпоха Людовика XV?

Я открылъ витрину, робко глянувъ на хозяйку: она мѣняла спицу, и по ея сосредоточенному спокойствію я понялъ, что въ ея глазахъ я былъ посѣтитель не изъ подозрительныхъ. Я вынулъ миніатюру, — она была поразительно хороша, и съ одной стороны какъ будто можно было различить подпись. Въ лавочкѣ начинало темнѣть, и я со своей находкой вышелъ на порогъ. Только направилъ-было медальонъ въ свѣтъ послѣднихъ солнечлучей, какъ на него надвинулась густая тѣнь: — кто-то подошелъ ко мнѣ. Я поднялъ глаза: въ широкополой шляпѣ передо мной стояла длинная фигура моего пріятеля, стараго нотаріуса, по приглашенію котораго я собственно пріѣхалъ въ этотъ городокъ.

— Ага, вотъ васъ что занимаетъ! — воскликнулъ онъ, не отвѣчая на мое привѣтствіе. — Медальонъ Кастэль дю Пикъ!

— Какъ вы сказали? — Медальонъ. . .

— Кастэль дю Пикъ.

— Никогда не слыхалъ такого художника.

— Это не художника имя, а тѣхъ, кому медальонъ принадлежалъ.

— Интересная вещица.

— Да. . . А знаете ли, что еще въ десять разъ интереснѣе тѣ событія, которыя вокругъ нея сосредотачиваются? Этотъ медальонъ — цѣннѣйшій документъ семейной хроники.

— Какъ же его рѣшились выпустить изъ рукъ?

— Да для послѣдней его обладательницы было бы истиннымъ мученіемъ, еслибы она была вынуждена сохранить его.

— А наслѣдники?

— Наслѣдниковъ нѣтъ.

— Ну, ужъ я вижу, что такое: несчастная любовь и конецъ знаменитаго рода; изсякнувшій ключъ аристократической крови, а этотъ медальонъ — одинъ изъ цвѣтковъ геральдической смоковницы?

— Странно, — задумчиво произнесъ нотаріусъ, — даже теперь, когда уже все кончено, эта грустная исторія вызываетъ усмѣшку.

Скорбь, которая проникала эти слова, была настолько несоразмѣрна съ моей въ сущности весьма невинной шуткой,

что я даже не извинился; я понялъ, что вздохъ сожалѣнія по поводу смѣси смѣшного и грустнаго, относился не къ настоящему, а къ чему-то, что осталось гдѣ-то въ далекомъ прошломъ. Но въ далекомъ — ли?..

— А вы знали ее?

— Кого?

— Обладательницу.

— Да, я зналъ... ихъ... обѣихъ.

— Какъ обѣихъ?

— Такъ, ихъ было двѣ. То-есть, обладательница, если хотите, одна; но ихъ трудно какъ-то раздѣлить въ памяти: онѣ были такъ недѣлимы въ жизни. Иу дивительно при этомъ... Ахъ, вы, пожалуйста, извините мое замѣчаніе насчетъ усмѣшки, — оно совсѣмъ не мѣтило въ васъ, —но, вы понимаете, эти два существа были поставлены въ такія необыкновенныя отношенія другъ къ другу. Внѣшнія условія жизни сковали ихъ узами обязательнаго и довольно комическаго сожительства, а весь внутренній духовный міръ каждой изъ нихъ молчаливо, но настойчиво требовалъ разрыва... И онъ пришелъ... Тихо, но трагически...

— Весьма загадочно звучитъ все это.

— Онѣ для многихъ и были загадками.

— Родственницы?

— Сестры... Да что мы тутъ стоимъ въ дверяхъ, или хотите купить? Положите пока, — не убѣжитъ; пройдемтесь лучше.

Я вернулся въ совсѣмъ уже темную лавочку, положилъ медальонъ въ витрину, захлопнулъ крышку и вышелъ на вечерній просторъ.

Солнце уже сѣло, но заря еще пылала; стрѣльчатые тополя, разсѣкая небесное зарево, дрожащей листвой трепетали въ легкомъ воздухѣ, а отъ развѣсистыхъ каштановъ стлался мракъ и тяжелыми тѣнями ложился на истомленную землю.

Мы потихоньку двинулись. Мой спутникъ былъ задумчивъ, но сквозь его молчаніе я угадывалъ, что онъ думаетъ все о томъ же.

— Такъ вы были знакомы? — переспросилъ я.

— Какъ же. Да еслибъ вы пріѣхали года три, четыре тому назадъ, и вы бы познакомились: это былъ единственный домъ, гдѣ сходились по вечерамъ.

— А гдѣ онѣ жили?

— Онѣ давно какъ переѣхали въ городъ и жили въ небольшомъ домикѣ на площади, а прежде, — вонъ видите, тамъ вдали.... — И по направленію его костлявой руки я увидѣлъ на послѣдней полосѣ багроваго заката высокіе гребни старинаго замка въ стилѣ Франциска I.

— Это было ихъ помѣстье, замокъ Кастэль дю Пикъ; теперь онъ принадлежитъ нѣкоей мадамъ Пюжо.

— Что же, продали?

— Разорились...

— А сами онѣ?

— Что?

— Умерли, уѣхали, или....

— Разъѣхались...

— Гдѣ же онѣ сейчасъ?

— Не знаю; мы ничего о нихъ не слыхали больше съ тѣхъ поръ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ что?

— Съ тѣхъ поръ, какъ... А васъ, кажется, заинтересовали мои «сестры»?

— Признаюсь.

— Знаете что? — зайдемте ко мнѣ. Я ими много занимался, даже записалъ кое-что; могу вамъ разсказать.

Я тотчасъ же согласился, и мы повернули въ сторону его дома.

Черезъ десять минутъ мы сидѣли на деревянномъ балконѣ въ палисадникѣ. Передъ нами стоялъ деревенскій ужинъ: овечій сыръ и бутылка мѣстнаго вина. Мой хозяинъ притащилъ изъ комнаты и разложилъ на столѣ связку бумагъ и, замѣнивъ широкополую шляпу бархатной ермолкой, принялся подыскивать свои документы.

Служанка засвѣтила лампу: сѣрыя бабочки заметались надъ столомъ и льнули къ матовому шару.

Документы были разобраны, и хозяинъ началъ разсказывать. Онъ былъ очевидцемъ большинства событій, о которыхъ говорилъ, многое слышалъ отъ другихъ — очевидцевъ же, а ту невидимую связь событій, которая бываетъ скрыта отъ постороннихъ взоровъ, онъ, благодаря хорошему знанію людей и вѣрному чутью, угадывалъ и восполнялъ съ удивительною проницательностью. Онъ говорилъ живо, картинно, замѣтно воодушевлялся.

Мы просидѣли цѣлую ночь, и подъ немолчный звонъ кузнечиковъ, прерываемый лишь изрѣдка боемъ городскихъ часовъ, я услышалъ странную исторію.

I.

— Видѣли ли вы когда-нибудь двухъ сестеръ, болѣе непохожихъ другъ на друга?

Такой вопросъ нѣизмѣнно ставился всякому новичку, когда по понедѣльникамъ, часу въ одиннадцатомъ вечера, гости обѣихъ графинь Кастель дю Пикъ гурьбой высыпали на крылечко

гостепріимнаго дома и по провинціальному обычаю начинали провожать другъ друга по домамъ.

И въ самомъ дѣлѣ, — трудно было бы подыскать болѣе полное несходство.

Сухая, длинная, съ виду черствая, со строгимъ выраженіемъ на худомъ лицѣ, обрамленномъ черной кружевной косынкой, такова представлялась старшая. Она держалась всегда на вытяжку, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ; никто не помнитъ, чтобы, сидя за пасьянсомъ или тасуя карты, она хоть разъ облокотилась о высокую спинку стариннаго рѣзного кресла, въ которомъ принимала гостей.

Младшая, лѣтъ на пятнадцать моложе сестры, была маленькая пухлая особа, съ широкимъ бѣлымъ лицомъ, на которомъ съ трудомъ можно было подмѣтить какой-нибудь намекъ на выраженіе; лишь изрѣдка, какъ зыбкая тѣнь, по ея рыхлымъ чертамъ скользило какъ будто боязливое сознаніе собственной немощи предъ всеобщимъ превосходствомъ. Въ то время какъ сестра возсѣдала на высокихъ прямыхъ креслахъ, она, робкая и застѣнчивая, предпочитала низенькія, мягкія: уходила въ нихъ и часами просиживала за вязаньемъ нитяныхъ кружевъ. Послѣднее было для нея почти обязательнымъ занятіемъ: она страдала чѣмъ то въ родѣ болѣзни осязанія; въ особенности, если была сколько-нибудь взволнована, ея руки не находили мѣста, она ко всему прикасалась, трогала, и притомъ какъ-то вскользь, точно предметы обжигали ее, вотъ почему она никогда не разставалась со стальнымъ крючкомъ: это была единственная работа, имѣвшая сосредоточивающее вліяніе на ея осязаніе, всегда стремившееся разбросаться, разсыпаться. Пасьянса — этого любимаго занятія сестры – она не могла раскладывать: видъ пестрыхъ картъ ослѣплялъ, ошеломлялъ ее; она начинала спѣшить, какъ будто боясь, что карты убѣгутъ или по своей волѣ перемѣнятъ мѣста, и черезъ пять минутъ теряла способность соображать, а нервныя руки переставали повиноваться. Нѣтъ, она отказалась отъ картъ, и только иногда, въ минуту полнаго душевнаго спокойствія, она ихъ подбирала по мастямъ.

Однако не нужно было быть особенно наблюдательнымъ, чтобы замѣтить, что та печать несходства, которую природа наложила на эти два существа, проходила дальше и глубже, чѣмъ только внѣшній обликъ и поверхностныя житейскія привычки.

Съ перваго взгляда поражали въ старшей — выработанность пріемовъ, сознательность всѣхъ ея движеній, всѣхъ ея рѣчей; за малѣйшимъ словомъ чувствовался цѣлый кодексъ принциповъ, обнимавшій всѣ формы жизни, объяснявшій всѣ явленія. Иной разъ можно было даже подумать, что этотъ кодексъ былъ предусмотрительно составленъ ею еще до появле-

нія на свѣтъ, и что, вступивъ затѣмъ въ жизнь, она съ перваго шага пошла по готовой уже системѣ. Ея міровоззрѣніе стояло на незыблемомъ основаніи, было прямолинейно, непреклонно, безъ уступокъ.

Въ младшей поражало полное отсутствіе какой-нибудь выработки, какихъ-нибудь — не только сознательно-воспринятыхъ принциповъ, но хотя бы установившихся привычекъ мышленія. Прошлыя событія жизни какъ будто бы ничего не прибавили къ ея взгляду на вещи, не дали ей никакаго балласта; въ ней не подмѣчалось ни малѣйшаго запаса какой-нибудь подготовительной работы; всякое явленіе жизни должно было такъ и остаться недостроеннымъ.

Но и это не все. Помимо разницы во внѣшнемъ обликѣ, помимо разницы въ характерахъ, наблюдателю не могла не броситься въ глаза и еще одна разница, иного порядка, разница въ общественномъ положеніи. Это покажется смѣшнымъ въ примѣненіи къ двумъ сестрамъ, живущимъ вмѣстѣ, а между тѣмъ это вѣрно. Если бы вы не знали, что онѣ сестры, и гдѣ-нибудь встрѣтили ихъ, — на гуляньѣ или на улицѣ, — вы не только подумали бы, что онѣ изъ разныхъ слоевъ общества, — васъ бы удивило, что онѣ могутъ быть знакомы: до такой степени у нихъ стояло написаннымъ на лицѣ, у одной — что она не желаетъ быть знакома «со всякимъ», а у другой, что она не смѣетъ быть знакома «съ нѣкоторыми». Но, рѣшительно, между какой-нибудь старой вдовствующей маркизой и ея компаньонкой меньше разницы, чѣмъ было между старшей и младшей сестрой.

Конечно, въ прошломъ у каждой изъ нихъ были событія, достаточно оправдывавшія всѣ эти неравенства; но въ какой степени ихъ взаимное положеніе было слѣдствіемъ различія характеровъ, и въ какой степени сами характеры выработались подъ вліяніемъ разъ установившихся отношеній, — кто можетъ сказать? Кто проникнетъ мыслью вѣчное взаимодѣйствіе явленій, кто разберется въ запутанныхъ переплетеніяхъ душевныхъ струнъ съ цѣпями жизни, и кто съ увѣренностью скажетъ: — «вотъ причина, а вотъ слѣдствіе»?

Какъ бы ни рѣшали эти вопросы великіе мыслители, наши добрые друзья не долго останавливались на психологическихъ загадкахъ; но они любили задавать ихъ другимъ.

— Вотъ вы увидите, — опять-таки неизмѣнно повторялось каждому новичку: — послѣ обѣда я васъ поведу, и вы увидите. Я вамъ ничего не скажу, только — что одна вдова, а другая — старая дѣва, а, когда мы выйдемъ, вы мнѣ скажете — которая кто.

И какъ только гости были на приличномъ разстояніи отъ дома, такъ немедленно гурьбой обступали новичка:

— Ну, которая вдова?

— Конечно, старшая, — не запинаясь, отвѣчалъ новичекъ.

Гости, съ жадностью ожидавшіе отвѣта, поспѣшно перемигивались и, подталкивая другъ друга локтемъ, еще сильнѣе насѣдали.

— Ну, хорошо, постойте; а вотъ что скажите: которая Марта, а которая Аделаида?

— Конечно, старшая — Аделаида.

— Ну, такъ и есть! — То-есть, неизмѣнно всякій ошибется.

И съ громкимъ хохотомъ и восклицаніями, размахивая руками, гости, повернувъ спину новичку, разыпались по площади, корчась отъ давно сдерживаемаго смѣха; потомъ вдругъ повертывались къ сконфуженному товарищу и торжественно возвращались къ нему, оглашая воздухъ поздравленіями и рукоплесканіями. И это повторялось почти каждый понедѣльникъ, потому что городокъ, хотя и маленькій, но стоитъ какъ-то на дорогѣ, и всегда кто-нибудь да заглядывалъ.

Такъ расходилась веселая компанія, провожая другъ друга по домамъ. И долго еще въ пустыхъ и сонныхъ улицахъ гулко раздавались то смѣхъ, то говоръ, то опять рукоплесканія.

— Должно — быть, опять къ нашимъ графинюшкамъ какая нибудь столичная знаменитость пріѣхала: какъ провожаютъ! — говорила аптекарша, укладывая спать своего супруга...

Да, ни одинъ новичокъ еще ни разу не отгадалъ. Да и какъ же было не ошибиться, когда при входѣ въ гостинную его прямо подводили къ старшей, ей представляли? И, надо сказать, этому обряду представленія она умѣла придавать особенную торжественность: это не было простое ознакомленіе, — это былъ искусъ, своего рода посвященіе, необходимое для пріобрѣтенія права бывать въ домѣ. «Удивительно, — говорили ея друзья, — какъ графиня Марта, съ обычными своими посѣтителями такая обходительная и непринужденная, въ этихъ случаяхъ какъ будто принимаетъ роль на себя.» И, дѣйствительно: она на эти нѣсколько минутъ вдругъ становилась принцессой. Она вставала съ кресла, всѣ слѣдовали ея примѣру, и тогда одинъ изъ друзей подводилъ и называлъ новаго гостя, она задавала ему нѣсколько совсѣмъ ничего не значащихъ вопросовъ, изъявляла ему надежду, что они будутъ имѣть удовольствіе видаться, затѣмъ легкимъ наклоненіемъ головы давала ему отпускъ и тутъ же, какъ бы спохватившись, неизмѣнно говорила: «Сестра, представляю вамъ такого-то.» Гость кланялся, графиня Марта садилась на свое мѣсто, и это служило сигналомъ для другихъ. Тотъ холодъ, который нѣсколько секундъ царилъ въ гостинной, мгновенно пропадалъ среди непринужденной болтовни, шутокъ и смѣха.

Ну, какъ же было не ошибиться? Ясно, что старшая была хозяйка и глава, а при французскомъ обычаѣ говорить «Madame» всѣмъ особамъ извѣстнаго возраста, не могло и въ голову придти тому, кто у нихъ бывалъ въ первый разъ, что она была дѣвицей, а младшая была вдова. А между тѣмъ это было вѣрно: графиня Аделаида Кастэль дю-Пикъ вотъ уже два года какъ была мадамъ Борнишъ. Въ этомъ, конечно, крылась основная изъ фактическихъ причинъ, обусловливавшихъ различіе обѣихъ сестеръ. Замужество положило сильную печать не столько на характеръ графини Аделаиды, сколько на то положеніе, въ какое она сама себя ставила въ отношеніи сестры.

Но для того, чтобы это хорошенько понять, надо имѣть въ виду и личность ея мужа и трагическія обстоятельства ея кратковременнаго супружества.

Это было на третьемъ году послѣ ихъ переѣзда въ городъ. Одинъ изъ обычныхъ гостей Кастэльскихъ понедѣльниковъ спросилъ однажды графиню Марту, можетъ ли онъ привести ей въ слѣдующій разъ нѣкоего Борниша, бывшаго депутата, желающаго поселиться на покой въ недавно пріобрѣтенномъ помѣстьѣ.

— Мосье Борнишъ? — медленно переспросила сухощавая графиня, поднявъ одну карту надъ разложеннымъ пасьянсомъ и довольно долго держа ее въ этомъ положеніи, такъ что трудно было понять, надъ чѣмъ, собственно, она колеблется: надъ тѣмъ ли, что отвѣтить, или надъ тѣмъ, куда пристроить карту; но послѣдняя нашла свое мѣсто, пасьянсъ пошелъ своимъ чередомъ, и графиня, какъ будто вспомнивъ что-то, сказала нѣсколько брезгливымъ тономъ:

— Я знала одного Борниша лѣтъ двадцать тому назадъ у моего отца, когда мы еще жили въ замкѣ, — онъ занимался архивами.

— Врядъ ли тотъ самый, — замѣтилъ собесѣдникъ: — этотъ очень богатъ. А впрочемъ, нынче состоянія сколачиваются такъ быстро...

— Все-таки не быстрѣе, чѣмъ распадаются! — вздохнула она, и тѣнь пробѣжала по ея лицу при воспоминаніи о всемъ, что онѣ утратили. Собесѣдникъ невольно впалъ въ то неловкое молчаніе, которое овладѣваетъ нами всегда, когда въ свѣтскомъ разговорѣ мы вдругъ доходимъ до той грани, гдѣ начинается жизнь чувства и сердца, и за черту которой мы уже считаемъ неловкимъ, а чаще всего просто не умѣемъ и боимся перешагнуть.

Въ это время господа, окончившіе партію виста, раздвинули стулья и съ интересомъ окружили пасьянсъ графини Марты.

— Вы, кажется, говорили о Борнишѣ? — сказалъ одинъ изъ нихъ. — Онъ просилъ меня представить его вамъ.

— И васъ тоже? — Онъ видимо цѣнитъ наше знакомство.

— Что такое Борнишъ? — прищуриваясь, спросилъ старикъ съ военной бородкой по модѣ Наполеона, бывшій сенаторъ имперіи.

— Борнишъ? — блестящій и способный человѣкъ, бывшій депутатъ а теперь владѣлецъ... да, графиня, вы знаете, что онъ владѣлецъ вашего бывшаго замка?

— Развѣ мадамъ Пюжо продала Кастэль дю Пикъ?

— Нѣтъ, но мадамъ Пюжо — мать Борниша по первому мужу, и хотя она и объявила, что пока она жива, замокъ будетъ записанъ на ея имя, но купилъ его, собственно, сынъ.

— Вотъ вамъ люди новой Франціи! — воскликнулъ бывшій сенаторъ:

— Скажите, пожалуйста, какой избытокъ роскоши: мы гордимся уже не тѣмъ, что мы депутаты, а тѣмъ, что мы-бывшіе депутаты; мы видите-ли, ужъ такъ знатны и такъ богаты, что отказываемся отъ того, чего другіе добиваются.

(Бывшій сенаторъ, самъ человѣкъ «недавней» Франціи, терпѣть, не могъ людей «новѣйшей» Франціи.)

— Что-жъ, это своего рода цинциннатство XIX вѣка.

— Всегда оптимистиченъ, нашъ добрѣйшій докторъ! — замѣтилъ старый аббатъ, не то укоризненно, не то одобрительно покачивая головой.

— Ну, нѣтъ, извините, — вспылилъ бывшій сенаторъ, не обращая вниманія на замѣчаніе аббата: — римскій Цинциннатъ вернулся къ тому, что оставилъ передъ отъѣздомъ, а эти Цинциннаты возвращаются къ тому, что награбили послѣ отъѣзда.

— Вы и строги, и поспѣшны, графъ, — робко вставилъ аббатъ: — мы еще не знаемъ, какъ взглянутъ дамы на этотъ вопросъ; можетъ быть, графиня Марта и графиня Аделаида пожелаютъ быть знакомы съ господиномъ Борнишемъ, и тогда...

— Мои политическія убѣжденія никогда не заставляютъ меня забыть предписанія вѣжливости по отношенію къ тѣмъ, кого я встрѣчаю въ этомъ домѣ. Графинямъ это слишкомъ хорошо извѣстно.

Наступило молчаніе; ждали, что скажетъ графиня Марта. Дѣло въ томъ, что весь этотъ разговоръ былъ подготовленъ заранѣе; кромѣ аббата, всѣ были въ заговорѣ, и главный интересъ этого понедѣльника заключался въ томъ, какъ будетъ рѣшенъ вопросъ, въ теченіе многихъ дней занимавшій членовъ маленькаго общества, и будетъ ли Борнишъ принятъ бывшими владѣлицами Кастэль дю Пикъ.

Но графиня была очень занята пасьянсомъ и даже немножко приговаривала. Гости съ нетерпѣніемъ замѣчали, что карты интересуютъ ее больше вопроса о Борнишѣ; по крайней мѣрѣ она отвѣчала на него совсѣмъ какъ-то вскользь, какъ

бы на самую неважную подробность, тогда какъ названія картъ выговаривала громко и сосредоточенно.

— Такъ... Дама на короля, потомъ такъ... да если мосье Борнишъ тотъ самый, котораго я встрѣчала въ библіотекѣ покойнаго графа Кастэль дю Пикъ, то... тройка на четверку... тогда не нужно представленія, — мы уже знакомы; а если... семерка сюда, шестерка на семерку... если это другой, то опять-таки, разъ мы были принуждены встрѣтиться съ его матерью... двойка, тройка, четверка... и съ его сестрой,... пятерка, шестерка семерка,... то я не вижу причины отказать ему,... восьмерка, девятка, десятка... валетъ, дама, король.

Пасьянсъ графини вышелъ. Она встала; начались прощанія.

Обычное замедленіе въ дверяхъ между гостиной и передней, обычные вопросы о томъ, какова погода, какой сегодня вечеръ и что обѣщаетъ на завтра, обычныя предложенія дать зонтикъ, фонарь или даже проводника; затѣмъ рукопожатія, благодаренія, пожеланія, — и гости высыпали на крыльцо.

Въ слѣдующій понедѣльникъ состоялось представленіе. Борнишъ оказался тотъ самый. Графиня Марта рѣшилась, было, не заговаривать о его прошломъ, думая, что бывшій депутатъ можетъ принять за несовсѣмъ любезный намекъ упоминаніе о его секретарствѣ въ домѣ ея отца; но онъ самъ съ первыхъ же словъ заговорилъ о томъ, что называлъ «одною изъ счастливѣйшихъ эпохъ своей юности». Онъ говорилъ смѣло, развязно, и надо отдать ему справедливость, несмотря на таившееся подъ каждымъ его движеніемъ нахальство, держалъ себя съ полнымъ тактомъ. Его подвели къ графинѣ Аделаидѣ, съ которой онъ не былъ знакомъ, такъ какъ въ то время, когда онъ работалъ въ архивахъ стараго графа, она, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, ужъ года четыре какъ проживала въ Нормандіи, у старой тетки. Она привстала съ креселъ, и при этомъ у нея скатился на полъ клубокъ; онъ живо подобралъ его, нарядnымъ движеніемъ подалъ ей, она приняла клубокъ, сконфузившись, покраснѣла и сѣла на свое мѣсто.

Такъ состоялось представленіе.

II.

Борнишъ сталъ бывать въ домѣ и скоро съумѣлъ доказать своими пріемами и обращеніемъ, что для него не пропало даромъ время, проведенное въ аристократическомъ домѣ графа Кастэль дю Пикъ.

А старый графъ былъ удивительный въ своемъ родѣ человѣкъ.

Даже среди самыхъ убѣжденныхъ, самыхъ безусловныхъ сторонниковъ королевской династіи графъ Аженоръ Кастэль дю Пикъ стоялъ особнякомъ. Онъ не только признавалъ, — какъ впрочемъ большинство уважающихъ себя легитимистовъ, — что теченіе событій во Франціи, и даже во всемъ мірѣ, остановилось послѣ 1793 года, и что все случившееся отъ этого года и до сего дня есть не болѣе, какъ перерывъ, передышка, которую даетъ себѣ исторія, — но онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что эта передышка никогда не кончится, что разъ спустившаяся завѣса никогда больше не взовьется, что всемірная исторія дописала послѣднюю страницу своей лѣтописи, и что больше нѣтъ у нея ни чернилъ, ни бумаги.

Когда, во время реставраціи, онъ, только что женившійся, молодой и блестящій отпрыскъ одного изъ стариннѣйшихъ родовъ Франціи, поѣхалъ въ Парижъ «представиться», то, несмотря на самые трогательные знаки вниманія со стороны короля и всей семьи, онъ чувствовалъ какое-то неудовлетвореніе, и, какъ ни старался, не могъ войти въ тонъ.

Несмотря на то что Людовикъ XVIII никогда не цитировалъ стиха изъ Лукреція или Теренція, безъ того, чтобы глазами не искать одобренія графа Аженора, несмотря на то, что его покойная графиня была одна изъ дамъ, приглашенныхъ присутствовать при родахъ герцогини Беррійской, а при церемоніалѣ крещенія даже раздвинула пологъ надъ люлькой герцога Бордосскаго, онъ чувствовалъ, что все это уже не то. При дворѣ толкалось слишкомъ много новичковъ, вокругъ Бурбонской лиліи жужжало слишкомъ много бонапартовскихъ пчелъ; нахальные наполеоновскіе орлы не давали ему покоя, и въ одно прекрасное утро онъ объявилъ графинѣ, что они уѣзжаютъ.

Его не особенно удерживали. Когда герцогиня Ангулемская спросила какъ-то разъ: «почему Кастэль дю Пикъ уѣхалъ? — графъ д'Артуа, сидѣвшій въ это время за картами, перегнулся съ креселъ и черезъ всю комнату сказалъ: — «Онъ нашелъ, что въ Марсанскомъ павильонѣ слишкомъ смѣшанное общество».

Онъ долго скитался по Европѣ и только въ шестидесятыхъ годахъ вернулся въ Кастэль дю Пикъ. Чтобы чѣмъ-нибудь заполнить досуги своей добровольной опалы, онъ сталъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ своего богатаго семейнаго архива. Въ то время онъ уже давно какъ овдовѣлъ; при немъ жила его старшая дочь, дѣвица лѣтъ подъ-тридцать; младшая же, если помните, воспитывалась у тетки въ Нормандіи. Работа графа скоро разрослась настолько, что ему понадобился помощникъ.

Тутъ и пріѣхалъ Жакъ Борнишъ, — нечесаный, немытый, но способный; такой ловкій, что его черезъ десять дней узнать

нельзя было, и такой обворожительный, что, несмотря на его плебейское происхожденіе, старый графъ привязался къ нему, насколько былъ способенъ привязаться. Молодой секретарь до того проникся интересомъ къ своей работѣ, до того изучилъ и по пальцамъ зналъ родословную графовъ Кастэль дю-Пикъ отъ перваго крестоваго похода до дня рожденія графини Аделаиды включительно, что старый графъ положительно иногда забывалъ, что онъ не одной съ нимъ плоти и крови. Когда черезъ десять мѣсяцевъ совмѣстной работы Борнишъ однажды утромъ совершенно неожиданно объявилъ графу, что онъ долженъ ѣхать, старикъ былъ искренно опечаленъ. Онъ всталъ и участливо положивъ молодому человѣку руку на плечо, спросилъ:

— Почему вы должны ѣхать?

— Меня отецъ вызываетъ.

Этотъ отвѣтъ точно обжегъ его: онъ не зналъ, что у Борниша есть отецъ, онъ забылъ... да онъ не думалъ даже, что у человѣка, который такъ сроднился съ его предками, можетъ быть «свой собственный» отецъ. Онъ отдернулъ руку со словами:

— Ну, что-же, — поѣзжайте.

И Борнишъ уѣхалъ.

Когда въ тотъ-же день вечеромъ графъ пожаловался дочери на неблагодарность Борниша, та просила его не печалиться, отнынѣ никто не будетъ помогать ему въ его работѣ, кромѣ нея. Онъ подошелъ къ ней, пристально посмотрѣлъ ей въ глаза, поцѣловалъ въ лобъ.

— Вы достойны вашихъ предковъ, — оказалъ онъ.

Событія политической жизни Франціи сильно повліяли на его и безъ того уже мрачное настроеніе. Послѣдовательное паденіе всѣхъ режимовъ, которые чередовались въ его бѣдномъ отечествѣ, принимались имъ, какъ принимается докторомъ послѣдовательное пониженіе температуры въ умирающемъ организмѣ. Его легитимизмъ понемногу сталъ переходить въ какую-то мрачную безнадежность. Но окончательный ударъ нанесенъ ему былъ смертью графа Шамборъ.

Тотъ слабый лучъ надежды, который послѣ смерти послѣдняго добрая половина легетимостовъ перенесла на родоначальника плодовитаго Орлеанскаго дома, для графа Аженора угасъ навсегда. Тотъ фактъ, что права Бурбоновъ безъ всякой борьбы и самой судьбой были переданы ихъ вѣковымъ соперникамъ, казался ему такимъ попраніемъ всѣхъ основныхъ началъ міровой справедливости, что онъ усумнился въ Божествѣ.

«Можетъ ли Богъ существовать, когда онъ это допустилъ? Если Богъ есть, то онъ долженъ быть легитимистомъ, онъ не можетъ не быть первымъ изъ легитимистовъ.» Такъ разсуждалъ старый графъ; и когда телеграммы изъ Фрошдорфа принесли роковую вѣсть, онъ увидѣлъ въ послѣднихъ словахъ умираю-

щаго Генриха V, спрашивавшаго: «Гдѣ мои Орлеаны?»— бредъ больного, впавшаго въ младенчество. Ожидалъ ли онъ до послѣдней минуты, что у графа Шамбора все-таки, можетъ-быть, еще родится сынъ, — неизвѣстно; но только, когда крыло смерти унесло послѣдняго представителя французскихъ Бурбоновъ, графъ Кастэль дю Пикъ усмотрѣлъ въ этомъ измѣну Провидѣнія; ну а онъ могъ простить все, кромѣ измѣны.

Надъ нимъ замкнулся небесный сводъ, передъ нимъ закрылось будущее, и онъ весь ушелъ въ свое прошлое. Несмотря на свои восемьдесятъ четыре года онъ все еще работалъ, и на закатѣ своихъ дней этотъ «Légitimiste athée», какъ его звали, успѣлъ стяжать себѣ извѣстность среди представителей ученой Франціи.

Но для графини Марты наступило тяжелое время. Ихъ матеріальное благосостояніе поколебалось. Огромный замокъ сталъ приходиться не по карману: стѣны стали лупиться, обваливаться, трескаться; старые потолки угрожали рухнуть, въ окна дуло, камины перестали грѣть. Поддерживать было не на что, и бѣдные жильцы, шагъ за шагомъ, покидали одну комнату за другой, пока ихъ не загнало въ самый дальній уголъ замка. Дворня была распущена, и хозяйство всей тяжестью легло на руки графини Марты. Она съ мужествомъ несла свои обязанности и только въ минуты сильнаго утомленія заговаривала о томъ, не переселиться-ли въ городъ; но старый графъ и слышать не хотѣлъ. Послѣднія передряги сильно его потрясли, онъ осунулся физически и нравственно, и силы его замѣтно слабѣли. Графиня ясно видѣла, что въ этой затхлой, заплѣснѣвѣлой атмосферѣ ему не поправиться; а какъ было настаивать на переѣздѣ? Каждый разъ, какъ она заговаривала объ этомъ предметѣ, имѣ овладѣвало нервное волненіе.

Онъ сталъ мнителенъ, пугливъ, суевѣренъ, и со страхомъ сближалъ свой выѣздъ изъ замка съ преданіями, жившими въ его семьѣ.

Онъ помнилъ, какъ отецъ увѣщевалъ его никогда не выселяться, какъ онъ увѣрялъ, что это выселеніе повлечетъ за собой цѣлый рядъ несчастій, что единственное условіе ихъ существованія сохраненіе Кастэль дю Пикъ; а сохранить его будетъ не легко, потому что онъ пріобрѣтенъ неправдой. Онъ зналъ, что тутъ его предки обошли прямыхъ наслѣдниковъ, что долго длились тяжбы, что перемѣнное счастье перекидывало злополучный замокъ изъ рукъ въ руки: то старшая линія, то младшая брала перевѣсъ, и что, наконецъ, прабабка его, извѣстная въ свое время графиня Маргарита Кастэль дю Пикъ обворожила дряблаго Людовика XV и цѣной нѣсколькихъ оргій въ королевскомъ Parc aux Cerfs добилась того, что замокъ

былъ окончательно закрѣпленъ за младшей линіей. Всѣ эти преданія вдругъ стали осаждать его слабѣющую голову; съ какой-то болѣзненной яркостью вставало предъ нимъ и преслѣдовало его это темное, запутанное прошлое, изъ котораго, — то вызывающе, то злобно улыбаясь, — смотрѣла ему въ глаза развратная прабабка. И зачѣмъ онъ все думаетъ о ней? зачѣмъ не можетъ отдѣлаться отъ этихъ наглыхъ глазъ? зачѣмъ... А, — это потому, что Марта потеряла свой медальонъ: она мститъ съ тѣхъ поръ! Ну да, съ тѣхъ самыхъ поръ она преслѣдуетъ; давно уже, — лѣтъ пятнадцать... Нѣтъ, больше, — Борнишъ еще не уѣзжалъ, разумѣется, не уѣзжалъ; вѣдь онъ же ему закричалъ тогда вечеромъ, когда въ комнату полную гостей Марта вдругъ вошла безъ своего медальона, онъ закричалъ ему «Борнишъ, соберите людей, возьмите фонари, обыщите весь садъ, всѣ бесѣдки, гроты, фонтаны, но найдите мнѣ медальонъ!» И Борнишъ побѣжалъ искать... Но что-же онъ такъ долго? Вѣдь поздно — двѣнадцать часовъ. Зачѣмъ онъ не возвращается? Онъ можетъ быть укралъ его? Онъ сбѣжалъ?! Борнишъ! Борнишъ!!.. И старый графъ, взъерошенный, встаетъ съ постели и въ халатѣ, босикомъ, кидается изъ спальни въ сосѣднюю столовую; онъ ищетъ подъ столомъ, подъ стульями, съ изступленіемъ осматривается и вдругъ, какъ будто озаренный мыслью, со всею силой старческихъ дрожащихъ ногъ бросается къ заколоченной двери. Ударомъ кулака въ дребезги разбиты ветхія доски, дверь распахивается настежъ, — и по необозримымъ заламъ запущеннаго замка, бѣлѣя въ лунномъ свѣтѣ и пропадая въ темнотѣ, все дальше и дальше несется изступленный, обезумѣвшій старикъ, оглашая своды криками: «Борнишъ! Гдѣ медальонъ графини Маргариты?! Падаютъ дряхлыя двери, соскакиваютъ ржавые замки, и, летя изъ комнаты въ комнату, по коридорамъ, по лѣстницамъ, по галлереямъ, онъ, наконецъ, ломаетъ послѣднюю дверь и вваливается въ комнату, гдѣ жилъ когда-то Борнишъ.

Все это было сдѣлано съ тою невѣроятною быстротою, на которую способны лишь одни больные; такъ что, когда графиня Марта сквозь сонъ услыхала возгласы отца, успѣла сообразить, въ чемъ дѣло и, схвативъ фонарь, бросилась къ нему на помощь, онъ былъ уже далеко. Она устремилась на его голосъ, но несмотря на то, что всѣ двери на ея пути были уже раскрыты, она не могла догнать его во-время, чтобы остановить, и настигла его лишь тогда, когда, ободранный, истерзанный, израненный, онъ лежалъ съ разбитой головой на кирпичномъ полу около бывшей постели Борниша. Ея ноги подкосились, и съ ужаснымъ воплемъ, въ которомъ вылился весь запасъ рыданій, душившихъ ее во время этой страшной погони, она припала къ охладѣвшему трупу отца.

III.

Прошло два мѣсяца, въ теченіи которыхъ графиня Марта выказала много выдержки, энергіи и дѣловитости. Старый графъ былъ похороненъ въ семейномъ склепѣ, архивъ подаренъ музею, библіотека продана, а картины и старинная мебель перевезены въ маленькій городской домъ, куда вскорѣ переѣхала и сама хозяйка. Кастель дю Пикъ былъ объявленъ въ продажу и сверхъ ожиданій черезъ какихъ-нибудь три недѣли нашелъ весьма выгоднаго покупателя.

Къ этому же времени графиня Марта выписала изъ Нормандіи сестру Аделаиду. Когда прошло шесть мѣсяцевъ со смерти отца, она возобновила нѣсколько знакомствъ, а послѣ года объявила понедѣльники. Тогда началась для нихъ та тихая, однообразная жизнь вдвоемъ, которою онѣ прожили послѣдующіе два года и которой было суждено испытать такой сильный ударъ послѣ вторичнаго появленія Борниша на горизонтѣ ихъ сѣренькаго неба.

Какъ совершилось это появленіе, — мы видѣли. Когда старшая графиня объявила, что не имѣетъ причинъ не принимать его, она оставалась вѣрна разъ принятому правилу: она не хотѣла быть слишкомъ исключительна въ выборѣ своихъ знакомыхъ подъ рискомъ понизить установившуюся популярность своихъ вечеровъ; утратить легитимистическую окраску ей, во всякомъ случаѣ, нечего было бояться; популярностью же она дорожила и готова была даже заплатить за нее нѣкоторыми уступками, лишь бы въ обществѣ было объявлено разъ навсегда, что единственный интересный салонъ въ городѣ — легитимистскій салонъ графини Кастэль дю Пикъ. Пріемъ этотъ, дѣйствительно, удавался графинѣ, но только на этотъ разъ результаты его неожиданно столкнулись съ самыми основными, незыблемыми принципами ея міровоззрѣнія.

Какъ все это произошло, никто положительно сказать не могъ, но только, когда впервые объ этомъ заговорили, то дѣло было уже совершившимся фактомъ. Кто первый замѣтилъ, кто первый началъ разговоръ, — тоже неизвѣстно; но когда однажды по выходѣ гостей на площадь кто-то таинственно провозгласилъ: «Ну, господа, Борнишъ сдѣлалъ предложеніе!» — то вдругъ оказалось, что всѣ этого ждали, что всѣ это давно видѣли, что это должно было быть, не могло не быть и т. д., и т. д.

— Такъ какъ же вы раньше объ этомъ не говорили? — упрекали гости одинъ другого.

— Что-жъ, нельзя-же обо всемъ всегда переговорить. А въ сущности каждому было досадно и совѣстно, что могъ онъ упустить подобное событіе.

— Но какъ же можно было, — недоумѣвалъ новичокъ: — такая свадьба, и прошла у васъ подъ самымъ носомъ!

— Свадьба?! — возгласили всѣ разомъ, и въ этомъ хоровомъ вопросительномъ знакѣ выразилась вся невѣроятность подобнаго предположенія: гости были слишкомъ увѣрены въ своихъ графиняхъ, чтобы допустить даже тѣнь колебанія.

Но гости не знали, что переживала за послѣднее время графиня Марта; они не знали, — хотя бывали въ домѣ столько лѣтъ, — они не знали, что графиня Аделаида была существо безъ фундаментовъ; они не знали, и того, что природа человѣка, даже самаго слабаго, бываетъ способна расперетъ самыя крѣпкія рамки, въ которыхъ сдавливаютъ ее обычай и привычка. Какъ ни истаскано извѣстное изреченіе Паскаля, что «le coeur a des raisons que la raison ne connait pas», —надо думать, что оно имъ не попадалось, а то бы ихъ увѣренность значительно была поколеблена, и, по крайней мѣрѣ, они успѣли бы приготовить общество къ одному изъ самыхъ ошеломляющихъ извѣстій, какія когда-либо довелось ему услышать.

Графиня Марта давно уже замѣтила; не скажу, чтобы она замѣтила раньше самой Аделаиды, но она, конечно, раньше ея поняла. И съ той минуты въ ея душу вселилась тревога, – тревога, которая росла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ и, наконецъ, приняла размѣры какого-то на видъ даже безсмысленнаго страха, для оправданія котораго уже оказывались безсильны всѣ рессурсы логики и принциповъ.

Сколько разъ по понедѣльникамъ, видя, какъ ея сестра въ другомъ углу гостиной, вся красная, насупившись надъ кружевнымъ вязаніемъ, слушала баритонное воркованіе Борниша, — сколько разъ говорила она себѣ: «какъ только они уйдутъ, я съ ней заговорю». Но гости уходили, и она даже намекнуть боялась: а что если ея разспросы только глаза откроютъ ея невинной и простоватой сестрѣ? И она опять уходила въ молчаніе и опять изъ-за своего пасьянса, какъ изъ-за траншеи, высматривала и наблюдала. Наконецъ, однажды она опять должна была признать, что произошло нѣчто важное: у сестры Аделаиды выпала работа на колѣни, руки заметались по сторонамъ, и вдругъ она встала и, не сказавъ никому ни слова, почти выбѣжала изъ комнаты.

Борнишъ тяжело, нехотя поднялся съ кресла и, выпрямляя поясницу съ видомъ человѣка, который только-что кончилъ трудную работу, обдернулъ свой сюртукъ; онъ подошелъ къ графинѣ Мартѣ и, пожелавъ ей доброй ночи, попросилъ позволенія зайти на другой день вечеромъ въ восемь часовъ.

Она посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, послѣ котораго всякій другой бы на его мѣстѣ никогда больше не переступилъ черезъ порогъ дома; но онъ выдержалъ его въ учтивой вы-

жидательной позѣ, и она дрожащими губами отвѣтила: «хорошо». Вообще надо сказать, что несмотря на весь ужасъ, какой внушала ей мысль о возможномъ бракѣ сестры съ этимъ человѣкомъ, она держала себя съ нимъ такъ, какъ будто онъ былъ для нея самый безразличный изъ ея знакомыхъ.

Графиня Марта рѣшилась дѣйствовать.

Немедленно послѣ ухода гостей она поднялась къ сестрѣ, но въ первый разъ дверь оказалась запертою. Приходилось подождать до утра. И въ эту безсонную ночь она перебрала и подготовила всѣ отрицательные пункты, которые только могла выставить противъ такого брака. Но чѣмъ болѣе вѣски были возраженія въ ея глазахъ, тѣмъ менѣе надѣялась она, что они будутъ имѣть воздѣйствіе на Аделаиду. Къ чему говорить ей объ аристократическихъ принципахъ, — ей, которая десяти лѣтъ отъ роду уже составляла отчаяніе отца своими буржуазными наклонностями? Она никогда, никогда не понимала, что такое родовитость; даже тетка въ Нормандіи не могла внушить ей аристократическихъ инстинктовъ, — а ужъ, кажется, она умѣла воспитывать людей! И что-же? — Аделаида только прониклась уваженіемъ къ знатности и больше ничего, — того рода уваженіемъ, которое мы питаемъ къ чему-нибудь, что намъ не принадлежитъ, — но сама ничѣмъ, ничѣмъ не заразилась. Хоть бы что-нибудь въ ней измѣнилось; она вернулась, какъ уѣхала. — «Что-жъ, — вздохнула графиня; — бѣднякъ не станетъ богатымъ отъ сожительства съ богатымъ». Къ утру она заснула, и сквозь сонъ слышался ей голосъ покойнаго отца, упрекавшій сестру: «Адель, вы опять обкусали ваши ногти! Ваши губы опять въ сливкахъ и въ вареньѣ! . . Вотъ я отправлю васъ въ Нормандію».

Графиня Марта всегда вставала раньше сестры, и въ этотъ разъ, окончивъ свой утренній завтракъ, она сказала дѣвушкѣ: «Когда Madame встанетъ, попросите ее ко мнѣ.» Она любила называть сестру этимъ именемъ: ей было пріятно въ своемъ каждодневномъ домашнемъ обиходѣ употреблять это сочетаніе словъ, воскрешавшее вокругъ нея титулъ первородныхъ дщерей французскихъ королей.

Черезъ полчаса въ ея дверь постучались. Она приняла свою самую гордую осанку и сказала: «войдите», — но вошла служанка.

— Madame Adelaide проситъ графиню къ себѣ.

Этого она не ожидала, и, какъ ни непріятно было начинать съ уступокъ, приходилось покориться. Зато въ тѣ краткія мгновенія, которыя потребовались на переходъ изъ одной комнаты въ другую, она успѣла мысленно перевернуть роли и, входя, спросила:

— Вы хотѣли меня видѣть, сестра?

— Нѣтъ, Марта, ты, кажется, хотѣла меня видѣть. Марта всегда говорила Аделаидѣ «сестра» и «вы»; Аделаида же никогда не могла принудить себя къ тому же и попросту называла ее «Марта» и была на «ты». — «А не правда ли, какъ въ одномъ этомъ уже видна разница ихъ взгляда на вещи?» — обыкновенно говаривалъ старый ихъ другъ докторъ, спеціалистъ по психологическимъ наблюденіямъ.

Графиня Марта искала, какъ начать, когда Аделаида подняла глаза и съ какой-то, какъ ей показалось, настойчивостью переспросила:

— Ты не хотѣла меня видѣть?

Это превосходило все, чего она могла ожидать: она чувствовала, что все, что она подготовила за ночь, опрокинуто заранѣе.

— Сестра, Аделаида!.. — воскликнула она, но та вдругъ прервала ее:

— Марта, отчего ты стоишь?

Она сѣла, но тотчасъ же встала.

— Нѣтъ, я не сяду, пока мы не объяснимся; такъ не можетъ продолжаться, — намъ надо переговорить.

— О чемъ?

— Какъ о чемъ? — она рѣшительно послѣ каждаго слова сестры недоумѣвала все больше и больше. — Какъ о чемъ?! Или вы думаете, что я слѣпа! или вы находите, что то, что въ домѣ происходитъ, меня не касается! или.. или...

Она останавилась: передъ невиннымъ, вопрошающимъ взглядомъ сестры ей вдругъ стало совѣстно своихъ подозрѣній; ея обвиненія показались ей низостью, плодомъ грязнаго воображенія, и передъ чистотой смотрѣвшихъ на нее глазъ вдругъ разсѣялся мракъ опасеній.

Но морская непогода не стихаетъ отъ одного солнечнаго луча, а графиня Марта принесла такую бурю въ своей груди, что теперь она съ трудомъ удерживала слезы; она опустилась на стулъ, вся дрожащая, безсильная совладать съ волненіемъ, пока сестра, бросившаяся за одеколономъ, участливо спрашивала:

— Да что съ тобой, Марта? Въ чемъ дѣло? Я тебя увѣряю, я ни одного слова не понимаю.

— Ничего, ничего, это пройдетъ, я такъ скверно спала...

— Да, да, — подтверждала Аделаида: — это пройдетъ, это ничего... Я тоже не спала, это ничего; вотъ тебѣ одеколонъ... Нѣтъ, постой, я достану платокъ и намочу тебѣ голову. Она стояла передъ сестрой, тихонько выливая пахучую жидкость на батистовый платокъ, и по ея лицу все шире и шире раздвигалась улыбка.

— Марта...

— Что?

— Ты знаешь, Марта? — она подошла, правой рукой приложила ей платокъ ко лбу, а лѣвой обхватила голову сзади и, наклонившись надъ самымъ ухомъ, все съ той-же счастливой и немного лукавой улыбкой произнесла: — Ты знаешь, онъ сегодня вечеромъ придетъ за отвѣтомъ.

Раздался слабый, но протяжный стонъ изнеможенія, и къ ней на руку свалилась голова сестры. . .

Черезъ часъ графиня Марта была на ногахъ и въ полномъ обладаніи своихъ силъ, своей логики и краснорѣчія. Времени оставалось немного, и она рѣшила, что все, что можно будетъ сдѣлать, будетъ испробовано въ теченіе этого полудня. Она начала на тему объ аристократизмѣ, о завѣтахъ предковъ, о семейной гордости; говорила долго, неистощимо.

Аделаида молча слушала и, когда сестра кончила, спокойно сказала:

— Все это имѣло бы значеніе, еслибъ ты была на моемъ мѣстѣ, но для меня это не доводы.

Кровь бросилась въ лицо графинѣ Мартѣ при этихъ невинныхъ словахъ, въ которыхъ ей почувствовался укоръ; но она слишкомъ убѣдилась въ чистотѣ сестры, чтобы въ чемъ-нибудь позволить себѣ обвинить ее, и, съ грустью удостовѣрившись, что самый сильный изъ ея доводовъ провалился, она съ тѣмъ большимъ жаромъ перешла къ другимъ.

— Ну, положимъ, это не для васъ; но подумайте о его семьѣ: такая мать! и такая сестра! Вѣдь, вы видѣли ихъ, вы помните, что это за впечатлѣніе, вы же сами говорили, что ужасно было бы, еслибъ кто-нибудь заставилъ васъ хоть разъ въ мѣсяцъ принимать такихъ людей, а тутъ вы поѣдете жить съ ними!

— И напрасно: не слѣдуетъ никогда судить людей по одному первому впечатлѣнію.

— Нѣтъ, сестра, одумайтесь: вѣдь, вы даже не знаете, что говорятъ о нихъ.

— Ахъ, Марта, да не все ли равно, что говорятъ.

— Да, все равно, когда неправда; а когда правда. . .

— Ну, а если даже и правда, — вѣдь, я за него выхожу, а не за нихъ.

— За него! За него! Да вѣдь это еще въ десять разъ. . . — она закрыла лицо руками: — Аделаида, — сказала она, напрасно стараясь совладать ся собой: — Аделаида, увѣрены ли вы въ томъ что онъ васъ любитъ?

Она съ ангельской улыбкой только повела плечомъ.

— Да вамъ такъ кажется! Отчего же никогда никто прежде, когда вы были молоды . . . отчего теперь, такъ, вдругъ?

— Да я не знаю, Марта, отчего я въ домѣ до сихъ поръ оставалась въ тѣни.

— Какъ въ тѣни! Что вы хотите сказать? Вы меня упрекаете въ томъ, что...

— Нѣтъ, нѣтъ, Марта, пожалуйста только этого не думай, — это было бы неблагодарно. Я никогда тебя не упрекала; все, что ты дѣлаешь, и справедливо, и такъ и нужно; только я всегда думала, что я ничего сама по себѣ, а теперь я увидѣла, что и я могу имѣть какую-нибудь цѣну.

— И прекрасно; но зачѣмъ же это онъ, зачѣмъ такой выборъ?

— Потому что онъ меня любитъ.

— А вы? — Аделаида потупила глаза. Неужели онъ вамъ нравится?

— Развѣ онъ можетъ не нравиться?

— Но вамъ, вамъ!

— Почему же нѣтъ?

— Да онъ! Борнишъ!!

— Я тебя не понимаю, Марта. — И правда, что своими возгласами она разсѣяла всю логическую связь своихъ доводовъ. — Я тебя не понимаю: что ты имѣешь противъ него?

Старшая графиня молча уставилась глазами въ полъ и руками теребила свой платокъ.

— Что ты имѣешь сказать противъ него? — повторила Аделаида, — вѣдь ничего, ровно ничего. Графиня Марта подняла голову и, какъ бы хватаясь за послѣднее средство, съ заклинаніями произнесла:

— Сестра, подумайте о нашемъ отцѣ!

— Я думала, и только одно помню, что папа никогда въ своихъ письмахъ не говорилъ иначе, какъ съ восхищеніемъ, о своемъ секретарѣ.

— Онъ былъ секретаремъ, Аделаида!

— Такъ не все ли равно, кѣмъ онъ былъ; я смотрю, что онъ теперь: онъ — владѣлецъ того-же замка, которымъ владѣлъ нашъ отецъ.

— Да вѣдь это за деньги, а деньги не дадутъ ему имени.

— Я могу дать ему мое имя, и тогда все будетъ какъ слѣдуетъ.

— Аделаида! вы на это не рѣшитесь! — Графиня Марта была поражена спокойною устойчивостью отвѣтовъ сестры.

— Почему же не рѣшусь? Имя замка обыкновенно передается невѣстой, когда нѣтъ мужскихъ потомковъ.

— Да вѣдь чужое имя не можетъ дать ему...

— Чего?

— Того, что ... тѣхъ качествъ ... которыхъ у него...

— Ты его не знаешь, Марта; я съ нимъ говорила чаще и дольше твоего.

Графиня Марта сложила оружіе; съ сестрой было безполезно говорить. Но оставалось еще одно средство, — она рѣшилась на него. Она написала Борнишу, прося его придти двадцатью минутами ранѣе восьми. И, поднявшись, каждая въ свою комнату, сестры стали дожидаться вечера.

Что произошло въ гостиной въ тѣ двадцать минутъ, которыя выговорила себѣ графиня Марта, осталось тайной; но когда графиня Аделаида спустилась въ коридоръ, то подходя къ дверямъ гостиной, она услыхала поспѣшный и нетерпѣливый голосъ Борниша, говорившій: «встаньте, идутъ, встаньте же»... Она вошла и нашла сестру сидящей на обычномъ своемъ мѣстѣ, она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на обоихъ, и въ то же мгновеніе Борнишъ полу-увѣщательнымъ, полу-шутливымъ тономъ, начавъ на той же нотѣ, на какой остановился, и понемногу подымая голосъ все выше и выше, сталъ повторять свою фразу: «встаньте же; ну, встаньте-же, графиня!» — и съ комическимъ жестомъ подойдя къ ней, взялъ ее за руку поставилъ посреди комнаты и еще разъ, уже самымъ благодушнымъ тономъ повторилъ: «Да встаньте же, графиня, и скажите графинѣ Аделаидѣ то, о чемъ я васъ просилъ!»

Онъ скрестилъ руки и смотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Сестра, мосье Борнишъ проситъ вашей руки.

— А! вотъ это такъ!

Аделаида улыбнулась ему своей широкой улыбкой, на этотъ разъ уже безъ всякаго лукавства, и женихъ поцѣловалъ протянутую ему руку.

IV.

Небывалый еще день всходилъ надъ городомъ со слѣдующей утренней зарей.

Маленькая площадь и ближайшія къ ней улицы бывали прежде свидѣтельницами всякого рода торжествъ: Жозефъ Бонапартъ, отправляясь занимать испанскій престолъ, заѣхалъ сюда на одну ночь; маршалъ Ней со своимъ штабомъ провелъ здѣсь два дня; позднѣе одинъ изъ Орлеановъ, возвращаясь съ алжирскаго похода, останавливался въ гостинницѣ «Золотого-льва», и въ той-же гостинницѣ Ламартинъ ночевалъ и даже, какъ гласитъ прибитая доска, написалъ одно изъ своихъ юношескихъ стихотвореній; сестра императрицы Евгеніи какъ-то заѣзжала; въ книгѣ все той же гостинницы читалась на страницѣ 35-й подпись Гизо; во время коммуны пріѣзжала съ воззваніемъ пріятельница Луизы Мишель; если не ошибаюсь, Буланже дѣлалъ смотръ мѣстому гарнизону; ну, и наконецъ уже въ самое недавнее время министръ общественныхъ работъ присутствовалъ при закладкѣ новыхъ водопроводовъ. Словомъ, много

бывало здѣсь всякихъ событій — и не перечислишь. Но никогда, ни при одномъ извѣстіи не происходило въ городѣ того, что въ это утро. Да оно и понятно: тогда каждый стремился только поглазѣть, теперь же всякому хотѣлось узнать и разсказать.

Съ быстротою молніи пронеслась изъ устъ въ уста вѣсть о томъ, что объявлена свадьба графини Аделаиды съ Борнишемъ, и мгновенно, какъ въ раскопанномъ муравейникѣ, между домами пошла перекрестная болтовня. На нѣсколько часовъ все было забыто; правильное теченіе будничной жизни остановилось; ни одна контора не открывалась до II часовъ; лавки не торговали; произошелъ застой въ доставкѣ припасовъ, потому что булочникъ, выходя отъ аптекаря и встрѣтивъ мясника, выходившаго отъ нотаріуса, останавливался, разспрашивалъ, разсказывалъ, и только когда съ обѣихъ сторонъ любопытство было удовлетворено, булочникъ бросался къ нотаріусу разсказывать, что думаютъ у аптекаря, а мясникъ бѣжалъ къ аптекарю передавать, что говорится у нотаріуса. Однимъ словомъ, это было броженіе, охватившее всѣ слои и всѣ возрасты.

Около часу дня стали появляться на улицахъ мальчишки, торопливо несшіе, кто завернутый въ бумагу букетъ, кто огромную карзину цвѣтовъ. Толпа приставала къ нимъ на всемъ пути до площади, стараясь разобрать, что стояло на приколотой карточкѣ; и вдругъ бѣжавшій впереди останавливался, оборачивался и кричалъ: «Отъ городскаго мэра»; и всякій поворачивался и кричалъ то-же самое; и хозяйки, въ припадкѣ насыщеннаго любопытства, захлебываясь, передавали, что «корзина отъ господина городскаго мэра», потомъ еще разъ переспрашивали другъ друга, подтверждали несомнѣнность сообщеннаго извѣстія, и волнующаяся улица, до появленія слѣдующаго букета, сравительно успокаивалась на томъ, что великолѣпная корзина — «отъ самого господина городского мэра.»

Часу въ четвертомъ раздались звонкіе удары бича; толпа заколебалась и начала разступаться; приближалась великолѣпная восьмирессорная коляска съ ливрейнымъ кучеромъ и двумя лакеями на запяткахъ; въ ней сидѣли двѣ дамы въ яркихъ платьяхъ, съ перьями на шляпкахъ и съ пестрыми зонтиками въ рукахъ.

— Дамы Пюжо! — пронеслось по всей линіи; все замерло, никто не смѣлъ дохнуть, и только хозяйки беззвучно однѣми губами произносили: «Дамы Пюжо!»

Мать и сестра жениха ѣхали съ оффиціальнымъ визитомъ къ невѣстѣ.

Для тѣхъ, кто зналъ, что такое мадамъ Пюжо и ея дочь, это предстоящее родство съ графинями Кастэль дю Пикъ должно было казаться вопіющимъ противорѣчіемъ, наглымъ оскорбленіемъ міровой гармоніи вещей.

Наканунѣ вечеромъ въ городскомъ клубѣ на эту тему говорили до часу ночи.

— Вѣдь, это ужасно! — сокрушался старый другъ дома, докторъ Макэ: — вѣдь, это все равно, что посадить въ одну карету кокотку и епископа! Ну, Аделаида сама захотѣла, но бѣдная графина Марта!..

— И чего искалъ Борнишъ? — спрашивали многіе.

— Мало ли чего! Имени, знатности, положенія, — всего, что нельзя купить.

— Всетаки я думаю, если бы не мать, онъ бы этого не сдѣлалъ; вѣдь графинѣ Аделаидѣ скоро тридцать восемь лѣтъ, не говоря о наружности, но для матери...

— Конечно, для матери: помилуйте, имѣть невѣсткой графиню Кастэль дю Пикъ, — вѣдь это высшій козырь въ ея игрѣ.

— Тираническимъ и глупымъ людямъ всегда все удается, и безъ труда: они только возсѣдаютъ, а работаютъ за нихъ другіе.

— Ну, у нея цѣнная работница въ лицѣ дочери.

— У! эта ангельская улыбка — тайная пружина всѣхъ гадостей.

— Знаете, я думаю иногда, что у нея вмѣсто крови въ жилахъ течетъ ядъ, и она такъ ужъ испорчена, что для нея это является нормальнымъ.

— Говорятъ, она очень привязана къ брату.

— То-есть, она ему помогала въ его политической карьерѣ, но, по какимъ побужденіямъ, это, конечно, неизвѣстно.

— Да неужели Борнишъ нуждается въ помощи? Такой ловкій, такой находчивый!

— Нуждается или нѣтъ, но онъ ею не брезгуетъ. Хотя разъ, представьте, — это мнѣ разсказывалъ человѣкъ, собственными ушами слышавшій, — разъ самъ Борнишъ даже не выдержалъ и сказалъ сестрѣ: «Неужели тебѣ не стыдно прибѣгать къ такимъ средствамъ?» — «Что-жъ, — отвѣчала она, — по крайней мѣрѣ, если не удастся, я не буду себя ни въ чемъ упрекать, моя совѣсть будетъ чиста.» — «Да, Жакъ, — подхватила мать, — ужъ если ты теперь не будешь выбранъ, то это будетъ только твоя вина: все, что порядочная женщина можетъ себѣ позволить, то Лина сдѣлала для брата.»

— Ну, знаете, нельзя тоже ставить ей въ вину ужъ всякую гадость, которую она говоритъ; это у нея безсознательно, отъ природы, въ особенности ея колкости: она отъ времени до вре-

мени просто чувствуетъ потребность поточить языкъ, — не для того, чтобы уколоть, а такъ, — чтобы не тупился.

— Однимъ словомъ, это ангелъ, имѣвшій несчастіе родиться двуволомъ, — со свойственной ему краткостью отрѣзалъ бывшій сенаторъ имперіи. — Въ лѣтописяхъ клуба долго передавались эти слова, какъ одно изъ самыхъ мѣткихъ его выраженій.

Такъ говорили люди общества, знавшіе, въ чемъ дѣло; но и для тѣхъ, кто ничего не зналъ, эта коляска на восьми рессорахъ, въ которой сидѣла толстая и перетянутая мадамъ Пюжо, вся крашеная, съ желтыми волосами, а рядомъ съ ней тонкая, стройная дочь, въ одной изъ тѣхъ невѣроятныхъ шляпокъ, какія наши бѣдные граждане видали только на картинкахъ, — эта коляска казалась такимъ пестрымъ, неприличнымъ карнаваломъ, что жители съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ, когда она, переѣхавъ черезъ площадь, остановилась у подъѣзда скромнаго, но почтеннаго барскаго дома.

Этотъ первый родственный визитъ мадамъ Пюжо къ графинямъ Кастэль въ ея глазахъ имѣлъ рѣшающее значеніе: ея величіе, ея богатство, ея свѣтская опытность, столичная бывалость, словомъ, всѣ тѣ качества, обладаніе которыми, по ея мнѣнію, дѣлало изъ нея послѣднее слово совершенства въ общественномъ смыслѣ, должны были съ первыхъ-же минутъ раздавить, уничтожить отсталыхъ и провинціальныхъ сестеръ. Но тягаться съ родовитостью не такъ легко какъ думала мадамъ Пюжо. Онѣ съ дочерью дѣйствительно усвоили себѣ тотъ внѣшній, дешевый лоскъ, который, какъ и все поддѣльное, такъ легко достается на парижскомъ рынкѣ; но онѣ не знали, что то, что онѣ сами въ себѣ такъ высоко цѣнили, то людьми извѣстнаго круга не ставится ни во что, прямо-таки для нихъ не существуетъ; а потому онѣ были непріятно обмануты въ ожиданіяхъ, когда, войдя въ гостиную, не увидали на лицахъ сестеръ ни малѣйшаго выраженія придавленности. Лицо графини Аделаиды сіяло беззавѣтной радостью, а черты графини Марты не изобразили ничего, кромѣ нѣкоторой брезгливости.

Онѣ ничего не понимаютъ, — подумала мать. Ничѣмъ ихъ не возьмешь, этихъ аристократокъ, — подумала дочь. Но ядовитость ихъ размышленій не отравила сладости ихъ рѣчей. Онѣ мгновенно отразили на своихъ лицахъ точную копію съ улыбки Аделаиды и поочередно заключили ее въ свои объятія.

Въ теченіе двадцати минутъ въ гостиной стояло пустозвонное щебетаніе, въ которомъ свѣтская мадамъ Пюжо успѣла показать всю разносторонность своего разговорнаго таланта. Тутъ было, конечно, прежде всего материнское сердце и радость о сынѣ, но тутъ же были послѣднія новости Парижа,

лоншанскія скачки, министерскій кризисъ, ея связи въ большомъ свѣтѣ; тутъ же жалобы на провинціальную прислугу и на то, что въ городѣ не поливаютъ улицъ; послѣдній романъ Бурже, удачное направленіе въ современныхъ модахъ, превосходство Феликса надъ Вортомъ: «Ну, а для приданаго вы, конечно, не найдете никого лучше, чѣмъ Дусэ.»

У графини Марты начала кружиться голова, когда обѣ дамы встали.

— Вы меня извините, если я вамъ не отвѣчу визитомъ, — сказала она: — но вы знаете, какія воспоминанія связаны для меня съ замкомъ Кастэль дю Пикъ...

М—lle Пюжо подошла къ ней и, значительно пожавъ ей руку, произнесла: — Я васъ понимаю.

Графиня посмотрѣла на нее взглядомъ, который съ головы до ногъ обдалъ ее холоднымъ безучастіемъ. Въ своей привычкѣ поддѣлываться подъ чужой тонъ, для того, чтобы во что бы то ни стало всякого обворожить, М—lle Лина Пюжо иногда заходила слишкомъ далеко: не всѣ люди были такъ простоваты, какъ она полагала, и она часто сама становилась передъ ними въ то глупое положеніе, въ которое хотѣла поставить ихъ; но, потерпѣвъ осѣчку здѣсь, она съ тѣмъ большимъ порывомъ нѣжности обняла Аделаиду: вѣдь жить-то придется съ ней, а не со старшей, — такъ не все ли равно!..

— Не стоило такъ много стараться, — сказала мадамъ Пюжо, когда коляска тронулась, — онѣ слишкомъ провинціальны. По крайней мѣрѣ младшая безъ претензій, съ ней будетъ легко: это совершенный нуль, круглый, полный.

— Да, но это нуль не безъ логики, — замѣтила дочь, хихикая въ платокъ.

— «Что за люди!» — думала графиня Марта, когда закрылась дверь гостиной. «Въ послѣдній разъ я съ ними вижусь, — къ этому Аделаида должна быть готова.»

Она въ волненіи ходила по комнатѣ, не обращая вниманія на сестру; она перебирала въ памяти все это пустозвонство, — и хоть бы на чемъ-нибудь остановиться, на чемъ-нибудь отдохнуть! Нѣтъ, и потомъ какъ вамъ это нравится! Ее, графиню Кастэль дю Пикъ, ее, которая по матери правнучка герцога Субизскаго и внучатная племянница великаго Конде, — ее хотятъ ослѣпить знакомствомъ съ министромъ земледѣлія!

— Мари! Мари! откройте всѣ окна въ гостиной и столовой!

Въ комнатахъ стоялъ нестерпимый запахъ «по д'эспань», и графиня Марта поднялась къ себѣ. Слѣдующіе затѣмъ дни были хлопотливы для жениха. Онъ былъ посредникомъ между матерью и графиней Мартой въ переговорахъ относительно церемоніала бракосочетанія, вызванныхъ непреклоннымъ рѣшеніемъ графини не встрѣчаться съ дамами Пюжо. Послѣ трех-

дневныхъ стараній, наконецъ, былъ выработанъ планъ, удовлетворявшій обѣ стороны и обезпечивавшій соблюденіе всѣхъ правилъ внѣшняго приличія: графиня Марта простится съ сестрою дома, проводитъ ее до кареты, но на бракосочетаніе не поѣдетъ; со своей стороны, мадамъ Пюжо тоже не будетъ присутствовать на обрядѣ, а встрѣтитъ новобрачныхъ на крыльцѣ своего дома, гдѣ состоится званый ужинъ. Такимъ образомъ самый обрядъ лишался всякой торжественности, и въ виду отсутствія ближайшихъ родственницъ рѣшено было и другихъ дамъ не звать, и вообще, кромѣ необходимыхъ свидѣтелей, никого не приглашать ни въ мэрію, ни въ церковь. Наконецъ, было принято довольно важное отступленіе отъ установленнаго обычая: рѣшено было, что женихъ самъ заѣдетъ за невѣстой на домъ.

Приближался назначенный день, тотъ ужасный день, который долженъ былъ, какъ буря, ворваться въ незатѣйливую жизнь графини Аделаиды и заразъ поднять ее на вершину счастія и повергнуть въ пучину горя.

Тихо и спокойно протекали послѣдніе дни ея дѣвичества. Занятая хозяйственными приготовленіями, всѣми помыслами сосредоточенная на предстоящемъ своемъ счастіи, она мало времени имѣла на разговоры съ сестрой, но она чувствовала, что между ними что-то пролегло. Однажды она начала говорить графинѣ Мартѣ про своего будущаго мужа, но та послѣ первыхъ же словъ ее остановила.

— Я вамъ буду благодарна, если вы со мной объ этомъ никогда говорить не будете. Аделаида раскрыла глаза:

— О чемъ это, Марта?

— Ни о чемъ.

Аделаида не понимала, не хотѣла ни говорить, ни обижаться и приписывала все нервамъ. Да, такъ мы всегда все приписываемъ нервамъ; ну, а сами нервы чему-же приписать?..

Борнишъ какъ-то у себя дома упомянулъ о томъ, что графиня Марта какъ будто не совсѣмъ въ духѣ.

— Просто завидуетъ сестрѣ и злится, что не она, — рѣшила мадамъ Пюжо.

Наканунѣ свадьбы графиня Марта вошла въ гостиную съ шкатулкой въ рукахъ и поставила ее передъ сестрой. Аделаида знала, что это были вещи, которыя по завѣщанію матери должны перейти той изъ сестеръ, которая первая выйдетъ замужъ. Она открыла крышку и стала перебирать: тутъ были кружева, нитка жемчуга, старинный рабочій ящикъ; она раскапывала всю эту нарядную мелочь, рылась въ шкатулкѣ все глубже и глубже, какъ будто искала чего-то и не находила.

— Марта, а гдѣ-же? ахъ, вотъ! — но нѣтъ, это было зеркальце. — Гдѣ-же? . . я не могу найти . . . медальонъ прабабки Маргариты!

— Нѣтъ, сестра, въ родъ Борниша онъ не перейдетъ.

Это было сказано тономъ, не допускавшимъ противорѣчія. И кто бы могъ подумать, что то, что звучало такъ увѣренно для другихъ, было полно жгучаго сомнѣнія для нея самой!

Наступилъ и послѣдній день ихъ сожительства. Все утро въ домѣ стояла суматоха; толкалась прислуга, входили и выходили посыльные; проносились картонки, ящики, букеты; торопливый шепотъ сливался съ шуршаніемъ оберточной бумаги, и обычный при укладкѣ шумъ затихъ только тогда, когда въ атласномъ подвѣнечномъ платьѣ, застегивая лѣвую перчатку, Аделаида вышла въ гостиную. Всѣ высыпали за ней. Въ эту минуту къ крыльцу подкатила карета, изъ которой въ черномъ пальто, распахнувшемся надъ крахмальной грудью, съ красной ленточкой Почетнаго Легіона въ петлицѣ, выскочилъ Борнишъ. Онъ черезъ двѣ ступеньки въ третью вбѣжалъ на крыльцо, вошелъ и остановился на порогѣ гостиной. Невѣстѣ прикололи вуаль, расправили шлейфъ, накинули бурнусъ. Она прошла черезъ вторичный рядъ поцѣлуевъ и рукопожатій, — такъ сказать, обрядъ малаго прощанья (главное состоялось наверху) — и, положивъ свою руку въ протянутую руку Борниша, вышла въ переднюю, спустилась съ крыльца и вошла въ карету; она подобрала платье, чтобы дать мѣсто жениху: женихъ вскочилъ и хлопнулъ дверцой; она нагнулась впередъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на родной домъ, — щелкнулъ бичъ и карета укатила.

Водворилась обычная въ этихъ случаяхъ тишина и пустота. Гости и прислуга долго стояли вокругъ крыльца и смотрѣли вслѣдъ исчезнувшей каретѣ. . .

Графиня Марта сидѣла въ своей комнатѣ и долгимъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на лежавшій передъ ней истрепанный футляръ изъ зеленаго сафьяна: онъ былъ раскрытъ и показывалъ на старомъ бѣломъ бархатѣ пустое углубленіе для круглаго медальона.

Гдѣ витали мысли графини Марты? Въ какую даль вперялись ея взоры? Во слѣдъ чего бѣжала ея память? Что заставляло ея сердце такъ больно щемиться въ груди? Зачѣмъ дрожали ея губы? Кто вызвалъ росистыя капли на гордые, черствые глаза? — Онъ. Тотъ онъ, который, свѣтлый или мрачный, добрый или злой, надменный или безразличный, — прошелъ черезъ жизнь, оставилъ полосу и живетъ на днѣ души у каждой старой дѣвы. И теперь онъ стоялъ въ ея воспоминаніяхъ со всей нетлѣнной яркостью исчезнувшихъ очарованій юности. И все возстаетъ предъ ней изъ глубокой ночи прошлаго и смотритъ на нее сквозь безлунную тьму таинственнаго часа, и шепчетъ ей сквозь шелестъ бересклета, и вѣетъ на нее дыханіемъ шиповника. Все, все: его туманные глаза и ласка его

голоса, и жгучій трепетъ его губъ, и вдругъ... о, ужасная дерзость оскорбительныхъ объятій! Ея вспыхнувшая гордость, напрасная борьба, безсильныя мольбы, заглушенныя звѣрской алчностью его хищныхъ поцѣлуевъ... И потомъ, это возвращеніе къ гостямъ и, какъ набатъ въ ея душѣ, ударившій вопросъ отца: «Марта, гдѣ вашъ медальонъ?».. А потомъ эта пытка, когда, прильнувъ къ стеклу окна, она слѣдила за мельканіемъ фонарей въ кустахъ! И эта безконечная ночь, когда истомленными глазами она пронзала тьму, стараясь разгадать, правда-ли, что медальонъ не найденъ? и если не найденъ, — гдѣ онъ? а если найденъ, — у кого онъ? и возможно ли, что его и искать было напрасно? возможно-ли, что онъ остался въ его дерзкихъ, безсовѣстныхъ рукахъ?

Да, о комъ, о комъ думала графиня Марта въ то время, какъ сестра со своимъ возлюбленнымъ ѣхала къ вѣнцу?

V.

Высокая гостиная замка Кастэль дю Пикъ звенѣла голосами нарядныхъ гостей.

Мадамъ Пюжо въ великолѣпномъ сиреневомъ платьѣ, хвостъ котораго атласными волнами вздымался у ея ногъ, стояла на серединѣ зеркальнаго паркета и разговаривала съ нарочно къ свадьбѣ пріѣхавшимъ министромъ земледѣлія. Она вѣеромъ коснулась рукава министра:

— Вы позволите? — Министръ поклонился, и она пошла изъ комнаты. Двери одна за другой распахивались передъ ней и выпустили ее на высокое крыльцо.

Она была ослѣпительна: брилліантовыя звѣзды на невидимыхъ проволокахъ дрожали въ желтыхъ волосахъ; жемчуга струились по плечамъ въ серединѣ высоко поднятой груди; крѣпкій панцырь атласнаго корсажа лоснился и трещалъ. Подъ лучами заходящаго солнца, предъ тихой картиной въ роскошныхъ краскахъ умирающаго дня еще оскорбительнѣе казалась искуственность ея цвѣта лица, возбуждало состраданіе это жалкое художество съ цѣлью разукрасить свой собственный закатъ. Кажется, смотря другъ на друга, дамы могли бы убѣдиться, что женщина, которая красится, никого не обманываетъ, кромѣ себя; но нѣтъ, онѣ, видимо, думаютъ: «всякая, только не я.»

Мадамъ Пюжо заслонилась отъ солнца кружевнымъ вѣеромъ и стала смотрѣть. Въ вершинѣ аллеи показались кареты: по церемоніалу въ первыхъ пяти ѣхали шафера и свидѣтели, въ шестой — молодые. Мадамъ Пюжо сошла нѣсколько ступенекъ, — кареты быстро приближались.

— Скажите м—ѣ Пюжо!

Лакей побѣжалъ; — но Лина не спѣшила: она рѣшила, что подождетъ до послѣдней минуты и бросится на шею новой сестрѣ «неожиданно». Она вообще любила придавать встрѣчамъ характеръ неожиданности: «оно выходитъ болѣе радостно, и по крайней мѣрѣ скука длится не такъ долго.» И на этотъ разъ она не вышла, а осталась съ молодымъ докторомъ, котораго положила развести съ его женой: «такъ, для пополненія коллекціи.»

Мадамъ Пюжо сошла еще двѣ ступени. Кареты въѣзжали во дворъ. Въѣхала первая, круто повернула влѣво и остановилась, чтобы не подъѣзжать къ крыльцу раньше молодыхъ; за ней одна, послѣ другой, въѣзжали остальныя; четыре кареты уже стояли, вытянувшись вереницей; но когда въѣхала и въ свою очередь повернула въ сторону пятая карета, то глазамъ мадамъ Пюжо, нетерпѣливо ожидавшимъ появленія шестой, представилась длинная аллея, рѣдѣвшее облако пыли, гаснувшій закатъ — и больше ничего.

Она недоумѣвала; недоумѣвали и всѣ кругомъ. Удивленные кучера оглядывались съ козелъ; изъ пяти каретъ высунулись головы въ цилиндрахъ, — всѣ смотрѣли въ пустую аллею.

Мадамъ Пюжо совсѣмъ сошла съ крыльца; дверки каретъ раскрылись, шафера повыскакали на земь и бросились къ ней.

— Они отстали?

— Да не могли отстать, — они ѣхали слѣдомъ.

Мадамъ Пюжо сдѣлала нѣсколько шаговъ и, атласными башмаками вступивъ на газонъ, тихонько пошла черезъ дворъ по направленію къ аллеѣ. Гости начали высыпать изъ дома. М—ле Пюжо, видя, что судьба разсудила иначе, чѣмъ она, тоже вышла, въ воздушномъ платьѣ лимоннаго крэпа, и сошла съ крыльца; гости за ней: вся нарядная толпа медленно двигалась по зеленой травѣ, сама не зная, куда и зачѣмъ...

Вдругъ раздался крикъ: «верховой!» Въ аллеѣ задымилось новое облако и во весь опоръ приближался всадникъ. На взмыленной лошади подъѣхалъ лѣсникъ; онъ съ разбѣга чуть не врѣзался въ толпу, и, осаживая коня, задыхаясь и путаясь, сталъ передавать что-то ужасное, что сразу и понять было трудно: «лошади понесли, тамъ, подъ горой ... какъ разъ передъ поворотомъ ... кучеръ ничего не могъ сдѣлать, мосье Борнишъ высунулся изъ окна, хотѣлъ помочь ... закричалъ кучеру, лошади хуже подхватили и вдругъ ... на самомъ поворотѣ ... карету съ размаху ударило о скалу ... мосье Борнишъ — прямо головой ... до смерти»...

Послышался крикъ: мадамъ Пюжо упала въ обморокъ; ее подхватили и м—ле Пюжо, приказавъ, чтобы мать несли въ спальню, сама послѣдовала за ней.

Гости обступили лѣсника и, въ теченіи пятнадцати минутъ своими разспросами рвали его на части. Оказывалось: «разбился до смерти, положили въ сторожку ... докторъ случился, сказалъ, что не стоитъ и перевязки дѣлать ... предложилъ шарабанъ, — должны слѣдомъ быть.»

Эти обрывчатыя слова ловились и передавались изъ устъ въ уста; во дворѣ стоялъ зловѣщій говоръ; люди стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ, рабочіе со всей усадьбы, крестьяне съ сосѣднихъ фермъ наводнили дворъ, и скоро нарядная толпа чопорныхъ гостей пропала въ сѣрой массѣ волнующагося народа.

Но вдругъ говоръ смолкъ, волненіе утихло: «м—Ле Пюжо!» — пронеслось шепотомъ. Она сходила съ крыльца, блѣдная, съ красными глазами и въ глубокомъ траурѣ.

— Мама извиняется; но вы понимаете ... послѣ того, что случилось ... — она сморкалась въ мокрый платокъ. Ей подали стулъ; гости окружили ее въ почтительномъ отдаленіи.

Спускался вечерній туманъ... Всѣ переминались съ ноги на ногу... Царило давящее молчаніе.

Совсѣмъ почти стемнѣло, когда въ той-же аллеѣ, откуда пріѣхалъ поѣздъ свадебныхъ каретъ, показался шарабанъ. Въ подвѣнечномъ платьѣ, съ краснымъ и мокрымъ отъ слезъ лицомъ, обнявъ руками покоившуюся на ея колѣняхъ окровавленную голову, подъѣхала Аделаида къ крыльцу. Нѣсколько человѣкъ бросилось поднимать бездыханнаго Борниша; его вытащили изъ шарабана и, пока его несли по ступенямъ, м—Ле Пюжо истерическимъ движеніемъ протиснулась къ трупу; судорожно прижимая свой мокрый платокъ къ подбородку, она изступленно смотрѣла брату въ мертвые глаза и глухимъ, грудным голосомъ повторяла: «Жакъ! Жакъ! Жакъ!».. Его внесли въ переднюю, она прошла за нимъ, и они исчезли во внутреннія комнаты.

Аделаида все еще сидѣла въ шарабанѣ. Почему она не двигалась, — она сама, конечно, и не думала о томъ и не понимала; но еслибъ вы могли проявить и вызвать на свѣтъ тѣ невидимыя письмена душевной книги, въ которыя не проникало око ея самосознанія, вы поняли бы, почему ей страшно было двинуться.

Ей было страшно сказать себѣ, что вотъ теперь все кончено. Все это было слишкомъ скоро, длилось такъ мало, а ей хотѣлось, — такъ хотѣлось, — чтобы оно продолжалось! Пускай бы въ десять разъ мучительнѣе, — но только чтобы не прекращалось! Вѣдь это было съ нимъ, вмѣстѣ, тутъ вдвоемъ, въ этомъ самомъ шарабанѣ; вѣдь еще пять минутъ тому назадъ, здѣсь, на этихъ же, вѣдь здѣсь, на этихъ же подушкахъ, она сидѣла, — хранительница жениха, оберегательница мужа, един-

ственная госпожа! Вѣдь въ первый разъ она, ничтожная, безгласная, безвольная, имѣла хоть и одинъ только, хоть и ужасный, страшный, но свой, — свой собственный часъ. Кто ей далъ его? Конечно, не она его взяла: — онъ былъ отпущенъ ей; но такъ скупо, такъ обидно скупо! И все-таки, подумайте, какъ событія вдругъ приподняли ее надъ обычнымъ плоскимъ уровнемъ ея существованія; судьба подобрала ее, какъ вихрь подбираетъ щепку, и ее, слабую, безцвѣтную, безстрастную, заставила прикоснуться къ великимъ тайнамъ бытія и смерти! И все это длилось какой-нибудь часъ, и все это было тому назадъ какихъ-нибудь пять минутъ, и все это еще не кончено, все это есть еще, но перестанетъ быть, какъ только она двинется.. . .

И это она смутно ощущала, хоть и не думала о себѣ, когда въ окровавленномъ подвѣнечномъ платьѣ, опираясь на чью-то поданную руку, она, шатаясь и дрожа, поднялась по ступенямъ, вошла въ темную переднюю, тупо осмотрѣлась и тутъ же у дверей спустилась на первый попавшійся стулъ. Нѣтъ, — она не думала о себѣ, — она забыла даже, кто она.

Вотъ какъ «молодая», мадамъ Борнишъ вошла въ домъ своего мужа, вотъ какъ послѣдняя графиня Кастэль дю Пикъ вернулась въ замокъ своихъ предковъ.

— Мадамъ Борнишъ! гдѣ мадамъ Борнишъ? вы не видѣли мадамъ Борнишъ? мадамъ Борнишъ! — голосъ М—ле Пюжо четверть часа уже какъ раздавался по всѣмъ комнатамъ. — Ахъ, вотъ вы гдѣ! въ передней? — и вдругъ, всплеснувъ руками, воскликнула: — въ какомъ вы видѣ, моя милая! Да вы не можете такъ обѣдать!

— Я не голодна, — слабо отвѣчала Аделаида.

— Все равно, моя милая, во всякомъ случаѣ вамъ нужно черное платье, нельзя же такъ. — И скользнувъ глазами по ея толстой таліи, она прибавила какъ бы для себя: — я надѣюсь, что платье мама вамъ не будетъ слишкомъ узко.

— Я надѣюсь, — безсознательно повторила Аделаида.

«Скромное притязаніе!» — подумала Лина, злясь, что перлы ея колкостей пропадаютъ даромъ.

Платье мадамъ Пюжо оказалось впору. Но когда Лина ввела Аделаиду въ гостиную, гдѣ собрались въ ожиданіи обѣда тѣ изъ гостей, которые остановились въ замкѣ, она не вынесла вида чужихъ лицъ въ такую минуту и слабѣющимъ голосомъ сказала, что желала бы отдохнуть. Это не совсѣмъ согласовалось съ планами Лины, которой особенно хотѣлось именно въ эту минуту взвалить на бѣдную Аделаиду всѣ почести хозяйки дома; она, которая при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не допустила бы отнять у себя малѣйшую тѣнь первенствующей роли, она теперь — вѣдь всего на какихъ-

нибудь два дня! — съ какой-то радостью уступала свой скипетръ, давала его на подержаніе. Но она не смѣла противиться желанію Аделаиды, въ особенности при гостяхъ, а потому участливо и какъ бы обвиняя себя въ непростительномъ недомыслiи, воскликнула:

— Ахъ, конечно! еще бы не устать! Пойдемте, не будемъ прощаться! — И, обнявъ ее за плечи, она повела ее наверхъ.

Она отворила дверь и пропустила ее въ большую, роскошно, но безвкусно убранную комнату, съ плюшевыми занавѣсками и атласной мебелью. Аделаида опустилась на стулъ, Лина подошла къ ней и съ ангельскимъ участіемъ сказала:

— Я думала, что вамъ будетъ особенно пріятно именно въ этой комнатѣ провести первую, ужасную ночь, моя бѣдная Ада.

Холодъ сковалъ Аделаиду, когда она подняла глаза: передъ ней стояла широкая постель; надъ высокимъ балдахиномъ красовался рѣзнаго дерева щитъ, на которомъ, переплетались буквы A. и J.

— Я не буду мѣшать вамъ, — сказала Лина, обнимая новую сестру и, вкрадчиво ласкаясь, прибавила: — но, не правда ли, вы останетесь со мной?.. хоть нѣсколько дней?

Аделаида ужъ больше ничего не слышала; она сидѣла какъ въ туманѣ и не отвѣчала. Лина вышла недовольная: она любила, чтобы ее любили.

Аделаида всю ночь просидѣла на диванѣ.

Она пробыла въ замкѣ до похоронъ, и эти два дня были полны для нея самыхъ ужасныхъ испытаній. М—lle Пюжо развернула всю изобрѣтательность своей ядовитой природы и подъ личиной самой нѣжной преданности, соблюдая всѣ формы уваженія къ хозяйкѣ дома, колола ежечасно.

То входилъ дворецкій: м—lle Пюжо приказала спросить, въ какой комнатѣ мадамъ Борнишъ прикажетъ, чтобы былъ поставленъ катафалкъ; то являлась экономка: м—lle Пюжо прислала узнать, что больше понравится мадамъ Борнишъ для балдахина — крэпъ или бархатъ.

Аделаида отвѣчала, какъ могла; она думала, что это такъ и надо, что это обыкновенный порядокъ вещей; конечно, это было тяжело, но она рѣшила не отступать ни отъ одной изъ обязанностей своего вдовства; м—lle Пюжо язвила, жалила, колола, но все пропадало даромъ, все разбивалось о великое спокойствіе этой дѣтской души, ничто не возмущало прозрачной глубины ея довѣрчивости: все, все падало предъ святыней страданія. Она прошла свой крестный путь, свой сугубый путь невѣсты, супруги, вдовы, — ни разу не замѣтивъ даже, что ее хотѣли оскорбить; ни разу судьба не допустила, чтобы она унизилась до пониманія чужой низости, ни разу не осквернилась подозрѣніемъ чистота ея окровавленнаго сердца.

Есть еще на землѣ такія души, которыя ни разу не ступали въ тину. Онѣ пройдутъ сквозь зло и не поймутъ чужаго смрада; изъ земнаго мрака онѣ вынесутъ свой свѣтильникъ неугашеннымъ, и всѣ посягательства на ихъ чистоту останутся безплодными. Онѣ неуязвимы для людскаго зла, какъ неуязвимы для жала змѣи радужныя крылья небесныхъ серафимовъ.

VI.

На третій день вечеромъ, въ гостиной маленькаго домика на площади, графиня Марта по прежнему сидѣла въ высокихъ креслахъ и раскладывала пасьянсъ, а графиня Аделаида по прежнему сидѣла въ низкомъ креслѣ и вязала нитяное кружево.

На видъ все было по старому: никто бы подумать не могъ, что надъ этими двумя, такъ мирно сидѣвшими и, казалось, такъ тѣсно сжившимися существами, три дня тому назадъ пронесся ураганъ. А между тѣмъ много успѣло измѣниться, и даже въ эти первые часы перемѣна уже давала себя чувствовать. Въ чемъ? Трудно было бы сказать: ей собственно не въ чѣмъ было и проявиться. Одна сестра была сама выдержка, другая — сама покорность, событій же настолько важныхъ, чтобы заставить одну измѣнить своему самообладанію, а другую выйти изъ бездѣйствія, въ ихъ жизни уже не было; и при такихъ условіяхъ, конечно, внѣшняго проявленія внутренняго разлада никогда не бывало, да и не могло быть, — не представлялось повода. И тѣмъ не менѣе та тѣнь, которая пробѣжала между ними тогда, въ день сватовства, какъ будто все сгущалась; то нѣчто, которое тогда между ними залегло, и чего графиня Аделаида не могла себѣ объяснить, расширялось все больше и больше и постепенно стало принимать размѣры нравственной пустыни. Коренныя различія ихъ внутренней природы, долго уживавшіяся подъ внѣшними формами совмѣстной жизни, понемногу начинали такъ рѣзко давать себя чувствовать, что единственнымъ средствомъ предотвратить ихъ столкновеніе было — спрятать ихъ за искуственной стѣной молчанія; и эта стѣна росла все выше, все плотнѣе, до самаго того дня, когда разразилась вторая и послѣдняя въ ихъ жизни катастрофа; въ этотъ день стѣна рухнула: въ ней не было уже надобности, — имъ не о чемъ было говорить.

Графиня Аделаида вернулась въ домъ сестры съ чувствомъ смутнаго страха и ... страха и стыда. Какъ вамъ объяснить это такъ, чтобы не вызвать улыбки? Мы надъ ней ужъ такъ много посмѣялись, и неужели мы и теперь будемъ издѣваться, послѣ того какъ она столько перенесла? И какъ перенесла! Но вотъ видите ли, тѣ нѣсколько дней, когда ея дѣтская, про-

стая душа такъ мужественно воспріяла свое мученичество, были уже позади; то нравственное напряженіе, которое подняло ее на уровень самыхъ сильныхъ, закаленныхъ душъ, не могло же длиться, съ такимъ характеромъ, какъ ея; послѣ всей этой бури должно было наступить затишье, и тѣмъ болѣе неподвижное, чѣмъ менѣе она была подготовлена къ налету бури предъидущей жизнью и самой своей природой. И вотъ, несмотря на то, что со времени отъѣзда она успѣла выйти замужъ, потерять мужа, похоронить его и пройти черезъ весь ужасъ свего мученическаго вдовства, она возвращалась домой такою же скромной, бѣдной Аделаидой, какой уѣхала.

Священныя воспоминанія тѣхъ трехъ дней она скрыла на днѣ своей пугливой души и хоронила отъ постороннаго глаза съ такой ревнивой любовью, что никто изъ тѣхъ, кто зналъ, черезъ что она прошла, никогда не угадалъ бы ни объемъ ея горя, ни глубину ея страданія, ни той высоты, съ какою она ихъ перенесла. Да и какимъ языкомъ, какими словами она бы о нихъ повѣдала? И, наконецъ, — кому? кому было какое дѣло? Она была съ нимъ одна въ каретѣ, когда они ѣхали изъ церкви; она была одна, когда, обнимая его голову на своихъ колѣняхъ, она везла его въ шарабанѣ; когда у нея его отняли и понесли въ чужой для нея домъ, она осталась одна, и весь свой страдный путь она прошла одна, безъ чужой помощи. Нѣтъ, она никому не говорила о тѣхъ ужасныхъ событіяхъ. Посторонній могъ подумать, что судьба взяла и вычеркнула эти нѣсколько кровавыхъ строкъ со страницъ ея жизни: то, что было раньше, и то что наступило теперь, было такъ похоже, что мало-по-малу прошлое и настоящее сомкнулись поверхъ того событія которое, казалось, должно бы было навсегда ихъ разъединить. И она, покорная и скромная, вошла въ эту готовую обстановку своего прошлаго и сейчасъ же нашла свое старое мѣсто: оно не было слишкомъ мало для нея теперь, какъ не было и прежде, — напротивъ того.

Да, представьте, — какъ это ни странно, — ея мѣсто казалось ей даже слишкомъ велико, она совѣстилась его.

Вы только подумайте, какою она вернулась — и къ кому!

Графиня Марта всю жизнь была для нея авторитетомъ, и ея замужество, которое было единственнымъ ея самостоятельнымъ шагомъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ актомъ неповиновенія сестрѣ съ тѣхъ поръ, что она себя помнила; и вотъ какъ она за него наказана. Ужъ тутъ ея личное горе и священныя воспоминанія отступали на второй планъ, а выступали, такъ сказать, фактическіе результаты ея замужества: она лишилась своего имени, совершила неравный съ общественной точки зрѣнія бракъ, порвала со всѣми традиціями, унизилась до принятія подчиненной роли въ домѣ своихъ предковъ, — а

что она за это все получила? Она принесла всѣ жертвы и не воспользовалась ни однимъ изъ преимуществъ брака; она все упустила, ничего не пріобрѣла, — ничего, если не считать родства съ мадамъ Пюжо. И вотъ она, какъ блудный сынъ возвращалась домой и съ замирающимъ сердцемъ спрашивала себя: «что скажетъ Марта?» Она смутно надѣялась, что сестра хоть немного смягчитъ степень ея виновности, и что послѣ этого она сама, можетъ быть, убѣдится, что и въ ея положеніи можно смотрѣть людямъ прямо въ глаза.

Но Марта ничего не сказала. И это молчаніе сразу закрѣпило въ ней убѣжденіе въ непоправимости ея вины: оно вдавило ей въ душу печать ея стыда; угрызенія совѣсти проникли въ самую глубь ея сознанія, и она, какъ павшая, взошла въ свой домъ и подъ недосягаемымъ величіемъ своей дѣвственной сестры проползла въ свой уголъ.

Понимаете теперь, почему ей было совѣстно своего положенія? Почему, когда ея знакомые начали приходить съ визитами соболѣзнованія, она горѣла стыдомъ, — тѣмъ самымъ стыдомъ, который охватилъ ее въ ту ужасную ночь предъ постелью Борниша и передъ бѣльемъ съ мѣткой А. В.? Всѣ эти знаки вниманія со стороны ея друзей, подходившихъ къ ея рукѣ, говорившихъ особеннымъ какимъ-то голосомъ, ихъ участливые взгляды, смущенное движеніе ихъ рукъ, когда они вертѣли свои обмотанные крэпомъ цилиндры, — жгли ее. Развѣ не пытка — публично принимать знаки уваженія за то, чего совѣстишься въ глубинѣ души? Въ каждомъ вопросѣ она видѣла намекъ, въ каждомъ словѣ состраданія чувствовала укоръ. И это постоянное приниженіе привело, наконецъ, къ тому, что она сама себя уничтожила предъ своей старшей сестрой; если прежде она смотрѣла на нее снизу вверхъ, то теперь она уже не смѣла вовсе на нее смотрѣть; она, оставаясь на глазахъ у всѣхъ, нравственно пряталась, исчезала.

Вотъ какою вошла графиня Аделаида во второй фазисъ своей жизни, въ то время, какъ обычные гости понедѣльниковъ говорили:

— А какъ графиня Аделаида освоилась со своимъ положеніемъ!

Нужно сказать, что въ городѣ ее никогда не называли мадамъ Борнишъ, — ея дѣвическое имя такъ и осталось за ней; будемте и мы ужъ звать ее «графиня Аделаида», — я свыкся съ этимъ именемъ, да и вы, не правда ли?

— Да вѣдь ей легче же было, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ; вѣдь она послѣ этого не вошла въ новую какую-нибудь обстановку, къ которой бы слѣдовало привыкать.

— Конечно, нѣтъ; для нея это не перемѣна образа жизни, а продолженіе.

— Ну, да, разумѣется, — подтверждалъ старый другъ докторъ: — бракъ ее не привелъ ко вдовству, а вернулъ къ дѣвичеству. — И всѣ согласились, что одинъ только докторъ Макэ умѣетъ проникнуть, объяснить и однимъ словомъ исчерпать всю суть психологическаго явленія. Но вѣдь «психологія» и была его спеціальность!

Понедѣльники возобновились скоро. Графиня Марта не могла рѣшиться объявить трауръ по Борнишу, и послѣ трехъ, четырехъ недѣль, въ теченіе которыхъ служанка говорила вечернимъ посѣтителямъ, что «дамы не совсѣмъ здоровы», гостепріимныя двери снова отворились. Все пошло по старому, хотя и были нѣкоторыя особенности, отличавшія понедѣльники втораго періода.

Такъ, напримѣръ, гости нѣкоторое время недоумѣвали, какъ имъ называть младшую сестру, когда они о ней говорили въ третьемъ лицѣ. Замѣтивъ это, графиня Марта при первомъ же случаѣ нѣсколько настойчивѣе, можетъ быть, чѣмъ слѣдовало, заговоривъ о ней, сказала: «Madame Adelaide.» Это было принято за указаніе. Для старшей сестры эти слова теперь, конечно, утратили уже всю прелесть версальской атмосферы, но, по крайней мѣрѣ, это было дезинфекціонное средство, разъ навсегда изгонявшее имя «мадамъ Борнишъ»; Аделаида же не могла, какъ ни старалась, — не могла привыкнуть: ей все казалось, что, говоря: «Madame Adelaide», намѣренно подчеркиваютъ первое слово.

Затѣмъ гости замѣтили, что графиня Марта начала допускать нѣкоторое расширеніе въ выборѣ предметовъ разговора. Такъ она однажды спросила присутствующихъ, чѣмъ по ихъ мнѣнію кончится дѣлавшій много шуму бракоразводный процессъ въ Ліонѣ. Въ другой разъ сама, — и очень это вышло естественно, такъ какъ-то къ слову, говорили, кажется, объ академіи, — она упомянула о Золя. Кто-то отважился спросить, что именно она читала, и графиня Марта, пившая чай въ это время, поставила чашку на блюдечко и сказала, что она никогда ничего не читала и читать не будетъ: «Вовсе не потому, чтобы я боялась читать извѣстныя вещи, но изъ принципа, — я нахожу, что мы не должны поощрять нѣкоторыхъ авторовъ.» Всѣ обратились въ сторону графини Аделаиды, ждали ея мнѣнія, и она между двухъ глотковъ чаю, покраснѣвъ, сказала, что она «не имѣла времени»... Нѣкоторые гости думали видѣть въ этихъ словахъ намекъ на непродолжительность ея брачной жизни; но какъ же мало они ее знали, если могли такъ думать!

И вотъ потекли опять эти однообразные дни и вечера, въ теченіе которыхъ графиня Марта все выше и длиннѣе выро-

стала на своемъ рѣзномъ сѣдалищѣ, а графиня Аделаида все ниже и ниже расплывалась въ своемъ мягкомъ креслѣ.

На этомъ мѣстѣ ихъ жизни мы собственно и познакомились съ ними, съ этого начали разсказъ съ цѣлью объяснить, почему новичекъ Кастэльскихъ понедѣльниковъ имѣлъ основаніе ошибиться, когда его спрашивали — которая вдова, а которая дѣва? Зато теперь вы поймете, почему это было такъ, почему разница между ними со временемъ не могла не увеличиваться все болѣе, а главное, вы поймете, какой ужасъ долженъ былъ охватить каждую изъ нихъ, когда надъ ними разразилась новая неожиданная катастрофа, которою закончилась эта тяжелая драма молчанія, гнетущей тучей заволакивавшая ихъ тусклое, сѣренькое небо.

Однажды вечеромъ, — графини Марты не было дома, — графиня Аделаида сидѣла въ гостиной, когда вошла дѣвушка и подала ей большой заказной пакетъ на имя мадамъ Борнишъ. Она съ недоумѣніемъ повертѣла его въ рукахъ: она никогда не получала писемъ, и тутъ ей больно защемило сердце, когда она увидѣла на почтовомъ конвертѣ то самое имя, въ которомъ замкнулось все ея прошлое, и которое она схоронила на днѣ души. Штемпель былъ парижскій ... у нея тамъ не было знакомыхъ... Она распечатала.

Въ конвертѣ были: небольшая записка незнакомой рукой и довольно большой конвертъ, на которомъ съ біеніемъ сердца она прочитала рукой покойнаго мужа надпись: «графинѣ Кастэль дю Пикъ. Замокъ Кастэль дю Пикъ. Департаментъ Нижнихъ Пиренеевъ. Передать, когда меня не станетъ».

Она схватилась за записку. Парижскій нотаріусъ «принималъ на себя смѣлость» препроводить къ ней конвертъ, оставленный ему на храненіе ея покойнымъ мужемъ; онъ извинялся, что не исполнилъ этого ранѣе, но онъ восемь лѣтъ провелъ въ Америкѣ и, лишь по пріѣздѣ узнавъ о трагическихъ обстоятельствахъ, при которыхъ единовременно произошли бракъ и смерть г. Борниша, онъ спѣшилъ вручить ей теперь то, что покойнымъ такъ давно ей предназначалось; онъ не думалъ тогда, что та, на чье имя пакетъ адресованъ, будетъ его вдовой. Онъ просилъ «принять увѣреніе» и т. д.

Руки графини Аделаиды тряслись, когда она принялась за конвертъ своего мужа. Она ничего не понимала: нотаріусъ говоритъ — восемь лѣтъ; какъ же мужъ могъ о ней думать восемь лѣтъ тому назадъ, когда въ то время она еще была въ Нормандіи? Ея руки тряслись, когда она начала распечатывать конвертъ, въ которомъ ощупывала какой-то твердый предметъ. Ея руки до того тряслись, когда она вынула письмо и когда на столъ упало что-то круглое, блестящее, что она скорѣй разложила письмо передъ собой, а сама ухватилась за

столъ, чтобы успокоиться. Она совсѣмъ, совсѣмъ ничего не понимала: письмо было написано двадцать-пять лѣтъ тому назадъ и помѣчено замкомъ Кастэль дю Пикъ!

Она начала читать, но какъ трудно было! строки дрожали, буквы смѣшались, — такъ трудно, почти такъ же трудно какъ когда она ребенкомъ старалась читать ... знаете, есть такія буквы, — въ супъ кладутъ вмѣсто вермищели, — почти такъ же трудно и теперь; но она все-таки читаетъ, понемножку, но читаетъ. И Боже, этого уже довольно! И этого ужъ слишкомъ много. Что она читаетъ! Подумайте только, что она читаетъ! Теперь она понимала письмо нотаріуса, да, теперь она все, все понимала; почему сестра не хотѣла, чтобы она выходила за своего избранника, почему не отдала ей медальона прабабки, — все, все: вѣдь письмо было на имя сестры, и въ этомъ письмѣ она читала его извиненія за нанесенное оскорбленіе, его извиненія за удержанный на память медальонъ, — она читала его обѣщанія вѣчной любви, она читала позоръ своей сестры и открывала игру своего мужа!

Ея пальцы судорожно сжимали крышку стола, но руки дрожали слишкомъ сильно, она сама вся начинала дрожать, а оторопѣлые взоры впивались въ прыгавшія предъ ней строки; она ужъ не читала, не могла читать: строки совсѣмъ путались, смѣшивались, сплывались, бумага была мокрая, — Аделаида плакала, плакала какъ малый ребенокъ. И какъ слезы начали лить, — дрожь стала стихать, руки стали успокаиваться, пальцы отошли, — и она, все плача, какъ малый ребенокъ, усталой головой склонилась къ столу и мокрой щекой припала къ мокрой бумагѣ.

Вдругъ послышался шумъ, она отдернула голову: — входила сестра. Она только успѣла схватить письмо и скомкать его на колѣняхъ. Но на столѣ осталось что-то, и когда графиня Марта подошла, опустилась въ свое кресло и вдругъ посмотрѣла на столъ, это что-то приковало ея взоры и заставило остолбенѣть: изъ золотой рамки съ средины стола наглыми глазами прабабки смотрѣли на нее — грѣхъ ея молодости, позоръ ея имени, обманъ всей ея жизни.

Какъ онъ сюда попалъ? откуда онъ всплылъ? Что это за письмо на столѣ лежало?.. Сестра знаетъ! Она чувствуетъ, что сестра знаетъ, что она теперь все знаетъ, но она не смѣетъ шевельнуть губами, не смѣетъ сдѣлать ни одного вопроса. Теперь она встревожилась; ея увѣренныя руки не находили себѣ мѣста, она ухватилась за карты и скоро-скоро начала тасовать, и такъ торопливо дышала, такія пятна вдругъ проступили на ея лицѣ, въ то время какъ сестра взялась за свое вязанье и тихо, тихо начала водить стальнымъ крючкомъ, а слезы такъ и капали и смачивали нитяное кружево.

Въ комнатѣ темнѣло. Отворилась дверь, ворвалась полоса теплаго свѣта, — служанка вошла съ лампой; старшая сестра сдѣлала знакъ головой, служанка повернулась, свѣтъ пропалъ, дверь тихонько притворилась, — въ комнатѣ опять стемнѣло. Сестры все сидѣли — одна все тасовала карты, другая все какъ будто вязала, а между ними на столѣ, въ этомъ маленькомъ кругломъ предметѣ, лежала и блестѣла въ темнотѣ разоблаченная тайна ихъ прошлой жизни.

Спускалась ночь. Сестры все сидѣли, а между ними столъ какъ будто раздвигался, и все шире, шире залегала пустыня молчанія.

Ночь совсѣмъ спустилась. Въ окно прокралась луна, и первый лучъ скользнулъ по медальону, — сестры все сидѣли: одна тасовала карты, другая водила стальнымъ крючкомъ...

Въ лавочкѣ мадамъ Омэръ было такъ же душно, какъ и наканунѣ, когда я съ моимъ пріятелемъ нотаріусомъ завернулъ туда на другой день вечеромъ.

Я прямо подошелъ къ знакомой витринѣ, взялся за крышку, но не отворилъ, — медальона не было.

— Гдѣ тотъ медальонъ, который я смотрѣлъ вчера?

Хозяйка взглянула черезъ очки.

— Купленъ сегодня утромъ.

— Кѣмъ? — воскликнулъ я.

— А вотъ посмотрите въ книгѣ.

Я посмотрѣлъ, — на послѣдней строкѣ стояло: «медальонъ эпохи Людовика XV», затѣмъ слѣдовало имя одного извѣстнаго парижскаго коммиссіонера и противъ него — 235 франковъ.

Мы посмотрѣли другъ на друга и вышли изъ затхлой лавочки на вечерній просторъ...

Черезъ недѣлю я сидѣлъ въ кофейнѣ и пробѣгалъ нумеръ «Фигаро». На первой страницѣ мнѣ бросились въ глаза слѣдующія строки:

«Великолѣпный домъ нашего извѣстнаго банкира и мецената барона Горна на Пресбургской улицѣ скоро станетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ частныхъ музеевъ въ Европѣ.

«Надняхъ любопытнѣйшая въ своемъ родѣ коллекція любовницъ Людовика XV пополнилась еще новымъ экземпляромъ. Въ девятой витринѣ, на пятомъ мѣстѣ послѣ мадамъ Дюбарри, долго остававшемся незанятымъ, теперь помѣщается прелестная миніатюра съ чертами графини Маргариты Кастэль дю-Пикъ. Этотъ медальонъ, единственный сохранившійся изъ ея

портретовъ, составитъ, конечно, одинъ изъ лучшихъ нумеровъ богатой коллекціи; онъ принадлежитъ кисти знаменитаго Латура и, какъ мы узнали, за него заплачено всего 4500 франковъ.

«Поздравляемъ барона съ находкой.»

Мнѣ не было завидно: баронъ владѣлъ медальономъ, я владѣлъ тайною его.

Америка.

Въ Америкѣ я былъ два раза. Разъ въ 1893 году, въ качествѣ комиссара отъ министерства Народнаго Просвѣщенія на Чикагской выставкѣ; другой разъ въ 1896 году, по приглашенію нѣкоторыхъ американскихъ учрежденій съ курсомъ лекцій по русской исторіи и русской литературѣ. Первый разъ я пробылъ отъ апрѣля до Рождества, второй разъ пробылъ три мѣсяца. Объ Америкѣ трудно писать; мнѣ, по крайней мѣрѣ, трудно. Въ Америкѣ мало живописности; не живописностью она запечатлѣвается въ памяти, и внѣшнія формы мало отличны отъ европейскаго средняго городского типа; различіе не въ формахъ, а въ размѣрахъ и въ количествѣ. Америка не есть предметъ кисти, она предметъ пера; для ея описанія нужны не краски, а цыфры. Да, больше всего Америка говоритъ цыфрами. Но и въ ней живутъ люди, свободно, глубоко, разнообразно. А разнообразіе, съ которымъ проявляется великое единство человѣческой природы, развѣ не цѣнный предметъ наблюденія, и въ немъ развѣ не красота? Прелестный американскій мыслитель Эмерсонъ сказалъ: «Гдѣ только есть просвѣтъ въ небесную лазурь, гдѣ есть опасность или ужасъ, или любовь, — тамъ красота.» А гдѣ красота, туда, каюсь, туда меня тянетъ. Напишу о своемъ двукратномъ посѣщеніи Америки, сколько помню и какъ умѣю.

Великолѣпенъ въѣздъ въ Нью-Йоркскую гавань въ ясное, солнечное утро. Какъ огромное озеро, разстилается она у ногъ величественной статуи «Свободы», держащей маячный фонарь въ высоко надъ головой вытянутой рукѣ. Въ глубинѣ гавани огромный городъ въ гору громоздится. Надъ нимъ въ одномъ мѣстѣ золотой куполъ блеститъ. Мой европейскій глазъ ждалъ церкви, — оказалось, это зданіе газеты «World». Налѣво отъ города вливается въ гавань широкое устье Гудзоновой рѣки, а направо, въ туманѣ морской дымки, вырисовывается островъ Бруклинъ со своимъ городомъ, и между нимъ и Нью-Йоркомъ повисъ надъ моремъ, какъ тонкая паутинка, висячій Бруклин-

скій мостъ. Статуя «Свободы» — даръ французской республики своей заатлантической сестрѣ. Во второй разъ, когда пріѣхалъ въ Америку, я подъѣзжалъ вечеромъ, и тогда факелъ въ рукѣ «Свободы» горѣлъ и вокругъ него, заманенныя свѣтомъ, летали сотни птицъ; многія съ такой силой ударяются въ фонарь, что убиваются до смерти; вокругъ фонаря пристроена сѣтка, онѣ туда падаютъ...

Второй мой пріѣздъ былъ любопытенъ. Великолѣпный пароходъ St. Paul новой «Американской линіи», вышедшій изъ Соутгамптона, совершилъ переходъ въ сравнительно краткое время, — меньше недѣли. Но ничто не кратко, когда замѣшивается соревнованіе. Мы шли вдоль американскаго берега къ сѣверу, когда показался другой пароходъ; красиво въ ночи огне-глазастое пыхтящее чудовище. Началась гонка, кто скорѣе дойдетъ до того мѣста, гдѣ надо свернуть налѣво, на западъ... Долго гнались, я пошелъ спать. На другой день утромъ просыпаюсь, — мы стоимъ на мели: пароходъ поторопился свернуть и уткнулся, къ счастью въ песокъ, не объ скалы. Было туманно и неспокойно. На берегу виднѣлось зданіе, — спасательная станція. Перекинули веревку; тамъ люди веревку подхватили и натянули. По этой веревкѣ спустили корзину, въ корзинѣ — телеграмма въ Нью-Йоркъ. На призывъ этой телеграммы прислали изъ Нью-Йорка пароходы. Полъ дня прошло въ напрасныхъ усиліяхъ поднять насъ, — только вода мутилась... Наконецъ, къ вечеру сказали намъ отобрать наименьшее количество багажа, — насъ снимутъ на шлюпки и пересадятъ на маленькій пароходъ. Я взялъ въ карманъ зубную щетку и подмышку портфель со своими лекціями.

Какое гордое чувство испытываешь, пріѣзжая въ Америку со своимъ дѣломъ; входить на эту землю не въ качествѣ туриста, а въ качествѣ работника, это есть одно изъ пріятнѣйшихъ оправданій своего существованія. И я воспользовался этимъ преимуществомъ; я пошелъ въ лучшую въ то время гостиницу Waldorf, заказалъ хорошій ужинъ съ чудными американскими устрицами «blue point» («синяя точка» въ серединѣ раковины). Да, Америка единственная страна въ мірѣ, гдѣ стыдно ничего не дѣлать. Была прелестная каррикатура въ одномъ американскомъ журналѣ. Молодой человѣкъ изъ иностранцевъ говоритъ американкѣ: «Недочетъ въ вашей странѣ, — что у васъ нѣтъ досужаго класса.» «Нѣтъ, есть, отвѣчаетъ она, мы зовемъ ихъ бродягами.» Удивительная страна Америка. Какъ она умѣетъ заставить работать, какъ развиваетъ работоспособность и работоготовность. И это дѣлается само собой, безъ понужденія, безъ плакатовъ и надписей на стѣнахъ, — какъ въ Совѣтской Россіи, — о томъ, что, «кто не работаетъ, да не ѣстъ». Нѣтъ, это въ воздухѣ, это въ корняхъ той жизни,

которою всякій живетъ. Какъ дѣтей учатъ плавать, кидая ихъ въ волны, такъ жизнь учитъ работать: выпутывайся, какъ умѣешь, коли умѣешь. Не всякій умѣетъ и не всякій сразу приспособится: и надо сказать, что первое впечатлѣніе страшное. Поражаетъ эта спѣшка жизни: свистки, колеса, грохотъ, гудѣніе, — вѣчная спѣшка, отсутствіе праздности, отсутствіе отдыха, движеніе впередъ, безжалостное отсутствіе оглядки. Вамъ случалось когда-нибудь въ дѣтствѣ попадать на фабрику, съ колеснымъ верченіемъ, съ гудѣніемъ, — молоты, поршни, ремни, огнедышащія жерла, — и вдругъ вы потеряли старшихъ? Знаете это чувство страха, осиротѣлости? Вотъ таково первое впечатлѣніе. Потомъ понемногу свыкаешься. Вокругъ васъ бѣгутъ, и вы побѣжите: поневолѣ побѣжишь, если не хочешь отстать...

Америка сурова. И это удивительная школа. Многимъ я обязанъ Америкѣ, но прежде всего способностью въ трудѣ пренебречь обстановкой. Если сейчасъ пишу въ маленькой комнатѣ Шереметьевскаго переулка съ однимъ окномъ на темный дворъ, въ квартирѣ, уплотненной до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, рядомъ съ комнатой, гдѣ съ семи часовъ утра визжатъ и кричатъ четверо «пролетарскихъ» дѣтей; если среди всего этого и многого другого, что приходится претерпѣвать, могу работать со спокойной и ясной мыслью, — обязанъ этимъ Америкѣ, ея суровой, безжалостной школѣ. Безжалостность разлита тамъ въ воздухѣ, она сказывается въ самыхъ мелочахъ. Когда на улицѣ спрашиваете указанія, какъ пройти туда-то, или иную какую-нибудь справку, вамъ отвѣчаютъ только-только сколько нужно; и это малое преподносится вамъ въ такой оболочкѣ безразличія, что иногда жутко становится, — ничего человѣческаго, — отвѣчающая машина. О, обходительность латинскихъ расъ! Какъ далеко она; забыть о ней надо; главное, не надо ждать ея, не надо разсчитывать ни на что большее, чѣмъ минимумъ необходимаго. И это дѣйствуетъ ужасно на человѣка, не успѣвшаго закалить себя. Нигдѣ человѣкъ не доходитъ до большаго предѣла усталости, изнеможенія, до большей душевной замотанности, чѣмъ въ Америкѣ (конечно, за исключеніемъ Совѣтской Россіи). И нигдѣ психологическое состояніе вопрошающаго не находитъ меньшаго отклика въ отвѣчающемъ, чѣмъ тамъ. Какой бы ни былъ градусъ каленія, отвѣтъ всегда одинаково холоденъ, одинаково сухъ, — to the point (въ точку). Развѣ не безжалостный обычай, — когда приходите въ ресторанъ, набѣгавшись, намучившись, голодный, съ пересохшимъ горломъ, валитесь на стулъ, умоляете чего-нибудь поѣсть или выпить, а прислуживающій негръ молча кладетъ

передъ вами карточку блюдъ, блокъ-нотъ и карандашъ и уходитъ. Да, «выпутывайся». Это приказаніе проникаетъ всѣ отвѣты на всѣ запросы...

Когда я поѣхалъ въ Америку, я зналъ англійскій языкъ очень мало, — по домашнему. Но такова зараза тамошняго воздуха, на второй мѣсяцъ я уже читалъ доклады и публичныя лекціи. На выставкѣ Чикагской былъ такой обычай, что главный комиссаръ каждой народности давалъ банкетъ американскимъ хозяевамъ выставки. Наступилъ чередъ и русскаго банкета, и нашъ комиссаръ просилъ меня сказать привѣтственную рѣчь. Это было первое мое выступленіе; послѣ этого посыпались приглашенія. Русскимъ комиссаромъ былъ нѣкій Глуховской, человѣкъ тупой, грубый и чванный. Онъ былъ камергеръ и ужасно своимъ званіемъ кичился. Когда секретарь предлагалъ ему официальную бумагу къ просмотру, онъ отбрасывалъ ее въ сторону, если тамъ не стояло рядомъ съ его фамиліей — chamberlain. Онъ былъ красный, надутый; придворный мундиръ на немъ былъ готовъ лопнуть. Онъ былъ самодуръ, и иногда получались отъ этого неожиданности. Былъ въ Чикаго въ то время, подвизавшійся въ выставочныхъ ресторанахъ «малороссійскій хоръ». Когда было назначено открытіе русскаго отдѣла, пріѣхалъ на это торжество изъ Санъ Франциско нашъ архіерей, преосвященный Николай Алеутскій. Докладываютъ Глуховскому, что малороссійскій хоръ предлагаетъ во время молебна пѣть. Только спрашиваютъ, — какъ, въ костюмахъ или не въ костюмахъ. «Конечно, въ костюмахъ», отвѣчалъ Глуховской. Отдѣлы русскіе, какъ и всѣ, были распредѣлены въ разныхъ зданіяхъ, раскинуты по выставкѣ; ходили съ водосвятіемъ отъ одного къ другому. И вотъ, можете себѣ представить эту процессію: архіерей, два священника и діаконъ въ облаченіяхъ, мы всѣ за ними въ мундирахъ, а впереди хоръ «малороссіянъ», «въ костюмахъ», — вѣнки изъ маковъ и овса, ленты, бусы, шаровары и папахи...

Вспоминаю день офиціальнаго открытія выставки. Вотъ ужъ за что можно поставить двойку американцамъ, это за устройство парадныхъ торжествъ. Никакой организаторской способности въ церемоніальной части. Было туманное апрѣльское утро. Выставка къ открытію не была готова; валялись доски, известка, и дороги вокругъ зданій представляли желто-красное мѣсиво. Послѣ офиціальнаго открытія съ рѣчами былъ большой парадный завтракъ. На этотъ завтракъ только главные комиссары имѣли именныя мѣста; мы же всѣ должны были разсаживаться, гдѣ попадется. Но нахлынула такая толпа постороннихъ, что мы остались за флагомъ. Пошли искать

завтрака гдѣ-нибудь на выставкѣ; по красно-желтому мѣсиву шелъ я въ своихъ бѣлыхъ съ галунами камеръ-юнкерскихъ брюкахъ. Насъ ждала осѣчка: рестораны были открыты, барышни-прислужницы стояли за буфетами, но обѣда нельзя было получить, — купоны не были готовы. . .

Тутъ любопытный случай. Былъ въ нашемъ комиссаріатѣ молодой человѣкъ вродѣ курьера, хорошо говорившій на языкахъ, исполнявшій порученія, — что называется на побѣгушкахъ. Фамиліи его не помню, но онъ былъ очень маленькаго роста и шелъ подъ кличкой «чикенъ», по англійски «цыпленокъ». И вотъ, въ то время какъ мы въ мундирахъ, голодные шлепали по грязи въ поискахъ завтрака, Чикинъ преспокойно сидѣлъ за столомъ рядомъ со столомъ президента Кливленда. По поводу этого Чикина еще вспоминаю. Много лѣтъ послѣ того читаю однажды въ иллюстрированномъ приложеніи къ одной изъ петербургскихъ газетъ, въ отдѣлѣ «Смѣсь», что въ русскомъ консульствѣ въ Чикаго умеръ служившій тамъ такой-то, и когда онъ умеръ, оказалось, что это женщина. Былъ приложенъ портретъ; смотрю, — Чикинъ.

Президента Кливленда я видѣлъ не только на открытіи. Передъ тѣмъ какъ отправиться въ Чикаго, мы, русскіе представители изъ Нью-Іорка поѣхали въ Вашингтонъ, побывать въ русскомъ посольствѣ. Посломъ въ то время былъ князь Кантакузенъ; онъ сказалъ намъ, что приличіе требуетъ, чтобы мы представились президенту. Въ назначенный часъ мы были въ Бѣломъ Домѣ. Кливлендъ принялъ насъ въ круглой залѣ, гдѣ стояли стулья по стѣнамъ. Князь Кантакузенъ насъ представилъ поименно. Президентъ стоялъ, и мы стояли. Въ нашей группѣ была сестра моей невѣстки, княжна Маня Шаховская, завѣдывавшая нашимъ кустарнымъ отдѣломъ. Президентъ былъ разговорчивъ, и бесѣда затягивалась. Вдругъ Маня Шаховская отходитъ въ сторону, садится на одинъ изъ стульевъ у стѣны. Это былъ съ ея стороны «урокъ» президенту. . .

Какъ я сказалъ, послѣ русскаго банкета посыпались приглашенія. Первое выступленіе, повидимому, произвело хорошее впечатлѣніе. Тутъ же послѣ обѣда подошла ко мнѣ вице-предсѣдательница женскихъ конгрессовъ, Г-жа Генротинъ и просила прочитать у нихъ докладъ о женскомъ образованіи въ Россіи. Тема была не обширная, въ особенности въ тѣ времена, матеріалы у меня были съ собой. Я хорошо подготовился и хорошо прочиталъ. Послѣ этого я уже не переставалъ читать и на конгрессахъ, и въ литературныхъ клубахъ, и по приглашенію учебныхъ заведеній. Конгрессы были интересны, въ особенности конгрессъ религій. О немъ у меня сохранился отчетъ,

въ свое время напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» (Мартъ 1895). Статья эта заслужила одобреніе Владиміра Соловьева, попавшее въ полное собраніе его сочиненій; поэтому не колеблюсь дать ей мѣсто и на этихъ страницахъ и выписываю ее цѣликомъ въ слѣдующей главѣ.

Говоря о зарожденіи моей лекторской карьеры, долженъ помянуть милаго старика профессора Нортона. Встрѣтился я съ нимъ въ первый разъ на обѣдѣ у нѣкоей Г-жи Маквей въ Чикаго. Домъ ея стоялъ на набережной озера Мичигана, въ такъ называемомъ «сѣверномъ» кварталѣ. Весь Чикаго дѣлится на «Югъ» и «Сѣверъ». Когда-то былъ одинъ только Югъ, но послѣ страшнаго пожара въ семидесятыхъ годахъ, который отъ всего города оставилъ одинъ только домъ, новый городъ раздѣлился: на Югѣ остались магазины, конторы, учрежденія, а хозяева, всѣ богачи перенесли свои «резиденціи» на Сѣверъ. Возникла восхитительная набережная, окаймленная деревьями съ рядомъ великолѣпныхъ домовъ. Здѣсь сыграла значительную роль извѣстная г-жа Потеръ Пальмеръ, которая во время выставки была предсѣдательницей женскаго отдѣла. Скажу нѣсколько словъ о ней, а къ Г-жѣ Маквей и къ профессору Нортону вернусь послѣ.

Умная, дѣловитая, г-жа Потеръ Пальмеръ сразу поняла, какую цѣнность послѣ пожара будетъ имѣть сѣверный берегъ озера, и скупила его на очень большомъ протяженіи. Продавая отрѣзками, она въ нѣсколько лѣтъ увеличила свое состояніе настолько, что въ богатомъ Чикаго стала самая богатая. Ея домъ, какъ гранитный замокъ, стоитъ при самомъ въѣздѣ на анбережную, — № 1. Очень красивая, родомъ изъ Новаго Орлеана, съ той южной мягкостью, которая свойственна уроженкамъ этого города, она отличается среди американокъ рѣдкою въ той странѣ музыкальностью рѣчи. При всей выдающейся ея дѣловитости и серьезности она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ воплощеніе той свѣтской мелочности, которою снѣдаемо американское «высшее общество». Въ странѣ, гдѣ богатство замѣняетъ породу, она сумѣла къ наиболшему богатству присоединить наивысшую выработку общественныхъ формъ. Она стала «королевой» своего города.

Я бывалъ въ ея домѣ. Когда я пріѣзжалъ во второй разъ, она даже дала обѣдъ «въ мою честь». Помню, тутъ произошло непріятное недоразумѣніе. Она заблаговременно, еще до моего прибытія въ Чикаго, справилась, въ какой день я свободенъ; день обѣда былъ азначенъ, но, какъ часто, со мной бываетъ, я забылъ и принялъ на тотъ же день приглашеніе на лекцію

въ Чикагскомъ университетѣ. Конечно, лекціи надо было дать преимущество; пришлось писать извинительное письмо, и г-жа Потеръ Пальмеръ перенесла свой обѣдъ на другой день. Чествовать обѣдомъ, это въ Америкѣ высшій знакъ почетнаго гостепріимства. Роскошь не поддается описанію. Хрусталь, серебро, золото, самые рѣдкіе цвѣты на скатерти стараго венеціанскаго кружева; все это до такой степени слѣпитъ, что пища, которую вкушаешь, становится подробностью. Женщины ослѣпительны, брызжутъ здоровьемъ, одѣты больше съ блескомъ нежели со вкусомъ; въ разговорѣ многорѣчивы и громки; мужчины наоборотъ: сдержаны, мало подвижны и мало слышны. Но все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе какой-то игры; играютъ въ «большой свѣтъ», какъ дѣти играютъ въ «гостей». Большая «дѣтскость» во внѣшнемъ обращеніи американской женщины, со всѣмъ хорошимъ, что есть въ этомъ словѣ, т. е. дѣтскость въ радости, дѣтскость въ серьезности, дѣтскость въ честности. Эта сторона американки, которая многимъ европейцамъ мало понятна, скоро надоѣдаетъ, по моему придаетъ большую прелесть личнымъ отношеніямъ, въ ней и цѣнность и отсутствіе тяжести. Но въ смыслѣ общественномъ она сообщаетъ собраніямъ характеръ чего-то дѣланнаго; какъ я сказалъ, — игра. Получается очень странное сочетаніе, — при простотѣ характеровъ дѣланность формъ. Иногда это очень надоѣдливо. На меня въ концѣ концовъ очень тяжело ложилась эта комедійность американской свѣтскости.

Да и вообще трудно мириться, въ этой странѣ огромныхъ пространствъ, безчисленнаго населенія, несмѣтныхъ богатствъ, трудно мириться съ мелочностью, создаваемой житейскими перегородками. Русскому человѣку, попадающему туда, тяжело. Странно, — не свободно въ странѣ свободы. Помню, однажды въ Нью Іоркѣ мнѣ передали приглашенье на вечеръ въ незнакомый домъ, — хозяйка русская и жаждетъ видѣть соотечественника. Прихожу, встрѣчаетъ меня статная старуха. Оказывается, — внучка послѣдней грузинской царицы, замужемъ за американскимъ докторомъ. Она увлекла меня въ уголъ... Лились воспоминанія. Я никогда отъ незнакомаго человѣка не слыхалъ столько повѣданнаго близкаго, частнаго, личнаго. Я затруднился бы что-нибудь вспомнить; я зналъ, что это мнѣ говорится не для того, чтобы я запомнилъ: есть рѣчи, въ которыхъ важно устье, въ другихъ важенъ истокъ. Я слушалъ, не слыша; помню только «Кавказъ... Царица ... институтъ». Помню безпокойный вѣеръ, помню на черномъ платьѣ, вмѣсто брошки, бриллiантовое А, — фрейлинскій вензель, и помню никогда такъ ясно не испытанное ощущеніе клѣтки... Какъ крыло, бился черный вѣеръ. Это были кавказскія горы въ нью-йоркской тѣсной квартиркѣ...

Много страннаго въ укладѣ американской жизни, то есть въ томъ, что составляетъ «высшее общество» (the upper set). Въ этой странѣ равенства развито, какъ нигдѣ, чинопочитаніе. Вы скажете, — какъ почитать то, чего нѣтъ? Но классы создаются тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Въ Нью Іоркѣ есть такъ называемые «пять сотъ», — это потомки тѣхъ первыхъ выходцевъ изъ Англіи, которые пришли на кораблѣ «May Flower». Такъ много народу теперь заявляетъ права на это происхожденіе, что корабль навѣрное пошелъ бы ко дну, еслибы дѣйствительно привезъ всѣхъ тѣхъ, на кого указываютъ потомки. Это есть, конечно, своего рода «знатность», но понятіе знатности въ Америкѣ совершенно опрокидывается вмѣшательствомъ капитала. Тутъ происходятъ самыя невѣроятныя перестановки, и все склоняетъ голову передъ силой золота. Я спросилъ одну даму:

— Вы знаете такую-то?

— Я была съ ней знакома прежде, но теперь она слишкомъ богата для меня.

Это такъ сказать примѣръ скромности; а вотъ что мнѣ сказала одна чикагская дама, когда я ее спросилъ:

— Вотъ въ Нью Іоркѣ тамъ есть знаменитые «пятьсотъ». А сколько, вы думаете, ихъ въ Чикаго?

— Я думаю, сказала она съ разстановкой, что насъ восемьдесятъ.

А я подумалъ: навѣрное, продвигаясь отъ Чикаго еще назападъ, я наконецъ дойду до деревушки, гдѣ какая-нибудь встрѣчная дѣвушка на мой вопросъ «сколько васъ?» отвѣтитъ, какъ въ извѣстномъ стихотвореніи: «Насъ семеро.» Я много разъ это говорилъ на публичныхъ лекціяхъ. Мнѣ это сходило; американцы любятъ, чтобы имъ про нихъ же разсказывали, и принимаютъ самую горькую критику, когда она подана въ облаткѣ юмора.

Въ этой странѣ равенства любятъ все, что внѣшне отличаетъ. Тамъ масса клубовъ, обществъ, слѣдовательно, несмѣтное количество людей, которые передъ своей фамиліей могутъ поставить: «предсѣдатель, вицепредсѣдатель, секретарь» и т.п.; наименованія должности или званія прилипаютъ къ человѣку такъ же крѣпко, какъ и его имя, и остаются за нимъ навсегда, даже по выходѣ въ отставку: senator, major, governer, judge (сенаторъ, майоръ, губернаторъ, судья). Долженъ однако сказать, что это чинопочитаніе есть только внѣшній спутникъ свѣтскаго обхожденія; оно совсѣмъ не заражаетъ собой дѣловитую, служебную сторону жизни. Тамъ, наоборотъ, царствуетъ удивительная простота отношеній. Помню, былъ я въ кабинетѣ

того, что по нашему былъ бы попечитель учебнаго округа, — superintendent of education, — штата Миннесота. У него сидѣло человѣка три подчиненныхъ. Былъ іюль мѣсяцъ, и двое изъ присутствующихъ были въ однихъ жилетахъ. Помню, какъ плѣнила меня простота взаимоотношеній. По тому, какъ говорили люди другъ съ другомъ, никакъ нельзя было опредѣлить, — который начальникъ, который подчиненный. Ясно я ощутилъ, что американское чинопочитаніе есть нѣкоторая игрушечность, невинная сама по себѣ, а не духовная зараза, какъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы.

Въ этой странѣ равенства любятъ все, что внѣшне выдѣляетъ. На общественныхъ балахъ при входѣ въ залъ стоитъ «хозяйка бала», но стоитъ на коврикѣ, и рядомъ съ ней нѣсколько дамъ, которыхъ она приглашаетъ принять участье въ «принимающей группѣ» (the receiving party); онѣ выстраиваются на коврѣ. Всѣ входящія дамы передъ ними присѣдаютъ, онѣ отвѣчаютъ присѣданіемъ. Развѣ не игрушки? Попасть въ «принимающую группу» большая честь: На другой день съ трепетомъ раскрывается газета: прочитать свое имя на второмъ или третьемъ мѣстѣ, — какое удовлетвореніе. Газеты очень выдѣляютъ эту сторону жизни и поощряютъ снобическія склонности. Въ Бостонѣ есть маленькая еженедѣльная газетка «Town Topics». Она доходитъ до послѣдней степени наглости въ описаніи и обсужденіи внѣшности дамъ; и тѣмъ не менѣе всѣ накидываются на нее и, ища собственное свое имя, съ завистью читаютъ чужія имена. Я былъ однажды въ одномъ домѣ, гдѣ на столѣ лежалъ номеръ этого отвратительнаго листка. Хозяинъ съ гордостью показалъ мнѣ, что въ первый разъ онъ и жена упомянуты на страницахъ «Town Topics». Это смѣшная и гнусная сторона американской жизни, и печально, что въ печати она находитъ поощреніе.

Газеты американскія, въ смыслѣ воспитательномъ, играютъ непочтенную роль. Онѣ шумливы, набрасываются на внѣшнюю сторону явленій; они выдумываютъ крикливыя заглавія, наполняютъ столбцы пустяками. Помню, въ Чикаго, въ зоологическомъ саду родился маленькій гиппопопотамъ. Казалось, довольно двухъ строчекъ въ отдѣлѣ «смѣсь». Нѣтъ, столбцы въ газетахъ — «The little hypo at the Zoo» (Маленькій гипо въ нашемъ зоо). Интервьюерство сильно развито (кто этого не знаетъ), но критики, настоящей, нѣтъ. Послѣ моихъ лекцій описывали мою наружность, но по существу ничего. Иногда перепечатывали программу лекціи. Однажды, входя на каѳедру, я забылъ отвернуть подвернутыя брюки. Вотъ тутъ я, т. е. мои брюки удостоились цѣлаго столбца. И только послѣ послѣдней моей лекціи въ Чикаго появилась оцѣнка прочитаннаго курса и лектора какъ такового. Когда я спросилъ свѣдущаго человѣка,

почему такое вниманіе прибереrается къ концу, — «Потому, сказалъ онъ, что если бы это было сдѣлано раньше, это бы вамъ послужило рекламой, а за рекламу въ Америкѣ надо деньги платить; даромъ ничего не дѣлается.» Очень непріятная сторона американской газеты, что статьи безъ подписи. Эта анонимность придаетъ нѣчто безапелляціонное, что на обывателя дѣйствуетъ, конечно, очень авторитетно.

Вернемся къ г-жѣ Маквей, той, которая познакомила меня съ милымъ профессоромъ Нортономъ, Ея домъ по набережной Сѣвернаго Берега былъ № 3. Милая, добрая, гостепріимная. Во второй мой пріѣздъ въ Чикаго она потребовала, чтобы я у нея въ домѣ остановился.

— Но, Миссисъ Маквей, я пробуду въ Чикаго три недѣли.

— Хотя бы три года.

Ея мужъ былъ примѣръ самаго тонкаго, образованнаго, воспитаннаго американца, что не мѣшало ему заниматься своими торговыми и денежными дѣлами. Всякій американецъ имѣетъ — домъ и контору; въ конторѣ дѣла, дома — отдыхъ. «Business» (дѣло) поглощаетъ его всего, это альфа и омега американской жизни. Помню, одна дама мнѣ разсказывала, что однажды старикъ Пульманъ, изобрѣтатель «пульмановскихъ вагоновъ», жаловался ей на усталость.

— Why dont you give up business, Mr. Pulman, and take up a hoby? (Почему вы не бросите ваши дѣла и не отдадитесь какому-нибудь увлеченію, — спорту, коллекціонерству?)

— But business is my hoby. (Но дѣло и есть мое увлеченіе.) Это очень характерно. Укладъ жизни атрофировалъ въ нихъ тѣ ощущенія, которыя связаны съ отдыхомъ, съ передышкой. Мнѣ всегда казалось, что у насъ какой-нибудь лавочникъ въ уѣздномъ городѣ, сидя на заваленкѣ и глядя, какъ вечеромъ въ пыльномъ облакѣ возвращаются коровы домой, больше наслаждается отдыхомъ, чѣмъ Пульманъ за своимъ обѣденнымъ столомъ. Я разъ обѣдалъ у Пульмана. Его жена была очень простовата и совсѣмъ не сочеталась съ окружающей роскошью. Она точно будто не умѣла приспособиться къ неожиданно свалившемуся наслѣдству. На столѣ, среди хрусталя и серебра, лежали розы и орхидеи, полузакрытыя перистымъ папоротникомъ. Помню, когда сѣли за столъ, она въ полголоса обратилась къ слугѣ: «The lights» (Огни). И подъ папоротникомъ, какъ свѣтляки, загорѣлись крохотныя электрическія лампочки. . .

Въ Америкѣ, то есть въ нѣкоторыхъ американскихъ домахъ роскошь подавляетъ не тѣмъ, что она есть, а тѣмъ, что она такъ обладателемъ подчеркивается. Имѣешь иногда впечатлѣ-

ніе, что на всѣхъ вещахъ значится оцѣнка ихъ; она какъ будто никогда не забывается. Право, иногда кажется, что съ тарелокъ, на которыхъ вы ѣдите, только сейчасъ смыто обозначеніе цѣны. Помню разсказъ А. И. Нелидова, нашего посла (въ Константинополѣ, въ Римѣ, въ Парижѣ). Онъ однажды обѣдалъ у одной богатѣйшей американки. Столъ утопалъ въ роскоши. Въ особенности поразила его посуда; къ каждому блюду новый сервизъ; наконецъ, къ десерту подаютъ такое великолѣпіе, что онъ, любитель и знатокъ, перевернулъ тарелку, чтобы посмотрѣть мѣтку фабрики. Увидавъ, что это одинъ изъ рѣдчайшихъ севровъ, онъ поздравилъ хозяйку съ ея удивительнымъ сервизомъ. Она только махнула рукой:

— Если бы вы видѣли, что мы подаемъ въ парадныхъ случаяхъ ... (dans les grandes occasions).

Опять я отвлекся отъ г-жи Маквей. Она сочетала интересы свѣтскіе съ умственными. Къ моимъ лекціямъ она относилась съ трогательной внимательностью; ни одной не пропускала, перечитывала ихъ на дому, подбирала мнѣ знакомства, которыя могли мнѣ быть полезны въ моей поѣздкѣ по университетамъ. Прямо скажу, — какъ къ родному сыну она ко мнѣ относилась тамъ, на далекой чужбинѣ. Вотъ трогательный случай. Когда я жилъ у нихъ и читалъ лекціи по приглашенію Чикагскаго университета, всякій разъ она отвозила меня на лекцію въ собственной каретѣ, — послѣ обѣда, какъ заведенные часы. Прошла и послѣдняя лекція; черезъ два дня я уѣзжалъ. Наканунѣ отъѣзда мы поѣхали въ концертъ. Ѣдемъ; вдругъ на углу одной улицы она вскрикиваетъ:

— Вы не замѣтили?

— Что такое?

— Лошади хотѣли повернуть направо. Онѣ думали, что мы на вашу лекцію!

И въ томъ, съ какою трогательностью она отмѣтила постоянство лошадей, я видѣлъ, какъ ей дорого все, что касается моей работы.

Милая, добрая Миссисъ Маквей. Но и она была заражена зудомъ свѣтскости.

— Конечно, все это очень хорошо, что вы читаете, — исторія, литература, Тургеневъ, Толстой. Но вамъ, право, нужно когда-нибудь прочитать и о свѣтской жизни въ Петербургѣ.

— Развѣ такъ интересно?

— Какъ же! Россія такъ далека отъ насъ, мы такъ мало знаемъ... Напримѣръ, — когда у васъ сезонъ?

— Начинается осенью, продолжается до великаго поста. Иногда послѣ Пасхи бываютъ еще балы. Очень красивы эти весенніе балы (very pretty those springballs).

— Now say that in your lecture, Prince Wolkonsky, use that very word — «springballs»). (Скажите это въ вашей лекціи, употребите это самое выраженіе, — «весенніе балы».) Понимаете, Россія такъ далека, мы такъ мало знаемъ». . . и т. д. и т. д.

Милой, доброй Миссисъ Маквей не удалось меня убѣдить; къ тому же мужъ ея не поддерживалъ ея настояній. Итакъ, въ третій разъ, кажется, объ этомъ упоминаю, въ ея домѣ я познакомился съ профессоромъ Нортономъ. Джорджъ Эліотъ Нортонъ, цвѣтъ ума, культуры, обворожительный въ обхожденіи, былъ профессоромъ Гарвардскаго университета подъ Бостономъ, спеціалистъ по литературѣ и исторіи искусства. Онъ былъ украшеніемъ человѣческой расы. Онъ былъ уже очень пожилымъ, когда я его зналъ, но я никогда не видалъ такого сочетанія старости и молодости, какъ въ этомъ человѣкѣ, и какъ старость съ молодостью, такъ сочетались въ немъ серьезность съ юморомъ. Въ немъ искрилась тонкая критика, звенѣлъ тонкій смѣхъ, которому онъ однако никогда не позволялъ разражаться, — точно держалъ его на поводу. Онъ былъ послѣдній представитель того поколѣнія людей «Новой Англіи», которые еще говорили съ настоящимъ англійскимъ произношеніемъ, безъ той отвратительной американской гнусавости, которая съ каждымъ новымъ поколѣніемъ увеличивается. Онъ принадлежалъ къ кругу такихъ людей, какъ философъ Эмерсонъ, поэтъ Лонгфелло, писатель Лоуэль. Онъ былъ ихъ другомъ, и въ немъ жилъ еще тотъ духъ иедеализма, который такъ выдохся въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Вспоминаю два разсказа его объ Эмерсонѣ.

Къ старости знаменитый писатель утратилъ память. Во время гражданской войны за освобожденіе негровъ устроили въ Бостонѣ лекцію Эмерсона въ пользу раненыхъ. Уже давно не выступалъ старикъ. Самая большая зала Бостона была биткомъ набита. Эмерсонъ всходитъ на каѳедру: «Ladies and gentlemen!». . . (Милостивые государыни, милостивые государи.) Молчанье. Всѣ ждутъ. Молчанье продолжается, становится томительнымъ. Эмерсонъ не знаетъ, что сказать. И вдругъ разражается вся зала оглушительными рукоплесканіями. Эмерсонъ въ слезахъ, молча раскланивается. Рукоплесканія не умолкали, пока онъ не сошелъ съ каѳедры. Лекціи не было, но сборъ былъ полный.

Другой разсказъ Нортона. Они вмѣстѣ съ Эмерсономъ провожали гробъ поэта Лонгфелло. Эмерсонъ, покачивая го-

ловой, говорилъ, указывая на печальную колесницу: «Я не помню, кто онъ былъ, но помню, что онъ былъ хорошій человѣкъ.»

Ко мнѣ Нортонъ съ первой минуты нашей встрѣчи отнесся съ такимъ признаніемъ, какое я послѣ рѣдко въ жизни встрѣчалъ. Храню память о немъ, какъ одну изъ самыхъ дорогихъ. Признаніе моей работы, подтвержденіе моихъ сужденій, оцѣнокъ со стороны такого человѣка были для меня болѣе нежели наградой, это было путеводнымъ знакомъ. Всегда, когда думаю о немъ, вспоминаю изреченіе, которое читалъ у Дарвина: «Для молодого человѣка полезно одобреніе старика, — оно помогаетъ ему идти по вѣрному пути.» Кстати, Нортонъ былъ очень друженъ съ Дарвиномъ. Разсказывалъ, что Дарвинъ былъ мученикомъ. Въ молодые годы онъ страдалъ грудью; чтобы вылѣчиться, онъ по совѣту врачей совершилъ морское путешествіе на парусномъ суднѣ въ Австралію и Полинезію. Здоровье свое онъ поправилъ, но на всю жизнь осталась у него морская болѣзнь на сушѣ.

Нортону я обязанъ моей лекторской карьерой въ Америкѣ. Онъ пригласилъ меня послѣ закрытія выставки пріѣхать къ нему въ Гарбарбъ. Его дача называлась Shady Hill (Тѣнистый Пригорокъ). Онъ былъ вдовецъ и жилъ съ тремя дочерьми. Старшая была очень хорошенькая и играла на скрипкѣ; у нихъ былъ ея портретъ работы знаменитаго англійскаго живописца Бернъ Джонса. Другія двѣ были некрасивы. Такъ какъ Нортонъ занимался изученіемъ Данте и издалъ англійскій переводъ «Божественной Комедіи», студенты Гарвардскаго университета прозвали его дочерей: «Paradiso, Purgatorio, Inferno.» Нортонъ между прочимъ перевелъ и издалъ переписку Гете съ Карлайлемъ. У меня былъ экземпляръ этого тома, имъ самимъ мнѣ подаренный. У меня было много писемъ его, интересныхъ и прекраснымъ сильнымъ почеркомъ написанныхъ... Нортонъ прелестно читалъ, въ особенности діалоги; въ нихъ всегда чувствовалось три лица: разговаривающіе и онъ самъ, его отношеніе къ разговаривающимъ. Рѣдко видалъ, чтобы съ такою радостью встрѣчали человѣка, какъ его, когда онъ входилъ въ гостиную. Отъ всей его природы исходило что-то примиряющее; самые жгучіе вопросы въ его устахъ теряли остроту. Однажды мы говорили о возможныхъ столкновеніяхъ принципа эстетическаго и этическаго, идеи красоты и идеи добра. Онъ сказалъ: «By being beautiful the rose already makes you good.» (Тѣмъ что роза прекрасна, она уже дѣлаетъ васъ лучше.) Весь его обликъ духовный рисуется мнѣ, какъ ровный закатъ солнца, склоняющагося, но не теряющаго своего сіянія.

Въ гостепріимной обстановкѣ отдохнулъ я отъ чикагской сутолоки; прочиталъ нѣсколько лекцій въ университетѣ и въ

студенческихъ клубахъ, въ то время какъ Нортонъ написалъ обо мнѣ въ нѣкоторые другіе университеты. Въ Гарвардѣ я видѣлъ много интересныхъ людей; между прочимъ ставшаго знаменитымъ впослѣдствіи психолога Уильяма Джемса и извѣстнаго изслѣдователя по экспериментальной психологіи, нѣмца Мюнстерберга. Сохраняю самое горячее воспоминаніе о пребываніи въ Гарвардскомъ университетѣ. Студенты были гостепріимны, не разъ чествовали меня въ своихъ клубахъ; профессора были внимательны не по заслугамъ; ректоръ университета, — тамъ это называется «президентъ», — Эліотъ, предложилъ мнѣ каѳедру русской литературы. Нортонъ окружилъ меня заботливостью, какъ если бы я былъ его внукъ.

Въ тотъ первый мой пріѣздъ въ Америку было у меня три лекціи, съ которыми я выступалъ: о женскомъ образованіи въ Россіи, о конгрессѣ религій въ Чикаго и — мои впечатлѣнія объ Америкѣ. Во всѣхъ моихъ выступленіяхъ я старался разбивать заморскіе предразсудки относительно Россіи. Тамъ мало, вѣрнѣе совсѣмъ Россіи и русскихъ не знаютъ. Обычный трафаретъ о снѣгѣ, волкахъ, тайной полиціи поддерживается и ежедневной, и всякой другой печатью. Все, что не имѣетъ этого запаха, не имѣетъ успѣха и даже внушаетъ сомнѣніе. Одна американская барышня мнѣ пренаивно повѣдала, что ей мало нравятся русскіе романы и повѣсти, въ нихъ мало типичнаго; ей гораздо больше нравятся американскіе романы про Россію, — они гораздо болѣе «русскіе». Для разбитія этихъ предразсудковъ у меня былъ совсѣмъ особый пріемъ. Я хорошо сознавалъ, что становясь на русскую, патріотическую почву, я ничего не достигну. Патріотизмъ есть чувство субъективное, похвальное, но объектъ его для иностранца лишенъ заразительности. Кто же не патріотъ, кто не любитъ своей страны? Но это не значитъ, что иностранецъ, не любящій чужую страну, несправедливъ. Любить свою страну похвально, но любить чужую вовсе не обязательно. Вотъ почему не на почву субъективнаго патріотизма я становился, а на почву общечеловѣчности. На нелѣпые вопросы, которые мнѣ ставились о Россіи и русскихъ, я не отвѣчалъ негодованіемъ, а я на лекціяхъ ихъ повторялъ и разбиралъ со стороны человѣческой несправедливости; иногда я ихъ высмѣивалъ, сопоставляя съ нѣкоторыми условіями американской жизни. Когда въ одной бостонской газетѣ отчетъ о моей лекціи былъ озаглавленъ «Впечатлѣнія татарина объ Америкѣ», я на слѣдующей лекціи, нарочно упомянулъ о татарскомъ игѣ и сверженіи его и сказалъ, что назвать меня, русскаго, «татариномъ», это то же самое, что назвать васъ, бостонскіе лэди и джентльмэны, именемъ какого-нибудь

индійскаго краснокожаго племени только потому, что прежде васъ они жили на этихъ самыхъ мѣстахъ. Я не говорилъ, что въ Россіи нѣтъ тайной полиціи (гдѣ же ея нѣтъ), но я стремился зажечь ихъ прекрасными сторонами русской жизни, русскаго искусства, русской души, какъ она въ искусствѣ выразилась. Я вызывалъ въ нихъ братское отношеніе и потомъ упрекалъ за отсутствіе такового въ ихъ обычныхъ сужденіяхъ о Россіи и русскихъ. Я выставлялъ узость ихъ секстантства, отсутствіе человѣчности въ національныхъ, политическихъ, классовыхъ и иныхъ предразсудкахъ. Въ концѣ концовъ я совсѣмъ вышелъ изъ оборонительной позиціи обиженнаго патріота, а сталъ [illegible] положеніе глашатая началъ справедливости на почвѣ общ[illegible] человѣческаго братства. Иногда это давало довольно неожиданные результаты. Одна слушательница послѣ лекціи подошла ко мнѣ и, очевидно, оставаясь на почвѣ общепринятыхъ понятій о «русскомъ» человѣкѣ, спросила меня:

— Вы нигилистъ?

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что я считала, что то, что вы говорите, это американскія идеи, а не русскія.

— А развѣ американцы нигилисты?

— Нѣтъ, но американцы проповѣдуютъ братство и справедливость.

— Да, но они не прибѣгаютъ къ бомбамъ. Отчего же вы меня хотите записать въ число динамитчиковъ?

О, русская загадка заграницей! Какая мучительная и какъ трудно разрѣшимая. Вѣдь вотъ, если бы я американцамъ какія-нибудь самыя невѣроятныя небылицы разсказывалъ про Россію, повѣрили бы, а потому что я говорилъ самое обыкновенное, это со стороны русскаго показалось необыкновеннымъ. О какой хотите странѣ, самой дальней, на другомъ полушаріи, о самой экзотической, о Таити, о Фиджи, понятія будутъ съ большимъ приближеніемъ къ истинѣ, чѣмъ понятія о Европейской Россіи. Конечно, много въ этомъ повинна и сама Россія. Когда однажды на какомъ-то офиціальномъ банкетѣ мой сосѣдъ, какой-то дѣятель по части воспитанія, съ которымъ мы довольно долго говорили, вдругъ спросилъ меня — «И вы типичный русскій?», что могъ я сказать? Я сказалъ: «Да, такихъ, которые думаютъ, какъ я, много.» Не могъ же я ему разсказывать, что у насъ не все обскуранты, черносотенцы (тогда, впрочемъ, слово еще не существовало, да и какъ бы его перевести на англійскій?). Но ничто меня такъ не огорчало, какъ удивленіе иностранцевъ.

Упомяну еще объ интересномъ случаѣ послѣ одной изъ моихъ лекцій. На этотъ разъ — русскіе студенты, эмигранты. Подошли ко мнѣ, ихъ было двое, оба еврейскаго типа. «Ну, въ Россіи вы, конечно, такъ бы не говорили.» Лекція была о женскомъ образованіи. Я узналъ на другой день, что они въ этомъ же смыслѣ говорили своимъ товарищамъ студентамъ, причемъ выставляли меня либо сочувствующимъ подпольной агитаціи, либо либеральствующимъ ради лишняго рукоплесканія. На слѣдующей лекціи я заговорилъ объ этихъ слухахъ и сказалъ, что считаю нужнымъ отмежеваться отъ приписываемаго мнѣ сочувствія такимъ путямъ, съ которыми не согласенъ. А что касается высказаннаго моими двумя соотечественниками предположенія, что я въ Россіи такъ не говорилъ бы, то прошу позволенія представить аудиторіи маленькую книжечку, — это русскій переводъ, моего доклада о женскомъ образованіи, сдѣланный въ Петербургѣ по приказанію министерства Народнаго Просвѣщенія. Эту книжечку позволялъ себѣ принести въ даръ университетской библіотекѣ. Это произвело очень неожиданное впечатлѣніе, выразившееся сильными знаками одобренія; но мои «соотечественники» стушевались.

Повторяю, «русская загадка» велика, темна и трудно разрѣшима, но повторяю и то, что корни этой загадки не въ одной неосвѣдомленности иностранной, а и въ русской дѣйствительности. И если я всегда возмущался иностранными нелѣпицами, то это не значитъ, что я мирился съ русской дѣйствительностью. Но возмущала меня неосвѣдомленность критики, то, что не на то она направлена, на что бы слѣдовало, и, наконецъ, возмущала меня односторонность иностранныхъ представленій о Россіи, и, можетъ быть, больше всего возмущала предвзятость сужденій. «Когда мы думаемъ объ Америкѣ, говорилъ я имъ, знаете ли, о чемъ мы думаемъ? О Линкольнѣ, объ Эмерсонѣ, о Лонгфелло, объ Эдиссонѣ. Что же, вы думаете, у насъ нѣтъ равнозначущихъ именъ? Почему же, когда вы думаете о Россіи, вы думете только о тюрьмахъ, о тайной полиціи, о Сибири?»...

Въ такомъ духѣ я велъ свои лекціи, и долженъ сказать, что на этой почвѣ утвердились съ моими аудиторіями отношенія довѣрія, которое росло въ соотвѣтствіи съ длительностью курса.

Здѣсь подойду къ одному вопросу, съ которымъ столкнулся въ Америкѣ. Если, говоря о двухъ подошедшихъ ко мнѣ послѣ лекціи студентахъ, я упомянулъ о томъ, что они были изъ евреевъ, то я сдѣлалъ это не въ цѣляхъ юдофобской

шпильки, а только ради точности разсказа. Я никогда не былъ юдофобомъ, и даже теперь, послѣ революціи, убѣдившись собственными глазами въ громадной роли ими сыгранной, въ томъ «засиліи», которымъ они легли на нашу жизнь, и наконецъ въ той отвѣтственности, которая на нихъ ложится за огромную долю происходящихъ въ Россіи жестокостей, я все же не могу стать на путь огульнаго обвиненія. Въ Москвѣ я зналъ много евреевъ, которые съ пѣной у рта говорили о несправедливостяхъ и злодѣяніяхъ, я зналъ такихъ, который были раззорены, какъ и мы. Когда я сидѣлъ въ московской чрезвычайкѣ и насъ выпускали во дворъ погулять, помню, что четверть заключенныхъ, конечно, были евреи. Изъ двухъ лучшихъ, даже скажу единственныхъ двухъ моихъ настоящихъ учениковъ-послѣдователей по курсу декламаціи, одинъ былъ еврей. Впрочемъ, я завелъ рѣчь объ этомъ не для того, чтобы говорить о моемъ отношеніи къ евреямъ, а объ отношеніи ко мнѣ тѣхъ евреевъ, которыхъ тамъ въ Америкѣ встрѣтилъ. Мои лекціи производили на нихъ какое-то притягательно-приручающее дѣйствіе. Въ особенности почувствовалъ я эту волну еврейскаго довѣрія въ Чикаго. Тамъ въ то время было очень много евреевъ-изгнанниковъ изъ Москвы. Повезли меня разъ посмотрѣть еврейскую школу. Помню, директоръ указалъ на маленькую дѣвочку, которая только что поступила и по англійски почти не понимала. Я заговорилъ съ ней порусски. Не могу забыть волненія, которое потрясло это маленькое некрасивое существо. Ея голова все склонялась ниже, а пальчики теребили передничекъ. На мой вопросъ о томъ, какъ ей нравится на новой родинѣ, она отвѣтила, что еще не можетъ «привыкнуть». «А тамъ хорошо было?» Голова все склонялась ниже, пальчики теребили чаще, а голосъ потухалъ; двѣ крупныя слезы упали на передникъ, когда она прошептала — «Тамъ было хорошо». Директоръ положилъ ей руку на голову: «Ничего, ничего, привыкнешь». И обращаясь ко мнѣ: «Мы сдѣлаемъ изъ нихъ хорошихъ американскихъ гражданъ.» Я знаю, что я здѣсь прикасаюсь къ великимъ, міровымъ вопросамъ; не для того, чтобы ихъ рѣшать, говорю о нихъ, а только чтобы сказать, какъ я съ ними соприкоснулся...

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Гарвардѣ я выѣхалъ въ Санъ Франциско, чтобы оттуда отправиться въ кругосвѣтное путешествіе, а по дорогѣ заѣзжалъ въ университеты, куда Нортонъ далъ мнѣ письма. Еще были у меня письма отъ посла Сѣверо Американскихъ штатовъ въ Петербургѣ Уайта. Человѣкъ большого образованія, онъ былъ первымъ президентомъ Корнэльскаго университета въ штатѣ Нью Іоркѣ, и далъ мнѣ

письмо къ тогдашнему президенту его, профессору философіи Шурману. Это былъ первый университетъ, который я посѣтилъ, распростившись съ Гарвардомъ и милымъ Нортономъ. Какая сказка этотъ Корнэльскій университетъ. Въ горахъ, высоко надъ озеромъ, надъ маленькимъ городомъ Итакой, стоятъ гранитные дворцы; одинъ дворецъ — аудиторіи, другой — библіотека, третій — гимнастическій залъ, четвертый — общежитіе и т. д. Надъ библіотекой возвышается башня съ остроконечной крышей изъ желтой черепицы; «соломенная шляпа» Корнельскаго университета видна издали.

Однажды послѣ лекціи въ Корнэльскомъ университетѣ подошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ и представился — русскій, Алексѣй Васильевичъ Бабинъ; сынъ елатомскаго мѣщанина, попалъ въ Америку, занимается исторіей. Во второй мой пріѣздъ онъ уже былъ библіотекаремъ университета въ штатѣ Индіана. Послѣ этого онъ былъ однимъ изъ библіотекарей библіотеки при зданіи Конгресса. Въ малое время достигъ высокаго положенія и большого уваженія. Но въ концѣ концовъ ему стало скучно, захотѣлось отдать свои силы и знанія на служеніе родинѣ. Уже во время войны пріѣхалъ онъ въ Петербургъ; привезъ и издалъ первую на русскомъ языкѣ исторію Соединенныхъ Штатовъ въ двухъ томахъ и сталъ искать должности. Черезъ моего друга Петра Петровича Извольскаго я направилъ его къ министру Народнаго Просвѣщенія графу Игнатьеву. Послѣ этого получилъ отъ него два письма; одно изъ Олонецкой губерніи, — онъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ; другое — изъ Саратова, — онъ былъ профессоромъ исторіи въ недавно открывшемся Саратовскомъ университетѣ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я съ нимъ видѣлся въ послѣдній разъ. Въ то время я занятъ былъ приготовленіемъ къ изданію архива моего дѣда декабриста. Сидѣлъ у меня по этимъ дѣламъ завѣдующій книгоиздательствомъ «Огни» Евгеній Александровичъ Ляцкій; разсказывалъ, что онъ затѣваетъ изданіе христоматіи для народа; жаловался, какъ трудно найти людей для такого дѣла: или люди образованные, тогда они народа не знаютъ, или люди отъ народа, тогда они не образованы. Только за полчаса передъ тѣмъ ушелъ отъ меня Бабинъ; онъ въ тотъ же вечеръ уѣзжалъ изъ Петербурга; адреса его я не зналъ. Какъ быть? Телефонирую Извольскому:

— Былъ у тебя Бабинъ?

— Сейчасъ у меня сидитъ.

— Онъ будетъ у Игнатьева?

— Да, Игнатьевъ ему назначилъ въ часъ.

— Скажи ему, чтобы послѣ Игнатьева пришелъ въ ресторанъ Европейской гостиницы, — очень нужно, очень важно.

Я пригласилъ Ляцкаго завтракать и тамъ познакомилъ его съ Бабинымъ. Они остались вполнѣ довольны другъ другомъ. Что изъ этого вышло, не знаю, но въ послѣднемъ письмѣ Бабинъ писалъ, что книга для народа пишется, выходитъ хорошо. Больше не слышалъ объ этомъ миломъ человѣкѣ. Нашелъ ли онъ возможность примѣнить прекрасныя данныя своей чистой русской природы и крѣпкій духъ, которымъ зажегся въ Америкѣ, нашелъ ли возможнымъ примѣнить ихъ на пользу родинѣ, выказавшей такъ мало потребности воспользоваться тѣмъ и другимъ...

Возвращаюсь къ американскимъ университетамъ. Я ихъ объѣхалъ довольно много. Вотъ гдѣ я читалъ. Колумбіевскій университетъ въ Нью Йоркѣ, Корнэльскій университетъ въ Итакѣ, Гарвардскій университетъ въ Кэмбриджѣ, Аннаба въ Боффало, высшая школа художествъ въ Сантъ Луисѣ, Чикагскій университетъ, Калифорнскій въ Санъ Франциско и университетъ имени Лиланда Стэнфорда въ Пало-Альто въ Калифорніи. Поразительно впечатлѣніе, производимое этими учрежденіями. Просторъ, роскошь строительнаго матеріала, приспособленность къ требованіямъ научнаго труда, гигіеничность, все это дѣлаетъ изъ нихъ какіе-то оазисы тишины, свѣта, покоя и беззаботности. Только тотъ, кто испыталъ сутолоку американской жизни, трамвайные и телефонные звонки, стукотню пишущихъ машинъ, свистки подземныхъ, надземныхъ и воздушныхъ поѣздовъ, грохотъ улицы и крики газетчиковъ, сигнальныя вспыханія и потуханія электрическихъ рекламъ, кто испыталъ эту неотступность, съ которой уличная жизнь Америки преслѣдуетъ вашъ слухъ и ваше зрѣніе, — только тотъ оцѣнитъ условія покоя, въ которыя эта страна ставитъ тружениковъ науки. Университеты американскіе это оазисы мысли; въ бурномъ морѣ жизни это острова покоя. Въ этомъ покоѣ зрѣетъ наука. Конечно, не всѣ въ равной мѣрѣ работаютъ на умственной нивѣ. Профессора работаютъ больше студентовъ; студенты очень увлечены клубной жизнью и спортомъ. Но тѣ изъ нихъ, которые готовятъ себя для науки, упорные работники и съ сильно обостронней спеціализаціей. Я спросилъ одного естественника, въ чемъ его спеціальность. «Послѣдніе три мѣсяца, отвѣчалъ онъ, я былъ занятъ изученіемъ желудочныхъ паразитовъ бѣлаго муравья»... Три мѣста въ особенности запомнились мнѣ какъ «оазисы». Первое — Корнэлъ, о которомъ уже упоминалъ. Другое — женскій институтъ Wellesley College въ окрестностяхъ Бостона. Онъ расположенъ въ рощахъ вокругъ озера. Это, конечно, въ числѣ самыхъ радостныхъ моихъ впечатлѣній на жизненномъ пути. Я думаю, что, какое бы счастіе

ни ожидало нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣвушекъ въ будущемъ, — самое счастливое въ ихъ жезни будетъ все-таки пребываніе въ этомъ удивительномъ Wellesley College. Какое восхитительное зрѣлище этихъ молодыхъ дѣвушекъ въ радостномъ сочетаніи природы и науки. И всюду, — въ рощахъ, надъ озеромъ, въ высокихъ коридорахъ, раздается въ звонкихъ, свѣжихъ голосахъ кличъ Wellesley.

Каждый университетъ въ Америкѣ имѣетъ свой кличъ, имъ онъ привѣтствуетъ, высказываетъ свое одобреніе. Гарвардъ издаетъ три гортанныхъ звука на А и потомъ выкрикиваетъ фамилію чествуемаго. Корнэлъ на одной нотѣ зоветъ: «Корнэлъ-елъ-елъ, Елъ-елъ-елъ, Елъ-елъ-елъ» и — фамилія. У Welleseley очень красивый, музыкальный кличъ. Выписываю его въ нотахъ:

Можете себѣ представить, какъ красиво это звучитъ въ молодыхъ женскихъ голосахъ подъ сводами коридоровъ, въ холмистыхъ рощахъ, надъ звонкой гладью озера... Упомяну красивую подробность. На большой лѣстницѣ главнаго зданія виситъ портретъ. Это основатель, на свои деньги построившій институтъ. Онъ пожелалъ, чтобы его имя никогда не было записано, никогда не произносилось...

Удостоиться клича считается большой честью. Помню особенно дорогой моему сердцу случай. Когда выѣзжаешь изъ Корнэла, приходится мѣнять поѣздъ на слѣдующей станціи. Я сидѣлъ въ залѣ; вышелъ на платформу. Стояла въ сторонкѣ группа молодыхъ людей. Когда я прошелъ мимо нихъ, раздалось: «Корнэлъ-елъ-елъ, Елъ-елъ-елъ, — Russia!» Очень было мнѣ тогда пріятно это привѣтствіе, на маленькомъ, безвѣстномъ полустанкѣ, на другомъ полушаріи земли...

Третье удивительное мѣсто это университетъ Лиланда Станфорда въ Пало-Альто въ Калифорніи. У богача Станфорда умеръ единственный сынъ Лиландъ, и онъ построилъ въ его память университетъ. Въ Калифорніи, часахъ въ двухъ отъ Санъ Франциско, на высокомъ берегу моря, окруженные фантастической калифорнской растительностью, стоятъ зданія, построенныя въ характерѣ старинныхъ испанскихъ монастырей, изъ дикаго камня, съ колоннами, съ безконечными галереями, портиками. Странно въ такой обстановкѣ видѣть современныхъ людей, по двору такого монастыря видѣть велосипедъ. Я говорилъ имъ, что на мѣстѣ основателя университета я бы поста-

вилъ условіемъ, чтобы профессора и студенты носили монашескую рясу какого-нибудь несуществующаго ордена.

Изъ Санъ-Франциско я выѣхалъ въ кругосвѣтное плаваніе. О нѣкоторыхъ своихъ впечатлѣніяхъ разскажу въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Я уже упоминалъ о томъ, что былъ въ Америкѣ два раза. Второе путешествіе такъ произошло. Весной 1895 года, въ Сициліи, я получилъ письмо отъ нѣкоего Лоуэля, директора Лоуэльскаго Института въ Бостонѣ съ приглашеніемъ прочитать курсъ лекцій по русской исторіи и русской литературѣ. Прежде чѣмъ отвѣтить, я запросилъ согласіе моего отца. Отвѣтъ отца получилъ уже во Флоренціи, по пути домой. Какъ сечасъ помню; сидѣлъ я у пріятеля моего Плачи и писалъ Лоуэлю отвѣтъ съ согласіемъ. Помню, Плачи, читавшій газету, вдругъ оторвался отъ чтенія и сказалъ: «Это подпись.» Онъ услышалъ по звуку пера, что я кончалъ письмо. Такъ подписалъ я свое обязательство въ Февралѣ 1896 года прочитать курсъ въ восемь лекцій въ Бостонскомъ Лоуэльскомъ Институтѣ. Въ деревнѣ, въ Павловкѣ, за лѣто написалъ свои лекціи на англійскомъ языкѣ и въ Январѣ выѣхалъ. Первая лекція была назначена на 5 февраля.

Лоуэльскій Институтъ основанъ въ 1839 году. Это не есть учебное заведеніе; завѣщатель Лоуэль даже пожелалъ, чтобы онъ не имѣлъ своей собственной залы. Это есть учрежденіе, устраивающее публичныя лекціи. Лектора приглашаются со всей земли, но никогда ни одинъ лекторъ не приглашается болѣе одного разу. Лоуэльская каѳедра одна изъ самыхъ популярныхъ въ Америкѣ, и кто тамъ читалъ, уже не нуждается въ рекомендаціи. Аудиторія пріятная, умная, хотя холодная; бостонская аудиторія въ Америкѣ считается самая трудная. Эта сдержанность въ особенности поражаетъ по сравненію съ вулканическими проявленіями аудиторіи студенческой. Еще до отъѣзда изъ Россіи я разослалъ свою программу во всѣ знакомые университеты. По пріѣздѣ нашелъ рядъ приглашеній. Пробылъ я три мѣсяца, въ теченіе которыхъ переѣзжалъ изъ города въ городъ. Были такихъ двѣ недѣли, когда у меня на той же недѣлѣ было двѣ лекціи въ Нью Йоркѣ и двѣ въ Вашингтонѣ; это какъ отъ Петербурга до Москвы; я ѣхалъ ночью, днемъ читалъ. А какъ удобно путешествіе въ Америкѣ. Ночью пульмановскій спальный вагонъ, а днемъ — длинный вагонъ, сплошь съ обѣихъ сторонъ зеркальныя окна и передъ окнами вертящіяся кресла; можете повернуться такъ, чтобы разговаривать съ правымъ сосѣдомъ, или съ лѣвымъ, или съ вашимъ визави, сидящимъ на другой сторонѣ, или наконецъ повернуться къ окну

и смотрѣть на мимо бѣгущій пеизажъ. Чудная уборная; тутъ же вамъ негръ-провожатый чиститъ платье и сапоги. А передъ пріѣздомъ у васъ спрашиваютъ, гдѣ вы остановитесь, въ какой гостиницѣ или по какому иному адресу, и выдаютъ вамъ квитанцію. Вы выходите на платформу съ зонтикомъ и перчатками въ рукахъ, идете по своимъ дѣламъ; когда приходите въ гостиницу, вашъ ручной багажъ и всякій другой уже васъ дожидается... Лекціи свои я издалъ по англійски въ Бостонѣ. Вернувшись въ Россію, издалъ ихъ по русски; въ томъ же году онѣ были переведены на нѣмецкій нѣкоей госпожей Гиппіусъ. На каждомъ языкѣ онѣ выдержали по два изданія. Послѣ моего отъѣзда въ Гарвардскомъ университетѣ основана каѳедра славянскихъ нарѣчій въ апрѣлѣ 1896 года. По поводу изданія моихъ лекцій припоминаю слѣдующее. Я обратился къ извѣстному чикагскому издателю Макъ-Клергу, котораго зналъ лично. Онъ предложилъ мнѣ условія очень не важныя. Я сказалъ, что подумаю. Бостонскій издатель предложилъ мнѣ много лучшія; я сошелся съ бостонскимъ. Когда увѣдомилъ объ этомъ Макъ-Клерга, этотъ человѣкъ, съ которымъ я встрѣчался, обѣдалъ въ знакомыхъ домахъ, не постѣснялся написать мнѣ, что онъ жалѣетъ, ибо его предложеніе было «a tentative one», т. е. какъ бы сказать — пробный шаръ...

Въ американскомъ характерѣ есть, несомнѣнно, нѣкоторая внѣшняя сухость. Подъ вліяніемъ той безжалостности, о которой говорилъ, вырабатывается нѣкоторая закаленность, хорошая, конечно, въ качествѣ противодѣйствія внѣшнему злу. Но несомнѣнно, что съ другой стороны эта въ привычку обратившаяся сухость иногда стѣсняетъ внѣшнее проявленіе внутреннихъ порывовъ или придаетъ имъ робость, неуклюжесть: люди боятся, давая свободный выходъ своему чувству, преступить противъ предписаній мужественности. Но броня, нужная въ жизненной борьбѣ, смѣшна, когда она не снимается въ мирное, безопасное время. Вотъ почему во всемъ, гдѣ хочетъ проявиться чувство, ощущается нѣкоторая стѣсненность, и въ психологической сущности жизни есть какая-то плоскодонность, отсутствіе далекихъ или глубокихъ перспективъ. Помню, разъ въ одномъ домѣ обѣдалъ. Были ко мнѣ исключительно внимательны; я видѣлъ, что всячески хотѣли угодить. Послѣ обѣда попросили сыграть на фортепіано; конечно, попросили чего-нибудь русскаго. Вдругъ хозяйка проситъ русскій гимнъ. Я впрочемъ зналъ, что попросятъ, — безъ этого никогда не обходится. Но тутъ хозяинъ пожелалъ выказать особливое сердечное вниманье. «Погодите», сказалъ онъ. И на цыпочкахъ подошелъ къ камину, снялъ съ камина какой-то предметъ, такъ же

лукаво на цыпочкахъ подошелъ ко мнѣ и со словами — «Вотъ, теперь вы будуте себя чувствовать совсѣмъ дома», поставилъ передо мной на пюпитръ образъ Божьей Матери отъ Хлѣбникова или Овчинникова. Я исполнилъ ихъ желанье, сыгралъ имъ русскій гимнъ. Такъ осуществилъ я за фортепіано — «православіе, самодержавіе и народность»...

Не знаю, насколько мнѣ удалось передать, не американскую жизнь, конечно, — въ этихъ бѣглыхъ строкахъ это было бы невозможно, — но мои впечатлѣнія американской жизни. Для меня ясно обрисовывается такая картина. Огромная масса, работающая, — всѣ, безъ исключенія, и бѣдный, и богатый. Надъ этой массой выкинутая на поверхность пѣна денежной аристократіи, легковѣсная, игрушечная, пустая въ своихъ интересахъ. Среди этого моря житейскаго, волнуемаго матеріальными и политическо-партійными заботами, среди этой охоты за наживой, среди этого никогда не ослабляющагося напряженія рабочаго, торговаго, денежнаго — какъ огражденные отъ міра острова, университеты. Повторяю, я не рисую американскую жизнь, — я рисую то, что я отъ американской жизни видѣлъ, и какъ то, что я видѣлъ, во мнѣ отпечатлѣлось. Удивительная страна! При одной мысли жить въ Америкѣ содрогаюсь, а между тѣмъ преисполненъ восхищенія. Содрогаюсь, потому что ни въ какой другой странѣ (кромѣ одной, о которой не мѣсто говорить въ «Странствіяхъ») ни въ одной странѣ не испыталъ такого оскорбительнаго прикосновенія внѣшней жизни къ духовнымъ святынямъ. Нигдѣ не испыталъ такого отсутствія идеала, такого торжества матеріалистичности; нигдѣ не ощутилъ такихъ мыслительныхъ пустынь, такого голода по искусству. На одномъ незначительномъ примѣрѣ я испыталъ, до какихъ уродливыхъ формъ можетъ дойти извращенность эстетическаго принципа. На улицахъ продаютъ маленькіе бюсты Вашингтона, Линкольна и другихъ народныхъ героевъ. Эти бюсты сдѣланы изъ мятой бумаги, что называется папье-маше; но не изъ простой бумаги, а изъ вышедшихъ изъ употребленія кредитныхъ билетовъ. И бюсты стóятъ не одинаково, а смотря по тому, какіе билеты пошли на его подѣлку. Можно ли придумать что-либо болѣе ужасное въ смыслѣ безвкусія и болѣе сквернаго въ смыслѣ направленія художественной пытливости. Всѣ бюсты одинаково уродливы, но глазъ американскаго обывателя съ завистливымъ восхищеніемъ останавливается на томъ, который стоитъ дороже... Да, въ этой странѣ свободы испытываешь минуты удушья. Покойный Нортонъ это хорошо чувствовалъ. Въ то время вышла книга Бурже «Sensations d'Italie» («Итальянскія ощущенія»). Онъ говорилъ мнѣ: «А вотъ

вы напишите «Choques d'Amériqne». (Американскія оскорбленія.) Помню, когда я ему читалъ ту лекцію моего курса, гдѣ говорю о западникахъ и славянофилахъ, объ отношеніи исторической критикѣ къ реформѣ Петра, вообще о путяхъ русскаго самосознанія, онъ воскликнулъ: «Поражаетъ меня, какая у васъ въ Россіи сумма мыслительной работы.» Этотъ возгласъ былъ показателенъ для Америки. Задыхается въ этой атмосферѣ человѣкъ, если не притуплена его чувствительность. Но огромное большинство этого не замѣчаетъ. Извѣстенъ анекдотъ о чикагскомъ жителѣ, который попадаетъ на тотъ свѣтъ и, расхаживая и предовольно озираясь, восклицаетъ: «Какъ хорошо; совершенно, какъ дома, на небѣ.» «Вы ошибаетесь, говорятъ ему, вы не на небѣ, вы въ аду»... Мнѣ всегда казалось верхомъ блаженства закрыть глаза въ Чикаго и открыть ихъ въ Венеціи, и тѣмъ не менѣе, образъ этого чикагскаго гражданина, который въ аду думаетъ, что онъ въ раю, очень показателенъ для одной черты американскаго характера: для его безграничнаго оптимизма. Американецъ искренне убѣжденъ, что онъ живетъ въ лучшемъ изъ міровъ и что лучшая страна въ лучшемъ изъ міровъ — Американскіе Соединенные Штаты. Самокритика не въ его характетѣ, и если проявляется она въ литературѣ, если бываютъ у нихъ сатирики-писатели, они не производятъ впечатлѣнія, что они порожденіе американской почвы. Сатира, критика, это пессимизмъ; американецъ прежде всего оптимистъ. Пессимизмъ ему скученъ, критикъ для него чужой. Вотъ почему такой выдающійся человѣкъ, какъ Нортонъ, хотя имѣлъ многочисленныхъ и вѣрныхъ друзей, былъ не популяренъ. Критикъ брюзга; американецъ свистунъ.

И не смотря на все это, не смотря на весь прозаическій ужасъ этого стука, и звона, и грохота, этихъ днемъ вертящихся, а ночью мигающихъ торговыхъ рекламъ, несмотря на то, что Диккенсъ сказалъ — «The mission of America is to vulgarise the world» (Миссія Америки въ томъ, чтобы опошлить вселенную), не смотря на то, что послѣ Америки я видѣлъ красочную радугу Востока, такія сказки человѣчества, какъ Индія, Цейлонъ, Каиръ, — когда я вернулся домой, ярче всего передо мной стояли американскія воспоминанія: свистки, колеса, грохотъ, гудѣнье, и — спѣшка, вѣчная спѣшка, отсутствіе праздности, отсутствіе отдыха, движеніе впередъ, безжалостное отсутствіе оглядки. Сказки поблекли передъ рекламными афишами. Сказка — прошлое, реклама будущее. Америка — окно въ будущее; но страшно глядѣть въ это окно: художникъ содрогнется, философъ покачаетъ головой...

Среди, человѣческой сутолоки, заливающей эту землю, явилась естественная мысль — оградить кусокъ земли отъ посяга-

тельства человѣка, предохранить хотя кусокъ природы отъ натиска цивилизаціи. И вотъ, подобно тому какъ въ другихъ странахъ изъ остатковъ цивилизаціи дѣлаютъ музеи, такъ въ Соединенныхъ Штатахъ додумались кусокъ природы превратить въ музей. Въ такъ называемыхъ Желтыхъ горахъ, за Соленымъ озеромъ, за территоріей Мормоновъ, отгородили огромную площадь земли и превратили ее въ «Національный Паркъ». Скалы, горы, долины, лѣса, рѣки, — все предписаніемъ закона неприкосновенно. Выбрали удивительный кусокъ земли. Тамъ окаменѣлые лѣса, тамъ остеклившіяся скалы, тамъ бьютъ гейзеры и горячіе ключи отъ нихъ стекаютъ горячимъ водопадомъ въ холодныя бурливыя рѣки; по бѣлой мѣловой равнинѣ течетъ бирюзоваго цвѣта ручей, а дно его уложено красно-коралловыми отложеньями. Въ рѣкахъ не ловятъ рыбу, въ лѣсахъ не стрѣляютъ ни звѣря, ни птицу, и, когда дерево падаетъ черезъ дорогу, только выпиливаютъ ту часть его, которая мѣшаетъ проѣзду... Чтобы объѣхать «паркъ», надо шесть дней. Очень удобно устроено; большіе открытые шарабаны перевозятъ путешественниковъ; утромъ выѣзжаютъ изъ одной гостиницы, къ вечеру пріѣзжаютъ въ другую; на полъ-пути стоянка, — ресторанъ для завтрака... Это, конечно, одно изъ красивѣйшихъ впечатлѣній, какія мнѣ пришлось испытать. И какъ свѣжа, какъ молода стародавняя мать-природа среди преждевременнаго старчества молодой цивилизаціи...

Все вѣчное молодо. Моложе, вѣчнѣе всего на землѣ человѣческая природа, то внутреннее, чѣмъ она живетъ. Почему вдругъ вспоминаю такой пустякъ? Около одной изъ гостиницъ Національнаго Парка былъ источникъ, около него скамейка. Сѣлъ на скамейку; около скамейки въ травѣ, смотрю, — лежитъ письмо. Поднялъ, сталъ читать. Какая грустная страница, какая скорбная повѣсть изнывающей, обманутой любви. Дѣвушка пишетъ возлюбленному, что она ничего о немъ не знаетъ, что онъ забылъ ее. Какъ не ново это, и какъ это не старо. Сколько страданія подъ этимъ отсутствіемъ упрека, сколько покорности, какое нежеланіе связывать его и какая любовь къ собственнымъ цѣпямъ. И потомъ, уже сквозь сухія слезы, какія трогательныя житейскія подробности, въ надеждѣ, что онѣ его заинтересуютъ. Болтовня о томъ, о семъ. «You had ought to have been here to see Jenny graduate! It was perfectly grand» (Тебѣ бы надо было здѣсь быть, посмотрѣлъ бы, какъ Дженни держала экзаменъ, какъ получала награды. Это было прямо величественно.) Да, очень ему интересна Дженни и книги, которыя она получила, золотые часы, которые ей подарила мать... Письмо лежало, брошенное въ траву, и вечерняя роса уже смочила бумагу своими слезами.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie ewig neu.

Почему вдругъ вспомнилъ объ этомъ? И почему свои впечатлѣнія объ Америкѣ, для описанія которой нужны цыфры, кончаю этой картинкой разбитаго сердца и его осколковъ, оброненныхъ у этого ручья?.. Почему?

Книгозбірня
„СТУДІОНУ“
у Львові

Конгрессъ Религій въ Чикаго.

(«Вѣстникъ Европы», Мартъ 1895).

Въ сентябрѣ 1893 года на берегу Мичиганскаго озера происходило единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Представители всевозможныхъ религій, съѣхавшись со всѣхъ концовъ земли, собрались въ одно общее засѣданіе. Соблюдая видимость полной равноправности, встрѣчались и обмѣнивались мыслями представители христіанскаго духовенства, духовные сановники иновѣрныхъ религій, мірскіе представители науки. Поборники самаго узкаго сектантства не только пріобщились духомъ къ своимъ христіанскимъ единовѣрцамъ, но изъ своей замкнутости вышли на просторъ общечеловѣческаго общенія съ послѣдователями нехристіанскихъ религій; сыны далекаго Востока превозмогли свое закоренѣлое недовѣріе къ религіи завоевательнаго Запада и подъ сѣнь Креста принесли свои стародавнія ученія о внутреннемъ совершенствованіи. Въ теченіе семнадцати дней разнорѣчивые «глаголы», сливаясь въ братскомъ единомысліи, провозглашали — желательность сближенія, необходимость забвенія человѣческаго разномыслія, обязательность уваженія ко всему тому, въ чемъ проявляется духовное единообразіе человѣческой природы.

Среди разномыслія, въ наши дни неустанно подчеркивающаго разъединяющія начала человѣческой жизни, громкое провозглашеніе объединяющихъ началъ звучало великимъ протестомъ природы противъ всякаго насильственнаго дробленія. Каково бы ни было ближайшее вліяніе, каковы бы ни были дальнѣйшія послѣдствія, каково бы ни было разногласіе въ оцѣнкѣ, — событіе само по себѣ представляется намъ достаточно знаменательнымъ, чтобы удѣлить ему нѣкоторое вниманіе. Не знаемъ, много ли появилось о немъ въ русской печати[1]); мы желали бы лишь подѣлиться личными впечатлѣніями. Не

[1]) Уже по окончаніи настоящаго очерка мнѣ пришлось познакомиться со статьями г. В. Соколова («Богословскій Вѣстникъ», мартъ, май ноябрь 1894 г.), интересными по обилію сопоставленнаго матеріала.

смѣемъ предложить какую-нибудь сравнительную оцѣнку вѣроученій и міровоззрѣній; не можемъ также дать сводъ тому, что было тамъ говорено и прочтено, — трудъ непосильный, если принять во вниманіе, что отчеты засѣданій составили два тома въ полторы тысячи страницъ убористой печати[1]). Принимаясь говорить о такомъ по нашему мнѣнію знаменательномъ событіи, какъ религіозный конгрессъ, мы просимъ читателя имѣть въ виду, что единственное преимущество, какое можетъ признать за собой пишущій эти строки, состоитъ въ томъ, что при всемъ этомъ онъ былъ очевидцемъ. Если намъ удастся воскресить наши воспоминанія и впечатлѣнія настолько, чтобы заставить читателя проникнуться тѣмъ духомъ человѣческаго сближенія, который царилъ тамъ въ теченіе семнадцати дней; если намъ удастся вызвать въ немъ тѣ же чувства терпимости и уваженія къ чужой совѣсти, какими дышало собраніе; если, наконецъ, намъ удастся дать ему хотя слабое понятіе о томъ подъемѣ духа, который въ теченіе почти трехъ недѣль, во время самой ярой выставочной сутолоки, въ самый разгаръ коммерческаго броженія и въ самомъ центрѣ американскаго матеріализма, три раза въ день собиралъ пятитысячную толпу на засѣданія конгресса, — мы почтемъ себя вознагражденными за нашу попытку.

---

[1]) Для интересующихся вопросомъ предлагаемъ слѣдующія библіографическія данныя:

Rev. J. H. Barrows. "The World's Parliament of Religions". Chicago 1893.

Rev. J. L. Jones. "A Chorus of faith as heard in the Parliament of Religions hold in Chicago, September 10—27 1893". Chicago 1893.

Rev. L. P. Mercer. "Review of the World's Religions Congresses of the World's Congress Auxiliary of the World's Columbian Exposition". Chicago 1893.

Prof. Walter R. Houghton. "Neely's History of the Parliament of Religions and Religious Congresses at the World's Columbian Exposition". Chicago 1893.

Max Müller. "Arens" Dezember 1894, Boston.

Bonnet Maury. "Revue des deux mondes", 15 Août 1894.

R. Rev. Kean. "Catholic family annual", 1893.

Rev. J. H. Barrows. "Results of the Parliament of Religions". The Forum, September 1894.

G. D. Boardmann. "The Parliament of Religions". Philadelphia 1803.

M. Zmigrodski. "Kongres Katolicki i Kongres wszech Religij w Chicago 1893 roku." Krakow 1894.

Gen. M. M. Trumbull. "The Parliament of Religions". The Monist, April 1894.

Dr. Paul Carus. "The dawn of a new religious Era". The Forum 1893. The Monist, April 1894.

I.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Adams Street, одна изъ самыхъ бойкихъ улицъ коммерческаго квартала въ Чикаго, выходитъ на Мичиганскій проспектъ, среди большого, еще не застроеннаго луга, между пароходной пристанью съ одной стороны и лѣтнимъ циркомъ съ другой, — отрѣзанное отъ голубого озера чернымъ полотномъ желѣзной дороги высится мраморное зданіе художественнаго музея. Въ этомъ зданіи, которое холоднымъ спокойствіемъ своего античнаго фасада такъ разительно выдѣляется на кипучемъ фонѣ американской суеты, отъ мая до октября происходили засѣданія всемірныхъ конгрессовъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Въ теченіе почти шести мѣсяцевъ, ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ дней, многочисленныя залы музея были полны народа, и иногда въ двадцати залахъ одновременно происходили чтенія, сообщенія, засѣданія. Для самыхъ большихъ, общихъ собраній къ задней сторонѣ зданія, той, которая обращена къ озеру, была сдѣлана деревянная пристройка съ двумя огромными помѣщеніями болѣе, чѣмъ на пять тысячъ человѣкъ каждое. Въ одномъ изъ этихъ деревянныхъ амфитеатровъ, на высокихъ подмосткахъ собирались и возсѣдали члены «Парламента Религій».

Внѣшній видъ помѣщенія поражалъ простотой, а многихъ, принципіальныхъ противниковъ конгресса религій прямо возмущалъ. «Да и на что это похоже, — подобное собраніе дѣлать въ досчатомъ балаганѣ: голыя стѣны, флаги.» Такъ обыкновенно говорилось послѣ того, какъ всѣ возраженія по существу были исчерпаны, и въ заключеніе прибавлялось: «Въ старину такіе предметы обсуждались въ церквахъ.»

— Да вѣдь вы же сами говорили, что это не соборъ.

— Конечно, нѣтъ. Съ буддистами, евреями, магометанами, — конечно, не соборъ.

— Такъ зачѣмъ же вы къ этому собранію предъявляете одинаковыя требованія благолѣпія?

Трудно столковаться съ нѣкоторыми людьми. Когда какое-нибудь явленіе ихъ непріятно поражаетъ новизною своей, они ставятъ ему въ укоръ пренебреженіе старыми формами; а попробуйте это самое явленіе обставить ихъ же любимыми формами, — они завопятъ о поруганіи святыни. Впрочемъ, надо сказать, что только тѣ, кто вообще порицалъ идею религіознаго конгресса, возмущались этой внѣшней стороной; другіе не обращали на нее вниманія. Были нѣкоторые неудобства, вродѣ близости параходнаго свистка, грохота желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и вообще того ужаснаго шума, которымъ живетъ американская улица и который отъ времени до времени суетной, назойливой волной врывался въ залу засѣданій. Но

легко намъ, пріѣхавшимъ туда на нѣсколько недѣль, осуждать устроителей и находить, что они могли бы выбрать лучшее мѣсто. Конгрессы готовились чуть не за четыре года, и, конечно, все, что могло быть сдѣлано, было сдѣлано: земля въ Чикаго такъ дорога, помѣстительныхъ залъ въ домахъ такъ мало, а въ центрѣ города шумъ до того нестерпимъ, что это пустопорожнее мѣсто за стѣной великолѣпнаго просторнаго музея, стоящаго на обширномъ лугу, являлось настоящей находкой. Былъ проэктъ перенести конгрессы въ одно изъ зданій выставки, но противъ этого высказались почти всѣ члены комитета съ предсѣдателемъ Боннэ во главѣ. Имъ непріятно было открывать двери засѣданій той случайной толпѣ, которая, слоняясь по выставкѣ изъ одного зданія въ другое, нигдѣ не останавливалась, а всюду только «заходила»; по крайней мѣрѣ въ настоящемъ помѣщеніи собирались только тѣ, которые дѣйствительно интересовались вопросами. И, какъ мы видѣли, отдаленность музея отъ всѣхъ выставочныхъ развлеченій не имѣла вліянія на численность слушателей: зала всегда была полна, а бывали случаи, когда большой Колумбовскій залъ оказывался малъ; тогда излишекъ публики собирался въ сосѣднемъ Вашингтоновскомъ, и докладчикъ, прочитавъ свой докладъ въ одномъ залѣ, переходилъ въ другой и тутъ повторялъ его. Въ послѣдній день религіознаго конгресса оба амфитеатра были биткомъ набиты, такъ что, читая свои заключительныя привѣтствія, члены конгресса прощались въ два пріема съ десятью тысячами человѣкъ.

Огромная каменная лѣстница музея, какъ паперть греческаго храма, всегда кишѣла народомъ. Тутъ раздавались программы, объявленія, продавались газеты; уличная жизнь безпрепятственно поднималась къ портику и проникала даже въ просторную прихожую, гдѣ толпились любопытные вокругъ столовъ, за которыми продавались книги, брошюры, фотографіи членовъ конгресса, значки и ленточки для пропуска въ залу засѣданій. Эти значки (badge) были, конечно, пустой формальностью, — кто хотѣлъ могъ за ничтожную плату украсить петлицу мѣдной пуговкой или атласной лентой съ серебрянной бахромой, — но эта формальность одна изъ тѣхъ мелочей американской жизни, которыя у нихъ выростаютъ до размѣровъ чего-то значительнаго, безъ чего нельзя обойтись. Американецъ, въ силу законовъ своей страны лишенный всякихъ внѣшнихъ знаковъ отличія, не имѣющій у себя на родинѣ ни титуловъ, передъ которыми могъ бы преклоняться, ни чиновъ, которымъ могъ бы позавидовать, восполняетъ этотъ пробѣлъ, чѣмъ только возможно, и со свойственной ему наивной серьезностью, какъ ребенокъ, играющій въ солдатики, — украшаетъ свою грудь значками обществъ, клубовъ, комитетовъ, а если къ

этому нѣтъ повода, то хотя бы маленькимъ американскимъ флагомъ. Выставка и конгрессы породили своего рода «капитулъ орденовъ»; на выставкѣ была цѣлая витрина съ «баджами»; многіе составляли изъ нихъ коллекціи. Но «баджъ» не давалъ пропуска за дверь большой пріемной залы влѣво отъ прихожей, гдѣ собирались члены конгресса до открытія засѣданій.

Кто, хоть разъ побывавшій тамъ, не помнитъ этой залы? Налѣво при входѣ маленькая дверь частнаго кабинета г. Боннэ. Ласковое лицо почтеннаго предсѣдателя, — странная смѣсь ассирійскаго царя съ библейскимъ патріархомъ, — навсегда останется для всякаго центромъ, вокругъ котораго слагаются воспоминанія этого интереснаго времени. Вниманье и обходительность, съ которыми онъ принималъ имѣвшихъ до него дѣло, до такой степени проникали въ собесѣдника, что заражали самыхъ непривѣтливыхъ людей. Когда подумаешь, что этотъ человѣкъ въ теченіе двухъ лѣтъ изнурявшійся надъ подготовительными работами къ 160 конгрессамъ, которые ему пришлось открывать, ежедневно отъ мая до конца октября проводилъ часовъ пять, шесть въ этой маленькой комнатѣ, гдѣ принималъ всякаго, кто въ немъ нуждался; что всѣ доклады проходили черезъ его руки, — и это не мѣшало ему помнить наизусть заглавія и кто какой докладъ представилъ; когда подумаешь, что его съ утра на части рвали просители, члены конгрессовъ, репортеры и т. д., то обходительность и любезность его становятся поистинѣ подвигомъ. Не помню, чтобы хоть разъ, увидавъ меня сквозь полураскрытую дверь своего кабинета, онъ не вышелъ въ залу и, освѣдомившись, не нужно ли чего, не предложилъ зайти къ себѣ «ну хоть посидѣть, отдохнуть». Эти личныя качества его много спопобствовали установленію добрыхъ отношеній между членами конгресса, заранѣе обезоруживая враждебныя поползновенія разнородныхъ элементовъ. Выходя изъ его кабинета, всякій чувствовалъ себя добрѣе, и непремѣнно всякому хотѣлось тутъ же кому-нибудь отплатить за ту ласку, которую онъ только что испыталъ на себѣ.

Большая пріемная зала никогда не пуста. За длинными столами пишутъ, читаютъ, готовятъ новые доклады, знакомятся, разговариваютъ, обмѣниваются карточками, адресами. Здѣсь американцы и американки осаждаютъ иностранныхъ гостей: кто проситъ написать что-нибудь въ альбомъ, кто проситъ фотографіи, кто преподноситъ книжку, передаетъ приглашенье, кто проситъ постоять передъ кодакомъ. За рѣшеткой — канцелярія, гдѣ, окруженные кипами брошюръ, неустанно работаютъ Мистеръ Іонгъ, главный секретарь и масса помощниковъ и помощницъ. Еще дальше, все въ той же залѣ, новый рядъ

столовъ, — это царство репортеровъ. Здѣсь три главныхъ чикагскихъ газеты, — «Herald», «Tribune» и «Interocean», — устроили временныя конторы[1]). Сотрудники, репортеры, корреспонденты осаждаютъ делегатовъ, выпрашиваютъ себѣ экземпляры докладовъ, а то просятъ высказать мнѣніе о конгрессѣ, о женскомъ вопросѣ, о послѣднемъ торговомъ трактатѣ, и тутъ же за спиной стенографъ заноситъ отвѣты и готовитъ для завтрашняго номера «интервью». Знакомство скоро устанавливается на началахъ взаимопомощи, и черезъ нѣсколько дней вся батарея газетныхъ «тайпрайтеровъ» (печатныхъ машинокъ) къ услугамъ докладчиковъ: въ воздухѣ стоитъ трескотня отъ неугомонныхъ клавишей, и тихій говоръ диктующихъ голосовъ только иногда прерывается звонками и выкриками телефонныхъ разговоровъ. Какъ удивительно пишутъ американскія машинистки подъ диктовку: такъ же быстро идутъ ихъ пальцы, какъ ваша мысль; случалось мнѣ, пока диктую, передумать: скажешь — «виноватъ», а уже это слово попало въ текстъ...

11 сентября утромъ пріемная зала представляла совсѣмъ необыкновенное зрѣлище: въ 10 часовъ было назначено открытіе перваго засѣданія всемірнаго конгресса религій, и всѣ съѣхавшіеся къ этому дню представители собрались здѣсь въ ожиданіи той минуты, когда предсѣдатель пригласитъ ихъ выстроиться и тронуться для слѣдованія въ большую залу засѣданій. Врядъ ли кому когда-нибудь удавалось видѣть собраніе подобное этому. Нужна легкость сообщеній, какою отличается наше время; нужна американская предпріимчивость, убѣжденность въ важности затѣяннаго дѣла, которою горѣли устроители, дерзнувшіе кликнуть кличъ, несмотря на сильное противодѣйствіе со стороны многихъ; нужно то умѣнье задѣть человѣческую душу въ самыхъ жизненныхъ ея стремленіяхъ, которое заставило представителей недвижнаго Востока пуститься въ далекое плаваніе и высадиться на почвѣ Новаго Свѣта; нужна, наконецъ, и сама та американская почва, надъ которой, не смотря на ужасающую рутинность привычекъ, вѣетъ духъ, поощряющій свободное развитіе личности, та американская почва, которая раскрываетъ свои нѣдра для всякаго новаго зерна и которая для каждой идеи найдетъ въ себѣ и подастъ живительный сокъ. Нужна подобная совокупность условій, чтобы собрать подъ одной кровлей и посадить на однихъ подмосткахъ такихъ людей, какъ тѣ, что въ это утро собрались въ большой пріемной. Никогда ни на одной картинѣ вы не видѣли такихъ сопоставленій, такихъ сближеній...

[1]) Ежедневная печать проявила небывалую дѣятельность: были газеты, которыя посвящали засѣданіямъ конгресса религій до десяти столбцовъ въ день.

Вотъ въ красной мантіи кардиналъ Гиббонсъ, — первый кардиналъ изъ американцевъ; съ нимъ разговариваетъ высокій, закутанный въ бѣлые креповые плащи, сингаліецъ съ острова Цейлона: рѣзкія черты смуглаго лица и длинные черными кольцами волосы напоминаютъ древнегерманскую живопись: подумаешь, какой-нибудь тропическій Альбрехтъ Дюреръ. Это представитель цейлонскихъ буддистовъ, секретарь общества Мага-Бгоди, пламенный, любвеобильный и, какъ его прозвали, — «Нѣжный Дгармапала». Вотъ сидитъ въ клобукѣ и черной рясѣ, съ панагіей и крестами на груди, статный, живописный архіепископъ острова Зантэ, преосвященный Діонисій Латасъ, а за его кресломъ стоитъ сопровождающій его діаконъ. Къ нему подходитъ въ оранжевомъ кафтанѣ, съ желтой чалмой, великолѣпная фигура бронзоваго индуса, съ гордой осанкой восточнаго магараджи; это нищенствующій монахъ одной изъ многочисленныхъ индусскихъ сектъ; рослый, плечистый, съ дѣтской наивностью въ горящихъ глазахъ. Онъ ходитъ и осматривается, какъ большой ребенокъ, всему радуется, ничему не удивляется; краснорѣчивый, неизсякаемый, какъ горный потокъ, съ восточной яркостью въ примѣрахъ и какимъ-то былиннымъ причитаніемъ въ незатѣйливыхъ рѣчахъ. Суоми Вивиканада, — это его имя, — сдѣлался однимъ изъ любимцевъ конгресса.

Вотъ дальше сошлись и разговариваютъ нѣсколько японцевъ въ темнаго цвѣта халатахъ съ чѣмъ-то вродѣ омофоровъ изъ яркаго пестраго атласа; между ними буддистъ Кинза-Ріуджъ-Гираи, произведшій сильное впечатлѣніе своей рѣчью о томъ недовѣріи, какое внушаютъ народамъ востока разладъ между началами христіанскаго ученія и дѣйствіями христіанъ на востокѣ. Нѣсколько человѣкъ между ними съ совершенно наголо выбритыми головами: это шинтоистскіе жрецы, привезшіе свое сосредоточенное, невозмутимое спокойствіе и витіеватое братское привѣтствіе «съ береговъ царства восходящаго солнца и вишневыхъ рощъ».

Множество представителей католическаго и протестантскаго духовенства. Между первыми, въ фіолетовой мантіи, съ тонкимъ, умнымъ лицомъ, епископъ Кинъ, ректоръ католическаго университета въ Вашингтонѣ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Америки. Его проницательные глаза привѣтливо смотрятъ изъ-за золотыхъ очковъ, а на губахъ играетъ и силится не проступать наружу легкая улыбка недовѣрія. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ конгресса, но тѣмъ не менѣе за этими золотыми очками какъ будто всегда читалось: «все это очень хорошо, но безъ этого было бы лучше.» Епископъ Давенпортскій Айерландъ считается самымъ сильнымъ церковнымъ ораторомъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Дѣйствительно, онъ потря-

саетъ и увлекаетъ толпу. Но онъ, какъ многіе церковные ораторы въ той странѣ, поражаетъ не только силою своего церковнаго убѣжденія, а также напряженностью своего патріотизма. Эти два теченія у нихъ всегда идутъ вмѣстѣ, и иногда патріотическая нота такъ сильна, что становится непріятна своей чрезмѣрностью; если шовинизмъ всегда непріятенъ, то тѣмъ болѣе въ качествѣ спутника вопросовъ вѣры. Сліянность эта получила тамъ въ Америкѣ свою формулу: «Библія въ одной рукѣ и конституція Соединенныхъ Штатовъ въ другой.» Это, конечно, прекрасно въ начальной школѣ, но мнѣ казалось неумѣстнымъ на всемірномъ конгрессѣ религій. Да, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ кваса нѣтъ, все же есть «квасной патріотизмъ»; носятъ котелки и цилиндры, а все же хотятъ «шапками закидать». И американцы не слѣпы въ этомъ отношеніи; ихъ самокритика сурова, и они даже выдумали слово «джингоизмъ», которое гораздо сильнѣе и безпощаднѣе, чѣмъ «шовинизмъ».

Среди многочисленныхъ представителей протестантскихъ толковъ, — лютеранъ, пресбитеріанцевъ, методистовъ, баптистовъ и т. д., — выдѣляется коренастая, плотная фигура Арнета, епископа африканской методической церкви, изъ негровъ; это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ораторовъ, какихъ мнѣ довелось слышать. Пылкій, говорящій всегда подъ впечатлѣніемъ минуты, какъ подвернется ему слово, какъ скажется, онъ производитъ впечатлѣніе импровизатора, онъ не способенъ держаться программы. Даже, когда лежитъ передъ нимъ писанный текстъ, онъ обыкновенно оставляетъ его «до другого раза» и продолжаетъ о чемъ-нибудь совершенно иномъ. Особенный юморъ, свойственный его расѣ, проникаетъ его рѣчь и часто заставляетъ неудержимо смѣяться, а горячій, пламенный духъ всеобъемлющаго, всепокрывающаго уваженія къ хорошимъ сторонамъ человѣческой природы безъ различія племенъ, народностей, сословій, религій, — подымалъ пятитысячную толпу и сквозь смѣхъ и слезы заставлялъ ее сливаться въ неистовомъ выраженія восторга. Не помню, чтобы когда-либо на моихъ глазахъ ораторъ бывалъ предметомъ такой бури кликовъ и рукоплесканій, — явленіе тѣмъ болѣе знаменательное, что въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на великій актъ освобожденія негровъ изъ рабства, противъ нихъ существуетъ сильное общественное предубѣжденіе. Между ними есть выдающіеся люди, но ихъ какъ-то не видать, съ ними не знакомы, а обыкновенный негръ, котораго встрѣчаешь на улицѣ и въ домахъ, это классъ прислуги: «мой негръ» значитъ — «мой лакей». На конгрессѣ ярко обозначилось, что «негръ» значитъ «человѣкъ».

А вотъ еще одинъ изъ «нашихъ восточныхъ друзей». Одѣтый по европейски, въ сюртукѣ, только съ бархатной индус-

ской ермолкой, скромный, тихій, но обоятельный по духовной высотѣ, какая сквозила въ каждомъ его словѣ. Это Нагака, представитель браминской секты брамо-сомаевъ изъ Бомбея.

Очень между всѣми выдѣляется еще одинъ человѣкъ, — маленькій, приземистый, лѣтъ подъ пятьдесятъ, въ длинномъ сюртукѣ съ огромной всклокоченной головой, съ взъерошенной бородой. Это Дженкинъ Джонсъ, пасторъ-унитаріанецъ, секретарь подготовительнаго комитета, одна изъ самыхъ типическихъ фигуръ конгресса. Онъ врѣзался въ память всякому, кто хоть разъ его видѣлъ; его зоркіе, жгучіе глаза изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей проникали вамъ въ душу; его мягкость и нѣжность навсегда расположили васъ къ нему; его голосъ, убѣжденный, убѣдительный долго звенитъ въ вашихъ ушахъ, а рѣчь его, — если только когда-нибудь его простая, суровая рѣчь коснулась васъ, — она, какъ необузданная лава, затопила ваше сердце. Словно какой-то ураганъ любви вѣчно подымалъ этого сына природы, этого пахаря съ библіей въ рукахъ.

Въ то утро, впрочемъ, характеристики разныхъ представителей еще мало обозначаются; происходятъ пока знакомства, представленія, привѣтствія. Стоитъ говоръ на всевозможныхъ языкахъ, и это разнорѣчіе, притекшее со всѣхъ концовъ земли я сливающееся въ одинъ оживленный гулъ, для того чтобы иговориться и столковаться по важнѣйшимъ вопросамъ человѣческаго сожительства, невольно представляется какимъ-то столпотвореніемъ вавилонскимъ въ обратную сторону, — не для разсѣянія, а для возсоединенія «языковъ».

Въ числѣ гостей нѣсколько дамъ. Красивая госпожа Потеръ Пальмеръ, предсѣдательница женскаго отдѣла всемірныхъ конгрессовъ, въ лиловомъ платьѣ, разговариваетъ съ кардиналомъ въ ожиданіи того, когда онъ подастъ ей руку, чтобы открыть шествіе.

Двѣ старыя дамы особенно рѣзко выдѣляются. Одна, маленькая скромная старушка съ серебристыми локонами, висящими изъ-подъ шляпы, — это госпожа Бичеръ-Хукеръ, сестра Бичеръ-Стоу, автора «Хижины Дяди Тома». Другая, высокая, стройная, съ гордой осанкой, съ великолѣпнымъ профилемъ серьезнаго лица. Ея прямой, свѣтлый взоръ изъ-за золотыхъ очковъ всегда смотритъ выше толпы. Она лучшій ораторъ изъ женщинъ въ Америкѣ, предсѣдательница безчисленнаго количества обществъ. Это — Сюзанъ Антони, неутомимая поборница женскаго голосованія и женскаго представительства въ парламентѣ.

Женское участіе въ конгрессахъ было весьма значительно. При конгрессѣ религій состояло 16 комитетовъ, съ 174 членами, изъ женщинъ. Характерную и чисто американскую осо-

бенность составляютъ женщины-пасторы. Приблизительно съ половины столѣтія нѣкоторыя протестантскія конгрегаціи, одни съ большими, другія съ меньшими ограниченіями открыли женщинамъ доступъ къ церковной каѳедрѣ, и теперь женщина-пасторъ пользуется полнымъ правомъ гражданства. Какъ ни странно сначала казалось намъ видѣть, какъ такая «рукоположенная» дама призывала благословеніе Божіе на присутствующихъ, но не могу не помянуть съ чувствомъ глубокаго уваженія тѣхъ изъ нихъ, съ которыми пришлось впослѣдствіи познакомиться лично. Одною изъ выдающихся представительницъ своей касты по уму и краснорѣчію была Миссъ Ида Хольтинъ, пасторъ унитаріанской церкви въ Молинѣ, маленькомъ городкѣ на рѣкѣ Миссиссипи. . .

Общая картина этой залы кажется чѣмъ-то такимъ новымъ, такимъ удивительнымъ, что не находитъ себѣ сравненія, не пріурочивается ни къ чему уже извѣстному. Нуженъ новый Веронезъ, чтобы изобразить эту пеструю толпу, разгуливающую и разговаривающую въ высокихъ хоромахъ, среди снимковъ съ древнихъ греческихъ и римскихъ изваяній.

До десяти остается лишь нѣсколько минутъ. Изъ кабинета господина Боннэ выходитъ докторъ Барроусъ, пасторъ пресбитеріанской церкви, предсѣдатель открывающагося конгресса, тотъ, кому принадлежала первая мысль о его созваніи. Его шекспировская голова озираетъ пестрыхъ гостей; на высокомъ лбу видно торжество и безпокойство. Онъ проситъ присутствующихъ выстроиться попарно, и черезъ пять минутъ шествіе трогается. Гости вытягиваются длинной вереницей; конецъ шествія еще въ прихожей, еще огибаетъ мраморную статую «Потерянной Плеяды», произведеніе скульптора Роджерса, когда изъ залы долетаетъ далекій шумъ рукоплесканій, привѣтствующихъ кардинала, архіепископа и всѣхъ, кто во главѣ процессіи уже вступаетъ на подмостки. Гости усаживаются на своихъ именныхъ мѣстахъ; президентъ Боннэ, среди все еще не умолкающихъ рукоплесканій, подходитъ къ каѳедрѣ. Мгновенно все утихаетъ, и при глубокомъ молчаніи падаетъ сухой ударъ предсѣдательскаго молотка: «Объявляю первый всемірный конгрессъ религій' открытымъ.»

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за тѣмъ, что происходило на этихъ подмосткахъ въ теченіе семнадцати дней. Мы видѣли, какова была внѣшняя обстановка, познакомились съ наиболѣе выдающимися лицами, — мы видѣли рамку и картину. Оставимъ теперь наши зрительныя впечатлѣнія и постараемся собрать и связать воедино обильныя и поучительныя впечатлѣнія нравственнаго порядка: изъ совокупности ихъ и тѣхъ соображеній, которыя ими вызываются, выступитъ и внутренній смыслъ конгресса.

II.

Если бы насъ попросили двумя словами очертить, какъ главныя начала, животворившія дѣятельность этого собранія, такъ и главныя начала, имъ провозглашенныя, мы бы сказали: единеніе и единство. Единеніе — какъ присущее каждому человѣку стремленіе, сила, энергія; единство — какъ присущее всему человѣчеству неотъемлемое свойство. Единеніе — какъ путь къ достиженію человѣчествомъ цѣли его общей жизни; единство — какъ уже достигнутая часть той цѣли, къ которой оно стремится. Единеніе — какъ двигательный инстинктъ, понуждающій идти къ чему-то неосуществившемуся; единство — какъ природное ручательство, что оно не можетъ не осуществиться. Единеніе — какъ способъ жизни; единство — какъ аксіома жизни. Съ точки зрѣнія перваго изъ этихъ двухъ началъ конгрессъ долженъ представиться намъ, какъ попытка, усиліе; на почвѣ второго встанетъ вопросъ о пользѣ и послѣдствіяхъ его. Постараемся сказанное нами прослѣдить на фактахъ.

Въ теченіе всей недѣли, предшествовавшей только что описанному торжественному открытію всемірнаго конгресса религій, въ разныхъ залахъ музея происходили засѣданія частныхъ религіозныхъ конгрессовъ. Кому привелось побывать въ этихъ засѣданіяхъ, гдѣ собирались отдѣльные представители многочисленныхъ и разнообразныхъ церквей и вѣроученій, тому не могла не броситься въ глаза одна особенность. Заходилъ онъ въ католическій конгрессъ, — въ пламенныхъ рѣчахъ, дышавшихъ любовью и забвеніемъ человѣческихъ разностей, присутствующіе призывались любить своихъ ближнихъ во имя своей церкви. Заходилъ онъ въ лютеранскій конгрессъ, — вдохновенные любовью и всепрощеніемъ проповѣдники именемъ лютеранской церкви убѣждали паству любить своихъ ближнихъ, пренебрегая человѣческими разностями. Заходилъ онъ въ другіе, болѣе частные конгрессы, болѣе дробныхъ подраздѣленій, всюду слышалъ онъ то же самое: всюду тѣ же высокія слова, вдохновленныя тѣми же высокими чувствами, провозглашали тѣ же самыя высокія начала. Ни разу никто изъ говорившихъ не забылъ, что, принадлежа къ своей церкви, онъ не перестаетъ принадлежать человѣчеству; что личныя его вѣрованія, причисляющія его къ той или другой церкви, не обособляютъ его отъ общечеловѣческаго братства и что его церковь есть не болѣе какъ исходная точка, центръ для постояннаго, безпредѣльнаго расширенія души, основаніе, на которомъ онъ становится для общаго служенія единому дѣлу.

Вотъ что не могло не броситься въ глаза всякому, кто въ теченіе этой первой недѣли посѣщалъ отдѣльныя засѣданія

малыхъ конгрессовъ. И въ концѣ недѣли всякій долженъ былъ спросить себя: почему же всѣ эти люди, говорящіе однимъ языкомъ, говорятъ въ разныхъ комнатахъ, почему не сойдутся вмѣстѣ, не сольютъ свои разрозненные голоса? Если они проповѣдуютъ одинаковыя начала во взаимноотношеніяхъ людей, то почему же они не провозглашаютъ ихъ во имя той единой правды, которая ихъ всѣхъ животворитъ? Зачѣмъ они останавливаются на подраздѣленіи, вмѣсто того чтобы восходить къ цѣлому? Зачѣмъ отъ своего частнаго, раздѣльнаго, единичнаго они не перейдутъ на почву общаго, недѣлимаго, единаго? Тотъ сближающій инстинктъ, о которомъ мы говорили, не могъ не проснуться въ каждомъ изъ присутствующихъ; то стремленіе къ единенію, которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ, должно было разгорѣться подъ вліяніемъ видѣннаго и слышаннаго; это было неминуемо; оно до такой степени носилось въ воздухѣ, что намъ иногда казалось, что, если бы не были созваны представители со всѣхъ концовъ земли, то и безъ этого всѣ эти частные конгрессы стянулись бы въ одинъ: и самъ собой, прямо силою вещей состоялся бы общій религіозный конгрессъ.

Но 11 сентября единеніе сказалось въ такихъ размѣрахъ, которые превысили всякія предположенія. Участіе иновѣрцевъ въ конгрессѣ и, главнымъ образомъ, та равноправность, въ которую, благодаря полной свободѣ слова, они были поставлены рядомъ съ христіанами, смущали многихъ. Еще задолго до открытія конгресса одна мысль объ этомъ внушала недовѣріе. Извѣстно, что епископъ Кэнтерберійскій наотрѣзъ отказалъ въ участіи англиканской церкви въ подобномъ собраніи. Заслуживаетъ вниманія главный изъ его доводовъ: представители христіанства не должны сидѣть рядомъ съ иновѣрными представителями. Тутъ, говоритъ онъ, дѣло не въ томъ, которая религія выше, или которой дать первенство, а христіанство не можетъ быть разсматриваемо наравнѣ съ другими религіями, — христіанство не есть одна изъ религій, а единственная религія. Совершенно не касаясь абсолютной высоты той или другой религіи, мы только хотѣли бы спросить епископа англиканской церкви, во имя чего онъ запретитъ каждому иновѣрцу сказать о своей религіи то же самое? Если бы онъ черпалъ доводы къ своему порицанію въ предписаніяхъ той религіи, которую онъ исповѣдуетъ, тогда, ясное дѣло, онъ былъ бы правъ и всѣ участвовавшіе въ конгрессѣ христіане оказались бы погрѣшившими противъ христіанства. Но онъ этого не дѣлаетъ, онъ не ищетъ возраженій въ существѣ христіанства (да и врядъ ли бы онъ нашелъ ихъ на страницахъ той книги, которая повѣствуетъ о милосердомъ самарянинѣ), а онъ основывается исключительно на своей вѣрѣ въ безусловное первенство исповѣдуемой имъ религіи и при этомъ забываетъ, что на этой

почвѣ всякій иновѣрецъ имѣетъ съ нимъ равныя права. Опять-таки, не касаясь абсолютнаго значенія той или другой религіи, можно спросить: развѣ магометанинъ не точно такъ же убѣжденъ въ безусловномъ первенствѣ исповѣдуемой имъ вѣры? Индусъ точно также можетъ сказать, что браминизмъ есть единственная религія, и въ глазахъ буддиста христіанство есть лишь одна изъ религій.

Мнѣніе епископа Кэнтерберійскаго раздѣляли многіе и въ Соединенныхъ Штатахъ. Очень рѣзко высказался Кливелендъ Коксъ, католическій епископъ западной Нью-Йоркской епархіи. Онъ сильно осуждалъ устроителей конгресса, пригласившихъ язычниковъ присутствовать въ собраніи, изъ котораго они о христіанствѣ ничего не узнаютъ, а только воочію убѣдятся въ раздѣленіи христіанской семьи. «Вы только вселите въ нихъ увѣренность, что христіанство, пригласивъ ихъ, отказывается отъ всякихъ притязаній на божественное откровенье.» Странно въ устахъ епископа такое недовѣріе къ своимъ единовѣрцамъ. Почему же онъ думаетъ, что христіане окажутся слабѣе иновѣрцевъ; почему онъ убѣжденъ, что буддистъ, напримѣръ, въ полученномъ имъ приглашеніи усмотритъ, такъ сказать, капитуляцію христіанства, когда христіанинъ не усмотрѣлъ никакой уступки со стороны буддиста въ томъ фактѣ, что онъ принялъ приглашеніе? Намъ приходилось слышать много возраженій, но ни одно не коренилось въ предписаніяхъ христіанскаго ученія; они всѣ были общаго характера; опасенія, которыми они внушены, и доводы, на которые опирались, одинаково имѣли бы значеніе и на почвѣ иновѣрныхъ религій. Затѣмъ, относительно возраженій со стороны представителей католичества, надо и то сказать, что участвовавшіе въ конгрессѣ епископы-католики и самъ кардиналъ Гиббонсъ вѣдь сдѣлали это не безъ благословенія папы. Почему же находятся такіе, которые «больше роялисты, чѣмъ король»? Левъ XIII отнесся къ американской попыткѣ, какъ къ затѣѣ: «Такія вещи возможны только въ Америкѣ»[1]). Но въ его скептицизмѣ было благодушіе, и, конечно, онъ не осуждалъ тѣхъ епископовъ, которымъ разрѣшилъ.

Были и другого рода возраженія, направленныя не на большую или меньшую благопристойность созыва подобнаго собранія, а на нежелательность могущихъ произойти послѣдствій. Ставилось на видъ, что подобное сопоставленіе вѣроученій должно имѣть слѣдствіемъ нѣкоторое общее колебаніе вѣры, какъ бы нивелировку религіознаго чувства. Впрочемъ, сами факты доказали неосновательность такихъ опасеній. До-

[1]) Было сказано княгинѣ Маріи Аполлинаріевнѣ Барятинской, когда она была на аудіенціи.

статочно познакомиться съ докладами делегатовъ по возвращеніи каждаго на родину, чтобы удостовѣриться, что они оставили конгрессъ съ полной увѣренностью въ торжествѣ каждый своего вѣроученія. Но со стороны христіанъ подобныя опасенія прямо непонятны. Вѣдь, чѣмъ глубже человѣкъ убѣжденъ въ божественности своей религіи, тѣмъ менѣе, казалось бы, слѣдуетъ ему бояться сравненій, сопоставленій и вообще всякой гласности. Кому же, какъ не христіанамъ, должно быть извѣстно, что «свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьмѣ не объять его»[2])? Можно спорить о цѣлесообразности подобнаго собранія, но нельзя его осуждать, а разъ оно состоялось, нельзя закрывать глаза на то вліяніе, которое оно имѣло, и на уроки, которые оно дало, какъ иновѣрцамъ, такъ и христіанамъ.

Развернувшаяся передъ нами въ то памятное утро картина, поучительная своимъ видомъ, была не менѣе знаменательна по своему смыслу. Никогда внутреннія раздѣленія нашей христіанской семьи не выступали такъ ярко, такъ наглядно, и рѣдко приходилось христіанамъ такъ совѣститься того недовѣрія другъ къ другу, которое закралось въ ихъ взаимныя отношенія вслѣдствіе религіозныхъ усобицъ. Въ этомъ случаѣ американская почва представляетъ, можетъ быть, еще болѣе благопріятное поле, чѣмъ могла бы явить какая-нибудь другая страна. Врядъ ли существуетъ гдѣ-нибудь столько религіозныхъ подраздѣленій, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. До какихъ предѣловъ доходитъ это дробленіе, можно видѣть изъ того, что однѣхъ протестантскихъ сектъ или, какъ онѣ тамъ называются, церквей — 136. Понятно, что при такой численности не можетъ быть много существенныхъ разницъ, а между тѣмъ различныя «деноминаціи» настойчиво разграничиваются, ихъ придерживаются очень строго, и онѣ глубоко вселяютъ въ сознаніе людей убѣжденіе въ томъ, что они отличны другъ отъ друга. Принадлежащій къ «Протестантской Церкви Соединенныхъ Штатовъ» считаетъ, что онъ нѣчто отличное отъ того, кто принадлежитъ къ «Протестантской Церкви Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Странно, что то самое, что при возникновеніи своемъ является результатомъ широкой свободы вѣроисповѣданія, то въ дальнѣйшемъ практическомъ развитіи приводитъ къ узкой тиранніи сектантства. Вѣдь, свобода совѣсти не заключается въ томъ, что мы за каждымъ признаемъ право

[2]) Тотъ единичный случай перехода одного христіанина въ буддизмъ, на который ссылаются недоброжелатели конгресса (указываетъ на него и г. Соколовъ въ вышеупомянутой статьѣ), опять-таки не можетъ быть выставляемъ, какъ примѣръ ущерба, нанесеннаго христіанству. Онъ лишь доказываетъ, что до своего гласнаго перехода въ буддизмъ это лицо было христіаниномъ по имени; численность христіанской семьи отъ его «формальнаго» отпаденія не уменьшилась, какъ не увеличивала ея его «офиціальная» къ нему принадлежность.

вѣровать, какъ онъ можетъ (этого, кажется, и признавать нечего, ибо тутъ чужое приказаніе или запрещеніе одинаково безсильны); а свобода совѣсти заключается въ томъ, что, какъ бы ни вѣровалъ человѣкъ, мы его считаемъ такимъ же человѣкомъ, какъ и мы, и не понижаемъ его нравственнаго ценза соотвѣтственно степени различія его вѣрованій съ нашими и не позволяемъ тому мнѣнію, которое мы имѣемъ о его вѣрованіи, становиться непроходимой стѣной между его внутренней природой и нашей. Тогда, конечно, всѣ личныя колебанія и различія въ вѣрованіяхъ каждаго отдѣльнаго человѣка хоронятся на днѣ души, становятся чѣмъ-то неприкосновеннымъ. Тамъ же, въ Америкѣ, наоборотъ. Все сейчасъ выходитъ наружу, тотчасъ кристаллизуется, складывается, и, если не можетъ пристать ни къ чему уже существующему, становится зародышемъ новой конгрегаціи, основаніемъ для новой «церкви». Различіе со старой «церковью», той, отъ которой человѣкъ отдѣляется, самое незначительное, незамѣтное, но оно обострилось на какомъ-нибудь жгучемъ въ данную минуту вопросѣ, — и вотъ, принципъ разъединенія еще разъ торжествуетъ, и почва возможнаго сближенія опять уходитъ изъ-подъ ногъ. Члены одной семьи принадлежатъ къ различнымъ конгрегаціямъ; въ школахъ не можетъ быть общаго преподаванія Закона Божія, потому что пришлось бы держать на каждый классъ чуть не столько законоучителей, сколько учениковъ.

Удивительно, что люди могутъ учиться вмѣстѣ, работать вмѣстѣ, вмѣстѣ играть и во всемъ чувствовать себя товарищами, а какъ только дѣло доходитъ до вѣры въ Бога, того Бога, который повелѣваетъ всякаго признавать своимъ ближнимъ, такъ въ нихъ вселяется убѣжденіе, что они отличны другъ отъ друга и, собственно, не могутъ быть товарищами. И вотъ, товарищество между людьми и чувство человѣческаго братства являются уже не слѣдствіемъ предписанія религіи, а какъ бы въ видѣ уступки необходимости, какою-то контрабандой подъ страхомъ обвиненія въ отступничествѣ; братство является элементомъ позитивизма въ религіозной метафизичности.

Мы сказали, что Америка представляетъ исключительную почву для наблюденія подобнаго рода явленій. Мы не хотѣли этимъ сказать, что они нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не существуютъ; только въ Америкѣ, благодаря дробности дѣленій и скученности ихъ, особенно какъ-то бросается въ глаза то, что при болѣе крупныхъ масштабахъ ускользаетъ отъ вниманія. Но, глядя на всѣ эти мелкія дѣленія, невольно переносишься мыслями къ болѣе крупнымъ, и все думается: что бы людямъ хотя бы на одномъ сойтись, — что они живутъ не для того, чтобы ходить въ ту или иную церковь, а что въ церковь они

ходятъ для того, чтобы научиться жить. Вѣдь, движеніе человѣчества не изъ жизни въ церковь, а черезъ церковь въ жизнь. Если бы только почаще думали о томъ, что встрѣчаться съ ближнимъ приходится въ жизни, а не въ церкви, какъ незначителенъ показался бы намъ (конечно, не съ точки зрѣнія личной, а съ точки зрѣнія человѣческаго общежительства) вопросъ, — изъ какой церкви они вышелъ для того, чтобы встрѣтиться съ нами въ этой самой жизни, и какимъ бы оскорбленіемъ звучало для насъ самихъ, если бы на каждомъ шагу насъ спрашивали: изъ какой церкви ты вступаешь въ жизнь? Не будемъ мы приставать къ ближнему съ этимъ вопросомъ: вѣдь, онъ для насъ не важенъ; онъ важенъ для него, но не для насъ. Нѣтъ, «руки прочь» отъ чужой совѣсти, — это единственное средство успѣшнаго единенія, ибо каждый разъ, какъ мы спрашиваемъ ближняго, къ какой онъ церкви принадлежитъ, мы поднимаемъ стѣну между его совѣстью и нашей. Перегородокъ между людьми и такъ ужъ много, а тутъ мы еще воздвигаемъ ихъ на той самой почвѣ, на которую становимся во имя любви къ Богу и изъ которой черпаемъ предписанія любви къ ближнему[1]).

Вотъ почему нельзя было не радоваться всякой попыткѣ сблизить людей, несмотря на существованіе перегородокъ; ибо, по выраженію одного изъ армянскихъ представителей въ конгрессѣ, «религіозныя разности, какъ ледяныя стѣны, встаютъ между людьми, но и какъ ледяныя же стѣны, онѣ должны растаять подъ лучами любви». А любовь можетъ жить во всякомъ сердцѣ и согрѣвать всякую душу, безъ различія племени, народности, сословія, религіи. Подумайте, какъ низко должны были пасть преграды, раздѣляющія какого-нибудь методиста отъ пресбитеріанца, когда они увидѣли рядомъ на одной платформѣ — православнаго архіепископа съ индусскимъ монахомъ, католическаго епископа съ китайскимъ послѣдователемъ Конфуція. Эти люди могли бы не говорить, — они были достаточно краснорѣчивы своимъ совмѣстнымъ бытіемъ; намъ не случалось никогда видѣть болѣе яркаго и простого изображенія идеи въ лицахъ. Словами Цицерона можно было о нихъ

[1]) Перечитывая эти строки теперь, черезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ того, какъ онѣ были написаны, долженъ прибавить, что это была первая моя робкая попытка печатно прикоснуться къ вопросамъ свободы вѣроисповѣданія. Впослѣдствіи я къ нимъ подошелъ подробнѣе и смѣлѣе; но тогда у насъ въ Россіи о нихъ писать было почти невозможно, и наблюденіе за американскими условіями давало удобную «ширму». Однако и эта скромная моя попытка вызвала неодобренія и нареканія; сильно ополчился въ своей газетѣ «Гражданинъ» извѣстный представитель «охранительнаго» направленія князь Мещерскій. О томъ, какъ стояли эти вопросы въ тогдашней Россіи, какъ къ нимъ относилось общественное мнѣніе и представители государственности, говорю подробно въ главахъ IV, V, VI, VII и VIII слѣдующей части моихъ воспоминаній («Родина»).

сказать: «Cum tacent, clamant.» Это было молчаливое, но громкое провозглашеніе единенія, того начала единенія, живущаго въ человѣкѣ, которое никакія теоріи не способны затоптать, никакія раздѣленія не способны пресѣчь, того единенія, которое прорветъ покровы человѣческихъ разностей, перешагнетъ черезъ перегородки, дѣлящія человѣческую семью, разсѣетъ недовѣріе, поддерживаемое цѣною искаженія истины, очиститъ человѣческую совѣсть отъ ржавчины предубѣжденія, освободитъ душу отъ гнета духовной косности и, разогнавъ страхъ предъ установившимся обычаемъ, откроетъ просторъ человѣческой любви...

III.

Такимъ представляется конгрессъ религій, если взглянемъ на него, какъ на усиліе, на результатъ извѣстныхъ стремленій. Нашему вниманію подлежали тѣ побужденія человѣческаго духа, которыя подвигнули людей собраться, слѣдовательно, обусловили осуществленіе конгресса; передъ нами выступили тѣ силы, дѣйствіе которыхъ предшествовало собранію, такъ сказать, входящія силы конгресса. Посмотримъ теперь, какая же его исходящая сила.

Мы сказали, что всѣ эти люди различныхъ племенъ, народностей, религій могли бы даже не говорить, — такъ они были краснорѣчивы однимъ своимъ появленіемъ. Но они не остались молча сидѣть; и вотъ, изъ разнообразія ихъ рѣчей, вызванныхъ духомъ единенія, стало обрисовываться присущее человѣчеству единство. Очевидно, что, если одинъ и тотъ же призывъ могъ оказаться достаточно сильнымъ, чтобы поднять каждаго изъ нихъ въ отдѣльности ради общаго интереса, то и въ природѣ каждаго изъ нихъ должна быть одна общая почва, въ которой этотъ интересъ коренится. Элементы единства, такимъ образомъ, представляются съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны — присущая людской природѣ одинаковость, отъ которой, несмотря ни на какія личныя, общественныя, политическія, религіозныя обособленія и уклоненія, ни одинъ человѣкъ не можетъ уйти, пока живетъ на землѣ. Съ другой стороны — единство, какъ дѣйствующая въ людяхъ мыслительная сила, работающая надъ выдѣленіемъ изъ личнаго міросозерцанія и проведеніемъ въ жизнь такихъ правилъ человѣческаго общежительства, которыя, несмотря на различія общественныхъ, политическихъ, религіозныхъ законодательствъ, обезпечиваютъ людямъ равноправіе передъ единымъ закономъ нравственнымъ. Въ первомъ случаѣ единство представляется, какъ нѣчто данное, фундаментъ, на которомъ человѣчество живетъ; это то единство, которое нашло себѣ выраженіе въ библейскомъ указаніи на происхожденіе рода человѣческаго отъ Адама и Евы.

Во второмъ случаѣ — единство, не какъ данное, а какъ предписаніе, не какъ фундаментъ, а само зданіе, которое человѣчество на этомъ фундаментѣ воздвигаетъ; это то единство, которое нашло себѣ выраженіе въ евангельской притчѣ о милосердомъ самарянинѣ.

Вотъ тѣ формулы, на которыя мы можемъ расчленить понятіе человѣческаго единства. Въ яркой обрисовкѣ ихъ, въ провозглашеніи ихъ съ характеромъ очевидности и обязательности заключается то, что мы назвали исходящей силою конгресса. Если мы изъ всего разнообразія произнесенныхъ тамъ рѣчей выдѣлимъ общее, одинаковое, передъ нами неотразимо встанетъ принципъ человѣческаго единства, какъ истина, лежащая въ основѣ ихъ всѣхъ, какъ центръ, въ которомъ сливались всѣ проповѣдническія усилія говорившихъ.

Но здѣсь надо замѣтить, что главная убѣдительная сила конгресса заключается не столько въ томъ, что эти истины провозглашались собраніемъ, сколько въ томъ, что онѣ какъ бы сами собой выдѣлялись, исходили отъ него, даже какъ будто помимо стараній участниковъ, независимо отъ текста рѣчей, ибо съ текстомъ той или другой рѣчи можно было соглашаться или не соглашаться; тѣ же соображенія, которыя мы привели выше, — очевидность человѣческаго единства и обязательность проистекающихъ отсюда предписаній въ отношеніяхъ людей другъ къ другу, — прямо логически вставали передъ сознаніемъ всякаго, безъ различія философской подготовки, даже умственнаго развитія. Урокъ былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе былъ чуждъ преднамѣренности. Вѣдь, эти люди не сговаривались заранѣе, не готовили себѣ общей почвы; каждый говорилъ отъ себя и за себя, и совокупность впечатлѣній не являлась совокупностью усилій, напротивъ, — разрозненность усилій привела къ разоблаченію единаго общаго начала человѣческой природы и поставила людей лицомъ къ лицу съ тѣми сторонами ихъ души, которыя у нихъ одинаковы, помимо той страны, гдѣ они выросли, тѣхъ звуковъ, въ которыхъ вылился ихъ языкъ, тѣхъ рамокъ, въ которыя уложились ихъ общественный и государственный строй, наконецъ, — тѣхъ вѣрованій, въ которыхъ слились ихъ понятія, — истинныя или ложныя, — о Творцѣ вселенной и объ отношеніяхъ къ нему человѣка.

Японская пословица говоритъ: «Много тропинокъ ведетъ на гору, но, когда взберешься на вершину, все та же самая луна видна.» Другой заслуги конгресса нечего искать: степень заслуги того или другого урока измѣряется степенью потребности въ немъ; а врядъ ли есть урокъ, въ которомъ люди нуждаются больше, чѣмъ въ урокѣ человѣческаго единства. Все развитіе современнаго человѣка, весь строй совре-

менной жизни какъ бы направлены къ тому, чтобы заставить забыть принципъ единства. И врядъ ли когда это забвеніе проявлялось съ такой беззастѣнчивой, почти забавной наглядностью, какъ въ первыхъ засѣданіяхъ конгресса.

Никогда не забуду удивленныхъ лицъ въ публикѣ, когда впервые заговорили представители Востока. Люди въ невиданныхъ одѣяніяхъ, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица, выходцы изъ сказочныхъ странъ, провозглашаютъ начала взаимнаго уваженія, проповѣдуютъ правила нравственности, понятія добра и зла, которыя мы всегда считали своей исключительной собственностью; и ихъ рѣчь, красивая, картинная, увлекательная, придаетъ какую-то совсѣмъ новую прелесть этимъ старымъ истинамъ. Только удивлялись слушатели не этой новизнѣ, а всему тому знакомому, что эта новизна изобличала. Казалось, естественно было бы предположить, что присутствующіе скорѣе заинтересуются разностями этихъ отдѣльныхъ представителей, — нѣтъ, открытіе сходственныхъ сторонъ было такъ неожиданно, шло до такой степени въ разрѣзъ съ обычными нашими понятіями о «ближнемъ» нашемъ, разъ онъ иначе говоритъ и молится, чѣмъ мы, что все это на первыхъ порахъ вызвало недоумѣніе. Поразительно въ людяхъ незнаніе и забвеніе основныхъ чертъ человѣческой природы. Но еще болѣе поразительно то, что, когда мы наталкиваемся на живые примѣры, подтверждающіе принципъ человѣческаго единства, когда мы встрѣчаемъ иновѣрца или иностранца, являющаго тѣ же самыя свойства души, какія мы привыкли уважать въ нашихъ единовѣрцахъ и единоплеменникахъ, мы не только раскрываемъ удивленные глаза, но вмѣсто того, чтобы устыдиться нашего незнанія, нашей узости, нашихъ предубѣжденій, мы, въ порывѣ какой-то умиленной снисходительности, даруемъ ближнему наше одобреніе, мы радуемся, какъ открытію, тому, что онъ на насъ похожъ, тогда какъ намъ бы слѣдовало скорбѣть о томъ, что мы забыли, что сами похожи на него, и этимъ забвеніемъ уже въ извѣстной степени утратили права на сходство.

Да не только «наши восточные друзья» возбуждали недоумѣніе. Однажды мнѣ пришлось прочитать докладъ, въ которомъ я остановился на тѣхъ вопросахъ, о которыхъ говорилъ выше. И вотъ, по окончаніи доклада подходитъ ко мнѣ американка и съ выраженіемъ неописаннаго удивленія говоритъ, что она никакъ не ожидала услышать такія рѣчи отъ русскаго.

— Почему же не ожидали?

— Потому что я всегда считала, что это американскія идеи.

— Американскія! Вѣдь, онѣ такъ же мало американскія, какъ и русскія. . .

Однако, слѣдуетъ ли всѣ эти знаки удивленія принимать, какъ характерные признаки только американскаго народа? Не то ли самое чувство говоритъ въ тѣхъ нѣмцахъ, которые утверждаютъ, что лишь по ошибкѣ Провидѣнія колыбель Шекспира стоитъ не на Рейнѣ. Не то же ли самое чувство водило рукой знаменитаго французскаго ученаго, который начинаетъ научный трактатъ словами: «La chimie est une science française?» Не то ли самое чувство, не та ли самая слѣпая вѣра въ абсолютную правду, — если можно такъ выразиться, въ «единственность» своей національной идеи воодушевляетъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые, въ стремленіи пригибать вселенскія истины къ частнымъ потребностямъ, объясняютъ, что подъ плодородной почвой въ притчѣ о сѣятелѣ надо разумѣть землю русскую[1])? Не это ли чувство проникло въ сознаніе и заразило самую мыслительную способность тѣхъ писателей, которые въ наши дни говорятъ о національномъ христіанствѣ и не видятъ внутренняго противорѣчія подобнаго сочетанія словъ, не понимаютъ, что сказать «національно-христіанскій» это все равно, что сказать «временно-вѣчный» или «мѣстно-всемірный».

Конечно, личныя мнѣнія и убѣжденія того или другого человѣка составляютъ его неприкосновенную собственность и, какъ сила, опредѣляющая его внутренній ростъ, никого не касаются. Но, къ сожалѣнію, они опредѣляютъ не одно его личное развитіе, а и отношенія его къ другимъ людямъ; и здѣсь извѣстныя убѣжденія становятся не только логически ошибочными, но и этически жестокими. Такими ошибочными явились передъ конгрессомъ убѣжденія, воодушевлявшія тѣхъ нѣсколькихъ ораторовъ, которые огласили это собраніе мира и любви словами нетерпимости и злобы. Ихъ было немного (и къ стыду нашему эти немногіе были изъ христіанъ), но воспоминаніе о нихъ болѣзненно врѣзалось въ сознаніе присутствовавшихъ. Часто удивлялся я, какъ это христіанскія слова, христіанскіе тексты могутъ быть приводимы для того, чтобы возбуждать нехристіанскія чувства. Все хотѣлось имъ сказать, что, если по ихъ мнѣнію они не погрѣшаютъ противъ христіанства, то во всякомъ случаѣ они погрѣшаютъ противъ гостепріимства; а гостепріимство, хотя и малая добродѣтель, все же добродѣтель, и пренебрегать ею не слѣдуетъ: это узкія врата, но ведущія на широкую дорогу; а безъ духовнаго гостепріимства прямо не мыслимо никакое общежительство,

[1]) Небезынтересно и даже поучительно въ смыслѣ сопоставленія фактовъ, что, въ то время какъ американская дама удивлялась тому, что слышала отъ русскаго «американскія» идеи, русскій публицистъ, разбирая одинъ изъ моихъ же докладовъ, нашелъ, что онъ представляетъ примѣръ міровоззрѣнія исключительно русскаго и исключительно православнаго (Ю. Н. «По поводу рѣчи кн. С. Волконскаго». «Московскія Вѣдомости», № 289, 1893 г.)

никакое движеніе по пути развитія. Это ясно сказалось на конгрессѣ, и единичные случаи злобнаго увлеченія не могли измѣнить общаго духа уваженія, которое оживляло слова говорившихъ.

Помню, какъ одинъ англійскій проповѣдникъ въ одномъ изъ засѣданій произнесъ рѣчь, въ которой разразился неудержимымъ негодованіемъ противъ всѣхъ, кто не исповѣдуетъ христіанства; необузданность его дошла до того, что, воспользовавшись случайнымъ отсутствіемъ въ этотъ день индусскихъ представителей, онъ и ихъ самихъ сталъ поднимать на смѣхъ и всѣхъ ихъ единомышленниковъ сталъ осыпать самыми грязными обвиненіями, бросая огульную тѣнь на всякаго индуса, отказывая ему въ понятіяхъ чести и нравственности. Въ неловкомъ недоумѣніи слушала толпа; прорвалось нѣсколько рукоплесканій: во всякой толпѣ есть либо злорадствующіе, либо способные безсмысленно зажечься чужимъ жаромъ. Но когда онъ кончилъ, тяжелая туча какъ будто повисла надъ собраніемъ, и предсѣдатель Барроусъ съ трудомъ скрывалъ досаду, что не остановилъ говорившаго съ первыхъ словъ.

На другое утро газеты были полны разсказами о случившемся. Огромная толпа хлынула въ залу, когда раскрылись тяжелыя двери. Молча ждали начала засѣданія. Къ каѳедрѣ подошелъ представитель индусской секты брамо-самаевъ Нагака, о которомъ мы упоминали выше. Всѣ глаза обратились на него, на этого обаятельнаго чеповѣка, котораго всѣ успѣли полюбить за его духовную высоту, и въ этомъ общемъ взорѣ уже читались и скорбь, и сокрушеніе, и назрѣвшая готовность покаяться въ нанесенномъ человѣку оскорбленіи. Въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ выставилъ онъ невѣрность тѣхъ посылокъ, на которыхъ англійскій ораторъ построилъ свои обвиненія, и затѣмъ только прибавилъ: «Что же касается тѣхъ, кто обвиняютъ насъ, не изучивъ ни нашего закона, ни нашей жизни, то мы съ ними не вступаемъ въ споръ, а только молимъ Бога, чтобы Онъ простилъ ихъ, ибо они не знаютъ, что творятъ».

Не берусь описать взрыва, который эти слова вызвали въ толпѣ, удрученной воспоминаніемъ предыдущаго вечера и благодарной за дарованное облегченіе. Англійскій проповѣдникъ (кстати, на это засѣданіе не явившійся) можетъ быть признателенъ индусу за возстановленіе въ смущенныхъ имъ сердцахъ той христіанской любви, которую онъ поколебалъ. Люди поняли, что даже на почвѣ самыхъ жгучихъ вопросовъ убѣжденность въ правотѣ собственныхъ вѣрованій не исключаетъ возможности и даже обязанности уважать чужую вѣру.

Говоря — «уважать чужую вѣру», считаю нужнымъ сдѣлать оговорку. Слово «вѣра» у насъ имѣетъ два значенія.

Первое — вѣра, какъ итогъ вѣрованій, система, религія, напримѣръ, вѣра христіанская, магометанская, языческая и т. д. Второе — вѣра, какъ сила, двигатель, та вѣра, про которую говорятъ: горячая, слабая, твердая. Въ первомъ случаѣ слово «вѣра» обозначаетъ нѣчто раздѣльное, во второмъ нѣчто объединяющее, какъ способное проникать всякое дѣленіе. Когда мы говоримъ, что человѣкъ долженъ уважать чужую вѣру, мы, конечно, разумѣемъ второе значеніе этого слова: странно и требовать, чтобы человѣкъ уважалъ всѣ религіи, какъ свою, но слѣдуетъ требовать, чтобы люди цѣнили другъ въ другѣ ту степень вѣры, которая ихъ одухотворяетъ и подвигаетъ на то или другое доброе дѣло. Можно оплакивать, что эта вѣра направлена не на тотъ предметъ, который намъ кажется единственнымъ заслуживающимъ вѣры, но нельзя не уважать вѣру, какъ матеріалъ духовной жизни; а матеріалъ этотъ разлитъ во всемъ человѣчествѣ, и тѣ язычники, которые восприняли христіанство, были имъ одарены.

Уваженіе къ тому духовно одинаковому, что есть въ безконечномъ разнообразіи человѣческой природы, — вотъ, кажется намъ, въ чемъ практическій смыслъ урока, преподаннаго конгрессомъ. Мы всѣ полагаемъ въ основаніе нашихъ отношеній къ людямъ принципъ человѣческаго различія. Политическія и сословныя дѣленія, на которыя распадается человѣческая семья, построены на несходственныхъ сторонахъ человѣческой природы, и, когда мы встрѣчаемъ новаго человѣка, мы прежде всего заняты мыслью, — къ какому изъ этихъ дѣленій онъ принадлежитъ? И за этимъ ярлыкомъ, подчеркивающимъ лишь тѣ стороны, которыми его дѣленіе отличается отъ нашего, мы уже не видимъ, а часто и не хотимъ видѣть все то одинаковое, что налагаетъ на насъ общее наименованіе — «человѣкъ». Мы совсѣмъ забываемъ, что этотъ ближній нашъ, живущій по своему закону, можетъ имѣть нравственную цѣну и передъ нашимъ собственнымъ закономъ; и, вмѣсто того, чтобы цѣнить его за его личныя внутреннія качества, мы дѣлаемъ его отвѣтственнымъ за массовыя качества той группы, къ которой онъ принадлежитъ, и поворачиваемся къ нему спиной. А насколько выше, благороднѣе всѣ тѣ движенія души нашей, которыя возникаютъ на почвѣ человѣческаго сходства, сравнительно съ тѣми, которыя возбуждаются несходственными сторонами нашей природы.

Сколько вѣковъ тому назадъ человѣкъ спросилъ человѣка: «Можетъ ли быть что хорошаго изъ Галлилеи?» Кажется урокъ былъ достаточно краснорѣчивъ; и тѣмъ не менѣе люди не переставали съ тѣхъ поръ повторять этого вопроса; и съ теченіемъ вѣковъ «Галилеи» только множились. Галилея ре-

лигіозная, сословная, сектантская распространяетъ недовѣріе, которое, какъ ядъ, просачивается во взаимоотношенія людей. Само по себѣ предосудительно поддаваться наущеніямъ этого недовѣрія, но еще хуже того воспитывать чувство недовѣрія и провозглашать начала несходства во имя того Бога, про котораго апостолъ сказалъ, что онъ не лицепріятенъ, но что въ каждомъ народѣ поступающій по справедливости угоденъ ему[1]).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о результатахъ, или, вѣрнѣе, о томъ, въ какомъ смыслѣ это слово «результатъ» вообще приложимо къ конгрессу религій.

Никогда я не могъ понять, чего, собственно, ожидали тѣ люди, которые обвиняли конгрессъ въ безрезультатности. Ожидали ли они новаго символа вѣры, обнародованія новыхъ догматовъ, какихъ-нибудь постановленій?... Какъ бы въ отвѣтъ на эти запросы появилась масса лекцій, докладовъ, отчетовъ, составленныхъ въ большинствѣ случаевъ участниками конгресса. Мнѣ пришлось познакомиться со многими изъ этихъ брошюръ, и почти во всѣхъ поражаетъ какое-то безсильное стремленіе во что бы то ни стало представить результаты конгресса въ осязательныхъ фактахъ: такой-то, молъ, приглашенъ говорить въ такой-то церкви, такой-то написалъ такую-то книгу; тамъ-то состоялось такое-то собраніе и т. д. И это стремленіе кажется намъ чѣмъ-то весьма малымъ въ сравненіи съ величіемъ самого событія. Намъ рѣшительно кажется, что проходятъ мимо главнаго тѣ, кто ищутъ фактическихъ результатовъ внѣ самаго осуществленія этого собранія.

Никогда никто не оспаривалъ полезности и желательности конгрессовъ научныхъ, хотя врядъ ли кто отыщетъ имъ болѣе практическое оправданіе, чѣмъ — способствовать простому обмѣну мысли и живому общенію людей при помощи живого слова. Почему же, когда такое же собраніе происходитъ на почвѣ не научныхъ, а религіозныхъ вопросовъ, мысль о томъ вызываетъ недовѣріе, негодованіе. а требованія къ нему тотчасъ предъявляются совершенно иныя? Результаты, навѣрное, есть, не можетъ не быть ихъ, ибо ни одинъ урокъ не пропадетъ даромъ; но опять повторяемъ: главную силу конгресса слѣдуетъ искать въ самомъ фактѣ его осуществленія. Вотъ почему въ нашихъ замѣткахъ мы остановились исключительно на внутреннемъ его значеніи. По нашему убѣжденію конгрессъ важенъ, какъ событіе и какъ знаменіе

[1]) Дѣянія св. Апостолъ, X. 34, 35.

времени. Какъ событіе, важно опять не то, что конгрессъ сдѣлалъ, а то, что онъ состоялся; какъ знаменіе времени, важно не то, что онъ былъ созванъ, а то, что онъ могъ состояться.

Въ исторіи развитія человѣческаго сознанія конгрессъ религій въ Чикаго займетъ мѣсто наряду съ тѣми событіями, которыя служатъ показателями умственныхъ и нравственныхъ теченій міровой жизни; онъ явится собирательной единицей, въ которой разрозненные пути человѣческой жизни совокупно заявили о себѣ и разоблачили однородныя начала своихъ нравственныхъ стремленій; онъ представитъ равнодѣйствующую тѣхъ нравственныхъ силъ, которымъ повинуется человѣчество въ разныхъ концахъ земли; онъ провозгласитъ предъ лицомъ будущихъ поколѣній, что эта равнодѣйствующая не есть нѣчто насильственное, выдуманное, а что она живетъ въ самомъ естествѣ человѣческомъ и, такимъ образомъ, является одною изъ силъ, ведущихъ міръ по путямъ божественнаго Провидѣнія. Здѣсь же кроется и значеніе конгресса съ точки зрѣнія христіанской. Онъ доказалъ, — тѣмъ, кто въ этомъ сомнѣвался, — что вовсе не отрекается отъ христіанства тотъ, кто раздвигаетъ границы человѣческой любви, а что, напротивъ, погрѣшаетъ противъ своей же вѣры тотъ, кто, начиная молитву словами «Отче нашъ», разумѣетъ подъ словомъ «нашъ» какое-нибудь замкнутое дѣленіе, къ которому онъ самъ принадлежитъ.

Исторія сохранила и передала намъ въ ореолѣ славы имя фанатика монаха, который своими огненными рѣчами ополчалъ христіанскій міръ противъ мусульманскаго. Во сколько разъ выше, чище, умилительнѣе встаетъ передъ нами образъ того скромнаго греческаго священника изъ Дамаска, который на свои скудныя средства предпринялъ путешествіе изъ далекихъ библейскихъ странъ въ Чикаго, для того чтобы сказать: «Мой отецъ былъ убитъ мусульманами, мой братъ былъ убитъ мусульманами, и тѣмъ не менѣе я положилъ весь трудъ моей жизни на то, чтобы дать имъ новый переводъ священнаго писанія на арабскій языкъ».

Это сопоставленіе, отмѣчающее два полюса въ пониманіи христіанскихъ обязанностей, обрисовываетъ всю эволюцію христіанской идеи въ человѣческомъ сознаніи.

Іюль 1894.

Острова.

Есть островъ на томъ океанѣ.

Острова всегда имѣли для меня нѣкое таинственное притяженье. Отдѣльные міры. Это планеты на землѣ. Окруженные, съ трудомъ доступные, несліянные, они сохраняютъ обособленность своихъ красокъ, какъ своихъ очертаній, обособленность своихъ людей, какъ обособленность своихъ растеній. Островъ живетъ сосредоточенно. Островъ всматривается, островъ вслушивается, островъ ждетъ. Островъ знаетъ, какъ никто другой на землѣ, что значитъ приближеніе, что значитъ удаленіе; онъ знаетъ, что значитъ встрѣча, — изъ дальней точки растущая громада; онъ знаетъ, что значитъ проводы, долгіе, мучительные, когда уходитъ цѣлый міръ и на небосклонѣ въ точкѣ пропадаетъ. Островъ извѣдалъ болѣзненную обиду слова «мимо», жгучее чередованіе надежды и отчаянія; онъ испыталъ горячій крикъ сигнальнаго призыва и холодное молчанье глухого безразличія. Островъ умѣетъ радоваться, онъ не избалованъ; ему ничто не надоѣло, развѣ только самъ себѣ. Онъ наивенъ, онъ легко удивляется, и лазурь окружающихъ водъ отражается въ его глазахъ. Онъ радуется, но подъ радостью таится грусть, какъ будто въ жизни его больше прощаній, чѣмъ встрѣчъ. Омываемый водами, островъ больше любитъ море, нежели сушу; онъ питается моремъ, суша его баловство; море его жизнь, суша его греза. Но онъ самъ греза всего окружающаго; никто, какъ онъ, не чувствуетъ, что

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами.

Жизнь острова объята снами, и нужно длительное, упорное прикосновеніе суши, чтобы снять съ него эту дымку сновидѣнія. Увы! Она сходитъ, эта дымка. Прошли тѣ времена, когда безстрашная грудь европейскихъ судовъ, разсѣкая волны далекихъ морей, проникала за неизвѣданные небосклоны и приставала къ дѣвственнымъ берегамъ. Уже неизвѣданнаго нѣтъ на землѣ и дѣвственныхъ нѣтъ береговъ. Вездѣ гавань, пристань, таможня, угольный складъ . . .

Но воображеніе сильнѣе дѣйствительности, и всегда острова имѣли для меня нѣкое таинственное притяженіе.

Какое волненіе, какой у всѣхъ въ глазахъ приливъ жизни, когда съ палубы вдругъ замѣтили землю. «Земля!» Какъ можетъ то же самое слово, при одинаковомъ значеніи, имѣть столь разный смыслъ. Когда мы на сушѣ говоримъ «земля»; или когда на палубѣ кто-нибудь крикнетъ «Земля»! ...

«Земля», которую я увидѣлъ, былъ островъ Мадера. Я провелъ тамъ два мѣсяца въ 1888 году у больного моего брата Григорія. Маленькій городъ Фунчаль разсыпался домами и садами по скату горъ до берега морского. Бѣлые дома выглядываютъ изъ-за пальмъ, лимоновъ и лавровъ, не мѣшая другъ другу, всѣ черезъ крыши глядятъ на синее море. Огромный соборъ, полосатый, бѣло-черный, вѣнчаетъ городъ куполомъ своимъ. Высоко надъ городомъ двумя бѣлыми своими колокольнями изъ темной хвойной зелени глядитъ «церковь на горѣ», «l'eglise du mont». Когда пріѣзжаете на Мадеру, еще осмотрѣться не успѣли, а васъ уже спрашиваютъ: «Est-ce que vous avez déja été au mont?» [Были вы уже на горѣ?]. Это гордость мѣстныхъ жителей. Еще фраза, которую повторяютъ вамъ много разъ: когда спрашиваете, какъ пройти туда-то или туда-то, неизмѣнно всякое объясненіе начинается съ вопроса: «Vous connaissez le dôme?» [Вы знете соборъ]. Соборъ это та «печка», отъ которой идутъ всѣ адреса.

О, какой маленькій городъ, какой заброшенный, далекій, и какіе маленькіе интересы... Больные, вездѣ больные, все для больныхъ; на солнечныхъ верандахъ лежатъ прикрытые и всматриваются въ далекій морской небосклонъ. Воздухъ мягкій, влажный и знойный, — какъ въ теплицѣ. Вонъ показался корабль вдали: часа черезъ четыре будетъ почта... Братъ лежитъ на плетеной кушеткѣ, а за нимъ на спинкѣ прикорчилась обезьянка, ручная, но лукавая, даже жестокая; въ прошлый разъ прискакала черезъ всю веранду, приплясывая и волоча за собой зелено-желтаго попугайчика, которому свернула шею... Тихо. На Мадерѣ всегда тихо, — во всемъ городѣ одинъ только колесный экипажъ, — шарабанъ англійскаго пастора. А то вся ѣзда на полозьяхъ. По мостовой, убитой мелкимъ, мелкимъ камнемъ, запряженная волами, тащится повозка, поставленная на полозья; занавѣски защищаютъ отъ солнца, и по горячему камню безснѣжныя сани визжатъ; погонщикъ забѣгаетъ впередъ и подбрасываетъ обсаленную кишку, — полозья скользятъ легче, визгъ унимается...

Странный городокъ, — ломоть Португаліи, заброшенный въ океанъ. Старыя, звучныя фамиліи, двойныя, тройныя;

маркизы, герцогини... Красиво звучитъ португальскій языкъ, мягче испанскаго. Но типъ не красивый, и скоро старѣются. Онѣ вспоминаютъ поѣздку въ Лиссабонъ, мечтаютъ о Мадридѣ, грезятъ о Парижѣ... Повышли замужъ нѣкоторыя за англичанъ, богатыхъ винодѣловъ. Свои мужчины всѣ выѣзжаютъ; старыя семьи всѣ раззорены, дома и виноградники въ рукахъ англичанъ. Въ самой лучшей большой виллѣ Виджіа въ тотъ годъ жила семья Ушковыхъ; извѣстный по Москвѣ Константинъ Капитоновичъ. Его жена, урожденная Кузнецова, была очень больна грудью, и ради нея жила тамъ многочисленная семья. Этотъ хлѣбосольный домъ былъ очагомъ веселья для скучающихъ островитянъ; тамъ обѣдали, ужинали, танцовали, устраивали живыя картины, иллюминаціи. Вособенности, когда приходилъ военный корабль, тогда начиналось веселье. Барышни смотрѣли въ подзорныя трубы: если только не англійскій флагъ, будетъ у Ушковыхъ балъ (англичанъ они не принимали). И вотъ, офицеры выходили на берегъ, покидали бурное море, чтобы попасть въ разливанное море московскаго гостепріимства. Два, три дня стоялъ дымъ коромысломъ, и потомъ уходилъ корабль, и слѣдили съ острова за его исчезающимъ дымомъ...

Такъ жизнь міровая проходила мимо и только тангенсомъ касалась зеленаго острова, запасалась углемъ и бананами и шла своимъ путемъ... Маленькій городъ задумчивъ и пахнетъ укропомъ, — «Фунчаль» по португальски значитъ «укропъ». Онъ подсчитываетъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ и отмѣчаетъ умирающихъ. Въ немъ нѣтъ мѣстной жизни; чужая смерть создаетъ его жизнь, и часто разговоръ походитъ на страницу поминальной книжки; это текстъ къ старому альбому; извѣстно, что старый альбомъ это кладбище. Нѣтъ, въ Фунчалѣ нѣтъ своей жизни. Иногда бываютъ какіе-то юбилейные дни португальской исторіи; тогда сжигаются фейерверки, но сжигаются не такъ, какъ во всемъ прочемъ мірѣ, не ночью, а днемъ, не для глазъ, а для ушей: ничего не видно, но стоитъ пальба, грохотъ, шипъ и трескъ, — народонаселеніе ликуетъ...

Одинъ только разъ покинулъ я прибрежную полосу, поднялся выше города, переваливъ за первые горные хребты, и увидѣлъ середину того острова, на краю котораго жилъ. Есть мѣсто тамъ, въ серединѣ горъ, которое зовется Rio Frio (Холодный Ручей). Какое звучное и въ тамошней жарѣ какое красивое названіе. Мы поднимались по крутымъ скаламъ, внизу за нами море раздвигало горизонтъ. Сухо, и зелень хвойная, сухая; но подъ соснами зеленый мягкій мохъ, и въ немъ, въ числѣ цвѣтовъ, — ну какъ вы думаете, что? Въ дикомъ видѣ красная, съ лиловой махровой серединкой, крупная, крѣпкая фуксія. На самыхъ жаркихъ мѣстахъ, гдѣ по

краю дороги цѣпкія ліаны цѣпляются за цѣпкіе кусты, я видѣлъ подъ палящимъ солнцемъ и на знойномъ камнѣ — дикій геліотропъ. Сухо, но вдоль горъ, изъ верхнихъ разсѣлинъ тянутся карнизы, — парапеты, за которыми течетъ вода, стекающая въ городъ:

Ты къ людямъ, ключъ, спѣшишь въ долину?
Попробуй — каково у нихъ!

Книгозбірня „СТУДІЮНУ" Львів

По этимъ парапетамъ, свисающимъ надъ пропастью и которые тянутся верстами, мальчишки бѣгаютъ съ безстрашною неосторожностью.

Что больше запечатлѣвается въ памяти, какъ контрастъ? Послѣ сухого зноя на южномъ склонѣ горячихъ скалъ вдругъ влажная прохлада зеленыхъ лощинъ. Мы входимъ въ тѣнь лавровыхъ рощъ; священный шелестъ встрѣчаетъ насъ подъ таинственными шапками, и могучіе стволы, прежде чѣмъ развѣтвиться въ извивахъ, выносятъ за собою вверхъ сочную зелень, что сидитъ вокругъ ихъ корней, — они всѣ облѣплены зеленымъ трепетаніемъ папоротника; нѣжная бородка опушаетъ стволъ до первыхъ вѣтвей его. Нигдѣ, ни даже на Цейлонѣ, не видалъ такой расточительности растительной силы. Мы дошли до самаго высокаго мѣста, откуда видно море кругомъ, гдѣ уже не можетъ быть сомнѣнія, что мы на островѣ. И вспоминаю, какъ на островѣ Таити Пьеръ Лоти сидѣлъ со своей маленькой туземкой на вершинѣ горы; смотрѣли на огромный съ высоты раскрывавшійся горизонтъ. И вдругъ маленькая туземка спрашиваетъ: «А чтобы увидѣть твою землю, надо очень высоко взобраться?» . .

Мы стояли на краю пропасти, передъ нами изъ этой пропасти поднималась скала, на ней площадка. Заманчиво, но какъ страшно. Перескочить невозможно. Но между материкомъ, на которомъ стоимъ, и заманчивой площадкой изъ бездны поднимается какъ бы каменный клыкъ, вострый; въ боку его, какъ бы сказать, — въ щекѣ, есть ямочка, приступочекъ; туда можно одну ногу поставить, въ то время какъ другая заносится на площадку. Страшно было это исполнить, но еще страшнѣе было обратное движеніе. Туда, — это было дѣло добровольнаго выбора, но назадъ, — это была необходимость; тамъ дѣйствовалъ принципъ «можно», тутъ дѣйствовалъ принципъ «надо». Заношу этотъ случай, потому что думаю, что это самое храброе, что я въ жизни исполнилъ, поскольку храбрость совмѣстима съ безполезностью. . . Обратный путь въ городъ былъ много короче, т. е. скорѣе, чѣмъ восхожденіе. Мы совершили большую часть пути, скатившись по каменнымъ дорожкамъ на салазкахъ. Въ четвѣрть часа изъ сосновыхъ рощъ, скользя по горнымъ кручамъ, мы очутились у подножія соборной коло-

кольни. «Отъ собора» всякій знаетъ дорогу домой. Мы съ братомъ жили сперва въ центрѣ города, въ гостиницѣ Хортасъ, а потомъ перешли въ новенькую гостиницу Кардуэль на восточномъ концѣ города, на мысу, высоко надъ моремъ, — много свѣта и воздуха.

Мой братъ Григорій былъ очень боленъ, и его характеръ иногда былъ труденъ для окружающихъ. Онъ интересовался вопросами общественно-государственными, былъ конституціоналистомъ. Однажды онъ ѣздилъ въ Дармштадтъ, чтобы передать Николаю II записку о политическихъ реформахъ для Россіи. Помню, что въ черновой его запискѣ была фраза. «Государь, не готовьте для Вашей супруги участь Маріи Антуанетты». Онъ сказалъ — «Нѣтъ, не надо быть сентиментальнымъ» — и зачеркнулъ... Записка была передана, и онъ получилъ на другой день письмо отъ адъютанта графа Гейдена, въ которомъ тотъ по порученію Государя увѣдомлялъ его объ этомъ. Письмо кончалось фразой — «Теперь вы можете ѣхать». Объ этомъ въ свое время было въ нѣмецкихъ газетахъ. Братъ пріѣзжалъ въ Россію во время открытія Государственной Думы, но ни съ кѣмъ не сошелся, остался одинокъ; въ немъ уживались въ безпокойномъ смѣшеніи буйное стремленіе къ новизнѣ и слащавое тяготѣніе къ старинѣ. Онъ остался одинокъ. Онъ тоже былъ островъ... Онъ умеръ въ 1910 году въ Ментонѣ, похороненъ на тамошнемъ кладбищѣ....

2 декабря 1893 года вышелъ изъ Санъ-Франциско пароходъ компаніи «Бѣлая Звѣзда», «Оцеаникъ», направляясь въ Японію. Мы вышли въ страшную бурю, длившуюся пять дней. На шестой насъ привѣтствовала тропическая сіяющая гладь. Такъ шли мы два дня, когда къ вечеру подошли къ острову Гаваи изъ группы Сандвичевыхъ, когда-то открытыхъ капитаномъ Кукомъ. Мы высыпали на правый бортъ палубы и жадно вдыхали растительные запахи земли. Въ этотъ дальній уголокъ мы попали въ тяжелую для него минуту. Тамъ была революція. Дворецъ послѣдней владычицы Сандвичевыхъ острововъ, королевы Лиліуокалани, былъ занятъ повстанцами, въ окнахъ были мѣшки съ пескомъ; жители волновались, но въ общемъ «революція» была игрушечная. Королеву переселили «на дачу», иностранцы захватили власть и объявили, что Гавайская республика поступаетъ подъ протекторатъ Соединенныхъ Штатовъ. Но все это было нестрашно, сіяло море, пекло солнце, пальмы помавали своими маковками; гладко разстилались подъ пальмами длинныя улицы, утоптанныя красной лавой, весело глядѣли изъ-за пальмъ домики съ верандами, залитые ползучими цвѣтами, и только на маркахъ почтовыхъ поперекъ

толстой королевы Лиліуокалани въ декольтированномъ платьѣ красными буквами стояло — Republic. Оттого ли, что мы всего на нѣсколько часовъ прикоснулись къ этому острову, слѣдовательно, не было времени проникнуть въ интересы тамошней жизни, но никогда не представало мнѣ съ большей силой ничтожество людскихъ страстей, какъ предъ тамошней сіяющей и торжествующей природой. Мы заходили въ одну мѣстную школу для туземцевъ. Американецъ-учитель любезно принималъ, угощалъ и разсказывалъ о событіяхъ мѣстной политики. На столѣ лежала мѣстная англійская газета, и съ удивленіемъ на ея страницахъ я читалъ отчеты о моихъ докладахъ на воспитательномъ и религіозномъ конгрессахъ. Былъ съ нами въ числѣ пассажировъ епископъ острова Занте, преосвященный Латасъ, также ѣхавшій изъ Америки на родину. Живописная фигура его, въ рясѣ, съ панагіей всѣхъ поражала. Онъ былъ милый, разговорчивый старикъ, очень наслаждался путешествіемъ, но прелести Тихаго океана для него отравлялись неспокойствіемъ, съ какимъ онъ ждалъ возвращенія въ Грецію. Почему-то онъ опасался всесильнаго тогда въ аѳинскомъ министерствѣ Трикуписа, онъ думалъ, что ему, какъ говорится, «напрѣетъ» за участіе въ чикагскомъ конгрессѣ. Часто на палубѣ онъ ко мнѣ подходилъ, чтобы дѣлиться опасеніями, но потомъ наступало болѣе оптимистичное настроеніе, и онъ говорилъ: «Peut-être tout ça c'est des chateaux en Espagne» (Можетъ быть, это все только испанскіе замки). Такъ онъ говорилъ, очевидно, желая сказать — «черныя мысли». И надо думать, что такъ оно и было. Впослѣдствіи изъ Аѳинъ я ему послалъ въ Занте привѣтственную телеграмму; онъ въ отвѣтъ благодарилъ, говорилъ, что его дѣла благополучны, и прибавлялъ: «Ris souvent chateaux en Espagne Pacifique». Послѣ шести часовъ стоянки въ Гаваи, мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Островъ уходилъ и таялъ; рѣдѣла полоса песку на берегу, рѣдѣли окаймлявшія ее пальмы; еще блестѣли тамъ и сямъ, какъ куски зеркала въ пестрой зелени сахарнаго тростника, каналы полные водой; рѣдѣли очертанія лиловыхъ горъ; все уходило, пропадало, и, наконецъ, Гаваи потонуло въ сіяньи неба и воды... Мы держали путь на Японію.

Японія тоже островъ, но это архипелагъ, — нѣтъ того одиночества, той сосредоточенности, нѣтъ той трагической мечтательности, что витаетъ вокругъ одинокаго острова. Архипелагъ это морской хороводъ. Что-то удивительно радостное въ этомъ чередованіи воды и суши, въ игрѣ излучинъ и мысовъ: много жизни, много обмѣна человѣческаго въ этой

перекличкѣ съ острова на островъ; много игривой красоты въ этихъ кускахъ моря, которые похожи на озера или на рѣки; тутъ материкъ просыпался въ морѣ, раскидалъ свои куски; тутъ море оторвало отъ материка его береговыя части...

Японія мнѣ не понравилась. Я былъ не во время, я былъ зимой. Японію надо смотрѣть или осенью, когда цвѣтутъ кризантэмы, или весной, когда вишни цвѣтутъ; я ее видѣлъ подъ снѣгомъ. И японцы мнѣ не понравились. Они все время безсмѣнно вамъ улыбаются въ лицо, хихикаютъ. Это невольно внушаетъ подозрѣніе къ тому, что они дѣлаютъ за спиной. Японки — куколки; хохотушки, — палецъ показать, смѣются. Конечно, я видѣлъ въ Токіо то, что показываютъ всякому иностранцу, — фантастическую Іошивару, кварталъ женщинъ. Улицы, въ которыхъ дома окружены верандами; эти веранды забраны золочеными рѣшетками, въ этихъ клѣткахъ на кокосовыхъ циновкахъ, со своими затѣйливыми прическами, въ своихъ пестрыхъ кимоно — улыбающіяся японочки. Сидятъ, разложивъ шлейфы по полу вокругъ себя, подпоясанныя широкимъ поясомъ съ узломъ на спинѣ, и надъ бронзовымъ горшкомъ, въ которомъ горячія угли, грѣютъ свои кукольныя ручки. Женщина, превращенная въ игрушку. У рѣшетокъ толпятся мужчины, смотрятъ, перекликаются, выбираютъ.... Среди глазѣющей толпы видѣлъ и дѣтей... Говорятъ (правда-ли?), что многія дѣвушки поступаютъ въ эти дома, чтобы составить себѣ приданое... Все это невѣроятно на нашъ европейскій глазъ, все это переноситъ въ другую культуру, въ другую расу.

О, какъ вопросъ расы всталъ неумолимою, нерушимою твердыней въ глазахъ моихъ во время кругосвѣтнаго моего путешествія. Посмотрите японское искусство. Что можетъ быть прелестнѣе? Прежде всего, какъ никогда, въ Японіи встала передо мной связь искусства съ природой. Уже подъѣзжая къ Іокоѓамѣ, увидѣлъ я съ нарохода на мысу вырисовывающіяся сосны, — низкія, приземистыя, стелющіяся и съ тѣмъ несомнѣнно карикатурнымъ, что есть въ японскомъ искусствѣ. Когда я увидѣлъ японскую собачку, кудрявую, съ кольцами волосиковъ на лбу, съ бородкой и усиками, я понялъ, откуда тѣ фарфоровые грифы, которыми мы украшаемъ камины и шкафы. И когда я увидѣлъ сидящихъ на полу вкругъ бронзовыхъ горшковъ кукольныхъ японочекъ въ затѣйливыхъ прическахъ, проткнутыхъ длинными булавками, я понялъ сколько реализма въ жеманной женщинѣ японскаго искусства. И, несмотря на всю прелесть японскаго искусства, оно не есть моя настоящая духовная пища; оно зоветъ меня и радуетъ, но оно не есть отвѣтъ на внутреннее мое стремленіе, и не къ этимъ высотамъ воздыхаетъ духъ мой. И только въ Японіи я понялъ — почему. Я понялъ, что я люблю японскій предметъ,

поскольку могу его внести въ свой домъ, пріобщить къ своей обстановкѣ; я любовался имъ, не выходя изъ европейской атмосферы. Оттого любилъ сравнительно маленькіе предметы. Но здѣсь, въ Японіи, я увидѣлъ большія зданія, храмы, ворота, дворцы, попадая въ которые, я самъ входилъ въ иную, японскую атмосферу, и эта атмосфера была мнѣ чужая. Вотъ эта чужесть — это и есть расовая разность. И не въ воспитаніи, — гораздо глубже, нежели въ личномъ воспитаніи, сидятъ корни этого чувства: въ глубокихъ нѣдрахъ человѣческой природы, въ таинственной наслѣдственности отъ прежнихъ поколѣній. Раса всего сильнѣе говоритъ въ человѣкѣ; въ расѣ сидящими корнями онъ чувствуетъ, изъ расовыхъ глубинъ исходящими родниками онъ высказывается. И вотъ почему чуждо ему то, что отъ другой расы; онъ цѣнитъ, онъ любуется, онъ любитъ, но дышитъ онъ только тѣмъ, что отъ своей расы. Кто это хорошо понимаетъ, глубоко чувствуетъ, тому какъ смѣшны кажутся потуги замѣнить эту творческую силу человѣческой природы тою людской выдумкой, которая именуется классомъ!

Да, Японія мнѣ не понравилась. Я шелъ тогда вразрѣзъ съ установившимся мнѣніемъ; тогда было въ модѣ восхищаться японцами; эту моду установили въособенности моряки всѣхъ національностей. Для нихъ Японія была своего рода Капуа: гейши, чайные дома, въ каждомъ городѣ Іошивара, въ Іокогамѣ знаменитый на весь Востокъ № 9, кризантэмы, вишни, мандарины, которые вамъ обчищаютъ прелестные пальчики и подаютъ какъ-то особенно, раскрытые звѣздою. Конечно, во всемъ этомъ есть прелесть новизны, экзотическая терпкость, но много и дешевки. Первая японочка, которую я видѣлъ, это было на чикагской выставкѣ; она прислуживала въ чайномъ домикѣ. Она была очаровательна, нельзя было вдоволь наглядѣться. И думалъ я: какъ она мила, какъ привѣтлива, какая у нея прелестная улыбка. Но когда я въ Японіи увидѣлъ, что всѣ такъ же «милы», что всѣ такъ привѣтливы, у всѣхъ такая улыбка, и что такъ онѣ всѣмъ улыбаются, тогда черезъ двѣ недѣли мнѣ захотѣлось бѣжать, и я бѣжалъ, бѣжалъ отъ смѣшка.

Я познакомился въ Японіи съ замѣчательнымъ человѣкомъ. Это нашъ тамошній епископъ Николай. Онъ больше тридцати лѣтъ провелъ въ Японіи. Онъ былъ ревностный миссіонеръ; его словомъ создалась многочисленная православная паства и воздвигся въ Токіо православный соборъ. Это былъ человѣкъ большого ума, огромной начитанности и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Японіи. Между прочимъ онъ перевелъ на русскій языкъ всѣ памятники японскаго эпоса; это былъ бы кладъ, которымъ не обладаетъ ни одна европейская литература; къ

сожалѣнію, трудъ его сдѣлался жертвой одного изъ тѣхъ пожаровъ, которые бываютъ только въ Японіи, гдѣ домики деревянные, а внутреннія перегородки бумажныя. Епископъ Николай очень интересно разсказывалъ о Японіи; слушать его было съ одной стороны пріятно, но съ другой стороны нестерпимо. Онъ страшно увлекался, захлебывался и все время раскрывалъ скобки, которыя въ пылу увлеченія забывалъ закрывать. Изъ его разсказовъ помню, что, когда я ему сказалъ о непріятномъ впечатлѣніи этого никогда не прекращающагося японскаго смѣха, онъ замѣтилъ, что это есть послѣдствіе одного изъ основныхъ правилъ японскаго воспитанія; съ раннихъ лѣтъ дѣтямъ внушаютъ, что только женщинѣ свойственно показывать, что она чувствуетъ, а всякій человѣкъ, владѣющій собой, долженъ это скрывать. Вотъ откуда этотъ смѣхъ; смѣхъ въ Японіи есть завѣса души. Еще помню разсказъ изъ японскаго эпоса. Три народныхъ героя воспѣваются въ былинахъ. Какъ зовутъ двухъ, не помню, но третій, любимецъ народа, — Тукугава. Вотъ какъ сказаніе народное рисуетъ различье ихъ характеровъ и отношенія къ людямъ. Что дѣлаетъ каждый изъ нихъ, когда соловей перестаетъ пѣть? Первый говоритъ: «Убить его!» Второй говоритъ: «Заставить его пѣть!» А Тукугава говоритъ: «Подождать, пока запоетъ».

Преосвященный Николай былъ удивительный человѣкъ и рѣдкій примѣръ яснаго раздѣленія принципа религіознаго отъ національнаго. Въ то время какъ въ Россіи струна національной религіи натягивалась до послѣдней степени напряженія, когда говорили, что только православный можетъ быть настоящимъ русскимъ и только русскій — настоящимъ православнымъ, епископъ Николай такъ сумѣлъ поставить свое миссіонерское служеніе въ Японіи, что даже во время войны съ Россіей продолжались служенія въ токійскомъ соборѣ, и ни малѣйшаго тренія не было между японцами разновѣрцами. . .

Странная страна Японія. Смѣющаяся и себѣ на умѣ, игрушечная и серьезная, маленькая и сильная. Мы извѣдали ея силу на собственной нашей слабости. И я позналъ причину и той и другой, когда во время японской войны прочиталъ гдѣ-то пѣснь, которую японская мать поетъ своему ребенку. «Почему, спрашиваетъ пѣснь, русскіе претерпѣваютъ пораженье?» «Потому, отвѣчаетъ пѣсня, что у русской матери нѣтъ любви къ отечеству». Странная страна Японія. Когда мы думаемъ о ней, мы видимъ броненосцы и дальнобойныя орудія; когда мы мечтаемъ о ней, мы видимъ кукольныхъ женщинъ въ игрушечныхъ домахъ, игрушечныхъ мужчинъ въ кукольныхъ садахъ. И кажется, не жизнь все это, а ожившее искусство, Склоны горъ, раздѣланные въ лоханки; сребристый блескъ искусственно задержанной воды, гибкій шелестъ бамбуковыхъ тростей; по

сухой межѣ межъ двухъ водою залитыхъ полей танцующей босой походкой проходящій огородникъ; на перегибѣ каменнаго мостика, надъ дремлющей водой, въ желтомъ кимоно, съ лиловымъ бантомъ за спиной, замечтавшаяся куколка съ протыканной иголками прической подъ пестро-натянутымъ зонтикомъ; на сонномъ зеркалѣ воды, средь зелено-распластанныхъ листовъ, алыя нѣдра раскрытыхъ кувшинокъ. Аистъ въ небѣ, журавль у воды; бѣлымъ конусомъ разсыпавшаяся снѣжная макушка вулкана Фузіамы; кризантэмы, глициніи, вишни, ирисы, — все это изъ природы ли перешло на ширмы, на вазы и въ бронзу, или съ бронзы, съ вазъ и ширмъ сошло и въ природѣ ожило? . .

Японія — странная страна.

Послѣ игрушечности и дѣтскости Японіи поражаетъ Китай серьезностью, стародавностью своей. Я только прикоснулся къ Китаю. Мы держали путь на Цейлонъ и зашли въ Гонгъ-Конгъ. Представился случай, пока пароходъ стоялъ въ гавани, подняться ночью по Жемчужной рѣкѣ до Кантона и въ слѣдующую ночь вернуться на свой пароходъ, чтобы на зарѣ снова выйти въ море. Про Кантонъ говорятъ, что это самое китайское, что можно видѣть въ Китаѣ. Я плохо помню эти нѣсколько часовъ, но это было нѣчто адское по впечатлѣнію. Я провелъ все время въ паланкинѣ; на двухъ длиннѣйшихъ бамбуковыхъ тростяхъ, перекинутыхъ съ плеча на плечо, два китайца упругой, мелкой походкой несли койку, въ которой я полувозлежалъ. Это былъ нескончаемый лабиринтъ улицъ. По бокамъ улицы не дома, а лавочки, открытыя, съ прилавками, выходящими на улицу; вонь отъ мяса, отъ овощей, отъ рыбы, отъ жаренаго, отъ монашекъ; на прилавкахъ кровь, кишки, со стѣнъ висятъ ободранныя собаки и обезьяны. Воздухъ становится все невыносимѣе. Надъ головой, черезъ улицу, съ лавки на лавку перекинута бамбуковая рѣшетка, и съ нея свисаютъ деревянныя доски съ цвѣтными китайскими надписями; во всю длину улицы идетъ какъ будто потолокъ, и только, задравъ голову, видишь кусочекъ неба. Вонюче, душно, жутко. Но самое жуткое это толпа. Въ этомъ узкомъ, но безконечно длинномъ пространствѣ кишитъ людское племя все время, безпрерывно и въ такомъ количествѣ, въ какомъ никогда не видалъ людского племени. Валитъ потокъ желтокожихъ женщинъ и мужчинъ, валитъ «желтая опасность» и не прекращается; улица кончается, сворачиваемъ въ другую, а потокъ людской не унимается. И вся толпа говоритъ, какъ только востокъ можетъ говорить, — съ тѣмъ напряженіемъ, съ какимъ говоритъ человѣкъ, хотящій другого крикомъ переубѣдить. Неослабность этой лавины людской, отсутствіе передышки

въ этомъ звуковомъ напряженіи и невозможность остановить взоръ хоть на одномъ недвижномъ предметѣ, дѣйствовали какимъ-то головокружительнымъ угаромъ. Я, наконецъ, закрылъ глаза. Упругая босая походка носильщиковъ укачивала.. Вдругъ прозошло нѣчто совсѣмъ никогда не испытанное: меня обдало моремъ молчанія. Я открылъ глаза, — зеленые луга, деревья, рисовое поле, а сзади высокая городская стѣна и въ ней высокія причудливыя ворота. Птички чирикали. . . Блаженство тишины. . . Но было слишкомъ поздно, — у меня начиналась головная боль, самая сильная, какую въ жизни испыталъ. Пришедъ въ каюту, легъ и всю ночь кричалъ отъ боли. . . Никогда не забуду Кантона. Съ утренней зарей вышли изъ Гонгъ-Конга въ Тихій океанъ.

Тихій океанъ, обычно бурный, былъ тихъ. Распустили паруса:

Шуми, шуми, послушное вѣтрило! . . .

Сіяла гладь. Подъ вѣтеркомъ молчаливый пароходный носъ тонко разсѣкалъ воду и воздухъ, шумливая, тяжелая корма разгоняла вправо и влѣво пѣну, поднятую винтомъ, и далеко за собой расширяла хвостъ своего слѣда. Бѣлыя, сновали чайки; падали, ловили и взлетали; и черныя, гладкія, изъ воды колесомъ выходили и въ воду погружались игривыя спины лоснящихся дельфиновъ. . . Такъ шли мы пять дней. И каждое утро англичанки на палубѣ, поздоровавшись, привѣтливо добавляли: «Lovely morning!» (Прелестное утро). Какъ любятъ англичане привѣтствовать барометрическими подтвержденіями. . .

На шестой день новое прикосновеніе къ землѣ, — Сингапуръ, на южномъ кончикѣ Малакскаго полуострова. Узловое скрещиваніе міровыхъ путей: изъ Америки въ Африку, изъ Японіи въ Европу, изъ Австраліи въ Америку. Всѣ расы, люди всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ одѣяній, всѣхъ нарѣчій. Схожу на берегъ. Успѣваю посмотрѣть знаменитый ботаническій садъ: пальмы, бананы, огромные папоротники, гигантскіе бамбуки. Въ этомъ Царствѣ сна и сказки будитъ разумъ одна надпись, напоминающая о томъ, что «рвать цвѣты и ломать кусты запрещается». Эти слова, въ этомъ городѣ, гдѣ проходятъ всѣ расы земного шара, начертаны на одномъ только языкѣ изъ всѣхъ языковъ земного шара, — на русскомъ. . . Нагруженный апельсинами, бананами, ананасами, возвращаюсь на пароходъ. Въ тѣни парусиннаго навѣса лежитъ на кушеткѣ англичанка, не сходившая на берегъ, и пишетъ свои путевыя замѣтки.

— Вы были въ городѣ?

— Да.

— Вы видѣли туземцевъ?

— Видѣлъ.

— Можете мнѣ сказать, много ли они питаются рисомъ?

— О да, на ступеняхъ каждаго крыльца сидѣла семья и изъ котелка ѣла рисъ.

Быстро заработала рука по бѣлому листу: карандашъ смѣлѣетъ, когда умъ богатѣетъ. . .

Тронулись. Держимъ путь на Коломбо, Цейлонъ. Опять сіяющая гладь, и каждое утро «lovely morning». А ночью пѣнистый хвостъ нашего далеко разстилающагося слѣда фосфоромъ горитъ:

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены . . .

Какая сліянность въ безчисленности звѣздной. Какая сліянность въ отвѣтныхъ трепетахъ небесной тверди и зыби морской. Какая стройность въ горизонтальномъ шествіи высокихъ вертикальныхъ мачтъ. Какое единство отраженій въ моей душѣ. И въ первый разъ приходитъ мнѣ на умъ, что стихъ

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна

надо принимать не какъ перечисленіе чередованій, а какъ двойное выраженье одной сліянности: не сперва звѣзды, потомъ волна, а звѣзды и волны въ единовременномъ вѣщаніи природы. . .

Въ Сингапурѣ, передъ самымъ отплытіемъ, въ то время какъ разговаривалъ съ англичанкой, писавшей путевыя замѣтки, увидѣлъ поднимавшуюся по мостику высокую, бѣлыми покрывалами укутанную фигуру; изъ этого бѣлаго смотрѣло темное лицо, обрамленное черными волосами, и улыбались мнѣ глаза нашего знакомаго по чикагскому конгрессу Дгармапала.

— Откуда? спрашиваю.

— Изъ Японіи.

— Куда?

— Въ Коломбо.

— Зачѣмъ въ Японіи были?

— По нашимъ буддійскимъ дѣламъ.

— А сейчасъ?

— Ѣду съ японской депутаціей. Японскіе буддисты посылаютъ въ даръ цейлонскимъ древнюю, древнюю статую Будды. Хотите, когда пріѣдемъ, посмотрѣть на церемонію? Я вамъ скажу и день и часъ.

Мы подошли къ Коломбо на десятый день вечеромъ. Дгармапалу встрѣтила депутація. Онъ сказалъ мнѣ при прощаніи: «Завтра вечеромъ, въ шесть часовъ, здѣсь на пристани.»

Другой такой картины не помню наяву, какъ та, что я увидѣлъ на другой день. Сняли древнюю статую съ парохода и понесли между шпалерами туземныхъ женщинъ и мужчинъ. Проходили подъ пальмами, сыпались цвѣты, одежды колыхались, развѣвались блѣдныя радуги кисейныхъ покрывалъ. Лентою вилась смуглая толпа, и, какъ огромные цвѣты какихъ-то сказочныхъ піоновъ, стояли пестрыя чалмы надъ мягкой прихотью женскихъ уборовъ. Такъ шли, и за толпой, межъ пальмъ сіяло море... Иногда по приглашенію Дгармапалы, садился въ шарабанъ, запряженный горбатымъ быкомъ... Когда учился географіи, помню, въ атласѣ этакій горбатый быкъ назывался «зебу»... Подошли къ воротамъ; за ними зеленый лугъ, на немъ раскинуты павильоны, — на бѣлыхъ колоннахъ крыши безъ стѣнъ. То храмы буддійскіе.

Передъ среднимъ храмомъ толпа, оранжево-желтая. То жрецы; хламида у всѣхъ перекинута черезъ лѣвое плечо, правая голая рука свободна. Совершенно хоръ изъ оперы. У всѣхъ бритыя головы. Впереди стоитъ верховный жрецъ. Меня подводятъ, представляютъ. Кланяюсь. Верховный жрецъ смотритъ въсторону. Кланяюсь вторично, — онъ смотритъ въ другую. Кланяюсь въ третій разъ, — меня не замѣчаютъ. Одинъ изъ спутниковъ наклоняется надъ моимъ ухомъ: «Не удивляйтесь, это законъ: служитель Бога всѣмъ людямъ братъ; поклониться каждому человѣку на землѣ невозможно, а одному — несправедливо». Пока шли приготовленія къ молитвенному собранію, вошли въ помѣщенье верховнаго жреца. Со мной бесѣдовали, — конечно, чрезъ переводчика. Спросилъ, зналъ ли я въ Петербургѣ профессора Минаева, знатока санскритскаго языка? Сказалъ, что былъ его ученикомъ въ университетѣ. Обрадовался верховный жрецъ, сказалъ, что зналъ его, что онъ бывалъ на Цейлонѣ и у нихъ въ гостяхъ, въ этой же комнатѣ; его труды цѣнятся высоко. Подарилъ мнѣ книжку своего сочиненія, — непонятныя, затѣйливыя письмена... Пошли въ храмъ. Начались рѣчи, привѣтствія и отвѣты. Я сидѣлъ на эстрадѣ среди почетныхъ гостей; верховный жрецъ сидѣлъ тутъ же. Я ничего не понималъ изъ того, что говорилось на бенгальскомъ и японскомъ языкахъ, и смотрѣлъ на удивительную картину сидящихъ на полу, закутанныхъ въ кисею женщинъ, на стоящихъ около колоннъ мужчинъ, на свисающія со свода лампады, на звѣздную ночь въ просвѣтахъ между колоннъ и на высокія пальмы въ ночи... Вдругъ надъ моимъ

ухомъ по англійски шепотъ: отъ имени верховнаго жреца просятъ меня сказать слово. Пришлось выходить. Я сказалъ имъ то самое, чѣмъ привѣтствовалъ конгрессъ религій въ Чикаго. Есть у Достоевскаго въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» исторія про старуху и луковку; эту исторію я имъ разсказалъ. Вотъ она; разсказываю своими словами.

Въ аду мучилась одна старуха, великая грѣшница. Однажды увидѣла, высоко въ лазури небесной пролетаетъ ангелъ. Возопила. Ангелъ остановилъ полетъ, приникъ. «Будешь предъ лицомъ Всевышняго, скажи, что есть такая старуха, которая испытала больше, чѣмъ вытерпѣть можно. Не будетъ ли милость Господня облегчить ея страданья». Полетѣлъ ангелъ, доложилъ. «Узнай, сказалъ Господь, есть ли за ней хотя одно доброе дѣло на землѣ». Вернулся къ старухѣ. «Да, говоритъ, разъ я нищему луковку подала». Опять доложилъ ангелъ. «Возьми луковку, сказалъ Господь, протяни ей, пусть ухватится, а ты тащи: выдержитъ луковка, — спасена будетъ». Ангелъ такъ и сдѣлалъ. Старуха ухватилась, ангелъ сталъ тащить, — старуха стала изъ огня подыматься. Только вдругъ замѣчаетъ, за ноги къ ней другой грѣшникъ прицѣпился; однако луковка выдерживаетъ. Ангелъ тянетъ, — они все выше поднимаются; смотритъ старуха, — еще грѣшникъ, а тамъ еще и еще: цѣлая цѣпь виситъ, за ноги ея держится. Страшно сдѣлалось старухѣ, начала брыкаться, — не отстаютъ, а все больше ихъ. Тогда со всей силы крикнула: «Отстаньте! Луковка то вѣдь моя!» Только сказала, — стебелекъ сломился, и всѣ обратно въ огнь вѣчный полетѣли.

Къ этой исторіи придѣлать маленькое нравоученіе для даннаго случая, что хорошее на землѣ принадлежитъ всѣмъ, что въ духовной цѣнности нѣтъ собственности, что Гете Карлайлю писалъ: «Das wahrhaftig Schöne sich dadurch auszeichnet, daß es der ganzen Menschheit angehört», — это уже не трудно... Исторія луковки, «the carot-story» имѣла огромный успѣхъ въ Америкѣ. «The carot is mine!» раздавалось и въ засѣданіяхъ, и въ частныхъ разговорахъ, и на плацу, гдѣ играли въ футболъ. И эту же луковку разсказалъ я передъ наивной аудиторіей индусовъ. Я говорилъ по англійски, а туземецъ переводилъ на бенгальскій; я кусочекъ говорилъ, выжидалъ перевода и продолжалъ. Очень было занимательно при этомъ наблюдать, какъ во время моей англійской рѣчи смѣялись тѣ немногіе, которые понимали, какъ ихъ смѣхъ подстрекалъ вниманье тѣхъ, кто не понималъ, и какъ послѣ перевода разражалась смѣхомъ вторая, многочисленная группа, да и первые заодно еще разъ. Когда я кончилъ, когда умолкли знаки одобренія, произошло нѣчто невѣроятное: верховный жрецъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и при всемъ народѣ протянулъ мнѣ руку. Надъ ухомъ моимъ взвол-

нованно-торопливо прошепталъ одинъ изъ моихъ спутниковъ: «Никогда не видалъ, чтобы онъ такую вещь сдѣлалъ».

Такъ кончился мой первый день на Цейлонѣ, и все пребыванье на этомъ островѣ прошло подъ покровомъ этого перваго впечатлѣнія: какая-то сказка, какая-то неосязаемость, неуловимость; ничего матеріальнаго; одни образы, краски, какія-то безплотности. И общее впечатлѣніе — растительное. Растенія, куда ни глянешь, — растенія, листья, стволы, вѣтви, цвѣты, но все въ огромныхъ, непривычныхъ для глазу размѣрахъ, съ невѣроятной щедростью растительной силы. И съ какой для нашего европейскаго глаза цѣнностью! Представьте себѣ рѣдчайшія тепличныя растенія, выкинутыя на улицу, или растущія краю канавы, у забора. Вы видали, конечно, въ теплицахъ бываетъ еще внутренняя, вторая тепличка; тамъ очень жарко, очень сыро, хорошо пахнетъ, и тамъ растутъ самыя удивительныя растенья, нѣжнѣйшіе папоротники, невиданныя листья, темно-зеленыя, и по нимъ жилки розовыя, бѣлыя, малиновыя. Вотъ это я видѣлъ тамъ у заборовъ, это тамъ растетъ, какъ у насъ крапива и лопухъ. Когда я этимъ любовался, я съ сожалѣньемъ смотрѣлъ на туземцевъ: вѣдь они не сознаютъ, что окружены рѣдчайшей прелестью; то есть они красоту, конечно, ощущаютъ, но рѣдкостности ея, очевидно, не могутъ ощущать. И странныя мысли приходятъ на умъ. Если у насъ въ Европѣ строятъ теплицы, въ которыхъ выхаживаютъ эти рѣдкостныя растенія, то можетъ когда-нибудь случиться, что на тропикахъ какой-нибудь любитель ботаники построитъ «холодницу», въ которой будетъ выращивать крапиву и лопухъ. Но, конечно, кромѣ рѣдкости, которая является принципомъ субъективнымъ, есть и объективная цѣнность, и если можно въ такой «холодницѣ» на Цейлонѣ взростить клюкву, то при всей ея рѣдкости все же персики и ананасы вкуснѣе, и тамошніе заборы красивѣе нашихъ. И, несмотря на всю красоту, скажу, — я не люблю природу, въ которой нѣтъ травы, муравы, гдѣ нельзя подъ деревомъ съ книжкой лежать. Это природа изумительная для глазъ, но войти въ нее, смѣшаться съ ней какъ-то трудно. Смотришь на нее, какъ на декорацію, невѣроятную декорацію. Самое невѣроятное, что я видѣлъ, это путь изъ Коломбо въ Канди. Канди въ горахъ, тамъ не такъ душно, это дачное мѣсто. Но что за дорога! Поѣздъ вьется по горамъ, но эти горы какъ будто въ зимнемъ саду: пальмы, папоротники, бананы, филодендроны, павлоніи, араукаріи... И кажется кощунственнымъ желѣзнодорожный шумъ среди этой тропической дѣвственности. И самое удивительное среди этой удивительной растительной сказки, — тюльпановое дерево. Огромный стволъ у земли какъ будто нѣсколько разъ закручивается вокругъ себя, самъ себѣ дѣлаетъ пьедесталъ и потомъ,

какъ гладкая колонна, устремляется вверхъ подъ раскидистую шапку; на этой шапкѣ сидятъ огромной величины красные цвѣты, красные цвѣточные бокалы; когда они зрѣлы, они срываются и падаютъ въ одиночку тяжело на землю: прямо картина изъ «Парсифаля»... Какой преизбытокъ красоты, когда такой красный бокалъ срывается съ зеленой высоты своей, чтобы упасть къ вашимъ ногамъ! Когда ихъ много упало, — какой коверъ!

Цейлонъ — царство лѣни, полудремы, Тамъ нѣтъ быстраго движенья. Даже глаза, самый быстрый изъ нашихъ органовъ, тамъ передвигаются лѣниво. Помню, мы поѣхали внутрь острова посмотрѣть старыя развалины; втроемъ съ двумя англичанками мы сидѣли въ арбѣ; тутъ же сидѣлъ, ближе къ переднему краю арбы, смуглый туземецъ, сидѣлъ бокомъ, полулежа, свѣсивъ ноги черезъ край телѣги и отъ времени до времени жердочкой бамбуковой постегивалъ своего зебу, горбатаго быка. Какъ изводила меня сонная медленность, съ которой онъ стегалъ. Съ какимъ безразличіемъ къ тому, пошло ли вьючное животное скорѣе или нѣтъ... И вдругъ я понялъ: вѣдь, быкъ не можетъ идти скорѣе, такъ зачѣмъ же и возницѣ вносить энергію въ свое стеганье? Да, нашъ русскій ямщикъ въ свое стеганье вноситъ энергію, но этотъ погонщикъ соннаго быка, — зачѣмъ онъ будетъ энергиченъ? И понялъ я, какъ въ движеніи своемъ человѣкъ заражается отъ природы. Кто живетъ около горныхъ потоковъ, у того походка бодрая, быстрая, твердая; кто живетъ у нашихъ тихихъ рѣкъ, текущихъ въ сыпучихъ, мягкихъ берегахъ, у того походка вялая, мягкая. И ямщикъ отъ тройки гикаетъ на тройку же, погонщикъ соннаго зебу и самъ дремлетъ. И мы дремали, и все кругомъ дремало; дремали перистые высокіе бамбуки, никли съ вѣтвей тяжелыя ліаны, и сонная черезъ дорогу передъ нами проползала толстая змѣя, и на другомъ краю дороги усасывала ее знойно-сонная земля... О, дебри, зеленыя, солнечныя! Какъ хороша нескончаемая глубина вашей зелени и вашей солнечности!.. Какъ солнечна ваша зелень, какъ зелена ваша солнечность! Читалъ однажды въ оглавленіи одного журнала: «Дебри эстетики». Какъ это звучитъ нехорошо, взъерошенно, колюче. А переставьте: «Эстетика дебрей», — какъ мягко... Мы ѣхали мягко по потной лѣсной землѣ. Жарко. Мы мокли и потягивали теплую содовую воду. Ледъ тамъ самая большая драгоцѣнность, чуть не драгоцѣннѣе драгоцѣнныхъ камней, которыхъ такъ много на Цейлонѣ. Лунный камень такъ дешевъ; въ Петербургѣ вдесятеро за него давали. А жемчугъ. Къ сожалѣнію я былъ не въ то время, когда бываетъ ловъ жемчуженосныхъ устрицъ. Но тамъ заманчивый есть обычай. Покупаете бочку устрицъ, — можетъ случиться, что всѣ пустыя (это

бываетъ часто), а можетъ и въ каждой устрицѣ жемчужина (этого никогда не бываетъ). Своего рода азартная игра.

Драгоцѣнные камни на Цейлонѣ прямо одолѣваютъ, то есть одолѣваютъ туземцы-продавцы. Лежишь на верандѣ гостиницы Great Oriental въ глубокомъ креслѣ съ длинными, какъ весла, локотниками; на эти весла кладутъ англичане свои вытянутыя ноги въ самой неприличной позѣ; но обычай, великій узаконитель, узаконилъ и это. И вотъ, пока лежишь и тянешь черезъ соломинку холодный лимонадъ, проходятъ мимо темные туземцы въ бѣлыхъ плащахъ, съ черными волосами, зачесанными по женски — шиньономъ съ гребнемъ — и выкладываютъ на столъ передъ вами, кто рубинъ, кто сапфиръ или лунный камень.

— Не надо.

— Да вы только посмотрите, какой камень.

— Не надо.

— Да вы не покупайте, а только посмотрите.

— Ужъ я видѣлъ. Ступай.

— Ну, тогда скажите, сколько, по вашему, стоитъ.

— Не знаю, мнѣ все равно.

— Нѣтъ, вы только скажите. Покупать не надо. Ну, сколько?

— Десять рупи... Ступай.

— Десять рупи! Что вы, мастэръ. Да за такую прелесть и пятьдесятъ мало.

— Ступай!

— А вы говорите десять.

— Ступай!!

— Десять рупи! Ха, ха, ха... Ну, тридцать.

—Ступай!!!

Во всѣхъ концахъ веранды раздается «Go!» (Ступай). И вдругъ кто нибудь крикнетъ — «Джао!!» Этотъ туземный переводъ слова «ступай» имѣетъ на бенгалійцевъ такое же вліяніе, какъ «брысь» на кошку. Веранда пустѣетъ, воцаряется покой.

Населеніе на Цейлонѣ, какъ во всей Индіи, смѣшанное. Одно племя, вотъ какъ эти продавцы камней, — смуглые, вялые, гибкіе, съ шиньонами; это бенгалійцы, раса, поражающая какою-то свѣтлой наивностью, — большія дѣти. Затѣмъ есть престранное племя, — не помню, какъ ихъ зовутъ. Они почти бѣлые, какъ наша кавказская раса, малорослые, приземистые, крѣпыши, не только безъ шиньоновъ, но наголо бритые и, что удивительнѣе всего, это чистѣйшій древне-римскій типъ; съ нихъ можно было бы лѣпить бюсты императоровъ и сенаторовъ. Они совсѣмъ своеобразно драпируютъ свои кисейныя одежды, — ихъ всегда можно узнать въ толпѣ. Но одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій въ области антропологіи это

такъ называемые Тамилы. Самый великолѣпный образецъ кавказской расы по сложенію своему и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно черные, какъ самый черный негръ. Это лучшій типъ человѣческой породы, вылитый въ черную бронзу. Они живутъ только на Цейлонѣ и въ самой южной части Малакскаго полуострова. Въ нихъ что-то удивительно благородное, въ послѣдней степени аристократичное. Часто видалъ, какъ какой-нибудь вульгарный европеецъ подходитъ къ такому тамилу, продавцу овощей, и удивлялся я неправедливости, съ какою природа распредѣляетъ самочувствіе людей. Вѣдь, европеецъ долженъ бы чувствовать себя ниже его и тотъ долженъ бы себя чувствовать выше европейца, а на самомъ дѣлѣ наоборотъ. И ни тотъ, ни другой не сознаютъ, что пребываютъ въ заблужденіи. Помню, шелъ однажды по берегу моря такой черный тамилъ; на немъ былъ только поясъ и большой красный платокъ на головѣ; было вѣтренно ,платокъ развѣвался и не имѣлъ другой прикрѣпы, кромѣ противодѣйствія, который ставилъ вѣтру лобъ человѣка... Женщины этого типа очень мало развиваются физически, точно ихъ ростъ былъ задержанъ; очень рано старѣются, какъ вообще южныя женщины, и уродуютъ себя страннымъ обычаемъ, — прорѣзаютъ себѣ нижнюю часть уха и подвѣшиваютъ тяжелыя желѣзныя кольца, чтобы оттягивать ее какъ можно ниже; это начинается съ дѣтства; есть дѣвочки, у которыхъ виситъ три, четыре кольца; идеалъ — оттянуть ухо настолько, чтобы впослѣдствіи одно единственное кольцо касалось плеча. Самыя красивыя женщины, которыхъ я видѣлъ, это въ Дэли, — цвѣта кофе съ молокомъ; черные миндалевидные глаза, какъ у лани, съ сильными бѣлками; серьезныя, загадочныя, укутаны въ бѣлыя покрывала и носятъ на ноздрѣ запонку, серебряную мушку.

Цейлонъ, когда вспоминаешь остальную Индію, уходитъ въ какую-то растительную дымку, это огромный цвѣтокъ. Конечно, этому впечатлѣнію способствуетъ то, что я не охотникъ; для другихъ Цейлонъ есть зеленая чаща, трещащая подъ грузной, сокрушающею поступью слона. Для меня это цвѣтокъ, оторванный отъ материка; въ немъ недвижность и молчаніе. Вся прочая, материковая Индія — движеніе и говоръ.

Самое своеобразное, что я видѣлъ въ Индіи, это Джейпуръ, столица Раджпутаны, на полпути между Калькутой и Бомбеемъ. Что за прелесть этотъ розовый городокъ. Резиденція магараджи, и весь городъ какая-то «царская потѣха», какое-то театральное представленье на открытомъ воздухѣ. На площади у фонтана, какъ бы посреди сцены, остановилъ извощика и такъ изъ коляски и смотрѣлъ на «представленіе». Вотъ прогуливаютъ царскихъ лошадей; какія сѣдла, какіе чепраки, и что за лошади! Помню одну, гнѣдую, какъ атласъ, съ бѣлой

гривой и бѣлымъ хвостомъ и на одну ногу бѣлоножка, что такъ цѣнится арабами... Вотъ на цѣпяхъ водятъ царскихъ пантеръ; это какъ соколиная охота, ихъ спускаютъ на четвероногую дичь. Вотъ катаютъ придворныхъ танцовщицъ; въ большихъ двухъ открытыхъ каретахъ ѣдетъ ихъ двѣнадцать, пятнадцать, — смуглыхъ ланей съ бѣлками въ черныхъ глазахъ, въ кисеѣ, съ кольцами въ ушахъ, съ серебряной мушкой на носу; и блестятъ звонкія запястья на смуглыхъ рукахъ... И что за толпа, что за картинная толпа! Какая аристократичность демократической толпы! О, какъ выродилось арійское племя въ нашей Европѣ! Какой праздникъ для глазъ; люди всѣхъ цвѣтовъ загара, и все кисея, блѣдные цвѣта, подъ жгучимъ солнцемъ умирающія радуги...

Да, Джейпуръ, можетъ быть, самое сказочное, что я видѣлъ въ сказочномъ Востокѣ. Помню, въ окрестностяхъ фиговую рощу, и на фиговыхъ деревьяхъ сидѣли и съ вѣтокъ спускали златоглазые хвосты свои синіе павлины; среди нихъ я ѣхалъ на слонѣ. Непріятенъ слонъ, — толчками идетъ, вродѣ телѣги на четырехугольныхъ колесахъ.

Вспоминается мнѣ одна кинематографическая лента, которую видѣлъ въ Парижѣ и пошелъ смотрѣть второй разъ, — такъ она была восхитительна. Она изображала путешествіе англійскихъ короля и королевы въ Индію. Я видѣлъ это кинематографическое воспроизведеніе въ цвѣтныхъ снимкахъ десять лѣтъ тому назадъ и не могу забыть. До сихъ поръ, когда закрою глаза и вспомню, вижу блескъ этого солнца и густую синеву ложащихся отъ него тѣней; и въ этомъ изумительномъ, невѣроятномъ по яркости своей освѣщеніи я вижу изумительнѣйшее, невѣроятнѣйшее изъ зрѣлищъ. Посреди необъятной равнины королевская ставка, — на высокихъ красныхъ ступеняхъ, подъ золотою сѣнью, видные со всѣхъ сторонъ, сидятъ король и королева. Вся равнина усѣяна войсками и народомъ, но не толпа, а правильно изъ людей составленная геометрія; все поле раздѣлано двуцвѣтнымъ пескомъ, — на одномъ пескѣ стоятъ, по другому идутъ и проходятъ. И что за картина это сочетаніе англійскихъ мундировъ и туземныхъ облаченій. Проходила англійская пѣхота въ красномъ, проходила туземная пѣхота въ англійскихъ мундирахъ, но съ чалмами; проходила туземная артиллерія черныхъ людей, туземная артиллерія на верблюдахъ. Огромные, нагруженные людьми, съ цѣлыми селеньями на спинѣ шествовали слоны, увѣшанные драгоцѣнными бляхами, ожерельями, — гордые своими уборами, въ развѣвающихся мантіяхъ разноцвѣтнаго атласа съ серебристыми переливами. И съ такими же серебристыми переливами,

въ своихъ розовыхъ кафтанахъ и съ бѣлыми атласными знаменами, легкая, молодцоватая проходила дружина смуглыхъ сипаевъ, — чуть не слышенъ подъ вѣтромъ плескъ лоснящихся знаменъ. И все блестѣло и сіяло, опаленное огнемъ тамошняго солнца, очерченное синевою тамошнихъ тѣней. Одна картина еще запомнилась мнѣ: просто толпа, море головъ, море лицъ, и всѣ щурятся на ослѣпительномъ солнцѣ.

Да, толпа восточная нескончаемый праздникъ для глазъ. И характерно различіе окраски восточной толпы въ разныхъ мѣстахъ. Въ Индіи пестрая, въ Каирѣ синяя, въ Тунисѣ бѣлая. Индія и сама пестрая, Каиръ съ синею толпой самъ красный на фонѣ песчанаго моря пустыни, а Тунисъ и самъ бѣлый и толпа въ немъ бѣлая. И какъ на этомъ бѣломъ всякая краска выдѣляется! Идетъ передъ бѣлой ослѣпительной стѣной арапъ, черный, чернѣе чернаго, въ свѣтло-зеленомъ бурнусѣ; большой вырѣзъ на черной груди перерѣзанъ бѣлой рубашкой; запускаетъ свои черныя лапы за пазуху и изъ-за пазухи зеленаго бурнуса въ черныхъ лапахъ вытаскиваетъ два апельсина. О, акварель, зачѣмъ я не владѣю кистью!

Когда говоришь объ островахъ и о морѣ, трудно не вспомнить пустыню, — песчаное море. Коварная обворожительница, заманивающая, втягивающая и вмѣстѣ съ тѣмъ — великая успокоительница. Въ этой ровной глади какое-то могущество горизонтали, и въ грозномъ ея единствѣ — рѣдкая вертикаль, какъ начало робко нарушающее. Идетъ верблюдъ, корабль пустыни, мягко ступаетъ мягкимъ копытомъ въ мягкій песокъ. Смуглый погонщикъ въ синей рубашкѣ съ бѣлой ермолкой идетъ за верблюдомъ; гортаннымъ крикомъ на букву А отъ времени до времени погоняетъ его; сколько неразгаданнаго въ этомъ гортанномъ «ХАА»; и мольба, и покорность, и тоска; и все это безгранично, какъ безгранична окружающая пустыня, и бездонно, какъ бездонны нѣдра человѣческихъ поколѣній. . .

Не могу себѣ представить пустыню иною, нежели арабской, а вѣдь была когда-нибудь и она другая, какъ все на землѣ. Между Тунисомъ и Сфаксомъ есть посреди пустыни римскій циркъ, гигантскій, и ничего кругомъ: пустыня, колизей и кактусы. Значитъ, была пустыня когда-нибудь и римская. Сейчасъ въ тѣнистой сторонѣ этого огромнаго цирка пріютились арабскія сакли, — человѣческія гнѣзда, микробы въ щеляхъ римскаго скелета. Это мнѣ напоминаетъ, есть такая особая вошь, она водится только на шишкѣ, которая выростаетъ у кита на его сто-первомъ году отъ рожденья. Огромный старый китъ, этотъ колизей среди пустыни, старый, хмурый, гордый среди корявыхъ кактусовъ, непреклонный въ не-

сліянности римскаго величія съ бѣднотой арабскаго кочевья. И до сихъ поръ вижу колыханье волнистыхъ бурнусовъ на римской недвижности каменныхъ очертаній...

Мягко шагаетъ верблюдъ, удобно сидѣть въ мягкихъ подушкахъ на высокомъ горбу; чуть-чуть укачиваетъ... Погонщикъ издаетъ свое гортанное понуканіе, — жалоба ли человѣка или вздохъ пустыни?.. Вотъ вереница женщинъ съ завѣшанными лицами, съ кувшинами на головахъ. Вода — самое драгоцѣнное въ этомъ морѣ песка... Вотъ встрѣчный всадникъ, закутанный въ бурнусы, на дивномъ арабскомъ конѣ, свѣтлогнѣдомъ, съ черной гривой и такимъ же хвостомъ и съ бѣлою у самаго копыта щиколоткой. У араба крученою веревкой окручена чалма, и за спиной длинная, тонкая винтовка... Вотъ идетъ въ бѣломъ бурнусѣ арабъ, и свисаютъ съ головы по обѣ стороны до земли двѣ вязанки краснаго перца; какъ красное вино, горятъ прозрачные стручки, пронизанные закатными лучами склоняющагося солнца... Вонъ, среди пустыни, опустившись на колѣни рядомъ съ лежащимъ верблюдомъ своимъ, оборотившись къ заходящему солнцу, творитъ вечернюю молитву бедуинъ... И каждый день вечерній часъ, какъ дуновенье вѣтра клонитъ покорную ниву, — склоняетъ подъ молитву покорныя чалмы, и Востокъ, преклонивъ колѣна, молится на Западъ...

Во слѣдъ уходящему солнцу пойдемъ и мы. Довольно востока, тянетъ домой. Зоветъ Средиземное море. О, колыбель наша, наша духовная родина! Между Азіей, Европой и Африкой, синее, смѣющееся: то Эгейское, то Мраморное, то Адріатическое, то Іоническое, и всегда Средиземное. Что прелестнѣе архипелага между Малой Азіей и Греціей? Точно камней набросала природа, чтобы по нимъ чрезъ зыбкую пучину человѣчество переходило изъ міра древнихъ созерцаній въ кипучій міръ мысли и труда. Какое соприкосновеніе міровъ: малоазійскіе острова, — какъ брызги Греціи на Азію, а Турція, — какъ азіатскій всплескъ на нѣжные греческіе берега. И вотъ Грецiя! Не эта, конечно, а та, прежняя, давняя, та, что называется «древняя»; и почему называется? Что можетъ быть болѣе юно, чѣмъ древняя Грецiя? Когда дѣдушка разсказываетъ внукамъ о молодости своей, онъ молодѣетъ; такъ и мы: когда думаемъ о «древней Греціи», мы молодѣемъ, — Грецiя молодость человѣчества. И, блестящая, стройная, съ тирсомъ, съ тимпаномъ, съ влажными глазами, прекрасная и мудрая, вѣнчанная лавромъ, стоитъ она, божественно-земная, среди Средиземнаго моря. И все въ нее стекается, и все въ ней зарождается, и все изъ нея излучается, все прекрасное и все

мудрое, все, что было, и все, что будетъ. Всегда она смыкала въ себѣ надежду вѣковъ. И когда наступили великія потрясенія, когда дрогнула земля подъ топотомъ варварскихъ нашествій, когда утрачены были пути и потухли огни, когда и ея священную землю попрала кощунственная пята и святотатственная длань погнула божественную выю, — тогда, во мракѣ варварскихъ нашествій зажегши древній факелъ свой, она черезъ море подала его сестрѣ Италіи, и тамъ возжегся факелъ Возрожденія. Да, Средиземное море баюкало нашу духовную колыбель: Адріатическія волны лобзали и берегъ Греціи, и берегъ Италіи.

Далматинскій берегъ Балканскаго полуострова есть всплескъ Италіи: итальянская рѣчь, итальянскія церкви, венеціанскія зданія, и всюду глядитъ на васъ венеціанскій Левъ Св. Марка. Съ обѣихъ сторонъ Адріатическаго моря, съ балканскаго берега на аппеннинскій и съ аппеннинскаго на балканскій, мраморный Левъ Св. Марка вперяетъ очи въ даль и держитъ въ лапѣ раскрытую книгу, въ которой первое слово: «Pax Tibi» (миръ тебѣ). А между тѣмъ все самое кровавое въ исторіи нашей истерзанной Европы оттуда исходило, тамъ все зачиналось, въ этомъ уголку Адріатическаго моря. . .

Какая нѣга на этихъ берегахъ, когда не просыпается «брань племенъ»! Корфу! Какой нѣжный островъ, въ тѣни трепещущихъ оливъ. Огромныя оливы, старыя, дуплистыя, и на нихъ молоденькій серебристый листокъ. На горѣ, надъ высокимъ берегомъ моря, раскинули старыя оливы сѣни своей листвы, а внизу, подъ берегомъ, на синемъ морѣ островокъ и на немъ бѣлый монастырь. И все обрамлено тѣнистою завѣсой трепещущихъ листовъ. Тутъ же, на этомъ же Корфу, безвкусная вилла императрицы австрійской, несчастной Елизаветы, которую впослѣдствіи купилъ Вильгельмъ. Что больше свидѣтельствуетъ о безвкусіи, — построить или купить?

Вотъ удивительное Каттаро, надъ глубоко въ берегъ врѣзавшейся гаванью, у подножія исполинскихъ горъ; по этимъ горамъ, снизу видно, вьется бѣлая лента до самаго верха, — то дорога въ Цетинье. У меня было время отъ парохода до парохода, я перевалилъ черезъ горы. Я видѣлъ скалистую Черногорію, дикую, безплодную. Пріѣхалъ въ Цетинье въ восемь часовъ вечера и уѣхалъ въ шесть часовъ утра. Какое огромное усиліе только для того, чтобы сказать — «побывалъ». Я ѣхалъ въ коляскѣ съ одной француженкой, учительницей пѣнія. Переваливъ черезъ горы, увидѣли налѣво вдали сіяющее озеро. Возница нашъ обернулся и, указывая бичемъ, сказалъ: «Езеро». Я увидѣлъ въ глазахъ моей спутницы какой-то ужасъ.

— Comment! Encore le Iézéro! (Какъ! Опять езеро?).

— Et pourquoi pas? (Почему же нѣтъ?).

— Mais avant-hier (J'étais bien loin d'ici) j'ai demandé au cocher en montrant un lac, ce que c'était. Il me répondit que c'était le Iézéro. Je n'ai pourtant pas voyagé pendant deux jours pour me retrouver au même endroit! (Да я третьяго дня спросила кучера, указывая на озеро, — что это такое. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это Езеро. Не проѣздила же я двое сутокъ, чтобы очутиться на томъ же мѣстѣ).

Я ей объяснилъ, что «езеро» есть имя нарицательное, не собственное, и значитъ «озеро». Иногда малаго довольно, чтобы успокоить человѣка. . .

Вотъ милая Рагуза. Старыя, старыя крѣпостныя стѣны, и обсыпаны олеандрами, красными и бѣлыми. Весь городъ обсыпанъ олеандрами, и прострѣливаютъ его вверхъ бодрые стрѣльчатые кипарисы, а сверху осѣняютъ развѣсистые, усталые платаны. И тутъ тоже есть островокъ съ монастыремъ, и растутъ на островкѣ особо пахучія травы; монахи ихъ берегутъ и разводятъ. Тамъ тихо, на томъ островкѣ; тамъ знойно, пахуче; шмыгаютъ ящерицы и пчелы жужжатъ. На этомъ островочкѣ стоитъ бюстъ американца Гордонъ-Бенета. Этотъ милліардеръ, издатель «New York Herald'a», опутавшій земной шаръ проводами своего телеграфа, на страницахъ газеты своей играющій міровыми событіями, сюда уединяется; онъ благодѣтельствуетъ монастырю, монахи поставили ему памятникъ, ящерицы играютъ вокругъ его подножія. . .

А вотъ грозное Спалато, — дворецъ императора Діоклеціана, полуразрушенный, и въ остовѣ этого дворца помѣстился городъ: лѣстница царскаго жилища — улица, двери — городскія ворота. Исторія реквизировала его подъ народную собственность. . .

Больше двухсотъ лѣтъ этотъ берегъ далматинскій смотритъ на Италію, и только теперь, послѣ недавнихъ потрясеній, соединились они, и Адріатическое море стало итальянскимъ озеромъ, и Венеція, когда смотритъ черезъ воду, уже глядится не въ чужеземную, а въ собственную даль. . .

Венеція! На песчаныхъ островахъ мраморомъ расцвѣтшій городъ. Вспоминаю, что моя мать однажды спросила одного крестьянина, бывшаго матроса, у насъ въ деревнѣ, въ Павловкѣ, — какой изъ всѣхъ городовъ въ кругосвѣтномъ его плаваніи понравился ему больше всего. «Венеція, сказалъ онъ, потому что тамъ зимой тепло, вмѣсто улицъ тамъ каналы съ мраморными дворцами и народъ всю ночь поетъ». Какое красивое и въ сжатости своей полное опредѣленіе: и климатъ, и искусство,

и человѣкъ. Этотъ пахарь Тамбовской губерніи памятью своей выбралъ воду, мраморъ, ночь и музыку, то самое, о чемъ писали поэты, то самое, чѣмъ музыканты оглавляли свои пѣсни, то самое, что видѣлъ Пушкинъ, когда писалъ:

Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой.

О, безмолвная лунность мраморныхъ дворцовъ, трепещущая лунность сонной лагуны!.. Дыханіе ночи... Проходитъ мимо длинная тѣнь черной гондолы; звѣздочкой блеститъ фонарь на носу, и вертикальное его отраженіе, какъ огненное лезвіе, прорѣзаетъ путь, по которому она скользитъ. Какъ лебединая шея, недвижно щетинится надъ носомъ металлическій гребень гондолы. Въ углубленіи, почти сливаясь съ подушками сидѣнья, устало-зачарованныя, двѣ обнявшіяся тѣни. За ними, на высокой кормѣ, тонкая тѣнь гондольера обмакиваетъ сонное весло въ сонную воду. И кажется, не онъ ведетъ гондолу, а огонекъ ведетъ ее, и весло лишь ради плеска плещетъ. Тихо дыханіе ночи; она вдыхаетъ, когда вода подымается; она выдыхаетъ, когда вода опускается... Ударилъ колоколъ вдали; мѣдный звукъ упалъ въ ночи надъ моремъ и растаялъ. Съ котораго изъ острововъ? Кіоджа? Мурано? Бурано?.. Тишина, и вкрапленныя въ тишину гдѣ-то далекія пѣсни...

Встаетъ надъ Венеціей солнце. Встаетъ изъ-за моря, и скоро, спѣшно побѣдные лучи по глади водной гонятъ полчища утренняго тумана. Раскрывается передъ нимъ изъ ночной прохлады проступающій, уже горячимъ свѣтомъ облитый рядъ сіяющихъ дворцовъ. Зажигаются солнцемъ купола Святого Марка, блещутъ рядомъ съ куполами поднятые ввысь золотые греческіе кони; бѣлый мраморъ, и цвѣтистый мраморъ, и золотые шарики крестовъ — все сіяетъ на открытой площади передъ открытымъ моремъ. А въ узкихъ, запрятанныхъ каналахъ, гдѣ межъ высокихъ стѣнъ дворцовъ замѣшкалась лѣнивая ночь, лучи охотятся за тѣнями сметаютъ, гонятъ ихъ. Бѣгутъ съ карнизовъ угрюмыхъ мраморныхъ воротъ, бѣгутъ изъ-подъ балконовъ, прячутся за круглыя колонны, вползаютъ въ щели, въ глаза и ноздри мраморныхъ масокъ и останавливаются, очерченныя, подъ сводами мостовъ. Блеснула подъ солнцемъ гладь лагуны, и рыболовныя барки понесли въ открытое море непонятные знаки своихъ красныхъ парусовъ...

Венеція проснулась, звенитъ говоромъ людскимъ, и плескомъ веселъ, и звономъ башенныхъ часовъ, и топотомъ шаговъ. Да, — шаговъ: въ Венеціи не только въ лодкѣ катаются, въ Венеціи можно много ходить. И какъ прелестны эти маленькія улички, суетливыя, хлопотливыя. Какъ люблю эти лавченки, — фрукты, золотыя вещи, овощи, гнутое желѣзо. Какъ

красиво колыханье этихъ женскихъ венеціанскихъ шалей, черныхъ, но смягченныхъ морскимъ соленымъ воздухомъ. Звонко-говорливо въ венеціанскихъ улицахъ; тамъ нѣтъ колесъ, нѣтъ другого шума, кромѣ людского; ни лошади, ни автомобиля; тамъ на улицѣ — какъ въ комнатѣ. Ни въ одномъ городѣ такъ не слышенъ говоръ людской. Люблю эти маленькія улички, — хлопотливыя, говорливыя, люблю эти красныя, кипучія артеріи живой Венеціи. Но во сколько больше люблю зеленыя вены, сонные каналы дремлющей Венеціи! Скользитъ гондола межъ мраморныхъ стѣнъ; ни говора, ни хлопотни; плескъ весла, невидимый окрикъ гондольера изъ-за угла; встрѣча, легкое столкновеніе бортовъ, и опять сонное колыханье... Вдругъ новый окрикъ, и изъ-за угла, въ разрывѣ духъ дворцовъ, выплываетъ молчаливая громада овощами нагруженной барки... Кругомъ все мраморъ и вода; мраморъ въ водѣ отражается, вода о мраморъ плещетъ; онъ въ воду погружается, она къ нему льнетъ. И если въ прорывѣ межъ высокихъ зданій вдругъ солнечный лучъ ударитъ въ эту сонную таинственность, какъ заиграетъ водяная зыбь отраженіями солнцемъ зажженнаго мрамора; какъ заиграетъ мраморная гладь свѣтовою зыбью водяныхъ зайчиковъ!

Двѣ Венеціи въ Венеціи: живая, сердцебіеніемъ бьющаяся красная Венеція маленькихъ улицъ и — летаргическая, зеленая Венеція сонныхъ каналовъ. И на каждомъ скрещиваніи этихъ двухъ Венеціи — сводъ моста: красная поверхъ зеленой, зеленая подъ красной... Въ какіе сны поднималось воображенье человѣческое, въ какіе горніе міры, чтобы свести на землю ту сказку, что называется Венеція?..

Сижу передъ кафэ Флоріанъ на площади Св. Марка, подъ арками. За большими полосатыми занавѣсками солнце милостиво, — тѣнь пронизанная свѣтомъ. Вкусна въ холодномъ стаканѣ малина со льдомъ. На площади передъ соборомъ дѣти и иностранцы кормятъ голубей; кукурузовыя зерна разсыпаются золотымъ дождемъ, и голуби толпятся въ воздухѣ и на плитахъ мостовой, толпятся, тѣснятся, бьются крыльями, клюютъ, взлетаютъ, возвращаются. Въ пернатомъ переполохѣ дѣтскій смѣхъ... Великій соборъ смотритъ на нихъ огромными растворами своихъ пяти дверей, и сіяютъ въ солнечныхъ лучахъ колонны, мозаика, фризы, мраморные завитки, золотые кони, купола, кресты и шарики крестовъ. Цѣлый міръ мрамора и золота цвѣтетъ и горитъ. И тотъ же самый цвѣлъ и горѣлъ и прежде, сотни лѣтъ до меня. Такъ же сіялъ и смотрѣлъ на нарядную Венецію нарядная Карпачо, на пышную Венецію пышнаго Веронеза, на игривую пудренную Венецію Гольдони, и такъ же смотритъ на нашу современную толпу, сѣрую, неопредѣленную, коварную... Какъ цѣнимъ мы то, что неизмѣнно;

«во дни шатанія земли» какъ цѣнимъ то, что не можетъ пошатнуться... И люди, которые не мѣняются, какъ цѣнны. Цѣнны, какъ все рѣдкое, рѣдки, какъ все цѣнное. Вотъ почему такъ дорога Италія, — что даже въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя она испытываетъ, она всегда одна, та самая, что была, потому та самая, что пресыщена прошлымъ, каждое настоящее мгновеніе въ Италіи полно прежнихъ вѣковъ. И всѣ мгновенія, какъ бы ни были различны, связаны однимъ; изъ глубины временъ въ каждомъ мгновеніи живетъ уваженіе къ предыдущему мгновенію. Черезъ сколько потрясеній прошла эта страна, но никогда не было занесено на страницы исторіи ихъ какое-нибудь разрушеніе памятника; что разрушено, разрушено варварами извнѣ, своихъ варваровъ не было. Вся исторія итальянской культуры естъ актъ уваженія и сбереженія, и когда венеціанская колокольня на площади Св. Марка рухнула, Италія ее возстановила. О, томительная загадка времени! Повисло человѣчество въ мгновеніи настоящаго между прошедшимъ и будущимъ, — въ прошломъ утраченный рай, въ грядущемъ обѣщанный рай, и вмѣстѣ съ поэтомъ взываемъ:

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущаго,
Но помилуй прошедшее!

Любовь къ прошлому первый признакъ культуроспособности, потому что это есть любовь къ тому, что не мѣняется. Прошлое есть; въ силу того, что оно было, оно есть, есть и не мѣняется. Шиллеръ сказалъ:

Dreifach ist der Schritt der Zeit:
Zögernd kommt die Zukunft hergezogen,
Pfeilschnell ist das Jetzt entflogen,
Ewig still steht die Vergangenheit.

(Тройственъ времени полетъ:
Завтра медленно подходитъ,
Какъ стрѣла, летитъ нашъ мигъ,
Лишь прошедшее недвижно.)

Въ этой недвижности тотъ покой душевный, который находимъ въ соприкосновеніи съ прошлымъ. И воспитательная сила прошлаго въ томъ, что оно учитъ уважать то, что не мѣняется. Отсюда воспитательная сила тѣхъ странъ, у которыхъ большое прошлое.

Самое старое, что есть въ Италіи, это, конечно, Сицилія. Островъ? Почти что не островъ: изъ Реджо въ Мессину черезъ море кажется, что перешагнуть можно. Не памятниками даже такъ стара Сицилія, она стара легендами, именами. Тамъ есть источникъ, который брызнулъ изъ скалы, чтобы утолить жажду Геркулеса; городъ Трапани получилъ названье отъ серпа,

который обронилъ Хроносъ, отецъ Юпитера. Есть ли легенды на землѣ, восходящія дальше Хроноса, бога Времени?.. Никогда не чувствовалъ такого ѣдкаго прикосновенія античности, какъ въ маленькомъ городѣ Джирдженти. На кряжѣ горъ, какъ на сѣдлѣ, расположился онъ, а предъ нимъ къ темно-синему морю скаты виноградниковъ, и въ ихъ зелени золотисто-бурыя громады трехъ греческихъ храмовъ. Нѣсколько оливковыхъ деревъ дымкою своей заслоняютъ блескъ моря, по лужайкамъ пасется скотина. И вотъ, до такой степени ѣдко было прикосновеніе античности, — мнѣ казалось, что и коровы тѣ самыя, о которыхъ говорится въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Даже въ Аѳинахъ, на Акрополѣ, передъ Парѳеономъ, не ощущалъ я такую непосредственность соприкосновенія; тамъ я чувствовалъ извѣстную «музейность», здѣсь все было на своемъ мѣстѣ, не тронуто и окружено тѣмъ самымъ, чѣмъ было окружено тогда. Джирдженти гордится своими храмами, — і tempi: гостиница называется Albergo dei Tempi, мѣстное вино — Vino dei Tempi. Сиракузы тоже старо, но не то, что милое Джирдженти; въ Сиракузахъ все въ музеяхъ, все въ витринахъ. Если когда-нибудь будете въ этомъ музеѣ, въ томъ залѣ, гдѣ собраны монеты временъ Сиракузскихъ тирановъ, отыщите тѣ, на которыхъ изображена супруга Гіерона II, — удивительная въ ней прелесть.

Чего только нѣтъ въ Сициліи! И Грецiя, и Римъ, и арабы, и норманны, — и все увѣнчано одной огромной Этной.

Ils sont beaux, quand il fait beau temps,
Ces yeux presque mahométans
De la Sicile.

(Какъ хороши они, въ часы погоды ясной,
Почти магометанскіе глаза
Сициліи прекрасной.)

Подъ Этной близко у подножія, Каттаніа, родина Беллини. Немного сѣвернѣе, ближе къ Италіи, — Мессина, большой цвѣтущій городъ, въ нѣсколько секундъ разрушенный землетрясеніемъ.

Я былъ въ Римѣ въ ту зиму. Хорошо помню страшные разсказы. Въ кинематографахъ показывали картины бѣдствія. Въ то время два русскихъ военныхъ судна проходило мимо Сициліи; они сейчасъ же причалили, высадили команду, и наши матросы стали откапывать и спасать жителей. Они проявили много мужества и заслужили большое сочувствіе со стороны итальянцевъ. Залы кинематографовъ оглашались рукоплесканіями, когда на экранѣ появлялся русскій морской мундиръ. Помню, читалъ въ одной газетѣ разсказъ жены доктора. Они сидѣли за столомъ, когда раздался страшный ударъ. Что было съ мужемъ и дѣтьми, она не помнитъ, но сама провали-

лась въ черную бездну и лишилась чувствъ. Когда прищла въ себя, она лежала, какъ въ гробу; кругомъ себя нащупывала стѣны и никакого выхода. Сколько пролежала, не помнитъ. Холодъ, голодъ и слабость сломили ее, она вторично потеряла сознанье... Сквозь сонъ она услыхала стуки, все ближе, но была такъ слаба, что не могла даже глазъ раскрыть. Вдругъ — струя чистаго воздуха и къ закрытымъ глазамъ сильное прикосновеніе дневного свѣта. Что-то стало обхватывать и поднимать ее, и, прежде чѣмъ она успѣла сообразить, она услышала — «parole di conforto in una lingua sconosciuta» (Слова утѣшенія на незнакомомъ языкѣ). Это были русскіе матросы. Въ то время въ Европѣ «русскій матросъ» было синонимомъ отзывчивости и доблести. Не знаю, какъ сейчасъ...

Однажды, переѣзжая изъ Туниса въ Сицилію, заходилъ я на островъ Мальту. Большая среди моря блиндированная скала, военная твердыня; каменистая, желтая, безъ зелени. Здѣсь имѣлъ я любопытное театральное впечатлѣнье, о которомъ говорю въ другомъ мѣстѣ моихъ воспоминаній. Въ послѣднее время имя Мальты окрасилось воспоминаніями русскихъ бѣженцовъ, изъ Крыма бѣжавшихъ отъ большевицкаго нашествія. Толпа несчастныхъ безродныхъ людей, безъ прошлаго, безъ будущаго, стояла на скалѣ среди моря и провожала взорами пароходъ, на которомъ отъѣзжала Императрица Марія Ѳеодоровна. Пароходъ уходилъ и только оставлялъ струю дыма, а на гранитной твердынѣ Мальтійской скалы взволнованные, рыданьями прерываемые голоса пѣли «Боже Царя Храни»...

Помяну послѣдній островъ моего разсказа. Я былъ на Корсикѣ, въ Аяччо, родинѣ Наполеона. Маленькій ничтожный городокъ. Скалистый островъ, непривѣтливый. Самая большая его прелесть не въ реальныхъ его качествахъ, а въ томъ, чѣмъ наше воображеніе его заселяетъ, — конечно, Наполеонъ. Весь смыслъ Корсики въ Наполеонѣ. Реальную прелесть вижу въ немъ одну только. Его горы усѣяны пахучей травой, скорѣе низкорослымъ кустарникомъ, — «систъ» (cyste) называется она; очаровательный смолистый запахъ, который съ моря слышенъ, когда подходишь къ острову. Но и эта реальная подробность уже освящена именемъ Наполеона; нѣтъ описанія Корсики, которое не упоминало бы о томъ, что Наполеонъ любилъ по запаху издали узнавать свою Корсику. Странно, вѣдь тысячи людей ранѣе его вдыхали этотъ запахъ и «узнавали» Корсику издали, но все это будетъ не то и не стоитъ

упоминанія, а единственно интересное, что Наполеонъ вдыхалъ, любилъ вдыхать; только его вдыханье превращается въ легенду. Вспоминаю, что мнѣ однажды одинъ старичекъ въ уѣздномъ городѣ, на мой отвѣтъ, что я въ карты не играю, сказалъ, что я себѣ готовлю очень скучную старость. Какъ несправедливо: весь міръ знаетъ, что эти слова сказалъ Талейранъ, а я даже забылъ, какой старичекъ мнѣ это же самое сказалъ.

На Корсикѣ очень много женщинъ въ черномъ; тамъ странный обычай, — надѣваютъ новый трауръ только по истеченіи стараго траура. Есть семьи, которыя никогда изъ траура не выходятъ. Женщины носятъ странныя черныя покрывала, въ которыхъ съ одной стороны вложенъ китовый усъ; они топырятся, какъ большой козырекъ, какъ парусъ. . . Мало интереснаго въ Аяччо. Надъ городомъ большая неуклюжая вилла, принадлежащая князю Каподистріа; построена изъ камней разрушеннаго Тюльерійскаго дворца. Мало интереснаго въ Аяччо. На площади всегда стоялъ, — всѣ его знали, безъ шляпы нищій; онъ былъ сумасшедшій, онъ стоялъ, подбоченясь, и принималъ однѣ только мѣдныя монеты, съ гордостью отвергая серебряныя. Такъ мало интереснаго въ Аяччо, что даже не помню, видѣлъ ли я домъ, въ которомъ родился Наполеонъ.

Не могу думать о Наполеонѣ и не вспомнить, какое мѣсто въ его судьбѣ занимаютъ острова. Орленокъ, взлетѣвшій съ Корсики, орелъ, полъ-міра покрывшій тѣнью своихъ крыльевъ и на св. Елену опустившійся въ цѣпяхъ. И между этими двумя островами третій — Эльба. Ему не доставало, славѣ его не доставало плѣна и побѣга; его заключили на Эльбу, чтобы дать ему и эту славу. Но онъ поднялся, чтобы пасть.

Есть островъ на томъ океанѣ, —

онъ палъ на этотъ островъ. Когда думаю объ островѣ св. Елены, вижу статую скульптора Вэла (Vela) во дворцѣ Питти во Флоренціи — «Gli ultimi giorni di Napoleone» (послѣдніе дни Наполеона). Въ халатѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, сидитъ, и глубокіе глаза смотрятъ далеко. Сколько совмѣщаетъ угасающій взоръ; въ этомъ отходящемъ духѣ сколько мысли. . . И островъ, и океанъ; и жизнь и вѣчность, — откуда и куда. Вѣдь, и жизнь наша островъ въ океанѣ міровомъ.

И еще вспоминаю удивительную книгу лорда Росбери о Наполеонѣ на св. Еленѣ («The last fase»). Незабываемая книга. Какъ жутко она приближаетъ прошлое къ сегодняшнему дню; какъ умѣетъ маленькими, незначительными подробностями возстановить постройку жизни. Какая борьба противъ смерти эта книга. Прочитайте ее, — св. Елена живетъ горькимъ трепетомъ на ея страницахъ. Вѣдь, и книга, которую мы любимъ,

есть островъ въ бумажномъ морѣ того, что написано и напечатано, и въ сумеркахъ нашего незнанія, то что мы знаемъ, — свѣтовые острова...

И еще, конечно, вспоминаю обоихъ нашихъ поэтовъ, — и Пушкина и Лермонтова. Какая красота въ ихъ отношеніи къ Наполеону, какая духовная отрѣшенность отъ земныхъ разсчетовъ, какое высокое забвеніе обидъ, въ то время, когда почти еще не зажили раны двѣнадцатаго года. То была пора молодости; есть ли во всей исторіи болѣе увлекательная страница молодости, чѣмъ

Дней Александровыхъ прекрасное начало...

Молодость умѣетъ забывать; старость прощаетъ, а молодости и прощать не надо, — она забываетъ. И юная муза нашихъ вѣчно юныхъ поэтовъ забыла. Взирая на могилу Наполеона, Пушкинъ говоритъ, что на ней

Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горитъ.

Но поэзія его забыла ненависть и говоритъ лишь о безсмертіи...

Наполеона не оставили на островѣ, — его прахъ перевезли во Францію. Возстановленная, но дряхлѣющая королевская власть, за неимѣніемъ собственныхъ лавровъ, ухватилась за останки Императора. Людовикъ Филиппъ приказалъ ихъ откопать и привезти въ Парижъ. Въ теченіе восемнадцати часовъ откапывали гробъ, — не отдавалъ своего героя

Пустынный и мрачный гранитъ...

Наконецъ откопали, поставили на корабль, и пріѣхавшій за нимъ королевскій сынъ увелъ его въ море. Островъ глядѣлъ на уходящій корабль, и, какъ лай вѣрныхъ строжевыхъ псовъ, провожалъ его со скалистаго берега грохотъ орудій...

Въ Парижѣ, подъ сводами церкви Инвалидовъ, король французовъ ждалъ, окруженный своимъ дворомъ. Пушечная пальба возвѣстила, что прахъ Наполеона вошелъ въ столицу Франціи. Ждали... Распахивается дверь, входитъ гофмаршалъ съ жезломъ и возглашаетъ: «L'Empereur!» Король и весь дворъ поднимаются съ мѣстъ. Боевые сослуживцы великаго полководца вносятъ гробъ и опускаютъ въ могилу.

«Je désire que mes cendres reposent au bord de la Seine au milieu de ce peuple français que j'ai tant aimé» (Я желаю, чтобы прахъ мой покоился на берегу Сены, посреди французскаго народа, который я такъ любилъ). Его желаніе исполнено... Тамъ, на океанѣ осталась

Одна скала, гробница славы.

И всетаки это не послѣдній островъ моего разсказа. Еще объ одномъ хочу упомянуть, и упомянуть съ благодарностью. Не островъ, — островокъ, даже островочекъ. Но онъ цѣненъ для меня, какъ принимавшій мое земное изгнаніе и дававшій гостепріимное прибѣжище духу моему. Этотъ островочекъ среди океана пошлости людской и человѣческой злобы — та четвертушка бумаги, на которой четвертый мѣсяцъ пишу свои воспоминанія. . .

Да, острова всегда имѣли для меня нѣкое таинственное притяженіе.

Римъ.

Римъ въ теченіе четырехъ поколѣній осѣнялъ собой нашу семью; сейчасъ осѣняетъ и пятое.

Въ первой четверти прошлаго столѣтія поселилась въ Римѣ невѣстка моего дѣда декабриста, княгиня Зинаида Александровна Волконская, рожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская. Я ея не видалъ, она умерла до моего рожденія, но имя тетки Зинаиды одно изъ самыхъ дальнихъ дѣтскихъ воспоминаній. Чѣмъ-то удивительно ласкающимъ звучитъ это имя, и что-то улыбающееся излучается изъ него. Улыбка Зинаиды Волконской живетъ не въ одной только семьѣ; она освѣщаетъ собой первую половину русскаго девятнадцатаго столѣтія во всѣхъ проявленіяхъ художественной жизни. Музыка, живопись, литература, театръ, — все было ей близко, ко всему она прикоснулась, и если не ко всему съ одинаковой силою творчества, то во все вносила одинаковую искренность своей природы и всегда неослабно-горячее отношеніе къ людямъ. Самые высокія имена ея времени сливаютъ свои лучи съ лучами ея имени: Пушкинъ, Гоголь, Мицкевичъ, Веневитиновъ, Брюловъ, Бруни, Россини. Она умѣла принять, обласкать человѣка, поставить его въ ту обстановку, — нравственную, физическую, общественную, — которая была нужна для его работы, для его вдохновенія. Такъ она приняла и обласкала Веневитинова; бѣдный больной поэтъ, погибшій во цвѣтѣ лѣтъ и въ расцвѣтѣ таланта, тотъ о которомъ Пушкинъ писалъ друзьямъ: «какъ могли вы ему дать умереть», былъ влюбленъ безъ памяти въ Зинаиду. Въ Римѣ она согрѣла тяжелые дни больного, хмураго Гоголя. Во дворцѣ Поли, нынѣ не существующемъ, чтобы придти ему на помощь, она устроила литературный вечеръ: Гоголь читалъ «Ревизора». Билеты были по тому времени дорогіе, — 20 франковъ, сборъ былъ полный, но увы! — Гоголь оказался ужасно плохимъ чтецомъ. Послѣ перваго дѣйствія половина слушателей покинула залъ. Съ каждымъ дѣйствіемъ публика рѣдѣла, и только обворажающей убѣдительности княгини Зинаиды удалось задержать небольшой кругъ самыхъ близкихъ и сплотить ихъ вокругъ угрюмаго чтеца. Такъ кончилось

неудачное выступленіе Гоголя. Въ Римъ же повезла она Шевырева, предложивъ ему быть воспитателемъ ея сына Александра, и тѣмъ спасла его отъ болѣзни. Люди искусства любили Зинаиду, чувствовали свое родство съ той, которую Пушкинъ назвалъ «царица музъ и красоты». Не забуду разсказа княгини Маріи Аполлинаріевны Барятинской, рожденной Бутеневой, о томъ, какъ на виллѣ Волконской однажды она была свидѣтельницей встрѣчи княгини Зинаиды съ только что пріѣхавшимъ въ Римъ Брюлловымъ. Они долго не видались, и встрѣча ихъ была такимъ взрывомъ радости, такимъ сліяніемъ общихъ интересовъ, иныхъ, высшихъ и болѣе спеціальныхъ, чѣмъ у другихъ, что сразу присутствующіе почувствовали, что они отходятъ на второй планъ и что они только случайные, посторонніе зрители другой жизни. . .

О Зинаидѣ Волконской я писалъ въ другомъ мѣстѣ, въ книгѣ моей о декабристахъ; не буду повторяться. Скажу, что прелестный образъ ея заслуживаетъ и изученія и памяти. Теперь, конечно, изученіе нашего прошлаго трудно, а тѣмъ болѣе такого, остатки котораго стерты съ лица земли. Отъ княгини Зинаиды оставалось много писемъ, много альбомовъ, въ которыхъ она записывала и вклеивала. Встаютъ съ этихъ страницъ обрывки мыслей, впечатлѣній, картины житейской обстановки, — комнаты, портреты, виды городовъ, гдѣ жили или гдѣ проѣздомъ останавливались, картины усадебной жизни. Сохнутъ на этихъ страницахъ листья и цвѣты, когда-то живые, когда-то, гдѣ-то сорванные. Я видѣлъ два такихъ альбома не такъ давно въ Москвѣ; они были вывезены изъ тульскаго имѣнія княгини Зинаиды, Урусово, и положены въ какой-то изъ новыхъ музеевъ, куда сваливаются остатки культурныхъ пепелищъ. По этимъ случайнымъ обрывкамъ врядъ ли можно будетъ что-нибудь возсоздать, да и кто бы этимъ занялся. . .

Мужъ Зинаиды, Никита Григорьевичъ, былъ человѣкъ мягкій, лѣнивый. Въ обширномъ архивѣ, доставшемся мнѣ отъ покойнаго отца, который я когда-то собирался издать, только два письма его рукой. О немъ мало что знаю. Въ семьѣ его звали «l'enticHé» (влюбленный), по преданности его женѣ, которую звали «l'enchanteresse» (очаровательница). О Никитѣ Григорьевичѣ разскажу забавный случай изъ его жизни. Въ 1808 году Александръ I послалъ его съ письмомъ къ Наполеону. Императоръ французовъ принялъ его доброжелательно, отпустилъ милостиво. На лѣстницѣ нагоняетъ его Дюрокъ и передаетъ футляръ: «Это на память отъ Его Величества». Волконскій увидалъ перстень съ маленькимъ брилліантомъ. Онъ нашелъ, что подарокъ не достоинъ посланца русскаго императора и при прощаніи отдалъ его сопровождавшему его жан-

дарму: «Возьми на память отъ русскаго офицера». Жандармъ сталъ хвастать, дѣло огласилось, дошло до Наполеона. Наполеонъ поручаетъ своему послу въ Петербургѣ, Коленкуру, жаловаться на непочтительное обращеніе съ его подаркомъ. Александръ I вызвалъ Волконскаго, спросилъ, все ли онъ ему разсказалъ про свою поѣздку. Тотъ отвѣчалъ, что ничего не утаилъ, и пересказалъ, что было, что говорилось. «Ну, а послѣ еще ничего особеннаго не было?», спросилъ Государь. Тутъ вспомнилъ Никита Григорьевичъ про кольцо и понялъ, что вопросъ Государя къ этому относился и что ему, значитъ, исторія кольца извѣстна. Но въ Петербургѣ исторія показалась не такъ страшна, какъ въ Парижѣ. Государь сказалъ: «Il paraît que vous avez manqué me brouiller avec Napoleon. C'est une imprudence de votre part. Après tout vous n'avez pas eu tout-à-fait tort dans cette affaire. N'en parlons plus» (Оказывается, вы чуть было не поссорили меня съ Наполеономъ. Это было неосторожно съ вашей стороны. Въ концѣ концовъ вы не были неправы въ этой исторіи. Не будемъ больше говорить о ней). Этотъ разсказъ передалъ о своемъ отцѣ мой дядя Александръ Никитичъ Волконскій, въ «Русскомъ Архивѣ» (1874 г., кн. I).

Пріобрѣтенная Зинаидой въ Римѣ вилла, ставшая впослѣдствіи столь извѣстной «Вилла Волконская», расположена на землѣ, по преданію принадлежавшей Императрицѣ Еленѣ, матери равноапостольнаго Константина. Въ тѣ времена она стояла на самомъ краю города, и сзади осѣнялъ ее великолѣпный фасадъ базилики св. Іоанна Латеранскаго, въ то время какъ изъ далеко разстилавшейся Кампаньи тянулись къ ней и входили въ самый садъ старые своды римскихъ акведуковъ... Теперь уже не то. Огромные «доходные дома» окружаютъ виллу со всѣхъ сторонъ; фасадъ базилики виденъ только изъ второго этажа, и, вмѣсто дымчатыхъ далей римской Кампаньи и голубыхъ очертаній Албанскихъ и Сабинскихъ горъ, — обычныя картины итальянскихъ городскихъ верховъ: крыши, и между дымовыми трубами висящее бѣлье, олеандры, герань, перистые бамбуки, герань, олеандры и бѣлье... Подъ сѣнью итальянскихъ сосенъ и римскихъ развалинъ, украшавшихъ ея садъ, княгиня Зинаида собрала вещественные памятники того, что ей было дорого на родинѣ и на чужбинѣ, — на первомъ мѣстѣ бюстъ Императора Александра I, поставленный на гранитной колоннѣ изъ обломка Александровской колонны, стоящей передъ Зимнимъ дворцомъ. Все это осталось; «l'allée des souvenirs» осталась, какъ была, но все это уже не то. Ошибочно думаютъ, что мѣста, намъ когда-то близкія, сами по себѣ имѣютъ лицо; нѣтъ, лицо человѣка свѣтится и въ домѣ, и въ деревьяхъ, и съ исчезновеніемъ человѣка мѣсто мѣняетъ свое лицо. Но

Зинаиду Волконскую помнятъ, и въ то время какъ въ Москвѣ, въ своей брошюрѣ объ исторіи Музея Императора Александра III профессоръ Цвѣтаевъ ставитъ имя ея во главу угла новаго зданія, первая мысль о которомъ принадлежитъ ей, въ Римѣ одну изъ улицъ, прилегающихъ къ Виллѣ собираются наименовать Via Wolkonsky. Что въ Римѣ ее помнятъ, это естественно. Она дѣлала много добра; бѣднота римская ее боготворила. Она умерла отъ простуды, послѣ того какъ подъ воротами въ холодное зимнее утро сняла теплую юбку, чтобы отдать бѣдной женщинѣ. Послѣдніе ея годы были отданы дѣламъ вѣры и благотворительности. Она приняла католичество. Въ Римѣ не запомнятъ такого стеченія бѣдноты, какъ на ея похоронахъ. Прахъ ея покоится въ церкви св. Викентія и Анастасіи, что у фонтана Треви, въ первомъ придѣлѣ съ правой стороны; тамъ же похоронены мужъ ея, князь Никита Григорьевичъ, братъ декабриста, и ея сестра Власова...

Около этого фонтана и я имѣлъ свою квартиру послѣдніе годы передъ войной. Дивный фонтанъ, — цѣлый міръ воды и мрамора. Фасадъ дворца раздѣланъ колоннами, которыя точно выростаютъ изъ дикихъ скалъ. Посреди этихъ скалъ огромный мраморный Нептунъ выпускаетъ морскихъ коней; они дыбятся и плавчатыми своими копытами разсѣкаютъ воду, которая брызжетъ изъ-подъ нихъ. Тутъ же выскакиваютъ или кидаются въ воду мраморные тритоны. Передъ этой группой изъ воды дыбящихся лошадей, въ водѣ копошащихся тритоновъ, — большая, ниже мостовой, полукруглая лохань, гдѣ вода, уже утихшая, лежитъ спокойная, и гладь ея нарушается лишь кругами, идущими отъ мраморныхъ коней къ мраморному берегу. Сколько движенія въ недвижномъ мраморѣ, сколько струйчатаго движенія въ водѣ; въ Нептунѣ сколько приказанія, въ водѣ сколько послушанія. Есть послѣобѣденный часъ, когда рядомъ стоящій дворецъ Кастелани, окрашенный въ красный цвѣтъ, сіяетъ горячимъ отблескомъ солнечнаго свѣта; и посмотрѣли бы вы только, какъ играютъ переливами и пѣна, и брызги, и рябящаяся гладь. Въ этомъ мѣстѣ всегда стоитъ прохладный пѣнистый шумъ; но не весь шумъ, на какой способенъ фонтанъ: мѣшаетъ стукъ экипажей и общій шумъ городской. M-e de Staël говоритъ, что если бы фонтанъ Треви умолкъ, то большое молчаніе воцарилось бы въ Римѣ. Это поэтическій, образъ, но не реальный. Я скажу наоборотъ: я хотѣлъ бы, чтобы на двѣ минуты въ Римѣ воцарилось молчаніе, дабы хоть разъ услышать в е с ь шумъ фонтана Треви...

Совсѣмъ близко отъ фонтана Треви я жилъ. Однажды проводилъ лѣто въ Римѣ. Жарко римское лѣто. Посылалъ дочку швейцара къ фонтану; возвращалась съ холоднымъ фіаско клю-

чевой воды; я разбавлялъ марсалой... Иногда въ жаркій день садился на выступъ скалы и въ прохладной тѣни и прохладномъ шумѣ читалъ газету...

Въ тридцатыхъ годахъ жилъ въ Римѣ и старшій братъ моего дѣда декабриста, князь Николай Григорьевичъ, получившій послѣ смерти своего дѣда фамилію Репнина. Его жена, княгиня Варвара Алексѣевна, была рожденная графиня Разумовская, внучка гетмана. Что-то красивое, сказочное въ ихъ жизни. Блескъ и грохотъ наполеоновскихъ войнъ. Жена сопровождала мужа и подъ Аустерлицемъ подбирала раненыхъ на полѣ сраженія. Онъ былъ русскимъ представителемъ въ Касселѣ при Вестфальскомъ королѣ, братѣ Наполеона. Любопытно, что въ это время былъ французскимъ посланникомъ отецъ Виктора Гюго, и дѣти Репнины играли съ будущимъ поэтомъ. Послѣ взятія Берлина нашими войсками Николай Григорьевичъ губернаторствовалъ въ столицѣ Пруссіи. Въ 1813 году онъ вице-король Саксоніи; черезъ два года — генералъ-губернаторъ Малороссіи. Репнины жили широко; они были столь же расточительны, сколько щедры, и столь же́ щедры, сколько безпечны. Послѣ отъѣзда ихъ изъ Касселя было найдено въ комодѣ забытое княгиней жемчужное ожерелье. Размахъ ихъ барскаго житья, сказочные эпизоды его карьеры, какъ губернаторствованіе въ Берлинѣ, королевствованіе въ Дрезденѣ, дѣлаютъ изъ Репниныхъ какой-то откликъ восемнадцатаго вѣка, послѣднюю вспышку разумовской сказки... Но этотъ блескъ вначалѣ тридцатыхъ годовъ подернулся туманомъ. Былъ поданъ на Репнина доносъ о присвоеніи казенныхъ суммъ, предназначенныхъ на полтавскій институтъ. Заведеніе это было любимымъ дѣтищемъ Репниныхъ; оскорбленный клеветой, Николай Григорьевичъ подалъ въ отставку и уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Италію. Въ 1842 году вернулись Репнины въ Россію, въ свое малороссійское имѣніе Яготино. Подъ гнетомъ доноса и унизительной опеки прожилъ онъ остатокъ дней своихъ въ ожиданіи конца тяготѣвшаго надъ нимъ слѣдствія. Но онъ его не дождался, и черезъ два мѣсяца послѣ его смерти полная невинность его была доказана и официально засвидѣтельствована. Это былъ характеръ прямой, сильный, благородный.

Въ Италіи они жили въ Фраскати подъ Римомъ, въ великолѣпной виллѣ Мути, въ которой семьдесятъ лѣтъ спустя жилъ мой братъ Александръ со своей семьей. Здѣсь, на этой виллѣ произошла помолвка второй дочери Репниныхъ, Елизаветы Николаевны, съ Павломъ Ивановичемъ Кривцовымъ. Бракъ по тогдашнимъ понятіямъ въ глазахъ родителей не былъ блестящій, въ особенности для любимой дочери Лили, которую мать

называла Прекъ [сокращенное «прекрасная»]. Но согласіе было дано и свадьба была отпразднована во Флоренціи, куда семья Репниныхъ выѣхала изъ-за холеры и гдѣ проживала въ красивомъ Palazzo Torrigiani. Родившаяся отъ этого брака дочь, Ольга, вышла замужъ за двоюроднаго брата моего отца, Николая Михайловича Орлова; его мать, Екатерина Николаевна Раевская, была сестрой моей бабушки Маріи Николаевны. Ольга Павловна Орлова сейчасъ, пока пишу эти строки, живетъ въ Москвѣ у своихъ дочерей, Екатерины Николаевны Котляревской и незамужней Елизаветы Николаевны. Ольгѣ Павловнѣ 84 года; она всѣмъ сознаніемъ своимъ живетъ на поверхности сегодняшняго дня, а глубокими корнями неувядающей памяти — въ далекомъ прошломъ. Все, что на этихъ страницахъ я писалъ, я носилъ ей и читалъ. Въ маленькомъ особнякѣ въ Никольскомъ переулкѣ [№13], въ уплотненной, нагроможденной гостинной, или на полуразвалившейся, но все же тѣнистой зеленой верандѣ, въ теченіе многихъ вечеровъ читалъ я ей и членамъ ея семьи. Заношу эти минуты въ число свѣтлыхъ воспоминаній того времени и съ признательностью за привѣтъ и вниманіе, и указанія ясной безошибочной памяти... Такъ съ низкаго деревяннаго крыльца маленькаго особнячка въ Никольскомъ переулкѣ восхожу мыслями къ высокимъ каменнымъ террасамъ виллы Мути и необъятнымъ горизонтамъ римской Кампаньи...

Этой виллой Мути помѣчено много писемъ княжны Варвары Николаевны Репниной къ моей бабушкѣ Маріи Николаевнѣ въ Сибирь, въ Петровскій Заводъ. Проникали отъ времени до времени лучи итальянскаго солнца въ сибирское изгнаніе: письма изъ виллы Мути отъ княжны Варетъ, какъ ее звали; съ виллы Волконской отъ Зинаиды — ноты, цвѣточныя и огородныя сѣмена; изъ Неаполя отъ матери Маріи Николаевны, Софьи Алексѣевны Раевской, засушенныя листья, сорванные на могилѣ Вергилія. Тамъ же, въ Петровскомъ Заводѣ, однажды былъ полученъ литографированный портретъ Зинаиды, прелестный портретъ работы какого-то Росси, — кисейный чепецъ, большіе раскрытые глаза; и подъ портретомъ арка римскихъ развалинъ, и подъ аркой — римская волчица...

Въ тѣ же годы бывала въ Римѣ и сестра декабриста, княгиня Софья Григорьевна Волконская. О ней я такъ много писалъ въ своихъ «Декабристахъ», что здѣсь уже ничего не могу новаго разсказать. Повторю лишь характерный эпизодъ, рисующій суетливость и скупость ея, двѣ основныя черты этого удивительнаго въ нашей семьѣ явленія. Отъѣзжая въ Россію, она просила брата своего Николая Григорьевича сохранить до ея возвращенія въ Римъ сундукъ съ нѣкоторыми

ея вещами, которыя ей въ Россіи не понадобятся. Сундукъ этотъ Репнинъ таскалъ за собой по Италіи въ теченіе года; наконецъ онъ пришелъ въ такую ветхость, что камердинеръ однажды доложилъ, что надо сундукъ свѣтлѣйшей княгини вскрыть. Въ немъ оказались — дрова. Егозливая непосѣда, «моя проворная, летучая путешественница», какъ звалъ ее родной отецъ, она не была изъ постоянныхъ римскихъ жительницъ. Постоянство вообще не было въ ея характерѣ, за исключеніемъ привязанности къ милой, уродливой своей горбатой компаньонкѣ, итальянкѣ Аделаидѣ. Вмѣстѣ объѣхали онѣ Европу, вмѣстѣ побывали и въ Иркутскѣ...

Въ сороковыхъ годахъ поселился въ Римѣ сынъ ея, отецъ моей матери, князь Григорій Петровичъ Волконскій, какъ состоявшій въ русской миссіи при папскомъ престолѣ. Кромѣ этой должности, состоялъ онъ завѣдующимъ русской Археологической Комиссіей въ Римѣ и попечителемъ проживающихъ въ Римѣ русскихъ художниковъ. Пріѣхали со своими родителями и мать моя, тогда маленькая дѣвочка, и ея братъ Петръ, на пять лѣтъ моложе ея. Они жили въ Palazzo Salviati на Корсо. Здѣсь прожила моя мать всю свою юность; отсюда шестнадцати лѣтъ выѣхала въ первый разъ въ Россію и здѣсь восемнадцати лѣтъ была помолвлена 1859 году. Въ 1906 году, уже десять лѣтъ послѣ смерти моей матери, гуляя по Корсо, мы съ отцомъ зашли однажды въ этотъ дворецъ, и отецъ показалъ мнѣ на лѣстницѣ площадку, гдѣ они съ матерью встрѣтились въ первый разъ...

Мой дѣдъ съ материнской стороны, князь Григорій Петровичъ Волконскій, былъ любопытный типъ, яркій представитель общества того времени. Воспитывавшійся сперва въ Ришельевскомъ Лицеѣ въ Парижѣ, онъ вернулся въ Петербургъ — , какъ утонченный цвѣтъ тогдашней культуры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ, какъ рѣдко на комъ, сказалось то странное воздѣйствіе, которое оказывало въ Россіи воспитаніе. Воспитаніе всегда вырывало у насъ человѣка изъ почвы и, смотря по положенію его, отчуждало его либо отъ среды, либо отъ родины. Григорій Петровичъ, какъ многіе въ то время, былъ тѣмъ менѣе русскій, чѣмъ болѣе культуренъ. Въ своихъ запискахъ извѣстная фреилина А. О. Смирнова, другъ Пушкина и Гоголя, говоритъ про моего дѣда, что онъ «иногда оказывалъ презрѣніе ко всему тому, что называется русскою литературой». Хотя тутъ же она прибавляетъ: «Можетъ быть, онъ и правъ въ настоящій ея періодъ развитія или, вѣрнѣе, застоя». Но къ этому надо прибавить и личныя свойства характера. Онъ былъ яркій примѣръ того, что называется у насъ «богема». Съ сильной художественной складкой, исключительно одаренный въ музыкѣ, обладатель рѣдкаго голоса,

онъ не былъ созданъ ни для чего, что требуетъ корней; онъ былъ ненуженъ родинѣ, какъ остался ненуженъ своей семьѣ. Онъ разошелся съ бабушкой и жилъ вдали отъ всѣхъ, въ Одессѣ и Аккерманѣ. Обворожительный въ обхожденіи съ посторонними, онъ былъ тяжелъ въ семейномъ кругу; онъ былъ что англичане называютъ — street angel (уличный ангелъ). Отзывы современниковъ (Смирнова, Булгакова, Никитенко) проникнуты уваженіемъ къ высокимъ его качествамъ обходительности и человѣчности. Но дома онъ становился съ каждымъ годомъ тяжелѣе благодаря невыносимой педантичности своей. Впослѣдствіи, уже разставшись съ семьей, онъ издали продолжалъ распространять педантичность своихъ сужденій на оцѣнку тѣхъ или иныхъ семейныхъ осложненій, правительственныхъ мѣропріятій, событій европейской политики. Онъ писалъ на большихъ листахъ бумаги синимъ карандашемъ, четкимъ стоячимъ почеркомъ; сильно подчеркивалъ слова. Впослѣдствіи, просматривая архивы родителей, я увидѣлъ письма дѣда Григорія Петровича и ужаснулся этому нагроможденію доводовъ, примѣровъ, цитатъ, нравоученій. Но въ дѣтствѣ хорошо помню, когда съ почтой приходилъ большой толстый конвертъ, помню, какъ устало поднималась рука бабушки распечатывать его, какъ устало глаза переходили на мать, какъ будто говорили — «Опять письмо». Еще тяжелѣе, чѣмъ читать, было, конечно, отвѣчать, а отвѣчать надо было... Это былъ странный характеръ.

Странности въ нашей семьѣ идутъ отъ прадѣда моего Григорія Семеновича, отца декабриста. Дочь его, Софья Григорьевна, была матерью Григорія Петровича, о которомъ идетъ рѣчь. И объ отцѣ и о дочери я много разсказывалъ въ книгѣ «О декабристахъ». Кто познакомится съ ихъ портретами, тому наличность странностей въ потомствѣ покажется естественной. Въ отличіе отъ своей матери, дѣдъ мой былъ необыкновенно щедръ и расточителенъ. Онъ никогда не покупалъ поштучно, всегда дюжинами. Извѣстный въ Римѣ книгопродавецъ Шпитеверъ на Piazza di Spagna говорилъ мнѣ со вздохомъ: «Такихъ кліентовъ больше нѣтъ, какимъ былъ вашъ дѣдушка...»

Послѣдніе двадцать лѣтъ жизни мой дѣдъ прожилъ вдали отъ семьи. Оъ подпалъ подъ вліяніе компаньонки своей матери, нѣкоей Лидіи Александровны Ваксель. Я видѣлъ ее въ 1881 году, когда послѣ кончины бабушки въ Римѣ мы съ матерью поѣхали къ дѣду въ Ментону. Она была очень некрасива и замѣчательно умна; могла быть пріятна и блестяща въ разговорѣ. Она совершенно забрала въ руки слабаго семидесятидвухъ-лѣтняго старика и черезъ годъ послѣ смерти бабушки женила его на себѣ. Черезъ годъ онъ умеръ, и она

наслѣдовала имѣнье въ Бессарабіи и все его движимое имущество. Она проживала въ Одессѣ, и я кое-что интересное узналъ о ней довольно страннымъ окольнымъ путемъ. Верстахъ въ восьми отъ нашего бывшаго имѣнія Павловка Томбовской губерніи жилъ помѣщикъ Яковъ Ивановичъ Бунинъ. Когда-то исправникъ въ нашемъ уѣздѣ, онъ въ восьмидесятыхъ годахъ былъ уже генераломъ и вдругъ получилъ назначеніе на постъ полицмейстера въ Одессѣ. Тамъ онъ и его жена сошлись со вдовой моего дѣда. Оказывается, она терпѣть не могла членовъ своей семьи и рѣшила, что послѣ ея смерти имѣніе и вся движимость должны перейти къ Волконскимъ. Она оставила завѣщаніе въ пользу брата моей матери, князя Петра Григорьевича. Но дядя мой умеръ раньше нея; сыновья его по закону наслѣдовать не могли, и имѣніе силою вещей должно было перейти къ законнымъ наслѣдникамъ покойной. Таковыхъ было два брата ея. Одинъ былъ полковникомъ, служилъ на Кавказѣ; другой былъ горькій пьяница и служилъ маркеромъ въ какомъ-то кафе въ Вѣнѣ. Когда его разыскали на томъ чердакѣ, гдѣ онъ жилъ, онъ сперва испугался приходу офиціальныхъ лицъ, но когда ему объяснили причину этого посѣщенія, что дѣло идетъ о вводѣ его въ большое неслѣдство, онъ испыталъ такое душевное потрясеніе, что тутъ же умеръ. Единственнымъ наслѣдникомъ остался кавказскій полковникъ... Вотъ что мнѣ разсказали генералъ Бунинъ и его жена. Я въ то время занимался собираніемъ семейной старины, портретовъ и пр. Я зналъ, что у дѣда было много вещей, для постороннаго человѣка нецѣнныхъ, но для меня очень цѣнныхъ; я написалъ этому полковнику, прося уступить мнѣ, хотя бы за деньги, то, что онъ признаетъ возможнымъ. Письмо мнѣ было возвращено «за смертью адресата»...

Въ Palazzo Salviati на Корсо провела моя мать свою молодость; она жила Италіей, она Италіей дышала, и навсегда Италія осталась дыханіемъ ея жизни. Зимою 1859 года пріѣхалъ въ Римъ мой дѣдъ декабристъ Сергѣй Григорьевичъ съ бабушкой Маріей Николаевной и съ моимъ отцомъ. Только за три года передъ тѣмъ вернулся дѣдъ изъ Сибири. Наши изгнанники, вернувшіеся изъ тридцати-лѣтней ссылки, въ Римѣ попали въ родственную среду. Княгини Зинаиды уже не было въ живыхъ. На виллѣ Волконской былъ хозяиномъ сынъ-ея Александръ Никитичъ. Онъ унаслѣдовалъ привлекательныя черты характера своей матери, — искренность, теплоту душевную и необыкновенную мягкость въ отношеніяхъ къ людямъ. Покойный П. И. Бартеневъ, издатель «Русскаго Архива», называлъ его «однимъ изъ лучшихъ людей русской земли». Отъ матери же своей унаслѣдовалъ Александръ Ни-

китичъ доброе отношеніе къ своему дядѣ декабристу и его семьѣ. Такимъ образомъ двухъ родныхъ племянниковъ нашелъ въ Римѣ декабристъ Волконскій; сынъ брата Никиты, Александръ, жилъ на виллѣ Волконской, сынъ сестры Софьи, Григорій, жилъ въ Palazzo Salviati. Сынъ декабриста, князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, женился на дочери своего двоюроднаго брата Григорія Петровича, княжнѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ. Это были мои родители. Свадьба состоялась въ 1859 году въ Женевѣ, 24 мая, въ день рожденія моей бабушки съ материнской стороны, княгини Маріи Александровны Волконской.

Такъ кончается тотъ Римъ. котораго я не видѣлъ, но который знаю по разсказамъ, по блеклымъ фотографіямъ и по многочисленнымъ акварелямъ и рисункамъ, разбросаннымъ по альбомамъ нашихъ бабушекъ. То были послѣдніе годы папскаго Рима. Еще развалины римскія, не окруженныя рѣшетками, сливались съ уличной жизнью, и подъ сѣнью ихъ отдыхали въ пестрыхъ передникахъ и съ бѣлою наколкой въ черныхъ волосахъ, смуглыя крестьянки съ корзинами овощей или кувшинами воды. Фонтаны, не огороженные, поили и людей и лошадей. Еще катались въ своихъ каретахъ красные кардиналы; еще съ высокаго балкона собора св. Петра папа благословлялъ на площади колѣнопреклоненное народонаселеніе; еще шумѣлъ, кривлялся и плясалъ на пестрыхъ улицахъ разноцвѣтный карнавалъ; еще, разъ въ годъ, собирало на Корсо праздную толпу варварское зрѣлище прогоняемыхъ сквозь строй и подстрекаемыхъ каленымъ желѣзомъ лошадей. Все это ушло, но все это живетъ въ памяти даже тѣхъ, кто этого не видѣлъ, и живетъ въ альбомахъ нашихъ бабушекъ. У кого есть они? У кого еще уцѣлѣли? Вы знаете этотъ, на вечернемъ небѣ, куполъ св. Петра, и эту лукавую крестьянку, разговаривующую съ монахомъ, и этого читающаго молитвенникъ кардинала, и этого пастушка со свирѣлью, межъ развалинъ пасущаго своихъ козъ.,. Милые альбомы. На ихъ страницахъ Италія въ Россіи, и Россія въ Италіи. Тутъ и Брюлловъ и Бруни, писавшіе итальянскихъ крестьянокъ, монаховъ и пастушекъ, тутъ и итальянцы, писавшіе нашихъ бабушекъ и дѣдовъ. У кого есть такіе альбомы, берегите ихъ. У меня былъ портретъ матери, сдѣланный въ первый годъ ея замужества римскимъ живописцемъ Каневари. Прелестный карандашный портретъ; онъ сейчасъ украшаетъ канцелярію уѣзднаго Наркомпроса въ городѣ Борисоглѣбскѣ Тамбовской губерніи. . .

Я упоминалъ въ другой главѣ, что въ первый разъ я пріѣхалъ въ Италію, когда мнѣ было 12 лѣтъ. Зиму 1872/3 года мы проводили во Флоренціи. На Рождество мы поѣхали

въ Римъ, къ бабушкѣ. Она жила у сына своего, брата моей матери, князя Петра Григорьевича Волконскаго. Мой дядя былъ женатъ на княжнѣ Вѣрѣ Александровнѣ Львовой, извѣстной красавицѣ. У нихъ въ то время только что родился ихъ третій сынъ, Петръ; старшихъ звали Григорій и Александръ. Дядя мой, Петръ Григорьевичъ, былъ человѣкъ не банальный. Странности трехъ поколѣній вылились въ четвертомъ съ новой своеобразностью. Любопытно прослѣдить эволюцію семейныхъ странностей. Старикъ Григорій Семеновичъ, отецъ моего дѣда декабриста и его сестры Софьи Григорьевны, былъ добродушный чудакъ; мало образованный, съ большой склонностью къ музыкѣ, чисто русскій типъ, — балагуръ, щедрый, съ сильно развитой семейной жилкой. Дочь его, Софья Григорьевна, ничего не взяла отъ благодушія своего отца; кромѣ блестящаго юмора, и то съ сильной примѣсью ядовитости, она была полная противуположность отцу своему, но въ своеобразіи, въ живописности, съ какой это самое различіе сказывалось, было отцовское наслѣдіе. Еще отличительная черта того поколѣнія — отсутствіе самонаблюденія, въ отношеніяхъ съ людьми большая непосредственность; имъ было чуждо то психологическое копаніе въ самомъ себѣ, которое такъ развилось въ послѣдующихъ, намъ современныхъ людяхъ. Благодаря этому они запечатлѣвались въ памяти своихъ современниковъ съ большой горячностью, съ сильной яркостью. Сынъ Софьи Григорьевны, Григорій Петровичъ, отецъ моей матери и дяди Петра Григорьевича, взялъ отъ дѣда его музыкальныя склонности и ничего отъ его семейныхъ добродѣтелей. Онъ преувеличилъ до послѣднихъ крайностей кочевую струну въ характерѣ своей матери и, можно сказать, расплескалъ въ космополитической богемѣ всю русскую самородочность своего дѣда. Но онъ сберегъ его щедрость и ничего не взялъ отъ материнской скупости. Сынъ его, мой дядя Петръ Григорьевичъ, по прозванію Питеръ, явилъ сочетаніе всего, что было въ трехъ предшествующихъ поколѣніяхъ, но прибавилъ къ этому необыкновенную напряженность умственной дѣятельности въ области философіи. Въ немъ было два человѣка. Одинъ, — легковѣсный, свѣтскій, нарядный, мелочной и немножко смѣшной въ чрезмѣрной заботливости о внѣшности своей. Это былъ тотъ Питеръ, котораго знали всѣ: въ сѣромъ цилиндрѣ набекрень, въ сѣромъ пальто, перетянутомъ, какъ узкій сюртукъ, съ тонкими усами, какъ у Наполеона III, и съ общей выправкой французскаго офицера въ отставкѣ. Но былъ другой Питеръ, котораго знали немногіе, — Питеръ философъ, умственный работникъ, съ огромной начитанностью и необыкновенной памятью. Къ сожалѣнію, расшатанное здоровье и совсѣмъ не-

уравновѣшенный характерь исключали въ немъ возможность какой-либо творческой дѣятельности. Щедрость отцовскую онъ преувеличилъ до пренебреженія деньгами и въ четвертомъ поколѣніи осуществилъ возвратъ къ московско-русскому уклону въ формѣ нѣсколько слащаваго славянофильства; аксаковскую «Русь» онъ читалъ, какъ самъ выражался, «отъ доски до доски»...

Впечатлѣнія римскія въ тотъ первый пріѣздъ были не такъ сильны, какъ можно было ожидать, — слишкомъ я полюбилъ тогда Флоренцію. Но помню, что поразило меня двѣнадцатилѣтняго, какъ много римскаго я уже зналъ, по книжкамъ, по фотографіямъ, по альбомамъ, по копіямъ картинъ, висѣвшимъ у насъ въ Петербургѣ. И колизей, и форумъ, и фонтанъ Тритона, и колоннады собора св. Петра, — все это было знакомо. И перуджиніевское «Воскресенье» въ Ватиканѣ я видалъ въ спальнѣ матери, и въ станцахъ Рафаэля я узналъ «Освобожденіе Петра изъ темницы», которое висѣло въ гостиной бабушки. А когда я вошелъ въ соборъ св. Петра, — былъ послѣобѣденный часъ, — я воскликнулъ: «Ахъ, вотъ тотъ самый лучъ солнца!» Въ гостиной матери висѣла прекрасная акварель, изображавшая внутренность собора, и съ дѣтства, не бывши въ Римѣ, я зналъ лучъ солнца, который знаютъ всѣ, кто бывалъ въ соборѣ Петра въ этотъ послѣобѣденный часъ: изъ высокаго лѣваго окна, въ глубинѣ собора, онъ падаетъ, косой, надъ алтаремъ...

Внутренность собора, — какъ ни странно, не поражаетъ огромностью своей. Очевидно, есть какая-то математическая тайна въ размѣрахъ его, но мы воспринимаемъ ихъ не воображеніемъ, а разумомъ: только, когда мы узнаемъ, какъ онъ великъ, тогда мы и ощущаемъ его величину. Помню, разсказывала бабушка, одинъ генералъ приказалъ своему полку, ужъ не знаю, для какой церемоніи, отправиться въ соборъ и тамъ ждать его. Приходитъ въ назначенный часъ, — церковь пуста; прошелъ дальше, — весь полкъ оказался въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ. Въ серединѣ собора, подъ самымъ куполомъ и надъ самою могилой апостола Петра, стоитъ алтарь, надъ нимъ на четырехъ витыхъ колоннахъ сѣнь. Сѣнь эта совершенно незначительна размѣромъ въ общей картинѣ архитектурнаго пространства, а между тѣмъ витыя колонны ростомъ равны высотѣ Зимняго дворца. Въ деревнѣ, въ Павловкѣ, я отмѣрилъ отъ крыльца вверхъ по аллеѣ разстояніе равное внутренности собора св. Петра; въ аллеѣ поставилъ сбоку дороги камень и смотрѣлъ, когда кто-нибудь подъѣзжалъ, — какъ много времени нужно тройкѣ, чтобы доѣхать изъ глубины собора до входныхъ дверей, отъ того мѣста, гдѣ поддерживаемый четырь-

мя святителями церкви, подъ косымъ лучомъ, высится престолъ апостола Петра.

Разъ, много лѣтъ позднѣе, я очень сильно ощутилъ громадность собора Петра. Я былъ на двадцатипяти-лѣтнемъ юбилеѣ Льва XIII. Не знаю, сколько десятковъ тысячъ народу полнило соборъ. Помню впечатлѣніе громадности, полученное не путемъ зрѣнія, а путемъ слуха. Папу вносятъ изъ внутреннихъ покоевъ Ватикана; его встрѣчали кликами. И вотъ, я помню дальность этихъ кликовъ; я помню, какъ они увеличивались, точно улицами вливались они все ближе. Помню, какъ давно длились клики, а еще не было видать его. Помню, какъ наконецъ заколыхались вдали, надъ моремъ людскимъ, рипиды съ павлиньями перьями и какъ появился несомый на плечахъ, на престолѣ сидящій, маленькій, бѣленькій, въ митрѣ, подвязанной тесемочкой, сгорбленный, но съ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ, высоко и широко благословляющій — Левъ XIII. Клики росли и разливались подъ сводами. Я оказался среди славянъ; вокругъ меня кричали «Живіо!» Но сколько тутъ было земныхъ нарѣчій! И всѣ сливались въ одномъ. Какая другая идея на землѣ можетъ соединить столько «языковъ» въ одномъ чувствѣ?... Левъ XIII не только благословлялъ; онъ иногда улыбался и привѣтствовалъ рукой. Трудно передать прелесть этого движенія, — когда пастырь благословляющій уступалъ мѣсто человѣку, благодарящему за привѣтъ. Преемникъ его, Пій X, не любилъ, чтобы его встрѣчали кликами, — онъ переставалъ благословлять, и клики умолкали.

Второй мой пріѣздъ въ Римъ былъ осенью 1881 года, когда мы съ матерью пріѣхали къ умирающей бабушкѣ моей. Объ этомъ говорю въ первой главѣ слѣдующей части моихъ воспоминаній. Скажу о нѣкоторыхъ людяхъ, которые вокругъ умиравшей бабушки дѣлили наши тревоги и заботы.

Старый другъ семьи нашей, докторъ Панталеони, былъ маленькій, изсохшій человѣкъ, умный, ѣдкій и шутливый. Въ эти трудныя минуты онъ выказалъ много преданности и былъ сильной духовной поддержкой моей матери. У него было три сына. Старшій, Маффео, былъ впослѣдствіи выдающимся членомъ парламента; второй, Гуидо, былъ инженеромъ и уѣхалъ въ Америку; третій, Рауль, кажется, былъ адвокатомъ. Я въ тѣ дни, конечно, мало изъ дому выходилъ, но сыновьямъ доктора Панталеони я обязанъ первымъ впечатлѣніемъ стараго Рима въ лунную ночь. Чтобы развлечь меня, они однажды поздно вечеромъ потащили меня на прогулку. Мы обошли колизей и форумъ, и круглый храмъ Весты, и берегъ Тибра, и старый «мостъ четырехъ головъ». Наизмѣнныя за сотни лѣтъ очертанія высились въ рѣзкой смѣнѣ луннаго свѣта

и лунныхъ тѣней. Трепетно блестѣла поверхность Тибра, и блестко трепетали межъ хмурыхъ стѣнъ листы лавровъ. Улицы каменно молчали и только возвращали намъ каменный звонъ нашихъ шаговъ. На лонѣ темнаго неба, въ холодномъ свѣтѣ луны, жгуче мерцали знакомыя звѣзды... О, неповторимая неуловимость первыхъ впечатлѣній!..

Была при бабушкѣ въ качествѣ компаньонки нѣкая Молли, дочь управляющаго Лильенкампфа. Она была милый человѣкъ, прямой характеръ, съ яснымъ сужденіемъ и безошибочнымъ благородствомъ оцѣнки. Она была слаба грудью и всю краткую свою жизнь была страдалицей. Имя Молли звучитъ далекимъ привѣтомъ изъ глубины безвозвратно минувшаго. Мой братъ Григорій, большой въ дѣтствѣ шутникъ, всѣмъ дававшій прозвища, прозвалъ ее почему-то «Пейпусъ». Изводилъ онъ ее до невозможности; она, красная отъ смѣха и кашля, задыхаясь отъ одышки и восторга, только повторяла: «gräßlicher Junge!» (Ужаснѣйшій мальчишка). Молли не долго прожила; я получилъ извѣстіе о ея смерти, когда былъ на Мадерѣ...

Дѣлила съ нами тяготы тѣхъ дней двоюродная сестра моей матери, княгиня Боргезе, по прозванію Lélé. Мать ея, графиня Аппони, была сестра моей бабушки, о ней говорю въ слѣдующей главѣ. Lélé была одно изъ самыхъ прелестныхъ цвѣтеній человѣческой природы. Болѣе, нежели красивая, — она была прекрасная; ея голова Минервы, чудный профиль, крѣпкій ротъ, сіющіе глаза, — все становилось подробностью, когда она говорила; искренность, свѣжесть, непосредственность ея оживленія заполняли все ея существо. Это было сіяніе души, насквозь пронизывавшее внѣшнюю оболочку. Судьба подвергла ее жестокимъ испытаніямъ. Семья Боргезе — владѣльцы знаменитаго дворца съ знаменитой картинной галлерей, владѣльцы знаменитой Виллы Боргезе, куда весь Римъ ѣздитъ гулять. Изъ ихъ семьи былъ папа Павелъ V; онъ воздвигъ фасадъ собора св. Петра, и надъ портикомъ начертано имя ихъ семьи. И вотъ, съ высоты богатства и благополучія, вслѣдствіе какихъ-то неудачныхъ денежныхъ оборотовъ ея мужа, князя Павла Боргезе, Lélé очутилась почти въ нищетѣ. Дворецъ пошелъ за долги. Они перѣхали въ Пизу, здѣсь ея мать, сестра моей бабушки, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на свои небольшія средства содержала многочисленную семью. Lélé съ мужествомъ переносила трудности положенія, рисовала вѣера и продавала... Впослѣдствіи страшій ея сынъ, Сципіонъ, женился на очень богатой дочери герцога Феррари и выкупилъ дворецъ. Война была для моей тети Lélé новымъ душевнымъ испытаніемъ: дочь русской матери и отца венгерца, мать сыновей-итальяцевъ, она имѣла одну дочь за французомъ, другую за венгерцемъ. Она умерла во второй годъ войны...

Вотъ образы, которые проходятъ предо мной, когда вспоминаю двѣнадцатидневное пребываніе въ Римѣ у постели больной бабушки въ ноябрѣ 1881 года.

Послѣ того я въ Римѣ часто бывалъ, а послѣдніе десять лѣтъ передъ войной и совсѣмъ тамъ жилъ. Отецъ уже не выносилъ петербургскаго климата и поселился въ Римѣ. Я жилъ сперва съ нимъ и сестрой, потомъ на отдѣльной квартирѣ, которая осталась за мной и посейчасъ. Много въ Римѣ измѣнилось, и измѣнился самъ Римъ. Много старыхъ улицъ не существуетъ, много старыхъ дворцовъ снесено, проложены новыя, широкія, на Италію непохожія улицы; мутно-желтый Тибръ скованъ новой мраморной набережной, развалины обчищены, обнесены рѣшетками, точно перенумерованы; трамваи гудятъ по узенькимъ улицамъ стараго Рима, а новый Римъ, безцвѣтный, расползается пыльными своими бульварами и однообразными домами съ зелеными ставнями... Измѣнился, мѣняется и будетъ мѣняться Римъ, и все-таки всегда останется — Римъ. Какъ среди переживаемыхъ потрясеній не мѣняются времена года, страны свѣта, такъ среди перемѣнъ, испытываемыхъ городомъ, останутся неизмѣнны и колизей и форумъ, и пантеонъ, и куполъ св. Петра, и желтый Тибръ и надъ нимъ круглый замокъ св. Ангела, и всѣ церкви, колокольни, многочисленныя ворота, изъ кипучаго города ведущія въ молчаливую, пустынную Кампанью; останется суровый, гладкій фасадъ Капитолія, круто свисающій надъ форумомъ, останется таинственная изрытость развалинъ, блескъ и плескъ, и шумъ и брызги играющихъ фонтановъ. Останутся на нижнихъ ступеняхъ высокой лѣстницы Trinità dei Monti пахучія корзины цвѣтовъ. А вечеромъ, съ верхнихъ ступеней, останется всегда — развертывающійся надъ городомъ пожаръ закатнаго неба и направо, на золотѣ его проступающій рядъ зонтообразныхъ сосенъ. Останутся на горизонтѣ тонкія очертанія Монтэ Маріо и закатной пылью опыленный единственный въ мірѣ куполъ. И всегда останется этотъ римскій воздухъ, въ которомъ и степь, и море, и горы, и, наконецъ, невѣроятность того римскаго сліянія, въ которомъ сочеталось все это наслѣдіе вѣковъ.

Скажу о нѣкоторыхъ лицахъ, память о которыхъ неразрывна съ моимъ римскимъ пребываніемъ.

Князь Викторъ Викторовичъ Барятинскій былъ мой пріятель съ шестнадцатилѣтняго возраста. Наши матери были подруги дѣтства. Княгиня Марія Аполлинаріевна Барятинская, рожденная Бутенева, провела дѣтство и юность въ Римѣ, какъ и моя мать; какъ и мать моя, говорила по итальянски, какъ и мать моя, знала итальянское искусство въ совершенствѣ.

«Княгиня Кокона» (такъ звали ее, потому что она родилась въ Константинополѣ, и кормилица ея, гречанка, такъ ее звала) была женщина выдающихся качествъ ума и сердца. Она была рѣдко образована, отличная музыкантша, прекрасно рисовала. Кто зналъ ее, не забудетъ ея обходительности, отзывчивости. удивительнаго зеленаго блеска ея глазъ и серебрянаго блеска волосъ, которые начали серебриться съ шестнадцатилѣтняго возраста. Княгиня Барятинская умерла въ 1906 году въ Уши, около Лозанны, у своей золовки княгини Леониллы Ивановны Витгенштейнъ; я ѣздилъ изъ Рима на ея похороны въ Женеву.

Не могу не сказать два слова по поводу упомянутой княгини Витгенштейнъ, рожденной Барятинской. Это былъ удивительный экземпляръ человѣческой расы. Кажется, ей было подъ девяносто лѣтъ, когда она въ первый разъ обратилась къ зубному врачу. Бодрая, красивая, умная, она была духомъ моложе всѣхъ молодыхъ, окружавшихъ ее старость. Когда ей минуло сто лѣтъ, — это было въ первый годъ войны, — она получила телеграммы — отъ папы, отъ Императора Николая II, отъ Вильгельма, — вся Европа, враждующая, союзная, нейтральная, сошлась на ея столѣ.

Мой товарищъ дѣтства, Викторъ Барятинскій, былъ человѣкъ рѣдкихъ дарованій и рѣдкой, удручающей непроизводительности. Его характеръ былъ положительно врагомъ его талантовъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ музыкально-одаренныхъ людей, какихъ мнѣ пришлось встрѣтить. Музыка, какъ лава, исходила изъ него, когда онъ садился за фортепіано и былъ въ духѣ, что бывало не всегда. А то бывало и такъ, — поиграетъ, поиграетъ, вдругъ вскочитъ, ладонью загаситъ свѣчу, и кончено. У него было совсѣмъ своеобразное туше, обусловленное, кромѣ его музыкальной природы, еще и особеннымъ строеніемъ руки: пальцы его были крѣпки, сильны, но концы пальцевъ — толстые, мягкіе, какъ снабженные подушечками. Круглота его звука была совсѣмъ исключительная. Но музыка находила на него волнами. Иногда онъ работалъ по четыре, пять часовъ въ день, запоемъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, а иногда наступали мѣсяцы музыкальной пустыни. Онъ игралъ нѣкоторыя фуги Баха, тріо Чайковскаго, сонаты Бетховена, какъ первоклассный піанистъ. Не одна музыка дѣйствовала въ немъ волнами; весь его характеръ былъ такой. Привѣтливый, обходительный въ формахъ обращенія, онъ бывалъ угрюмъ, нелюдимъ, непріятенъ.

Хмурые дни этого непостоянства смягчались и освѣщались солнечнымъ лучемъ, — это его жена, княгиня Софья Николаевна, рожденная Каханова. Всегда сіяющая, всегда привѣтливая, всегда всѣмъ интересующаяся, — ея барометръ показывалъ всегда beau fixe. И не всегда бывало это ей легко. Она

была, не смотря на цвѣтущій видъ, слабаго здоровья, иногда мѣсяцами лежала на кушеткѣ. Но, кажется, никто изъ посѣщавшихъ ее, кромѣ доктора, не замѣчалъ, что она больна. Она разливала жизнь вокругъ себя. Она имѣла настоящій даръ смѣха, не только для себя, но и для другихъ; вокругъ нея царилъ смѣхъ, и хорошій, здоровый, благородный смѣхъ. Какъ жалко бывало видѣть ее больной. Какъ несправедлива природа, когда уменьшаетъ жизненность тѣхъ, кто самъ такъ много жизни даетъ другимъ. Въ далькрозовскомъ моемъ увлеченіи, знаю, что не разъ она разбивала глупые предразсудки и пошлое недоброжелательство людей непонимающихъ. А Викторъ Барятинскій разъ нарочно поѣхалъ въ Парижъ, чтобы видѣть демонстрацію Далькроза. Помню впечатлѣнье. Суровый, насмѣшливый Викторъ говорилъ, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда видѣлъ, какъ дѣти дирижируютъ хоромъ.

Они жили въ Palazzo Chiggi на углу Корсо и Piazza Colonna. Князь Киджи былъ имъ родственникъ, какъ женатый на дочери той княгини Витгенштейнъ, о которой упоминалъ. Милый человѣкъ сынъ князя Киджи Франческо; онъ былъ спеціалистъ по орнитологіи и состоялъ въ перепискѣ съ нашимъ профессоромъ Кайгородовымъ. Квартира Барятинскихъ была одна изъ красивѣйшихъ въ Римѣ. Высокая гостиная со сводами,

Въ высокой галереѣ
Портретовъ длинный рядъ.

Какъ хорошо у нихъ звучала музыка. Въ годъ, когда была художественная выставка въ Римѣ, Викторъ Барятинскій пригласилъ къ себѣ московскихъ синодальныхъ пѣвчихъ, пѣвшихъ тогда въ большихъ концертахъ римской филармоніи. Они имѣли тогда огромный успѣхъ; я не помню ни въ одномъ другомъ концертѣ, чтобы отъ конца одного номера до начала другого не смолкали рукоплесканія. У Барятинскихъ въ большой галереѣ это было еще красивѣе, и конечно, пріятнѣе, чѣмъ въ концертномъ залѣ. Къ нимъ же привелъ я, чтобы порадовать больную княгиню, нашъ квартетъ Чупрынникова, Сафонова и Кедровыхъ, которыхъ я въ тотъ годъ выписалъ, пригласивъ пѣть у меня въ квартирѣ. Лишенная радостей, много лѣтъ не бывшая въ Россіи, какъ она наслаждалась... Но и больная, она помогала другимъ. Во время войны она въ Швейцаріи занималась русскими плѣнными и бѣженцами; и не разъ въ деревнѣ я получалъ отъ нея порученія сообщить родственникамъ такого-то, тамъ-то, что онъ живъ и находится тамъ-то.

Въ послѣдній разъ видѣлъ ихъ, кажется, упоминалъ объ этомъ, въ Швейцаріи, надъ Гліономъ, за нѣсколько недѣль

до войны, въ той самой гостиницѣ, гдѣ видѣлъ Бельгійскую Королеву. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ: ему пришлось отрѣзать ногу; онъ послѣ операціи недолго прожилъ...

Не могу не упомянуть мою тетку, сестру моего отца, Елену Сергѣевну Рахманову. О ней, молодой, очаровательной, говорю подробно въ моихъ «Декабристахъ». Родившаяся въ Сибири, по первому браку Молчанова, по второму Кочубей. Она много живала въ Италіи, больше въ Неаполѣ и Флоренціи. Послѣдніе же лѣтъ пять передъ войной она пріѣзжала въ Римъ. Уже пятнадцать лѣтъ она была въ параличѣ, безъ ногъ, безъ руки, безъ глаза. Ее катали въ креслѣ. И несмотря на то, что такъ искалѣчила ее судьба, она сохранила и бодрость духа, и прелесть обхожденія, ту прелесть, которая, дѣлала ее кумиромъ всѣхъ знавшихъ ее, отъ Иркутска до Неаполя. Она пріѣзжала съ цѣлымъ штатомъ изъ своей полтавской деревни; привозила съ собой двухъ хохлушекъ, Гапу и Мотрю, которыя въ душегрѣйкахъ своихъ и пестрыхъ платочкахъ прогуливались по улицамъ римскимъ, нимало не смущаясь необыкновенностью своего облика. При тетѣ моей состояла младшая дочь ея, Елена Александровна Рахманова. Какъ Антигона на своемъ посту, стояла она за ея кресломъ, оберегала, направляла жизнь своей матери.

Елена Сергѣевна останавливалась въ томъ самомъ «пансіонѣ Альбини», о которомъ упоминалъ въ одной изъ предъидущихъ главъ. Пансіонъ этотъ помѣщался въ томъ домѣ, гдѣ православная русская церковь, — на Piazza Cavour, palazzo Menotti. Это было своего рода русское подворье въ Римѣ; тамъ соблюдались праздники, обряды и обычаи. Елена Сергѣевна представляла странное сочетаніе широкой души, горячаго сердца и очень узкаго кругозора. Дочь декабриста, она была почти черносотенныхъ убѣжденій, Но убѣжденія эти были теоріей, а практика диктовалась безграничной широтой ея всеобъемлющей души. Горе людское и людская радость стекались къ ней, находили въ ней горячій откликъ безъ всякаго вмѣшательства расхолаживающихъ убѣжденій. Елена Сергѣевна заслуживаетъ подробнаго описанія, но ея образъ, своеобразный, самобытный, не укладывается въ римскія рамки, гдѣ она бывала наѣздами. Настоящая ея обстановка ея малороссійская деревня, та самая Вейсбаховка Полтавской губерніи, гдѣ она скончалась 23 декабря 1916 года. Когда-нибудь въ другой разъ разскажу о ней еще.

У Елены Сергѣевны, у «тети Нели», какъ ее звали, собирались всѣ родственники, жившіе въ Римѣ или пріѣзжавшіе. На виллѣ Волконской уже не было сына Зинаиды, Алевсандра Никитича. Онъ умеръ въ 1878 году. Дѣтей у него не было; онъ усыновилъ дочь своего пріятеля генерала

Ильина. Надя Волконская вышла замужъ за маркиза Владиміра Кампанари; ей принадлежитъ вилла Волконская. Съ перемѣной хозяина вилла Волконская не утратила своего имени. Всѣ, близкіе и дальніе, стекались къ креслу Елены Сергѣевны, съ котораго она, въ бѣломъ праздничномъ платьѣ, въ бѣломъ, ей одной свойственномъ кокошникѣ, принимала поздравленія и расточала ласку своего привѣта въ темныхъ, еще блестящихъ глазахъ и лѣвою, единственною своею рукой, рѣдко прекрасною рукой...

Въ декабрѣ 1909 года, подъ Рождество, умеръ мой отецъ, въ домѣ, который на площади Trinita dei Monti въ самомъ углу. Около этого мѣста мы часто жили. Тутъ охотно селились и другіе русскіе; это былъ русскій уголокъ въ Римѣ; мой братъ Саша прозвалъ это «Калуга». И сейчасъ они тамъ живутъ. Жена моего брата держитъ пансіонъ, и всѣ родственники у нея столуются, — уголокъ русскихъ бѣженцевъ. Братъ мой застрялъ въ Римѣ въ качествѣ бывшаго военнаго агента. Жена его оставалась въ Москвѣ, пережила октябрьскіе дни и съ дѣтьми переѣхала на Кавказъ. Тамъ перетерпѣли и холодъ, и голодъ, и раззореніе, и нашествіе «единоплеменниковъ», и бѣгство; и въ горахъ скрывались и по Сочи босикомъ ходили, — когда вдругъ разыскалъ ихъ капитанъ англійскаго парохода, передалъ каждому отъ имени брата именной пакетъ, въ которомъ было бѣлье, мыло, щетки и пр. Забралъ ихъ англійскій капитанъ, перестрадавшихся, изнуренныхъ маляріей и доставилъ въ Италію...

Такъ проходитъ Римъ черезъ нашу семью.

Умерли въ Римѣ и въ Римѣ похоронены:

Княгиня Зинаида Александровна Волконская, — въ церквѣ св. Викентія и Анастасіи у фонтана Треви, въ 1852 году. Тамъ же похороненъ мужъ ея, братъ моего дѣда декабриста, князь Никита Григорьевичъ Волконскій, умершій въ Ассизи въ 1845 году.

Сынъ ихъ, двоюродный братъ моего отца, князь Александръ Никитичъ Волконскій, — въ 1878 году; похороненъ на кладбищѣ Кампо Верано.

Мать моей бабушки, княгини Маріи Николаевны, жены декабриста, Софья Алексѣевна Раевская, — 1844 году; похоронена на кладбищѣ Тэстачо,

Дочь ея, сестра моей бабушки, Елена Николаевна Раевская, умерла подъ Римомъ въ Фраскати въ 1852 году, похоронена тамъ же въ соборной церкви.

Умерли въ Римѣ и похоронены въ Фаллѣ:

Моя бабушка съ материнской стороны, княгиня Марія Александровна Волконская, рожденная графиня Бенкендорфъ, въ 1909 году.

Мой отецъ, князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, — въ 1909 году.

Родились въ Римѣ:

Мои двоюродные братья, князья Александръ и Петръ Петровичи, — въ 1870 и 1872 г.

Римъ осѣнялъ четыре поколѣнія нашей семьи, осѣняетъ теперь пятое.

Окидывая взоромъ эти поколѣнія одной семьи, невольно поражаешься, какъ много они путешествовали. Духъ странствія, какъ рокъ какой-то, иногда въ видѣ явной необходимости, иногда въ видѣ внутренняго влеченья, управляетъ жизнью ихъ. Мой дѣдъ декабристъ, середину жизни проведшій въ Сибири, въ послѣдніе годы изъѣздилъ ту самую Европу, которую въ юности исходилъ отъ одного поля сраженія къ другому. Его сестра, Софія Григорьевна, побывала отъ Лондона до Оренбурга и отъ Кяхты до Неаполя. Мой отецъ не былъ въ такой степени зараженъ «охотой къ перемѣнѣ мѣстъ», но и онъ, родившійся въ Сибири, въ молодости побывавшій на Камчаткѣ, кончилъ дни свои въ Римѣ. А сама жизнь его, развѣ не странствіе? Какое странствіе его послужной списокъ. Сынъ каторжника, записанный при рожденіи въ заводскіе крестьяне, онъ кончаетъ обергофмейстеромъ, членомъ Государственнаго Совѣта. Мой братъ Григорій, двадцать лѣтъ боровшійся съ чахоткой, былъ на Мадерѣ, на Тенерифѣ, на мысѣ Доброй Надежды, въ Оранжевой республикѣ. А мой братъ Александръ, съ экстренными посольствами когда-то побывавшій въ Тегеранѣ и въ Пекинѣ, а сейчасъ изъ Рима протягивающій руку помощи женѣ и дѣтямъ на Кавказъ. Положимъ, кто теперь въ Россіи, кто не мечтаетъ о странствіи; но думаю, что я такъ сравнительно легко переношу гнетъ того, что на меня обрушилось, благодаря природной склонности къ перемѣнамъ, — результатъ того кочевья, что жило въ предыдущихъ поколѣніяхъ.

Не странно ли, что при такомъ сильномъ разнообразіи типовъ семейное сходство сказалось именно въ этой чертѣ, въ склонности къ путешествію, къ уединенію, къ обособленію. Вѣдь, странствіе есть одна изъ формъ самоутвержденія, это есть въ извѣстной степени протестъ личности противъ рода. И не странно ли, что именно общностью э т о г о пристрастья отмѣчается родовая принадлежность.

И какъ странно это тяготѣніе къ Риму. Впрочемъ извѣстно, что «всѣ пути ведутъ въ Римъ». Это не странно, какъ не странно и то, что послѣдняя глава моихъ «Странствій» озаглавлена «Римъ».

На этомъ кончаю вторую часть своихъ воспоминаній. Кончаю вторую часть, но странствія развѣ прекращаются? И въ «Родинѣ» будутъ странствія, какъ будутъ и лавры. Да и вся наша жизнь развѣ не странствіе? Не одно пространство мы странствіемъ покрываемъ; и прохожденіе наше отъ рожденія къ смерти то же странствіе, лишь во времени. «Время и пространство и все заключимое въ нихъ, сказалъ одинъ китайскій мудрецъ, вотъ все что именуется природой». И мы не можемъ высвободиться изъ времени и пространства, пока живемъ на этой землѣ. Пусть спорятъ философы о томъ, существуютъ ли они реально или только въ качествѣ «категорій нашего мышленія», — что толку? Все всегда должно отвѣтить на два вопроса: когда? гдѣ? И все остальное, что только можетъ насъ интересовать на землѣ, что отвѣчаетъ на другіе вопросы, — кто, что, какъ, почему? — все это заключается въ пространствѣ и времени и должно отвѣтить на вопросы: когда? гдѣ? И вотъ почему, хотя и кончили мы наши «странствія», однако продолжаемъ путешествовать. Куда же направимся? Въ какое гдѣ? Въ какое когда?

Въ какое гдѣ? На родину.
Въ какое когда? Въ дѣтство.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ЛАВРЫ.

Стр.

Предисловіе 7

1. Росси. Сальвини. Любительскіе спектакли въ Петербургѣ. Памяти Алексѣя Стаховича. Андріе. Нѣсколько впечатлѣній Comédie Francaise 9
2. Петербургская газетная критика. Театральный муравейникъ. Савина. Давыдовъ. Варламовъ. Комиссаржевская. Вопросы техники 26
3. Памяти Модеста Чайковскаго. Памяти Николая Николаевича Врангеля 39
4. Нѣмецкій театръ. Бассерманъ, Мойсси, Рейнгардтъ. Майнингенцы. Вѣнскій Burgtheater. Вольтеръ, Зоннеталь, Маленькая Hohenfels. Опять вопросы техники 53
5. Итальянскій театръ. Итальянскій зритель. Сицилійская труппа Грассо. Новэлли (Эрвингъ) . . . 68
6. Дузэ. Сара Бернаръ. Режанъ. Парижскій смѣхъ . 77
7. Музыка въ дѣтствѣ и въ юности. Экснеръ. Юлія Ѳедоровна Абаза. Антонъ Рубинштейнъ. Александра Валеріановна Панаева. Алиса Барби. Фелія Литвинъ. Г-жа Решке. «Тысяча вторая ночь» . . 97
8. Оперныя впечатлѣнія 118
9. Жакъ Далькрозъ. Дорны. Вольфъ Дорнъ 131
10. Хеллерау 142

II. СТРАНСТВІЯ.

Предисловіе 157

1. Италія. Альпы, Итальянскій городъ. Флоренція. Итальянская вилла. Карло Плачи 160
2. Отъ Испаніи до Флоренціи. Портреты ушедшихъ людей 172
3. Памяти Герцогини Тэкъ. Коронованныя встрѣчи . 190
4. Старый медальонъ 207
5. Америка 248
6. Конгрессъ Религій въ Чикаго 274
7. Острова 298
8. Римъ 329

Книгозбірня
„СТУДІОНУ“
у Львові

10 руб 53 коп
(1986)

950

Главный складъ:
книжный магазинъ
ГРАДЪ-КИТЕЖЪ
BERLIN, W. 35
Lützowstraße 80

PA 950